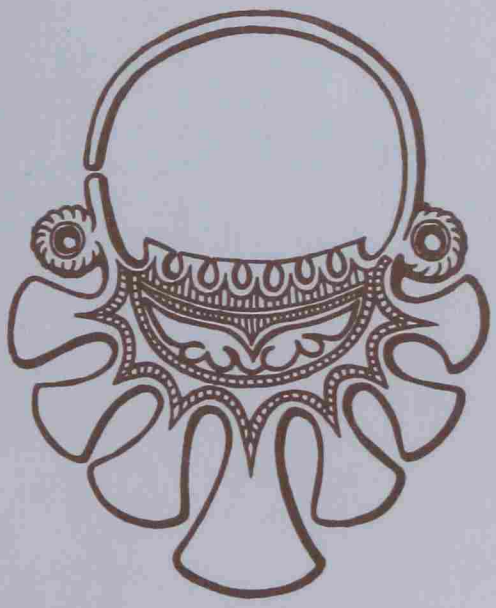
ISSN 0869-6063

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1998 4

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
МОСКВА

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1998 4

Журнал основан в январе 1957 г.

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Арутюнов С.А. К юбилею Татьяны Ивановны Алексеевой 5
Деревянко А.П., Маркин С.В. Палеолит северо-запада Алтае-Саян 17
Яблонский Л.Т. Модель раннего этногенеза в скифо-сакской контактной зоне 35
Полин С.В. О хронологии раннескифской культуры (по И.Н. Медведской) 50
Кореняко В.А. К проблеме происхождения скифо-сибирского звериного стиля 64
Канторович А.Р. Изображения на скифских навершиях из кургана Слоновская Близница (стилистика и семантика) 78
Легранд С. Загадочный золотой предмет из кургана Передериева Могила 89
Винокуров Н.И., Никонов А.А. О следах землетрясений античного времени на западе Европейского Боспора 98

Публикации

Гуляев В.И., Саченко Е.И. Новый могильник скифского времени на Среднем Дону (итоги исследований 1996–1997 гг.) 115
Храпунов И.Н., Масякин В.В. Могила с двумя подбоями III в. н.э. из некрополя Дружное в Крыму 133
Сергацков И.В. Сарматское погребение с римским импортом в низовьях Иловли 150
Трейстер М.Ю., Дмитриев А.В., Малышев А.А. Бронзовая статуэтка эллинистического правителя из раскопок поселения Мысхако под Новороссийском 160
Артемьева Н.Г. Культовые сооружения бохайского времени на территории Приморья 174
Варенов А.Б. Карельские древности в Новгороде 192

История науки

Плетнева С.А. Михаил Илларионович Артамонов (к 100-летию со дня рождения) 202

© Российская академия наук
Институт археологии, 1998 г.

Критика и библиография

Смирнов К.А. *Макаров Н.А.* Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М., 1997 214
Молчанов А.А. *Беляев Л.А.* Русское средневековое надгробие: белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М., 1996 218
Жилина Н.В. *Алексеев Л.В., Макарова Т.И., Кузьмин Н.П.* Крест – хранитель всея вселенныя. Минск, 1996 221
Молодин В.И. *Членова Н.Л.* Центральная Азия и скифы. 1. Датировка кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира. М., 1997 223
Колосов Ю.Г. Об исследователях палеолитической стоянки Староселье в Крыму (ответ А.А. Формозову) 226

Хроника

Седов В.В. XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии (Петрозаводск, 1997) 231
Джорбенадзе В.А. Международная научная сессия "Археология Кавказа: новейшие открытия и перспективы" (Тбилиси, 1997) 233
Кулаков В.И. Коллоквиум "Протогородские центры Руси между Скандинавией, Византией и Востоком (VIII–X вв.)" (Париж, 1997) 239
Памяти Марии Васильевны Фехнер (1909–1996) 242
Столяр А.Д., Формозов А.А. Памяти Аскольда Александровича Щепинского (1926–1997) 245
Шлеев В.В. Памяти Ивана Гавриловича Шовкопляса (1921–1997) 247
Ставиский Б.Я. Памяти Лазаря Израилевича Альбаума (1921–1997) 249

Указатель статей, опубликованных в журнале "Российская археология", за 1998 год 253

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
MOSCOW

ROSSIYSKAYA ARKHEOLOGIYA

1998 4

Founded in 1957
Published quarterly

Editor-in-Chief
V.I. Gulyaev

CONTENTS

Arutyunov S.A. To the Anniversary of Tatyana Ivanovna Alekseeva 5
Derevyanko A.P., Markin S.V. The Paleolithic Age of the North-West of the Altai-Sayany Mountains 17
Yablonsky L.T. A Model of the Early Ethnogenesis in the Scythian-Saka Contact Zone 35
Polin S.V. On Chronology of the Early Scythian Culture (based on the system of I.N. Medvedskaya) 50
Korenyako V.A. The Issue of the Scythian-Siberian Animal Style Origin 64
Kantorovich A.R. Images Depicted on the Scythian Rattles from the Kurgan Slonovskaya Bliznitsa (Stylistics and Semantics) 78
Legrand S. A Mysterious Gold Object from the Kurgan Perederieva Mogila 89
Vinokurov N.I., Nikonov A.A. Traces of Ancient Time Earthquakes in the West of the European Bosporus 98

Publications

Gulyaev V.I., Savchenko E.I. Results of Studying a Scythian Age Burial Ground near the village Ternovoye-Kolbino in the Middle Don 115
Khrapunov I.N., Masyakin V.V. A Tomb with Two Cut Niches Dating to the Third Century BC from the Necropolis Druzhnoye 133
Sergatskov I.V. A Sarmatian Burial with Imported Goods of Roman Origin Found in the Lower Ilovlia 150
Treyster M.Y., Dmitriev A.V., Malyshev A.A. A Bronze Statuette of the Hellenic Ruler from Excavations of the Settlement Myskhako near Novorossiysk 160
Artemyeva N.G. Cult Constructions of the Bohai Age on the Primorye Territory 174
Varenov A.B. Karelia Artefacts in Novgorod 192

History of Science

Pletneva S.A. Mikhail Illarionovich Artamonov (100 anniversary) 202

Critique and Bibliography

Smironov K.A. *Makarov N.A.* Colonization of Northern Provinces of Old Russia in the 11th – 13th centuries. Based on the materials of archaeological sites located on land strips between the Beloye Lake and the Onega lake. M., 1997 214
Molchanov A.A. *Belyaev L.A.* A Russian Medieval Gravestone: White Gravestones of Moscow and North-Eastern Russia of the 13th – 18th Centuries. M., 1996 218
Zhilina N.V. *Alekseev L.V., Makarova T.I., Kuzmich N.P.* A Cross as a Guardian of the Whole Universe. Minsk, 1996 221
Molodin V.I. *Chlenova N.L.* Central Asia and Scythians. Dating of the Kurgan Arzhan and its Place in the System of the Scyhtian World Cultures. M., 1997 223
Kolosov Y.G. About researchers of a Paleolithic Site Staroselye in the Crimea (A reply to A.A. Formozov) 226

Chroncle

Sedov V.V. XIII Conference for Studies of History, Economy, Literature and the Language of the Scandinavian Countries and Finland (Petrozavodsk, 1997) 231
Dzhorbenandze V.A. International Scientific Session "Archaeology of the Caucasus: Recent Discoveries and Prospects" (Tbilisi, 1997) 233
Kulakov V.I. Colloquium: "Proto-city Centers of Russia between Scandinavia, Byzantium and the East (8th–10th centuries)" (Paris, 1997) 239
To the Memory of Maria Vasilyevna Fekhner (1909–1996) 242
Stolyar A.D., Formozov A.A. To the Memory of Askold Aleksandrovich Shchepinsky (1926–1997) 245
Shleev V.V. To the memory of Ivan Gavrilovich Shovkoplas (1921–1997) 247
Stavinsky B.Y. To the memory of Lazar Izrailevich Albaum (1921–1997) 249

List of Papers Published in the Journal "Rossiyskaya Arkheologia" over 1997 253

К ЮБИЛЕЮ ТАТЬЯНЫ ИВАНОВНЫ АЛЕКСЕЕВОЙ

В этом году научная общественность нашей страны отмечает 70-летие со дня рождения и 45-летие научной деятельности одного из наиболее выдающихся российских антропологов, чл.-кор. РАН, профессора Татьяны Ивановны Алексеевой.

Татьяна Ивановна Алексеева родилась 7 декабря 1928 г. в Казани в семье научных работников. Отец ее, Иван Георгиевич Шарабрин, доктор ветеринарных наук и заслуженный деятель науки, был одним из крупнейших деятелей отечественной ветеринарии. Мать Татьяны Ивановны, Варвара Константиновна, будучи по образованию медиком, работала вначале фармакологом, а затем микробиологом.

Татьяна Ивановна с самого детства росла в атмосфере, пропитанной любовью к знаниям, научными интересами, профессиональной сопричастности к широкому кругу биологических проблем, разделяемой ее родителями. Эта атмосфера предопределила ее собственный выбор пути в своем образовании и во всей дальнейшей творческой деятельности, органически сочетающей биологические интересы с историческими.

В 1951 г. Т.И. Алексеева окончила Биологический факультет Московского государственного университета по кафедре антропологии. Ее курсовая работа на III курсе "Антропологическая характеристика раннесредневековой серии с территории Чувашии" и дипломная работа "Антропологический состав чувашей" были написаны под руководством кандидата биологических наук М.С. Акимовой. Татьяна Ивановна на всю жизнь сохранила чувство глубокой благодарности к Марии Степановне как к своему первому учителю в избранной профессии, первому человеку, показавшему ей, как нужно работать в антропологических экспедициях. Под ее руководством Т.И. Алексеева работала в 1948–1950 гг. в Чувашии, а также в Дагестане в 1949 г. (среди лезгин, табасаранцев, агулов). Экспедиция 1948 г. проводила раскопки курганов бронзового века в Северной Чувашии, остальные были посвящены исследованию современного населения.

После окончания МГУ Татьяна Ивановна поступила в аспирантуру под руководст-

© С.А. Арутюнов, 1998 г.

вом проф. Я.Я. Рогинского. В этом же году она вышла замуж за Валерия Павловича Алексеева, в дальнейшем крупнейшего нашего антрополога, академика РАН. Их жизненное и творческое научное содружество продолжалось 40 лет, вплоть до безвременной кончины В.П. Алексеева в 1991 г. Оно было связано не только глубоким и взаимным чувством, но и общностью научных и духовных интересов, постоянным обменом мнениями, размышлениями и предположениями, глубокой увлеченностью книгами (общий объем собранной ими совместно библиотеки насчитывает много десятков тысяч названий), общим кругом друзей, общностью различных "хобби". Впрочем, последнее слегка легкомысленное слово вряд ли годится для обозначения той страстной, всеобъемлющей и щедрой любви к природе, ко всему живому, которая всегда отличала семью Алексеевых. Не один ласковый и нежный зверь, обреченный на неминуемую гибель бросившими и покалечившими его злыми двуногими, нашел у Алексеевых свое спасение, был ими заботливо, с приложением огромных трудов вылечен, выхожен и наслаждался, ко всеобщей радости, долгой беззаботной жизнью в счастливом и дружном сообществе людей и животных.

В 1954 г. Татьяна Ивановна защитила кандидатскую диссертацию на тему "Антропологический тип мещеры и татар-мишарей: к проблеме славяно-финских отношений в Поволжье". После окончания аспирантуры Т.И. Алексеева поступает на работу в НИИ и Музей антропологии МГУ (где и поныне работает) сначала в качестве младшего, затем старшего, затем ведущего и, наконец, главного научного сотрудника. В 1955 г. В.В. Бунак пригласил ее возглавить полевые работы Русской антропологической экспедиции, собиравшей антропологический материал по проекту "Колонизационные потоки славян". С 1955 по 1959 г. длилась эта работа, занимавшая в каждом году по четыре месяца полевого сезона. Трудно подсчитать, сколько тысяч километров накрутил экспедиционный грузовик – "газик"; число же человек, обследованных по расоведческой программе, превысило 17 000.

Впоследствии собранные в эти сезоны материалы были опубликованы в книге "Происхождение и этническая история русского народа" (Труды Ин-та этнографии, 1965. Т. 88). Они также частично легли в основу докторской диссертации и монографии "Этногенез восточных славян по данным антропологии". Монография вышла в свет в 1973 г., а диссертация была защищена раньше, в 1969 г.

В 1959 г. Т.И. Алексеева параллельно с продолжением своих исследований по антропологии славян создает в НИИ антропологии МГУ группу-лабораторию, которая занялась проблемами физиологической антропологии. В рамках этой группы сформировался целый отряд талантливых исследователей – учеников Татьяны Ивановны, а сама тематика группы впоследствии переросла в новое направление в науке – экологию человека.

Исследования по физиологической антропологии были организованы в пределах СССР Т.И. Алексеевой совместно с ее сотрудниками – О. Павловским, В. Волковым-Дубровиным, Н. Смирновой, Л. Щекочихиной (Гудковой). Основное содержание этих исследований включает в себя изучение географической изменчивости морфофизиологических особенностей человеческих популяций и их приспособления к различным экологическим нишам. Это направление сейчас является ведущим в НИИ антропологии.

Вот краткий перечень популяций, которые были охвачены антропологическими исследованиями в пределах этой темы под руководством Т.И. Алексеевой в ее комплексных экспедициях: русские в с. Поречье Ярославской обл. в 1961–1973 гг.; в Россоши Воронежской обл. в 1964 г.; в Рождественке Курской обл. в 1965 г.; русские и буряты в Баргузинской Котловине в Бурятии в 1966–1967 гг.; лесные ненцы Пуровского р-на Тюменской обл. в 1968–1969 гг.; саамы Кольского п-ова в 1969 г.; чукчи и эскимосы на Чукотке в 1970–1971 гг.; алеуты, коряки, ительмены, эвены на Камчатке и на Командорских о-вах в 1972–1973 гг.; тувинцы и тувинцы-тоджинцы в Туве в 1974–1977 гг.; алтайцы, хакасы, казахи, теленгиты, телеуты в Минусинской котловине и в Горном Алтае в 1978–1985 гг.; таджики Северного Таджикистана в 1982–1984 гг.;

монголы в Монгольской Народной Республике в 1986–1990 гг. По материалам этих экспедиций издано большое число публикаций, разработка их продолжается и по сие время.

Помимо высокого научного уровня, свойственного работе этих экспедиций, хочется отметить одну особенность, связанную с жизнерадостным, солнечным, многогранным и доброжелательным характером Татьяны Ивановны. Это ее постоянная забота об организации быта и досуга участников экспедиции, старание сделать пребывание в экспедиции уютным и комфортным для всех сотрудников. В этих экспедициях царила атмосфера соревнования, когда дежурные не просто заботились о нормальном питании членов экспедиции, но при деятельном участии самой руководительницы стремились сделать его как можно более разнообразным и близким к домашнему, когда в вечерний досуг вносились элементы творческой художественной самодеятельности, когда вся атмосфера совместной экспедиционной жизни была пронизана заботой друг о друге, дружной сплоченностью, бодростью, весельем. Участие в этих экспедициях для всех, кому посчастливилось хотя бы раз в них побывать, стало незабываемым, светлым и радостным событием, ярким эпизодом жизни. В то же время Татьяна Ивановна умеет быть руководителем строгим и требовательным, поддерживать высокий уровень рабочей дисциплины и четкого выполнения каждым своих профессиональных обязанностей, обеспечивая максимум отдачи и для выполнения общих задач, и для профессионального и интеллектуального роста каждого участника.

Помимо исследовательской и педагогической научной работы следует с благодарностью вспомнить руководящую и организационную роль Татьяны Ивановны в развитии музейного дела в нашей стране, ее заботу о нуждах многих больших и малых научных музеев, к нелегкому существованию, развитию и выживанию которых она относится с неустанным вниманием.

В последние годы Т.И. Алексеева возглавила в Институте археологии РАН группу физической антропологии, составленную из ее учеников, где разрабатываются проблемы палеоантропологии и биоархеологии. Обширные исследования, проведенные ею ранее по антропологии современных популяций, составили прочный фундамент для развития этих направлений. Как и в прежних исследованиях по антропоэкологии, апробируется предложенная Т.И. Алексеевой гипотеза адаптивных типов, представляющих норму биологической реакции человеческих популяций на комплекс географических условий среды обитания, конвергентно возникающей у представителей разных рас, живущих в одной и той же экологической нише.

Под руководством Т.И. Алексеевой защищено 16 диссертаций и еще 3 диссертации близятся к завершению.

Научные заслуги Т.И. Алексеевой высоко оценены ее коллегами. В 1991 г. она была избрана чл.-кор. РАН, в 1998 г. ей присуждено почетное звание Заслуженного научного сотрудника Московского государственного университета. Но, наверное, лучшая из наград – это любовь и признательность ее учеников.

Общее число опубликованных Т.И. Алексеевой научных работ приближается к двум сотням, но это еще далеко не предел для талантливого и трудолюбивого ученого. Свой юбилей Татьяна Ивановна встречает молодо выглядящей и молодо чувствующей себя женщиной, энергичной и целеустремленной, интенсивно работающей, полной интересных творческих замыслов. Успешного их претворения в жизнь, здоровья и благополучия желают Татьяне Ивановне Алексеевой в эти дни ее ученики, друзья и коллеги.

Институт этнологии и антропологии РАН,
Москва

С.А. Арутюнов

СПИСОК НАУЧНЫХ РАБОТ Т.И. АЛЕКСЕЕВОЙ

1955

1. Антропологический тип населения Чувашии // КСИЭ. Вып. XXIII. С. 93–100.

1956

2. Антропологический состав населения Волго-Окского бассейна (к проблеме славяно-финских взаимоотношений в Поволжье) // Тр. Ин-та этнографии и антропологии. Сб. I. Нов. сер. Т. XXXIII. С. 37–72.

1958

3. Этническая принадлежность сицкарей в свете данных антропологии // Сов. антропология. № 1. С. 55–63.

4. Черепа из Березовского могильника // Сов. антропология. № 3. С. 85–90.

5. Рец.: Труды киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. 1. М., 1956. // СЭ. № 2. С. 154–156.

6. Антропологическое исследование русского населения Верхней Волги // КСИЭ. Вып. XXIX. С. 124–130 (в соавт. с В.В. Бунаком).

1959

7. К вопросу о генетическом родстве русской мищеры и татар-мишарей // КСИЭ. Вып. XXXI. С. 3–13 (в соавт. с Б.А. Васильевым).

8. Черепа из Муранского могильника // Сов. антропология. № 1. С. 67–80.

9. Антропологическая тематика на IV междунар. съезде славистов // Сов. антропология. № 1. С. 135.

1960

10. Антропологическая характеристика славянских племен бассейнов Днепра и Оки в эпоху средневековья (предварительное сообщение) // ВА. Вып. 1. С. 97–101.

11. Рец.: Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции. Т. 1. Вопросы этнической истории народов Прибалтики; Т. 2. Этническая антропология Восточной Прибалтики. М., 1959. // ВА. Вып. 5. С. 150–153.

1961

12. Краниология средневекового населения верховьев бассейнов Волги и Днепра (предварительное сообщение) // ВА. № 8. С. 40–143.

13. Краниологическое изучение восточнославянских племен эпохи средневековья // Acta Fac. Rer. Natur. Univ. Coment. V. Fase III–VI // Anthropologia. Pub. III. P. I. Bratislava.

1962

14. Отчетная археолого-этнографическая сессия отделения исторических наук АН СССР // ВА. Вып. 11. С. 145–147.

1963

15. Прижизненное определение минеральной насыщенности скелета человека с помощью рентгенофотометрии // ВА. Вып. 15. С. 3–20 (в соавт. с Н.С. Смирновой, О.М. Павловским).

1964

16. Изучение морфо-функциональных особенностей населения биогеохимических провинций и климатических зон Советского Союза // Первая годичная науч. отчетная конф. 9–12 марта (рефераты докладов).

17. К оценке минерального содержания некоторых участков костяка человека // ВА. Вып. 16. С. 18–28.

18. Некоторые вопросы этногенеза восточных славян в свете данных антропологии // VII Междунар. конгр. антропологических и этнографических наук. М. 6 с.

19. Some problems of the ethnogenesis of the Eastern slavs according to anthropological date // VII Int. congr. of anthropological and ethnological sciences. Moscow. 6 p.

20. Антропологические материалы к этногенезу восточных славян // СА. № 3. С. 88–105.

21. Рец.: Ecology and Anthropology: A symposium // Amer. Anthropol. 1962. V. 64. № 3 // ВА. Вып. 18. С. 166–169.

1965

22. Опыт оценки физической прочности кости // ВА. Вып. 19. С. 117–124.

23. Прижизненная оценка степени минерализации костной ткани рентгенофотометрическим путем в связи с весом отдельных костей и их структурными особенностями // Арх. анатомии, гистологии и эмбриологии. Т. 48. № 5.

24. Anthropologisehe Materialien zur Ethnogenese der Ostslawen // Homo. Bd. 16. H. 3.

25. Сравнительная характеристика русских и других этнических групп Восточной Европы // Происхождение и этническая история русского народа. Тр. Ин-та этнографии. Т. 88. С. 191–247, 307–414.

26. Сравнительная краниологическая характеристика славянских групп средневековья на территории, населенной русскими // Происхождение и этническая история русского народа. Тр. Ин-та этнографии. Т. 88. С. 248–255.

1966

27. Опыт сопоставления биохимических показателей крови с основными соматическими компонентами тела человека // Anthropologie. IV/1. P. 21–26.

28. Славяне и их соседи (по данным антропологии) // Anthropologie. IV/2. P. 3–38.

29. К топографии минерализации скелета // Тез. докл. VII Всесоюз. съезда анатомов, гистологов и эмбриологов. Тбилиси.

30. Некоторые новые материалы по краниологии северо-западных областей Восточной Европы в эпоху средневековья // Антропологический сборник. Вып. IV. Тр. Ин-та этнографии. Нов. сер. Т. 82. С. 122–143.

31. Wschodnioslowianskie czasxki z kurhanow plemiennych // Mater. i prac. anthropol. № 78. Wroclaw.

32. Минеральная насыщенность кисти человека в связи с ее строением и функцией // ВА. Вып. 22. С. 3–11 (в соавт. с Е.Д. Кобылянским).

33. Рец.: Дяченко В.В. Антропологічний склад українського народу. Київ, 1965 // ВА. Вып. 22. С. 182, 183.

34. Проблемы медицинской географии на II совещании в географическом обществе СССР // ВА. Вып. 23. С. 161–166. (в соавт. с В.В. Гинзбургом).

1967

35. Экспериментальные данные для сопоставления оценки минеральной насыщенности скелета человека химическим и рентгенофотометрическим способами // ВА. Вып. 26. С. 124–129.

36. К географической изменчивости холестерина. Тез. докл. на Географическом обществе. М.

1968

37. Антропологические аспекты медико-географического районирования (по материалам исследований Баргузинской котловины) // III науч. совещ. по проблемам медицинской географии. Ч. 1. Л. (в соавт. с В.П. Волковым-Дубровиным, О.М. Павловским, Н.С. Смирновой, Л.К. Щекочихиной).

38. Some problems of the ethnogenesis of the Eastern slavs according to anthropological date // Тр. VII Междунар. конгр. антропологических и этнографических наук. Т. 3. М. С. 99–102.

39. Morpho-Functional population studies in some biogeochemical USSR provinces as viewed in the light of the adaptation problem // Proc. VIII Int. Congr. of Antropological and Ethnographical sciences. V. 1. Tokyo; Kyoto. P. 72–75.

40. Рец.: Гохман И.И. Население Украины в эпоху мезолита и неолита // СЭ. № 1. С. 78–80.

1969

41. Антропологічний склад населения Древнерусских міст // Материалы антропологіі Україні. Вип. 4. Київ. С. 73–86.

42. VII Международный конгресс антропологических и этнологических (этнографических) наук (МКАЭН) // ВА. Вып. 32. С. 197–201 (в соавт. с В.И. Кочетковой, В.П. Якимовым).

43. III научное совещание по проблемам медицинской географии // ВА. Вып. 33. С. 171–173 (в соавт. с Н.С. Смирновой).

1970

44. К географической изменчивости холестерина в сыворотке крови у человека // Моск. о-во испытателей природы. Общая биология. Доклады за II полугодие 1967 г. М. С. 13–16.

45. Аномалии черепа в их географической, социальной и генетической обусловленности // Морфофизиологические исследования в антропологии. М.; Л. С. 142–185 (в соавт. с Э.А. Шауро).

46. Половозрастная изменчивость липидов и белков в сыворотке крови здорового человека // Морфофизиологические исследования в антропологии. М. С. 64–91 (в соавт. с Л.К. Щекочихиной).

47. Изменчивость основных компонентов тела человека в зависимости от уровня липидов и белков в сыворотке крови // Морфофизиологические исследования в антропологии. М. С. 53–63.

48. Экспедиции Института антропологии МГУ 1969 г. по изучению морфофизиологической изменчивости у населения СССР // ВА. Вып. 36. С. 169, 170.

49. Антропологические исследования в Забайкалье в связи с проблемой адаптации у человека (морфология, физиология и популяционная генетика). Ч. I. Население Баргузинской котловины в свете исторических и популяционно-генетических данных // ВА. Вып. 36. С. 3–19. (в соавт. с В.П. Волковым-Дубровиным, О.М. Павловым, Н.С. Смирновой, В.А. Спицыным, Л.К. Щекочихиной).

1971

50. Антропологические исследования в Забайкалье в связи с проблемой адаптации у человека (морфология, физиология и популяционная генетика). Ч. II. Морфофункциональная характеристика и предпосылки адаптации у населения Баргузинской котловины // ВА. Вып. 37. С. 33–61 (в соавт. с В.П. Волковым-Дубровиным, О.М. Павловским, Н.С. Смирновой, В.А. Спицыным, Л.К. Щекочихиной).

51. Географическая изменчивость содержания холестерина в сыворотке крови у человека (к влиянию среды и роли) // ВА. Вып. 38. С. 91–107.

52. Памяти Михаила Михайловича Герасимова // ВА. Вып. 37. С. 158, 159.

53. Этногенез восточных славян по данным антропологии // СЭ. № 2. С. 48–59.

1972

54. Характер эпохальных изменений краниологических признаков в славянском населении Восточной Европы и некоторые вопросы его этнической истории // Человеческая эволюция и внутривидовая дифференциация. М. С. 133–148.

55. Антропологическое исследование лесных ненцев (морфология, физиология и популяционная генетика). Ч. I // ВА. Вып. 41. С. 19–35. (в соавт. с В.П. Волковым-Дубровиным, З.А. Голубчиновой, Н.С. Смирновой, О.М. Павловским, В.А. Спицыным).

56. Биологические аспекты изучения адаптации у человека // Симпоз. "Антропология 70-х годов". М. С. 103–128.

1973

57. Этногенез славянских народов по данным антропологии // История, культура, этнография и фольклор славянских народов VII Междунар. съезд славистов. Варшава. С. 211, 222 (в соавт. с В.П. Алексеевым).

58. Саамы. Морфо-функциональный очерк // ВА. Вып. 43. С. 52–67 (в соавт. с В.П. Волковым-Дубровиным, О.М. Павловским, Н.С. Смирновой, Л.К. Щекочихиной).

59. Territorial morphofunctional studies in the Soviet Union: the problem of adaptive types // IX-th Int. Congr. of Anthropological and Etnological Sciences. Chicago. August-September, 1973. P. 1–5.

60. Антропологические исследования на Чукотке // Зап. Чукотского краеведческого музея. Вып. 6. Магадан. С. 3–8. (в соавт. с В.П. Алексеевым).

61. Этногенез славянских народов по данным антропологии (тезисы на польском языке) // VII Miedzynar Kongr. Slaw. Warszawa. 964 p. (в соавт. с В.П. Алексеевым).

62. Investigation on human adaptation in Soviet anthropology // Phisical anthropology and its extending horizons. Calcutta. P. 83–97.

63. О некоторых особенностях сложения антропологического типа славян // Тез. докл. на конф. по проблеме "Этногенез белорусов". Минск. С. 79–82.

64. Антропологические аспекты генетических взаимоотношений восточных, западных и южных славян и некоторые вопросы их происхождения // Berichte riber den. II. Int. Kongr. fur Slawische Archaologie. Bd. II. Berlin. S. 375–380.

65. Nature of the biological adaptation of the arctic population to extreme environmental conditions // Studies in the anthropology of the Finno-Ugrian Peoples. Helsinki. P. 235–243.

66. Anthropological composition of East slaws and the problem of their genesis // Studies in Anthropology of the Finno-Ugrian peoples. Helsinki. P. 37–50.

67. Территориальные морфо-функциональные исследования в СССР и проблема адаптичных типов // IX Междунар. конгр. антропологических и этнографических наук. Чикаго, сентябрь, 1973. М. С. 1–12.

68. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М. 330 с.

69. Антропология и вопросы этнической истории // ВА. Вып. 43. С. 8–24.

70. Anthropological Differentiation of Slavs and Germans in the Middle Ages and some aspects of the Ethnic History of East Europe. Bevolkerungsbiologie // Beitrage zur Struktur und Dynamik memschlicher populationer in antropologischer Sicht. Biology of human Populations Contributions to their Structure and Dynamics. Stuttgart. S. 441–451 (в соавт. с V. Bernhard und A. Kandler).

71. Исторические аспекты антропологической динамики и дифференциации населения Берингоморья // История, археология и этнография народов Дальнего Востока. Вып. 1. Владивосток.

72. Истоки антропологических особенностей восточных славян // Антропология и геногеография. М. С. 39–55.

73. Антропологическая дифференциация славян и германцев в эпоху средневековья и отдельные вопросы этнической истории Восточной Европы // Расогенетические процессы в этнической истории. М. С. 71–84.

74. Славяне и германцы в свете антропологических данных // ВИ. № 3. С. 58–67.

75. Изучение человеческих рас в советской антропологии // Расы и народы. № 4. М. С. 67–93.

76. Адаптивные типы (результаты изучения адаптивных процессов в антропологии) // Теория и методика географических исследований экологии человека. М. С. 173–181.

77. Физиологическая антропология // Морфология человека и животных. Антропология. Т. 6. М. С. 5–32.

78. Особенности адаптивных реакций в условиях высокогорья // ВА. Вып. 47. С. 27–38.

79. Антропологический состав восточно-славянских народов и проблема их происхождения // Этногенез финно-угорских народов по данным антропологии. М. С. 69–76.

80. Характер биологической адаптации населения арктической зоны к экстремальным условиям // Этногенез финно-угорских народов по данным антропологии. М. С. 146–151.

1975

81. Антропологический анализ костных остатков из могильников с трупосожжениями черняховской культуры // СА. № 1. С. 264–270.

82. Биологическая адаптация коренного населения Арктики к экстремальным условиям Крайнего Севера // Географические аспекты экологии человека. М. С. 168–180.

83. Проблема биологической адаптации человека // Природа. № 6. С. 35–41.

1976

84. Человеческие расы // Современные проблемы антропологии. М. С. 17–28.

85. Конференция по экологии человека "Методы контроля развития человека и изменения в популяционной структуре в связи с изменениями окружающей среды" // ВА. Вып. 53. С. 174, 175.

1977

86. Географическая среда и биология человека (антропологический аспект) // Изв. АН СССР. Сер. геогр. № 1. С. 16–24.

87. Some environmental factors in biological differentiation of human populations // Metody kontroli

rozwoju czlowieka i zmian struktury populacji ludznich w zwiazku z przemianami srodowiska. Wroclaw; Krakow; Gdansk. С. 103–118.

88. Ethnogeny of Slavic Peoples: An Anthropologist's View // Ethnologia Slavica. T. VIII–IX. 1976–1977. Universitas Cjmeniana Bratislavenis facultas philosophica. Bratislava. С. 13–23 (в соавт. с V.P. Aleksejev).

89. Географическая среда и биология человека. М. 301 с.

1978

90. Биогеохимия и проблемы антропологии // Биологическая роль микроэлементов и их применение в сельском хозяйстве и медицине. Тез. докл. на VIII Всесоюз. конф. Ивано-Франковск. С. 7, 8.

91. Ферментные и другие белки крови и дифференциация популяций Северо-Восточной Азии (некоторые итоги генетико-антропологических исследований) // ВА. Вып. 58. С. 23–41 (в соавт. с В.П. Алексеевым, В.А. Спицыным, О.Б. Круковской, С.Б. Боевой, О.В. Ирисовой).

92. The Geographical Environment and Human Biology (the anthropological aspect) Soviet Geography: reviw a translation. V. XIX. № 5. P. 301–310.

93. Some Adaptive Reactions in High Altitudes // G. Human Evolution. № 7. P. 665–668.

94. The Role of Climatic Factors in the Morpho-Functional variability of the Indigenous Population of Central and North – Eastern Sibiria // "General Problems of Anthropology" papers by Soviet Researchers. X Междунар. конгр. антропологических и этнологических наук. Индия. Дели, 1978. М. P. 111–122.

1979

95. Географическая изменчивость морфофизиологических признаков в связи с проблемой адаптации // ВА. Вып. 60. С. 15–23.

96. Антропологические связи на территории центральной и Северо-Восточной Сибири // ВА. Вып. 61. С. 3–17 (в соавт. с Е.И. Балахоновой).

97. Рец.: Денисова Р.Я. Этногенез латышей. Рига, 1977. 360 с. // ВА. Вып. 62. С. 146, 147.

98. Фотопортрет как средство объективизации антропологической методики // ВА. Вып. 63. С. 45–52 (в соавт. с И.Ф. Виниченко, О.М. Павловским).

99. X Международный конгресс антропологических и этнографических наук // ВА. Вып. 63. С. 132, 133 (в соавт. с В.П. Волковым-Дубровиным, В.П. Чтецовым).

100. Применение данных антропологии в криминалистике // Возможности применения современных научно-технических методов и средств в криминалистике. За круглым столом (для служебного пользования). М. С. 27.

101. Биогеохимия и проблемы антропологии // Современные задачи и проблемы биогеохимии. Тр. биогеохимической лаборатории. Т. XVII. М. С. 110–120.

102. Territotorial Morphofunctional Studies in Soviet Union: the problem of Adaptive Types // Phisiological and Morphological Adaptation end Evolution / Ed. William A. Stini. Mouton publishers. The hague. Paris, New-York. P. 81–87.

103. Каталог краниологических и остеологических коллекций Института и Музея антропологии МГУ (1865–1977). С. 3–198.

1980

104. Морфофункциональная характеристика посткраниального скелета азиатских эскимосов // Палеоантропология Сибири. М. С. 131–153 (в соавт. с В.Ю. Коваленко).

105. X Международный конгресс антропологических и этнографических наук // ВА. Вып. 64. С. 126–130 (в соавт. с В.П. Волковым-Дубровиным, В.П. Чтецовым).

106. Алеуты Командорских островов. Морфофизиологическая характеристика // ВА. Вып. 65. С. 17–28 (в соавт. с Н.И. Клевцовой).

107. География типов телосложения у человека // ВА. Вып. 66. С. 91–106 (в соавт. с С.В. Добровановой).

108. The role of climatic factors in the morphofunctional variability of the indigenous population of Central and North–Eastern Siberia // Man and his environment. Xth GCAEA. Ser. № 2 / Gen. Ed. Lalita P. Vidyarthi. New Delni. P. 49–59.

109. Envirinmental Factors in Body Build and Functions // Coll. Fntripol. V. 4. № 1. Zagreb. P. 3–18.

110. Studies on the Immunoglobulin Allotypes of Asiatic Populations. VIII Immunoglobulin Allotypes among the Tuvinians of the USSR // Human Heredity. № 30. P. 343–349 (в соавт. с M.S. Schanfield, M.N. Growford).

1981

111. Современный человек и его экологическое разнообразие // Человек в прошлом, настоящем и будущем. М. С. 27–45.

1982

112. Antropo-ecological investigations in Central Asia(Tuva) // Huma biol. № 11. Budapest. P. 67–72. Procedings of the International Centenuial antroplogical congress. Part 3. Variations in recent human populations. Budapest, 1982.

113. Человек познает себя. Институт человека // Знание–Сила. № 9. С. 34–36.

114. Антропологические аспекты экологии человека // Матер. яп.-сов. симпоз. "Проблемы современной антропологии". Токио. С. 141–158.

1983

115. Историкоантропологическая динамика и биологическая адаптация населения СССР (палеолит – современность) // Проблемы комплексного изучения человека. Тез. докл. всесоюз. конф. (29–31 марта 1983 г.) М. (в соавт. с В.П. Алексеевым).

116. Некоторые итоги историко-этнологических и популяционно-антропологических исследований на Чукотском полуострове // На стыке Чукотки и Аляски. М. С. 3–64 (в соавт. с В.П. Алексеевым, С.А. Арутюновым, Д.А. Сергеевым).

117. Экологическая ниша – Земля // Знание–Сила. № 1. С. 16–19.

118. Физиологические особенности коренного населения Чукотки // На стыке Чукотки и Аляски. М. С. 137–169 (в соавт. с В.П. Волковым-Дубровиным, Л.К. Гудковой, О.М. Павловским).

119. Биогеохимические аспекты в изучении некоторых проблем антропологии // Биологическая роль микроэлементов. М. С. 75–79.

120. Физиологические особенности человеческих рас и некоторые проблемы экологии человека // Расы и народы. Вып. 13. М. С. 53–69.

121. Институт человека. ...И эмоциональный! // Знание–Сила. № 7. С. 27–30.

1984

122. Антропологические исследования в Северном Таджикистане в связи с проблемами геохимической экологии // ВА. Вып. 73. С. 3–24 (в соавт. с И.А. Ассомиддиновым, В.А. Бацевичем, Н.И. Клевцовой, В.Н. Федосовой, Т.А. Чикишевой).

123. Антропологические особенности современных тувинцев. Кефалометрия и кефалоскопия // Антропо-экологические исследования в Туве. М. С. 75–114.

124. Межгрупповая изменчивость некоторых физиологических признаков у тувинцев в сравнительном освещении // Антропо-экологические исследования в Туве. М. С. 158–184 (в соавт. с Т.А. Чикишевой).

125. Tuvinians: Anthropo-ecological Study // Collegium Antropolgicum V. 8. № 1. Zagreb. P. 3–29. (в соавт. с V.P. Alexeev, V.A. Batsewich, N.I. Klevtsova, T.A. Chikisheva).

126. Географическая вариабельность вкусовой чувствительности к фенилтеокарбамиду (PTC) // Взаимодействие между преобразованиями окружающей среды и адаптивной демографической и генетической структурой народонаселения. Междунар. конф. по Проекту № 12 программы ЮНЕСКО "Человек и биосфера". Ташкент, 15–19 мая 1984 г. М. С. 7, 8.

1986

127. Антропо-экологическое изучение различных районов мира // Проблемы экологии человека. М. С. 42–48.

128. У истоков экологии человека // Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас. М. С. 8–14.

129. Первая всесоюзная школа-семинар "Проблемы экологии человека" // ВА. Вып. 76. С. 147–149 (в соавт. с Н.И. Миклашевской).

130. Скелетный возраст детей некоторых народов азиатской части СССР // ВА. Вып. 76. С. 41–58 (в соавт. с В.А. Бацевичем, О.Ф. Эрнандес).

131. Физиология тувинцев. Уровень минерализации скелета // Проблемы антропологии древнего и современного населения Советской Азии. Новосибирск. С. 162–170.

132. Краниологические и остеологические коллекции Института и Музея антропологии МГУ. Палеолит – современная эпоха. М. 224 с. (в соавт. с С.Г. Ефимовой, Р.Б. Эренбург).

133. Адаптивные процессы в популяциях человека. М. 216 с.

1987

134. Саамы Кольского полуострова // ВА. Вып. 78. С. 89–110.

135. Антропологические исследования: задачи и организация // Вестн. АН СССР. № 10.

136. Географическая среда и биология человека. Ланьчжоу. 297 с. (на кит. яз.).

1988

137. Методы исследования биологической адаптации человеческих популяций в условиях естественной и урбанизированной среды // Экология человека. Основные проблемы науки. С. 159–170.

138. Опыт палеоэкологической реконструкции (на примере хантов) // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. Новосибирск. С. 83–104 (в соавт. с М.В. Козловской, В.Н. Федосовой).

1989

139. Антропология о происхождении славян // Природа. № 1. С. 60–69. (в соавт. с В.П. Алексеевым).

140. Экология народов Центральной Азии. Антропологический аспект // Вестн. АМН СССР. № 8. С. 38–42.

141. Проблема биологической адаптации и охрана здоровья населения // Антропология – медицине. М. С. 16–36.

142. Историко-антропологическая динамика и биологическая адаптация населения СССР // Человек в системе наук. М. С. 202–216. (в соавт. с В.П. Алексеевым).

1990

143. Фотоколориметрическое определение цвета волос в различных этнотерриториальных группах СССР // ВА. Вып. 84. С. 59–74 (в соавт. с В.А. Бацевичем, О.В. Ясиной).

144. Антропология циркумбалтийского экономического региона // Балты, славяне, прибалтийские финны. Этногенетические процессы. Рига. С. 124–144.

145. М.С. Акимова – ученый и педагог // Сравнительная антропология башкирского народа. Уфа. С. 19–26.

146. Антропоэкологическая характеристика населения европейского Севера РСФСР // Динамика социального и природного развития человека и его отношениях с миром. М. С. 82–94 (в соавт. с В.А. Бацевичем, Е.З. Годиной, Н.М. Данилкович, Н.Н. Миклашевской, Т.П. Чижиковой, И.А. Хомяковой).

1991

147. Экология человека. Мировоззрение или наука // Предмет экологии человека. Ч. 1. М. 89–101.

148. Transferrin Types in Different Ethnic Groups of the USSR and Mongolia // Human Heredity. 41. P. 201–205 (в соавт. N.V. Titenko, V.A. Spitsyn, T.I. Alekseeva).

1992

149. Формирование русского населения Центральной России (по данным антропологии) // Историко-культурное наследие Центральной России. Воронеж. С. 19–23.

150. Общеакадемическая программа фундаментальных исследований на период до 2000 года. "Человек, наука, общество: комплексные исследования" // ВА. Вып. 86. С. 3–7.

151. Ранние этапы славянской колонизации Русского Севера. Ч. 1. Антропологический состав. Палеодемография // ВА. Вып. 86. С. 8–23 (в соавт. с В.Н. Федосовой).

1993

152. Die heutige und die prahistorische Bevolkerung des Beringstra Sengebietes // Arktische Waljager vor 3000 Jahren. Uberkannte sibirische Kunts. V. Hase. Koenler Verlag. S. 7–17. (в соавт. A.M. Leskov, H. Muller-Beck, V.P. Alekseev).

153. Роль субстрата в этногенезе восточнославянских народов (антропологические данные) // Культурно-историческое единство Евразии и Великий Шелковый путь. Тез. докл. на семинаре. М. № 3. С. 3–7.

154. Роль миграций в сложении антропологического состава славян // Истоки русской культуры (археология и лингвистика) Тез. докл. М. С. 6–10.

155. Введение в экологию человека. Программа курса. М. С. 1–10. (в соавт. с Б.Б. Прохоровым).

156. Ранние этапы освоения Русского Севера: история, антропология, экология // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы. М. С. 3–78 (в соавт. с Н.А. Макаровым, Т.С. Балуевой, С.П. Сегедой, В.Н. Федосовой, М.В. Козловской).

157. Коллекция Музея антропологии МГУ – неиссякаемый источник знаний о природе и истории человека (вместо предисловия) // Антропология и история культуры. М.

1994

158. Временные аспекты биологической адаптации // Эволюционная и историческая антропоэкология. М. С. 39–47.

159. Периоды "полураспада" Российской науки: естественные дисциплины и гуманитарии // Вестн. РФФИ. № 5. С. 20–22.

160. Музеи Российской академии наук: необходима более тесная связь с РФФИ // Вестн. РФФИ. № 5. С. 16–19 (в соавт. с Н.В. Жилиной).

161. О результатах конкурса РФФИ 1996 г. по гуманитарным и общественным наукам // Вестн. РФФИ. № 6.

162. Население древнерусских городов по данным антропологии: происхождение, палеодемография, палеоэкология // РА. № 3. С. 58–72. (в соавт. с А.П. Бужиловой).

163. Введение в экологию человека. Программа курса (Учебные программы кафедры экологии человека). М. С. 5–13.

1997

164. Medieval Urban Russians According to Anthropological Date. Origins, Paleodemography, Paleoecology. Anthropology and Archeology of Eurasia // J. of Translations. Spring 1997. (The Archeology of Russian Identity). V. 35. № 4. P. 42–62 (в соавт. A.P. Buzhilova).

165. К находке детского скелета в пещере Староселье близ Бахчисарая (1953 г.) // РА. № 3. С. 175–179.

166. More on Starosele. Discussion and Criticism // Current Anthripology. V. 38. № 4. August–October. P. 647–650 (в соавт. P. Allsworth-Jones, K. Khava).

167. Экологическая дифференциация человечества // Антропология. Хрестоматия / Ред.-сост. В.Ю. Бахолдина, М.А. Дерягина. М. С. 280–292.

168. Антропологический облик русского народа // Русские. Сер. "Народы и культуры". М. С. 57–75.

169. Введение // Неолит лесной полосы Восточной Европы (Антропология Сахтышских стоянок) / Отв. ред. Т.И. Алексеева. М. 190 с.

170. Антропологические материалы погребений на стоянках Сахтыш I, Сахтыш II, Сахтыш III, Ивановское VII, Ловцы и озеро Ловецкое // Неолит лесной полосы Восточной Европы (Антропология Сахтышских стоянок) / Отв. ред. Т.А. Алексеева. М. С. 190 (в соавт. с Д.А. Крайновым, Е.Л. Костылевой, Г.В. Лебединской, А.В. Уткиным, В.Н. Федосовой).

171. Неолитическое население лесной полосы Восточной Европы (сравнительный антропологический аспект) // Неолит лесной полосы Восточной Европы (Антропология Сахтышских стоянок) / Отв. ред. Т.И. Алексеева. М. 190 с.

172. Резюме // Неолит лесной полосы Восточной Европы (Антропология Сахтышских стоянок) / Отв. ред. Т.И. Алексеева. М. С. 190 (в соавт. с М.В. Козловской).

173. Антропология чувашского народа. Чуваши. Энциклопедический словарь. Чебоксары (в соавт. с С.Г. Ефимовой).

174. Современные направления в российской антропологии. Тез. докл. II Междунар. конгр. этнографов и антропологов. Уфа. С. 17, 18.

175. Антропология Центральной Азии (предварительное сообщение) // Краткие сообщ. о научных работах НИИ и Музея антропологии МГУ им. Д.Н. Анучина за 1995–1996 г. М. С. 5–11.

176. Древнее население Москвы по данным антропологии и ономастики // Этнограф. обозрение. № 6. С. 14–22 (в соавт. с Н.В. Захаровой).

177. К оценке травматических повреждений на скелетах древнего человека. Дискуссия // РА. № 4. С. 107.

178. Российская антропология: основные направления // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. Т. 2. № 4. С. 47–52.

179. Современные направления в российской антропологии // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. Т. 2. № 4. С. 28, 29.

1998

180. Антропология Центральной Азии (этногенез, экология) // Народы России. Антропология. Ч. 1. М. С. 114–144 (в соавт. с В.А. Бацевичем, О.В. Ясиной, Д. Тумэн).

181. Народы России: от прошлого к настоящему (вместо предисловия) // Народы России. Антропология. Ч. 1. М. С. 5–13 (в соавт. с В.А. Бацевичем, Е.З. Годиной, В.Е. Дерябиным, С.Г. Ефимовой, А.М. Маурером, И.В. Перевозчиковым).

182. Музей антропологии в начале второго столетия своей деятельности // Альманах "Музея Российской академии наук". М., с. 287–316 (в соавт. с С.Г. Ефимовой).

183. Музеи Российской академии наук и альманах "Музеи РАН" (вместо предисловия) // Альманах "Музеи Российской академии наук" / отв. секретарь Т.И. Алексеева. М. С. 3–7.

184. Антропологический облик русского народа // Вопросы антропологии, диалектологии и этнографии русского народа. Библиотека российского этнографа. М. С. 3–27.

А.П. ДЕРЕВЯНКО, С.В. МАРКИН

ПАЛЕОЛИТ СЕВЕРА-ЗАПАДА АЛТАЕ-САЯН

Алтае-Саянская горная область, являясь частью орогенного пояса Южной Сибири и Дальнего Востока, охватывает весьма разнородную в геоморфологическом отношении территорию. На северо-западе этой области расположены высокогорные районы (Алтай), сложная система впадин (Кузнецкая котловина) и нагорий (Горная Шория).

История изучения и различные подходы к систематизации палеолита региона

Первая попытка зафиксировать следы древнейших стоянок на Алтае относится к 1911 г. и связана с именем М.Д. Копытова, работы которого были продолжены в 1920-х годах А.П. Марковым и С.М. Сергеевым. Квалифицированное определение алтайского палеолита принадлежит уже Г.П. Сосновскому, предложившему стадиальную версию развития культуры древнекаменного века Сибири. Обобщив материалы предыдущих лет, а также приобщив к ним новые из района г. Бийска, и прежде всего из раскопок стоянки Сростки, Г.П. Сосновский определил хронологические параметры существующих объектов, датировав их заключительной стадией палеолита и подчеркнув при этом их значительное сходство с комплексами долины Енисея, Ангары и Забайкалье (Сосновский Г.П., 1936).

Исследования послевоенного времени, возобновившиеся в 1954 г., отмечены открытиями первого не только на Алтае, но и в Сибири мустьерского объекта в Усть-Канской пещере (Руденко С.И., 1960; Анисюткин Н.К., Астахов С.Н., 1970), новых стоянок в предгорном Алтае, среди которых выделяются Майма и Усть-Сема, ярких образцов артефактов из осадков террас обского бассейна (Кунгуров А.Л., 1993).

С деятельностью А.П. Окладникова и сотрудников, работавших под его руководством, ассоциируются открытие и исследование стоянки Улалинка (1961 г.), первые находки в Кузнецкой котловине и Горной Шории, раскопки памятников в предгорном Алтае на сопке Урожайной, в устье р. Куюм, пещерах Страшной и Денисовой, на местонахождениях Кара-Тенеш, Кара-Бом и т.д. (Окладников А.П., 1968а; 1972; 1983; Окладников А.П. и др., 1973; Окладников А.П., Владыкин В.А., 1976).

Для А.П. Окладникова как последовательного сторонника стадиального членения палеолита Сибири финальноплейстоценовые материалы Алтая еще раз свидетельствовали, что на всей территории Северной Азии распространилась единообразная культура позднепалеолитических племен, не имеющая отличий принципиального порядка (Окладников А.П., 1968б). Стремление ученого создать объемные аналитические единицы, подчеркивающие своеобразие развития культуры больших областей, отразилось в организации материала, имеющего дату ранее второй половины верхнего палеолита. Анализируя индустрии возраста 40–30 тыс. лет назад (л.н.) из стоянок Алтая, бассейна Енисея, Забайкалья и Центральной Азии, А.П. Окладников отмечает общие для них свойства, позволяющие "грандиозную по территориальным пространствам область... обозначить как леваллуазскую сибирско-монгольскую" (Окладников А.П., 1981, с. 114). Такой характер культуры соответствовал по времени

Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 97-01-00148а).
© А.П. Деревянко, С.В. Маркин, 1998 г.

концу мустьерской – началу верхнепалеолитической эпохи, а региональные особенности индустрий этого времени свидетельствуют "не о самостоятельной культуре, а лишь о возможном частном варианте огромной леваллуазской общности..." (Окладников А.П., 1981, с. 112).

В 1960-е годы в отечественном палеолитоведении стадиальный подход сменяется концепцией локально-культурного разграничения памятников древнекаменного века. Следствием пристального внимания к региональным особенностям культуры явилось выделение множества локальных образований, в том числе и на Алтае. Так, З.А. Абрамовой допускается существование в конце верхнего палеолита особой сросткинской культуры, образующей с енисейскими и забайкальскими общностями особую "южносибирскую культурную область" (Абрамова З.А., 1975).

Вариабельность стоянок, расположенных в долинах рек Бии, Катуни и низовий Чарыша, порождает их деление на ряд совокупностей. Одна из них (Сростки, Майма, Усть-Куюм), по мнению Б.Х. Кадикова и Б.И. Лапшина (1978), с тенденцией изготовления орудий на пластинах и отщепах и общей миниатюризацией готовых вещей, противопоставлена другой (Сростки, Урожайная), где преобладает галечное направление в технике изготовления артефактов. Однако хронологическая неопределенность памятников предгорного Алтая, отсутствие на них специальных стратиграфических и геоморфологических наблюдений, наконец, нерешенность характера функционирования стоянок и их отдельных участков повышают элемент случайности выявленных связей при организации локальных группировок.

Возможности локально-культурного подхода были реализованы и в другой части северо-запада Алтае-Саян-Кузнецкой котловины и Горной Шории, где проводятся планомерные исследования памятников заключительного этапа верхнего палеолита, открытых в середине 1970-х годов. Согласно типолого-статистической версии, материалы, происходящие с бассейна р. Томи, были объединены в бедаревскую культуру, для которой отмечались единая сырьевая база, общая техника расщепления пород, сходные приемы вторичной отделки и вариации набора орудий (Маркин С.В., 1986).

На конец 1970-х годов приходятся открытия и исследования новых объектов Центрального Алтая, представленных доверхнепалеолитическими наборами кремней вторичного залегания на Тюмечине I и II и верхнепалеолитическими артефактами на Тюмечине IV (Шуньков М.В., 1990; Шуньков М.В. и др., 1994).

Не менее активная работа по исследованию палеолита Алтая проводится в предгорных областях. Открываются новые стоянки на средней Катуни (Тыткескень 3–5 и т.д.), Чумыше (Черемшанка и т.д.), значительные площади вскрываются на Усть-Семе и Усть-Куюме. В пределах Солтонской впадины получены представительные серии стратифицированных и подъемных материалов со стоянок Ушлёп 1–8 и др. Вместе с тем в этих районах, как и ранее, хронологический порядок комплексов основан на их типологическом сравнении друг с другом; они, по оценке исследователей, не могут быть древнее второй половины сартана (Кунгуров А.Л., 1991). Основным фактором, обусловливающим вариабельность индустрий, признаются культурные нормы, предполагающие этнические различия древнейших обитателей алтайских предгорий. Последние, судя по итоговой схеме А.Л. Кунгурова (1993), оставили следы эпизодических пребываний и в иных орографических областях Алтая. Так, стоянки нижнекатунской культуры (Сростки, Иульчак) известны на Катуни, Бие, Телецком озере. Объекты куюмской культуры (Майма и т.д.) приурочены не только к бассейну Катуни, но и к Чуйской котловине (Юстыд I) Центрального Алтая. Более ограничена по территории ушлепская культура (Ушлеп 3,5), связанная с западными отрогами Горной Шории.

За последнее десятилетие значительные результаты достигнуты при изучении многослойных пещерных и открытых стоянок Северо-Западного Алтая, где проводятся междисциплинарные исследования по палеоэкологии древнейшего человека с привлечением специалистов из области геологии, палеонтологии, "абсолютного" датирования и т.д. Начиная с 1983 г. и по настоящее время под руководством А.П. Де-

ревянко раскапываются пещеры Денисова, Окладникова, Искринская, Каминная, Страшная, местонахождения Усть-Каракол I (раскоп I заложен в 1986 г., ракоп II – в 1990-х годах), Усть-Каракол II, Ануй I–III и др. (Деревянко А.П., Маркин С.В., 1990; Деревянко А.П., Зенин А.Н., 1990; 1995; Деревянко А.П., Маркин С.В. и др., 1995; Деревянко А.П., Шуньков М.В. и др., 1995). В центральной части алтайского среднегорья продолжено изучение стоянки Кара-Бом (Деревянко А.П., Петрин В.Т., 1988). В горных областях бассейна Катуни проведены раскопки Малояломанской пещеры, грота Бийка I и продолжены исследования Кара-Тенеш (Деревянко А.П., Петрин В.Т., 1989; Петрин В.Т. и др., 1995). В высокогорной зоне Чуйской котловины исследованы поверхностные местонахождения и редкие стоянки с культурным слоем (Деревянко А.П., Маркин С.В., 1987).

Не менее важные изыскания проведены и в Кузнецкой котловине, где в 1988–1990 гг. были открыты и частично раскопаны стоянки МК-I и Мохово II (Деревянко А.П., Зыкина В.С. и др., 1992).

Современный этап исследования характеризуется выявлением не только региональной специфики палеолита северо-запада Алтае-Саян, но и различных элементов сходства в территориально удаленных памятниках и установлением на их основе общих закономерностей в развитии материальной культуры древнекаменного века. Особенно это проявляется при изучении материалов мустьерской эпохи, рассматриваемых в контексте среднего палеолита Евразии (Derevianko A.P., Markin S.V., 1995). Не менее важны попытки проанализировать начало становления верхнего палеолита Алтая в его сопоставлении с верхним палеолитом восточных областей Сибири (Деревянко А.П., Петрин В.Т., 1998). Финальноплейстоценовые объекты Алтая и Кузбасса вновь сопоставляются с енисейскими и другими материалами для определения в первую очередь магистральных черт развития позднепалеолитических индустрий Северо-Азиатского континента (Васильев С.А., 1988). Наконец, комплексные исследования стоянок, прежде всего Северо-Западного Алтая, позволили обратиться к проблемам систематизации материалов по различным стадиям палеолита и выяснения характера эволюционных изменений индустрий, распределенных с учетом данных относительного и абсолютного датирования по климато-стратиграфической шкале среднего и верхнего плейстоцена (Абрамова З.А., 1989; Деревянко А.П., 1992).

Хронологические и геохронологические рамки

Памятники палеолита региона зафиксированы в разнообразных геологических позициях. На Алтае они приурочены к отложениям пещер, покровным осадкам самого различного генезиса террас высотой до 20 м и эрозионным останцам делювиального склонового шлейфа, открытым площадкам галечных поверхностей и конусов выноса. Районом концентрации объектов особого рода (поверхностных), возможно, следует считать Чуйскую впадину, где процессы эрозии преобладали над осадконакоплением. В Кузнецкой котловине и Горной Шории древнейшие стоянки обнаружены в верхах покровного комплекса III–IV террас, суглинках низких террас небольших притоков (единичный случай), на разрушенных поверхностных водораздельных плато. Во внутренних районах котловины один объект приурочен к основанию субаквальных отложений, а другой – к двум почвам, возможно, одного педокомплекса в осадках субаэрального генезиса.

Сохраняется неопределенность в вопросах хронологии и условий залегания культуросодержащего горизонта в разрезе местонахождения Улалинка, который образует две пачки отложений. Верхняя, суглинистая, представляет склоновые делювиальные отложения плейстоцена с фрагментами переотложенных почв; нижняя, щебнисто-глыбовая, формирует осадки пролювиального генезиса плиоценового (эоплейстоценового) возраста. По данным А.П. Окладникова, куски расщепленного кварцита связаны не только с контактом двух разновременных геологических образований, но

и с кровлей последнего слоя нижней пачки отложений. Последнее обстоятельство позволило И.М. Гайдуку датировать объект самаровско-тазовским межстадиалом (R_{1-2}), О.М. Адаменко – самаровским оледенением (R_1), С.Л. Троицкому – концом тазовского оледенения (R_2) – началом казанцевского межледниковья (R–W). Иного мнения придерживался С.М. Цейтлин, считавший, что слой залегает в контактной зоне между плейстоценовыми и плиоценовыми толщами и, стало быть, возраст объекта должен определяться значительно более поздним временем. Следовательно, проведенные палеомагнитные анализы, установившие обратную зону намагниченности, и термолюминесцентное датирование (не менее 1,5 млн. лет назад) не могут считаться приемлемыми для хронологических построений, ибо касаются части разреза, лежащей ниже слоя с находками.

К одним из наиболее древнейших объектов принадлежит кузнецкая стоянка МК-I, слой которой залегает на поверхности угленосных пород палеозоя на глубине 37 м. Положение артефактов совместно с остатками фауны (Bison priscus, Mammuthus sp.) в условиях перерыва осадконакопления предполагает определение минимального возраста стоянки в зависимости от временного положения перекрывающих осадков. Последние образуют субаквальную толщу суглинков кедровской свиты местной стратиграфической шкалы, низы которой содержат позднетираспольский комплекс микропозвоночных, а верхи – элементы сингильско-хазарской фауны. С учетом других биостратиграфических материалов, результатов палеомагнитного анализа выше- и нижележащих неоген-четвертичных отложений возраст свиты допустимо определить как нижнесреднеплейстоценовый минимум в границах тобольского горизонта или начального рубежа M–R. Вероятно, этот рубеж определяет верхний возрастной предел стоянки, нижняя же граница ее при этом остается открытой.

Вероятно, в круг среднеплейстоценовой археологии Алтая должны быть включены материалы из слоев 22 и 21 разреза центральной камеры Денисовой пещеры (Деревянко А.П., Лаухин С.А. и др., 1992). Две ТЛ-даты, полученные по образцам из нижней половины вскрытого осадка слоя 22 (282 ± 56 тыс. лет (ТЛ-15-ДП)) и его кровли (224 ± 45 тыс. лет (ТЛ-14-ДП)), соответствуют времени чаганского межледниковья (заключительные этапы M–R) и ештыккольского (R_1) оледенения схемы плейстоцена Горного Алтая. Первая дата коррелирует с выделенными здесь палиноспектрами межледниковой растительности с участием широколиственных пород, вторая – с палиноспектрами растительности времени оледенения. Остатки фауны принадлежат представителям горно-степного, лесного обитания и интрозональным видам животных.

Перестройка ландшафтной структуры во время образования слоя 21, происходившего в условиях замедления процессов десквамации и усиления педогенеза, отражена резким увеличением видов грызунов, приспособленных к степным условиям обитания. Даты, установленные по гуминовым кислотам (более 37,400 (СОАН2488) и 39,390 ± 1310 (СОАН-2499), признаются исполнителями ненадежными. Более соответствует положению слоя в разрезе ТЛ-датировка (155 ± 31 тыс. лет (ТЛ-13-ДП)), приходящаяся на чаганузунское потепление в пределах рисса. Примерно таким же возрастом – 133 ± 33 тыс. лет. (РТЛ-661) – датированы единичные артефакты из слоя 19А разреза раскопа II Усть-Каракол I (Деревянко А.П., 1996).

Выше по шкале хронологии расположены индустрии с признаками мустье. Наиболее ранними в этом интервале являются материалы слоев 10–9 предвходовой площадки Денисовой. Отмечается, что большая часть отложений этого участка пещеры имеет прямую полярность, свойственную эпохе Брюнес. Слой II – подошва слоя 9 образуют интервал обратной намагниченности, сопоставимый с эпизодом Блейк, приходящимся на часть стадии 5 изотопно-кислородной шкалы. По совокупности данных с учетом биостратиграфических показателей допустимо рассматривать мустье слоя 10 и подошвы слоя 9 в хронологическом интервале 80–115 тыс. лет, что, впрочем, не совсем соответствует измерению кровли слоя 10 в значении 66 ± 16 тыс. лет (ТЛ-9-ДП) (Деревянко А.П., Шуньков М.В. и др., 1992). Казанцевским возрастом

датированы и материалы слоя 18 раскопа II Усть-Каракола I, где предлагаются две даты из подошвы (100 ± 20 тыс. лет. (РТЛ-659)) и кровли (90 ± 18 тыс. лет (РТЛ-658)) культуросодержащего горизонта. Вышележащие отложения (слои 17–13) стоянки с немногочисленными артефактами леваллуазского облика по совокупности данных отнесены к чибитскому (раннезырянскому, W_1) времени. Возраст двух мустьерских горизонтов (уровни обитания 7,8) на местонахождении Кара-Бом находится вблизи даты, просчитанной методом ЭПР (63,2 тыс. лет) по образцу, извлеченному из стерильного осадка, разделяющего горизонты с артефактами (Петрин В.Т., Чевалков Л.М., 1993). Остаются пока неопределенными возрастные параметры пещеры Страшной, где по слою 3 имеется серия открытых дат по кости более 25–45 тыс. лет, а палиноспектры фиксируют лесостепные ландшафты, сменяющиеся ксерофитными степями, что вполне может указывать на каргинскую (W_2) эпоху.

Серийные измерения ряда мустьерских слоев получены в пещере Окладникова, где они образуют почти последовательный ряд от 44,8 ± 4 тыс. лет (Th – 230 agl kyr) до 37,750 ± 750 (Riddl 719) в пределах первой половины каргинского межледниковья. Пока не представляется возможным распределить во времени средний интервал Денисовского разреза (слои 20А–12) с мустьероидными индустриями и фауной смешанного позднеплейстоценового териокомплекса, лишенной резких смен видового состава. Не менее сложно датировать слой 6 раскопа I Усть-Каракола I, залегающий ниже позднекаргинской даты в значениях 31,410 ± 1160 (СОАН-2515) и 29,900 ± 2070 (ИГАН-837). Вторичное залегание артефактов на Тюмечине I и II делают невозможным определение возраста мустье этих памятников. Можно лишь отметить, что на Тюмечине I индустрия рассредоточена по всему вертикальному срезу пролювиальной сартанской толщи, образующей верхний временной рубеж переотложения остатков, но оставляющей открытой нижнюю границу их бытования (Шуньков М.В., 1990).

Не менее многочисленны материалы второй половины каргинского межледниковья, начинающегося малохетским потеплением. На Алтае это стоянки Кара-Бом (шесть уровней обитания, серийно датированные от 43,300 ± 1,600 л.н. (GX-17596) до 30,990 ± 460 л.н. (GX-17593), Кара-Тенеш (разброс дат от 26,875 ± 625 л.н. (СОАН-2134) до 42,165 ± 4170 л.н. (СОАН-2485), слой 3 раскопа I Усть-Каракола I и слой 5–11А раскопа II этого объекта (диапазон дат от 35,100 ± 2850 л.н. до 26,305 ± 280 л.н.), слой 3 Усть-Каракола II (31,430 ± 1180 (ИГАН-1077), слой 1 пещеры Окладникова (33,500 ± 700 (Riddl 718), слой 3 Малояломанской пещеры (33,350 ± 1145). По ряду признаков стратиграфического свойства ко второй половине каргинской эпохи относятся серии артефактов из слоя 11 центральной камеры (радиоуглеродная дата по кости более 37,235 (СОАН-2504) представляется удревненной) и слоев 7, 8 предвходовой площадки Денисовой, слоя 3Б пещеры Страшной (по работам 1990-х годов) и стоянки Ануй I. Двенадцать археологических горизонтов с серией дат от 27,125 ± 580 (СОАН-2868) до 20,350 ± 290 (СОАН-2863) местонахождения Ануй II предетавляют материалы самого конца каргинской эпохи в период стадии липовско-новоселовского потепления. По совокупности стратиграфических данных и элементов криогенеза допускается догыданский возраст аккемского (сартанского) оледенения стоянки Тюмечин IV.

В Кузнецкой котловине каргинским временем (30,330 ± 445 (СОАН-2861)) датирована стоянка Мохово II; артефакты ее залегают в двух сближенных почвах, вероятный аналог которых – искитимский (Брянский) педокомплекс.

Наибольшие трудности в хронологических построениях представляет распределение во времени памятников сартанского оледенения, которые практически лишены изотопных датировок. На Алтае немало стоянок (Сростки, Майма и т.п.), независимо от высоты террас, к которым они приурочены, залегают в покровных осадках, подстилающих современные почвенные горизонты. Возможно, это следует считать косвенным признаком определения возраста культуросодержащих отложений, близкого к рубежу голоцена. Сходная картина наблюдается на многослойных разрезах пещерных стоянок, где плейстоценовые осадки перекрыты ритмично-слоистыми

пачками голоценовых образований с археологическими остатками неолитических и палеометаллических культур. По этому показателю к финалу сартанского времени относятся слой 5Б пещеры Искра, слой 9 центральной камеры и слой 1Б предвходовой площадки Денисовой, подтвержденный в последнем случае датами по C^{14} от 9,890 ± 40 (СОАН-2864) до 10,800 ± 40 (СОАН-2866). Близки к условной границе плейстоцена и голоцена материалы слоев 11А (10,310 ± 330) (СОАН-3402) и 11Б (10,860 ± 360) (СОАН-3514) пещеры Каминная (по работам 1990-х годов), ниже которых залегает ряд геологических тел с индустриями верхнего палеолита.

Можно считать общепризнанным, что в Кузнецкой котловине и Горной Шории в сартанское время происходит формирование покровного комплекса высоких террас, к которому приурочены многочисленные стоянки (Бедарево II, Шорохово I и т.д.) с материалами заключительного этапа верхнего палеолита.

Домустьерские материалы

До сих пор нет единого мнения о характере собранных кварцитов на Улалинке. А.П. Окладников, представлявший этот памятник и отнесший его к категории кварцитового палеолита, определил специфические особенности техники расщепления, квалифицированной им в разновидностях галечных технологий. В индустрии, по его мнению, преобладают грубо расколотые гальки, среди которых выделяются формы изделий с одно- и двусторонней обработкой конца и ступенчатой оббивкой продольного края. Вместе с тем признавались аморфность и морфологическая неустойчивость готовых вещей, не имеющих, как будто, объективных критериев искусственного раскалывания, ибо "отчетливых следов ударных бугорков не видно, фасетки сколов бесформенные, с защепами, без четких раковистых углублений. Негативы ударных бугорков не прослеживаются" (Окладников А.П., 1972, с. 11). Отсутствие признаков антропогенного воздействия на горные породы породило негативное отношение к стоянке, разделявшееся, впрочем, не всеми. Так, З.А. Абрамовой и В.П. Любиным среди многочисленных галек с аморфными плоскостями выделено около 100 артефактов, включающих ядрища и отщепы, чопперы, чоппинги, анкоши и серийно представленные скребла (Абрамова З.А., 1989).

Более отчетливые следы искусственной обработки идентифицированы на немногочисленных предметах с МК-I. Ряд образцов с лицевым огранением содержит систематические параллельно ориентированные снятия. Однако нижняя поверхность предметов не имеет плоскости отщепления и соответственно признаков отделения сколов от куска породы. Другие изделия представляют типичные артефакты с элементами искусственного скола (спинка, нижняя поверхность, площадка, ударный бугорок). Это асимметричные снятия с гладкой площадкой, рельефным бугорком, продольно-поперечными негативами лицевой поверхности, содержащей остатки исходного сырья. Край одного изделия содержит чешуйчатую лицевую ретушь. Один предмет соотнесен с плоским одноплощадочным ядрищем параллельного расщепления.

Единичные артефакты (отщепы, анкоши, гальки с негативами снятий) обнаружены также в самом древнем слое (19А) раскопа II разреза Усть-Каракол I.

Индустрия слоя 22 из многослойного разреза Денисовой пещеры выглядит весьма развитой, со сложившимися признаками площадочного и далее леваллуазского расщепления (IF = 32,8; IF st = 15,6; IL технический = 9,3; Iam = 5,8) и разнообразными орудиями на отщепах (рис. 1, *1–5*). Среди последних доминируют скребла (IR = 25,5) простые продольные, с брюшковой и противолежащей ретушью. Гораздо меньше остроконечников, включая леваллуазские острия, ножей с естественными обушками, анкошей, клювовидных, зубчатых и транкированных орудий. Есть и поперечный резец.

Материалы слоя 21 менее многочисленны (рис. 1, *6–8*). Ядрища шаровидные, ра-

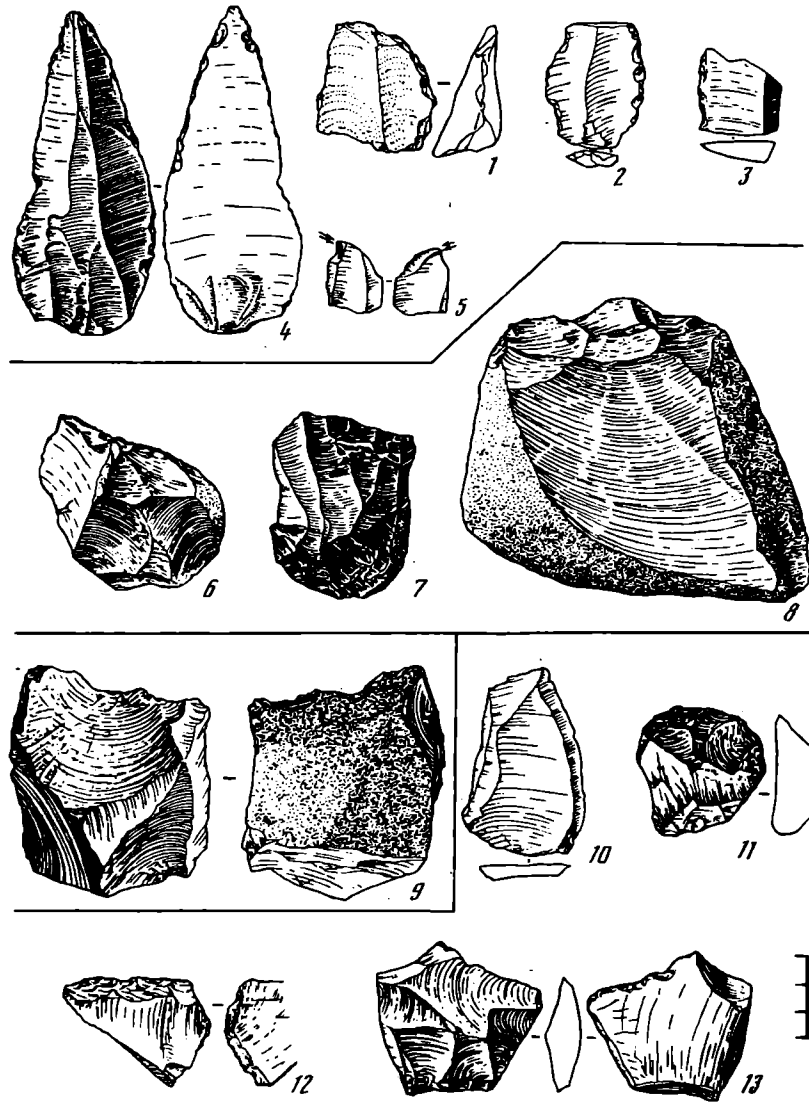

Рис. 1. Образцы домустьерских и мустьерских артефактов из Денисовой пещеры (*1–5* – слой 22; *6–8* – слой 21; *9* – слой 14; *10–13* – слой 16). *1, 2, 6, 12, 13* – скребла; *3* – зубчатое орудие; *4, 10* – остроконечники леваллуа; *6* – резец; *7, 9* – ядрища; *8* – галечное орудие; *11* – отщеп леваллуа

диальные, близкие к пирамидальным разновидностям, одноплощадочные параллельные. Из орудий на отщепах выделяются поперечные скребла, нож с обушком, орудие с черенком. Галечная форма классифицируется как чоппер с выпуклым широким лезвием.

Мустьерские материалы

Большинство из них – из пещер Страшной (слои 3, а–в по работам 1970-х годов), Денисовой (слои 20а–12), Усть-Канский, Окладникова (все культуросодержащие горизонты), местонахождения Тюмечин I могут быть помещены в различные фации мустье типичного (рис. 1, *9–13*; 2, *1–15*). Разумеется, существуют определенные внутрирегиональные различия между памятниками. Так, объем использования леваллуазской техники выделяют индустрии Усть-Канской и Страшной из массы других стоянок с умеренным развитием леваллуа. Обилие орудий на угловатых заготовках отличает инвентарь из пещеры Окладникова от других карстовых и открытых стоянок, где подобные формы изделий представлены единицами. Но есть и немало общих черт.

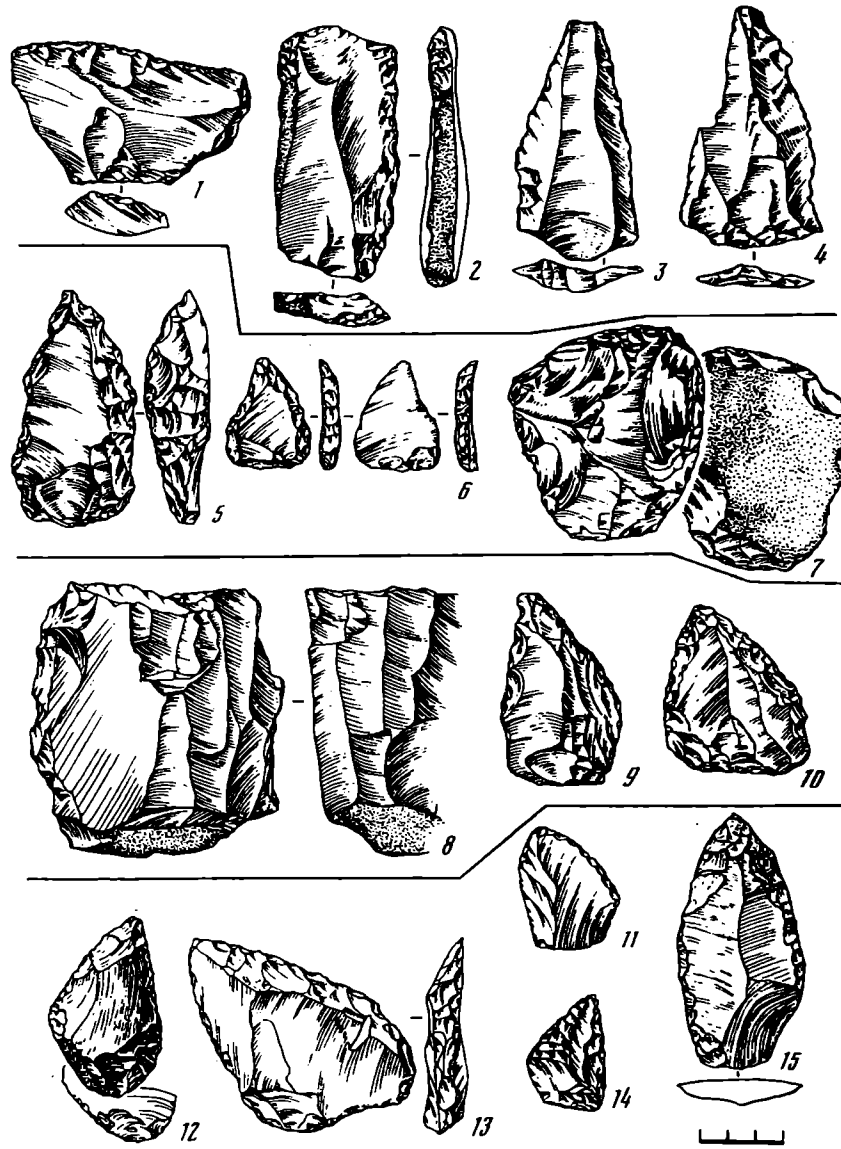

Рис. 2. Образцы мустьерских артефактов из пещеры Окладникова (*1–4* – слой 7; *5–7* – слой 6; *8–10* – слой 3; *11–15* – слой 2). *1, 2, 5, 6, 9–14* – скребла различных типов; *3, 4* – острия леваллуа; *7–8* – ядрища; *15* – остроконечник

Суммируя материалы, отметим, что данное мустье Алтая характеризуется радиальным, леваллуазским, параллельным и бессистемным расщеплением пород. Индексы подправки плоскостей снятий определяют индустрии как нефасетированные и фасетированные (слои 2, 3, 6, пещеры Окладникова, Тюмечин I), метрические соотношения – как непластинчатые, характер огранения – как нелеваллуазский и технически леваллуазский (Усть-Канская).

Вторичная обработка осуществлялась в основном с помощью различных ретушных отделок. Преобладает ретушь лицевая, полукрутая, средняя, полуглубокая и захватывающая, двурядная и чешуйчатая. Анкош, резцовый скол и чешуйчатая подтеска редки. Отмечается отделка, образующая обушковые части и выделяющая рабочие элементы орудий (ретушь, анкоши). Наблюдаются разнообразные приемы утоншения заготовок с целью удаления бугорков, подтески базальных частей, исправление кривизны профиля, уплощения активных кромок орудий.

В наборах орудий, не имеющих больших объемов леваллуазских форм, как, например, в пещере Усть-Канской и слое 7 пещеры Окладникова, доминируют разнообразные скребла (IR иногда достигает 42,3), обычными являются простые одинарные

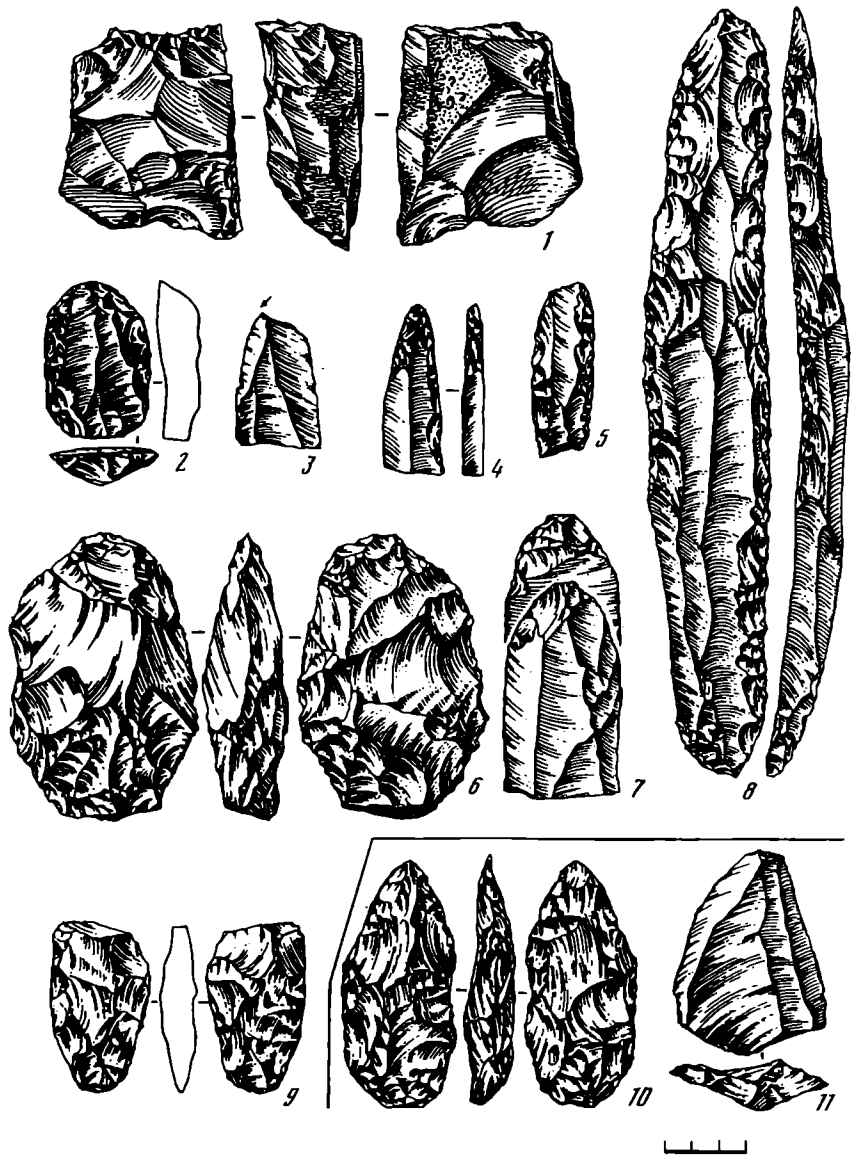

Рис. 3. Образцы мустьерских (?) артефактов и изделий начальной стадии верхнего палеолита из раскопа I стоянки Усть-Каракол I (*1–9* – слой 3; *10, 11* – слой 4). *1* – ядрище; *2* – скребок; *3* – резец; *4* – острие; *5* – скребло; *6, 9, 10* – бифасы; *7* – пластина с утончением; *8* – ретушированная пластина; *11* – скол леваллуа

комбинации, иногда с искусственными и естественными обушками, меньше двойных параллельных и конвергентных орудий, единичны скребла с ретушью по периметру (слой 7 в пещере Окладникова), с утонченной спинкой (слой 3 в пещере Окладникова) и нижней поверхностью (слой 13 в пещере Денисовой), типа полукина, с ретушью с брюшка и противолежащей отделкой. В пещере Окладникова широко представлены скребла-ножи с продольными и косыми обушками-гранями, включающие единичные бифасиальные орудия с искусственными обушками, напоминающие ножи типа бокштайн и клаузеннише и асимметрично угловатые déjeté двойных и тройных разновидностей. Помимо скребел в индустриях присутствуют мустьерские и леваллуазские остроконечники, выемчатые и зубчатые (их индекс обычно менее 8, в Тюмечине 1–22,9) орудия, верхнепалеолитические изделия (скребки, проколки, долотовидные образцы, резцы угловых и срединных комбинаций; индекс группы III колеблется в пределах 2,8–10,4), различные сколы с ретушью. К редким формам артефактов принадлежат орудия с черенком, транкированные изделия (слои 13, 14, 19, 20а в пе-

щере Денисовой) и унифасы (слой 3а в пещере Страшной). Артефакты с признаками леваллуазской морфологии (овальные, удлиненные и треугольные сколы), у которых отсутствует вторичная обработка, присутствуют на всех памятниках, образуя при этом различные показатели группы I. Наиболее значительны они в пещерах Усть-Канской (59,6), Страшной (47,9) и слое 7 пещеры Окладникова (37,1), где превосходят или чуть менее объемов группы II (соответственно 19,0; 37,5; 48,6). На других стоянках индексы леваллуа типологического составляют менее 15,0, что в 4 и более раз меньше значений мустьерской группы орудий.

Возможно, отмеченной типичной разновидностью не исчерпывается весь комплекс культуры Алтайского мустье. Так, необычными представляются немногочисленные материалы из нижнего (горизонт 4) слоя раскопа I Усть-Каракола I, содержащие помимо леваллуазских острий листовидный плосковыпуклый бифас с тщательно отделанными острием и основанием (рис. 3, *10, 11*). Не вполне ясно также положение нелеваллуазской непластинчатой индустрии, основанной на радиальном расщеплении пород Тюмечина II. Здесь помимо скребел (IR = 16,1) широко представлены выемчатые, зубчатые (группа IV = 22,5) орудия, клювовидные формы и галечные изделия, определяющие качество индустрии. Учитывая переотложенность материала, возможности повреждения краев заготовок в процессе механического переноса артефактов, вопрос об идентификации зубчатого мустье памятника, квалифицированного авторами раскопок, остается открытым.

Материалы начальной стадии верхнего палеолита

К ней отнесены объекты, датируемые по совокупности данных каргинским временем в интервале от малохетского оптимума до начала липовско-новоселовского потепления.

Суммируя основные показатели инвентаря алтайских стоянок, отметим очевидную ориентированность расщепления на получение удлиненных заготовок. В области техники раскалывания преобладало снятие удлиненных прямоостных пластин с параллельных ядрищ иногда со смещением поверхности скалывания на торец заготовки. Наиболее выразительные торцовые ядрища, в том числе вторичные, подчас трудноотличимые от резцов, встречены на Кара-Боме. Здесь же, а также в Кара-Тенеш и слое 11 пещеры Денисовой обнаружены микрообразцы пластинок неправильных очертаний. В Усть-Караколе I представлена специфическая форма торцовых асимметричных нуклеусов (прообразов клиновидных?) со скошенной площадкой и двусторонней радиальной оббивкой плоскости (рис. 3, *1*). Помимо параллельных в индустриях известны леваллуазские треугольные и черепаховидные ядрища, радиальные и многоплощадочные бессистемные (Ануй I).

Вторичная обработка орудий характеризуется в основном ретушью лицевой, реже – брюшковой, полукруглой, чешуйчатой, чешуйчато-ступенчатой, многорядной, разнофасеточной. Менее характерна для них тонкая, краевая, однорядная отделка. У изделий из Усть-Каракола I, Кара-Бома и Кара-Тенеш отмечаются подтеска и уплощение нижней поверхности, исправляющие кривизну основы. Случаи применения анкошей, намеренной фрагментации, резцового скола (кроме Кара-Бома) не столь многочисленны.

Среди орудий преобладают пластины с ретушью, разнообразные скребла, зубчато-выемчатые изделия, острия, скребки и др. (рис. 3, *2–5, 8*). Обычными среди пластин являются основы с лицевой регулярной одно- (Усть-Каракол I), двурядной ретушью и реже – с брюшковой отделкой. На Кара-Боме, Кара-Тенеш и Усть-Караколе I встречены основы с обработкой нижней поверхности в районе проксимального конца (рис. 3, *7*). Скребла на отщепах и пластинах, как правило, продольные выпуклые, реже – двойные, поперечные, с ретушью с брюшка, а также противолежащие. В материалах пещеры Страшной и Кара-Бома встречена разновидность обушковых орудий на пластинах, определяемых как ножи. Скребки, как правило, концевые на

пластинах, иногда с ретушью краев, реже – на отщепах (Ануй I). На Усть-Караколе I представлены боковые скребки на отщепах и бифасиальные – на удлиненных заготовках. Резцы, которых не так много, угловые, с одной-двумя кромками, реже – срединные асимметричные (Кара-Бом). Долотовидные орудия и проколки (пещеры Страшная, Денисова) не так многочисленны и зачастую аморфны. Острия (Усть-Каракол I, Кара-Бом) на пластинах и отщепах образованы лицевой и брюшковой ретушью, на них фиксируется прием брюшкового утончения концов. В пещере Денисовой выделяется серия клювовидных изделий. На всех памятниках представлены зубчато-выемчатые орудия, остроконечники на леваллуазских сколах, широких и узких пластинах (Кара-Бом) со сплошной ретушной отделкой краев. Единичны галечные орудия (Усть-Каракол I, Ануй I). Особенностью набора кремней из Усть-Каракола является наличие овальных и листовидных бифасов (рис. 3, *6, 9*). Костяные изделия (игла и пронизки из трубчатых костей) происходят лишь из слоя 11 Денисовой пещеры.

Из структур слоя памятников начальной поры верхнего палеолита Алтая документируются элементарные, слегка углубленные очаги (Кара-Тенеш, Усть-Каракол I), лишенные каких-либо конструктивных деталей.

В Кузнецкой котловине в коллекции стоянки Мохово II имеются радиальные и площадочные ядрища, скребла, в том числе обушковые и с бифасиальной ретушью, скребки (боковые, концевые на коротких отщепах), нож с диагональным искусственным обушком и бифасы овальных и листовидных очертаний. В отличие от алтайских индустрий кузнецкая не является пластинчатой и основана на укороченных заготовках.

Материалы второй половины верхнего палеолита

До сих пор на северо-западе Алтае-Саян сохраняется неопределенность с индустриями, занимающими промежуточное положение между начальным и заключительным этапами верхнего палеолита. Это те разновидности технокомплексов, существовавшие в ряде районов Западной Сибири, Енисея, Ангары в финале каргинской и начале сартанской эпох, которые можно описать в терминах европейского палеолита и объединить во вторую стадию этой эпохи.

Пока трудно предложить удовлетворительную версию, объясняющую отсутствие памятников средней стадии верхнего палеолита в рассматриваемых районах, хотя есть основание склониться в пользу исследовательского фактора, отражающего реальную степень изученности объектов данного возраста. О предпочтении его свидетельствуют палеогеографические реконструкции соответствующего промежутка геологической шкалы, которые при всей региональной дифференциации климата не дают показаний глубоких и резких изменений условий существования, вынуждавших бы население к оттоку в более благоприятные области обитания. Подтверждением этому служат недавно обнаруженные материалы из пещеры Страшной (верхняя половина разреза, полученного в 1990-х годах), стоянок Ануй II и, возможно, Ушлёп 6 (слой 3). Судя по предварительным данным, индустрия первых двух объектов характеризуется тем же сочетанием артефактов, существовавших ранее. (Зенин А.Н., 1993; Деревянко А.П., Шуньков М.В., 1992). Различия с памятниками начала верхнего палеолита усматриваются лишь в смене технологии, приведшей к резкому сокращению объемов удлиненных заготовок, и типологии в виде усовершенствования отдельных форм готовых вещей. Иной состав технокомплекса, лишенный признаков более ранних индустрий, демонстрирует стоянка Ушлёп 6 с мелкими призматическими или близкими к ним и радиальными ядрищами, пластинами с противолежащими выемками, скребками. Орудия из кости включают острие и пазовую основу. Из структур слоя отмечены простые очаги и плотные скопления колотого кремня (Кунгуров А.Л., 1996).

В случае подтверждения возраста Тюмечина 4 устанавливается непластинчатая индустрия с листовидными бифасами в сочетании со скребками, резцами, скреблами, зубчато-выемчатыми и единичными долотовидными орудиями.

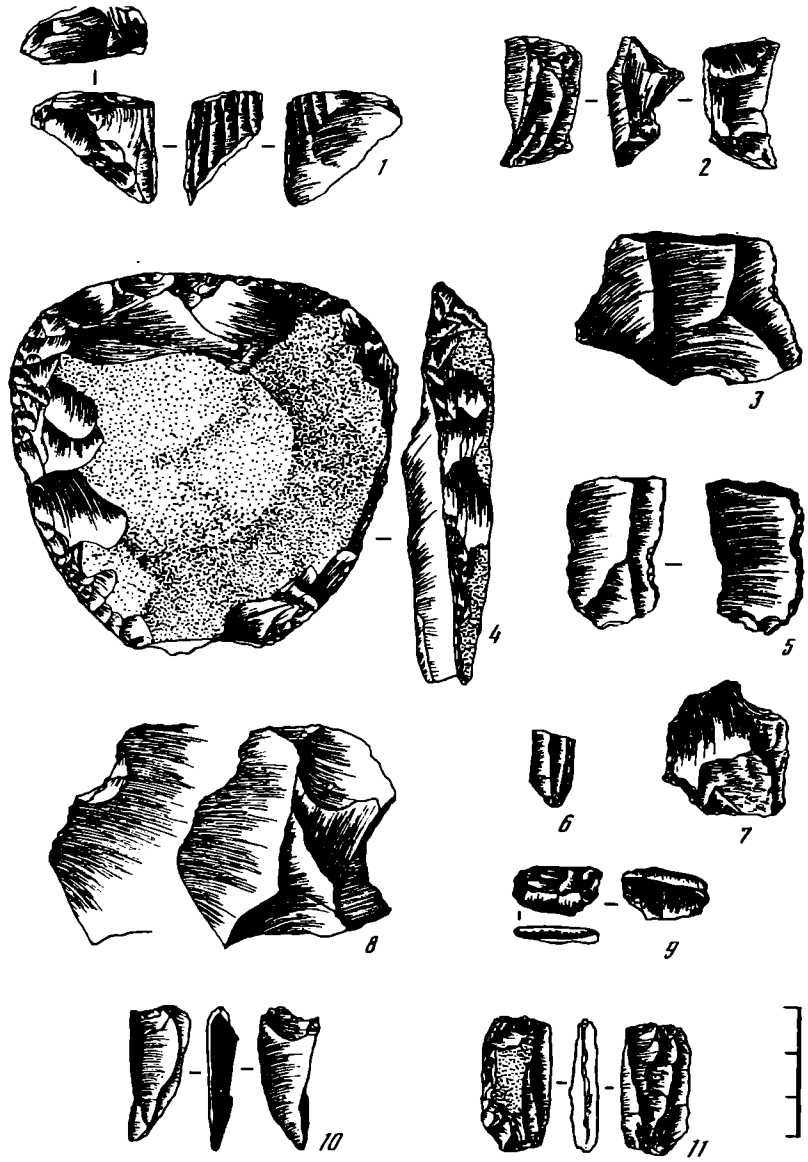

Рис. 4. Образцы артефактов заключительной стадии верхнего палеолита из слоя 11а пещеры Каминная. *1, 2* – ядрища; *3* – скол; *4* – скребло; *5, 6, 8* – пластины с ретушью; *7* – проколка-анкош; *9–10* – долотовидные орудия

Материалы заключительной стадии верхнего палеолита известны во всех орографических районах северо-запада Алтае-Саян.

Памятники Алтая (Сростки, нижние слои Усть-Семы и Маймы, Каратурук, слой 11 пещеры Каминная, сборы в Чуйской котловине) при всей вариабельности инвентаря обладают рядом общих особенностей (рис. 4). Для них характерны техника параллельного скалывания с разнообразных площадочных ядрищ, скалывание микропластин с торцовых и клиновидных ядрищ, в том числе и микрообразцов (Майма; Кара-турук), реже – радиальная и другие виды техники расщепления сырья. В коллекциях, как правило, преобладают отщепы, крупные пластины не столь многочисленны, а зачастую и редки. Вторичная обработка представлена ретушью преимущественно лицевой, реже – брюшковой, полукрутой, чешуйчатой и чешуйчато-ступенчатой. Менее развитыми видами отделки выглядят подтеска и резцовый скол.

Из орудий наиболее выделяются скребла продольные выпуклые, иногда с частичной двусторонней отделкой (Сростки, Урожайная). Не менее выразительны разнообразные скребки из отщепов и пластин (округлые, овальные, концевые, нукле-

видные, микроформы). Резцы преимущественно простых форм составляют небольшие объемы в орудийных наборах. Встречаются проколки на углу отщепов (Сростки); иногда с массивным коротким выступом (Майма) или утонченными жальцами (Усть-Куюм). Единичны долотовидные формы, остроконечники, галечные орудия (Юстыд-I) и атипичные бифасы. На памятниках Чуйской котловины немало зубчато-выемчатых орудий, на которых, однако, иногда отмечаются механические повреждения краевых участков. В структуре нижнего слоя стоянок Майма и Усть-Куюм отмечаются очаги с выкладками из камней.

Необычными на этом фоне выглядят материалы Северо-Западного Алтая, происходящие из пещер Денисовой (слой 9 центральной камеры и первый предвходовой площадки) и Искра (слой 5б). Основу данных технокомплексов составляют пластины и пластинки, снятые с плоских и призматических ядрищ. Представлены и клиновидные нуклеусы (предвходовая площадка пещеры Денисовой) в совокупности с крутоизогнутыми уклонившимися естественно-заостренными пластинами (пещера Искра). Среди орудий обычны пластины с ретушью, концевые скребки, проколки, редки резцы и долотовидные формы. Особенно выразителен микроинвентарь в виде пластинок с притупленным краем, имеется и экземпляр миниатюрного сегмента (слой 9 пещеры Денисовой). Скребла и остроконечники единичны. Представителен набор и костяной индустрии, происходящий из пещеры Денисовой: иглы, проколки, штырьки, пазовые наконечники; из украшений – пронизки, часть которых с точечным и линейным орнаментом, пластинки со сверлением и следами гравировки, подвески из зубов марала и лисицы.

Особенностью верхнепалеолитических стоянок Кузнецкой котловины (Бедарево II, Ильинка II и т.д.) и Горной Шории (Сарбала III, Кузедеево I–V и т.д.) является прежде всего их пластинчатая ориентация, выражающаяся как в объеме удлиненных заготовок, так и в разнообразии плоскостных ядрищ, предназначенных для их снятия. Не так много торцовых и клиновидных микроядрищ.

Вторичная обработка включала в себя различную ретушь, резцовый и выемчатый сколы и менее всего подтеску. На некоторых памятниках отмечены аккомодационная отделка и искусственная фрагментация.

Среди орудий преобладают пластины и пластинки с ретушью, разнообразные скребки и резцы, зубчато-выемчатые орудия, далее следуют скребла, галечные изделия, ножи с обушком, единичные остроконечники.

Выводы и обсуждения

Наименее обеспеченной на северо-западе Алтае-Саян выглядит домустьерская ступень палеолита. В настоящее время можно считать установленным наличие древнейшего палеолита в Северной Азии как галечного, так и двустороннего характера (Тува). Широкое распространение галечных индустрий в пределах Енисея, Приангарья, Лены допускает и подтверждает квалификацию Улалинки в понятиях подобной технологии. Вместе с тем существующая неопределенность с этим объектом делает необходимым проведение вторичной экспертизы, подразумевающей востановление разреза на памятнике, его документацию и изучение всеми возможными методами геологии, а также диагностику инвентаря с уточнением признаков искусственного раскалывания и классификацией состава индустрии. Совокупность артефактов из нижней части Денисовского разреза имеет признаки одного из вариантов мустьерского комплекса, представленные в равной мере и в вышележащих материалах (слои 20а–12), который в целом довольно схож, воспринимается как проявление одной традиции обработки горных пород и развивается в направлении мустьерских черт. Безусловно, необходима проверка возрастных определений геологических тел пещеры Денисовой, прежде всего биостратиграфическими характеристиками органического материала. Вместе с тем предлагаемые даты в сочетании с развитым левалуазским инвентарем, происходящим отсюда, не выглядят редким исключением из

правил возникновения и развития начальных этапов культуры среднего палеолита (Bosinski G., 1982; Valoch K., 1982; Webb E.K., 1988). Неустойчивость хронологии домустьерских индустрий Сибири, несомненно, затрудняет выяснение истоков индустрий леваллуазского профиля нижних слоев пещеры Денисовой. Поэтому любая модель либо местной трансформации, либо переноса подобных технокомплексов из других центров (например, Восточного Средиземноморья, а материал допускает и такое) будет сугубо гипотетической.

Гораздо более отчетливо устанавливается мустьерская ступень палеолита, и прежде всего ее типичная разновидность. Носителями данного мустье, судя по антропологическим находкам (постоянные моляры и премоляры подростков) из пещер Денисовой (слой 12) и Окладникова (слой 2 и 3), были представители неандертальской линии эволюции, напоминающие "классических" неандертальцев Европы (например, из Монсемпрона) и Ближнего Востока (типа Шанидар II), но стоявшие близко к европейским формам (Turner Cr.G., 1990). В расовом отношении наблюдается уклон в сторону европейского генетического родства.

Морфологические и типологические свойства технокомплексов алтайского мустье позволяют оценить их как составную часть среднего палеолита Евразии. Такой вывод следует из сравнения памятников с индустриями типичного мустье Юго-Западной Франции, Восточной Европы; Северного Кавказа. Не менее показательны азиатские параллели: с ябрудийским вариантом мустье Ближнего Востока, с рядом памятников Средней Азии и Казахстана (Derevianko A.P., Markin S.V., 1995). Региональные аналогии алтайского типичного мустье возможны с небольшой коллекцией леваллуа-мустьерского облика из грота Двуглазка в Кузнецком Алатау, со сборами, произведенными на верхнем Енисее (Каменный Лог II, комплекс Б), и в Туве на склонах р. Саглы и хребте Танну-Ола (Абрамова З.А., 1989; Астахов С.Н., 1986; Хроностратиграфия... 1990). Тувинским сборам близки леваллуа-мустьерские материалы поверхностных объектов зарубежного Алтая (Палеолит и неолит..., 1990).

Происхождение типичного варианта мустьерской культуры Алтая и ряда районов Южной Сибири в настоящее время вряд ли можно определить однозначно. Каковы бы ни были причины (миграции древних коллективов, процессы диффузии), объясняющие совпадение характеристик материалов, разбросанных за тысячи километров друг от друга, мы не вправе исключать возможность независимого происхождения и стадиального повторения в Сибири той ступени среднего палеолита, которая была характерна для многих районов Евразии. В случае подтверждения среднеплейстоценового возраста материалов из нижней части колонки Денисовой пещеры отмеченные мустьерские наборы инвентаря в сравнении с ними иллюстрируют определенную непрерывность в последовательности развития индустрий.

Обычным, но не обязательным для среднего палеолита является параллельное сосуществование различных вариантов мустьерской культуры. Для Алтая данный тезис может быть подтвержден лишь дальнейшими изысканиями. Так, материалы из слоя 4 раскопа I Усть-Каракола I, содержащие листовидный бифас, позволяют прогнозировать открытие и выделение памятников, тяготеющих к центрально- и восточноевропейскому микоку. Несмотря на преждевременность определения зубчатого мустье по материалам Тюмечина II, вероятность открытия памятников этой разновидности на северо-западе Алтае-Саян велика. Косвенным свидетельством такого допущения служат индустрия с преобладанием зубчато-выемчатых и клювовидных форм изделий над другими категориями инвентаря, происходящие из осадков террас Южного Хангая на Орхоне 1 и 7 (Деревянко А.П., Петрин В.Т., 1990). Что касается тюмечинского объекта, то его индустрия вполне сопоставима с подъемными сериями из Центральной Тувы и районов оз. Убса-Нур, определяемыми как "мустье галечной традиции" (Астахов С.Н., 1993), а также со сборами из зарубежного Алтая (Олон-Нур 2), содержащими в большом количестве галечные формы, но именуемыми "зубчато-выемчатой линией развития мустье" Монголии (Палеолит и неолит..., 1990). Однако время проявления подобной культуры не установлено.

Судя по материалам начальной стадии верхнего палеолита, процесс становления новой эпохи в регионе носил характер постепенной, плавной трансформации мустьерской культуры путем насыщения ее элементами позднего палеолита. Наличие мустьерских и леваллуазских черт в материалах стоянок, образующих нечеткое единство, свидетельствует о том, что истоки индустрий лежат в разновидностях местного мустье. При этом большинство материалов (Кара-Тенеш, соответствующие культуросодержащие горизонты Кара-Бома, пещер Денисовой, Страшной) имеют генетические корни в индустриях типичного варианта. Вместе с тем продолжают существовать и индустрии с листовидными бифасами, дополненные овальными образцами, пластинчатых (слой 3 раскопа I Усть-Каракола I) и непластинчатых (Мохово II, Ануй I(?)) вариантов. Последнее обстоятельство намечает возможную некоторую дивергенцию предковой индустрии в финале каргинской эпохи, фрагмент которой зафиксирован в слое 4 раскопа I Усть-Каракола I.

Если переход к новой эпохе определяется как постепенный, а не внезапный процесс, то во времени он может быть относительно продолжительным. Подобное явление допускает сосуществование на протяжении какого-то отрезка времени как тех, так и других индустрий. Примерами их сопоставления на Алтае, исходя из данных абсолютной хронологии, могут служить типично мустьерский набор инвентаря слоя I пещеры Окладникова и практически одновременно существовавшие с ним комплексы начала верхнего палеолита.

Пластинчатые комплексы Алтая вполне сопоставимы с индустриями второй половины каргинского времени, широко распространенными в Сибири до Забайкалья включительно (Малая Сыя, Макарово IV, Варварина Гора, ряд слоев Брянского комплекса и т.д.) и сочетающими в инвентаре верхнепалеолитические и мустьерские элементы. Аналогичные сочетания при развитии пластинчатой технологии зафиксированы примерно в одновременных индустриях Монголии (верхние слои Орхона 1 и 7), в Центральном и Северном Китае (фаза II, по Гай Пэю), что свидетельствует о сходных с сибирскими путях становления верхнего палеолита (Деревянко А.П., Петрин В.Т., 1990; Tand Chung, Gai Pei, 1986).

Начало становления верхнепалеолитической эпохи не столь огромной территории вряд ли удастся унифицировать на незначительном отрезке верхнепалеолитического вюрма, что предлагается рядом исследователей (Лисицын Н.Ф., 1996). По имеющимся данным, в различных районах Северной и Центральной Азии время, пути и скорость замены мустье верхним палеолитом, равно как и последовательность дальнейших изменений, далеко не одинаковы. Первое и достаточно яркое проявление верхнего палеолита в Сибири, судя по радиоуглеродной хронологии Кара-Бома и Макарово IV (верхняя Лена), наблюдается ранее 40 тыс. л.н. (Goebel T. et al., 1993; Goebel T., Aksenov M., 1995).

Материалы конца каргинской и начала сартанской эпох в рассматриваемом регионе крайне фрагментарны. Опираясь на индустрии Ануя II и пещеры Страшная (по работам 1990-х годов), отметим, что какой-либо прерывистости в эволюции наборов артефактов возраста 27–20 тыс. л.н. не наблюдается, что предполагает определение непрерывной формы его развития. Возможно, в данном интервале существовали непластинчатые комплексы с листовидными бифасами (Тюмесин 4), продолжающими линию развития ранее бытовавших индустрий, в составах которых значатся двусторонние формы инвентаря. В связи с исследованиями стоянки Ушлеп 6, возможно, определяется еще более сложный характер взаимодействия разнотипных индустрий на этом временном промежутке геологической шкалы.

Материалы заключительной стадии верхнего палеолита, определяемые как сартанские, при всей вариабельности инвентаря сохраняют черты, унаследованные от предшествующего времени. Здесь наблюдается территориальная ограниченность технологических вариантов. Так, индустрии Алтая основаны на укороченных заготовках, что в сочетании с другими признаками делает их вполне сравнимыми с афонтовской группировкой Енисея, стоянками Приангарья (Федяево), Забайкалья (Ошурково),

Сагсайской котловины и Северной Монголии. Материалы Кузнецкой впадины, напротив, демонстрируют технологию получения удлиненных основ, что способствует обнаружению некоторых связей с кокоревской культурой Енисея, пластинчатой индустрией Прииртышья (Шульбинка) и стоянками западных отрогов Горной Шории (группа ушлепских объектов).

В самом конце верхнего плейстоцена и на рубеже последнего с голоценом на ряде памятников Алтая (верхние слои пещеры Денисовой, нижние – пещеры Искры) зафиксированы эпизоды, нарушающие устанавливаемую эволюционную последовательность индустриального набора. Контрастность данного явления подчеркивается локальностью его распространения в финальноплейстоценовых и раннеголоценовых культурах региона. Генетические корни подобных индустрий отчетливо проследить пока не удается.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова З.А., 1975. Археологические культуры в верхнем палеолите Сибири и южносибирская культурная область // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопределеных территорий. Новосибирск.

Абрамова З.А., 1989. Палеолит Северной Азии // Палеолит Кавказа и Северной Азии. Л.

Анисюткин Н.К., Астахов С.Н., 1970. К вопросу о древнейших памятниках Алтая // Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск.

Астахов С.Н., 1986. Палеолит Тувы. Новосибирск.

Астахов С.Н., 1993. Палеолит Тувы. Дис. ... д-ра ист. наук. СПб.

Васильев С.А., 1988. Локальные культуры и специфика верхнего палеолита Сибири // Методические проблемы археологии Сибири. Новосибирск.

Деревянко А.П., 1992. Палеолит Горного Алтая // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск.

Деревянко А.П., Зенин А.Н., 1990. Палеолитическое местонахождение Ануй I // Комплексные исследования палеолитических объектов бассейна р. Ануй. Новосибирск.

Деревянко А.П., Зенин А.Н., 1995. Верхнепалеолитические комплексы пещеры Страшной // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул.

Деревянко А.П., Зыкина В.С., Маркин С.В., Николаев С.В., Петрин В.Т., 1992. Первые раннепалеолитические объекты Кузнецкой котловины (стратиграфия, палеогеография и предварительные археологические определения). Новосибирск.

Деревянко А.П., Лаухин С.А., Куликов О.А., Гнибиденко Э.Н., Шуньков М.В., 1992. Первые среднеплейстоценовые датировки палеолита Горного Алтая // Докл. РАН. Т. 332. № 3.

Деревянко А.П., Маркин С.В., 1987. Палеолит Чуйской котловины. Новосибирск.

Деревянко А.П., Маркин С.В., 1990. Палеолитические памятники бассейна реки Ануй (общий обзор) // Комплексные исследования палеолитических объектов бассейна р. Ануй. Новосибирск.

Деревянко А.П., Маркин С.В., Барышников Г.Я., Феденева И.Н., 1995. Пещера Искра – новый многослойный памятник в предгорном Алтае // Обозрение результатов полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 г. Новосибирск.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., 1988. Пространственный и временной аспекты существования комплексов каменного инвентаря типа Кара-Бом // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., 1989. Археология Малояломанской пещеры // Карст Алтае-Саянской горной области и сопредельных горных стран. Барнаул.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., 1990. Стратиграфия палеолита Южного Хангая (Монголия) // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки. Новосибирск.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., 1992. Археологические исследования в долине р. Ануй // Altaica. issue 1.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Лаухин С.В., Гнибиденко З.Н., Левковская Г.М., Орлова Л.А., 1992. Возраст алтайского мустье в свете новейших данных // Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке. Красноярск.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Постнов А.В. и др., 1995. Новый этап палеолитической стоянки Усть-Каракол I на северо-западе Горного Алтая // Обозрение результатов полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 году. Новосибирск.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Постнов А.В., 1996. Предварительные результаты археологического изучения многослойной палеолитической стоянки Усть-Каракол I в Горном Алтае // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. Новосибирск.

Зенин А.Н., 1993. Предварительные результаты исследований в пещере Страшная // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул.

Кадиков Б.Х., Лапшин Б.И., 1978. Каратурук – новая стоянка каменного века Горного Алтая // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск.

Кунгуров А.Л., 1991. Относительная хронология палеолитических памятников бассейна Катуни // Проблемы хронологии в арехологии и истории. Барнаул.

Кунгуров А.Л., 1996. Мальтийский культурный слой поселения Ушлеп-6 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул.

Лисицын Н.Ф., 1995. К вопросу о начальном этапе позднего палеолита Сибири // РА. № 1.

Маркин С.В., 1986. Палеолитические памятники бассейна реки Томи. Новосибирск.

Окладников А.П., 1968а. Страница из жизни палеолитического мастера: клад каменных изделий у пос. Аил (с. Кузедеево) // Из истории Сибири и Алтая. Барнаул.

Окладников А.П., 1968б. Сибирь в древнекаменном веке // История Сибири. Т. I. Л.

Окладников А.П., 1972. Улалинка – древнепалеолитический памятник Сибири // МИА. № 185.

Окладников А.П., 1981. Палеолит центральной Азии. Мойлтын Ам (Монголия). Новосибирск.

Окладников А.П., 1983. Палеолитическая стоянка Кара-Бом в Горном Алтае (по материалам раскопок 1980 г.) // Палеолит Сибири. Новосибирск.

Окладников А.П., Владыкин В.А., 1976. Древнее поселение на р. Куюме (Алтай) по раскопкам 1964–1965 гг. // Известия лаборатории археологических исследований. Вып. 1. Кемерово.

Окладников А.П., Муратов В.М., Оводов Н.Д., Фриденберг Э.О., 1973. Пещера Страшная – новый памятник палеолита Алтая // Материалы по археологии Сибири и Дальнего Востока. Ч. 2. Новосибирск.

Палеолит и неолит Монгольского Алтая, 1990. Новосибирск.

Петрин В.Т., Николаев С.В., Чевалков Л.М., Ануфриева Р.Г., 1995. Памятник эпохи палеолита Кара-Тенеш (Кара-Тамыш) // Обозрение результатов полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 году. Новосибирск.

Петрин В.Т., Чевалков Л.М., 1993. Исследования на стоянке Древнего человека Кара-Бом // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Ч. I. Барнаул.

Руденко С.И., 1960. Усть-Канская пещерная палеолитическая стоянка // МИА. № 79.

Сосновский Г.П., 1936. Палеолитические находки в предгорьях Алтая // Тр. Советской секции Международной ассоциации по изучению четвертичного периода. Вып. 2. М.; Л.

Шуньков М.В., 1990. Мустьерские памятники межгорных котловин Центрального Алтая. Новосибирск.

Шуньков М.В., Николаев С.В., Кривошапкин А.И., 1994. Позднепалеолитическая стоянка Тюмечин-4 в Горном Алтае // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. Горно-Алтайск.

Хроностратиграфия палеолитических памятников Средней Сибири (бассейн Енисея), 1990. Новосибирск.

Bosinski G., 1982. The transition Lower. Middle Paleolithic in North-Western Germany // The transition from Lower to Middle Paleolithic and the Origin of Modern Man. Bar international series. V. 151.

Derevianko A.P., Markin S.V., 1995. The Mousterian of the Altai of Middle Paleolithic Culture of Eurasia // The defenition and interpretation of Levallois Technology. Monographs in World Archaeology. № 23. Madison.

Goebel T., Alsenov M., 1995. Accelerator radiocarbon dating of the inital Upper Palaeolithic in southeast Siberia // Antiquity. № 69.

Goebel T., Derevianko A., Petrin V., 1993. Dating the middle-to Upper-Paleolithic Transition at Kara-Bom // Current Anthropology. V. 3. № 4.

Tang Chung, Gai Pei, 1986. Upper Paleolithic Cultural Traditions in North China // Advances in World Archaeology. V. 5.

Turner Cr.G., 1990. Paleolithic Teeth of the Central Siberian Altai Mountains // Chronostratigraphy of the Paleolithic in North, Central, East Asia and America. Novosibirsk.

Valoch K., 1982. The Lower/Middl Paleolithic Transition in Czechoslovacia // The Transition from Lower to Middle Paleolithic and the Origin of Modern Man. Bar international series. V. 151.

Webb E.R., 1988. The implications for Middle Paleolithic culture history of recent altemts at radiometric dating // Homme de Neandertal 1. Lo Cronologie. Etudes et Recherches Archeologiques d l'Universite de Liege. № 28. Liege.

Институт археологии и этнографии
СО РАН, Новосибирск

A.P. DEREVYANKO, S.V. MARKIN

THE PALEOLITHIC AGE OF THE NORTH-WEST OF THE ALTAI-SAYANY MOUNTAINS

S u m m a r y

The paper is dedicated to the summarization of Paleolithic artifacts of a large chronological range that come from mountainous districts of the Altai mountains and adjacent districts of the Kuznetsk depression and Mountainous Shoria. Variants of stage-by-stage and localcultural delineation of Old Stone Age sites that date exclusively to the Upper Paleolithic Age were offered during the studies of the Paleolithic of this region. The use of numerous natural, scientific and proper archaeological data has allowed only recently to systemize artifacts by various stages of the Paleolithic (pre-Mousterian period, Mousterian period, Upper Paleolithic) and outline the character of evolutionary changes in industries allocated along the climatic and strategraphic scale of the medium and upper Pleistocene. A detailed analysis of original artifacts allows to suggest that over a long period of time this region presented a model of local continuity of cultural phenomena in the sequence of industries transformations.

Л.Т. ЯБЛОНСКИЙ

МОДЕЛЬ РАННЕГО ЭТНОГЕНЕЗА В СКИФО-САКСКОЙ КОНТАКТНОЙ ЗОНЕ

Необходимым исходным элементом развития этногенетического процесса является определенная территория проживания, ибо формирование этноса невозможно вне конкретных географических рамок. С этой точки зрения степь эпохи раннего железного века представляла собой огромную территорию, в пределах которой проходило формирование разноэтничных сообществ, объединенных принципом ведения хозяйства на основе скотоводства.

Однако в пределах огромного степного пространства выделяются области, регионы и микрорайоны с весьма разнообразными ландшафтами и экологическими условиями. Именно в таких районах, по мысли В.П. Алексеева (1975), развивались антропогеоценозы – симбиоз хозяйственного коллектива и освоенной им территории. В контексте истории материальной культуры именно эти районы сопоставимы с "очагами культурогенеза" В.С. Бочкарева (1991) и очагами конкретных этногенезов.

Южное Приаралье по крайней мере с эпохи неолита входило в зону контактов разнокультурного и антропологически гетерогенного населения (Виноградов А.В. и др., 1986). Специфика местной тазабагъябской культуры эпохи бронзы во многом была обусловлена инфильтрацией культурных особенностей срубников и андроновцев (Итина М.А., 1977). Сходные тенденции, судя по материалам поселений амирабадского типа и могильника Северный Тагискен, хорошо проявляются и в эпоху поздней бронзы (Итина М.А., 1992). В начале раннего железного века степи и полупустыни Приаралья служили контактной зоной культур европейского (скифского) и азиатского (сакского) типов (Яблонский Л.Т., 1992; 1993). Поэтому можно ожидать, что именно здесь этногенетические процессы, протекавшие в эпоху формирования культур наиболее ранних скотоводов степи, носили особенно сложный и специфический характер.

Экспансия державы Ахеменидов существенным образом повлияла на ход этноисторических процессов на территории Средней Азии и отчасти Казахстана. Поэтому в контексте *раннего* этногенеза мы будем анализировать материалы из приаральских памятников только доахеменидского времени.

Это хронологическое ограничение исключает из рассмотрения прикаспийские области, лежащие к западу от Сарыкамышского озера, районы Устюрта, Северного Прикаспия и Северного Приаралья, поскольку памятники доахеменидского времени здесь пока не зафиксированы. Таким образом, фактически, в контексте проблемы раннего этногенеза населения скифо-сакской контактной зоны, в настоящее время речь может идти только о Южном и Юго-Восточном Приаралье или о междуречье дельт Аму- и Сырдарьи.

Благодаря раскопкам многочисленных погребений сакского времени мы располагаем серийными археологическими (Вишневская О.А., 1973; Вайнберг Б.И., 1979; 1992; Итина М.А., 1992; Яблонский Л.Т., 1996; Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1997) и антропологическими (Алексеев В.П., Гохман И.И., 1984; Трофимова Т.А., 1967; Яблонский Л.Т., 1996; Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1997) материалами из этого региона.

Важно и то, что помимо памятников собственно сакского типа в Приаралье были

© Л.Т. Яблонский, 1998 г.

археологически исследованы некрополи и поселения предшествующего по времени культурного пласта, такие, как мавзолеи Северного Тагискена на Сырдарье (Итина М.А., 1992), поселения амирабадской культуры в Акчадарьинской дельте Амударьи (Итина М.А., 1977), поселение Канга-1 в Присарыкамышье (Дурдыев Д., 1984), а также памятники, культурно не входящие в круг сакских, но синхронные им – поселения типа Кюзели-гыр (Толстов С.П., 1962) и Дингильдже (Воробьева М.Г., 1973). Это позволяет реконструировать этногенез саков Приаралья на широком историческом фоне и с учетом конкретных форм региональной культурно-исторической ситуации.

Палеоэкологическая ситуация в Юго-Восточном Приаралье[1]

Древняя дельта Сырдарьи расположена между ее современным руслом и самой южной системой сухих русел Инкардарьи. Она представляет собой треугольник, ограниченный с юга массивом кызылкумских песков, с востока – полупустынями, а с запада – береговой линией Аральского моря. Этот треугольник заполнен множеством русел, которые спорадически функционировали в различные хронологические периоды. Памятники раннесакского времени привязаны в основном к руслам Инкардарьи в южной части сырдарьинской дельты. Близость кызылкумских песков обеспечивала древним скотоводам хорошие сезонные пастбища.

Естественной границей расселения популяций раннесакского типа Сырдарьи на западе служила линия, образованная южной и западной береговыми линиями Арала, сухой в раннесакское время Акчадарьинской дельтой Амударьи и коренными песками Каракумов. Эта граница не являлась непроницаемой, но служила все же определенным барьером в распространении культур сакского типа на запад. На востоке и северо-востоке подобных природных барьеров не существовало.

Таким образом, сама палеогеографическая ситуация как будто обусловливала восточную направленность этногенетических связей присырдарьинских популяций раннесакского времени. Другой вывод состоит в том, что на территории дельты Сырдарьи существовали все экологические условия для возникновения и длительного функционирования антропогеоценоза и очага культурогенеза.

Палеоэкологическая ситуация в Южном Приаралье

В неолитический период Присарыкамышская дельта Амударьи была занята населением кельтеминарской культуры. В эпоху бронзы в связи с активным функционированием Акчадарьинской дельты произошло осушение (Вайнберг Б.И., 1991а, с. 126) или заболачивание (Итина М.А., 1977, с. 32) присарыкамышских протоков. В любом случае, территория Присарыкамышья оказалась непригодной для постоянного обитания. Локальные поселения амирабадского типа возникают здесь не ранее VIII в. до н.э. и исчезают, по-видимому, в конце этого столетия (подробнее об этом см.: Вайнберг Б.И., 1991а, с. 126).

В конце VIII (Яблонский Л.Т., 1991а) или в VII (Вайнберг Б.И., 1991а,б) в. до н.э. здесь появляются поселения и могильники куюсайской культуры (Вайнберг Б.И., 1979) и синхронные им могильники сакского типа (Яблонский Л.Т., 1986; 1996). Независимо от решения дискуссионного вопроса о типологической принадлежности куюсайской культуры (Итина М.А., 1979) совершенно очевидно, что только с появлением ранних скотоводов Присарыкамышье вновь становится очагом этно- и культурогенеза. Локальные популяции, заселившие этот регион, не имеют здесь собственных корней и по сути являются мигрантами.

В эпоху бронзы, на рубеже III–II тыс. до н.э. главный сток вод Амударьи проходил по Акчадарьинским протокам. Это привело к тому, что южные районы дельты стали

[1] Уже после того, как эта статья была сдана в редакцию, вышла глубокосодержательная работа Б.И. Вайнберг (1997), специально посвященная проблемам палеоэкологии Приаралья.

пригодными для заселения. Однако в начале I тыс. до н.э. вода в Акчадарьинских руслах стала иссякать, что способствовало их запустению.

На территории Акчадарьинской дельты, по устным сообщениям специалистов в области археологии Хорезма, были сделаны подъемные находки наконечников стрел раннесакского типа. Однако погребальные комплексы раннесакского времени здесь неизвестны, стратифицированные поселения сакского типа не исследованы. Стоянка Якке-Парсан 14, которая керамическим материалом может быть датирована раннесакским временем, наследует в трансформированном виде традиции амирабадской культуры, но не имеет здесь собственного продолжения (Итина М.А., 1977, с. 171, 172). Таким образом, вероятно, что территорию Акчадарьинской дельты следует исключить из перечня районов раннего этно- и культурогенеза саков.

Итак, палеоэкологические материалы свидетельствуют о том, что в эпоху раннего железного века, в доахеменидский период истории Средней Азии и Казахстана, обеспечить устойчивость развития этногенетических процессов принципиально могли только две области Приаралья: Присарыкамышская дельта Амударьи и Инкардарьинская, возможно, Жаныдарьинская дельты Сырдарьи.

Археологическая ситуация

Юго-Восточное Приаралье

В рамках этого исследования мы намеренно игнорируем дискуссионный вопрос об истоках сакской культуры Казахстана в целом. Этот вопрос, как известно, сводится к проблеме положения дандыбай-бегазинской культуры в типологической системе памятников эпохи поздней бронзы Казахстана (Кызласов Л.Р., 1975). Для нас исключительно важным, с точки зрения изучения этногенеза, фактом является то обстоятельство, что культура сакского типа Сырдарьи имеет непосредственно подстилающий ее культурный пласт, археологически представленный могильником Северный Тагискен (Вишневская О.А., Итина М.А., 1971, с. 198; Итина М.А., 1992). Это обстоятельство позволяет утверждать, что во всяком случае в генеральном плане население сакского типа Сырдарьи или отдельные его группы имели собственные этногенетические корни на территории современного Казахстана, а множество археологических параллелей указывает на то, что это население являлось неотъемлемой частью сакского культурного мира (Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1997).

Помимо этих могильников в бассейне средней Инкардарьи и Жанадарьи были обнаружены многочисленные поселения. Некоторые из них, по мнению автора, публикации части этих памятников (Левина Л.М., 1979, с. 190), могут быть оставлены населением, хоронившим на возвышенностях Уйгарак и Тагискен.

Таким образом, можно предполагать, что в доахеменидский период на территории Сырдарьинской дельты располагался монокультурный этногенетический очаг, археологически представленный поселениями и могильниками скотоводческого населения, которое идентифицируется в науке как "классическое" сакское в широком понимании этого термина.

Присарыкамышская дельта Амударьи

К доахеменидскому периоду относятся поселение Куюсай-2 и могильник куюсайского типа Тумек-Кичиджик (VII – первая половина VI в. до н.э.), возможно, могильник Тарым-кая 1 (VI–V вв. до н.э.), раскопанные Б.И. Вайнберг на протяжении 1970-х годов (Вайнберг Б.И., 1991б, с. 11), а также могильники и отдельные захоронения типа Сакар-чага (Яблонский Л.Т., 1991а; 1996).

Проблема доахеменидской принадлежности наиболее ранних комплексов кюзелигырской культуры остается пока дискуссионной. М.Г. Воробьева (1979, с. 39) писала, что первая половина VI в. до н.э. (т.е. доахеменидское время) – довольно надежная дата для нижних слоев Кюзели-гыра, хотя при этом она не исключала и

VII в. до н.э. (Воробьева М.Г., 1979, с. 42, сноска 12; ср.: Вайнберг Б.И., 1991б, с. 94)).

В любом случае представления о монокультурности скотоводческого населения области в доахеменидский период и о невхождении Присарыкамышья в сакский ареал (Вайнберг Б.И., 1979; 1992) изменились после раскопок могильников сакарчагинского типа (Яблонский Л.Т., 1986; 1996). Было признано, что на начальном этапе сложения куюсайской культуры происходило взаимодействие разных по происхождению и культурным традициям групп населения (Вайнберг Б.И., 1991а, с. 126; 1996б, с. 10; Яблонский Л.Т., 1991б).

По мысли Б.И. Вайнберг (1990, с. 20; 1991б, с. 11–13), оба этих компонента легли в основу единой куюсайской культуры, хотя археологически различия между ними выражены не только в наличии или отсутствии в захоронениях "скифской триады", но и в комплексе лепной керамики (Вайнберг Б.И., 1991б, с. 12, 13). Мне также приходилось писать о том, что обе группы популяций со временем составили общий культурный пласт (Яблонский Л.Т., 1996, с. 67). Но следует признать, однако, что в доахеменидский период, на ранних стадиях взаимодействия сумма культурных различий между обеими группами была весомее, чем сумма сходных характеристик их материальной культуры.

Большинство погребений в могильниках Тумек-Кичиджик и Тарым-кая 1 (Вайнберг Б.И., 1979) совершены в узкопрямоугольных неглубоких ямах. Преобладает широтная (западная или восточная) ориентировка захороненных. Захоранивали в вытянутом положении на спине, но в могильнике Тарым-кая 1 значительную долю составляют скорченные захоронения на правом или левом боку. Встречаются захоронения полурасчлененных тел, а также многоактные захоронения в общую камеру, сопровождавшиеся перемещением относительно более ранних скелетов. Инвентарь в целом беден. Чаще всего это лепной сосуд, установленный в головах погребенного.

Характер погребальных камер, широтная ориентировка, сочетание в погребальном обряде вытянутых и слабоскорченных захоронений, бедность сопровождающего инвентаря – все это признаки, характерные для захоронений времени, переходного от эпохи бронзы к раннему железному веку, и связанные именно с восточным ареалом срубной культуры (Дворниченко В.В., Кореняко В.А., 1989, с. 149, 150). Захоронения расчлененных трупов также известны по материалам срубной культуры и в тех могильниках эпохи поздней бронзы Кавказа и Средней Азии, которые связываются с передвижениями племен срубного типа (обзор данных: Яблонский Л.Т., 1996, с. 28).

Основные характеристики погребального обряда куюсайских могильников заставляют вспомнить давнюю гипотезу Б.Н. Гракова (1954, с. 167) о последней волне миграции срубных племен из Поволжья на юг в конце VIII – начала VII в. до н.э. Эта гипотеза хорошо вписывается в современные представления о миграциях населения позднейших этапов срубной культуры не только в причерноморские степи и Предкавказье (Козенкова В.И., 1982), но и на территорию Средней Азии (обзор данных: Кузьмина Е.Е., 1994, с. 226 и сл.).

В то же время сакарчагинские могильники по общим характеристикам погребального обряда обнаруживают параллели с памятниками эпохи бронзы и раннего железа азиатской части степей. К числу объединяющих признаков можно отнести следующие: сочетание в погребальных комплексах кремации и ингумации; сосуществование захоронений в ямах и на поверхности древнего горизонта; способы кремации с неполным сожжением тела умершего и возведением насыпи над непогасшим еще кострищем; сооружение кольцевых костров вокруг погребальных площадок; столбовые конструкции в ямах и на поверхности древнего горизонта; камышовые настилы в пределах погребальных площадок и по дну могильных ям; сожжение деревянных перекрытий могил. Список этих совпадений можно было бы продолжить.

Таким образом, краткий обзор археологических данных позволяет прийти к следующим выводам. В доахеменидский период на территории Приаралья фиксируются по крайней мере три культурно неоднородные группы популяций: 1) нижне-

сырдарьинская, представленная поселениями и могильниками Уйгарак и Южный Тагискен; 2) куюсайская, представленная поселением Куюсай 2 и захоронениями типа Тумек-Кичиджик и Тарым-кая 1; 3) сакарчагинская, представленная несколькими могильниками и отдельными погребениями в других могильниках. Четвертую группу, возможно, представляли носители кюзелигырской культуры.

В плане культурогенеза нижнесырдарьинская группа является неотъемлемой частью восточного ареала степей. Куюсайская и "сакарчагинская" группы оказались на территории Присарыкамышской дельты в результате миграции. При этом "сакарчагинская" демонстрирует на высоком таксономическом уровне общее культурное сходство с сырдарьинской, а на низком – специфические черты, обусловленные этнографическими различиями, вообще свойственными популяциям сакского типа Средней Азии и Казахстана. Она является как бы осколком сакского культурного массива.

Куюсайская группа исключительно специфична для территории Средней Азии и Казахстана, она почти по всем археологическим параметрам выделяется на широком фоне материалов, которые относят обычно к собственно сакским. Это обстоятельство и послужило причиной для заключения о том, что культурогенез куюсайской культуры *несомненно* отличается от культурогенеза сакской (в широком смысле этого слова) культуры (Вайнберг Б.И., 1977, с. 45; 1979, с. 47, 48).

Как бы то ни было, комплекс палеоэкологических и археологических знаний со всей определенностью свидетельствует о том, что обе группы популяций не имеют собственных этногенетических истоков в Присарыкамышье и для данной территории являются, следовательно, *мигрантами*.

Антропологическая ситуация

Сырдарьинская дельта

Краниологические материалы из могильников Южный Тагискен и Уйгарак были впервые описаны Т.А. Трофимовой (1967). В целом обе серии характеризуются как умеренно брахикранные и обнаруживающие сочетание монголоидных и европеоидных особенностей. Уйгаракские черепа отличаются при этом более крупными размерами, чем тагискенские; это касается, в частности, и тотальных размеров лицевого скелета. Монголоидные признаки особенно отчетливо выражены в женских черепах. По таким параметрам лицевого скелета, как верхняя высота лица, скуловой диаметр, назомалярный угол они оказались вполне сопоставимы с женскими сериями, типичными для ярких представителей центральноазиатской группы популяций большой монголоидной расы, – западнобурятскими и монгольскими. Остальные таксономически значимые признаки также указывают на присутствие в серии монголоидного компонента.

По данным В.П. Алексеева и И.И. Гохмана (1984, с. 54), основной комплекс краниологических особенностей степных популяций сакского культурного типа в общем достаточно однороден – это брахикранные, достаточно широколицые черепа с несколько уплощенным лицевым скелетом и умеренно выступающими носовыми костями. В этом отношении черепа из сырдарьинских могильников хорошо вписываются в общесакской антропологический пласт. На материалах из Южного Тагискена я пытался выявить внутригрупповые различия между черепами из погребений доахеменидского и ахеменидского периодов, но существенных различий между ними не обнаружил (Итина М.А. Яблонский Л.Т., 1997).

Присарыкамышская дельта

Черепа из могильников куюсайской культуры Тумек-Кичиджик и Тарым-кая 1 впервые исследовала Т.А. Трофимова (1974; 1979). Антропологический комплекс, зафиксированный в них, исключительно специфичен и уникален для территории Средней Азии и Казахстана. В "чистом" виде он не встречается в послесакское время и на территории Присарыкамышья.

Таблица 1

Краниологические серии эпохи ранних саков из Приаралья, использованные для сравнения

№	Краниологическая серия	Источник
1	"Сакарчагинская" группа	Яблонский Л.Т., 1996
2	Куюсайская культура	Яблонский Л.Т., 1996
5	Срубная культура Нижнего Поволжья	Гинзбург В.В., Трофимова Т.А., 1972
6	Скифы степей Северного Причерноморья	Кондукторова Т.С., 1979
7	"Савроматы" Поволжья и Приуралья	Тот Т.А., Фирштейн Б.В., 1970
8	Саки Казахстана (сборная серия)	Гинзбург В.В., Трофимова Т.А., 1972
10	Южный Тагискен	Гинзбург В.В., Трофимова Т.А., 1972
16	Саки Восточного Памира (сборная серия)	Алексеев В.П., Гохман И.И., 1984
18	Уйгарак	Гинзбург В.В., Трофимова Т.А., 1972
19	Джаркутан, 3-й этап	Алексеев В.П. и др., 1984
21	Андроновцы Казахстана (сборная серия)	Гинзбург В.В., Трофимова Т.А., 1972
23	Карасукская культура	Рыкушина Г.В., 1980
58	Срубная культура Приуралья	Юсупов Р.М., 1991

Таблица 2

Результаты межгруппового канонического анализа. Мужчины

№	Признак	Векторы-дискриминаторы		
		I	II	III
1	Продольный диаметр	–0,611	–0,008	0,224
8	Поперечный диаметр	0,673	0,071	–0,024
17	Высотный диаметр	–0,344	0,513	0,010
9	Наименьшая ширина лба	–0,177	0,036	–0,284
45	Скуловой диаметр	0,399	0,508	–0,121
48	Верхняя ширина лица	0,412	–0,427	0,637
55	Высота носа	–0,459	0,159	0,060
54	Ширина носа	0,148	0,080	0,221
51	Ширина орбиты	0,109	0,190	0,292
52	Высота орбиты	–0,010	–0,348	0,270
77	Назомалярный угол	0,067	–0,310	0,148
< Zm′	Зигомаксиллярный угол	0,064	0,066	0,263
SS:SC	Симотический указатель	0,065	–0,013	–0,238
75(1)	Угол выступания носа	–0,313	0,189	0,383
	Дисперсия, %	81,9	10,9	7,2

В отличие от сырдарьинских эти черепа характеризуются резкой долихокранией при очень большом высотном диаметре мозговой коробки. Их лицевой скелет резко профилирован. В целом черепа очень массивные и гиперморфные. Степень выраженности протоморфных европеоидных особенностей в серии такова, что Т.А. Трофимова писала о сходстве их с черепами ямной культуры. Однако Т.П. Кияткина (1983, с. 60, 61) показала, что куюсайский краниологический комплекс на самом деле отличается от ямного еще большей массивностью и еще более резко выраженными европеоидными особенностями. Отмечу, что в этом же направлении идут различия между куюсайскими и тазабагъябскими черепами, представляющими эпоху бронзы Акчадарьинской дельты (сводка: Виноградов А.В. и др., 1986).

Совершенно иной краниологический вариант демонстрируют черепа сакарчагинской группы. Мужские черепа брахикранные, относительно небольших размеров, со средними параметрами хорошо профилированного лицевого скелета. Женс-

Таблица 3

Результаты межгруппового канонического анализа. Женщины

№	Признак	Векторы-дискриминаторы		
		I	II	III
1	Продольный диаметр	–0,722	–0,195	–0,120
8	Поперечный диаметр	0,766	–0,070	–0,195
17	Высотный диаметр	–0,216	–0,197	0,112
9	Наименьшая ширина лба	–0,277	–0,062	0,147
45	Скуловой диаметр	0,462	–0,356	0,006
48	Верхняя ширина лица	0,366	0,705	0,796
55	Высота носа	–0,419	0,335	0,882
54	Ширина носа	0,087	0,087	0,127
51	Ширина орбиты	0,174	0,059	0,436
52	Высота орбиты	0,015	–0,054	0,044
77	Назомалярный угол	–0,109	0,536	–0,132
< Zm′	Зигомаксиллярный угол	0,047	0,249	–0,009
SS:SC	Симотический указатель	0,063	0,092	0,292
75(1)	Угол выступания носа	–0,272	–0,025	–0,498
	Дисперсия, %	81,9	10,9	7,2

кая серия по форме и относительным размерам мозговой коробки повторяет направление изменчивости мужской, но горизонтальная профилировка лицевого скелета у них ослаблена, носовые кости выступают умеренно. Эти признаки могут свидетельствовать о наличии в женской серии монголоидной примеси. По основным показателям сакарчагинские черепа хорошо вписываются в размах вариаций краниологических признаков, характерных для сакских серий Казахстана. Монголоидная примесь на женских черепах выражена не так ярко, как у сырдарьинских, но на внутригрупповом уровне наблюдается та же тенденция – монголоидные особенности отчетливее выражены именно в женской серии.

Для того чтобы наглядно проиллюстрировать взаиморасположение краниологических серий из Приаралья и некоторых других материалов эпохи бронзы и раннего железа, был применен канонический анализ. Он был выполнен по 14 краниологическим признакам с помощью статистической программы, написанной Б.Г. Козинцевым по алгоритму В.Е. Дерябина (1983). Данные об использованных для сравнения серий приведены в табл. 1. Отдельно вычислялись показатели для мужских (табл. 2) и женских (табл. 3) серий. В графическом выражении взаиморасположение серий в плоскости первых двух векторов представлены на рис. 1 (мужские серии) и рис. 2 (женские серии).

У мужчин первый дискриминатор описывает ~69% межгрупповой изменчивости. Вектор I выделяет брахикранные черепа с низким сводом, широким лицом и умеренно выступающими носовыми костями. В этом отношении он резко разграничивает сакарчагинскую серию, сакские черепа из Казахстана, карасукскую, уйгаракскую и тагискенскую (рис. 1). Противоположную группу – долихокранов с относительно высоким сводом мозговой коробки, умеренно гиперморфных, с резко выраженными признаками большой европеоидной расы – составляют куюсайские черепа в совокупности с серией срубников Приуралья и Поволжья. Близкое к этой группе положение занимает и сборная серия андроновцев Казахстана. Особый, локальный вариант образуют черепа из Джаркутана (Южный Узбекистан эпохи поздней бронзы) и черепа сакского времени из Восточного Памира.

Условно выделенные локусы можно назвать (по порядку, в котором они были упомянуты, и в соответствии с их географической локализацией) "восточным", "западным" и "южным".

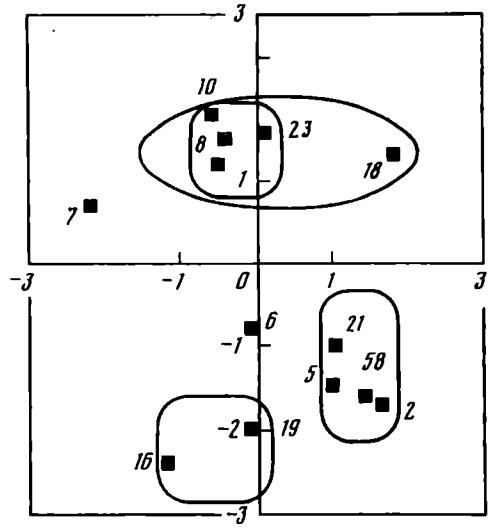

Рис. 1. Расположение мужских краниологических серий в плоскости I и II дискриминаторов. Обозначения см. в табл. 1

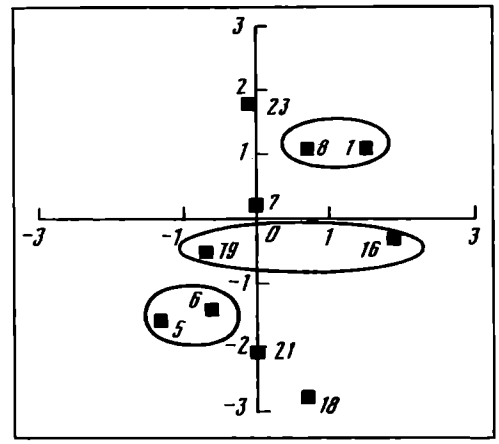

Рис. 2. Расположение женских краниологических серий в пространстве I и II дискриминаторов. Обозначения см. в табл. 1

"Савроматские" черепа обнаруживают тяготение к "восточной" группе, а скифские – к "западной". Саки Восточного Памира демонстрируют особый краниологический комплекс, не имеющий параллелей в синхронных им материалах.

Второй дискриминатор описывает ~20% изменчивости. Он дает представление о присутствии в общей совокупности материалов низко-, но широколицых черепов с высоким сводом и низкими глазницами.

При сравнении графиков для мужских и женских серий можно наблюдать заметный параллелизм в направлениях векторов межгрупповой изменчивости. У женщин эта изменчивость почти полностью описывается вектором I (> 80%). Здесь также выделяются два противоположных краниологических комплекса. Один из них представляют брахикранные, с относительно низким сводом, широколицые черепа с умеренно выступающими носовыми костями. Центральную группу здесь образуют сакарчагинские черепа и сборная серия саков Казахстана. Близкое положение занимает карасукская серия.

Другая совокупность представлена скифами Причерноморья и черепами срубников Нижнего Поволжья. Особую группу составляют опять же серии из Джаркутана и Восточного Памира. К сожалению, в составе женских выборок по независящим от нас причинам отсутствуют куюсайские черепа и черепа срубников Приуралья. Однако заметный параллелизм в распределении серий в пространстве векторов-дискриминаторов дает основания предполагать, что и эти выборки могли бы занять позиции, примерно соответствующие взаиморасположению мужских выборок.

При оценке результатов многомерного статистического анализа в контексте нашей темы важно подчеркнуть следующее. 1. Морфологические различия между куюсайскими и сакарчагинскими черепами настолько велики, что говорить о каком-либо генетическом родстве этих популяций не приходится. 2. Географическая прародина этих популяций располагалась в различных, с точки зрения культурогенеза, регионах степного пояса: сакарчагинская – на востоке (территория Казахстана или Южной Сибири), куюсайская – на западе, в области распространения срубной культуры. 3. В антропологическом отношении, так же, как и в археологическом, сакарчагинская группа составляет неотъемлемую часть азиатского (в современном прочтении этого термина), а куюсайская – европейского этногенетического пласта. Ближайшие морфологические аналогии куюсайским черепам обнаруживаются в пределах Волго-Уральского степного региона. 4. По сходству с краниологическими сериями срубной

культуры куюсайские серии ближе к тем, которые мы называем "скифскими", а сакарчагинские – к тем, которые мы называем обычно "сакскими".

Таким образом, согласно данным палеоантропологии, в доахеменидское время в результате миграции носителей куюсайской культуры и импульсного расширения ареала раннесакской культуры Казахстана на запад граница между "западным" и "восточным" краниологическими комплексами проходила через территорию Присарыкамышской дельты Амударьи.

Характерно, что основные направления миграционных процессов на территории Приаралья эпохи раннего железа принципиально совпадают с предложенным Е.Е. Кузьминой (1994, карты VШ, IX) направлением основных перемещений срубных, андроновских и дандыбайских популяций эпохи средней и поздней бронзы.

В целом же присарыкамышские материалы демонстрируют нам довольно редкую в науке модель, когда культурные и биологические признаки обнаруживают взаимосвязь. Другое дело, что тенденции этой взаимосвязи в сравнительном плане имеют абсолютно разнонаправленный характер. Совокупная степень антропологической и культурной дифференциации в данном случае такова, что у нас есть основания предполагать, что в доахеменидский период на территории Присарыкамышья вступили во взаимодействие две группы популяций, *различающихся на уровне этноса.*

Некоторые проблемы этноисторической реконструкции

Не имея собственной письменности, ранние скотоводы Южного Приаралья не оставили нам и своих этнонимов, если в данном случае иметь в виду этнонимы-самоназвания, или эндоэтнонимы. При этом этнонимы, даваемые данному этносу другими народами (экзоэтнонимы), нередко существенно отличаются не только от этнонимов-самоназваний, но и друг от друга (Бромлей Ю.В., 1983, с. 45, 46). Так образуются "ложные" этнонимы, когда один и тот же народ с неизвестным нам самоназванием в различных письменных источниках может обозначаться разными этнонимами. Для того чтобы реально представить, какая этнонимическая путаница может содержаться в трудах древних историков и географов, воспользуемся примером из книги Ю.В. Бромлея (1983, с. 46). Этнос, имеющий эндоэтноним "дойч", по-русски именуется "немцы", по-французски – "алеман", по-английски – "джемен", по-итальянски – "тедеско", по-фински – "саксаляйнен", по-сербски – "шваб" и т.д. Мы являемся свидетелями образования ложного этнонима "лица кавказской национальности", который в наши дни стойко закрепился не только в бытовом сознании, но и в разного рода информативных источниках. Под этим "этнонимом" объединяются люди, говорящие на разных языках, исключительно гетерогенные в антропологическом отношении и этнографически резко дифференцированные.

Широко известная инверсия "саки-скифы" не нуждается в специальном объяснении. Достаточно напомнить, что Геродот, указывая на то, что скифы-кочевники живут в Азии (I. IV. 11e), называет их саками-скифами. У Эфора и Арриана (III.8) саки – это скифское племя, которое живет в Азии. Страбон (VIII. 3.24) и Плиний (VI (19).7) сообщают о скифах, которые живут против Индии или по ту сторону Яксарта. Список этих примеров можно было бы продолжить соответствующими выдержками из Диодора (II.II.2) и Помпея Трога (II. Гл. 3(1)). С другой стороны, из сообщения того же Геродота (I.VII.64) и лингвистических данных (Иванчик А.И., 1996, с. 159, 160) известно, что персы всех скифов называли саками.

Примерно таким же образом обстоит дело и с топонимами, которые тоже бывают "ложными". Проблема "ложных" топонимов нашла яркое отражение в дискуссии об отождествлении р. Аракс античных письменных источников с одной из европейских или азиатских рек (обзор: Доватур А.И. и др., 1982, с. 181–185; Куклина И.В., 1983). Также широко известна инверсия "Танаис-Яксарт", по течению которых древние авторы проводили границу между "Азией" и "Европой". Характерен эпизод, описанный у Плиния (VI.(19).17), когда войска Александра Македонского подошли к Яксарту (Сырдарье) в уверенности, что находятся у Танаида (Танаиса-Дона).

Не последнюю роль при прочтении письменных источников играют собственные психологические и научные стереотипы авторов интерпретаций. Мы не без труда можем допустить, что области между Сырдарьей и Каспием в некоторых частях древнего текста одного и того же автора включались то в "Азию", то в "Европу". Мы так привыкли, что скифы использовали наборы втульчатых наконечников стрел, а саки смешанные втульчато-черешковые, что с трудом можем представить, что в контактной зоне скифы (по самоназванию) могли использовать "археологически" сакские стрелы и наоборот. Наконечники стрел из Кюзели-гыра С.П. Толстов (1962, с. 97, 98) относил к скифскому типу, но вряд ли население, оставившее этот памятник в левобережном Хорезме, имело самоназвание "скифы".

Авторские психологические стереотипы хорошо проявляются при идентификации р. Аракс Геродота. В контексте темы, связанной с расселением массагетов и эпизодами персидско-массагетских войн (Геродот, I, 202), большинством исследователей она логично ассоциируется с Амударьей и Узбоем. Но в контексте сообщения того же Геродота (IV, 11) о том, что скифы перешли Аракс и заняли земли, принадлежавшие киммерийцам, считается общепринятым и тоже логичным, что речь *на этот* раз идет о Волге (обзор данных: Нейхардт А.А., 1982, с. 79), хотя в тексте Геродота нет никаких указаний на то, что в разных отрывках его произведения под наименованием "Аракс" выступают разные реки.

Этногенетическая верификация

Совокупность антропологических данных, которые играют решающую роль при выявлении исторических миграций, несомненно, свидетельствует о центральноазиатском импульсе в процессе формирования физического типа ранних скотоводов Приаралья. Независимо от того, как археологически решается проблема культурогенеза населения сакского типа (от адроновского или / и дандыбайского пласта), в принципе гетерогенное андроновское население степного пояса антропологически было представлено классическими европеоидами (Алексеев В.П., 1967).

Более или менее выраженная монголоидная примесь, вероятнее всего, центральноазиатского происхожения впервые фиксируется в восточной степи как раз в эпоху формирования культур сакского типа. И здесь нужно вспомнить наблюдение Т.А. Трофимовой о преобладании доли монголоидного компонента именно в женской части популяции сырдарьинских саков. Трактовка этого феномена, казалось бы, лежит на поверхности – саки брали себе жен со стороны, почему-то предпочитая при этом женщин с монголоидной внешностью. Это предположение заманчиво, но оно никак не объясняет того факта, что аналогичные антропологические соотношения имеют место в материалах сакарчагинских могильников, а также в краниологических сериях сакского времени с территории Киргизии (Тур С.С., 1997, с. 11). По-видимому, причины этого явления на самом деле сложнее и лежат в области законов наследования краниологических признаков. Эти законы еще не изучены. Непонятным остается главное: почему признаки расы, в том числе краниометрические, наследуются в комплексе и проявляются на популяционном уровне, но не всегда – на индивидуальном.

В принципе монголоидная примесь фиксируется как на женских, так и на мужских черепах, что особенно хорошо видно на материалах из Юго-Восточного Приаралья и Киргизии. Очевидно, мы имеем дело с результатами метисации, проходившей в течение жизни нескольких поколений. Хронологические амплитуды, которые устанавливаются методами археологического датирования, также имеют в виду, что в каждом могильнике захоронены представители разных поколений.

Весьма вероятно, что в процессе метисации в исходно смешанной популяции образуется комплекс ко-адаптированных генов, отвечающих за определенный набор краниологических признаков. Этот комплекс вместе с геном-модификатором влияет на их адаптивность (Жилатовский Л.А., 1984).

В контексте нашей темы важно подчеркнуть, что наличие выраженного коадаптивного комплекса в сакских популяциях Приаралья свидетельствует, во-первых, об относительно недавнем начале процесса межрасового смешения, а во-вторых, о монголоидной основе одного из антропологических компонентов, вошедших в состав сакского населения Приаралья. Поиск географической прародины этого компонента – дело будущих исследований. Однако предположение, что эта *прародина располагалась где-то в глубинах азиатского континента*, является более чем вероятным. Тогда с генетико-антропологической точки зрения версия Геродота об азиатском происхождении "скифов-саков" выглядит вполне правдоподобной.

С этой же точки зрения абсолютно неправдоподобной является гипотеза о сколько-нибудь заметном участии выходцев из Азии в формировании физического типа населения скифского времени в Причерноморье. Имеющиеся краниологические данные свидетельствуют о том, что "скифы" Причерноморья являются прямыми потомками срубного населения и в этом смысле – автохтонами западного, европейского степного ареала (Дебец Г.Ф., 1971, с. 8, 9; Алексеев В.П., 1980, с. 81, 82).

Западнее Присарыкамышья антропологические следы азиатского импульса теряются и пока не прослеживаются. В связи с этим возникает естественный, как представляется, вопрос: когда Геродот пишет о том, что "скифы пришли из Азии", не имеет ли он в виду тех скифов, которые в соответствии с нашими психологическими стереотипами *нами же* обозначаются обычно эндоэтнонимом "саки"?

Если в *подтексте данного отрывка* Геродот за границу Азии и Европы принимал Танаис, как эту границу понимали Страбон (I.VII.2) и Квинт Курций Руф (VI.2.12), то "скифы", например, популяции сакарчагинского типа могли действительно прийти из Азии (из-за Яксарта-Танаиса-Сырдарьи) и оказаться западнее основного русла Аракса-Окса-Амударьи, т.е. в "Европе", не покидая при этом *современных* пределов азиатского континента. Именно сакарчагинские могильники, в полном соответствии археологических и антропологических данных, демонстрируют нам этногенетическую модель миграции кочевников, "пришедших из Азии". Ни в одном другом географическом локусе огромного "скифо-сибирского мира" эта модель не работает столь отчетливо.

По Геродоту, толчком к продвижению скифов из Азии послужило их военное столкновение с массагетами. В результате скифы были вытеснены за Аракс (Геродот, IV.11.1). Если верить этому пассажу Геродота, нужно признать, что некая популяция кочевников, выступающая на этноисторической карте V в. до н.э. под эндо- или экзоэтнонимом "массагеты", представляла собой более или менее самостоятельное этническое подразделение еще до того, как "скифы" попали в "Европу".

Именно этими соображениями помимо собственно лингвистических руководствовался, очевидно, Э.А. Грантовский (1975, с. 85), когда писал о том, что массагетское объединение уже существовало не позднее конца VIII в. до н.э. Если принять во внимание дату, предложенную для сакарчагинских могильников Присарыкамышья, – конец VIII–VII в. до н.э. (Яблонский Л.Т., 1991а, с. 88), можно допустить, что популяции сакарчагинского типа были современниками археологических куюсайцев (документируется фактологически) и исторических массагетов (реконструктивно).

Как было показано выше, для памятников доахеменидского времени районов Восточного Прикаспия у нас нет явных археологических свидетельств постоянного проживания кочевников западнее Сарыкамышского озера. Поэтому на современном этапе археологических знаний именно территория Присарыкамышской дельты может в первую очередь рассматриваться в качестве предполагаемого района *первоначального* расселения массагетов. Нужно только иметь в виду, что этноним "массагеты" ни разу не упоминается в древнеперсидских письменных источниках и своим происхожением обязан более поздней по времени античной традиции. Поэтому, строго говоря, для рассматриваемого здесь исторического периода правильнее было бы говорить о неких "протомассагетах".

Как бы то ни было, именно на территории Присарыкамышья, и пока что только на

ней, в эпоху становления скифской и сакской культур антропологически фиксируется контакт двух гетерогенных популяций, а археологически – соприкосновение исходно бикультурных этнических группировок.

Выше упоминалось, что сакарчагинская группа популяций и археологически, и антропологически принадлежит к общесакскому миру Казахстана и Средней Азии. Проживание ее на территории Присарыкамышской дельты было исторически кратковременным (очевидно, не более или чуть более одного столетия). Неудивительно, что сакарчагинцы практически не оставили здесь следов своего пребывания ни в культурном, ни в антропологическом плане (Яблонский Л.Т., 1991в). Таким образом, их присутствие в Южном Приаралье имело относительно эпизодический характер и уже в ахеменидское время здесь более не фиксируется. Вопрос о причине и механизме этого явления может составить предмет специального исследования.

Не то – куюсайцы. Широкомасштабные разведочные работы, проведенные в Присарыкамышской дельте Б.И. Вайнберг, туркменскими археологами Д. Дурдыевым и Х. Юсуповым, показали, что в ахеменидское время поселения куюсайского типа сосуществуют здесь с памятниками кюзелигырской культуры. Были зафиксированы поселения со смешанной куюсайской и кюзелигырской керамикой. Таким образом, факт взаимодействий куюсайской и кюзелигырской культур сомнений не вызывает (Вайнберг Б.И., 1991б, с. 20).

Не позднее чем в VI в. до н.э. здесь формируется архаическая культура Хорезма и, очевидно, появляется этноним "хорасмии" (Воробьева М.Г., 1989, с. 41), которых Страбон (VIII.8) относил к племени массагетов и саков. Квинт Курций Руф (VIII.8) помещал Хорезм по соседству с массагетами.

Трансформации в погребальном обряде куюсайского могильника Тарым-кая 1 (появление в погребениях очагов, частичной кремации, расчлененных захоронений, захоронений очищенных костей скелета), по справедливому замечанию Б.И. Вайнберг (1991б, с. 20, 21), свидетельствуют о постепенном процессе сложения у куюсайцев оссуарного погребального обряда, который во второй половине I тыс. до н.э. становится единственным для прямых наследников куюсайской культуры. Этот обряд в существенной мере обеспечивал этническую специфику скотоводческой периферии Хорезма по крайней мере до середины I тыс. н.э.

Краниологический комплекс, присущий сакарчагинцам, исчезает в Присарыкамышье вместе с исчезновением сакского погребального обряда (Маслов В.Е., Яблонский Л.Т., 1996, рис. 5, 6). Так "скифы, пришедшие из Азии", были вытеснены как самостоятельное этническое образование из левобережья Амударьи.

Заключение

С точки зрения археологии и антропологии, куюсайская культура, выявленная Б.И. Вайнберг, своим *происхождением* не связана с ареалом сакских (в широком понимании этого этнонима) культур. Ее антропологическая прародина располагается в пределах распространения срубной, а позже – скифо-савроматской культурной области. Вместе с тем ареалы куюсайской и сакской культур соседствовали, а иногда и совпадали. На территории Присарыкамышья эпохи формирования сообществ раннесакского типа фиксируется относительно кратковременный контакт куюсайской и сакской культур, который в конечном счете привел к вытеснению саков из Южного Приаралья. Одним из заметных результатов этого контакта стала трансформация погребального обряда скотоводческого населения левобережного Хорезма, связанная с постепенным и наиболее ранним на территории Средней Азии и Казахстана переходом к оссуарному (но подкурганному!) способу захоронения. Уже это обстоятельство составляет этническую (выраженную в знаковой системе) специфику приаральских скотоводов.

Впоследствии объединение родственных групп, фигурирующих у древних авторов под этнонимами "дербики", "апасиаки", "даи", "дахи" и др., могло привести к обра-

зованию обширной конфедерации, которая включила новые, причем необязательно культурно однородные, элементы. В ахеменидский период они приняли непосредственное участие в событиях, связанных с походами Дария и Кира в Среднюю Азию. К востоку от Амударьи "азиатские" культуры сакского типа в их классическом варианте продолжали развиваться и на протяжении второй половины I тыс. до н.э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев В.П., 1967. Антропология андроновской культуры // СА. № 1.

Алексеев В.П., 1975. Антропогеоценозы – сущность, типология, динамика // Природа. № 7.

Алексеев В.П., 1980. Дискуссионные проблемы отечественной скифологии. Обсуждение // НАА. № 6.

Алексеев В.П., Гохман И.И., 1984. Антропология Азиатской части СССР. М.

Алексеев В.П., Ходжайов Т., Халилов Х., 1984. Население верховьев Амударьи по данным палеоантропологии. Ташкент.

Бочкарев В.С., 1991. Волго-Уральский очаг культурогенеза эпохи поздней бронзы // Социогенез и культурогенез в исторической перспективе. СПб.

Бромлей Ю.В., 1983. Очерки теории этноса. М.

Вайнберг Б.И., 1977. Памятник раннего железного века в Северной Туркмении // КД. Вып. 5. Ашхабад.

Вайнберг Б.И., 1979. Памятники куюсайской культуры // Кочевники на границах Хорезма. ТХАЭЭ. Т. X.

Вайнберг Б.И., 1990. Роль экологических факторов в формировании этнической территории (по археологическим материалам из Восточного Прикаспия и Приаралья) // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Вып. II. История и археология. М.

Вайнберг Б.И., 1991а. Древняя история обводнения Присарыкамышской дельты Амударьи в древности в свете археологических работ последних десятилетий // Аральский кризис. М.

Вайнберг Б.И., 1991б. Изучение памятников Присарыкамышской дельты Амударьи в 70-х–80-х годах // Скотоводы и земледельцы левобережного Хорезма (древность и средневековье). М.

Вайнберг Б.И., 1992. Памятники скотоводческих племен в левобережном Хорезме // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.

Вайнберг Б.И., 1997. Экология Приаралья в древности и средневековье // ЭО. № 1.

Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1986. Древнейшее население низовий Амударьи // ТХАЭЭ. Т. XV.

Вишневская О.А., 1973. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. // ТХАЭЭ. Т. VIII.

Вишневская О.А., Итина М.А., 1971. Ранние саки Приаралья // МИА. № 177.

Воробьева М.Г., 1973. Дингильдже. Усадьба I тысячелетия до н.э. в древнем Хорезме // МХЭ. Вып. 9.

Воробьева М.Г., 1979. Проблема "Большого Хорезма" и археология // Этнография и археология Средней Азии. М.

Гинзбург В.В., Трофимова Т.А., 1972. Палеоантропология Средней Азии. М.

Граков Б.Н., 1954. Каменское городище на Днепре // МИА. № 36.

Грантовский Э.А., 1975. О восточноиранских племенах кушанского ареала // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. II. М.

Дворниченко В.В., Кореняко В.А., 1989. Предшественники савроматов в Волго-Донском междуречье, Заволжье и Южном Приуралье // Археология СССР. Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.

Дебец Г.Ф., 1971. О физических типах людей скифского времени // МИА. № 177.

Дерябин В.Е., 1983. Многомерная статистика для антропологов. М.

Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А., 1982. История нашей страны в "Истории" Геродота. М.

Дурдыев Д., 1984. Канга-2 – поселение эпохи поздней бронзы // Проблемы археологии Туркменистана. Ашхабад.

Жилатовский Л.А., 1984. Интеграция полигенных систем в популяциях (проблемы анализа комплекса признаков). М.

Иванчик А.И., 1996. Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VII–VII вв. до н.э. М.

Итина М.А., 1977. История степных племен Южного Приаралья // ТХЭЭ. Т. X.

Итина М.А., 1979. От редактора // Кочевники на границах Хорезма. ТХЭЭ. Т. X.

Итина М.А., 1992. Ранние саки Приаралья // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.

Итина М.А., Яблонский Л.Т., 1997. Саки низовьев Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М.

Кияткина Т.П., 1983. К вопросу об антропологии древнего населения Хорезма // Хорезм и Мухаммед-ал-Хорезми в мировой истории и культуре. Душанбе.

Козенкова В.И., 1982. Обряд кремации в кобанской культуре Кавказа // СА. № 3.

Кондукторова Т.С., 1979. Физический тип людей Нижнего Приднепровья на рубеже нашей эры (по материалам могильника Николаевка-Казацкое). М.

Кузьмина Е.Е., 1994. Откуда пришли индо-арии? М.

Куклина И.В., 1983. Аракс Геродота. История вопроса // АС. Вып. 23. Л.

Кызласов Л.Р., 1975. Археологические данные о происхожении сакской культуры // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. Тез. докл. конф. Л.

Левина Л.М., 1979. Поселения VII–V вв. до н.э. и "шлаковые" курганы южных районов Сырдарьинской дельты // Кочевники на границах Хорезма. ТХАЭЭ. Т. XI.

Маслов В.Е., Яблонский Л.Т., 1996. Могильник Гяур-IV в Северной Туркмении // РА. № 3.

Нейхардт А.А., 1982. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л.

Рыкушина Г.В., 1980. Население Среднего Енисея в карасукскую эпоху (краниологический очерк) // Палеоантропология Сибири. М.

Толстов С.П., 1962. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.

Тот Т.А., Фирштейн Б.В., 1970. Антропологические данные к вопросу о Великом переселении народов. Авары и сарматы. Л.

Трофимова Т.А., 1967. Ранние саки Приаралья по данным палеоантропологии // Anthropos. С. 119 (№ S. 11.). Brno.

Трофимова Т.А., 1974. Краниологические материалы из могильника Тумек-Кичиджик // СЭ. № 5.

Трофимова Т.А., 1979. Черепа из погребений куюсайской культуры в могильниках Тумек-Кичиджик и Тарым-кая // Кочевники на границах Хорезма. ТХАЭЭ. Т. XI.

Тур С.С., 1997. Кочевники Кыргызстана сако-усуньского времени (по материалам антропологического исследования). Автореф. дис... канд. ист. наук. Барнаул.

Юсупов Р.М., 1991. Расогенетические связи Южного Урала и Приаралья в эпоху раннего железа // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. вып. IV. Антропология. М.

Яблонский Л.Т., 1986. Могильник раннесакского времени Сакар-чага 3 // СЭ. № 5.

Яблонский Л.Т., 1991а. Проблема формирования культуры саков Южного Приаралья // СА. № 1.

Яблонский Л.Т., 1991б. Население раннесакского времени в Приаралье: археолого-палеоантропологический подход к проблеме этногенеза // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Вып. IV. Антропология. М.

Яблонский Л.Т., 1991в. Население Южного Приаралья в раннем железном веке (археология и антропология могильников) // Автореф. дисс... д-ра ист. наук. М.

Яблонский Л.Т., 1992. Скифо-сакская контактная зона: проблема типологизации этногенетических процессов // Культурно-историческое единство Евразии и Великий шелковый путь. М.

Яблонский Л.Т., 1993. Культуры сакского типа: единство или многообразие? // КСИА. Вып. 207.

Яблонский Л.Т., 1996. Саки Южного Приаралья (археология и антропология могильников). М.

Институт археологии РАН,
Москва

L.T. YABLONSKY

A MODEL OF THE EARLY ETHNOGENESIS IN THE SCYTHIAN-SAKA CONTACT ZONE

Summary

Burial grounds of the Southern Aral sea early Saka Age demonstrate an ethnogenetic model of migrations undertaken by nomads who "came from Asia" in full consistency with archaeological and anthropological data. Anthropological homeland of the Kuyusai culture people was located within the Timber-Grave Culture area. A relatively short-term contact between the Kuyusai and Saka cultures has been identified in the Amudarya delta which, in the long run, resulted in the Sakas having been ousted from the Southern Aral sea area.

С.В. ПОЛИН

О ХРОНОЛОГИИ РАННЕСКИФСКОЙ КУЛЬТУРЫ

(по И.Н. Медведской)*

Последнее десятилетие отмечено оживлением интереса к раннескифской хронологии, что обусловлено накоплением новых и привлечением старых, хорошо известных источников. Четко вырисовывается и реализуется практически тенденция ее удревнения, объективность которой, кроме самих источников, несомненно подтверждается также и расширением круга исследователей, работающих в этом направлении.

Представляется, что разработки И.Н. Медведской имеют исключительно серьезное, этапное значение для скифоведения и в дальнейшем окажут значительное влияние на работы в этой области.

Построения И.Н. Медведской во многом совпадают с разработками в хронологии раннескифской культуры (далее – РСК) Г. Коссака (Kossak G., 1987), которые она в основном принимает, аргументируя при этом опорные даты этапов РСК независимыми хронологическими, историческими и археологическими привязками по материалам Древнего Востока.

Исследования И.Н. Медведской включают два взаимозависимых направления. Первое – реконструкция исторических событий в восточной части переднеазиатского региона – Урарту, Ассирии, Мидии – в VII в. до н.э. на основе клинописных источников и освещения в них роли киммерийцев и скифов. Если первое появление причерноморских номадов на Древнем Востоке (по И.Н. Медведской – на севере Урарту, по И.М. Дьяконову – оттуда они были отброшены в Малую Азию) в конце VIII в. до н.э. (722–714 гг.) связывается лишь с киммерийцами, то в более масштабных походах 670-х годов принимали участие как киммерийцы, так и скифы. И.Н. Медведская, основываясь на клинописных источниках, считает, что деятельность скифов в сравнении с деятельностью киммерийцев составляла лишь кратковременный эпизод в 670-х годах. Сведения Геродота и других античных авторов о скифах и киммерийцах в Передней Азии она считает неисторическими и в целом отвергает, поскольку они не имеют параллелей в клинописных источниках. Благодаря этому сделан вывод, что позднее середины VII в. до н.э. в этом регионе ни киммерийцев, ни скифов уже не было, в отличие от Западной Малой Азии, где они упоминаются и позднее. Этим выводам способствовала реконструкция политической ситуации в регионе на основе нового толкования истории Урарту, Мидии, Ассирии и др. Для нас представляет наибольший интерес тезис о гибели Урарту, всех его городов-крепостей (в том числе Тейшебаини) не позднее 650 г. до н.э. (Медведская И.Н., 1992; 1993; 1994).

Не все выводы И.Н. Медведской нашли поддержку у специалистов. Так, преобладание роли киммерийцев над скифами в событиях этого региона, как и отсутствие тех и других после 650 г., не могут быть надежно доказаны вследствие избирательного, политического характера ассирийских источников, специфики этнической терминологии, общей лакунарности и ограниченности во времени (источники осве-

---

* Учитывая, что данная статья отражает точку зрения автора, редколлегия журнала в то же время выражает согласие с мнением рецензентов о недостаточной убедительности приводимых в ней аргументов для окончательного решения поднимаемых проблем. Статья публикуется в порядке дискуссии.

© С.В. Полин, 1998 г.

щают события на отдельных территориях, в отдельные годы или десятилетия, а позднее начала 630-х годов таковые вообще неизвестны). Не был принят и тезис о недостоверности античных источников о скифах и киммерийцах в Азии. При всей их запутанности и преувеличениях (например, о гегемонии скифов в Азии) считается, что они связаны с иной, независимой исторической традицией и в основном дополняют древневосточные источники, поскольку сведения в них относятся к разным периодам (см. материалы дискуссии: РА. 1993. № 2; 1994. № 1, 3).

Не был поддержан и тезис о гибели Урарту в середине VII в. до н.э. (Погребова М.Н., 1993, с. 88; Грантовский Э.А., 1994, с. 44–46). Если И.М. Дьяконов и согласился с некоторым удревнением этого события, то гибель Тейшебаини он все же датирует в пределах 630–600 гг. до н.э. (Дьяконов И.М., 1994, с. 115).

Следовательно, спорадическое присутствие киммерийцев и скифов на всех территориях Передней Азии по разным источникам фиксируется от 722/714 гг. до начала VI в. до н.э.

Второе направление исследований И.Н. Медведской археологическое. Исходя из собственного трехступенчатого деления РСК по вещевому комплексу (во многом совпадающего со схемой Г. Коссака), она проанализировала археологические находки в Переднеазиатском регионе, преимущественно в восточной его части. Важнейшие выводы И.Н. Медведской, с моей точки зрения, таковы. 1. Предкелермесская группа памятников (РСК-1) частично или полностью синхронна новочеркасской группе. Хронологические рамки РСК-1 ограничены 750–700 гг. до н.э. 2. Уже в конце VIII в. до н.э. киммерийцы шли в поход в Переднюю Азию, будучи носителями раннескифской материальной культуры ступени РСК-1. Начало этой ступени должно датироваться не позднее середины VIII в. до н.э. при допущении более ранней начальной даты. В 670-х годах киммерийцы и скифы идут походами на Древний Восток, являясь носителями материальной культуры ступени РСК-2. Все археологические находки, фиксирующие пребывание причерноморских кочевников в восточной части Переднеазиатского региона (восточная Турция и Иран), относятся к раннескифской культуре ступени РСК-2, в отличие от западной Малой Азии, где кроме РСК-2 есть находки ступени РСК-3.

Остановимся на анализе археологической части работы.

Новочеркасская ступень. По Г. Коссаку, время существования киммерийских древностей определено в пределах IX–VIII вв. до н.э. В последние десятилетия VIII в. новочеркасские формы вытесняются скифскими (Kossack G., 1980a, S. 136–138; 1983, S. 135–141; 1987, S. 39). Нельзя не согласиться с возражением И.Н. Медведской против жесткого размещения предкелермесских памятников (РСК-1) между новочеркасскими и раннекелермесскими (РСК-2). Она допускает частичную или полную синхронность новочеркасских памятников с предкелермесскими и жаботинскими.

В последние годы меняются представления об абсолютной и относительной хронологии киммерийских древностей. В.И. Клочко, С.В. Махортых, В.Ю. Мурзин предложили датировать новочеркасские памятники X – началом VIII в. до н.э. (Клочко В.И., Махортых С.В., 1987; Клочко В.И., Мурзин В.Ю., 1989). Начало датирования новочеркасских древностей X в. представляется сомнительным. Комплекс из Радионовки, используемый в качестве доказательства, не документирован (Петрунь В.Ф., 1969, с. 75). Сочетание в нем вещей разных эпох усиливает сомнения в комплексности находки. Такой же необычной выглядит и находка наконечников стрел центральноевропейского типа XIII – начала X в. до н.э. (по определению авторов) в погр. 34 могильника возле Кисловодской мебельной фабрики. Если учесть, что древнейшие находки киммерийских бронз в Подунавье датируются не ранее конца IX в. (Кеменцеи Т., 1986, с. 150), то помещение начальной даты в X в. до н.э. требует серьезного обоснования. Материалы могильника возле Кисловодской мебельной фабрики специально изучались Г. Коссаком, который наиболее ранним в этом могильнике считал погр. 14 и датировал его IX в. до н.э., никак при этом не выделяя погр. 34 (Kossack G., 1983, S. 135). С учетом погр. 15 того же могильника, которое

В.И. Клочко и В.Ю. Мурзин также датируют IX в., очевидно, последняя дата и может быть начальной для новочеркасских древностей. В свое время Г. Коссак, фиксируя время появления «киммерийских» бронз в Подунавье в IX в., предполагал их появление на родине – в Северном Причерноморье – еще в X в. до н.э. (Kossack G., 1980a, S. 132). Г.И. Смирнова подтвердила датировку IX в., считая более раннюю дату недоказанной, что Г. Коссаком было признано (Смирнова Г.И., 1985, с. 34; Kossack G., 1987, S. 24).

В.И. Клочко и В.Ю. Мурзин допускают существование временного разрыва между черногоровскими и раннескифскими памятниками. К выводу об отсутствии преемственности между ними в Закубанье по составу уздечных наборов пришел и В.Р. Эрлих (Эрлих В.Р., 1991, с. 36, 37). Но этот вывод опровергается его же данными по взаимовстречаемости одинаковых вариантов трехпетельчатых бронзовых псалиев с двукольчатыми, однокольчатыми и стремечковидными удилами, что является прямым свидетельством синхронности всех типов узды. Прямое доказательство дает погр. 30 могильника Кочипэ, где присутствуют стремечковидные и двукольчатые удила (Ловпаче Н.Г., 1991). В.Р. Эрлих также отметил ошибочность ссылок на аналогичное сочетание в одном комплексе могильника на р. Фарс (Лесков А.М., 1984, с. 150), но при этом могильник относится к краткому отрезку времени, и, таким образом, синхронность существования обоих типов удил практически подтверждается его материалами.

Для доказательства синхронности черногоровских и новочеркасских древностей очень важно наблюдение С.Б. Вальчака, отметившего одинаковый орнамент на удилах из эпонимного погребения возле хут. Черногоровка и псалиях камышевахского типа, двукольчатых, однокольчатых и стремечковидных удилах из Аржана (Вальчак С.Б., 1992).

Появились дополнительные доказательства синхронности предкелермесских и новочеркасских памятников. Так, удила типа Ендже найдены в новочеркасском контексте в могильнике Чишхо в Прикубанье. Здесь также присутствуют стремечковидные удила в комплексе с типичными новочеркасскими трехпетельчатыми псалиями (Тов А.А., 1989). Аналогичная ситуация в свое время была зафиксирована в могильнике возле хут. Кубанского (Анфимов Н.В., 1975, с. 45). Доказательства бытования стремечковидных удил в новочеркасско-жаботинское время получены на поселении Пожарная Балка в днепровском лесостепном левобережье (Андриенко В.П., 1992). Все это подтверждает естественность сочетания стремечковидных и двукольчатых удил в комплексе кург. 2 возле с. Жаботин, которое и сам А.И. Тереножкин в свое время рассматривал как свидетельство их синхронности (Тереножкин А.И., 1961, с. 187).

Все эти факты свидетельствуют о переживании древностей черногоровского типа в предкелермесских памятниках в новочеркасское время (Полiн С.В., 1987, с. 21) и таким образом, о сосуществовании новочеркасских и черногорских древностей на протяжении всей их истории в Северном Причерноморье.

Древшейшее проникновение киммерийцев на Древний Восток – в северные пределы Урарту, засвидетельствованное в клинописных источниках в конце VIII в., И.Н. Медведская связывает с носителями РСК-1. Ряд исследователей предполагает участие в этих подходах и носителей культуры новочеркасского типа (Клочко В.И., Мурзин В.Ю., 1989; Белинский А.Б., 1990; Махортых С.В., 1991; Эрлих В.Р., 1992).

Для датирования новочеркасских древностей по материалам Древнего Востока используются пряжки типа Носачева и шлемы ассирийского типа. В свое время Г.Т. Ковпаненко нашла аналогии для пряжек в изображениях на ассирийских рельефах времен Саргона II и Ашшурбанапала (Ковпаненко Г.Т., 1966, с. 175). Г. Коссак отметил наличие сходных изображений и на рельефах эпохи Тиглатпаласара III и высказал мысль о том, что ассирийские аналогии не фиксируют дату носачевских пряжек, а лишь указывают на время появления таких украшений на Древнем Востоке

(Kossack G., 1980a, S. 123; 1987, S. 39; ср.: Клочко В.И., Мурзин В.Ю., 1989, с. 68). А.Ю. Алексеев совершенно справедливо усматривает принципиальную разницу между украшениями коней на ассирийских рельефах и носачевскими пряжками по их функциям, размеру и декору, что, по его мнению, не подтверждает их идентичность и синхронность. Не отрицая степного евразийского происхождения украшений на рельефе, он предполагает иной путь их проникновения на Древний Восток в более раннее время. Формальные и функциональные аналогии носачевским пряжкам А.Ю. Алексеев видит в застежках из Аржана (Алексеев А.Ю., 1992, с. 80–82; Грязнов М.П., 1980, рис. 12, *2–4*).

В подтверждение наблюдений А.Ю. Алексеева можно привести тот факт, что форма и размеры евразийских застежек, обусловленные функционально, были весьма устойчивыми: с грибовидными окончаниями и тремя желобками. На ассирийских рельефах времен Тиглатпаласара III, Саргона II и Ашшурбанапала формально сходные изделия являются нашивными украшениями нагрудных ремней крепления седла. При этом были целиком утрачены изначальные функции: «застежки» превратились в исключительно декоративный элемент, на что указывают, кроме их размещения и чрезмерного количества, произвольное количество желобков на этих изделиях на разных рельефах (от одного до трех) или даже утрата первоначальной формы. На рельефах Ашшурнацирпала II (883–859 гг. до н.э.) таких украшений еще нет. Для второй половины IX – первой половины VIII в. до н.э. ассирийские рельефы неизвестны. Бронзовые покрытия Балаватских ворот не дают необходимой информации вследствие слабой детализации изображений (Дьяконов И.М., 1956, с. 144; Barnett R.D., Forman W.A., № 43, 59, 87, 95, 99; Budge E.A.W., 1914; Huttel H.-G., 1981, Abb. 3, 4). Вероятно, именно в этот промежуток времени в Ассирии и появились изделия этого типа; ко времени Тиглатпаласара III уже было забыто первичное назначение застежек, и они превратились в элемент декора.

Важное значение для датирования новочеркасских древностей имеют находки шлемов ассирийского типа. Два остроконечных шлема с нащечниками в погр. 186 и разрушенном захоронении 1987 г. в Клин-Ярском могильнике сопровождались новочеркасской уздой и мечом. А.Б. Белинский датировал шлем из этого погребения по изображениям на ассирийских рельефах времени Синаххериба и первой половины правления Ашшурбанапала (705–653 гг.). Он насчитал пять находок шлемов ассирийского типа на Кавказе, по его мнению, идентичных, синхронных и изготовленных в одном центре (Белинский А.Б., 1990, с. 195). Практически все эти выводы вызывают возражения. Второй шлем из Клин-Ярского могильника, кроме отмеченного А.Б. Белинским отличия (присутствие орнамента), имеет еще и другие. По данным С.Л. Дударева, этот шлем в отличие от предыдущего изготовлен из двух частей. Кроме того, различны и пропорции, и профилировка шлемов (Дударев С.Л., 1991, с. 53, табл. 8; 17).

А.Ю. Алексеев наиболее близкими считает Клин-Ярским шлемам шлемы, изображенные на рельефах времен Синаххериба – 705–681 гг. до н.э. (Алексеев А.Ю., 1992, с. 83). В.Р. Эрлих отметил наличие изображений шлемов с нащечниками на рельефах времен Тиглатпаласара III и датировал Клин-Ярские находки соответственно временем Тиглатпаласара III и Саргона II – 745–707 гг. до н.э. (Эрлих В.Р., 1992, с. 178). Внезапное появление шлемов с нащечниками на рельефах времени Тиглатпаласара III в достаточно большом количестве и в разных вариантах – остроконечные или с гребнем (Hrouda B., 1965, Abb. 23, № 6, 100, *15–17*; Barnett R.D., Falkner M., 1962, Pl. XV, XXXI, XXXIII, LIV, LXVI, XCII; Paterson A., 1915, Pl. LXXXVII) – указывает на относительно долгий период их предшествующего развития в конце IX – первой половине VIII в. до н.э. Характерный изгиб тульи, ярко выраженный на Клин-Ярских образцах, является типичным для остроконечных урартских шлемов ассирийского типа конца IX – начала VIII в. до н.э. (Vander Berghe L., De Meyer L., 1983, S. 128, № 16, 17; Urartu..., 1991, p. 129, 131, № 12, 16). В Хасанлу IV найден шлем с гребнем и нащечниками весьма развитой формы, прикреплявшимися отдельно. Находка датируется

временем не позднее VIII в. до н.э. (Muscarella O.W., 1989. Коррекция даты гибели Хасанлу IV: Medvedskaja I., 1991).

К одному типу с Клин-Ярскими относится и шлем из погр. 13 в Бешташени, известный по изображению на фото погребения. Это также остроконечный шлем с нащечниками. Стенки тульи выпуклые в отличие от Клин-Ярских, что сближает его с ранними остроконечными шлемами типа Приморское и Фаскау. Б.А. Куфтин отнес погр. 13 к группе переходных от эпохи поздней бронзы к эпохе раннего железа (Куфтин Б.А., 1941, с. 68, 186, рис. 72б; 80, *5*; 81; табл. XLV1, XLVII, XLVIII, 1, *б*). В этой группе, предшествующей эпохе Ванского царства, еще отсутствует железо. Г. Коссак датировал погр. 11 из этого могильника IX в. до н.э. (Kassack G., 1983, S. 134). Погр. 13 со шлемом не привлекло его внимания, хотя в обоих комплексах содержатся аналогичные бронзовые кинжалы и наконечники копий, типы керамики. В Армении бронзовые булавы, аналогичные найденной в погр. 13, появились в конце II тыс. до н.э. и получили наибольшее распространение не позднее IX–VIII вв. Тем же временем здесь датируются и аналогичные наконечники копий (Мартиросян А.А., 1964, с. 200–204, 213, табл. XXXVI, *3, 9, 14, 17*). Бронзовые однокольчатые удила из погребения относятся к сиалковскому типу и датируются не позднее VIII, возможно, IX–VIII вв. до н.э. (Медведская И.Н., 1983; Смирнова Г.И., 1985, с. 38; Потапов В., 1989, с. 106). Очень раннюю хронологическую позицию занимают грунтовые погребения Бешташени и по данным М.Н. Погребовой (Погребова М.Н., 1977, с. 142). В.Г. Котович и О.М. Давудов датировали погр. 13 не позднее XI в. до н.э. Однако присутствующие здесь изогнутые роговые псалии имеют по три отверстия, расположенные в одной плоскости, что характерно уже для киммерийского времени – IX–VIII в. до н.э. При датировке узды из Бешташени исследователи исходили из датировки погребения в Орхеви – XIV–XIII вв. В последнем повод присоединялся к аналогичным с бешташенскими удилам с помощью характерных однокольчатых крючков (Котович В.Г., Давудов О.М., 1980, с. 48). Несколько иные по форме крючки из погр. 13 в Бешташени, вероятно, имели другое назначение: их было найдено 4 экз. при одних удилах, к которым они не имели отношения. В целом дата бешташенского комплекса должна ограничиваться IX–VIII в. до н.э., а учитывая отсутствие железа, вероятно, только началом VIII в. до н.э.

Шлем из Приморского (Абхазия) вслед за Б.А. Куфтиным Г. Коссак отнес по форме к ранним образцам остроконечных конических шлемов, хорошо известных по изображениям на рельефах IX в. до н.э. В Хасанлу такой шлем найден в слое X–IX вв. до н.э. (Куфтин Б.А., 1949, с. 139; Kossack G., 1983, S. 111; Muscarella O.W., 1989). Датировку IX в. до н.э. приняла В.И. Козенкова, распространив ее на все шлемы ассирийского типа, найденные на Кавказе (Козенкова В.И., 1990, с. 82). С учетом коррекции даты гибели Хасанлу IV следует говорить о IX–VIII вв. до н.э. В кобанском могильнике Верхняя Рутха найден урартский бронзовый шлем времени Аргишти I – 789–766 гг. до н.э. (Козенкова В.И., 1990, с. 72, табл. 1; Алексеев А.Ю., 1992, с. 82). Шлем из Фаскау Р.Д. Барнет также считал урартским изделием (Barnett R.D., 1953, p. 102). Представляется, что обе эти находки, с учетом датирования всех остальных в пределах конца IX – первой половины VIII в. до н.э., достаточно определенно указывают источник и время поступления шлемов ассирийского типа на Кавказ. Вероятно, поступление шлемов и других изделий переднеазиатского происхождения или подражаний им, объединенных В.Р. Эрлихом в группу восточных элементов (Эрлих В.Р., 1992), может быть связано с усилением экспансии Урарту в Закавказье в IX – первой половине VIII в. до н.э. В царствование Аргишти I предпринимались походы вплоть до Колхиды, их следы можно видеть в находках из Приморского и Бешташени. Из Закавказья от урартов или их противников шлемы ассирийского типа опосредованно поступали на Кавказ. Здесь также могли изготовляться и местные подражания импортным образцам.

В свое время А.И. Тереножкин констатировал отсутствие находок новочеркасских древностей к югу от Кавказа (Тереножкин А.И., 1976, с. 203), что позднее было

многократно подтверждено (Медведская И.Н., 1983; Есаян С.А., Погребова М.Н., 1985, с. 36; Тохтасьев С.Р., 1993, с. 90). Сегодня можно назвать лишь три такие находки в ближнем Закавказье (Алексеев А.Ю., 1992, с. 80). При старых датировках новочеркасских памятников в пределах VIII–VII вв. до н.э. этот феномен не имел достоверного объяснения. М.Н. Погребова и Д.С. Раевский пробовали объяснить такое отсутствие чрезвычайной скоростью киммерийских походов, из-за которой не происходило укоренения чужих вещей в местных культурах (Погребова М.Н., Раевский Д.С., 1992, с. 185). Однако представляется, что здесь прежде всего «виновата» старая хронология новочеркасских памятников в пределах VIII–VII вв. до н.э., в то время как на самом деле вещи новочеркасского культурного комплекса выходят из употребления еще до начала походов киммерийцев за Кавказ в конце VIII в. до н.э. Для условий территориальной стабильности сосуществования северо-, центрально- и закавказских культур предпоходной эпохи существующее территориальное распределение находок абсолютно нормально. В IX–VIII вв. до н.э. связи культур Северного и Центрального Кавказа с Переднеазиатским регионом были в основном односторонними. При многочисленности находок вещей закавказско-переднеазиатского происхождения в кобанском ареале встречное поступление кобанских импортов на юг было весьма слабым. Хотя география находок кобано-колхидских вещей в переднеазиатском регионе достаточно широка – южный берег Черного моря в направлении Синопы, Северо-Восточная Анатолия, Карсская область, Северо-Западный Иран (оз. Резайя) – их общее количество очень незначительно (исключительно топоры, других вещей нет) (Przeworski St., 1939, S. 37–39; Мартиросян А.А., 1964, с. 124–126; Крупнов Е.И., 1960, с. 343–350; Погребова М.Н., 1977, с. 51, 148; Нераденко Т.Н., 1988, с. 168–173; Степи..., 1989, с. 167).

Единичность закавказских находок новочеркасских вещей объясняется тем, что кобанская культура была достаточно мощным барьером на пути влияний с севера и успешно поглощала ранние степные импульсы, свидетельством чего, вероятно, и является топография находок черногоровско-новочеркасского типа: максимальная концентрация кинжалов и узды в кобанском ареале в зоне контакта со степью, в западном и центральном территориальных вариантах культуры при отсутствии в восточном и отдаленных горных районах (Тереножкин А.И., 1976, с. 203; Козенкова В.И., 1977; Степи..., 1989, с. 255, 258). И пока все ограничивалось культурными контактами, степной импульс в Закавказье практически не проходил, не распространяясь далее южного склона Большого Кавказа. Ситуация резко меняется с началом транскавказских походов, когда этот барьер был взломан.

В целом это свидетельствует о прекращении существования новочеркасских древностей накануне походов в Переднюю Азию не позднее третьей четверти VIII в. до н.э. С началом киммерийско-скифских походов в 722–714 гг. началась новая эпоха, в археологическом отношении обозначенная находками закавказских и переднеазиатских вещей в северопричерноморско-кавказском регионе, и скифского типа – в переднеазиатском, что соответствует контексту военных походов.

Отсутствие новочеркасских древностей к югу от Кавказа не является доказательством их неправильной этнической атрибуции А.И. Тереножкиным как киммерийских, а отражает ситуацию хронологическую. В конце VIII в. до н.э. причерноморско-северокавказские киммерийцы пошли в походы, превратившись в носителей раннескифской культуры.

РСК-1. Древнейшее проникновение киммерийцев в Переднеазиатский регион, зафиксированное клинописными источниками около 722–715 гг., И.Н. Медведская связывает с носителями РСК. Основой такого вывода послужили ярко скифский облик всех находок и, следовательно, их вероятная принадлежность в Переднеазиатском регионе как киммерийцам, так и скифам. Все это позволило И.Н. Медведской утверждать, что киммерийцы пришли на Древний Восток, имея материальную культуру скифского типа, а именно РСК-1.

Хронологические рамки этапа РСК-1 определены от начала последней трети VIII в.

до н.э. до начала VII в. до н.э. (в таблице 750–700 гг. – Медведская И.Н., 1992, с. 88). Начало этапа датировано предварительно и в дальнейшем может быть удревнено. В данном случае это связано с походами киммерийцев в 722–715 гг. Конец этапа датирован логически: приход киммерийцев и скифов в Переднеазиатский регион в 670-х годах с новой общей культурой РСК-2 предусматривает формирование последней на территориях к северу от Кавказа не позднее 690–680 гг. до н.э., что и может быть принято в качестве рубежа между РСК-1 и РСК-2.

Однако здесь существует серьезное противоречие. Абсолютно верно определение синхронности новочеркасских и предкелермесских памятников (РСК-1). С носителями последней И.Н. Медведская связывает походы киммерийцев на Древний Восток в конце VIII в. до н.э. При этом она отмечает полное отсутствие памятников РСК-1 на территории Ирана и Восточной Турции при наличии здесь только памятников ступени РСК-2 (в отличие от западной Малой Азии, где есть и памятники ступени РСК-3). Вероятно, правы С.Р. Тохтасьев и И.М. Дьяконов, считающие, что в данном случае должна идти речь о существовании РСК-2 уже в последней трети VIII в. до н.э., с которой и выступили в первые походы киммерийцы (Дьяконов И.М., 1994, с. 109, 112; Тохтасьев С.Р., 1993, с. 90). Как бы это ни противоречило традиционным представлениям, логика фактов именно такова. Во всем Переднеазиатском регионе не найдено ни одной вещи новочеркасского типа, которых так много среди узды и вооружения РСК-1 (предкелермесские памятники), именно тех категорий находок, которые обозначают пребывание северопричерноморских кочевников на Древнем Востоке.

Есть ли, кроме логических, иные возможности определения культуры кочевников, пришедших на Древний Восток в конце VIII в. до н.э. из Северного Причерноморья – Предкавказья? Думаю, да. В последнее время Л.К. Галанина датировала Келермесские курганы в пределах 660–640 гг. до н.э. (Галанина Л.К., 1994, с. 95, 105). Тем не менее представляется, что хронологический резерв Келермеса еще не исчерпан; во всяком случае это относится к ранним памятникам группы, которые, согласно Г. Коссаку и И.Н. Медведской, представляют материальную культуру этапа РСК-2. Во-первых, датируя в целом келермесскую группу «эпохой Ашшурбанапала», Л.К. Галанина сама отмечает отсутствие упоминаний о скифах в клинописных источниках этого времени в отличие от 670-х годов. Во-вторых, в ранних памятниках группы отсутствуют предметы импорта, надежно датируемые временем Ашшурбанапала, при том что здесь в большом количестве представлены пережиточные новочеркасские элементы, что твердо указывает на близость раннекелермесских памятников к РСК-1. В-третьих, следует вспомнить аргументацию И.Н. Медведской датировки РСК-2: для того чтобы киммерийцы и скифы могли в 670-х годах прийти на Древний Восток, будучи носителями РСК-2, последняя должна была сформироваться на территории к северу от Кавказа не позднее 690–680 гг. до н.э.

Следовательно, формирование РСК-2 должно было произойти еще раньше, не позднее начала последней трети VIII в. до н.э. Соответственно, это и должно быть датой финала этапа РСК-1. Как далеко в VIII в. до н.э. заходит его начало? На этот вопрос пока ответа нет.

РСК-2. Вывод И.Н. Медведской об отсутствии упоминаний киммерийцев и скифов на востоке Передней Азии позднее 670-х годов, а также датирование гибели Урарту около 650 г. позволили исследовательнице ограничить во времени датировку всех находок скифского типа на этой территории в пределах 700–650 гг. По качественному составу все они, по определению И.Н. Медведской, принадлежат РСК-2. Об аргументации датировки начала РСК-2 упомянуто чуть выше. Как отмечалось там же, начало РСК-2 должно датироваться не позднее начала последней трети VIII в. до н.э. Кроме того, считается доказанным (на основе античных источников) присутствие скифов и в восточной части переднеазиатского региона во второй половине VII в. до н.э. (Грантовский Э.А., 1994, с. 43). Гибель Тейшебаини также относят к этому времени – не ранее 630-х годов (Дьяконов И.М., 1994, с. 115).

Отнесение всех находок к ступени РСК-2 не является безусловным. Согласно Л.К. Галаниной, смешанность находок из Келермесских курганов не позволяет надежно распределить наборы стрел между ранними и поздними памятниками группы. Достаточно сходны и основные детали узды обеих групп (Галанина Л.К., 1994, с. 99). Поэтому нельзя отрицать наличия находок вещей РСК-3 и в восточной части Переднеазиатского региона.

Конечную дату РСК-2 И.Н. Медведская, как и Г. Коссак, размещает в середине VII в. до н.э. Эта дата определена в зависимости от датировки РСК-3 650–600 гг. Конечная датировка РСК-2 дополнительно подтверждается последней датировкой Келермесских курганов 660–640 гг. до н.э.

В отличие от памятников РСК-2, расположенных к северу от Кавказа, где наконечники стрел с ромбическим абрисом головки встречаются эпизодически (Эрлих В.Р., 1988, с. 101; Петренко В.Г., 1990, с. 70) и в это время выходят из употребления, в Переднеазиатском регионе они бытуют и на этом этапе, и в дальнейшем. Эта традиция сохраняется в трехлопастном варианте в персо-мидийской среде вплоть до эпохи походов Александра Великого. Происходит своеобразная консервация раннескифской традиции. Широкое распространение наряду с более редкими и двухлопастными здесь получает уникальный для Северного Причерноморья тип трехпластных ромбических наконечников с короткой или скрытой втулкой (Медведская И.Н., 1980, с. 35; 1992, с. 95), ромбичность головки которых обусловлена уже не заточкой, а, судя по литейной форме VI в. до н.э. из Мосула (Пиотровский Б.Б., 1955, с. 41, рис. 31), заложена в самой форме и соответственно сохраняется в готовой продукции[1].

РСК-3. Культура позднекелермесского типа. После открытия клада в Зивийе, его датировки не позднее первой половины – середины VII в. до н.э., определения стилистического и культурно-хронологического единства с причерноморскими памятниками необходимость удревнения даты Келермесских и Мельгуновского курганов стала очевидной. П. Амандри, руководствуясь датами Темир-горы, Цукур-лимане[2], Криворожского кургана в пределах второй половины VII в. до н.э., с одной стороны, а также параллелями в Урарту и Зивийе VIII–VII вв. – с другой, датировал Келермесские и Мельгуновский курганы второй половины VII в. до н.э. (Amandry P., 1965, p. 903). Близкими соображениями руководствовались и другие исследователи (Lang A., 1980, S. 233; Kossak G., 1980b, S. 97). Наиболее последовательно эту идею разрабатывал Г. Коссак, нашедший в работах В.Г. Петренко и Л.К. Галаниной дополнительную опору для решительного удревнения Келермесского горизонта. Время существования РСК-3 ограничено Г. Коссаком второй половиной VII в. до н.э., что приняла И.Н. Медведская. Главная особенность этого этапа – появление греческих и малоазийских импортов, на основе датировок которых рубеж между РСК-2 и РСК-3 обозначен 650 г. Верхняя граница отнесена к 600 г. до н.э.

Базовым для датировки этапа является комплекс впускного погребения Репяховатой Могилы и памятников этого круга. Г. Коссак датировал ионийский кувшин из этого погребения концом VII – первой половиной VI в. до н.э. Амфоры из Репяховатой Могилы и Новоалександровки определены как ионийская и материковая продукция. Подтверждены датировки В.В. Рубаном ранних форм самосских амфор концом VII – началом VI в. до н.э. и не позднее начала VI в. – ионийских киликов Ягорлыцкого поселения. Ионийские амфоры из Коломака датированы последней четвертью VII – первой четвертью VI в. до н.э. Здесь сделан очень интересный с методологических позиций вывод: хотя керамика, найденная в этих погребениях, по-

---

[1] В Северном Причерноморье несколько таких наконечников стрел переднеазиатского типа найдены в погребениях второй половины VI – начала V в. до н.э. некрополя Ольвии. Эти находки можно связывать с походом Дария против причерноморских скифов (Полiн С.В., 1987, с. 29).

[2] Перенесение М.Ю. Вахтиной даты Цукур-лимана во вторую половину VI в. до н.э. (Вахтина М.Ю., 1989) представляется неоправданным.

ступила на берега Понта уже в VI в. до н.э., тем не менее вещи из впускного погребения Репяховатой Могилы и других погребений этой группы, согласно надежно датированным второй половиной VII в. до н.э. комплексом (Темир-гора, Дарьевка, Красное Знамя кург. 1 и др.), также должны датироваться VII в. до н.э. Таким же образом решен вопрос о датировке поздних Келермесских курганов, исследованных Д. Шульцем, где были найдены знаменитые зеркало и ритон (Kossak G., 1987, S. 76–81).

Последняя датировка Келермесских курганов Л.К. Галаниной в пределах 660–640 гг. позволяет надежно определить начальную дату поздних памятников этой группы 650 г. до н.э. Представляется, что финальный рубеж РСК-3 обозначен слишком рано – период существования этапа искусственно обрезан на рубеже VII–VI вв. до н.э. Эта дата не вытекает из принятых Г. Коссаком датировок античной керамики из скифских комплексов.

В свое время удревнение датировок келермесской группы памятников на Северном Кавказе, осуществленное В.Г. Петренко и Л.К. Галаниной, позволило мне предложить такое же удревнение и для памятников старшей журовской группы в Днепровской лесостепи. Необходимость такого передатирования была обусловлена чрезвычайной близостью, точнее, единством большинства определяющих категорий вещей из погребений этой группы[3]. В первую очередь это требовало решительного удревнения впускных погребений Репяховатой Могилы и кургана в Новоалександровке. С помощью В.В. Рубана были определены принадлежность амфор из этих комплексов к классу милетских VII в. до н.э. и соответствие формы кувшина из Репяховатой Могилы сосудам конца VII – первой половины VI в. до н.э., что позволило датировать оба комплекса не позднее начала VI в. до н.э. Концом VII – началом VI в. до н.э. датируется по амфоре и комплекс кургана возле хут. Хапры. Достаточно много находок греческой керамики второй половины VII – начала VI в. до н.э. известно с поселений лесостепи (Онайко Н.А., 1966, с. 14–16, 56–59). Эти определения, а также уточнения хронологии зеркал так называемого ольвийского типа и времени перехода от I ко II хронологической группе скифских наконечников стрел, которые соответственно относятся к раннему и среднему этапам скифской культуры, позволили мне датировать завершение существования келермесского горизонта (РСК-3) и переход к среднескифскому этапу концом первой – второй четвертью VI в. до н.э. (Полін, 1987, с. 22–27). К сходному выводу пришла и Г.И. Смирнова, которая памятники ступени РСК-3 в Среднем Поднестровье датирует до первой четверти VI в. до н.э. включительно (Смирнова Г.И., 1993, с. 112).

Сегодня появились новые факты, усилившие позиции ранних датировок приднепровских памятников. Восстановлена изначальная форма бронзового сосуда из впускного погребения Репяховатой Могилы. По форме и составу металла определены его кавказско-урартское происхождение и датировка VII–VII в. до н.э. (Ольговський С.Я., 1987).

Датировки раннескифских погребений в пределах VII в. до н.э. подтверждают новые находки родосско-ионийской керамики в курганах возле сел Филатовка и Шандровка. В этих же пределах уточнен возраст погребений в Алексеевке на Северском Донце и в Криворожском кургане на р. Калитва (Корпусова В.Н., 1980; Ковалева И.Ф., 1985; Алексеев А.Ю., 1992, с. 52–55).

В.В. Рубан в новой работе обосновал ранние датировки амфор типа Репяховатой Могилы и Новоалександровки (Рубан В.В., 1991, с. 182 сл.). Постепенно благодаря разработкам П. Дюпона и В.В. Рубана такие ранние даты для тарной керамики приобретают право на существование (Абрамов А.П., 1990, с. 76), хотя до полного их признания еще далеко. Пока еще не нашла широкой поддержки ранняя датировка

---

[3] М.Н. Погребова и Д.С. Раевский выделили саккызско-келермесский этап раннескифской культуры VII в. до н.э. Непонятно ограничение ареала памятников этого этапа территориями с обеих сторон Кавказа (Погребова М.Н., Раевский Д.С., 1992, с. 161, 197). Памятники украинской лесостепи и в хронологическом, и в культурном отношениях соответствуют всем критериям, определенным исследователями.

Ягорлыцкого поселения (Крыжицкий С.Д. и др., 1990, с. 41; Кузнецов В.Д., 1991, с. 36, сноска 41). Однако скифские находки свидетельствуют, что по крайней мере конец VII – начало VI в. до н.э. несомненно входят в хронологический диапазон поселения.

Твердая обусловленность ранних датировок скифским контекстом комплексных находок практически сразу обеспечила позитивное в целом восприятие удревнения хронологии среди скифологов (Ковпаненко Г.Т. и др., 1989; Смирнова Г.И., 1990; Петренко В.Г., 1990). Значительно меньший энтузиазм в этом отношении наблюдается у исследователей античности (Лейпунська И.О., 1989, с. 113). что имеет свое объяснение. Для всей греческой диаспоры тарная керамика этого времени является наименее изученной вследствие малой доступности для исследований (см. список работ в статье А.П. Абрамова). Для отечественных исследователей античности такие исследования еще менее возможны из-за отсутствия объектов изучения. Только Березань, древнейшие материалы которой, особенно амфоры, во многом неизвестны, и, пожалуй, все-таки Ягорлык, уже погибший для исследований, могут предоставить необходимые материалы. Учитывая дату основания Березани (647/646 г. или около 625 г.) и Ягорлыка (очевидно, финал VII в. до н.э.), выделение здесь аморфной керамики VII – начала VI в. до н.э. будет непростой задачей.

Практически все наши исследователи греческой архаики работают на памятниках второй половины VI – начала V в. до н.э., и, таким образом, предшествующий период фактически выпадает из поля их зрения. Вероятно, поэтому при датировании массового материала психологически трудно преодолеть рубеж середины VI в., не говоря уже о выходе в VII в. до н.э.

Скифоведение в своем развитии прошло те же этапы. Пока датировки скифской архаики определялись исключительно по греческому импорту, рубеж VII–VI вв. до н.э. оставался непреодолимым. Находки керамики VII в. до н.э. в Темир-горе и Цукурлимане на этом фоне представлялись неестественными. Вопреки факту предлагались более поздние, чем по керамике, даты погребений.

Только после выхода на независимые от греческой хронологии древневосточные реперы в датировке памятников становится понятным, что РСК имеет значительно более широкий диапазон, начало которого теряется в VIII в. до н.э., и в целом значительно предшествует греческой колонизации Северного Причерноморья. С началом последней совпадают во времени лишь наиболее поздние памятники РСК-3 второй половины VII – начала VI в. до н.э.

Благодаря характеристике И.Н. Медведской находок скифского типа в Передней Азии, отнесению их к ступеням РСК-2 и РСК-3, стало совершенно очевидно, что материальная культура северопричерноморских кочевников времени походов в Переднюю Азию с конца VIII до начала VI в. до н.э. соответствует келермесской ступени раннескифской культуры Северного Причерноморья и Кавказа.

Представляется абсолютно оправданной попытка И.Н. Медведской связать конкретные типы вещей с конкретными этапами РСК, определить время не только их появления, но и выхода из употребления. Однако на сегодняшний день такая цель труднодостижима прежде всего из-за плохой документированности старых раскопок. В литературе часто встречаются сомнения по поводу достоверности состава различных комплексов: например, Глинище, Старшая Могила, Жаботино кург. 2, ст. Махошевская и т.д. Нередко приводятся ошибочные данные по составу наборов стрел (Полiн С.В., 1987, с. 21, сл.). И.Н. Медведская с сомнением отметила наличие костяных трехдырчатых псалиев, которые по ее хронологии выходят из употребления на этапе РСК-3, в комплексах среднескифской культуры конца VI–V в. до н.э. Курган возле хут. Шумейко, несомненно, относится к раннескифскому времени, не позднее РСК-3. Чернофигурная керамика, благодаря которой курган имеет позднюю дату, отнесена к нему ошибочно (Полiн С.В., 1987, с. 27). Кург. 1 (1886 г.) возле Волковцев имел одно или более впускных погребений в насыпи, поэтому вещи из кургана нельзя объединять в один комплекс. В кург. 478 возле Волковцев набор стрел по составу

вполне позднеархаический. Несколько базисных наконечников в его составе (Ильинская В.А., 1968, с. 44, 50, табл. XXXiX) указывают на датировку началом VI в. до н.э. (Полiн С.В., 1987, с. 27–29). О конструкции кург. 505 возле с. Броварки сведений нет. По составу инвентаря В.А. Ильинская предполагала здесь парное погребение, что не исключает и двух разных погребений. В составе комплекса она отметила искусственную смесь форм ранне- и среднескифского времени. Известно, что в ГЭ и НИМУ сохраняются беспаспортные вещи из этих раскопок, поэтому единство и полнота комплекса сомнительна. Таким образом, не приходится даже допускать возможность существования архаических костяных псалиев в среднескифский период. Кроме того, до сих пор остаются неопубликованными в полном объеме материалы эталонных раннескифских памятников, прежде всего Келермесских и Краснознаменских курганов. В некоторых публикациях даются некачественные рисунки. Вероятно, вплоть до появления новых надежно документированных комплексов и исчерпывающей публикации старых мы при всем желании не сможем избежать ошибок в определении состава конкретных комплексов.

В целом полагаю, что при необходимости коррекции хронологического диапазона отдельных категорий вещей и уточнения распределения отдельных памятников по конкретным этапам периодизация и хронология И.Н. Медведской могут быть приняты для дальнейшей разработки.

Первое знакомство с хронологией Г. Коссака в свое время вызвало у меня значительные сомнения в правомерности слишком резкого, как тогда казалось, перемещения начальной даты раннескифской культуры в конец VШ в. до н.э., хотя я и допускал тогда существование отдельных элементов скифской культуры в Северном Причерноморье в это время (Полiн С.В., 1987, с. 20). Вызывали также возражения и датировки некоторых конкретных памятников и групп. После знакомства с системой аргументации И.Н. Медведской ряд вопросов снят.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамов А.П., 1990. Общие тенденции эволюции керамической тары Восточного Средиземноморья VII–I вв. до н.э. // Традиции и инновации в материальной культуре древних обществ. М.

Андриенко В.П., 1992. О находках бронзовых стремявидных удил на поселении Пожарная Балка // Киммерийцы и скифы. Тез. докл. конф. памяти А.И. Тереножкина. Мелитополь.

Анфимов Н.В., 1975. Новый памятник протомеотской культуры // Скифский мир. Киев.

Алексеев А.Ю., 1992. Скифская хроника. СПб.

Белинский А.Б., 1990. К вопросу о времени появления шлемов ассирийского типа на Кавказе // СА. № 4.

Вальчак С.Б., 1992. К вопросу о дате погребения Черногоровского кургана // История и археология Слободской Украины. Харьков.

Вахтина М.Ю., 1989. Скифское погребение у Цукур-лимана на Тамани // I Кубанская археологическая конф. Тез. докл. Краснодар.

Галанина Л.К., 1994. К проблеме хронологии Келермесских Курганов // РА. № 1.

Грантовский Э.А., 1994. О хронологии пребывания киммерийцев и скифов в Передней Азии // РА. № 3.

Грязнов М.П., 1980. Аржан – царский курган раннескифского времени. Л.

Дударев С.Л., 1991. Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный.

Дьяконов И.М., 1956. История Мидии. М.; Л.

Дьяконов И.М., 1994. Киммерийцы и скифы на Древнем Востоке // РА. № 1.

Есаян С.А., Погребова М.Н., 1985. Скифские памятники Закавказья. М.

Ильинская В.А., 1957. Памятники скифского времени в бассейне р. Псел // СА. Т. XXVII.

Ильинская В.А., 1968. Скифы днепровского лесостепного Левобережья. Киев.

Кеменцеи Т., 1986. Предскифская эпоха в Восточной Венгрии // Археология Венгрии. М.

Клочко В.И., Махортых С.В., 1987. О культурно-хронологической интерпретации памятников

новочеркасского клада (по материалам Северного Кавказа) // Киммерийцы и скифы. Тез. докл. семинара памяти А.И. Тереножкина. Кировоград.
Клочко В.И., Мурзин В.Ю., 1989. О хронологии древностей черногоровско-новочеркасского типа // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск.
Ковалев И.Ф., 1985. Работы в Орельско-Самарском междуречье // АО – 1983. М.
Ковпаненко Г.Т., 1966. Носачівський курган VIII–VII вв. до н.э. // Археологія. Т. XX. Київ.
Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А., 1989. Памятники скифской эпохи днепровского лесостепного правобережья. Киев.
Козенкова В.И., 1977. Кобанская культура. Восточный вариант // САИ. Вып. В. 2–5. М.
Козенкова В.И., 1990. Хронология кобанской культуры: достижения, опыт уточнения, нерешенные проблемы // СА. № 3.
Корпусова В.Н., 1980. Расписная родосско-ионийская ойнохойя из кургана у с. Филатовка в Крыму // ВДИ. № 2.
Котович В.Г., Давудов О.М., 1980. О периодизации и хронологии памятников поздней бронзы, раннего железа на Северо-Восточном Кавказе // СА. № 4.
Крупнов Е.И., 1960. Древняя история Северного Кавказа. М.
Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Отрешко В.М., 1990. Античные поселения Нижнего Побужья (археологическая карта). Киев.
Кузнецов В.Д., 1991. Ранние апойкии Северного Причерноморья // КСИА. № 204.
Куфтин Б.А., 1941. Археологические раскопки в Триалети. Т. I. Тбилиси.
Куфтин Б.А., 1949. Материалы к археологии Колхиды. Т. 1. Тбилиси.
Лейпунська Н.О., 1980. До питания про хронолопію деяких античних матеріалів у скіфських пам'ятках // Арехологія. № 2. Київ.
Лесков А.М., 1984. О хронологическом соотношении памятников начала железного века на юге Европейской части СССР // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.
Ловпаче Н.Г., 1991. Могильник Кочипэ (восточный) в Майкопе // Культура и быт адыгов (этнографические исследования). Майкоп.
Мартиросян А.А., 1964. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван.
Махортых С.В., 1991. Кочевники и вопросы происхождения кладов VIII–VII вв. до н.э. на юге Европейской части СССР // Древности Кубани. Краснодар.
Медведская И.Н., 1980. Металлические наконечники стрел Переднего Востока и евразийских степей II – первой половины I тыс. до н.э. // СА. № 4.
Медведская И.Н., 1983. Конский убор из могильника Сиалк В // Iranica Antiqua. V. XVIII Gent.
Медведская И.Н., 1992. Периодизация скифской архаики и Древний Восток // РА. № 3.
Медведская И.Н., 1993. Геродот и история древнего Востока // Проблемы истории, филологии и культуры. Вып. 1. Магнитогорск.
Медведская И.Н., 1994. Заключение по дискуссии // РА. № 1.
Нераденко Т.Н., 1988. Связи племен Северного Кавказа с цивилизациями Древнего Востока в конце II – начале I тыс. до н.э. Дис. ... канд. ист. наук. Грозный.
Ольговський С.Я., 1987. Бронзовий казан з Реп'яховатої Могили з Черкащини // Археологія. № 58. Київ.
Онайко Н.А., 1966. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII–V вв. до н.э. // САИ. Вып. Д 1–27. М.
Петренко В.Г., 1990. К вопросу о хронологии раннескифских курганов Центрального Предкавказья // Проблемы скифо-сарматской археологии. М.
Петрунь В.Ф., 1969. До похождення мінеральної сировини пам'яткіів III–II тис. до н.е. з басейну р. Інгулець // Археологія. Т. XXII. Київ.
Пиотровский Б.Б., 1955. Кармир-Блур. Т. III. Ереван.
Погребова М.Н., 1977. Иран и Закавказье в раннем железном веке. М.
Погребова М.Н., 1993. О принципах датирования скифской архаики // РА. № 2.
Погребова М.Н., Раевский Д.С., 1992. Ранние скифы и Древний Восток. М.
Полін С.В., 1987. Хронологія ранньоскіфских пам'яток // Археологія. № 59. Київ.
Потапов В., 1989. Некоторые вопросы хронологии предскифского периода // ИРОМК. Вып. 6. Ростов н/д.

Рубан В.В., 1991. Опыт классификации так называемых милетских амфор из Нижнего Побужья // СА. № 2.
Смирнова Г.И., 1985. Основы хронологии предскифских памятников юго-запада СССР // СА. № 4.
Смирнова Г.И., 1990. Культурно-исторические процессы в бассейне Среднего Днестра в конце II – первой половине I тыс. до н.э. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Киев.
Смирнова Г.И., 1993. Памятники Среднего Поднестровья в хронологической схеме раннескифской культуры // РА. № 2.
Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. 1989 // Археология СССР. М.
Тереножкин А.И., 1961. Предскифский период на днепровском правобережье. Киев.
Тереножкин А.И., 1976. Киммерийцы. Киев.
Тов А.А., 1989. Протомеотский могильник Чишхо близ аула Тауйхабль в Теучежском районе // Меоты – предки адыгов. Майкоп.
Тохтасьев С.Р., 1993. К хронологии и этнической атрибуции памятников скифского типа на Ближнем Востоке и в Малой Азии // РА. № 2.
Эрлих В.Р., 1988. Бронзовые наконечники стрел и проблема хронологического распределения комплексов раннескифского времени среднего Закубанья // Материальная культура Востока. М.
Эрлих В.Р., 1991. Бронзовые уздечные наборы и проблема хронологии предскифского и раннескифского времени Закубанья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М.
Эрлих В.Р., 1992. О времени появления и характере восточных элементов в культуре Северного Кавказа конца VIII – первой половины VII в. до н.э. // Северная Евразия от древности до средневековья. Тез. докл. конф. к 90-летию М.П. Грязнова. СПб.
Amandry P., 1965. L'art scythe archaique // AA. Bd. 80. H. 4.
Barnett R.D., 1953. An Assirian helmet // BMQ. № 4.
Barnett R.D., Falkner M., 1962. The sculptures of Assur-nasir-apli II (883–859 B.C.), Tiglath-Pileser III (745–727 B.C.), Esarhaddon (681–669) B.C.) from the Central and South-West Palaces at Nimrud. London.
Barnett R.D., Forman W.A. Assyrische Palastreliefs. Prague.
Budge E.A.W., 1914. Assyrian sculptures in the British museum. The reighn of Ashur-nasir-pal (885–860 B.C.). London.
Huttel H.-G., 1981. Riemenbesatz vom tip Arzan: Eine «Kimmerische» Leitforme // AVA. Bd. 3.
Hrouda B., 1965. Kulturgeschichte des assyrischen Flashbilder. Bonn.
Kossack G., 1980a. «Kimmerische» Bronzen // Situla. № 20/21. Ljubljana.
Kossack G., 1980b. Mittelasien und skythischen Tierstil // AVA. Bd. 2.
Kossack G., 1983. Tli Grab 85. Bemerkungen zum Beginn des skythenzeitlischen Formenkreises im Laukasus // AVA. Bd. 5.
Kossack G., 1987. Von den Anfangen des scytho-iranischen Tienstil // Skythika. München.
Lang A., 1980. Zur Chronologie fruskythischer Funde im Karpatenbecker und an der unteren Donau // Actes II Congr. Int. Thracologie. 1. Bucuresti.
Medvedskaja I., 1991. Once more on the Destruction of Hasanlu IV: Problems of Dating // Iranica Antiqua. V, XXVI. Gent.
Muscarella O.W., 1989. Warfare at Hasanlu in the late 9-th Centuries B.C. // Expedition. University of Pensylvania. V. 31. № 2–3.
Paterson A., 1915. Assyrian sculptures. Palace of Sincherib. London; Haarlem.
Przeworski St., 1939. Die Metallindustrie anatoliens in der Zeit 1500–700 vor. Chr. Leiden.
Urartu. Metalworking Center in the First Millenium B.C.E. The Israel Museum, 1991. Jerusalem.
Vanden Berghe L., De Meyer L., 1983. Urartu een vergeten cultuur uit het bergland Armenie. Centrum voor Kunst en cultur. Sint-Pietersabdij, Gent.

Институт археологии НАН Украины,
Киев

S.V. POLIN

ON CHRONOLOGY OF THE EARLY SCYTHIAN CULTURE

(based on the system of I.N. Medvedskaya)

Summary

By implementing a critical analysis of the early oriental written sources that recorded military campaigns of Cimmerians and Scythians to the Ancient East and archaeological finds that confirm them, by correlating them with the early Scythian artifacts of the North Black Sea maritime zone and the Caucasus a three-step scheme of whose development she offers, I.N. Medvedovskaya finds independent chronological markers that help her date the steps of the early Scythian culture on the basis of the earliest oriental artifacts: ESC-1 – 750-700 BC, ESC-2 – 700-650 BC, ESC-3 – 650-600 BC. The periodization and datings offered by I.N. Medvedovskaya mostly coincide with proposals of G. Kossak and confirm them using a different approach. Her main findings are as follows: Cimmerians come to the Ancient East at the end of the 8th century BC as bearers of the early Scythian culture of step ESC-1. In 670s Cimmerians and Scythians appear again in this region, this time bringing a common material culture ESC-2. Archaeological evidences of the military campaigns conducted by the Black Sea maritime zone nomads in the Front Asia region at the turn of the 8th – 7th centuries BC refer to steps ESC-2 and ESC-3. The studies performed by I.N. Medvedskaya and G. Kossak allow to confine the existence of Novocherkassk and pro-Kelemermess sites (ESC-1) that are synchronous with the former to the beginning of the last third of the 8th century BC. Bearers of these cultures did not take part in the Front Asian campaigns which is confirmed by a lack of finds of the Novocherkassk origin in this region. Stage ESC-2 should be dated to the last third – the middle of the 8th century BC, stage ESC-2 – from mid-8th century to the second quarter of the 6th century BC.

В.А. КОРЕНЯКО

К ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ СКИФО-СИБИРСКОГО ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ

Несмотря на напряженные усилия нескольких поколений специалистов и созданную ими необъятную литературу, происхождение скифо-сибирского звериного стиля и сегодня представляется очень трудной, до конца не решенной проблемой.

Согласно любым серьезным определениям, стиль представляет собой структурное единство образной системы и приемов художественного выражения (Краткий словарь..., 1965, с. 158, 159; Словарь литературоведческих терминов, 1974, с. 374–379; Эстетика..., 1989, с. 333, 334). Усилия археологов направлены на сравнительно-типологический анализ одной стороны этого единства – анималистические образы (Шер Я.А., 1980а, с. 33, 39; 1980б, с. 339). Но средства художественного выражения, на мой взгляд, являются даже не второй или равнозначной, а первостепенной стороной стилевого единства. Ведь именно приемы художественного выражения отличают искусство скифо-сибирского звериного стиля от искусства других этнокультурных общностей, где мы также видим обилие анималистических образов, трактованных, однако, совершенно другими художественными средствами. Иначе говоря, отчетливое представление о специфических приемах художественного выражения может стать если не ключом к решению проблемы генезиса скифо-сибирского звериного стиля, то главной предпосылкой в поиске ответа на этот вопрос. В противном случае мы рискуем остаться на уровне бесплодных рассуждений о "евразийском зверином стиле", о "зверином стиле вообще" (Brentjes B., 1982), т.е. оказаться в заколдованном круге банальных рассуждений о том, что "где изображали зверей, там и был звериный стиль" (Jettmar K., 1964, S. 206, 214).

И здесь мы видим, что для изучения этой важнейшей стороны стилевого единства – средств художественного выражения – не хватает участия искусствоведов или искусствоведческой подготовки археологов. Имеющиеся в российской науке опыты участия искусствоведов в разработке проблемы происхождения звериного стиля (Пестрякова И.В., 1956; Блэк В.Б., 1976, с. 30–39) были оценены археологами скептически (Ильинская В.А., 1976, с. 17). Поэтому можно положительно оценить первый опыт серьезного освоения археологами понятийного аппарата современного искусствоведения – недавно вышедшую брошюру Е.Ф. Корольковой. Сама Е.Ф. Королькова признает "компилятивный характер" своей работы (Королькова Е.Ф., 1996, с. 4), поэтому нам остается надеяться на то, что в дальнейшем автор выработает достаточно отчетливый и искусствоведчески квалифицированный метод анализа скифо-сибирского искусства.

При решении проблемы происхождения звериного стиля, вероятно, необходима не сложная описательная система, понуждающая исследователя к "сравнению всего со всем", а достаточно лаконичное и емкое рабочее определение. Такое определение может быть выработано при сравнении скифо-сибирского звериного стиля с другими, хотя бы и более поздними стилями. Как это ни парадоксально, трактовка ведущих образов древнекочевнического искусства с помощью определенных приемов художественного выражения находит наиболее убедительное соответствие в одном из позднейших "больших стилей" нового времени – в экспрессионизме. Общими чертами

© В.А. Кореняко, 1998 г.

являются относительная простота композиции и графичность образов, но прежде всего – обостренная выразительность, достигаемая главным образом деформацией. В обоих случаях деформация как искажение натуральных форм является сознательным художественным приемом, ведущим методом стилизации, давшим в эпоху древних кочевников столь неожиданные и блестящие творческие результаты.

О "приеме намеренной деформации" как об одном из "выразительных средств искусства" скифо-сибирского звериного стиля пишет и Е.Ф. Королькова (Королькова Е.Ф., 1996, с. 16, 36). Но в ее понимании деформация – лишь одна из многочисленных особенностей раннекочевнического искусства. Мне же представляется, что ведущим художественным методом звериного стиля была именно деформация, направленная на усиление выразительности (экспрессии) анималистического изображения, т.е. экспрессивная деформация.

Для того чтобы установить, в какой степени в искусстве скифо-сибирского звериного стиля применялись экспрессивные деформации натуральных форм, целесообразно обратиться к хорошо известной книге Л.Ф. Жегина "Язык живописного произведения. (Условность древнего искусства)". Л.Ф. Жегин разработал детальную классификацию "зрительных деформаций". Она удивительно точно ложится на материал звериного стиля. В нем мы видим почти все выделенные Л.Ф. Жегиным приемы деформации: развернутость, оплощение, вогнутость, надломы, уравнивание размеров, округлость, кольцевидность, подобие, S-образность, кручение (Жегин Л.Ф., 1970, с. 43–56, 102–112, 115–121, табл. IV–VII, XII–XIV, XVIII, XXIV–XXVII, XXX–XXXIII).

Особенно бросается в глаза композиционное подчинение анималистического образа линии латинской S, названной еще У. Хогартом универсальной "линией красоты" (Жегин Л.Ф., 1970, с. 102; Хогарт У., 1987, с. 108–111, 114, 115, 138, 139, 145–155). С ней логически связан другой прием деформации – "кручение", или "перекрученность" изображения, сплошь и рядом встречающиеся в искусстве звериного стиля.

Против этих рассуждений можно возразить, что любое изобразительное искусство, кроме его наиболее натуралистических направлений вроде "гиперреализма", отражает реальность не фотографически и в той или иной мере эту реальность деформирует. В чем же тогда особенность древнекочевнического искусства? Она заключается в том, что приемы экспрессивной деформации в зверином стиле доведены до пределов возможного и буквально бросаются в глаза. Если мы вновь обратимся к книге Л.Ф. Жегина или сочинениям других работавших в этом направлении авторов от У. Хогарта до Р. Арнхейма (Арнхейм Р., 1974; 1994) и Б.В. Раушенбаха (Раушенбах Б.В., 1980), то увидим, что они использовали материал изобразительного искусства: западноевропейской живописи и графики, русских икон, восточной миниатюры и др. Устанавливая на этих материалах приемы "визуальной деформации", эти авторы в тексте подробно излагали свои наблюдения, а в иллюстрации нередко вводили вспомогательные графические элементы, помогающие читателям понять, о какой деформации идет речь.

Человек, рассматривающий типичные произведения скифо-сибирского звериного стиля, совершенно не нуждается в таких разъяснениях и подсказках. Он и без них видит изображения неестественно развернутых на плоскости животных (деформации "развернутости" и "оплощения"), свернувшихся или свернутых в кольцо хищников (деформация "кольцевидности") и зверей, фигуры которых строго подчинены линии латинской S или перекручены (деформации "S-образности", "кручения" и "перекрученности").

Гениальность безымянных создателей звериного стиля проявилась еще и в том, что они довели применение экспрессивных деформаций до пределов возможного, но пределы эти не переступили. Тем самым они избежали опасности разрушения или схематизации анималистических образов, сохранили реалистическую основу своего творчества.

В итоге мы получаем возможность определить художественную сущность древне-

кочевнического анимализма буквально в нескольких словах: искусство скифо-сибирского звериного стиля – это искусство экспрессивных деформаций.

Необходимо подчеркнуть, что это определение относится прежде всего к стилевому ядру древнекочевнического искусства, к его наиболее популярным, узнаваемым и специфическим произведениям, к образам – "эмблемам" звериного стиля. Понятно, что за пределами этой дефиниции остается большое количество памятников, относящихся к областям чистой орнаментальности и натуралистической изобразительности (Федоров-Давыдов Г.А., 1976, с. 59).

Предложенная формулировка побуждает приступить к поискам стилеобразующих факторов древнекочевнического искусства внутри самого общества ранних номадов на основе возможно более широкого междисциплинарного подхода. Такой подход представляется мне более плодотворным, чем традиционные методы решения проблемы генезиса звериного стиля, на практике сводящиеся к поиску аналогий произведениям скифо-сакского искусства или в культурах конца эпохи бронзы и периода перехода от бронзы к железу в пределах древнекочевнического ареала, или за пределами этого ареала – в искусстве древневосточных "высоких цивилизаций".

Поиски аналогий в предшествующих эпохах – средство диахронного исследования. В лучшем случае будет найден ответ на вопрос, где возник (так сказать, "откуда пошел") звериный стиль. Но почему он возник? Почему стиль искусства древних кочевников выкристаллизовался во вполне определенные образы, в высшей степени оригинальные и удивительно легко узнаваемые именно по стилю, по специфическим именно для этого искусства приемам художественного выражения? Зачем именно этот стиль был нужен кочевникам в I тыс. до н.э.? И почему он так неожиданно угас, не оставив потомкам и преемникам древних номадов ничего, кроме скудных и неясных реминисценций? Эти и другие возможные вопросы можно отвести к одному: какие стилеобразующие факторы действовали в эпоху древних кочевников, вызвав к жизни уникальное искусство скифо-сибирского звериного стиля и стимулируя его существование в определенной экологической и социокультурной среде?

Разработку междисциплинарного подхода к проблеме генезиса скифо-сибирского звериного стиля можно попытаться начать, отталкиваясь от известной концепции В.Б. Мириманова о прямой зависимости количественной и качественной деформации в произведениях первобытного и традиционного искусства от социальной структуры и внутриэтнической напряженности (Мириманов В.Б., 1978, с. 166, 167, 189, 190; 1980, с. 40, 44, 46–48, 53–56, 60–64; 1986, с. 69, 148, 187). Гипотеза В.Б. Мириманова позволяет в поиске стилеобразующих факторов обратиться к социальным и социально-психологическим особенностям древнекочевнических обществ. К такому подходу уже призывали другие исследователи, например Г.К. Вагнер (Вагнер Г.К., 1978, с. 331, 332).

В палеосоциологическом аспекте многие специалисты давно и обоснованно указывали на общественную группу, эстетические и психические потребности которой в первую очередь обслуживало искусство звериного стиля. В археологическом аспекте при анализе закрытых комплексов повсеместно, хотя и в разной степени, фиксируется корреляция между находками изделий звериного стиля, с одной стороны, и значительными размерами и конструктивной сложностью могильных и внемогильных сооружений вместе с относительным разнообразием и богатством погребального инвентаря – с другой. Бесспорно, речь идет о социальной элите. В то же время данная корреляция имеет как бы размытый, вероятностный характер. Необходимо обратить внимание и на весьма значительное само по себе количество произведений звериного стиля, большая часть которых выполнена не из явно престижных металлов вроде золота и серебра, а из общедоступных материалов (Хазанов А.М., 1975, с. 152, 153, 165, 180, 181, 186; Хазанов А.М., Шкурко А.И., 1976, с. 41–44, 48, 49).

Напрашивается вывод о том, что в древнекочевнических обществах эти элитарные группы были достаточно многочисленны. Социальный статус большинства членов таких групп, вероятно, определялся не концентрацией публичной власти и материаль-

ных ценностей, а выполнявшимися ими общественными функциями. Эти общественные функции, с одной стороны, должны были быть по плечу довольно многочисленному контингенту. Но, с другой стороны, их не могли выполнить любые члены древнего общества. При всей размытости указанной выше корреляции археологических фактов ясно, что эта социальная роль не была типичной прежде всего для женщин и детей.

Интересующая нас социальная группа наиболее четко очерчена, пожалуй, К. Йеттмаром (Jettmar K., 1964, S. 217–242). Не так уж важно, как ее точнее определить: дружина, военная каста, половозрастная категория молодых воинов-всадников. На мой взгляд, гораздо важнее попытаться реконструировать особенности общественного статуса, основных занятий и психики членов этой социальной группы – те групповые качества, которые предопределили выбор стиля экспрессивных деформаций как наиболее близкого, "своего" искусства.

Большинство авторов считает главным занятием древнекочевнической социальной элиты войну (Хазанов А.М., Шкурко А.И., 1976, с. 41). Однако есть и другая, менее популярная точка зрения, согласно которой создатели и носители искусства звериного стиля были в первую очередь охотниками. Одним из первых, кто высказался об этом прямо, хотя в очень лаконичной и общей форме, был М.И. Ростовцев (Rostovtseff M.I., 1929).

Л.А. Ельницкий непосредственно связывал охоту как главное занятие древних кочевников и искусство скифо-сибирского звериного стиля: "Скифская идеология выработала свои совершенно определенные черты, получившие глубокое отображение в искусстве. Степной кочевник считал себя охотником – хищником, кем он в значительной мере и был в действительности... Прирученные четвероногие и пернатые хищники были помощниками кочевников на охоте. От тотемов-хищников производили себя многие племена. Скифское искусство особенно любовно разрабатывало формы звериного тела и звериные композиции" (Ельницкий Л.А., 1977, с. 21, 22).

Установленная Л.А. Ельницким связь, конечно, прямолинейна, но не умозрительна, поскольку опиралась на палеозоологические данные В.И. Цалкина о том, что "в раннем железном веке значение охоты вырастает очень резко" (Ельницкий Л.А., 1977, с. 172, 173; Цалкин В.И., 1971, с. 14, 15).

К излагаемой здесь гипотезе очень близко подошла Н.М. Ермолова, напрямую связавшая популярность изображения оленя в искусстве скифо-сибирского звериного стиля с появлением верховой езды, позволившей "устраивать загонную охоту на благородных оленей верхом на лошадях" (Ермолова Н.М., 1980, с. 362, 363).

Таким образом, у предлагаемой гипотезы имеются предшественники, правда, не высказывавшиеся на эту тему достаточно развернуто. Так или иначе, но имеется, на мой взгляд, вполне солидный и интересный набор исторических и этнографических фактов, которые свидетельствуют в пользу того, что в древних и средневековых обществах элитарные социальные группы занимались не столько войной, сколько охотой на крупных копытных и хищных животных.

Война, за исключением относительно кратких периодов кровавого перераспределения земель и политического господства, была все же событием чрезвычайным. Охота же являлась занятием постоянным, если не ежедневным, то ежегодным. Я имею в виду большие облавные охоты, хорошо известные по письменным источникам и по трудам многих исследователей, начиная с классических работ М.Н. Хангалова и Д.А. Клеменца.

Охотничьи облавы в эпоху их расцвета были не столько хозяйственным предприятием, сколько средством боевой подготовки воинов. Они легко переходили в прямые военные акции (Владимирцов Б.Я., 1934, с. 79, 80; Далай Ч., 1983, с. 90, 91; Иванов С.В., 1954, с. 270, 273; Клеменц Д.А., Хангалов М.Н., 1958, с. 33–95; Мункуев Н.Ц., 1977, с. 383; Мусаев С., 1979, с. 131, 132, 200; Окладников А.П., 1955, с. 296, 297, 305, 306, 318; Хангалов М.Н., 1958, с. 13, 17; Хара-Даван Э., 1991, с. 85, 86, 119). Это хорошо понимали сменявшие друг друга властители Центральной Азии. Например, в

эпоху монгольской династии Юань для китайцев был установлен запрет на облавные охоты под страхом смертной казни или ссылки (Далай Ч., 1983, с. 122). В XVIII в., когда Монголия оказалась под властью маньчжуро-китайской державы Цин, монгольские князья могли начинать облавную охоту только после специального, каждый раз особо оформляемого разрешения из Пекина (Бичурин Н.Я., 1828, с. 116).

Облавные охоты были весьма важным и многосторонним социальным институтом. Б.Я. Владимирцов отмечал, что выборы монгольских ханов проводились во время облавных охот (Владимирцов Б.Я., 1934, с. 79, 80). Иллюстрацию этому мы находим в киргизском эпосе, где Манаса выбирают и провозглашают ханом как раз на охоте, хотя и не облавной (Манас..., 1984, с. 389–418). Карьера многих военных предводителей кочевников была тесно связана с институтом облавных охот. Ярчайший пример этого – Чингисхан. По некоторым фольклорным сведениям, он начинал предводителем облавщиков (Хангалов М.Н., 1959, с. 223, 224). Так это или нет, но нужно согласиться с С.А. Козиным, писавшим, что военно-организаторский гений Чингисхана проявился в соединении формирующейся из корпуса тургаудов армии с древнейшей родоплеменной традицией устраивать ежегодные облавы на дикого зверя (Козин С.А., 1941, с. 67, 68). Символично, что и конец Чингисхана наступил в результате смертельной болезни, после того как он упал с коня на облавной охоте (Козин С.А., 1941, с. 189–191).

Историки и этнографы, изучавшие облавные охоты даже в прошлом веке, имели дело уже с их деградировавшими, реликтовыми формами. Общими причинами вырождения и измельчания облавных охот считаются влияние буддийской религии с ее запретом убивать живые существа, развитие скотоводства, переход кочевников к дисперсному расселению, отсутствие войн в Монголии и Сибири после их вхождения в состав централизованных государств (Клеменц Д.А., Хангалов М.Н., 1958, с. 94, 95; Майский И.М., 1959, с. 137; Хангалов М.Н., 1958, с. 29).

Тем больший интерес представляют те реликтовые эпизоды облавных охот, которые позволяют судить об их методах времени расцвета. Так, в древности и средневековье существовал запрет применять оружие до последнего дня охоты. Облавщики вступали в рукопашные схватки со зверями, пытавшимися прорвать кольцо окружения (Хара-Даван Э., 1991, с. 85, 86). Они ловили их арканами, укрюками и сетями, связывали, стреноживали, "сострунивали" звериные пасти (Даль В.И., 1882, с. 343). Марко Поло, наблюдавший в XIII в. облавные охоты юаньского двора во главе с ханом Хубилаем, ничего не писал об оружии охотников, но очень подробно рассказывал о тысячах собак, ловчих птицах, а в отдельной главе – о "приученных зверей ловить" леопардах, волках и "львах" (судя по описанию, тиграх). Описывая "большую охоту великого хана", Марко Поло ни разу не употребил глаголы "бить" или "убивать", но исключительно "ловить". Соответственно и о добыче рассказывается не как об убитых, а как о живых зверях и птицах (Книга Марко Поло, 1956, с. 114–118). Еще в XVIII – начале XX в. на китайских императорских охотах в маньчжурском парадизе Жэхэ особенно престижным подношением императору от монгольских облавщиков считались живые связанные звери (Клеменц Д.А., Хангалов М.Н., 1958, с. 51).

В "Сокровенном сказании" соратники Темучжина говорят ему: "Мы решили поставить тебя ханом. Когда же станет у нас ханом Темучжин, вот как мы будем поступать. При облавах на горного зверя будем выделять тебе половину, брюхо к брюху. Одиночного зверя тоже будем сдавать тебе брюхо к брюху, сдавать, стянувши стегна". С точно таким же обещанием – подносить не убитых, а связанных зверей – обращается Чингисхан к Чжамухе и другим, когда отказывается от власти в их пользу: "Когда бы вы посылали передовым в облаву на тенетного зверя, то я представлял бы вам горного зверя стегно к стегну; пещерного зверя – представлял бы ляжка в ляжку; степного зверя – доставлял бы, притиснув брюхо к брюху" (Козин С.А., 1941, с. 108, 137).

Отмечу, что описаний облавных охот и тем более описаний добычи – связанных

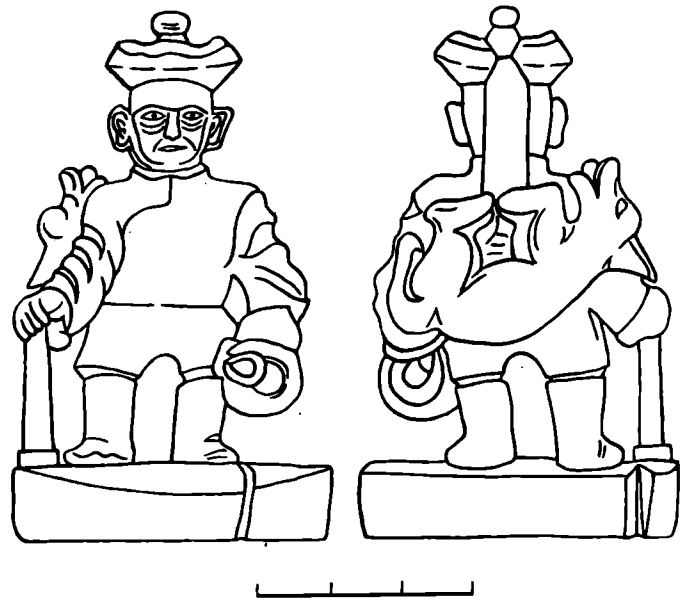

Рис. 1. Охотник со связанным хищным зверем за спиной. Тувинская деревянная скульптура первой четверти XX в. Государственный музей искусства народов Востока инв. № 5073 I

животных – мы не найдем в письменных источниках, синхронных древнекочевническим обществам. Интересующие нас факты отыскиваются только в этнографической литературе или в других более поздних источниках, в том числе в беллетристических описаниях охоты. Среди последних стоит указать на сцену охоты Ростовых в романе Л.Н. Толстого "Война и мир" (Толстой Л.Н., 1980, с. 265) и рассказ В.И. Даля "Охота на волков" (Даль В.И., 1981, с. 43, 44). Их информативную ценность не следует занижать – оба сюжета явно "списаны с натуры" и созданы беллетристами, обладавшими, по всеобщему признанию, незаурядной наблюдательностью.

Причины, по которым зверя на охоте не убивали, а связывали живьем, могли быть различными. На первый план выступали, видимо, преимущественно эмоциональные стимулы, например, желание предъявить связанное животное как живое впечатляющее доказательство охотничьей лихости. Однако имеются и несколько иные свидетельства.

Свен Гедин писал о том, что алайские киргизы в конце XIX в., поймав волка, "в разинутую пасть ему всовывают короткий толстый кол, который прикручивается к скулам, другую же палку привязывают к ноге, чтобы зверь не мог удрать, и начинают всячески мучить и терзать его, пока в нем остается хоть искра жизни" (Гедин С., 1899, с. 107, 108).

Г.Н. Симаков опубликовал информацию об обучении киргизами ловчих птиц. Беркутов, воспитанных из птенцов, обучали на "живом вабиле", которым было соответствующее животное, например попавший в капкан волк ("в некоторых случаях вместо волка используют большую, серую, похожую на волка собаку"). Животному связывали пасть и опутывали ноги, после чего беркута можно было без опаски тренировать, готовя к настоящей охоте (Симаков Г.Н., 1978, с. 35).

Тела убитых животных также могли деформироваться сходным образом, причем без рационального объяснения. По данным С.Г. Жамбаловой, у бурятских охотников существовал ныне забытый ритуал свертывания убитого зверя в кольцо: лапы животного связывали вместе, а конец хвоста притягивали к носу (Жамбалова С.Г., 1991, с. 98, 134).

Существуют и предметные иллюстрации к ответу на вопрос, какая поза прида-

валась охотничьей добыче. Например, в Государственном музее искусства народов Востока хранится тувинская деревянная скульптура, вырезанная не позже 1925 г. (рис. 1). Она изображает охотника, несущего на спине пойманного хищного зверя, вероятно, лису. Ноги животного согнуты и сведены вместе, шея пригнута к передним конечностям, хвост поджат к задним ногам. Это указывает, между прочим, на то, что зверь жив – он висит за спиной охотника лапами кверху, и в противном случае хвост был бы не поджат, а свисал вниз. Верхняя линия спины, шеи и темени образует дугу, а все тело животного идеально вписывается в эллипс, что вполне соответствует одному из распространенных канонов изображения хищников в скифо-сибирском зверином стиле (Кореняко В.А., 1984, с. 64, 89, 90, 103, рис. VI, *1*).

Эти и подобные им факты позволяют судить о позах, которые придавались телам животных, пойманных во время облавных охот. Для обездвиживания копытного животного вполне достаточно было связать вместе четыре конечности, и оно оставалось лежать на животе с подогнутыми ногами. В археологической литературе уже высказывались предположения о том, что копытные животные скифо-сибирского искусства суть охотничьи трофеи или объекты жертвоприношения (Ермолова Н.М., 1980, с. 363, 365; Савинов Д.Г., 1987, с. 112–117).

В отличие от копытного хищный зверь более гибок и подвижен, природа вооружила его острыми зубами и когтями. Поэтому хищника связывали особым способом – "сострунивали". Тонким ремешком, волосяной или жильной веревочкой ("струной") связывали все четыре лапы и к этому узлу подтягивали морду с завязанными челюстями. Хищник оказывался свернутым в кольцо. Ему оставалось скалить зубы, показывать когти и поджимать хвост, т.е. демонстрировать хорошо известный специалистам по поведению животных (этологам) смешанный комплекс поведенческих реакций агрессии и страха. Этологами составлены иллюстративные таблицы "результатов мотивационного анализа" – по движениям лицевой мускулатуры у собаки (Лоренц К., 1994, с. 101–103) и изменениям угрожающей позы у кошки (Хайнд Р., 1975, с. 410, 411, рис. 135). Иллюстрации в таблицах (рис. 2, 3) расположены в соответствии с единым принципом: агрессивность усиливается по оси абсцисс, страх – по оси ординат. Нетрудно заметить, что рисунки, представляющие собой "этологические параллели" к образам кошачьих и собачьих хищников в искусстве скифо-сибирского звериного стиля, в обоих случаях оказываются в первой нижней части таблицы (сочетание сильного страха с сильной агрессией).

Пытаясь восстановить реалии древности по относительно поздним письменным источникам и этнографическим реликтам, необходимо вводить соответствующий этой ретроспективе коэффициент. Такой коэффициент должен акцентировать значимость участия древних воинов-охотников в облавах, их особое психическое состояние не только во время охоты, но и в целом – как особенности индивидуальной и социальной психики членов общественной группы, воспринимаемой ими самими в виде некой охотничьей стаи "псов-воинов" (Иванчик А.И., 1988, с. 38–48).

М.Н. Хангалов и Д.А. Клеменц писали о буйном, беспокойном поведении основной массы облавщиков (Клеменц Д.А., Хангалов М.Н., 1958, с. 64). Огромный материал, позволяющий реконструировать такие доминирующие в психике древних воинов-охотников черты, как агрессивность, кровожадность, буйная неуравновешенность, дает эпический фольклор тюрко-монгольских народов (Ермоленко Л.Н., 1995, с. 22–29; Кыдырбаева Р.З., 1980, с. 29–31; Мусаев С., 1979, с. 200). Конечно, можно говорить о каких-то минимизирующих поправках в связи с условностью фольклорных жанров, тяготению эпоса к гиперболическим описаниям. Но эти поправки в свою очередь могут быть сняты упомянутым выше коэффициентом, который в ретроспективе, напротив, усиливает черты, известные нам по объективным нарративным и этнографическим источникам. В любом случае зооморфные сравнения, обильно присутствующие в эпических текстах кочевых народов, вполне можно интерпретировать так, как это делает исследователь эпоса "Манас" Р.З. Кыдырбаева: "Буйство, неурав-

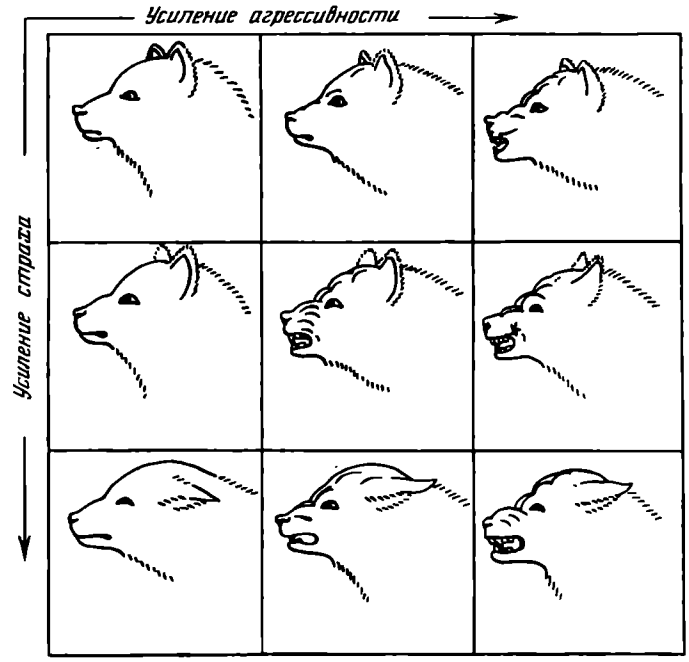

Рис. 2. Таблица результатов мотивационного анализа – мимика собаки (по К. Лоренцу)

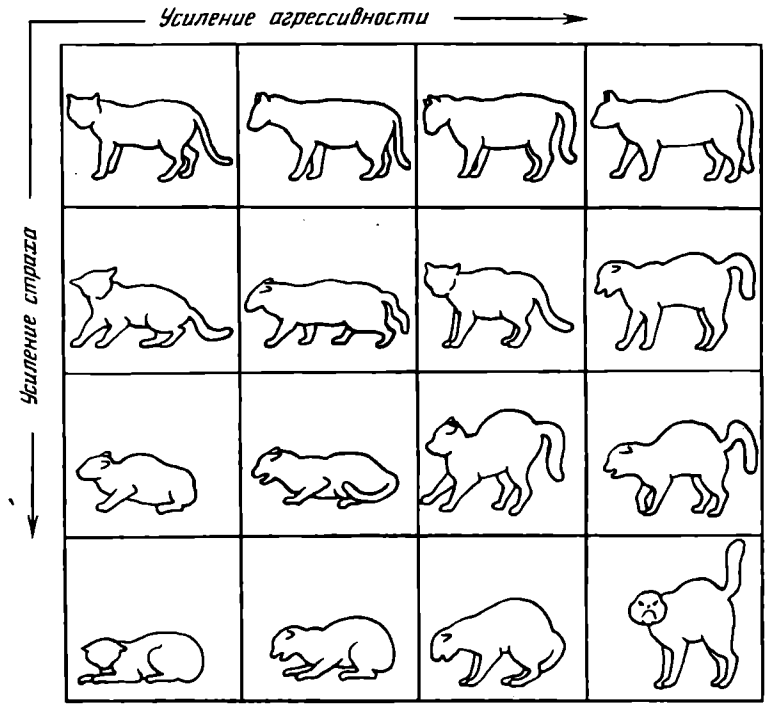

Рис. 3. Таблица результатов мотивационного анализа – позы кошки (по Р. Хайнду – П. Лейхаузену)

новешенность богатыря и его дружинников сродни неистовству хищного зверя, с его безудержными порывами к схваткам" (Кыдырбаева Р.З., 1980, с. 31).

Основываясь на исторических, этнографических и фольклорных источниках, можно предположить, что членам социальных групп воинов-охотников были в высшей степени присущи реактивное, часто буйное, неуравновешенное, экспрессивное поведение, игнорирование смертельной опасности – в целом то, что психологи называют

экспрессивностью поведения и акцентуацией характера (Психология. Словарь, 1990, с. 15–17).

Такие особенности психики отчасти объясняются довольно жестким отбором членов социальной группы. Мало того, что они были воинами и охотниками. Чрезвычайно важно, что они были всадниками в эпоху, когда отсутствовали стремена и жесткие седла. Поэтому всадником-воином и участником облавных охот мог стать прежде всего мужчина вполне определенного возраста, темперамента и мышечного тонуса. Исследование М.В. Козловской показало, что верховая езда в скифское время требовала таких мышечных усилий, что их последствия четко регистрируются при изучении посткраниальных скелетов, причем именно мужских (Козловская М.В., 1996, с. 142–147). Бесспорно, отбор шел и с учетом психических качеств. По мнению психологов, экспрессивность поведения в высшей степени свойственна как раз молодежным коллективам (Лабунская В.А., 1989, с. 15, 16, 53, 54).

Нам остается связать появление скифо-сибирского звериного стиля как искусства экспрессивных деформаций и эффектов с психическими особенностями конных воинов-охотников. Такая связь вполне допустима, потому что с ее помощью мы можем дать конкретный ответ на основной вопрос социологии искусства: почему люди предпочитают один тип художественной продукции другому? (Дондурей Д.Б., 1980, с. 233–236). И здесь вполне уместно привести тезис известного литературоведа Н.Я. Берковского: «"Эстетика эффектов" рассчитывает на зрителя-хищника, на зрителя с инстинктом охотника» (Берковский Н.Я., 1962, с. 283).

В итоге можно предположить, что при решении проблемы генезиса искусства скифо-сибирского звериного стиля мы должны учитывать воздействие по меньшей мере двух вполне конкретных стилеобразующих факторов.

Первый стилеобразующий фактор – облавные охоты социальных групп молодых конных воинов, сопровождавшиеся рукопашными схватками с крупными копытными и хищными зверями. Эти животные в связанном, так сказать, деформированном состоянии являлись, используя терминологию А.Д. Столяра для первобытного искусства, "продуктами натуральной изобразительной деятельности" (Столяр А.Д., 1985, с. 138–179, 209), стимулировавшей зарождение искусства экспрессивных деформаций.

Второй стилеобразующий фактор – индивидуальные и социальные психические особенности членов данных социальных групп. Произведения анималистического искусства экспрессивных деформаций как нельзя лучше соответствовали экспрессивности и акцентуированности их психики. Изделия звериного стиля были не столько магическими изображениями охотничьих трофеев (Jettmar K., 1964, с. 238, 239), сколько эмблемами принадлежности к данной социальной группе. На ранней фазе процесса, как предполагал С.С. Сорокин, такие "изображения-замены служили уже постоянным свидетельством личной доблести, то есть превращались в своеобразные знаки отличия" (Сорокин С.С., 1978, с. 182).

Соответствует ли изложенная гипотеза всему обилию и разнообразию произведений скифо-сибирского искусства? Конечно, нет. Данная гипотеза может претендовать на объяснение только стилевого ядра древнекочевнического искусства – тех его названных в начале статьи образов, которые мы можем назвать "эмблемами" скифо-сибирского звериного стиля. Но логика возникновения, развития и распространения других "больших стилей" говорит о том, что после того, как были созданы канонические средства художественного выражения наиболее популярных анималистических образов, они вполне могли быть в разной степени распространены и на другие зооморфные мотивы и сюжеты.

В общем данная гипотеза описывает не столько непосредственный генезис звериного стиля, сколько его возможные предпосылки или пролог его истории. Понятно, что при переходе от гипотезы к конкретным произведениям искусства скифо-сакской архаики могут появляться конкретные же вопросы, на которые не всегда можно дать вполне удовлетворительные ответы.

Так, может возникнуть вопрос: почему на древнекочевнических изображениях жи-

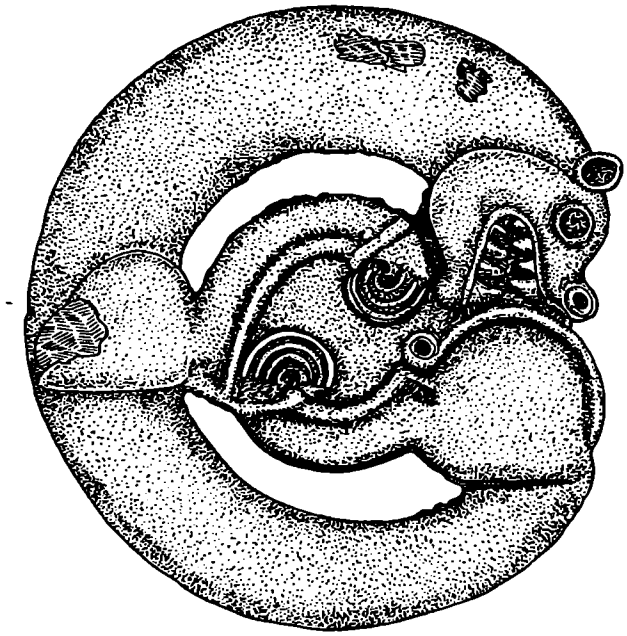

Рис. 4

Рис. 4. Бронзовая бляха с изображением хищника рода пантер из кургана Аржан

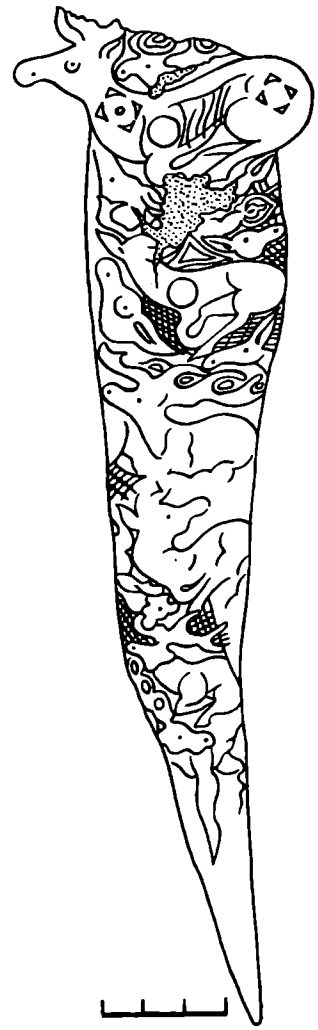

Рис. 5

Рис. 5. Костяная пластина из погребения раннескифского времени у г. Константиновска

вотных мы не видим отчетливо показанных ремней или веревок, которыми, согласно данной гипотезе, связывались ставшие охотничьей добычей реальные прообразы этих изображений?

Во-первых, необходимо иметь в виду условность древнего искусства, как бы не замечавшего многих важных деталей. Приведу один пример подобного рода. Судя по изображениям кошачьих хищников и прежде всего по их соразмерности с другими животными в многофигурных композициях, древнекочевническое искусство имело дело с крупными представителями этого семейства – пантерами и гепардами. Гепарды и все представители рода пантер, обитающие в умеренном поясе Евразии, отличаются хорошо выраженной пятнистостью окраски (тигр, леопард, ирбис). Исключение составляют львы, но их изображения хорошо определяются по специфическим кисточкам на хвостах и по гривам у самцов. Кроме львов, в Старом Свете есть только одна крупная кошка с однотонной окраской – так называемая черная пантера, собственно меланист леопарда, но ее ареал ограничивается тропиками (Жизнь животных, 1971, с. 366–370). Следовательно, мы вроде бы можем ожидать, что изображения кошачьих хищников в скифо-сибирском искусстве должны иметь соответствующую разделку поверхности, передающую полосатость тигров и пятнистость леопардов, гепардов, ирбисов. Но в большинстве случаев на изображениях кошачьих хищников мы видим гладкую поверхность тел.

Во-вторых, имеются произведения древнекочевнического искусства, возможно, подтверждающие изложенную гипотезу. Назову два из них. В восточной части ареала

звериного стиля это знаменитое изображение пантеры из кургана Аржан (рис. 4). На лапах животного мы видим поперечные ремневидные выпуклые полоски (Грязнов М.П., 1980, с. 28, рис. 15, *4*). Я не вполне уверен в правильности такой интерпретации. Уверенность в том, что эти поперечные полоски суть ремни, охватывающие лапы пантеры, укрепляется при рассматривании рисунков вроде того, который иллюстрирует статью Г. Коссака (Kossack G., 1995, S. 29, Fig. 10, *4*). На фотографиях же, да и при рассматривании самой аржанской бляхи из-за общей мягкой, сглаженной моделировки не очень четко различаются места стыков этих поперечных полосок с полосками, декоративно дублирующими дорсальные контуры конечностей. И все же на задних лапах вроде бы вполне отчетливо видно, как полоска – "ремень" не переходит в декоративную полосу, а пересекает ее, охватывая лапу (или лапы, поскольку левые конечности не показаны) целиком.

В западной части ареала можно обратить внимание на менее известную, но неоднократно публиковавшуюся костяную пластину из погребения VI в. до н.э. у г. Константиновска на Дону (Кияшко В.Я., Кореняко В.А., 1976, с. 174, рис. 3). Пластина заполнена странной хаотической композицией из изображений оленей и кошачьего хищника. Мне кажется, что эта композиция наиболее убедительно может быть объяснена как изображение груды охотничьих трофеев – связанных животных (рис. 5). Может быть в пользу такой интерпретации говорит и сетчатая штриховка, почему-то заполняющая лишь часть участков свободного пространства между фигурами животных, а потому вряд ли объясняющаяся декоративной передачей фона. Не изображает ли эта сетчатая штриховка ловчую сеть? В таком случае ей отыскиваются археологические и этнографические параллели (Окладников А.П., 1955, с. 296, 297).

Интересно, что оба памятника относятся к наиболее ранним произведениям скифо-сибирского искусства.

Более важным мне представляется то, что данная гипотеза позволяет объяснить некоторые противоречия, отмеченные разными исследователями при изучении проблемы происхождения звериного стиля. Чаще всего специалисты обращали внимание на два таких противоречия, казавшиеся им неразрешимыми или трудно объяснимыми.

Так, К. Йеттмар называл "необъяснимым" (Jettmar K., 1964, S. 214) противоречие между представлением о скотоводстве как основе экономики кочевников и преобладанием изображений диких животных в искусстве звериного стиля. Предложенная гипотеза объясняет это противоречие. Общественная группа, социальные, психические и эстетические потребности которой стимулировали генезис звериного стиля, была гораздо теснее связана с охотой, нежели с животноводством.

Другое противоречие следующим образом охарактеризовал С.И. Вайнштейн (Вайнштейн С.И., 1991, с. 287, 288): «Если предположить, что скифо-сакский номадизм сложился лишь на базе комплексных степных культур, то остается труднообъяснимым ряд очевидных "лесных" черт, присущих ему и проявляющихся в особенности в достаточно консервативной сфере культового искусства. Таковы, например, образы благородного оленя и лося, занимавших одно из центральных мест в системе "звериного стиля", что отнюдь не соответствовало их реальной роли в жизни степного населения». С.И. Вайнштейн видит выход из этого противоречия в предположении, что в этногенезе скифо-сакских номадов участвовал "субстратный лесной компонент". Предлагалось и еще более простое решение – связать происхождение звериного стиля с "лесными и горно-таежными массивами Присаянья" (Варламов О.Б., 1989, с. 158, 159).

Изложенная гипотеза дает иное решение этой проблемы. Для социальной группы воинов-охотников идеальным объектом охоты были крупные животные, а наилучшим охотничьим полем – то, что в соответствующей русской терминологии называется островами. Это небольшие, обособленные в открытом пространстве лесные биоценозы. Они служат прибежищем для крупной фауны, гораздо более активно истребляемой на открытых пространствах. С другой стороны, небольшие

лесные биоценозы (фации) как бы созданы для финала облавной охоты, поскольку "втягивают" в себя преследуемую дичь и могут быть эффективно окружены облавщиками. На крупномасштабных картах степных и аридных регионов фациальность не фиксируется, а потому и не учитывается специалистами-гуманитариями. В реальности же здесь большое количество лесных биоценозов: боров, колков, пойменных лесов, тугаев. В основном они не связаны с человеческими усилиями по фитомелиорации сухих пространств и являются остатками былого ландшафтного разнообразия. Это разнообразие было еще более впечатляющим до земледельческого освоения степи и резкого усиления воздействия на степную природу антропогенного фактора. Поэтому наличие в степной и аридной зонах лесной и горно-лесной фауны не только не удивительно, но объективно и типично в силу поясной зональности, вертикальных миграций, спуска фауны на равнины по долинам рек.

В целом изложенные здесь предположения можно назвать модификацией уже известной в литературе "военно-охотничьей гипотезы", но с упором на данные палеосоциологии, психологии и искусствоведения. Эта гипотеза, не претендуя на освещение всех граней сложнейшей истории древнекочевнического искусства, позволяет по-новому рассмотреть проблему генезиса скифо-сибирского звериного стиля.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арнхейм Р., 1974. Искусство и визуальное восприятие. М.

Арнхейм Р., 1994. Новые очерки по психологии искусства. М.

Берковский Н.Я., 1962. Статьи о литературе. М.; Л.

Бичурин Н.Я., 1828. Записки о Монголии, сочиненные монахом Иакинфом. С приложением карты Монголии и разных костюмов. Т. 1. СПб.

Блэк В.Б., 1976. К вопросу об истоках скифо-сарматского звериного стиля // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.

Вагнер Г.К., 1978. Рец. на: Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. М., 1976 // Советское искусствознание'77. Вып. 1. М.

Вайнштейн С.И., 1991. Мир кочевников центра Азии. М.

Варламов О.Б., 1989. К проблеме формирования скифо-сибирского звериного стиля // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев. Тез. докл. науч.-практич. конф. Красноярск.

Владимирцов Б.Я., 1934. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.

Гедин С., 1899. В сердце Азии. Памир – Тибет – Восточный Туркестан. Путешествие Свена Гедина в 1893–1897 гг. Т. 1. СПб.

Грязнов М.П., 1980. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л.

Далай Ч., 1983. Монголия в XIII–XIV веках. М.

Даль В.И., 1882. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. М.; СПб.

Даль В.И., 1981. Повести и рассказы. Уфа.

Дондурей Д.Б., 1980. К проблеме исследования функций искусства // Советское искусствознание'79. Вып. 1. М.

Ельницкий Л.А., 1977. Скифия евразийских степей. Историко-археологический очерк. Новосибирск.

Ермоленко Л.Н., 1995. О духе кровожадности древних (на материалах эпоса тюрко-монгольских народов) // Культуры древних народов степной Евразии и феномен протогородской цивилизации Южного Урала (Матер. 3-й Междунар. науч. конф. "Россия и Восток: проблемы взаимодействия". Ч. V. Кн. 2. Челябинск.

Ермолова Н.М., 1980. К вопросу об интерпретации изображений животных // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Матер. I Всесоюз. археологической конф. Кемерово.

Жамбалова С.Г., 1991. Традиционная охота бурят. Новосибирск.

Жегин Л.Ф., 1970. Язык живописного произведения. (Условность древнего искусства). М.

Жизнь животных, 1971. Т. 6. М.

Иванов С.В., 1954. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX веков. Сюжетный рисунок и другие виды изображений на плоскости. М.; Л.

Иванчик А.И., 1988. Воины-псы. Мужские союзы и скифские вторжения в Переднюю Азию // СЭ. № 5.
Ильинская В.А., 1976. Современное состояние проблемы звериного стиля. Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.
Киященко В.Я., Кореняко В.А., 1976. Погребение раннего железного века у г. Константиновска-на-Дону // СА. № 1.
Клеменц Д.А., Хангалов М.Н., 1958. Общественные охоты бурят. (Зэгэтэ-аба – охота на росомах) // Хангалов М.Н. Собр соч. Т. 1. Улан-Удэ.
Книга Марко Поло, 1956. М.
Козин С.А., 1941. Монгольская хроника 1240 года под названием Mongol-un Niruca Tobciyan. Юань чао би ши. Монгольский обыденный изборник.Т. 1. Введение в изучение памятника. перевод, тексты, глоссарии. М.; Л.
Козловская М.В., 1996. Антропологическая характеристика скелетных материалов из скифских курганов Среднего Дона // РА. № 4.
Кореняко В.А., 1984. Декоративно-прикладное искусство Тувы в собрании ГМИНВ (каталог мелкой пластики) // Науч. сообщ. ГМИНВ. Вып. XVII. М.
Королькова Е.Ф., 1996. Теоретические проблемы искусствознания и "звериный стиль" скифской эпохи. К формированию глоссария основных терминов и понятий. СПб.
Краткий словарь терминов изобразительного искусства, 1965. М.
Кыдырбаева Р.З., 1980. Генезис эпоса "Манас". Фрунзе.
Лабунская В.А., 1989. Психология экспрессивного поведения. М.
Лоренц К., 1994. Агрессия (так называемое "зло"). М.
Майский И.М., 1959. Монголия накануне революции. М.
Манас. Киргизский героический эпос. 1984. Кн. 1. М.
Мириманов В.Б., 1978. Традиционное искусство Западного Судана. (К вопросу о стилистической эволюции традиционной скульптуры) // Советское искусствознание'77. Вып. 1. М.
Мириманов В.Б., 1980. Основные тенденции развития изобразительного искусства эпохи классообразования. (К ретроспективной реконструкции истории искусства народов Тропической Африки) // Советское искусствознание'79. Вып. 1. М.
Мириманов В.Б., 1986. Искусство Тропической Африки. М.
Мункуев Н.Ц., 1977. Заметки о древних монголах // Татаро-монголы в Азии и Европе. М.
Мусаев С., 1979. Эпос "Манас". Фрунзе.
Окладников А.П., 1955. Якутия до присоединения к Русскому государству. М.; Л.
Пестрякова И.В., 1956. Скифское искусство Поднепровья VI–III вв. до н.э. Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Л.
Психология. Словарь, 1990. М.
Раушенбах Б.В., 1980. Пространственные построения в живописи. Очерк основных методов. М.
Савинов Д.Г., 1987. Изображение "висящего" оленя на ритоне из Келермеса // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. Новосибирск.
Симаков Г.Н., 1978. Предметы охоты с беркутом (из киргизских коллекций МАЭ) // Сб. Музея антропологии и этнографии. Вып. XXXIV. Л.
Словарь литературоведческих терминов, 1974. М.
Сорокин С.С., 1978. Отражение мировоззрения ранних кочевников Азии в памятниках материальной культуры // Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л.
Столяр А.Д., 1985. Происхождение изобразительного искусства. М.
Толстой Л.Н., 1980. Собрание сочинений в 22 томах. Т. V. М.
Федоров-Давыдов Г.А., 1976. Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. М.
Хазанов А.М., 1975. Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М.
Хазанов А.М., Шкурко А.И., 1976. Социальные и религиозные основы скифского искусства // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.
Хайнд Р., 1975. Поведение животных. Синтез этологии и сравнительной психологии. М.
Хангалов М.Н., 1958. Зэгэтэ-аба. Облава на зверей у древних бурят // Хангалов М.Н. Собр. соч. Т. 1. Улан-Удэ.

Хангалов М.Н., 1959. Предания и поверия унгинских бурят // Хангалов М.Н. Собр. соч. Т. II. Улан-Удэ.
Хара-Даван Э., 1991. Чингисхан как полководец и его наследие. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII–XIV вв. Элиста.
Хогарт У., 1987. Анализ красоты. Л.
Цалкин В.И., 1971. Животноводство населения Северного Причерноморья в эпоху поздней бронзы и раннего железа // Проблемы скифской археологии. М.
Шер Я.А., 1980а. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.
Шер Я.А., 1980б. Ранний этап скифо-сибирского звериного стиля // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Матер. I. Всесоюз. археологической конф. Кемерово.
Эстетика. Словарь, 1989. М.
Brentjes B., 1982. Der Tierstil in Eurasien. Leipzig.
Jettmar K., 1964. Die fruehen Steppenvoelker. Die eurasiatische Tierstil. Entstehung und sozialer Hintergrund. Baden-Baden.
Kossack G., 1995. Geschichte und Aufgaben der archaeologischen Erforschung Mittelasiens an der Schwelle zur fruehen Eisenzeit // Eurasia antiqua. Zeitschrift fuer Archaeologie Eurasiens. B. 1. Mainz.
Rostovtseff M.I., 1929. The Animal Style in south Russia and China. Princeton.

Государственный музей искусства народов Востока,
Москва

V.A. KORENYAKO

THE ISSUE OF THE SCYTHIAN-SIBERIAN ANIMAL STYLE ORIGIN

Summary

The paper reviews some issues related to the study of the Scythian-Siberian animal style which is an animalistic art of nomads that lived in the first millennium BC – the beginning of the first millennium AD. An issue related to a specific criterion, that of an artistic originality of the animal style is resolved by comparing this art with "the big styles" of later periods. A system of natural image deformations aimed et strengthening the expressiveness of the image is used as a major artistic method of the old nomadic art. As a conclusion, the author offers to define the Scythian-Siberian animal style as an art of expressive deformations.

While solving the issue of the Scythian-Siberian art genesis, it is necessary to take into account an impact of at least two specific style-forming factors that are hypothetically reconstructed on the basis of written records and ethnographic sources. The first is bateau hunting of young mounted warriors that were accompanied by a hand-to-hand battle with large ungulate animals and beasts of prey. These animals, when tied, i.e. in a deformed state, were natural prototypes of the most popular images of the early nomadic art (a deer with bent legs and a wild cat curled up in a ring). The second style-forming factor are individual and social psychological peculiarities of old hunters-warriors that had been riders during the age long before the rigid saddles and stirrups were invented and put to massive use. Objects of animalistic art of expressive deformations were consistent with expressiveness and accentuation of the psyche of these people who were creators and main bearers of the Scythian-Siberian animal style tradition.

А.Р. КАНТОРОВИЧ

ИЗОБРАЖЕНИЯ НА СКИФСКИХ НАВЕРШИЯХ ИЗ КУРГАНА СЛОНОВСКАЯ БЛИЗНИЦА

(стилистика и семантика)

Скифские бронзовые навершия с плоскими двусторонне-идентичными изображениями, найденные в насыпи кург. Слоновская Близница в Степном Приднепровье (Древности Геродотовой Скифии, 1872, с. 64–66, табл. XXXVI, рис. 1, 2), давно являются объектом внимания исследователей, в особенности с точки зрения семантики сцены борьбы персонажей – двух зооморфных и одного антропоморфного (рис. 1). В научной литературе существуют два взаимоисключающих варианта интерпретации данной сцены: 1) Таргитай-Геракл (или, более обобщенно, некий герой-человек) убивает чудовище, терзающее травоядное животное; 2) Гойтосир-Аполлон или Аполлон Гиперборейский охотится на травоядное животное с помощью чудовища, которое он оседлал.

В предлагаемой статье делается попытка выявить основные стилистические аналоги изображению каждого из персонажей на слоновских навершиях и всей композиции в целом и на этой основе решить проблему семантики данной сцены.

В коллекции Государственного Эрмитажа хранятся три целых навершия из Слоновской Близницы; от четвертого из них в ходе раскопок была найдена только втулка (Древности Геродотовой Скифии, 1872, с. 65). Изображения на навершиях весьма сходны, но не идентичны; при этом между двумя из них (ГЭ, 1861, Дн1/1 и ГЭ, 1861, Дн1/2) есть существенное различие в оформлении хвоста и крыла чудовища (рис. 1, *1*, *2*), третье же (ГЭ, 1861, Дн1/3), очевидно, является более грубым подражанием первому из упомянутых (ГЭ, 1861, Дн1/1) (благодарю А.Ю. Алексеева за возможность ознакомления с материалом).

Большинство исследователей, начиная с М.И. Ростовцева (Ростовцев М.И., 1925, с. 456, 457), включают Слоновскую Близницу в группу наиболее поздних скифских курганов; навершия датируются, как и весь комплекс, концом IV в. до н.э. (см. также Мелюкова А.И., 1981, с. 105). Такая датировка подтверждается и классификацией наверший по Е.В. Переводчиковой, в соответствии с которой слоновские навершия принадлежат ко II типу: "Навершия без бубенцов... с изображением фигур в рост на широкой втулке прямоугольного или подпрямоугольного сечения, расширяющейся книзу" (Переводчикова Е.В., 1980, с. 26, 28, рис. 2). Это наиболее поздний тип в контексте предложенной Е.В. Переводчиковой эволюции наверший, в целом датируемый концом IV – началом III в. до н.э. (Переводчикова Е.В., 1980, с. 40, рис. 9).

Первая попытка интерпретации сцены на слоновских навершиях была предпринята Б.Н. Граковым, связывавшим данные изображения с местной переработкой культа Геракла, слившегося с культом прародителя скифов Таргитая. Б.Н. Граков считал, что герой поражает чудовище в спину кинжалом, причем в одном случае это чудовище – грифон (рис. 1, *1*), в другом – "хищник кошачьей породы" (рис. 1, *2*) (Граков Б.Н., 1950, с. 13, 14). Такая интерпретация вписывалась в концепцию Б.Н. Гракова о связи культа Таргитая с культом Геракла, победившего немейского льва и в этом качестве отображенного на широкоизвестных круглых бляшках гречес-

© А.Р. Канторович, 1998 г.

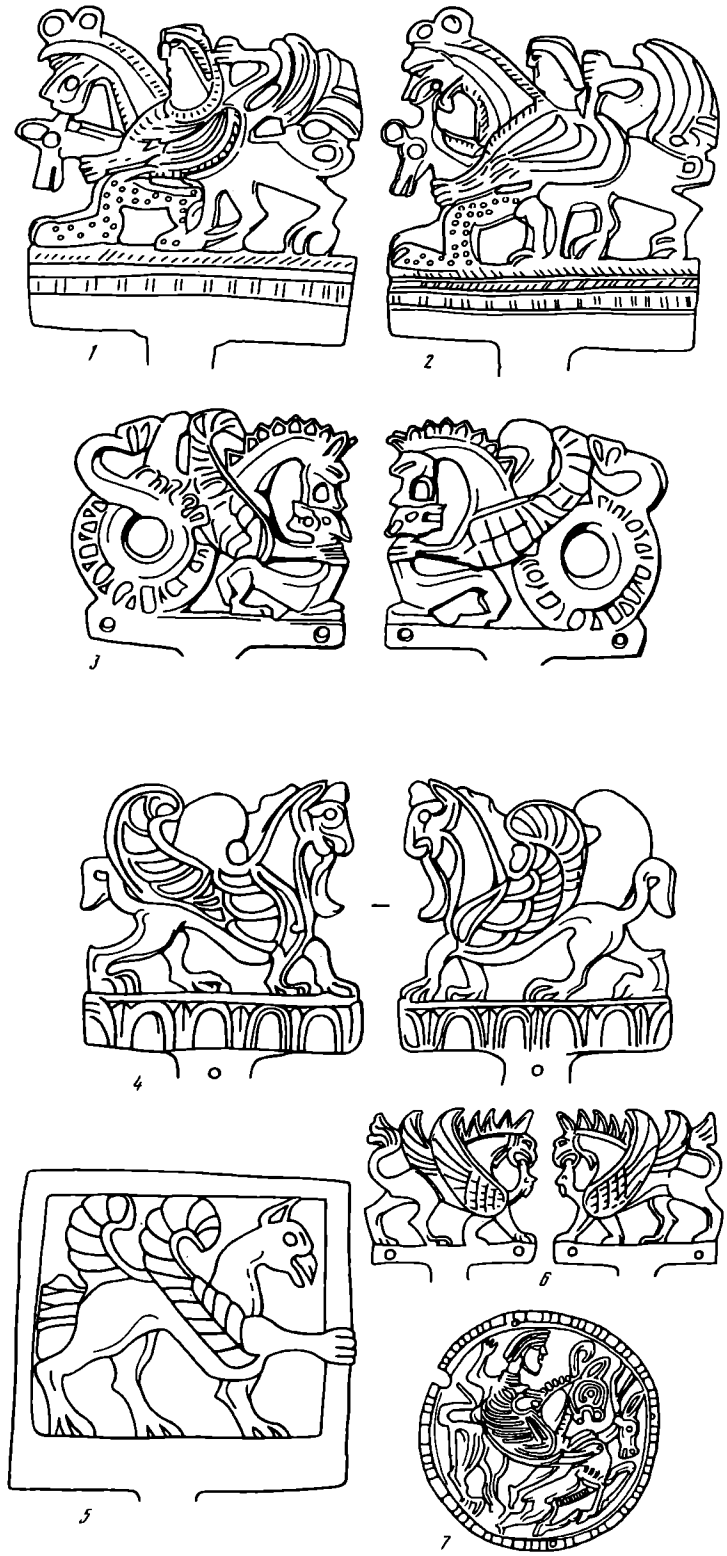

Рис. 1. Изображения на навершиях из кургана Слоновская Близница и их ближайшие аналоги. *1* – Слоновская Близница, ГЭ, 1861, Дн1/1; *2* – Слоновская Близница, ГЭ, 1861, Дн1/2; *3*, *4* – Краснокутский курган (по: Мелюкова А.И., 1981, рис. 10, *1*, *2*; рис. 9); *5* – Александропольский кург. (по: Древности Геродотовой..., 1866, табл. III, *1–4*; IV, *1–4*); *6* – находка у насыпи кургана у с. Догмаровка (по: Клочко Л.С. Оленковский Н.П., 1990, рис. 1), *7* – кург. 1 у с. Дуровка (по: Пузикова А.И., 1966, рис. 29, *4*)

кой работы из таких скифских курганов второй половины IV в. до н.э., как Чертомлык (Scythian art, 1986, fig. 261), Чмырева могила и др. (Граков Б.Н., 1950, с. 12).

С позицией Б.Н. Гракова согласился М.И. Артамонов (Артамонов М.И., 1961, с. 78, 79). Д.С. Раевский, развивая эту концепцию, предположил, что данное изображение воплощает космологическую идею борьбы жизни и смерти с конечной победой жизни, персонифицированной не только в образе травоядного животного, но и антропоморфного существа – прародителя-Таргитая, борьба которого с чудовищем символизирует постоянное преодоление смертного начала жизненным (Раевский Д.С., 1985, с. 159, 160, 226, 227). Более осторожно – как некоего обобщенного героя – воспринимают антропоморфного персонажа слоновских наверший В.А. Ильинская и А.И. Мелюкова (Іллінська В.А., 1963, с. 42; Мелюкова А.И., 1989, с. 99).

Второй из вышеназванных вариантов интерпретации возник позднее и связан в первую очередь с именем Н.А. Онайко (Онайко Н.А., 1976, с. 169–171; 1977). Позиция Н.А. Онайко сформировалась с учетом изображения на золотой бляхе, обнаруженной А.И. Пузиковой в 1961 г. в кург. 1 у с. Дуровка, датируемом на основе античного импорта началом IV в. до н.э. (Пузикова А.И., 1966, с. 83, 88, 89, рис. 29, *4*) (рис. 1, *7*). А.И. Пузикова обоснованно связала изображение на дуровской бляхе со сценой из Слоновской Близницы (Пузикова А.И., 1966, с. 88). Как было затем убедительно показано Н.А. Онайко, композиция сцены на слоновских навершиях восходит к изображению на дуровской бляхе, которая в свою очередь является варварским подражанием, схематизацией греческих изображений типа сцены на керамическом медальоне из Феодосии (Онайко Н.А., 1976, с. 168, 169, 171, рис. 5*а, б, в*; 1977, с. 154, 155, рис. 1–3). Исходя из того несомненного факта, что и дуровское, и феодосийское изображения представляют собой сцену охоты героя, сидящего на грифоне, на некое копытное (скорее всего лань), Н.А. Онайко пришла к выводу, что аналогично должна трактоваться и сцена из Слоновской Близницы. На основании параллели с изображениями на боспорских пеликах и с учетом данных античной письменной традиции Н.А. Онайко заключила, что антропоморфный герой в феодосийском, дуровском и слоновском изображениях – это Гойтосир-Аполлон или Аполлон Гиперборейский (Онайко Н.А., 1976, с. 169; 1977, с. 156–158). Ее мнение поддержали А.И. Шкурко (1982, с. 5) и С.С. Бессонова (1983, с. 118); при этом С.С. Бессонова признает саму возможность слияния образов Геракла и Таргитая и их сакральную функцию борьбы с чудовищами (Бессонова С.С., 1983, с. 14, 45).

Несмотря на справедливость выводов Н.А. Онайко о вышеназванных стилистических аналогиях изображениям на навершиях из Слоновской Близницы, последним присущ ряд отличий, которые вряд ли можно объяснить простым искажением греческой или греко-скифской стилистической традиции, воплощенной соответственно в феодосийском или дуровском изображениях, – искажением, возникшим в результате дальнейшей схематизации или вследствие недостатка мастерства автора (последнее допускала Н.А. Онайко (1977, с. 153)). Эти факторы не могли обусловить наличие у слоновских изображений таких признаков, не свойственных дуровскому и феодосийскому изображениям, как подпрямоугольный контур всей композиции, принципиально иная, нежели у дуровского и феодосийского героев, ориентация руки с оружием, пышный хвост монстра, в одном случае сливающийся с отходящим назад крылом (рис. 1, *1*), своеобразная и примитивная трактовка его глаза, как бы зажатого между лбом и верхней челюстью монстра, заглатывание чудовищем головы травоядного, а также размещение передней ноги чудовища (оно обхватывает лапой шею жертвы)[1]. По этим

[1] Кроме того, слоновского монстра отличает от дуровского широкий шаг задних ног; в этом отношении слоновские чудовища близки не только нижеперечисленным грифонам на навершиях, но и грифону на феодосийском медальоне. Эта особенность наряду с развевающимся плащом феодосийского всадника, возможно, ставшим образцом для конгломерата крыла и хвоста слоновского монстра в одном из его вариантов (рис. 1, *1*), делает вероятным прямое влияние изображения из Феодосии или ему подобного на формирование слоновских изображений. В то же время не исключено, что недостаток места на дуровской бляхе вынудил мастера сблизить задние ноги грифона, с тем чтобы вписать его в окружность бляхи.

признакам ближайшие аналогии слоновским изображениям обнаруживаются в кругу скифских наверший. Речь идет о грифонах на навершиях из Краснокутского (Мелюкова А.И., 1981, с. 37–41, рис. 10) и Александропольского курганов (Древности Геродотовой Скифии, 1866, табл. Ш, *1–4*, IV, *1–4*); о грифоно-гиппокампах (драконах?), поглощающих травоядное, на навершиях из Краснокутского кургана и на очень близких им навершиях из Одесского музея (Мелюкова А.И., 1981, с. 40, 42, рис. 11) и из с. Водославовка (Черепанова Е.Н., Щепинский А.А., 1966, с. 75, рис.)[2]; наконец, о грифонах, терзающих голову копытного, шея которого как бы вырастает из груди этих грифонов, на навершиях, найденных на пахоте возле насыпи кургана у с. Догмаровка Херсонской обл. (Клочко Л.С., Оленковский Н.П., 1990, с. 253–256, рис. 1, 2) (рис. 1, *2–6*). Все эти навершия датируются концом IV – началом III в. до н.э., исключая догмаровские, относимые авторами находки к V в. до н.э. по аналогии с изображениями протом грифонов на келермесской диадеме и топорике из с. Львово. Думается, что не исключена и более поздняя дата догмаровских грифонов в силу их композиционно-стилистического сходства с краснокутскими (рис. 1, *4*, *6*) и схематизма, выдающего местное скифское производство этих грифонов в отличие от келермесского, сочетающего черты позднехеттской и раннегреческой иконографии VII в. до н.э. (Галанина Л.К., 1997, с. 136, табл. 30) и львовского грифона, выполненного в греческой манере (Кубышев А.И. и др., 1982, с. 140, 141, 147, рис. 10).

Все эти изображения, будь то одиночные монстры или композиции с их участием, имеют, как и слоновская композиция, подпрямоугольный контур (александропольские грифоны попросту вписаны в прямоугольную рамку – рис. 1, *5*) в противовес дуровской и феодосийской сценам, вписанным в круг. Кроме того, налицо определенное композиционное сходство между слоновскими монстрами, с одной стороны, и вышеназванными краснокутскими, александропольскими и догмаровскими грифонами (рис. 1, *4–6*) – с другой (при всем разнообразии трактовок отдельных анатомических деталей). Монстры из Слоновской Близницы показаны в задней части в низком шаге, с далеко отставленной крайней ногой, при переходе в лапу изломанной под прямым углом, как и краснокутские (александропольские выше в шаге); однако, как и александропольские, слоновские чудовища стоят на цыпочках (краснокутские опираются на всю плоскость лапы). В передней части слоновские монстры более близки александропольским, нежели краснокутским: единственная передняя нога слоновского чудовища идет вперед и немного вниз, обхватывая лапой шею жертвы, аналогично одной из передних ног александропольского грифона, геральдически вытянутой и обхватывающей рамку (этот композиционный стереотип в изображениях кошачьих хищников и грифонов, как известно, присутствует еще в геральдических сценах и сюжетах терзания в ассирийском и ахеменидском искусстве).

Как видим, при создании слоновской сцены ее автор был ограничен хорошо ему известными пространственно-композиционными возможностями двух канонических схем: идущего грифона и грифона с поднятой передней лапой – и пытался вместить в заранее заданный контур сложнейшую для него сцену борьбы трех персонажей (ср. сходные композиционные затруднения создателя догмаровских наверший – рис. 1, *6*). Вот почему у слоновского монстра нет одной из передних ног: сравнение слоновских изображений с вышеперечисленными изображениями грифонов на скифских навершиях, и в особенности с александропольскими (рис. 1, *5*), позволяет предположить, что место второй из передних ног слоновского монстра оказалось занятым в

---

[2] Навершие из Водославовки найдено, по свидетельству авторов, в одном комплексе с другим навершием – с "изображением скифского бога Геракла-Таргитая, оседлавшего дракона и охотящегося на оленя" (Черепанова Е.Н., Щепинский А.А., 1966, с. 75). Очевидно, именно последнее изделие является ближайшим аналогом навершиям из Слоновской Близницы. О нем упоминают Н.А. Онайко (1976, с. 178, прим. 17) и И.Д. Ратнер (1984, с. 67), оно учтено в классификации Е.В. Переводчиковой, но до сих пор, к сожалению, остается неопубликованным и недоступным для исследования.

композиции задней ногой терзаемого животного[3]. С меньшей вероятностью можно допустить, что передняя нога чудовища, держащая жертву, изображенная на обеих сторонах слоновских наверший, должна была, по замыслу автора, восприниматься не как одна, а как две передние ноги, которыми монстр, стоя на задних лапах (поднявшись на цыпочки), вцепился в шею терзаемого животного. Наконец, может возникнуть подозрение, что слоновский монстр вообще лишен передних ног, а конечность, протянутая к шее, не нога чудовища, а вторая рука антропоморфного персонажа, аналогично дуровской бляхе, на которой в отличие от феодосийского медальона показаны обе руки героя, причем левая вытянута перед и в кистевой части как бы скрыта от зрителя гребнем и шеей грифона (рис. 1, *7*). Однако такое предположение не кажется правомерным, поскольку в слоновском изображении описываемая конечность не только гораздо мощнее и длиннее руки героя, в которой тот держит оружие, но и, главное, является прямым продолжением плеча чудовища (то, что это именно его плечо, доказывается рифлением, несомненно, передающим перья плечевой части крыла – ср. крыло дуровского грифона). При этом конечность в слоновском изображении имеет продольное рифление (тогда как рука с оружием у слоновского героя и обе руки дуровского героя гладкие), продолжающее рифление плеча. Аналогичное отображение передней лапы характерно для вышеназванных грифоно-гиппокампов, обхватывающих за шею травоядное (рис. 1, *3*): кроме того, композиционное сходство наблюдается и с тем же дуровским изображением, хотя в последнем случае показаны обе передние лапы (без рифления), причем грифон не обхватывает ими шею жертвы, а цепляется за ее плечо.

Как уже говорилось, туловище слоновских монстров в лопаточно-плечевой части покрыто дуговидным рифлением, которое соответствует рифлению накрылья, или плечевой части крыла (как правило, у грифонов это рифление иное, нежели рифление маховой части крыльев) (рис. 1, *4–7*). В то же время выше спины за шеей слоновского монстра, в том месте, где по логике иконографии грифона должна находиться верхняя часть его сегментовидного крыла (рис. 1, *3–7*), располагается голова антропоморфного персонажа, а за ней – плечо героя, от которого вверх и назад отходит единственная рука, изогнутая в локте и упирающаяся кулаком в затылок героя, причем кулак сжимает то ли меч, то ли копье, видимая часть которого направлена вниз между плечом и головой, замыкая тем самым треугольник руки. Сходный композиционный прием использован в дуровском изображении, однако создатель последнего воспроизвел крыло полностью, а уже над его верхним краем показал плечи героя, над которыми возвышается его голова на тонкой шее. Автор слоновского изображения, напротив, практически не выделил шею героя, слил ее с головой, в результате чего сохранил знакомый ему сегментовидный силуэт крыла. При этом плечо и рука слоновского персонажа вместе с направленным вниз оружием заполняют то место в традиционной композиции грифона, которое отведено верхней части его второго крыла, т.е. крыла, обычно опирающегося на изгиб хвоста (ср. краснокутские, и в особенности догмаровские, изображения грифонов, а также изображения грифоно-гиппокампа – рис. 1, *3*, *4*, *6*). Вот почему у слоновского монстра в одном из вариантов (рис. 1, *2*) вообще нет крыльев, что позволило Б.Н. Гракову считать его хищником кошачьей породы (Граков В.Н., 1950, с. 13), в другом же случае (рис. 1, *1*) плечо и предплечье антропоморфного персонажа показаны более тонкой линией, что оставляет место для полосы, идущей наискось вверх (параллельно предплечью) и соединяющей лопатку монстра с пальметовидным крылом, сливающимся с пышным окончанием хвоста.

Сам же хвост слоновских монстров опять-таки трактован иначе, чем хвост дуровского и феодосийского грифонов, хотя и не так, как хвост краснокутских и тем

[3] Тогда как передние ноги терзаемого существа слоновских наверший композиционно соответствуют передней ноге канонического идущего грифона, как показывает сравнение этих наверший с краснокутскими и догмаровскими изображениями (рис. 1, *4*, *6*).

более александропольских грифонов. В этом отношении слоновским монстрам ближе всего догмаровские грифоны. Хвост слоновских чудовищ изогнут дважды – сначала вперед, а затем назад, в чем нельзя не видеть следование феодосийской и дуровской традиции, но при этом он необычайно пышный, так что во втором варианте он как бы полностью замещает крыло (рис. 1, *2*), обнаруживая сходство с мотивом обособленного звериного уха, популярного в скифском зверином стиле V–IV вв. до н.э.[4]

Наконец, в трактовке шеи и головы также проявляется своеобразие слоновских монстров по отношению к дуровскому и феодосийскому грифонам, каковые в этой части совмещают черты грифона ахеменидского типа (голова хищника в сочетании с изогнутым рогом) и грифона позднегреческого типа (гребень вдоль шеи)[5]. Можно считать, что слоновские монстры в какой-то мере наследуют этот синкретизм, если воспринимать рифленый ободок, идущий по верху шеи слоновского чудовища, как имитацию низкого гребня, задний из двух завитков на его голове – как рог, а передний – как ухо (ср. в первую очередь дуровское изображение, близкое слоновскому еще и по рифленой полосе кожно-шерстной складки на нижней стороне шеи). В то же время морда слоновских монстров похожа на морду краснокутских грифоно-гиппокампов (рис. 1, *3*): то же трапециевидное очертание, овальная прорезь и, главное, крайне схематичная и непохожая на дуровскую трактовка глаза – в виде подтреугольной выпуклости между основанием верхней челюсти и ребром моделирующих шею плоскостей, доходящим до края головы с образованием лобного выступа. Такая трактовка морды находит и более ранние аналогии в скифском искусстве – ср., например, протому кошачьего хищника на налобнике из Новопетровки, датированном авторами публикации концом VI – началом V в. до н.э. (Островерхов А.С., Тощев Г.М., 1985, с. 75–77, рис. 1). С другой стороны, если рассматривать два почти симметричных завитка на голове слоновского монстра не как рог и ухо, а как два рога, то в этом отношении можно видеть аналогию ему в таких скифских вариантах "ахеменидского" грифона, как фигуры грифонов из с. Защита V в. до н.э. (Бокій Н.М., 1970, с. 184, рис. 2).

Изображению терзаемого слоновским монстром травоядного животного также присущи значительные отличия от соответствующих ему ланей – жертв грифона в феодосийской и дуровской композициях. От феодосийской лани оно резко отличается по трактовке деталей, ибо эта лань показана вполне натуралистично, в греческом духе. В сравнении же с более стилистически близким ему дуровским копытным слоновское травоядное трактовано гораздо более неопределенно в видовом отношении: с одной стороны, у него четко показаны рог (короткий и мощный, скорее козлиный, и во всяком случае совершенно не похожий на рога дуровской и феодосийской ланей, хотя, как и у них, рог слоновской жертвы противонаправлен морде, а ухо перпендикулярно ей) и типичные для оленевидных копытных пятна на шкуре, с другой – ноги оканчиваются скорее не копытами, а лапами. Его передние и задние ноги согнуты под прямым углом, и их нижние части вытянуты вперед (у дуровской лани так показана только левая задняя нога, остальные три подогнуты) и слиты в два бесформенных конгломерата, причем задние ноги соединены с ногой антропоморфного персонажа (?), то ли свешивающейся с оседланного монстра, то ли выступающей из-за его туловища (второе представляется вполне вероятным, учитывая то, что эта нога достигает опоры – "земли" в противовес аналогичной ноге дуровского героя, висящей в воздухе) и в свою очередь смыкающейся с одной из задних ног монстра, выставленной вперед. Слоновское рогатое травоядное находит себе соответствие не

---

[4] Ср. изображения обособленных ушей из некрополя Нимфея (Силантьева Л.Ф., 1959, с. 70, рис. 37, *7*; с. 86, 87, рис. 49, *2*), 1-й Завадской могилы (Мозолевский Б.Н., 1980, рис. 36, *5*, *6*; 37, *7*) из урочища Носаки (Бидзиля В.И. и др., 1977, с. 98, рис. 15, *1*, *4*), Солохи (Манцевич А.П., 1987, с. 40–42), Чмыревой могилы (Спицын А.А., 1906, с. 109, рис. 63), из с. Берестняги и с. Турья (Петренко В.Г., 1967, табл. 30, *16*, *19*, *21*) и др.

[5] См. о данных типах грифонов: Погребова Н.Н., 1948, с. 62; Azarpay G., 1959, p. 326; Никулина Н.М., 1994, с. 53, 54. О смешивании этих типов в боспорском искусстве см.: Шелов Д.Б., 1950, с. 68.

столько в феодосийском и дуровском изображениях, сколько в чисто скифской традиции, и прежде всего в сценах на вышеупомянутых краснокутских, одесских и водославовском навершиях с грифоно-гиппокампами, где копытное-жертва занимает аналогичное место в общей композиции, как бы составляя дополнительную опору привставшему чудовищу в грудной и головной частях последнего. Соблюдая эту композиционную схему, мастера варьируют позу копытного, терзаемого грифоно-гиппокампом: его передние ноги в отличие от слоновского изображения могут быть подломлены под грудь (см. один из вариантов краснокутских наверший – рис. 1, *3*) или почти вертикально выпрямлены (другой вариант краснокутских наверший (Мелюкова А.И., 1981, рис. 9, *3*), а также одесские и водославовское навершия), а голова повернута назад (в противовес слоновской и дуровской сценам, в которых у зверей-жертв шея вытянута наискось вперед, а морда опущена). Что касается догмаровских наверший, очевидно, что голова "олененка" в общей композиции занимает то же место, что и голова слоновской жертвы, причем удлиненная морда "олененка", заходящая окончанием в пасть грифона, соответствует рогу слоновского копытного. В целом же головы этих травоядных композиционно соотносятся с длинным языком, свисающим из пасти краснокутского грифона (рис. 1, *4*).

Несомненно, что такое стилистическое решение образа терзаемого травоядного возникло в скифском искусстве задолго до конца IV в. до н.э.: сходно со слоновскими трактованы терзаемые копытные (горные козлы?) на "ольвийских" крестовидных бляхах конца VI – начала V в. до н.э. из Опишлянки и Гусарки – у них аналогичный короткий рог (но перед ухом, что естественней для изображений козла), удлиненная схематичная морда и слабовыраженные копыта[6].

Как видим, оба зооморфных персонажа сцены на слоновских навершиях при наличии несомненных греческих и греко-скифских прототипов в лице феодосийских и дуровских персонажей в своей иконографической основе находят себе соответствие в скифской изобразительной традиции конца VI – начала III в. до н.э.

По стилистике антропоморфного персонажа слоновские навершия в большей мере, чем в изображении монстра и травоядного, сходны с феодосийским медальоном и дуровской бляхой, а композиционно ему близки и некоторые всадники на грифонах на боспорских пеликах второй половины IV в. до н.э. (Кобылина М.М., 1951, рис. 5, *1*; 6, *3*), на что уже указывала Н.А. Онайко (1976, с. 169). Вообще же данный слоновский персонаж следует иконографии человеческого профиля, сложившейся к тому времени в греко-скифском искусстве под греческим влиянием; в частности, в трактовке головной части он похож на человека в скифском башлыке, борющегося с орлиноголовым грифоном на бляшке из Чертомлыка (Scythian art, 1986, fig. 263), а по неуклюже свисающей ноге – на конного всадника в сцене боя на пластине из Геремесова кург. (Scythian art, 1986, fig. 136). Одновременно, как мы видели, голова и рука слоновского персонажа являются результатом композиционного замещения той части крыльев грифона, которая в традиционных изображениях показана выступающей над его спиной.

Не только сами персонажи сцены на слоновских навершиях, но и взаимоотношения между ними не могут быть возведены исключительно к сценам на бляхе из Дуровки и на медальоне из Феодосии.

В феодосийской и дуровской композициях антропоморфный персонаж, безусловно, стремится поразить копытное копьем (в дуровском изображении копье не показано, но положение руки героя позволяет судить о его наличии и направленности – ср. подобную ситуацию в чисто греческих изображениях на боспорских вазах (Шталь И.В., 1994, с. 122)); грифон же не поглощает копытное, а лишь накладывает на него

---

[6] Ср. также резные изображения лосевидных копытных с повернутой назад головой, терзаемых тиграми на деревянном саркофаге из II Башадарского кургана (Руденко С.И., 1960, с. 46–49, рис. 21, 22; табл. XXVI, XXVII, XXXI, *2*): их короткий, как бы обломанный рог (поэтому С.И. Руденко именует их "безрогими") (Руденко С.И., 1960, с. 48) расположен впереди уха и находится в пасти хищника.

свои передние лапы, помогая своему повелителю поразить жертву, что также соответствует греческой иконографии грифона IV в. до н.э. – ср. позу грифонов на вышеупомянутых росписях боспорских пелик, в том числе грифонов, оседланных антропоморфным персонажем (Кобылина М.М., 1951, рис. 2, *3*, *4*; 3, *1*; 5, *1*; 6, *3*, *4*; 11, *1*; Шталь И.В., 1994, с. 114).

Напротив, на слоновских навершиях герой, судя по положению его руки, вонзает меч (?) именно в спину чудовища, в то время как последнее стремится поглотить некое обобщенное травоядное животное. Именно этим, а не творческой неудачей мастера, как это представлялось Н.А. Онайко (Онайко Н.А., 1977, с. 153), определяется отличие позы героя на слоновских навершиях от позы дуровского всадника.

Таким образом, первый из вышеприведенных вариантов интерпретации сцены из Слоновской Близницы представляется более соответствующим характеру взаимоотношений персонажей данной композиции. Еще Б.Н. Граков указывал на примере вышеназванного чертомлыцкого изображения борьбы человека в башлыке с грифоном (композиция его напоминает сцену борьбы Геракла со львом на бляшках из того же кургана), что сюжет противоборства героя и грифона в греко-скифском искусстве известен (Граков Б.Н., 1950, с. 13); добавим, что трактовка человеческого профиля в данном случае сходна со слоновской. Другой вопрос, следует ли однозначно считать слоновского антропоморфного персонажа Таргитаем-Гераклом.

С одной стороны, трудно согласиться с Н.А. Онайко, что это Аполлон Гиперборейский. Во-первых, отношения слоновского героя с зооморфными персонажами, как мы видели, исключают восприятие данной сцены как охоты героя на копытное, тем более, что сама по себе идея охоты Аполлона на оленя или лань, выдвинутая Н.А. Онайко, не находит опоры в греческой иконографии Аполлона, что сознавала сама исследовательница (Онайко Н.А., 1977, с. 157, 158). Во-вторых, к заключению о такой семантике слоновского персонажа Н.А. Онайко пришла на основании постулируемой ею интерпретации всякого всадника на грифоне на вышеупомянутых боспорских пеликах в качестве Аполлона Гиперборейского и датирования пелик с этим сюжетом концом V–IV в. до н.э., что позволило ей говорить о копировании этих изображений в феодосийской и соответственно в дуровской и слоновской сценах (Онайко Н.А., 1976, с. 169). Но такая атрибуция антропоморфных персонажей на пеликах сама по себе не окончательна[7], а дата боспорских пелик с этим персонажем, по мнению М.М. Кобылиной, находится в пределах второй половины IV в. до н.э. (Кобылина М.М., 1951, с. 146), вследствие чего не исключено более раннее возникновение феодосийского и дуровского изображений по сравнению с аналогичными сценами на боспорских пеликах[8].

С другой стороны, вряд ли приемлема крайняя конкретность интерпретации антропоморфного персонажа слоновских наверший в качестве Геракла-Таргитая. Думается, что его следует трактовать более обобщенно[9]. Возможно, данный персонаж семантически связан с идеей "сохранителя стад" (см.: Антонова Е.В., 1995; Афанасьева В.К., 1979), т.е. бога или героя, поражающего хтоническое существо, нападающее на травоядное или, конкретнее, копытное животное; в свою очередь образ "охранителя

---

[7] Ср. более осторожную позицию М.М. Кобылиной, указывающей, что в сцене преследования всадником на грифоне женщины "имеет место соединение двух тем – Аполлона на грифе, направляющегося в страну гипербореев, и *Аполлона, преследующего Дафну, может быть, Силена, преследующего менаду*. Это соединение свидетельствует, как и образ Аполлона без атрибутов, о забвении первоначального содержания изображений, а может быть, и о другом мифе (выделено мною. – *А.К.*)" (Кобылина М.М., 1951, с. 146, рис. 5, *1*; 6, *3*). И.В. Шталь видит во всаднике на грифоне синкретического Диониса-Аполлона (Шталь И.В., 1994, с. 114).

[8] Что касается двух лекифов Ксенофанта V в. до н.э., на аналогию с которыми также опирается Н.А. Онайко, здесь всадник охотится не на грифоне, а на коне, грифон же на одном из лекифов сам является объектом нападения пеших охотников (см.: Передольская А.А., 1945, с. 49, табл. I–V).

[9] Тем более, что факт слияния образов Геракла и Таргитая не является бесспорным (см.: Русяева А.С., 1991, с. 100, 101).

стад" восходит к более древнему образу "хозяина животных", а последний, возможно, есть одна из ипостасей Бога-космотворца, побеждающего хаотическое существо (Антонова Е.В., 1995, с. 10–12).

Стилистически эта традиция имеет наиболее глубокие корни в Передней Азии, где прослеживается начиная с искусства древнего Двуречья IV–III тыс. до н.э. вплоть до ахеменидского времени, в том числе в таком массовом жанре, как глиптика, которая служила, как известно, образцом для декоративного искусства, использовавшего создаваемые в ней новации (Frankfort H., 1939, p. 308). Сцена "защиты парнокопытных", по выражению В.К. Афанасьевой, в которой человек или человекобык

Рис. 2. Сцена "защиты парнокопытных" в глиптике Двуречья до- и раннединастического периодов. *1*, *2* – Ур; *3* – Шуруппак (по: Афанасьева В.К., 1979, с. 60–61, рис. 28, *а*, *б*, 29, *б*)

спасает копытное от напавшего на него хищника (обычно льва), поражая последнего, возникает уже на печатях конца додинастического периода и в раннединастический период Двуречья (см.: Афанасьева В.К., 1979, с. 61–63, 170, рис. 28*а*, 28*б*, 28*в*, 29*а*; 29*б*; Frankfort H., 1939, pl. X, *g*; XII, *c*). Примечательно, что при всем различии между иконографией персонажей данных изображений и иконографией персонажей на слоновских навершиях порядок их размещения в общей композиции весьма сходен (рис. 2). Это, очевидно, отражает тождество повествовательной логики данных сцен, призванных совместить в едином изображении два последовательных события: нападение хищника на копытное и уничтожение данного хищника героем, пришедшим на помощь копытному.

Модифицированная композиционно-стилистически и конкретизированная идеологически, данная сцена сохранилась и в искусстве ахеменидского Ирана – см., например, сцену на печати V в. до н.э., в которой царь готовится заколоть кинжалом сфинкса, за которым у дерева стоит козерог (Никулина Н.М., 1994, рис. 425).

Соответственно нельзя исключить то, что и в скифских религиозно-мифологических представлениях, тесно связанных с ахеменидскими, существовала эта идея, причем еще до того, как воплотиться в скифском искусстве, ибо эта семантическая линия, видимо, долго не находила соответствующего стилистического оформления. Причиной тому представляется достаточно позднее появление в скифской торевтике антропоморфных персонажей, к тому же изначально навеянных не иранской, а греческой традицией. Сцены же, послужившие примером для феодосийской, дуровской и, следовательно, слоновской композиций, появились в северопонтийском античном искусстве еще позднее, чем сами по себе антропоморфные персонажи – в начале IV в. до н.э., когда на Боспоре началось активное иллюстрирование греческих мифов средствами скульптуры, торевтики, вазописи и монетного дела, что, по мнению А.С. Русяевой, было вызвано стремлением боспорских царей обосновать свой авторитет, в том числе и посредством возведения своей родословной к Гераклу (Русяева А.С., 1991, с. 112, 113).

Итак, в случае с слоновскими навершиями мы имеем дело с модификацией заданной иконографической схемы (изначально чуждой скифскому искусству) под влиянием скифского искусства позднего времени. Конкретнее, популярная в греческом искусстве композиция конного всадника, поражающего чудовище (изначально это был Беллерофонт, убивающий Химеру), к которой восходят оседлавшие грифона

всадники на боспорских пеликах и феодосийском медальоне, а в искаженном виде – и на дуровской бляхе (Онайко Н.А., 1977, с. 159)[10], в изображении на слоновских навершиях трансформировалась под влиянием местной скифской традиции, в русле которой были созданы вышеупомянутые близкие слоновским изображения на навершиях конца IV – начала III в. до н.э. При этом изменился и смысл всей сцены: антропоморфный герой – возможно, некое обобщенное божество, сочетающее в себе черты и Таргитая, и Гойтосира-Аполлона[11], – стал защитником рогатого травоядного животного от напавшего на него монстра.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антонова Е.В., 1995. Символы космических сил и социальная реальность Месопотамии конца IV–III тысячелетия до н.э. // ВДИ. № 4.

Артамонов М.И., 1961. Антропоморфные божества в религии скифов // АСГЭ. Вып. 2.

Афанасьева В.К., 1979. Гильгамеш и Энкиду. М.

Бессонова С.С., 1983. Религиозные представления скифов. Киев.

Бидзиля В.И., Болтрик Ю.В., Мозолевский Б.Н., Савовский И.П., 1977. Курганный могильник в урочище Носаки // Курганные могильники Рясные могилы и Носаки. Киев.

Бокій Н.М., 1970. Нові пам'ятки Скіфського звіриного стилю з Кіровоградщини // Археологія. Т. XXIII.

Галанина Л.К., 1997. Келермесские курганы. М.

Граков Б.Н., 1950. Скифский Геракл // КСИИМК. Вып. XXXIV.

Древности Геродотовой Скифии. 1866. Вып. I. СПб.

Древности Геродотовой Скифии, 1872. Вып. II. Спб.

Іллінська В.А., 1963. Про скіфські навершники // Археологія. Т. XV.

Клочко Л.С., Оленковский Н.П., 1990. Новые скифские навершия с Нижнего Днепра // СА. № 3.

Кобылина М.М., 1951. Поздние боспорские пелики // МИА. № 19.

Кубышев А.И., Николова А.В., Полин С.В., 1982. Скифские курганы у с. Львово на Херсонщине // Древности степной Скифии. Киев.

Манцевич А.П., 1987. Курган Солоха. Л.

Мелюкова А.И., 1981. Краснокутский курган. М.

Мелюкова А.И., 1989. Оружие, конское снаряжение, повозки, навершия // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.

Мозолевский Б.Н., 1980. Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине // Скифия и Кавказ. Киев.

Мордвинцева В.И., 1996. Фалары с изображением Беллерофонта из сарматского погребения у села Володарка в Западном Казахстане // РА. № 4.

Никулина Н.М., 1994. Искусство Ионии и ахеменидского Ирана. М.

Онайко Н.А., 1976. Антропоморфные изображения в меото-скифской торевтике // Художественная культура и археология античного мира. М.

Онайко Н.А., 1977. Аполлон Гиперборейский // История и культура античного мира. М.

Островерхов А.С., Тощев Г.М., 1985. Скифский конский налобник // Археологія. Вып. 49. Киев.

Переводчикова Е.В., 1980. Типология и эволюция скифских наверший // СА. № 2.

Передольская А.А., 1945. Вазы Ксенофанта // Тр. Отдела истории искусства и культуры античного мира. Т. I. Л.

Петренко В.Г., 1967. Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н.э. // САИ. Д1–4.

---

[10] Фундаментальность композиции, связанной с мифом о Беллерофонте, доказывается длительным сохранением ее иконографических канонов в более позднее время – ср., например, эллинистическое изображение на фаларах раннесарматского времени из погребения у с. Володарка (Мордвинцева В.И., 1996, с. 149, рис. 2, 3).

[11] Возможность такого синкретизма в период скифской архаики допускал М.И. Артамонов, предположивший первоначальное слияние образов Папая, Фагимасада, Гойтосира и Таргитая в едином представлении о предке-родоначальнике, отец всего живого (Артамонов М.И., 1961, с. 78). Не исключено, что в массовом сознании такой синкретизм мог сохраняться и в период создания наверший из Слоновской Близницы.

Погребова Н.Н., 1948. Грифон в искусстве Северного Причерноморья в эпоху архаики // КСИИМК. Вып. XII.
Пузикова А.И., 1966. Новые курганы скифского времени в Белгородской области // КСИА. Вып. 107. М.
Раевский Д.С., 1985. Модель мира скифской культуры. М.
Ратнер І.Д., 1984. Довідник з археології Украини. Херсонська область. Київ.
Ростовцев М.И., 1925. Скифия и Боспор. Л.
Руденко С.И., 1960. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М., Л.
Русяева А.С., 1991. Понтийская легенда о Геракле: вымыслы и реальность // Духовная культура древних обществ на территории Украины. Киев.
Спицын А.А., 1906. Серогозские курганы // ИАК. Вып. 19. СПб.
Силантьева М.Ф., 1959. Некрополь Нимфея // МИА. № 69.
Черепанова Е.Н., Щепинский А.А., 1966. Там, где пройдет Северо-Крымский... Симферополь.
Шелов Д.Б., 1950. К вопросу о взаимодействии греческих и местных культов в Северном Причерноморье // КСИИМК. Вып. XXXIV.
Шкурко А.И., 1982. Фантастические существа в искусстве лесостепной Скифии // Тр. ГИМ. Вып. 54. М.
Шталь И.В., 1994. Миф, культ, эпос в греческой вазописи керченского стиля (IV в. до Р.Х.) // Античные коллекции из раскопок Северного Причерноморья. М.
Azarpay G., 1959. Some classical and Near Eastern motives in the art of Pazyryk // AA. XXII. 4.
Frankfort H., 1939. Cylinder seals. London.
Scythian Art, 1986. London.

Московский государственный университет

A.R. KANTOROVICH

IMAGES DEPICTED ON THE SCYTHIAN RATTLES FROM THE KURGAN SLONOVSKAYA BLIZNITSA

(Stylistics and Semantics)

Summary

The paper identifies major stylistic and semantic analogues to the image depicted on rattles (pommels) from the kurgan Slonovskaya Bliznitsa with one anthropomorphous and two zoomorphic characters and attempts to resolve an issue of semantics of the presented scene. By analyzing the composition of the image as regards interrelations between the characters and reviewing it against the background of analogues found in the Front Asian art, the author considers two mutually excluding variants of its interpretation that exist in literature and selects the first variant, suggesting at the same time a more generalized interpretation of the anthropomorphous image. Therefore, as the author believes, in this scene a certain generalized deity or a hero that performs the function of a "herds protector", or in a wider meaning "the owner of the animals" kills a monster that is tearing to pieces a herbivorous animal.

As for the "expression plan", the images under consideration present a modification of a pre-set iconographic scheme (that was alien to the Scythian art from the very beginning) under the influence of the Scythian art of a later period. A composition of a mounted rider that kills a monster that was so popular in the Greek art was transformed through a local Scythian tradition resulting in the appearance of an image identified in the pommels from Slonovaya Bliznitsa following which images similar to images on the pommels from Slonovskaya Bliznitsa were created on pommels dating to the 4th – the beginning of the 3d century BC found in the Krasnokutsk kurgan, the Odessa Museum, from the village Vodoslavka and a pommel dating to the turn of the 5th–6th centuries BC from the village Dogmarovka.

С. ЛЕГРАНД

ЗАГАДОЧНЫЙ ЗОЛОТОЙ ПРЕДМЕТ ИЗ КУРГАНА ПЕРЕДЕРИЕВА МОГИЛА

Раскопки кургана Передериева Могила в 1988 г. позволили сделать может быть одну из самых интересных находок в скифской археологии за последние 10 лет – массивный золотой конусовидный предмет с изображениями борющихся людей. Однако до сих пор в литературе не опубликован его подробный анализ. Единственная статья принадлежит перу А.А. Моруженко (Моруженко А.А., 1992, с. 67–74; Moruzenko A.A., 1993, S. 121–123; 1994, p. 22–25). Золотой предмет был найден в 12,1 м к востоку от центра кургана на глубине 3,6 м. К сожалению, неизвестно, был ли он там оставлен людьми, насыпавшими курган, или попал в насыпь из грабительного хода. Поскольку предмет был поврежден во время раскопок, он был восстановлен в Реставрационном центре при Римско-Германском музее г. Майнца.

Предмет из Передериевой Могилы имеет яйцевидную форму без дна, на его поверхности помещены изображения воинов, которые отделены от основания предмета гладкой полосой. На вершине располагается розетка с отверстием. Общая высота предмета 16,7 см, диаметр основания от 17,9 до 16,6 см (после реставрации). Гладкая полоса у основания имеет ширину 1,5 см, высота персонажей 15, диаметр розетки 5, диаметр отверстия в розетке 1 см. Толщина листа золота у основания предмета составляет 2 мм (рис. 1).

Поскольку назначение предмета из Передериевой Могилы остается неясным, в первую очередь он будет рассматриваться в ряду изделий, которые могут быть привлечены в качестве более или менее близких аналогий. Во вторую очередь его назначение и функции среди других предметов можно предположить на основании логических умозаключений.

Несмотря на то что привлекаемые в качестве аналогий предметы уже имеют названия, данные им специалистами ("ворварка", "колпак", "колпачки"), предмет из Передериевой Могилы в этой статье подобного названия иметь не будет, так как его назначение до конца не выяснено.

Строго говоря, наиболее "чистой" аналогией предмету из Передериевой Могилы может считаться только одно изделие, точно повторяющее его форму и имеющее тот же самый размер, – это предмет, найденный в кург. Ак-Бурун в 1875 г. Он имеет несколько более полусферический вид, немного меньшую высоту (14,4 см) и больший диаметр (19,5 см).

Однако при более широком взгляде предмет из Передериевой Могилы может быть помещен в целый ряд аналогичных, отличающихся и одновременно сближающихся как с предметом из Передериевой Могилы, так и между собой по нескольким критериям.

В самом деле, в настоящее время, судя по опубликованным материалам, известно 19 предметов из различных мест (один из них считается подделкой), которые могут быть объединены по конфигурации и материалу. Все эти изделия имеют более или менее усеченную конусовидную форму (иногда более яйцевидную, иногда в виде колокольчика); кроме того, на их вершинах всегда располагается отверстие диаметром от 7 мм до 1 см. Эти предметы отличает также круглое основание. Что касается материала, то почти все они изготовлены из золота. Исключение составляют два

© С. Легранд, 1998 г.

Рис. 1. Золотой предмет из Передериевой Могилы

предмета: один из них – железный с золотым покрытием, второй – серебряный. Интересно, что существуют предметы похожей формы, изготовленные из других металлов, например из бронзы, однако по сравнению с рассматриваемыми в данной статье изделиями они имеют более мелкие размеры (высота от 1 до 2 см); предметы же основной группы имеют диаметр основания от 5,2 до 19,5 см и высоту от 4 до 18 см. Датируются они временем между VI в. до н.э. и II–I вв. до н.э., но чаще всего относятся к V–IV вв. до н.э., как будет показано ниже.

Все анализируемые предметы делятся по общей форме на три группы. Первая группа включает в себя предметы, которые имеют "яйцевидную" форму: Курджипский кург. (3 экз.), Передериева Могила (1 экз.), Ставропольский клад (3 экз.), Ак-Бурун (3 экз.) (рис. 2). Внутри этой группы выделяются предметы из Курджипского кург. и Ставропольского клада, имеющие немного усеченную вершину. С другой стороны, предметы из Передериевой Могилы и Ак-Буруна представляют вариант с более округлой вершиной (рис. 2).

Хотя некоторые предметы первой группы имеют меньшие размеры по сравнению с остальными, тем не менее у всех изделий одинаковые пропорции (кроме большого предмета из Ак-Буруна и крупного изделия из Ставропольского клада). Действительно, существует разница примерно в 1 см между их высотами и диаметрами оснований, т.е. высота всегда меньше диаметра основания.

Интересен и тот факт, что во всех случаях, кроме Передериевой Могилы, подобные изделия были найдены в количестве 3 экз. Не исключено, что это явление

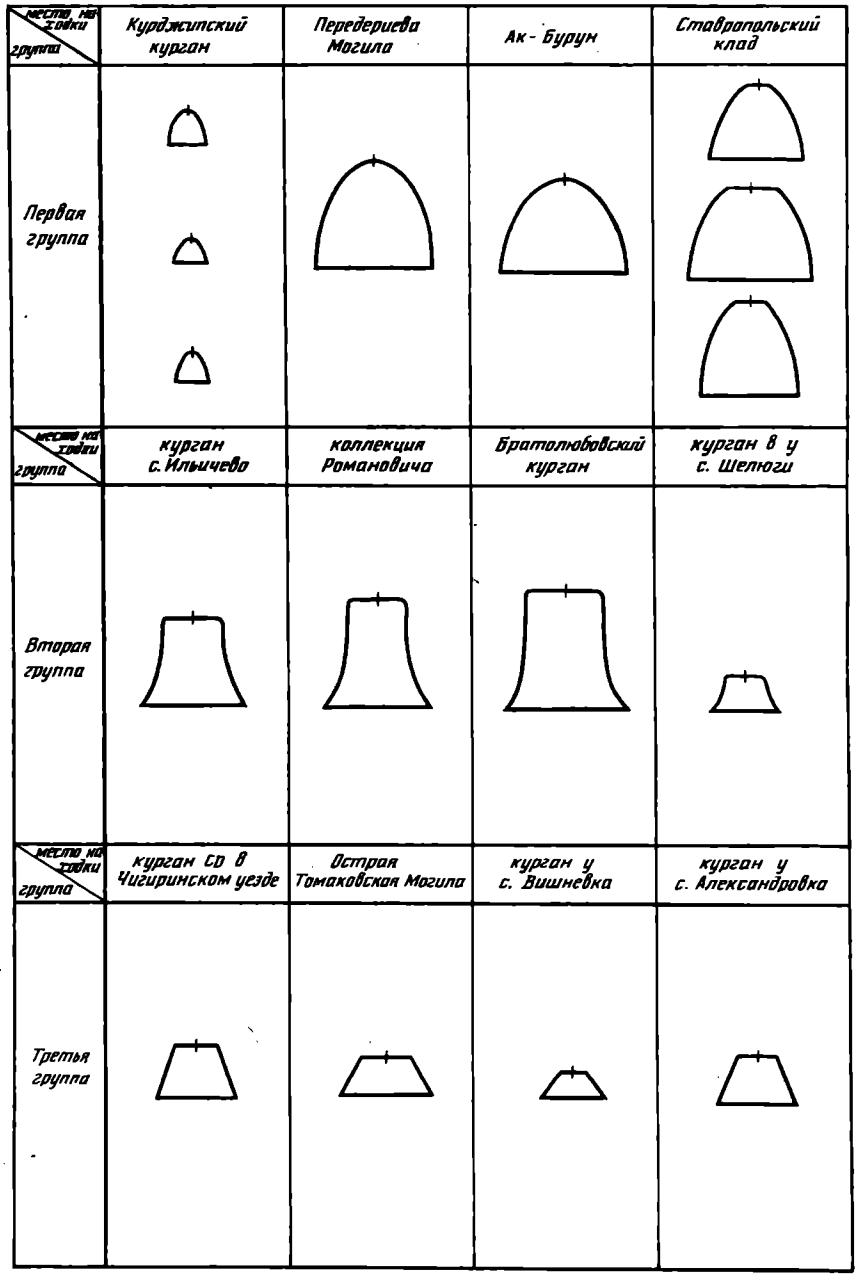

Рис. 2. Классификация предметов

неслучайно. Кроме находки из Ставропольского клада, все эти предметы имеют изображения на своей поверхности. Может быть это также характерно для таких изделий?

Рассмотрение территории их распространения показывает, что все предметы первой группы были найдены на близких территориях, которые могут быть объединены в один ареал: Восточное Приазовье, Керченский п-ов и Предкавказье (рис. 3). Эти наблюдения противоречат мнению Ю.А. Виноградова, который считает, что данные изделия существуют только в Предкавказье. В целом же они бытуют позже предметов других групп, в IV–III вв. до н.э. (Виноградов Ю.А., 1993, с. 43).

Во вторую группу входят предметы с усеченным конусом в виде "колокольчика" (слегка вогнутые стенки): курган у с. Ильичево, коллекция Романовича (этот предмет считается подде́лкой), кург. Братолюбовский, кург. 8 у с. Шелюги (рис. 2). Кроме предмета из кургана у с. Шелюги, эти изделия имеют высоту между 13,3 и 18 см, и диаметр между 16 и 18,5 см. Интересно также, что предметы из коллекции Рома-

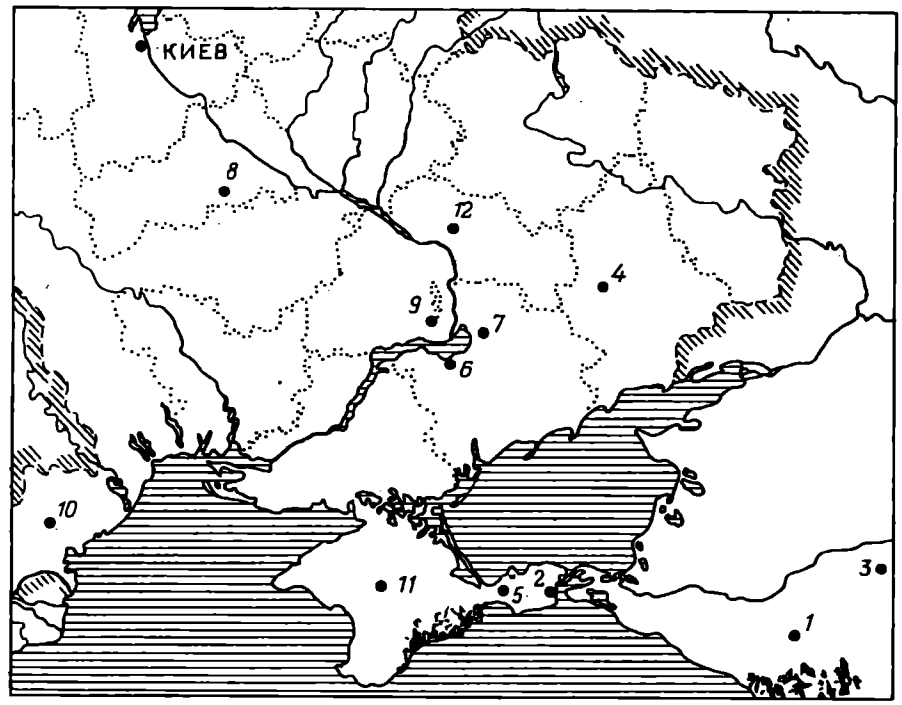

Рис. 3. Места находок предметов. Первая группа: *1* – Курджипский курган; *2* – Ак-Бурун; *3* – Ставропольский клад; *4* – Передериева Могила. Вторая группа: *5* – кург. у с. Ильичево; *6* – Братолюбовский кург.; *7* – кург. у с. Шелюги. Третья группа: *8* – кург. CD в Чигиринском уезде; *9* – Острая Томаковская Могила; *10* – курган Арциз; *11* – кург. у с. Вишневка; *12* – кург. у с. Александровка

новича и Братолюбовского кург. имеют почти одинаковые пропорции, их высота и диаметр основания имеют почти одинаковую величину (предмет из коллекции Романовича имеет высоту 16,2 и диаметр 16 см; изделие из Братолюбовского кург. – 18 и 18,5 см соответственно). Любопытно, что предмет из Братолюбовского кург. – единственный из всех 20, не имеющий в центре вершины отверстия.

Хотя места находок этих изделий значительно удалены друг от друга, их территориальная группировка – Восточный Крым и западная часть приазовских степей – также вызывает интерес (рис. 3). По мнению И.Ф. Ковалевой и С.Е. Мухопад, эти предметы появились в VI–V вв. до н.э. (Ковалева И.Ф., Мухопад С.Е., 1982, с. 101). Изделия в виде усеченного конуса были датированы ими суммарно, без разделения на группы. Именно в этой группе предметы датируются временем, более близким к V в. до н.э., и являются более ранними по сравнению с изделиями первой группы.

Третью группу составляют предметы в форме усеченного конуса (прямые стенки); кург. CD в Чигиринском уезде, Острая Томаковская Могила, курганы у г. Арциз, сел Вишневка и Александровка (рис. 2). В данной группе предметы имеют разные размеры. Их высота составляет от 4 до 8 см, а диаметр основания – от 10 до 13,8 см. Эти изделия по сравнению с предметами первых двух групп меньше в высоту, а диаметр их основания превышает величину высоты. Действительно, диаметр основания предметов третьей группы превышает их высоту примерно в 2 раза.

Любопытно, что в этой группе все предметы, кроме одного, имеют гладкую поверхность. Исключение составляет находка из кург. Арциз, на верхней части которого изображен орел. Однако это изображение, возможно было нанесено позже.

Как и в предыдущих случаях, места находок этих изделий находятся на большом расстоянии друг от друга. Но их можно объединить в один ареал, который примыкает к территории распространения предметов второй группы и ограничивается центральной и западной областями северопричерноморских степей, а также Западным Крымом (рис. 3).

Именно предметы из этой группы появились на рубеже VI–V вв. до н.э. Таким образом, ранее всего появляются предметы третьей группы (усеченный конус с прямыми стенками) – VI–V вв. до н.э., для которых характерна гладкая поверхность. За ними следуют изделия второй группы ("колокольчик" со слегка вогнутыми стенками) – V в. до н.э., два из которых имеют изображения. Наиболее поздними являются изделия первой группы (яйцевидной формы) – IV–III вв. до н.э., бóльшая часть которых имеет изображения.

Среди проанализированных 19 предметов 6 имеют на своей поверхности изображения, у остальных поверхность гладкая.

На верхней части предмета из кургана у г. Арциз изображен орел, на предмете из Братолюбовского кург. – сцена терзания животных, на предмете из Ак-Буруна – растительный орнамент. На трех остальных предметах (из Передериевой Могилы, Курджипского кург., коллекции Романовича) изображены воины.

Все эти предметы, исключая изделия из кургана у г. Арциз, имеют изображения по всей поверхности и гладкую горизонтальную полосу у основания. Эти особенности являются критерием другого рода, зависящим не от формы, а от композиции украшений и объединяющим предметы, которые относились к первой и второй группам.

Так как нас интересуют изделия, близкие к предмету из Передериевой Могилы, мы рассмотрим лишь имеющие изображения воинов. Сравнительный анализ этих трех предметов (из Передериевой Могилы, Курджипского кург. и коллекции Романовича) представляет интерес благодаря тому, что для них характерна схожая организация композиции изображений: все они имеют в верхней части розетку с восемью лепестками, на поверхности изображены воины и у основания имеется гладкая полоса, отделенная от изображения гладким фризом. На предмете из Курджипского кург. фриз изображен в виде двух линий из точек. На предметах из Передериевой Могилы и из коллекции Романовича изображены фризы с растительными элементами, абсолютно одинаковыми в этих двух случаях.

Предмет из Передериевой Могилы по своей конфигурации имеет загадочный характер. Как показал проведенный анализ, в этом смысле он не является единственным изделием, поэтому представляет интерес попытка выяснить, в чем же состоит его назначение.

На этот вопрос нельзя дать однозначный ответ. Во-первых, форма их не содержит элементов, которые указывали бы на то, как они использовались. Во-вторых, к сожалению, не существует никаких упоминаний о подобных предметах в античных письменных источниках. По этим причинам предмет из Передериевой Могилы рассматривается вместе с другими изделиями, чтобы увеличить количество данных, которые могут дать дополнительную информацию по этой теме. Как будет показано ниже, из-за различий между сравниваемыми предметами, существует несколько предположений об их назначении. Если рассматривать их одинаковые черты (материал, отверстие в верхней части и круглое основание), а также различия между ними (форма, размер, украшения), то можно предположить, что назначение их сходно, однако использование, возможно, было различным. В данном случае под назначением понимается традиционная сфера их употребления, которая допускала различия в конкретных способах их применения.

Первое предположение: *головной убор*. Общая форма предмета из Передериевой Могилы позволяет предположить, что он являлся головным убором, так же, как предмет из Ак-Буруна. Благодаря яйцевидной форме они напоминают войлочный колпак, называемый греками пилос, который носили "варвары" (Her., IV.12; VII.61). Подобный убор виден на изображении сака Скунха на рельефе из Бехистуна (Иран). Уже в 1875 г. предмет из Ак-Буруна был определен как "головной убор в виде полусферической шапки" (ОАК за 1875 г., с. 5). Этот предмет, исследованный позднее И.И. Толстым и Н.П. Кондаковым (Толстой И.И., Кондаков Н.М., 1889, с. 46, 47) и Е. Миннзом (Minns E., 1913, p. 390, 391), Л. Стефан назвал пилосом (ОАК за 1876 г., с. 109, 110). В свою очередь М.И. Ростовцев и М.К. Степанов классифицировали

предмет из Ак-Буруна как женский-мужской головной убор (Ростовцев М.И., Степанов М.К., 1917, с. 94). Что касается предмета из Передериевой Могилы, то А.А. Моруженко говорит о нем как о парадном головном уборе (Моруженко А.А. 1992, с. 70). Кроме названных двух (если исключить известную подделку – "тиару Сайтафарна") (Брашинский И., 1967), больше не существует подобных крупных предметов в виде пилоса в скифском мире. Поэтому имеющегося материала недостаточно для проверки этого предположения. С другой стороны, имеется много аргументов против этого предположения, которое, как мы увидим далее, маловероятно.

Во-первых, обычно такой колпак изготавливался из кожи или войлока и был покрыт металлическими украшениями. Что касается наших двух предметов, то в этом случае они должны были накрывать сам пилос и это могло бы объяснить наличие отверстия в верхней части. Однако это представляется невозможным, поскольку диаметр отверстия очень маленький (~ 1 см) и поэтому трудно представить, как же в него мог продеваться кожаный или войлочный колпак, особенно если сравнить его с полусферическим предметом из Ак-Буруна, а также с подтреугольной формой изображенных скифских колпаков. Кроме того, еще Л. Стефани писал о предмете из Ак-Буруна: "Что же касается шерстяной материи или кожи, которой он был подбит, то от нее, само собою разумеется, не осталось ни малейшего следа" (ОАК за 1876 г., с. 109, 110). Во время анализа, который был сделан при реставрации предмета из Передериевой Могилы, не было обнаружено никаких следов кожи или войлока. Это может говорить о том, что данные предметы вряд ли употреблялись для покрытия пилоса. Использование их самих в качестве головных уборов также маловероятно. Небольшой диаметр их основания не мог бы позволить плотно удерживать такие предметы на голове, особенно если учесть, что они еще должны были покрывать кожаный или войлочный колпак.

Во-вторых, сравнение с другими предметами из второй группы, которые имеют приблизительно те же размеры (Братолюбовский кург., курган с. Ильичево и коллекция Романовича), уменьшает возможность рассмотрения предметов из Передериевой Могилы и Ак-Буруна в качестве головных уборов. Действительно, названные изделия хотя и отличаются от предметов из Передериевой Могилы и Ак-Буруна по форме, могли предположительно иметь такое же использование, поскольку обладают сходными размерами и конфигурацией. Их трудно рассматривать в качестве головных уборов или их части, вопреки мнению А.П. Манцевич (Лесков А.Н., 1968, с. 160, 161), поскольку их форма сильно отличается от формы пилоса. Кроме того, на предмете из Братолюбовского кург. нет центрального отверстия в верхней части, вместо него существует несколько маленьких отверстий, расположенных по периметру вершин предмета. Эти отверстия служили для прикрепления кольца, у которого имелись такие же отверстия; кольцо было найдено вместе с этим же предметом (Кубишев А.І., Симоненко О.В., 1991, с. 76). Таким образом, данный предмет из Передериевой Могилы, очевидно, не использовался как головной убор, скорее всего он служил подвеской.

Второе предположение – *украшение горитов и колчанов*. Это предположение очень интересно, так как почти подтверждается в нескольких случаях.

Во-первых, известен предмет в виде усеченного конуса из кург. CD в Чигиринском уезде, который был найден под колчаном со стрелами (Бобринский И.Б., 1905, с. 11, 12). Вопреки мнению И.Б. Бобринского, описывавшего этот предмет "в форме шапки или большой фески", предпочтительнее точка зрения В.Г. Петренко, которая предполагала, что этот золотой конусовидный предмет мог быть украшением колчана (Петренко В.Г., 1967, с. 44).

Во-вторых, в кургане у с. Вишневка был найден позолоченный железный предмет в виде усеченного конуса вместе с горитом. С.И. Андрух предполагала, что поскольку по краю основания и у отверстия золотая пластинка покрыта железной коррозией, изделие крепилось к поверхности горита при помощи железного стержня (Андрух С.И., 1988, с. 165). В связи с этим интересно описание И.Б. Бобринским предмета из

кург. CD Чигиринского уезда, в котором говорится, что этот предмет был "... сильно сдавленный тяжестью земли" (Бобринский И.Б., 1905, с. 11, 12). В свою очередь Е.В. Черненко писал, "что края аналогичного "конуса" из Острой Томаковской Могилы оказались тоже сдавленными...", может быть, "конусы" украшали нижнюю часть горитов или колпачок (Черненко Е.В., 1981, с. 62).

В данном случае интересно отметить, что перечисленные примеры относятся только к предметам третьей группы. Как уже было показано, они, судя по пропорциям, имели более широкое основание по сравнению с небольшой высотой. В этом смысле данные предметы кажутся более плоскими по сравнению с другими и более приспособленными для крепления на ножнах или горите. Более того, интересно, что во всех случаях эти предметы были найдены вместе с небольшим количеством наконечников стрел. А в случае с Александровским кладом такой предмет был даже найден с колчанным набором из 183 наконечников стрел (Ковалева И.Ф., Мухопад С.Е., 1982, с. 96). Интересно, что подобные предметы могли крепиться к горитам, что подтверждается их изображениями на некоторых каменных изваяниях, о чем пишут В.С. Ольховский и Г.Л. Евдокимов (Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л., 1994, с. 73, рис. 43 на с. 131).

Что же касается предмета из Передериевой Могилы и изделий из других групп (рис. 2), то такое применение их невозможно из-за более крупных размеров, а также из-за того, что в местах их находок было найдено очень мало или совсем не обнаружено наконечников стрел. Это свидетельствует о наличии разных способов применения предметов, относящихся к различным группам.

Третье предположение: "*кисти, подвязывавшиеся к шее лошади*". Суть третьего предположения сводится к тому, что эти предметы можно рассматривать как "большие кисти, подвешивавшиеся к шее лошади", а точнее, как оправу этих кистей, о чем уже писал М.И. Артамонов, говоря о предмете из Острой Томаковой Могилы (Артамонов М.И., 1966, с. 28). Таким же было одно из предположений А.И. Кубышева и А.В. Симоненко о предметах из кургана у с. Шелюги и из Братолюбовского кург. (Кубишев А.І., Симоненко О.В., 1991, с. 76).

Это предположение маловероятно, поскольку, во-первых, ни одно из этих изделий не было найдено вместе со скелетом лошади или с конской сбруей; во-вторых, все предметы, кроме тех, которые были найдены в Курджипском кург. очень массивные и не соответствуют по форме такому назначению. Поэтому трудно предположить, что они могли быть использованы таким образом.

Четвертое предположение: *ритуальный атрибут* – состоит в том, что предмет из Передериевой Могилы и другие изделия могли использоваться при отправлении определенных культов. Этот последний вариант, как и второй, представляется наиболее вероятным.

Во-первых, интересно отметить, что все изделия, кроме серебряного предмета из Курджипского кург. и железного позолоченного предмета их кургана у с. Вишневка, изготовлены из массивного золота. Это подчеркивает их символический, ритуальный характер; поскольку если бы они использовались в повседневном быту, то вряд ли изготовлялись бы из драгоценных металлов.

Кроме того, все украшенные предметы (за исключением изделия из кургана у г. Арциз) имеют изображения на всей поверхности, включая верхнюю часть. Это единственные предметы в скифском мире, поверхность которых полностью покрывалась изображениями, что будет показано ниже. То есть они не должны были накрываться чем-либо, иначе их изображения не были бы видны. Кроме того, эти предметы должны были располагаться широким основанием вниз, судя по ориентировке изображений на них. Более того, они не могли использоваться в качестве ритуальной посуды как из-за ориентировки изображений, так и потому, что в их верхней части имеется отверстие. А.М. Лесков, а за ним И.Ф. Ковалева и С.Е. Мухопад предполагали, говоря о предмете из кургана у с. Ильичево, что столь крупная массивная вещь при ее креплении на металлическом стержне могла служить основой жезла

(Лесков А.Н., 1968, с. 160; Ковалева И.Ф., Мухопад С.Е., 1982, с. 101). Это вполне вероятно, поскольку предмет, зафиксированный внутри такого изделия, не мешает видеть его наружную сторону.

Во-вторых, контекст находки предмета из Передериевой Могилы и других изделий говорит в пользу того, что они использовались в каких-то ритуалах.

В 40% случаев предметы были найдены не в могилах при погребениях, но в насыпи курганов (Курджипский кург., Передериева Могила, курган у с. Шелюги) или в тайниках (Ставропольский клад, Александровка). Что касается предметов, найденных в насыпях, можно предполагать, что они служили для каких-то действий во время тризны (?). Однако нельзя быть уверенным (кроме Александровки), что они были оставлены в насыпи, поскольку Передериева Могила и Курджипский кург. были ограблены. Таким образом, грабители могли просто выбросить предметы из могилы, что тоже является объяснением присутствия этих изделий в насыпи. Однако трудно представить, что грабители стали бы выбрасывать массивные золотые вещи! Что касается предметов из Ставропольского клада и у с. Александровка, тот факт, что они были найдены в тайниках, сам по себе придает им особое, возможно символическое, значение.

Также интересно, что в 40% случаев предметы были найдены вместе с золотой гривной (Курджипский кург., Ставропольский клад, курган у с. Ильичево, Острая Томаковская Могила, Братолюбовский кург., курган у с. Шелюги). Это наблюдение в большей мере касается предметов первой и второй групп. Из третьей группы сюда относится только предмет из Острой Томаковской Могилы. Это тем более интересно, поскольку гривна – ювелирное украшение воинов, символ власти и богатства. Как писал А.М. Лесков, названные предметы также могли символизировать власть и богатство их хозяев (Лесков А.Н., 1968, с. 160). В этой связи можно предположить, что различия между предметами по форме и размерам могло быть связано с существованием разных классов воинов и тогда форма и размер предметов зависели от их социального статуса. Крупные размеры предмета из Передериевой Могилы в таком случае могут свидетельствовать о большом авторитете его владельца, возможно, военного вождя.

Таким образом, перечисленные предметы, по всей видимости, имели то же самое назначение, очевидно, ритуального характера. Однако остается до конца невыясненным вопрос, имели ли они одинаковое или различное использование. Как уже было показано выше, у них могли быть различные функции, что отразилось в различиях между этими изделиями по форме и размерам. Не исключено, что эти различия могли быть связаны, как сказано выше, с неодинаковым социальным статусом их владельцев. В таком случае они могли иметь одинаковое использование.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андрух С.И., 1988. Погребение раннескифского воина в Присивашье // СА. № 1.

Артамонов М.И., 1966. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага; Л.

Бобринский И.Б., 1905. Отчет о раскопках, произведенных в 1903 г. В Чигиринском уезде Киевской губернии // ИАК. Вып. 14.

Брашинский И., 1967. Сокровища скифских царей. М.

Виноградов Ю.А., 1993. Курган Ак-Бурун (1875) // Скифия и Боспор. Новочеркасск.

Ковалева И.Ф., Мухопад С.Е., 1982. Скифское погребение конца VI–V в. до н.э. у с. Александровка // Древности степной Скифии. Киев.

Кубишев А.І., Симоненко О.В., 1991. Скіфські та сарматські пам'ятки Таврії // Золото Степу. Київ.

Лесков А.Н., 1968. Богатое скифское погребение из Восточного Крыма // СА. № 1.

Моруженко А.А., 1992. Скіфський курган Передіриева Могила // Археологія. Вип. 4.

ОАК за 1875 г. СПб., 1878.

ОАК за 1876 г. Вып. 2. СПб., 1879.

Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л., 1994. Скифские изваяния VII–III вв. до н.э. М.
Петренко В.Г., 1967. Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н.э. // САИ. Вып. Д1–4.
Ростовцев М.И., Степанов М.К., 1917. Эллино-скифский головной убор // ИАК. Вып. 63.
Толстой И.И., Кондаков Н.М., 1889. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 1. Классические древности южной России.
Черненко Е.В., 1981. Скифские лучники. Киев.
Minns E., 1913. Skythians and Greeks. London.
Moruženko A.A., 1993. Der skythische Perederi-Kurgan Bericht über einen neuen Fund // Aus den Schatzkammern Eurasiens Meisterwerke Antiker Kunst. Zürich.
Moroujenko A.A., 1994. Le kourgane scythe de Perederieva mogila // Les Dossiers d'Archeologie. № 194.

Франция, Париж

S. LEGRAND

A MYSTERIOUS GOLD OBJECT FROM THE KURGAN PEREDERIEVA MOGILA

Summary

The paper deals with a morphological analysis as well as reviews the purpose of a gold cone-shaped object found in 1988 during the excavations of the kurgan Perederieva Mogila (tomb). The find refers to a group of "egg-shaped" objects spread in the 4th-3d centuries BC. The analysis performed has allowed to advance four suggestions related to its purpose: 1) headwear, 2) decoration of gorits and quivers, 3) brushes hung to a horse neck, 4) ritual attribute. Though the issue on the purpose of the gold object from the kurgan Perederieva Mogila remains open, the fourth suggestion seems to be most likely.

Н.И. ВИНОКУРОВ, А.А. НИКОНОВ

О СЛЕДАХ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЙ АНТИЧНОГО ВРЕМЕНИ НА ЗАПАДЕ ЕВРОПЕЙСКОГО БОСПОРА

При археологических исследованиях на территории Боспорского государства уже обнаруживались следы разрушительных землетрясений IV в. до н.э., 63 г. до н.э. и III в. н.э., из которых только землетрясение 63 г. до н.э. нашло отражение в дошедших до нас письменных источниках (Кругликова И.Т., 1966, с. 81, 89; 1975; Блаватский В.Д., 1977, с. 56–57; Аракелян Ф.О., 1983, с. 40 и сл.; Никонов А.А. и др., 1996; Никонов А.А.; 1996а, с. 57 и сл.). Вместе с тем приходится констатировать, что до сих пор не появилось ни одной работы по Боспору, в которой были бы приведены фактический материал из раскопок и его профессиональное рассмотрение с доказательствами сейсмического происхождения обнаруживаемых разрушений и деформаций строительных сооружений.

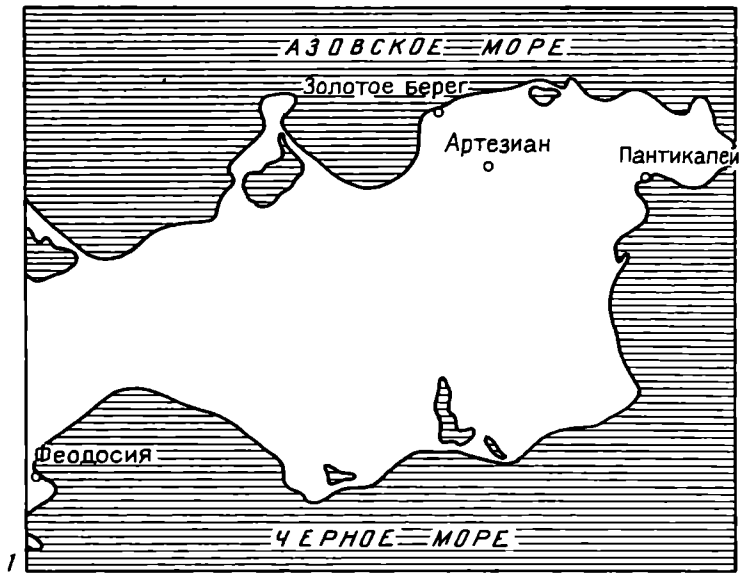
В процессе многолетних (с 1985 г.) целенаправленных обследований на территории Боспора один из авторов настоящей статьи систематически исследовал последствия сейсмических воздействий на строительные конструкции античных поселений. При этом разрабатывался и совершенствовался археосейсмический метод исследования (Никонов А.А., 1990, с. 37 и сл.). Следы разрушительных землетрясений античного времени оказались в Крыму весьма многочисленными. Они были выявлены почти на всех памятниках Боспора, как Азиатского, так и Европейского. Этот результат приобретает особое значение в связи с тем, что за последние 250 лет территория не подвергалась разрушительным землетрясениям и потому отнесена к зонам слабой сейсмичности. Лишь недавно удалось провести комплексный анализ письменных, археологических и геологических данных по последнему крупному сейсмическому событию в районе Керченского п-ова – землетрясению 1751 г. (Никонов А.А., 1995, с. 34 и сл.; 1996, с. 62 и сл.). До последнего времени западная часть Керченского п-ова (запад Европейского Боспора) имела наименьшее число подтверждений сильных сейсмических проявлений. В свете этого полученные здесь археологические материалы приобретают особое значение.

Данная работа посвящена двум объектам хоры Европейского Боспора: городищам Артезиан и Золотое-берег (рис. 1), на которых удалось достаточно четко зафиксировать следы двух сильных землетрясений римского времени: II в. н.э. и середины – второй половины III в. н.э. Кроме того, на городище Артезиан отмечены следы землетрясения I в. до н.э.

1. Следы землетрясений на городище Артезиан

Топография. Городище Артезиан расположено в центральной степной зоне Керченского п-ова, на северном склоне урочища Артезиан (Салын), в 7 км восточнее побережья Азовского моря (рис. 1, *2*). В районе городища Артезиан простирается слабо наклонное в западном направлении плато с довольно спокойным рельефом. Артезиан – мощный, хорошо укрепленный населенный пункт городского типа с регулярной системой планировки, защищавший большой сельскохозяйственный район и узел коммуникаций на дальних подступах к Пантикапею. Это поселение су-

© Н.И. Винокуров, А.А. Никонов, 1998 г.

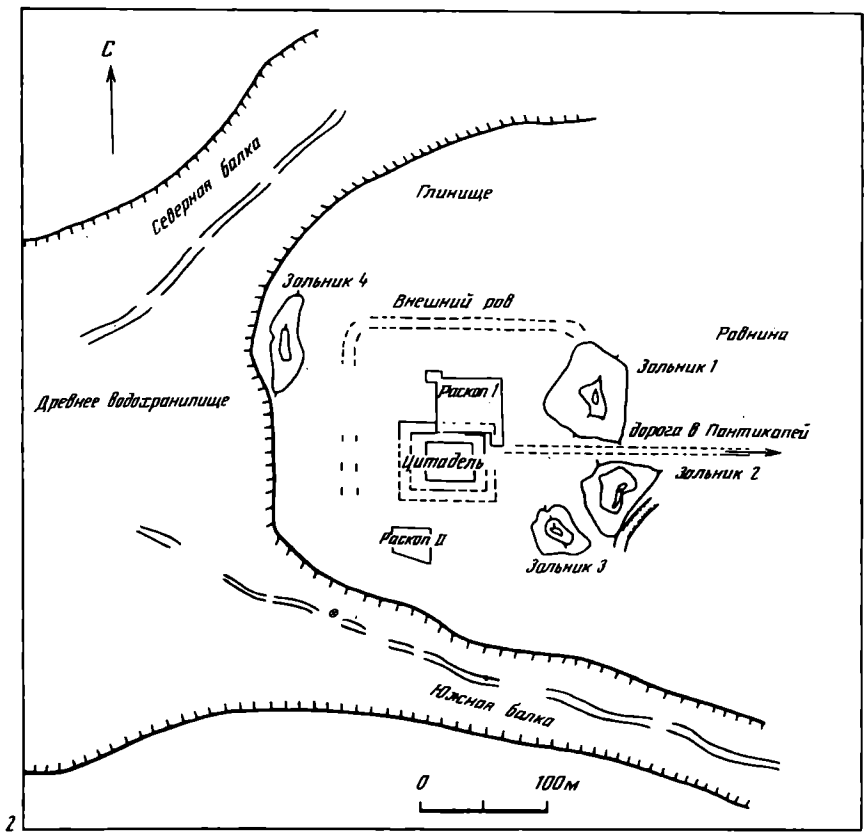

Рис. 1. Месторасположение городищ Золотое и Артезиан (*1*). План-схема раскопов I–II городища Артезиан (*2*)

ществовало около 1000 лет: с. IV в. до н.э. по III – начало IV в. н.э., имело плотную систему застройки; дома строились даже на склонах, спланированных насыпными террасами и укрепленных подпорными стенами.

Поселение Артезиан сохранилось очень плохо. Кладки его построек преимущественно выбраны, культурный слой уничтожен перекопами и траншеями выборок стен средневекового и нового времени.

1.1. Последствия землетрясений I в. до н.э. на городище Артезиан

Следы землетрясений I в. до н.э. выявлены на двух раскопах[1] городища Артезиан. Наиболее заметно они проявились на менее поврежденном перекопами южном раскопе. Здесь обнаружена полностью разрушенная террасированная усадьба I в. до н.э., ориентированная по сторонам света. Площадь усадьбы, очевидно, весьма значительна. Раскопом вскрыта юго-восточная часть усадьбы с шестью, расположенными на разных уровнях хозяйственно-жилыми помещениями общей площадью 240 м^2 (рис. 2). Они имели примерно равные размеры и прямоугольную в плане форму. Толщина внешних стен усадьбы достигала 1,1 м, внутренних – 0,9 м; сохранившаяся высота – 0,2–2,2 м. Все стены выполняли подпорные функции. Стены помещений верхних этажей сооружались из сырцового кирпича и имели черепичную кровлю.

Стены усадьбы обнаружены рухнувшими в южном или юго-западном направлениях. Развалы сырцовых стен, перемешанные с обломками черепицы, прослежены на всей площади раскопа. В завальном слое обнаружены обломки бутового и хорошо обработанного камня, в том числе встречались фрагменты архитектурных деталей из белого мрамора и известняка, свидетельствующие о былом великолепии усадьбы.

В двух местах выявлены не выбранные перекопами завалы каменных подпорных стен (7 и 23), упавших в правильном порядке в западном или юго-западном направлениях (рис. 2). Остальные каменные развалы сохранились частично, так как

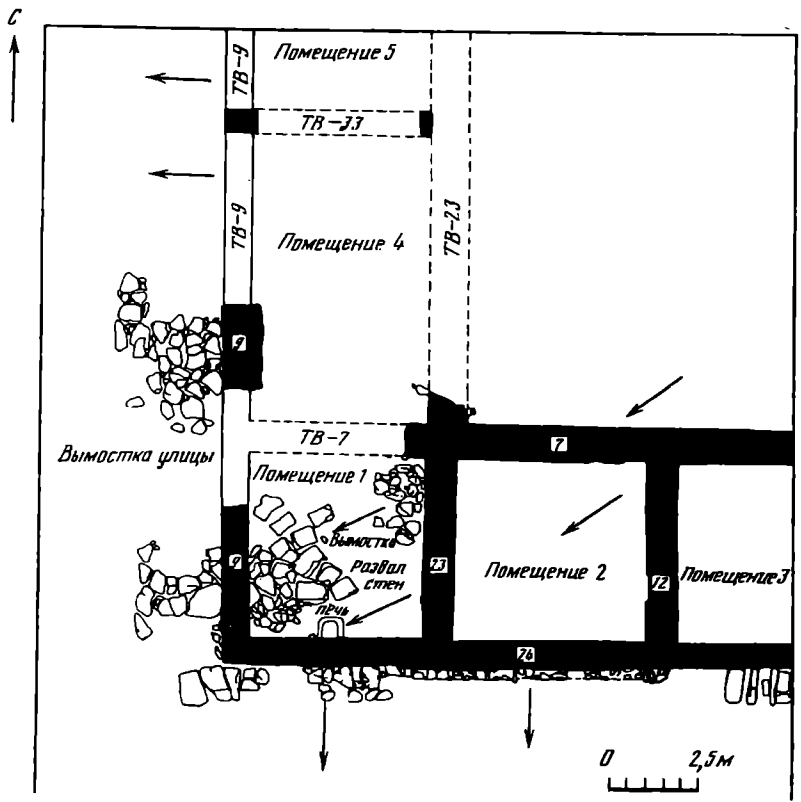

Рис. 2. План-схема строительных остатков усадьбы 1 раскопа II городища Артезиан I в. до н.э. Стрелками обозначены направления смещения и разрушения стен помещений усадьбы 1

[1] Для исследования городища были размечены два раскопа: раскоп I, расположенный на верхнем плато возвышенности, у северного вала "Цитадели"; раскоп II – на южном склоне возвышенности, за сильно оплывшим южным рвом "Цитадели". За время работ вскрыта площадь ~2800 м^2, из них 2250 м^2 – на северном раскопе, остальная – на южном. До материка исследовано больше половины вскрытой площади. Раскопки производились Н.И. Винокуровым в период 1988–1996 гг.

Рис. 3. Вид с востока на строительные остатки усадьбы I раскопа II городища Артезиан I в. до н.э. На дальнем плане – развал каменных стен юго-западного помещения усадьбы

были выбраны позднее. Один развал, преимущественно состоявший из больших квадров, полностью завалил в западном – юго-западном направлении угловое помещение 1 усадьбы (рис. 3). Камни в завале лежат "черепитчато", плотно прилегая друг к другу, более мелкие перекрыты крупными, т.е. в обратном первоначальному порядке. Подобное "черепитчатое" расположение камней в завале говорит о том, что стена при падении набок сохранила первичный порядок кладки, но в перевернутом виде. Благодаря этому удалось реконструировать высоту каменной части стены, достигавшей на данном участке в древности 2,8–3,2 м.

Показательно, что каменный развал покоился на мощном слое сырцового развала (до 0,6 м) с кусками черепицы и небольшим количеством фрагментов керамики. Это означает, что сначала обвалились черепичная кровля, балки перекрытий и сырцовые части стен. Завал сырцовых кирпичей образовал на полу помещения насыпь с вершиной, смещенной к южной стене усадьбы. Следовательно, падение сырцовых стен происходило в южном направлении. Сырцовый развал полностью заполнил помещение, раздавил глинобитную печь. Подошва развала находилась на каменной вымостке, плиты которой радиально растесаны (рис. 4). Камни вымостки располагаются на очень плотном материковом грунте, не подверженном просадкам. Они имеют небольшие размеры (0,40 × 0,38 × 0,38; 0,48 × 0,43 × 0,35 м) и очень плотную структуру (мшанковый известняк), поэтому могли лопнуть только в результате резкого направленного ударного действия.

Приведенные наблюдения над тремя элементами строительных конструкций, а именно над каменным основанием стен (7 и 23), их сырцовым верхом и каменной вымосткой, согласно свидетельствуют о том, что они подверглись очень сильному

Рис. 4. Радиальные трещины камней вымостки юго-западного помещения I усадьбы I раскопа II городища Артезиан I в. до н.э.

воздействию, которое и вызвало их обрушение (на вымостке – растрескивание). Обрушение столь основательных конструкций, да к тому же в сочетании со столь специфическими повреждениями, как растрескивание вымостки, невозможно приписать действию людей. Направленность падения вертикальных конструкций указывает на сейсмические воздействия, а залегание каменных частей основания стены на обрушившихся частях кровли и сырцового верха ведет к представлению о нескольких сейсмических ударах нарастающей интенсивности силой до 9 баллов. Разрушения были настолько значительны, что в прежнем виде комплекс не мог быть восстановлен.

Судя по некоторым наблюдениям, усадьба перестраивалась не прежними ее обитателями. Предпринятые перестройки производились через значительный временной промежуток, скорее всего в I – начале II в. н.э. За прошедшее с момента катастрофы время подпорные стены усадьбы I в. до н.э., вымостки и каменные развалы стен оказались полностью или частично выбранными. Однако новые жители не знали в деталях старую планировку усадьбы, поэтому не все завалы, состоящие из первоклассного строительного материала, были обнаружены и разобраны, а новые постройки не повторяли планировку помещений усадьбы. От прежних пяти террас, выявленных на раскопе II, осталось только три. Их поверхность, нарушенная многочисленными поздними перекопами, связанными с хищнической добычей камня из развалин, была выровнена толстым слоем сырцового развала толщиной 0,4–0,8 м. Здесь среди прочего маловыразительного материала были обнаружены немногочисленные обломки светлоглиняных широкогорлых амфор типов С-II второй четверти I в. до н.э. – середины I в. н.э. и С-III последней четверти I в. до н.э. – первой половины I в. н.э. (Внуков С.Ю., 1988). Это позволяет предположить, что катастрофа произошла не позднее последней четверти I в. до н.э. Не исключено, что комплекс погиб в период боспорского землетрясения 63 г. до н.э. (Блаватский В.Д., 1977; Аракелян Ф.О., 1983, с. 40 и сл.).

По всей видимости, к этому же сейсмическому событию относятся разрушения, выявленные на раскопе I, расположенном на северной равнинной части городища (рис. 5).

К примеру, только сильными сейсмическими воздействиями можно объяснить вол-

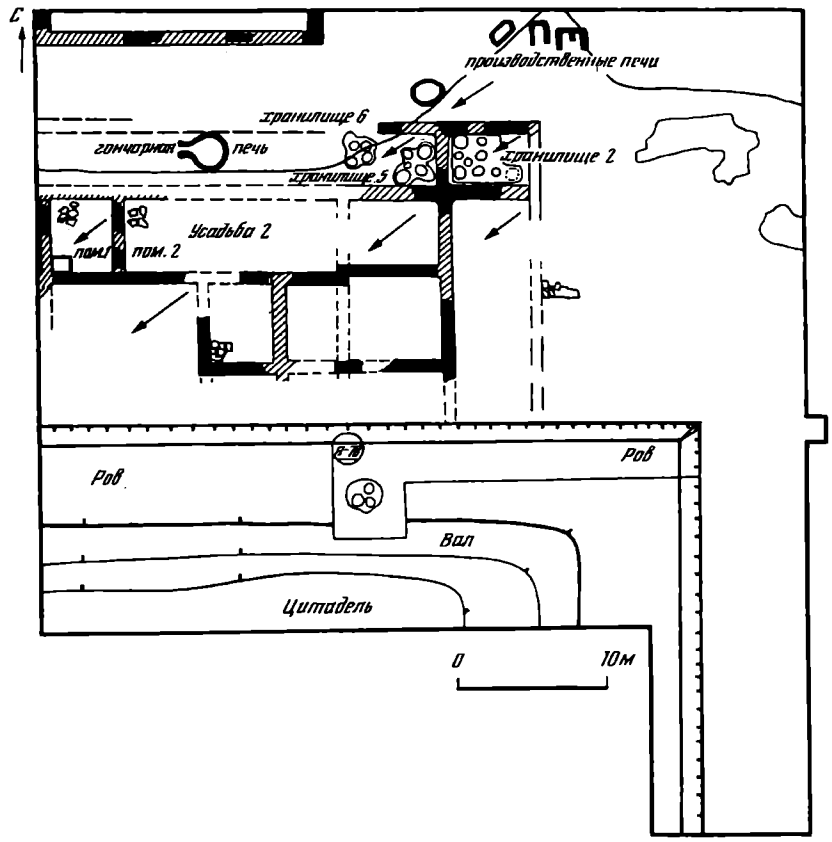

Рис. 5. План-схема помещений усадьбы 2 второго строительного периода рубежа н.э. – середины I в. н.э. на раскопе I. Стрелками показаны направления разрушения и деформаций строительных остатков

нообразные деформации двух давильных платформ[2] композитной винодельни Арт-2 усадьбы 2 третьей-четвертой четверти I в. до н.э. – рубежа н.э. Винодельня Арт-2 сооружена на ровном месте, спокойный рельеф которого исключает всякие подвижки грунта. В качестве основания под платформы использован толстый слой глины с черепичными и керамическими обломками, положенный на материковый грунт. Такое устройство предотвращало просадки покрытия платформ. Однако поверхность платформы не только вспучена, но и покрыта характерными трещинами, рассекающими ее на всю толщину цемяночной облицовки по оси северо-запад – юго-восток. Кроме того, платформы просели по всем углам, особенно это заметно в восточных половинах платформ. Важно, что в древности уклон поверхности платформ был в противоположном, западном направлении, в сторону несохранившихся резервуаров (Винокуров Н.И., 1996, с. 10 и сл.). Такие изменения могли произойти только в результате сильных (не менее 8 баллов) сейсмических воздействий[3].

1.2. Последствия землетрясения середины – второй половины III в. н.э. на городище Артезиан

На раскопе I открыт усадебный комплекс 3 середины – второй половины III в. н.э. Он состоял из юго-западного и северо-восточного блоков помещений. По всей видимости, в одном из помещений юго-западного блока усадьбы 3 функционировало

[2] Важно отметить, что направление трещин покрытия давильных платформ винодельни Арт-2 раскопа I совпадает с осью разрыва вымостки в помещении 1 усадьбы первого века до н.э. раскопа II.

[3] Сложно только сказать, землетрясением какого времени вызваны деформации и разрушения, выявленные в хранилищах Усадьбы 2. Возможно, они – результат сейсмических импульсов III в. н.э. и последовавших за ними подвижек грунта.

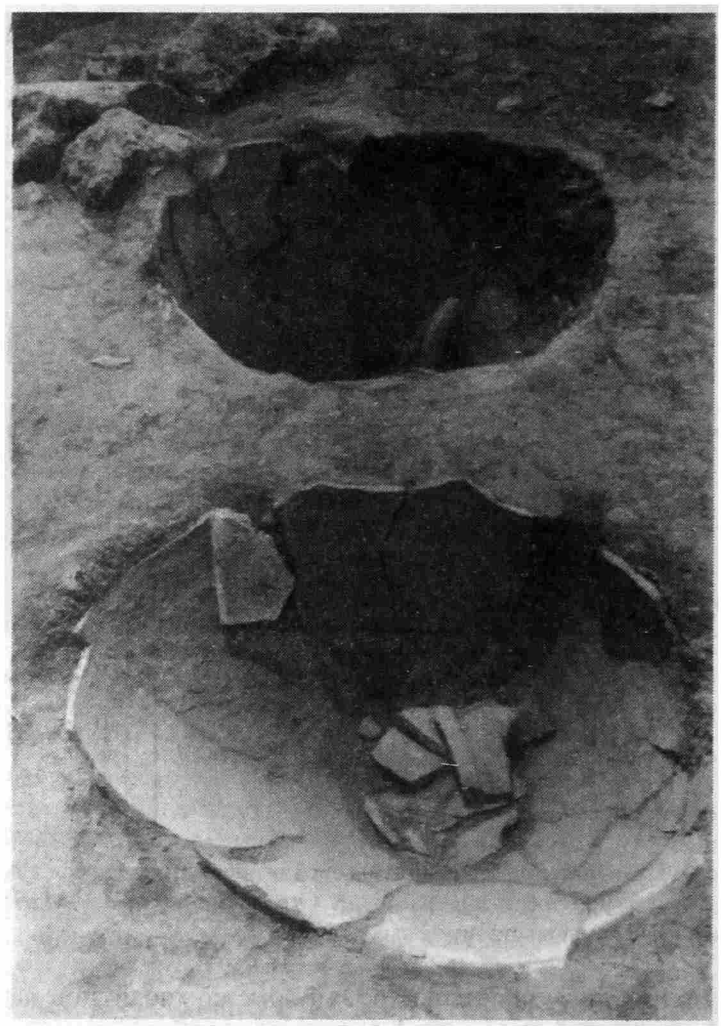

Рис. 6. На переднем плане – остатки вкопанных пифосов 1–2. Отчетливо видны трещины бортов, сваливание краев вбок и общая деформация сосудов в виде поднятия (с запрокидыванием) северо-восточного (в тени) борта, опускание и разваливание противоположного (ближнего к зрителю) краев пифоса. Все это – признаки динамического удара (волны) с северо-востока к юго-западу. Фото А.А. Никонова

небольшое домашнее святилище, разрушенное внезапно и погибшее в пожаре. Строительные остатки сохранились плохо: уцелели только обрывки кладок и вымостки, небольшой участок пола с очагом. Северо-восточный блок состоял из трех хозяйственно-жилых помещений и примыкающего с севера двора с производственными печами. Усадьба насчитывала три строительных периода.

После существенной перестройки комплекса в первой половине III в. н.э. в одном из помещений располагалось вымощенное плитами винохранилище с котлованом на 3–4 пифоса, два из них обнаружены in situ (рис. 6).

От стен винохранилища сохранились двухлицевые однорядные кладки фундамента, сложенные на глине по постелистой тычково-ложковой системе, кладки небрежные, в ряде мест приближающиеся к иррегулярным бутовым. Камень использован различных размеров, частью с хорошим качеством обработки поверхности, он выбран из разных кладок. Фундамент сохранился в высоту 0,2–0,6 м при ширине 0,4–0,6 м. Одна из внутренних перегородок – стена 2а хранилища, ориентированная по оси север – юг, выгнута к западу и юго-западу. Фундамент другой стены – 11.1, вытянутой по оси юго-запад – северо-восток, заметно наклонился в южную сторону. В двух других местах развалы стен помещений усадьбы произошли по азимуту 200–210° и навстречу – по азимуту 20–30°. Сырцовые части стен упали внутрь хранилищ и распространились за

их пределы в юго-западном и западом направлениях, образовав мощный слой глинистого расплыва. В слое сырцового развала помещения обнаружена медная монета Рескупорида III 210–226 гг. н.э. (Зограф А.Н., 1951, табл. XLIX, *10*) (оп. 1/1989).

При падении сырцовые стены разрушили наполовину вкопанные пифосы 1 и 2, от которых in situ остались нижние части с продавленными внутрь горловинами (рис. 6). Множество фрагментов этих пифосов вместе с каменно-сырцовыми завалами стен оказались рассеянными (распластанными) по направлению к юго-западу (азимут 210°) на расстояние до 2 м, хотя возвышались над полом не более чем на 0,6–0,8 м. Благодаря очистке внутренних поверхностей остатков пифосов отчетливо выявляется, что они лопнули внизу таким образом, что на юго-западе верхние куски выдвинуты на несколько миллиметров, редко – до 1,0–1,5 см, над более низкими частями. Это явные признаки выбивания при динамическом ударе, а не следы постепенного выдавливания, для которого, кстати, здесь нет причин.

Подобные последствия землетрясений выявлены на раскопе I в ходе изучения остатков полуподвальных винохранилищ рубежа н.э. – середины I в. н.э. второго строительного периода усадьбы 2 (рис. 5). Пифосы, вкопанные в винохранилище 2 на 1/2 и 3/4 своей высоты, сплющены так, что образуют в плане овалы с короткой осью с юго-запада на северо-восток. У менее глубоко вкопанного пифоса диаметры на сохранившемся срезе 1,0 и 0,83 м, а у более глубоко вкопанного – 1,03 и 0,98 м, т.е. первый сплющен сильнее. В хранилище 5, расположенном к западу от первого, обнаружен in situ еще один разломанный и заваленный частью стены 1 пифос 5. Сохранившиеся нижние части пифосов этих винохранилищ растрескивались в радиально-концентрической манере и деформировались таким образом, что их диаметральные северо-восточно – юго-западные оси стали короче поперечных на уровне 0,50–0,68 м ото дна. Северо-восточные борта пифосов оказались более вертикальны, чем противоположные, которые к тому же частью развалены к юго-западу.

На раскопе II прослежены деформация продольных и поперечных подпорных стен, в том числе фундаментов стен 11, 22 и др., вытянутых по оси север – юг, радиальное растрескивание вкопанного между стен лутерия – резервуара винодельни Арт-4 рубежа н.э. – середины I в. н.э. Лутерий мог лопнуть таким образом только в результате динамического толчка, вызванного смещением окружающих его кладок: мощной подпорной стены 7 и примыкавших к ней стен 11 и 12. Ясно, что все остатки – и строительные, и сосудов – испытали сильный, направленный (с северо-востока) динамический удар, который и привел к разрушению хозяйственных сооружений и инвентаря. Таким ударом мог быть только сильный сейсмический толчок силой не менее 8 баллов. Не исключено, что все эти деформации появились при землетрясениях II или III вв. н.э., вызвавших смещение и сдавливание расположенных глубже культурных напластований. По крайней мере сдавливание пифосов винохранилищ усадьбы 2 и лутерия винодельни Арт-4, датированых рубежом н.э. – серединой I в. н.э., происходило в одном направлении с разрушением построек III в. н.э.

На глинобитном полу хранилища обнаружены под сырцовым расплывом прямоугольная печь 1 и две раздавленные остродонные широкогорлые амфоры III в. н.э. Амфоры упали вниз горловинами с какого-то возвышения, возможно, с верхнего этажа или ниш в стене, расположенных выше пола помещения. Обломки тулов амфор перекрыли горловины с известняковыми пробками и рассыпались вбок по азимуту 210° (Винокуров Н.И., 1989, с. 54). Важно, что совпадало направление амфорных развалов с векторами разрушения стен винохранилища. В том же направлении оказались наклоненными каменные плиты-стойки основания печи 1. По всей видимости, с этим событием следует связывать развал сосудов на дне обнаруженной во дворе усадьбы хозяйственной ямы. Там найдены большие широкогорлые остродонные амфоры (тип 83) (Зеест И.Б., 1960) с рыбой и вином, светлоглиняная амфора типа "D" по Д.Б. Шелову, первой половины III в. н.э., светлоглиняная амфора с манжетовидным венчиком, со следами винного осадка на стенках, развалы круговых кувшинов и другой

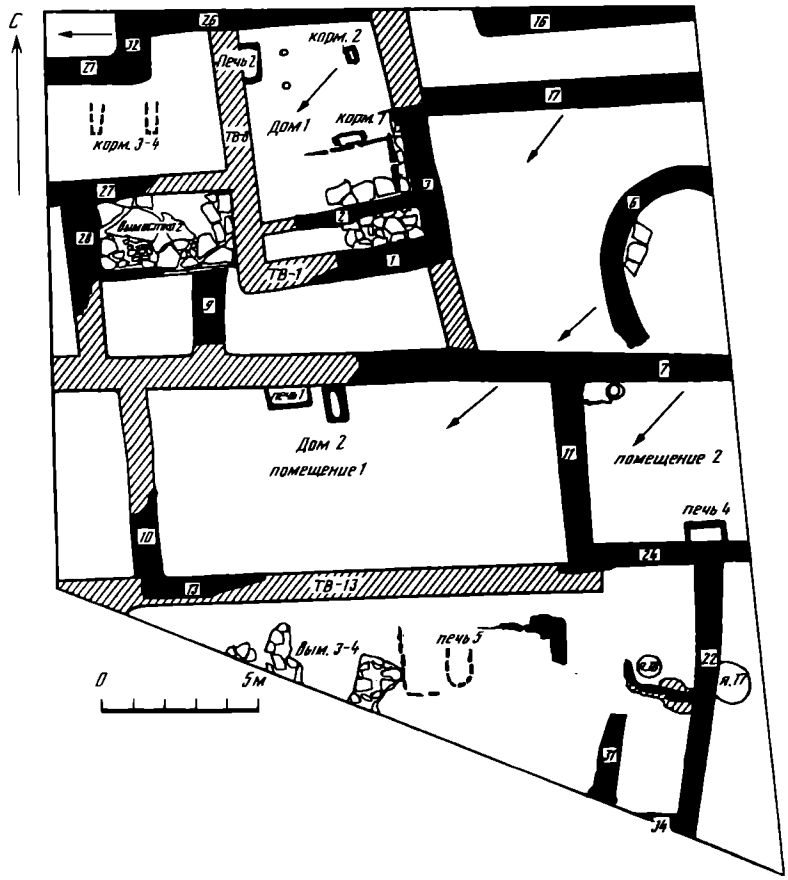

Рис. 7. План-схема строительных остатков III в. н.э. раскопа II. Стрелками показаны направления разрушения и деформаций строительных остатков

посуды (Винокуров Н.И., 1990, с. 120). Положение сосудов в яме показывает, что они упали на дно ямы сверху[4].

Последствия этого землетрясения прослежены и на раскопе II, где также расчищены остатки расположенных на террасах построек III в. н.э. (рис. 7).

На нижней террасе открыты остатки хозяйственно-жилых домов с хозяйственными помещениями, яслями для кормления крупного рогатого скота, кормушками для свиней, печами и замощенным двориком. Время его сооружения определяется по найденной в плитовой кормушке медной монете Ининфимея 234–238 гг. н.э. (Frolova N.A., 1979. pl LXI, *28–32*) (оп. 73/1995)[5]. Восточный известняковый борт этой кормушки завален внутрь. Вручную это было сделать невозможно, так как плита имела большие размеры и не возвышалась над полом хозяйственного помещения. На полу по-

[4] Возможно, этим же землетрясением была разрушена подпорная стена III в. н.э., облицовывавшая внешний скат вала заброшенной к тому времени "Цитадели" городища. От подпорной стены сохранились один-два ряда больших квадратов, сложенных по однолицевой двухслойной однорядной постелистой стене, на глиняном растворе. Размеры квадратов (м): 1,10 × 0,63 × 0,54; 0,81 × 0,60 × 0,50. Подошва камней залегала на глубине 0,6–2,7 м. Пространство между склоном вала и кладкой заполняла желтая глина с большим количеством бутового камня, щебня и известковой крошки. Восточная часть кладки выдавлена наружу в северную сторону. У подножия подпорной стены выявлен завал каменных блоков, причем некоторые из них упали на ребро, вплотную к внешнему фасу стены. Характер завала и расположение в нем блоков говорят о том, что они были сброшены с верхней части подпорной стены мощным сейсмическим импульсом. Разрушение крыши здания, сооруженного на валу, происходило в противоположном южном или юго-восточном направлении. Черепица падала на ребро и глубоко входила в землю. Здесь же были обнаружены амфоры и реповидный сосуд, разбитые упавшим на боковую грань соленом.

[5] Монеты определены д-ром ист. наук Н.А. Фроловой.

мещения лежали две раздавленные широкогорлые амфоры III в. н.э. и одна розово-глиняная, с клювообразным нависающим венчиком, а также развалы простых гончарных кувшинов с шаровидным туловом. Горла и ножки амфор вытянулись по оси юго-запад – северо-восток.

В этом же направлении деформировались и лопнули плиты двора, в том числе диоритовые плиты от зернотерок толщиной 0,3–0,4 м, которые здесь находились во вторичном использовании.

Плиты вымостки 1 одного из внутренних помещений дома наползли друг на друга, причем вымостка получила противоположный по отношению к окружающим ее стенам помещения уклон, что могло быть вызвано только боковыми сейсмическими ударами большой силы.

Разрушилась полукруглая двухлицевая двухрядная постелистая кладка 6, возможно, каменный забор или часть здания с абсидой с примыкающим участком жилого горизонта с находками II–III вв. н.э. Она располагалась на верхней террасе, над вышеописанным домом. У внутреннего фаса стены 6, поверх пола обнаружена упавшая с верха кладки большая известняковая плита. Положение плиты на ребре, вплотную к остаткам кладки свидетельствует о разрушении стены в результате сейсмического толчка.

Строения рухнули, а остатки подпорных стен и зданий, стоявших на верхней террасе, съехали в западном и южном направлениях. В результате образовался толстый слой каменно-сырцового развала, перекрывший остатки домов 1–2. Горизонтальная поверхность нижней террасы приобрела значительный уклон в сторону южной балки. Особенно впечатляющим были разрушения на террасированных склонах.

Разрушение террас и находившихся на них построек на раскопе II, как и построек усадьбы 3 третьего строительного периода, выявленных на раскопе I, следует относить к середине – второй половине III в. н.э. Неслучайно стены построек упали в одних и тех же (западном и юго-западном) направлениях. Это зафиксировано как на первом, так и на втором раскопах. По-видимому, было несколько толчков разной силы. Слабые толчки сбросили с полок и ниш стоявшую там посуду, которая упала на пол и в основном разбилась. Позднее рухнули стены. Отсутствие под развалинами останков людей и домашних животных позволяет предполагать, что они успели покинуть помещения при первых слабых толчках.

После катастрофы жизнь на городище не прекратилась, хотя явный упадок прежней благополучной жизни отмечается отчетливо. Большая часть участка поселения, вскрытая раскопом I, забрасывается. Обширные по площади постройки усадебного типа сменяются маленькими, отдельно стоящими строениями. Террасная система планировки южного склона не восстанавливается. Здесь вместо больших домов с правильной системой планировки возникли полуподвальные строения и землянки, окруженные хозяйственными ямами. Из разрушенных землетрясением и засыпанных сползшим грунтом подпорных стен террас и кладок хозяйственно-жилых строений выбирался камень. В нарушенном перекопами грунте найдена медная монета Рескупорида VI 324 г. н.э. (Frolova N.A., 1983, pl. LXI, 27) (оп. 2/1995).

Постепенно этот участок окончательно запустел. Находок античного времени позже III–IV вв. н.э. не обнаружено. Люди сюда вернулись только в средневековое время (в период с конца VIII – начала IX в.), когда здесь возникло недолго просуществовавшее поселение салтово-маяцкой культуры.

2. Следы землетрясений на городище Золотое-берег

Масштабные разрушения установлены также на городище Золотое.

Топография. Городище Золотое-берег – небольшой, слабоукрепленный рыбопромысловый поселок на берегу Казантипского залива Азовского моря, расположенный на мысу, за северной окраиной современного пос. Золотое. С трех сторон поселение хорошо укреплено обрывами древнего берегового клифа с выходами мшанковых из-

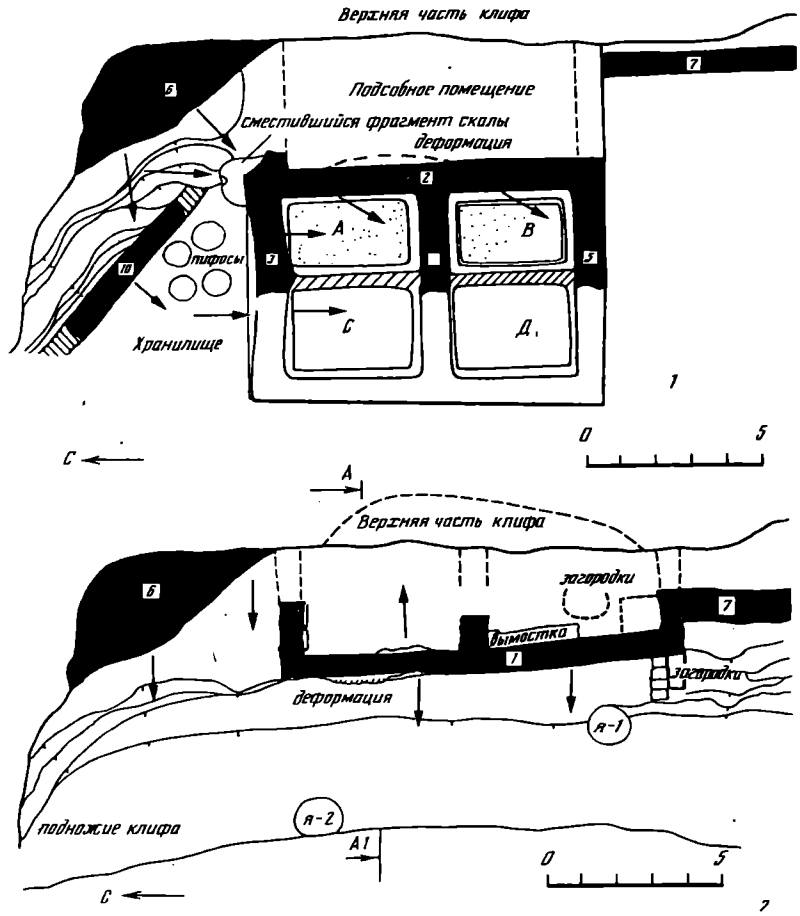

Рис. 8. План-схема строительных остатков городища Золотое, разрушенных землетрясениями. Стрелками обозначены направления смещения и разрушения стен построек. *1* – II в. н.э.; *2* – III в. н.э.

вестняков. Незащищенный природой проход на территорию городища в древности прикрывали ров и земляной вал. Близкое расположение к морю и удобные для стоянки мелких рыболовецких судов бухточки с пляжами шириной 10–15 м, примыкающие к городищу, предопределили хозяйственную специализацию поселения Золотое-берег, которое возникло на рубеже V–IV в. до н.э. и просуществовало до III в. н.э.

На городище Золотое-берег в 1990 г. раскопан крупнейший на хоре Боспора рыбозасолочный комплекс. Он расположен в северной части небольшой бухты, слабо вдающейся в сушу, под защитой мыса (Винокуров Н.И., 1994, с. 154 и сл.). Комплекс построен на искусственной террасе, вырезанной в насыпном грунте античного времени[6], он состоял из четырех ванн, хранилища и подсобного помещения (рис. 8, 9).

2.1. Следы разрушений II в. н.э. на городище Золотое-берег

Вскрытые следы сильных разрушений II в. н.э. затронули все части комплекса, а также стоявшие над ним подпорные стены и постройки. Рассмотрим эти разрушения с севера на юг.

Разрушения, выявленные в рыбохранилище. Бóльшая часть хранилища уничтожена

[6] Насыпь содержала большое количество бытового мусора с материалом V–II вв. до н.э. и рубежа н.э. Здесь была найдена медная монета (оп. 328/1990) первой половины – середины II в. до н.э. (Шелов Д.Б., 1956, № 95, 97).

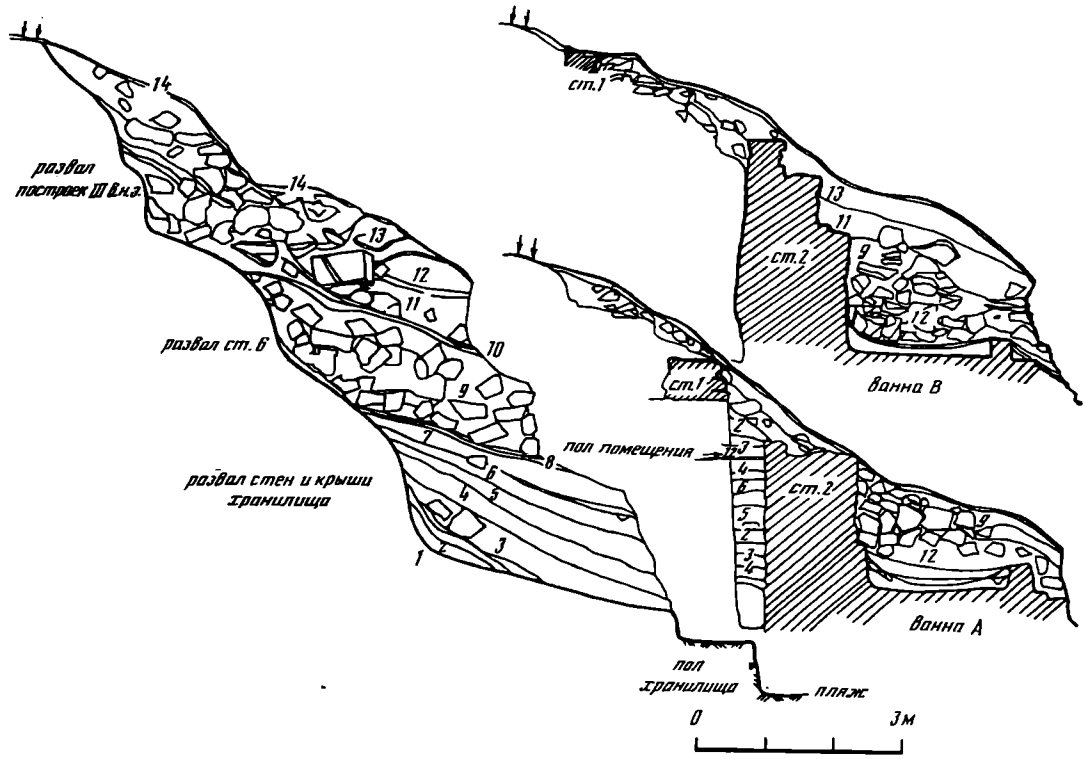

Рис. 9. Вид с севера на слои разрушений, перекрывших хранилище и рыбозасолочные ванны II в. н.э. по оси запад – восток. Описание слоев: *1* – материковая скала; *2* – плотная зеленовато-серая глина с большим количеством мидий, фрагментов керамики, костей животных, остатками рыбы; *3* – плотный серого цвета суглинок с большим содержанием бытового мусора; *4* – серо-коричневый суглинок с включениями раковин мидий, костей рыб и костей животных, обломков керамики; *5* – желто-серый золистый грунт с большим содержанием бытового мусора; *6* – светло-серый, рыхлый грунт с обширными золистыми линзами и прослойками раковин мидий; *7* – серо-желтый, рыхлый золистый грунт; *8* – прослойки зеленоватой и серой глины с мелкой щебенкой; *9* – рыхлый серо-желтый, слабо гумусированный грунт с большим количеством известняковой крошки; *10* – желто-коричневые прослойки плотного суглинка с большим количеством известняковой крошки; *11* – серо-коричневый, сравнительно рыхлый грунт с большим содержанием бытовых отходов; *12* – развалы сырцовых кирпичей и затеки глиняной обмазки стен, полы из чистой желтой глины; *13* – коричнево-серый, средней плотности, сухой грунт; *14* – гумус

воздействием морских волн; уцелел только его восточный участок, ограниченный на севере пристроенной к клифу подпорной стеной 10, а на юге – поперечной подпорной стеной 3. С восточной стороны хранилище подходило к искусственно подтесанному клифу с уклоном к юго-западу по азимуту 230° под углом 40–50°. Над хранилищем возвышалась северо-восточная подпорная стена 6, подпиравшая верхнюю террасу. Стена возведена уступами на древней волноприбойной нише и поднималась до верхней части клифа. Она предохраняла хранилище рыбозасолочного хозяйства от склонового материала и служила основанием для построек, возможно, оборонительного характера (башни или бастиона). Толщина ее основания 2,08, верхней части – 1,80 м; длина не менее 4,79 м; высота 2,68 м. На этом участке стена была поставлена вполне устойчиво, центр тяжести приходился на нижнюю часть. Деформаций основания не обнаружено, рухнула лишь ее верхняя часть, примыкавшая к гребню клифа, и стоявшие на ней постройки. Для того чтобы ее завалить, нужен был сильный динамический импульс. Вручную это сделать невозможно. Ни о каком применении стенобитных машин в углублении склона не может быть и речи. Остается признать воздействие сильного землетрясения. Направление завала, как и подстилающего склона, – запад – северо-запад 280–300°.

У подошвы стены 6 и ниже по склону клифа образовался мощный каменный развал, перекрывший остатки кровли хранилища. Разрушилась также и верхняя часть

северной подпорной стены 10. Ее развал прослежен в направлении запад – юго-запад, но полностью не сохранился, так как был позже в значительной части уничтожен морем. Бутовый камень, щебень и пласты плотно спрессованной глины (остатки облицовки и вяжущего раствора) заполнили все хранилище. Распространению обвального материала на юг и юго-запад в какой-то степени воспрепятствовал нависающий над комплексом выступ скалы, к которому была пристроена устоявшая, хотя и сильно деформировавшаяся, поперечная подпорная стена 3. По этой причине основная масса каменного завала отразилась при падении от выступа скалы и осталась в хранилище к северу и западу от стены 3, а ее подошвы достигли только отдельные камни.

Возникший, как это часто бывает при подобных катастрофах, пожар уничтожил остатки деревянных балок перекрытий и столбовых опор навеса хранилища. В толще завала и на дне хранилища остались большие фрагменты углей от конструкций кровли, слой пожарища и перегорелой камки толщиной до 0,25 м.

На полу хранилища расчищены упавшие вниз и раздавленные завалом остродонные амфоры с воронкообразным и прямым горлом, остатки нескольких раздавленных пифосов. Один из них был вкопан наполовину. Выступавшая верхняя часть сосуда продавлена внутрь него. Стенки пифоса покрыты трещинами и имеют смещения в сторону падения и разрушения амфор. Нижнюю часть пифоса, у дна, заполняли остатки мелкой рыбы.

Разрушения, выявленные в рыбозасолочных ваннах. До разрушения рыбозасолочные ванны примыкали друг к другу и образовывали вытянутый с севера на юг прямоугольник со сторонами 11,3 × 9,66 м, от которого уцелела нетронутая морем восточная половина. Прямоугольники образовывали пересекающиеся под прямыми углами две продольные и три поперечные стены, представляющие собой двухлицевые, иррегулярные, трехслойные кладки, сложенные на глине из грубо околотых известняковых блоков. Стены одновременно выполняли подпорные функции и поэтому имели значительную толщину – до 1,1 м. В высоту стены уцелели от 0,58 до 3,56 м. Они, за исключением стен 2 и 3, построены впереплет. Прямоугольные цистерны располагались вдоль продольных стен и упирались торцевой частью в поперечные. Сохранились две восточные цистерны, размерами 3,8 × 2,2 × 2,8 и 3,3 × 2,1 × 2,7 м и небольшие фрагменты от двух других. Борта цистерн сложены из мелкого рваного камня на цемяночном растворе. В качестве облицовки использовался цемяночный раствор с кусками керамики.

Северная поперечная стена 3, уже упоминавшаяся выше в связи с описанием разрушений хранилища, пристроена встык к продольной стене 2. Иного соединения быть не могло, так как строителям мешал выступ клифа из твердых мшанковых известняков. Значительная тяжесть каменных кладок, опиравшихся на этот участок клифа, привела к тому, что скала дала обширную трещину (рис. 8, *1*). Блок скалы сместился на 0,15–0,30 м в юго-западном направлении, что привело к значительным деформациям и разрушениям стен и бортов ванн. Поперечная стена 3, спускающаяся к морю в юго-западном направлении по азимуту 250°, получила характерные повреждения в виде выгнутости, наклона (по обеим фасам!) к югу по азимуту 160–180°, нарушенности (сдвинутости) внутренней структуры. Средняя часть стены сместилась по отношению к камням подошвы в запад – юго-западном направлении. Особенно показательно, что пристроенная вплотную к известняковому клифу восточная часть стены отошла от него на 0,1–0,2 м (рис. 9). В результате между поверхностью клифа и торцом стены образовалась вертикальная, ничем не заполненная зигзагообразная трещина. Продольная стена 2 также деформировалась под влиянием бокового импульса. Северная ее часть, построенная на скале и примыкающая к сползшему блоку клифа, выгнулась в восточном направлении и сильно искривилась. Южная часть стены не деформировалась. Примыкающие к стенам борта ванн завалились внутрь. Верх стены упал в западном направлении и плотно забил ванны, причем рядность кладки камней полностью сохранилась. Поверх каменного завала в южной ванне

оказалась крупная глыба известняка, которая могла в нее попасть только при обвале с верхней части известнякового обрыва.

Очевидные признаки повреждений вскрыты и при расчистке цемяночной облицовки днищ и бортов рыбозасолочных ванн. Западный борт южной рыбозасолочной ванны А отошел от северного, образовав рваную трещину шириной 3–4 см, и несколько осел. Во второй ванне В, расположенной южнее, лопнуло дно. Образовавшаяся трещина пересекает ванну по оси восток – северо-восток, разветвляется у западного борта, где меняет направление на меридиональное. По трещине отмечено хорошо видное в слое цемянки вертикальное смещение на 1–2 см. Кроме этого, юго-западный угол ванны просел.

Разрушение поперечных подпорных стен 4 и 5 происходило, скорее всего, в западном направлении. В противном случае расположенное восточнее, в промежутке между засолочными ваннами и клифом, подсобное хозяйственное помещение заполнили бы развалы каменных стен, но этого не наблюдалось.

Интересно, что в заполнении северной ванны в отличие от южной отсутствовали остатки бортов и цемяночной облицовки. Представляется, что в древности они были выбраны. Возможно, первые, не очень мощные импульсы привели к частичному повреждению объекта: пострадало в какой-то степени хранилище, немного деформировались подпорные стены и частично обрушились выдавленные борта ванны. Сейсмическое затишье оказалось достаточным, для того чтобы владельцы рыбозасолочного хозяйства успели расчистить ванну от остатков рухнувших бортов и выровняли для последующей перекладки фрагменты бортов и стен. Однако полностью восстановить комплекс, до того как последующие удары сокрушили постройки и свели все их усилия на нет, не удалось. Разрушения объекта были настолько велики, что никаких работ по его восстановлению больше не предпринималось.

Таким образом, толчки были разной силы, поэтому разрушение комплекса происходило поэтапно: сначала упала стоявшая в скальных нишах посуда и образовала на полу хранилища аморфный развал; потом обрушилась стоявшая на столбах крыша хранилища; затем рухнули менее крепкие и неэластичные (так как соединены цемянкой) борта цистерн; наконец, стали деформироваться и разрушаться под воздействием сейсмических толчков продольные и поперечные подпорные стены. Неслучайно подпорные стены пострадали менее, чем примыкающие к ним борта ванн. Скорее всего, под воздействием сейсмических толчков стены и борта вошли в резонанс друг с другом. В результате менее массивные и не имевшие с одной стороны опоры борта ванн разрушились наполовину.

Датировка рассматриваемой катастрофы проблематична из-за неразработанности керамического материала первых веков н.э. Амфоры, найденные в хранилище, датируются довольно широко[7]. Например, ранние типы подобных найденным в хранилище амфор с воронкообразным горлом и длинным ручками восходят, по-видимому, к I–II вв. н.э. (Шелов Д.Б., 1972, с. 118; Alexandrescu P., 1966, p. 213, 532, fig. VI.*1*), а более поздние – к концу II – первой половине III в. (Арсеньева Т.М., Науменко С.А., 1993, с. 101–102, рис. 4). Указанием на II в. н.э. являются обнаруженные в развале комплекса отдельные профильные части узкогорлых амфор типа "С" II в. н.э., по Д.Б. Шелову, при полном отсутствии обломков амфор III в. н.э., прежде всего светлоглиняных узкогорлых, типа "D" (Шелов Д.Б., 1978, с. 16 и сл.).

Косвенные данные указывают на время года, когда произошла катастрофа. Наличие незначительных остатков рыбы в пифосе хранилища и пустые в момент разрушения ванны для засолки рыбы говорят о весеннем времени, скорее даже о весне – начале лета, т.е. землетрясение произошло не в период путины и не сразу после нее.

Центральная часть городища также значительно пострадала в ходе катастрофы

[7] Керамический материал из раскопок опубликован ранее (Винокуров Н.И., 1994, с. 154 и сл.).

II в. н.э.[8] Однако жизнь на поселении не прекратилась. Развалины постепенно были разобраны, образовавшийся при их расчистке мусорный грунт сбрасывался вниз по склону и перекрыл остатки рыбозасолочного хозяйства слоем толщиной до 1,5 м, состоящим из развалов сырцовых стен, бутового камня и керамического боя. Жители поселка постепенно отстроили дома, восстановили боковые подпорные стены, в том числе и стену 6.

2.2. Следы землетрясений III в. н.э.

В период активного строительства поверх слоя разрушения отложился пласт известкового отеса толщиной до 0,15–0,20 м (рис. 9). Возможно, он образовался при сооружении большого хозяйственно-жилого комплекса, примыкающего вплотную к восточному борту уступа мшанкового клифа, с загородками, очагами, хозяйственными ямами, подвалом в скальной нише, каменными вымостками. Комплекс датируется монетой Ининфимея 234–238 гг. и керамическим материалом III вв. н.э., но и этот объект также был разрушен не менее мощным землетрясением (рис. 8, 9). Фундамент западной стены 1 деформировался: его центральная часть заметно прогнулась вниз, а северная выдавилась в западном направлении. Средняя часть стены упала в восточном направлении, образовав каменный завал у внешнего фаса каменного цоколя. Сырцовый верх стены 1 с частью каменного цоколя, камни подпорных стен упали в западном направлении, образовав мощный слой каменно-сырцового развала толщиной до 0,5–1,2 м. Обвал фиксируется огромной глыбой известняка, отколовшейся от гребня клифа и сползшей вниз по склону. Эти разрушения не выходят за пределы середины – второй половины III в. н.э. После этого времени жизнь на городище уже не возобновлялась.

Возможность сильных землетрясений в районе Керченского п-ова была известна боспорским грекам и, по-видимому, ими учитывалась. Очевидно, по этой причине почти все постройки городищ Золотое-берег и Артезиан возводились комбинированными каменно-сырцовыми сооружениями, причем каменные фундаменты под сырцовые стены обычно невысоки: 0,2–0,6 м. Применение сырца не только экономило строительный камень, но и облегчало несущие конструкции зданий. Сейсмоустойчивость зданий увеличивалась при использовании под фундаменты эластичных субструкций из последовательных прослоек глины и золы или трамбованных глинистых оснований. Кроме того, для этой же цели при возведении монументальных сооружений (крепостных и подпорных стен) каменные фундаменты особенно заглублялись в материковый грунт, а для винохранилищ и ванн, оснований винодавильных платформ применялись глиняные подушки большой толщины, способные погасить энергию сейсмических толчков малой мощности и предотвратить деформации облицовки. Однако все эти приемы были бесполезны при сотрясениях средней и большой мощности. Последствия подобных катастроф особенно заметны на археологическом материале.

Раскопки двух античных городищ Золотое-берег и Артезиан выявили тотальные разрушения хозяйственно-жилых построек, террас, подпорных стен, производственно-хозяйственных сооружений, произошедших в первые века нашей эры, а в одном случае и ранее. Эти разрушения не объясняются ни военными действиями, ни пожарами. С другой стороны, достаточно определенно выявляются следы сильных на-

---

[8] Отсутствие следов этого землетрясения на расположенных к северо-востоку от городища Золотое-берег синхронных поселениях можно истолковать как указание на распространение эпицентральной области не на северо-востоке, а на юго-западе. Возможно, очаг этого сейсмического события находился в районе Феодосии. Этот район, судя по сообщению перипла Арриана (Arr., Peripl. 30.1) (около 130 г.), находился в запустении. Это могло быть следствием землетрясения. Примерно так же в источниках отразились последствия катастрофы 63 до н.э.: Страбон, описывая часть побережья Меотиды, говорит о пустынной земле (Strab., XII, IV, 5). Однако, по археологическим данным, этот район до землетрясения был плотно заселен.

правленных ударов и другие признаки, характерные для сильных землетрясений. Никакими иными причинами, кроме сильных сейсмических толчков, все указанные разрушения объяснить мы не можем.

В конечном итоге эти землетрясения привели к деградации и окончательной гибели инфраструктуры поселений Золотое-берег и Артезиан. Вероятно, и на многих других поселениях, таких, как Семеновское, Ново-Отрадное, Илурат, Багерово-Северное, Андреевка-Южная и др., где прослеживались следы тотальных разрушений I–III вв., следует объяснить не только последствиями военных действий, как это предполагалось в трудах И.Т. Кругликовой (1966, 1975), но и землетрясениями. Близким аналогом таких событий можно считать разрушительное землетрясение 1751 г. с очагом близ Керченского берега Азовского моря, которое реконструировано недавно по комплексу независимых признаков (Никонов А.А., 1996б).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аракелян Ф.О., 1983. Исследование раскопок античных сооружений на Керченском п-ове для оценки интенсивности разрушительных землетрясений // Изв. АН АрмССР. Науки о земле. XXXVI. № 4.

Арсеньева Т.М., Науменко С.А., 1993. Раскопки Танаиса в 1985–1989 гг. // КСИА. Вып. 207.

Блаватский В.Д., 1977. Землетрясение 63 г. до н.э. на Керченском п-ове // Природа. № 6.

Винокуров Н.И., 1989. Раскопки Артезианского отряда ВКАЭ // Масленников А.А. Отчет о работах ВКАЭ в 1989 г. Архив ИА РАН. Р-1.

Винокуров Н.И., 1990. Отчет Артезианского отряда ВКАЭ // Масленников А.А. Отчет ВКАЭ за 1990 г. // Архив ИА РАН. Р-1.

Винокуров Н.И., 1994. Рыбозасолочные комплексы хоры Европейского Боспора // РА. № 3.

Винокуров Н.И., 1996. Отчет ААЭ за 1995 г. // Архив КФ ИА НАН Украины.

Внуков С.Ю., 1988. Широкогорлые светлоглиняные амфоры Северо-западного Крыма // СА. № 3.

Зеест И.Б., 1960. Керамическая тара Боспора // МИА. № 83.

Зограф А.Н., 1951. Античные монеты // МИА. № 16.

Кругликова И.Т., 1966. Боспор в позднеантичное время. М.

Кругликова И.Т., 1975. Сельское хозяйство Боспора. М.

Никонов А.А., 1990. К методологии археосейсмических исследований памятников прошлого. Источники и воздействие разрушительных сейсмических колебаний // Вопросы инженерной сейсмологии. Вып. 31.

Никонов А.А., 1995. О разрушительном землетрясении 1751 г. в Крыму (по письменным и фольклорным материалам) // Сейсмологические исследования. Вып. 1. Минск.

Никонов А.А., 1996а. Следы сейсмических воздействий на древние погребальные сооружения в пределах г. Керчь // Проблемы археологии и истории Боспора. Керчь.

Никонов А.А., 1996б. Разрушительное землетрясение 1751 г. в Крыму // Физика Земли. № 1.

Никонов А.А., Масленников А.А., Толстиков В.П., 1996. Следы сейсмических воздействий на археологических памятниках Европейского Боспора // Доклад на чтениях памяти В.Д. Блаватского в феврале 1996 г.

Шелов Д.Б., 1956. Монетное дело Боспора. М.

Шелов Д.Б., 1972. Танаис и Нижний Дон в первые века н.э. М.

Шелов Д.Б., 1978. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков н.э. Классификация и хронология // КСИА. Вып. 156.

Alexandrescu P., 1966. Necropola turmulara. Histria. II. Bucaresti.

Frolova N.A., 1979. The coinage of the Kingdom of Bosporus A. D. 69–238. // BAR. 1. Oxford.

Frolova N.A., 1983. The coinage of the Kingdom of Bosporus A.D. 242–341/342. // BAR. Oxford.

Энергофизический лицей № 1502 при МЭИ,
Москва
Институт физики Земли РАН,
Москва

N.I. VINOKUROV, A.A. NIKONOV

TRACES OF ANCIENT TIME EARTHQUAKES IN THE WEST OF THE EUROPEAN BOSPORUS

Summary

Excavations of two ancient hill-forts "the Gold Coast" and "Artesian" located in the north-western part of the European Bosporus have identified a total destruction of household buildings and dwellings, terraces, retaining walls, production premises that occurred in the middle of the 1st century BC and during the first centuries of our era. These destructions are not attributed to military actions or fires. On the other hand, traces of strong directed strikes as a result of which the said facilities were destroyed are identified quite easily. All the said destruction can be explained only by such reasons as strong seismic shocks.

In the long run, seismic shocks brought about a degradation and a complete destruction of the infrastructure at the settlements the Gold Coast and Artesian. Apparently, these destructions that also occurred at other settlements, such as Semenovskoye, Novo-Otradnoye, Ilurat, Bagerovo-Severnoye, Andreevka-Yuzhnaya etc. where traces of a total destruction dating to the 1st-3d centuries are identified should be attributed to strong earthquakes rather than to consequences of military actions.

Публикации

В.И. ГУЛЯЕВ, Е.И. САВЧЕНКО

НОВЫЙ МОГИЛЬНИК СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ НА СРЕДНЕМ ДОНУ

(итоги исследований 1996–1997 гг.)

В течение полевых сезонов 1996 и 1997 годов (из-за ограниченности средств эти сезоны в среднем длились по полтора месяца: июль – середина августа) Потуданская археологическая экспедиция Института археологии РАН продолжала исследование вновь открытого курганного могильника скифского времени близ с. Терновое Острогожского района (эта часть могильника получила название "Терновое I") и с. Колбино Репьевского района Воронежской области (названа "Колбинский I"). Несмотря на интенсивную распашку курганов в течение многих десятилетий, на поверхности высокого плато между правым берегом реки Потудань и древним гигантским оврагом (балка Терновая) удалось выявить свыше 40 насыпей (рис. 1). Наибольшая из них достигает 2 м высоты и до 70 м в диаметре, но большинство имеет высоту менее 1 м и диаметр 25–30 м. Всего, начиная с 1993 г., нам удалось раскопать 16 курганов, в том числе десять из них во время сезонов 1996 и 1997 гг. (Гуляев В.И., 1993–1996 гг.).

Если не считать одного счастливого исключения (о нем пойдет речь ниже), все исследованные курганы оказались ограбленными еще в древности. И, тем не менее, они в целом дали нам интереснейший и разнообразный материал, включая уникальные произведения греческого и скифского искусства. Не были исключением и два последних полевых сезона.

Результаты работ 1996 г.

В этом году удалось исследовать максимально возможное число курганных насыпей – шесть.

В пределах могильника "Терновое I" было раскопано пять курганов (№ 8–12), а в той части единой курганной группы, которая обозначена как "Колбинский I", – одна насыпь (курган № 22). Первые пять курганов исследовались с помощью бульдозера, последний (№ 22) – раскапывался вручную.

Раскопанные в 1996 г. курганы № 8–12 могильника "Терновое I" располагались компактной группой на поле, оставленном в этом году под паром.

Курган № 8. Курган в плане овальный: насыпь, сильно расплывшаяся и распаханная, не превышала в высоту 30 см. Диаметр: по линии запад – восток – 30 м, север – юг – 26 м (рис. 2, *1*). По всему периметру кургана в погребенную почву впущен кольцевидный погребальный ровик с незамкнутыми с северо-западной стороны концами. Его размеры (по внешнему краю): запад – восток – 25,2 м, север – юг – 21,2 м; ширина ровика не превышала 0,7 м; глубина колеблется от 1,3 м до 1,45 м. Заполнение – темно-серый, почти черный суглинок. В пределах ровика, в северо-западной его оконечности обнаружены два зуба лошади.

Исследования осуществлены благодаря финансовой поддержке РГНФ (Гранты № 96-01-18001; № 97-01-18017).

© В.И. Гуляев, Е.И. Савченко, 1998 г.

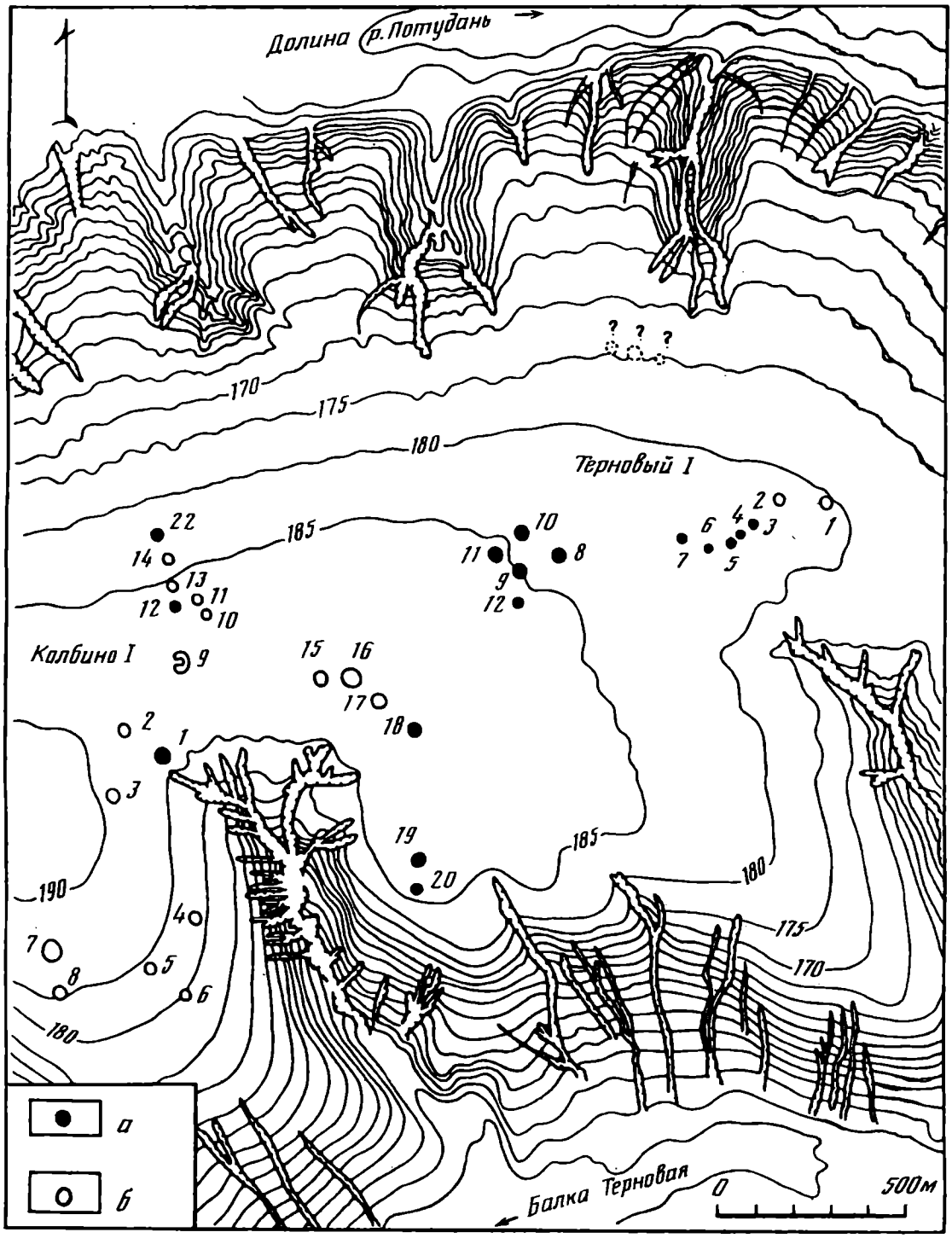

Рис. 1. План могильников "Терновое I" и "Колбинский I".
а – раскопанные курганы; *б* – нераскопанные курганы

В центральной части кургана на погребенной почве располагался в виде неправильного овала светло-желтый материковый суглинок – выкид из могильной ямы. Он был вытянут в направлении запад – восток и своим незамкнутым кольцом как бы охватывал могильную яму. Размеры выкида: запад – восток – 20,2 м, север – юг – 16,1 м. Наибольшая его мощность в западной части – до 25 см. В северо-западной части кольца выкида сделан коридор-проход к могиле, имеющий длину 4,8 м и максимальную ширину до 2,5 м (в створе с проходом через погребальный ровик). На вы-

киде, в северо-западной его части, на глубине 0,3 м от поверхности кургана было обнаружено 2 фрагмента кругового желтоглиняного сосуда – видимо, от греческой амфоры. На поверхности выкида прослежены остатки деревянных брусьев в виде тлена темно-коричневого цвета. Это остатки деревянного перекрытия над могильной ямой. Всего выявлено 11 деревянных брусьев, которые веерообразно располагались вокруг гробницы. Концы всех брусьев, лежавших на внутреннем крае выкида, были срезаны грабительской воронкой, и поэтому о первоначальной их длине мы судить не можем. Длина сохранившейся части брусьев не превышла 2,85 м (в юго-западном секторе), ширина – до 0,26 м (в юго-восточном секторе), толщина – до 0,12 м.

По самому центру кургана была выявлена могильная яма подпрямоугольной формы с сильно закругленными углами, ориентированная по своей длинной оси в направлении север – юг. Погребение сильно пострадало от деятельности грабителей. Размеры могильной ямы на уровне материка 4,2 × 3,96 м, размеры у дна – 4,1 × 3,54 м, глубина – 2,36 м от Ro и 1,77 м от уровня погребенной почвы. В заполнении могилы обнаружены куски истлевшего дерева от разрушенного перекрытия (рис. 2, *2*) и ребра овцы (некоторые из них со следами порезов ножом в виде поперечных бороздок).

На дне могильной ямы, по ее периметру, вдоль стен и почти вплотную к ним, прорыт узкий желобок шириной 17–21 см и глубиной от 7 до 16 м. На внутренних его стенках сохранились отпечатки вертикально стоящих досок шириной от 8 до 17 см. По углам, вдоль стен и в центре гробницы располагалось 9 ямок для столбов, которые поддерживали перекрытие и облицовку стен. Форму перекрытия из-за разрушений, причиненных древними грабителями, проследить не удалось.

На дне могилы, в северной ее части, найден обломок нижней челюсти и несколько зубов взрослого человека (по определению антрополога М.В. Козловской – женщина 35–40 лет).

Другие находки: развал сильно фрагментированного кругового сероглиняного сосуда с плоской ручкой и на кольцевом поддоне (рис. 2, *9*); скопление обломков кругового оранжевоглиняного кувшина с темно-коричневой горизонтальной росписью по тулову и ручке (рис. 2, *8*); зооморфный гребень из оленьего рога (рис. 2, *3*) (более подробно о гребне см: Гуляев В.И., Савченко Е.И., 1998); фрагмент втулки железного наконечника стрелы (рис. 2, *6*); две золотые оковки деревянной чаши с отверстиями для гвоздиков (одна оковка гладкая, другая – со штампованным изображением головы орла или орлиноголового грифона с большим загнутым в спираль клювом) (рис. 2, *4–5*); две полусферические золотые нашивные бляшки с петельками на обороте (рис. 2, *7*).

По всему дну могилы лежали беспорядочно разбросанные ребра лошади (остатки жертвенной пищи?). Вероятно, дно гробницы было первоначально застлано шкурами животных, от которых сохранился слой черного тлена в виде пятна размерами 2,95 × 2,75 м.

К сожалению, представленные в кургане № 8 находки не позволяют датировать его точнее, чем конец V – первая половина IV вв. до н.э.

Курган № 9. В плане округлый, насыпь – уплощенно-куполовидной формы, сильно расплывшаяся и распаханная. Размеры кургана: север – юг – 38 м, запад – восток – 40 м; высота – 1,05 м. По всему своему периметру курган был окружен кольцевидным погребальным ровиком с незамкнутыми на северо-востоке концами. Диаметр ровика по линии север – юг – до 33,9 м, ширина – 1,4 м, глубина – до 2,03 м. В заполнении ровика (северная часть) найдены фрагменты тулова красноглиняной греческой амфоры и обломки ребер овцы-козы. В центральной части кургана, под насыпью, располагался круг из светло-желтого суглинка – выкида из могильной ямы, лежащего на погребенной почве. Внешние его размеры: северо-восток – юго-запад – 15,4 м, северо-запад – юго-восток – 14,85 м; толщина – 0,55 м при ширине до 4,7 м. В северо-восточной части кольцевого выкида сделан коридор-проход к могиле шириной от 1,5 м до 2,5 м (в створе с проходом через погребальный ровик).

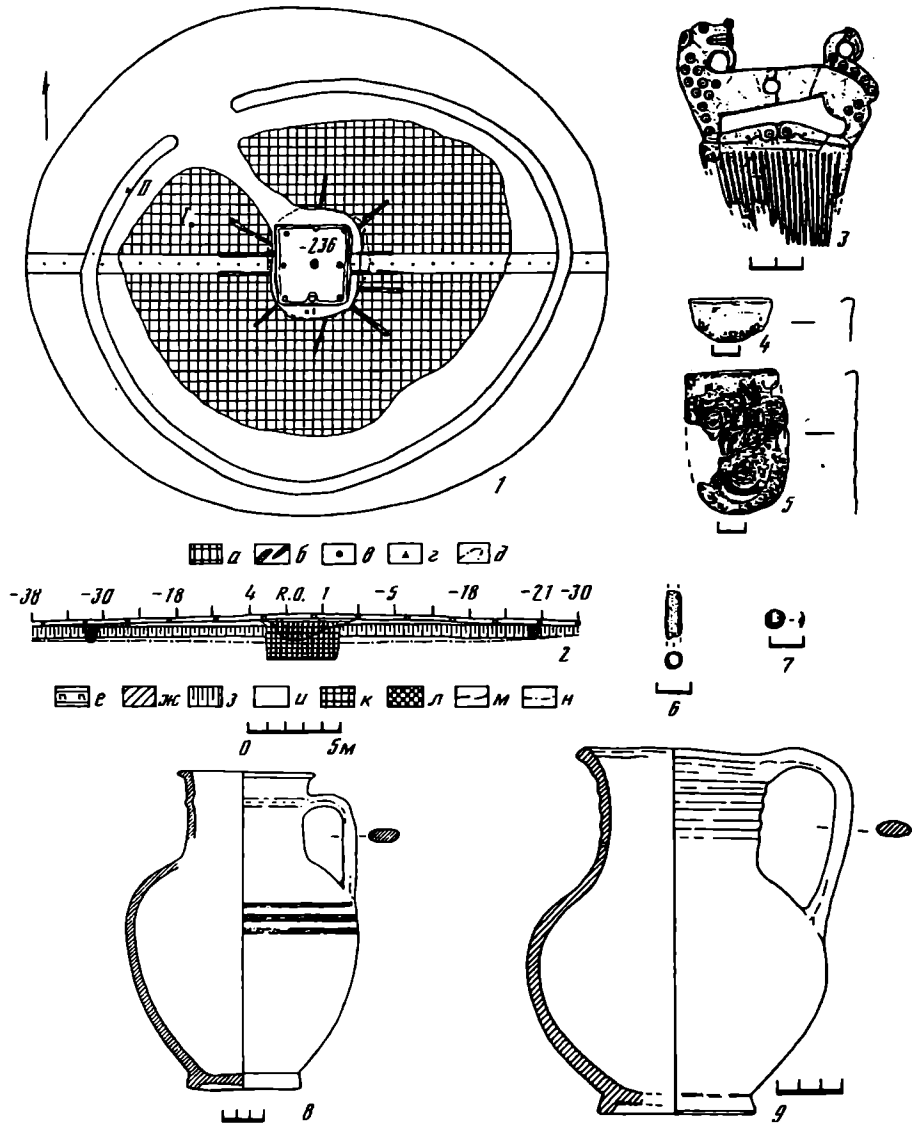

Рис. 2. Могильник "Терновое I", курган № 8.

1 – план кургана № 8 (*а* – выкид из светло-желтого суглинка; *б* – деревянное покрытие; *в* – керамика; *г* – кости животных; *д* – границы грабительской ямы); *2* – стратиграфический разрез кургана (*е* – пахотный слой; *ж* – насыпь; *з* – погребенная почва; *и* – материк; *к* – заполнение могильной ямы; *л* – заполнение ровика; *м* – деревянное перекрытие; *н* – граница прокопки); *3* – гребень; *4, 5* – оковки; *6* – фрагмент втулки наконечника стрелы; *7* – нашивная бляшка; *8, 9* – кувшины (*3* – рог; *4, 5, 7* – золото; *6* – железо; *8, 9* – глина)

На уровне погребенной почвы вокруг могилы прослежены остатки шести бревен толщиной 15–25 см и длиной до 3,55 м, которые своими внешними концами лежали на внутреннем крае выкида и доходили противоположными концами почти до края ямы. Это остатки перекрытия гробницы.

Курган был ограблен еще в древности. Контуры обширной грабительской ямы (размеры 5,9 × 4,8 м) хорошо "читались" и в профиле центральной бровки, и в плане. В заполнении грабительской ямы была найдена нижняя часть тулова с ножкой красноглиняной греческой амфоры.

Погребение находилось в самом центре кургана в могильной яме подпрямоугольной формы с закругленными углами, ориентированной по своей длинной оси в направлении СВ–ЮЗ. Из-за разрушений, причиненных грабителями, размеры могилы на уровне погребенной почвы проследить не удалось. На уровне материка могильная

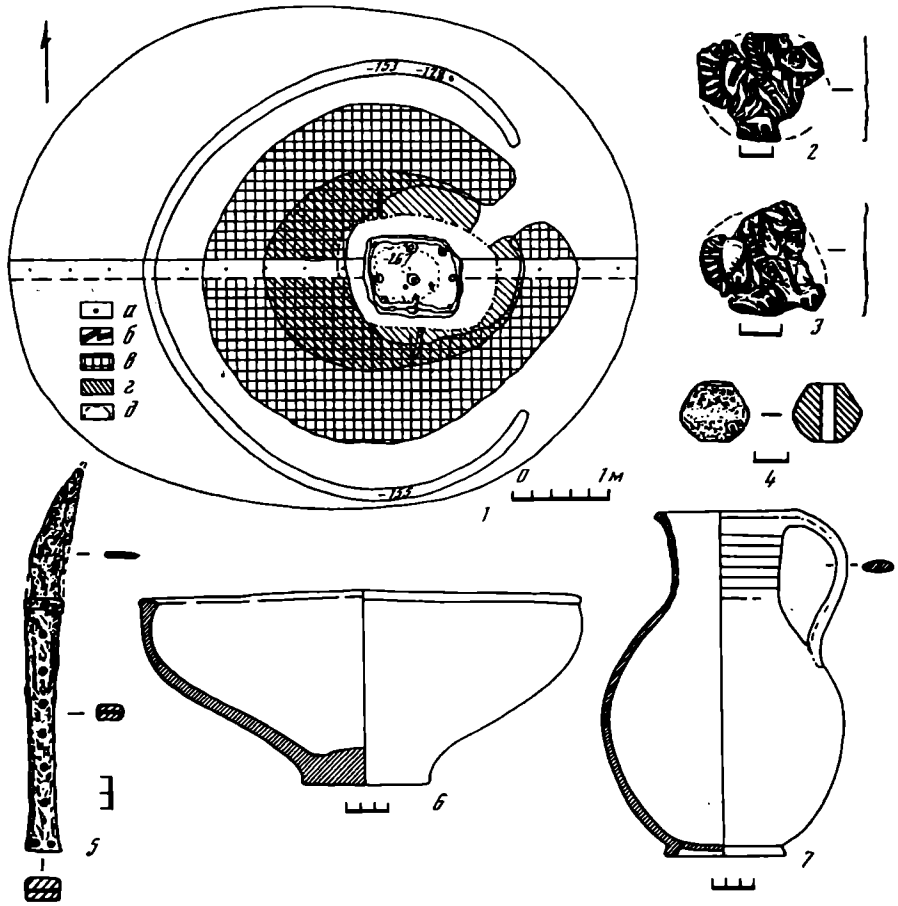

Рис. 3. Могильник "Терновое I", курган № 10.
1 – план кургана № 10 (*а* – фрагменты красноглиняной амфоры, *б* – деревянное перекрытие; *в* – выкид из светло-желтого суглинка; *г* – оранжевый прокаленный суглинок; *д* – границы грабительской ямы); *2–3* – бляшки; *4* – пряслице; *5* – нож; *6* – миска; *7* – кувшин (*2, 3* – золото; *4, 6, 7* – глина; *5* – железо, кость)

яма имела 4,32 м в длину и 3,21 м в ширину, глубина от Ro – 2,97 м (1,97 м от уровня погребенной почвы).

В заполнении могилы были обнаружены: фрагмент бронзового изделия в "зверином стиле", бронзовый наконечник стрелы, фрагментированный железный вток от копья или дротика, фрагмент лезвия железного ножа и несколько костей животных.

На дне гробницы, вдоль ее стен, прорыт желобок шириной от 8 до 17 см и глубиной от 7 до 15 см. На части внутренних стенок желобка выявлены отпечатки вертикально стоящих досок шириной 8–12 см. Перекрытие и досчатая облицовка стен держались на 9 опорных столбах.

На дне могилы и в заполнении столбовой ямки № 6 обнаружены: железный вток от копья или дротика (в 2-х фрагментах) и кости взрослого человека – раздавленный череп и кости левого плеча и правого бедра (по определению М.В. Козловской, это был мужчина 30–35 лет). В восточной части ямы находились обломки костей лошади с нарезами ножом на некоторых из них. На основе сохранившегося инвентаря и, особенно, по ножке амфоры из Менды весь комплекс может быть датирован первой половиной IV в. до н.э.

Курган № 10. Имеет овальную в плане, полусферическую насыпь, сильно расплывшуюся и распаханную. Вытянута в направлении запад – восток. Размеры: диаметр около 28 м, высота – 0,4 м (рис. 3, *1*).

Погребенную почву вокруг внешней части кургана прорезал кольцевидный погре-

бальный ровик с незамкнутыми с восточной стороны концами. Внешний диаметр ровика не превышал 22 м, ширина – 0,6 м, глубина колебалась от 1,43 до 1,58 м. В заполнении его (северо-восточный сектор) найдены фрагменты красноглиняной греческой амфоры.

Центральная часть кургана окружена кольцом светло-желтого суглинка – выкида из могильной ямы. Размеры выкида: по линии З–В – 19 м, по линии С–Ю – 16,9 м, ширина от 2,8 до 7,4 м, высота – до 20 см. В его северо-восточной части сделан коридор-проход к могильной яме шириной от 2-х до 2,5 м. Поверх выкида прослежены остатки тлена от трех бревен или плах толщиной 18–20 см и длиной до 1,5 м. Они, вероятно, относятся к перекрытию гробницы и лежали как вдоль, так и поперек могильной ямы. Между выкидом из светло-желтого суглинка и краями могилы на погребенной почве была выявлена еще одна обваловка из прокаленной глины ярко-оранжевого цвета высотой до 32 см, структура крупнокомковатая. К сожалению, внутренние края этой последней обваловки, как и часть стенок гробницы, были срезаны грабительской ямой. В створе с проходом через ровик и с проходом в кольце материковой глины-выкида и в этом кольце из обожженной земли был оставлен коридор с северо-востока шириной от 1,25 до 2,25 м.

Как нам представляется, во-первых, суглинок для последней обваловки обжигался за пределами кургана, так как никаких следов прокала на погребенной почве не обнаружено; а во-вторых, обваловка выкладывалась строителями кургана уже после сооружения деревянного перекрытия гробницы, что хорошо видно на стратиграфическом разрезе.

В центре кургана обнаружено и исследовано одно погребение. Оно расположено в 3,6 м к востоку от центрального репера в могильной яме подпрямоугольной формы с сильно закругленными углами, ориентированной по своей длинной оси по линии запад – восток. Размеры могилы у дна 4,33 × 3,20 м. В заполнении ее встречены обломки истлевшего дерева, мелкие кости человека (фаланги пальцев рук и ног, позвонки, обломки ребер), кости животных (коза-овца) и втулка железного наконечника стрелы.

На дне гробницы, по ее периметру, прослежен желобок шириной от 14 до 40 см и глубиной от 6 до 17 см. Внутри заметны отпечатки вертикально стоящих досок шириной 7–12 см. Перекрытие и облицовка стен держались на 9 опорных столбах.

На дне могилы были сделаны следующие находки: в юго-западной части – раздавленный череп и ребро взрослого человека (по определению М.В. Козловской, это женщина 25–30 лет); две сильно фрагментированные округлые бляшки из золотой фольги со штампованным изображением фигур крылатых орлиноголовых грифонов (рис. 3, *2–3*); миниатюрное биконическое глиняное пряслице (рис. 3, *4*); развал сильно фрагментированного кругового сосуда из серой глины с одной ручкой (рис. 3, *7*); железный нож с костяной плоской ручкой (рис. 3, *5*). В заполнении столбовой ямки найдена фрагментированная сероглиняная лепная миска (рис. 3, *6*). Судя по следам темнокоричневого тлена, дно могилы было устлано шкурами животных.

Исходя из сохранившихся вещей, курган № 10 может быть отнесен к IV в. до н.э.

Курган № 11. В плане имеет округлую куполовидную насыпь, расплывшуюся и сильно распаханную. Ее размеры: по линии север – юг – до 40 м, по линии запад – восток – 41 м; высота – 1,07 м. По всему периметру кургана в погребенную почву был врезан кольцевидный погребальный ровик с незамкнутыми на северо-востоке концами. Внешний диаметр ровика – 31,5 м; ширина – 1,1 м; глубина – от 1,73 м до 2,08 м. С северо-востока ровик не замкнут.

В центральной части кургана под насыпью было выявлено кольцо из светло-желтого суглинка – выкида из могильной ямы, лежащего на погребенной почве. Внешние размеры выкида: по линии север – юг – 19 м, запад – восток – 19,2 м. Ширина от 4,2 м до 5,8 м. Мощность до 58 см. Коридор-проход к могильной яме располагался в северо-восточной части и имел ширину до 3,2 м.

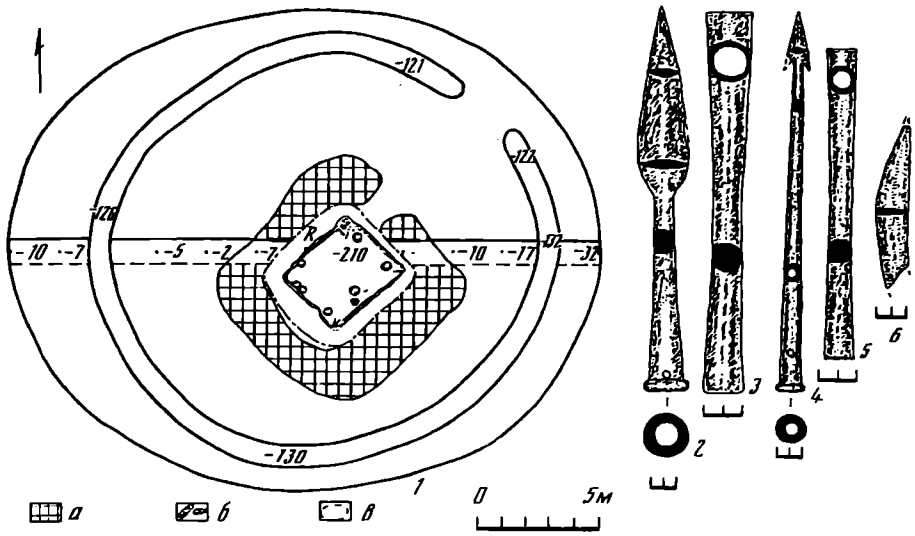

Рис. 4. Могильник "Терновое I", курган № 12.
1 – план кургана № 12 (*а* – выкид из светло-желтого суглинка; *б* – деревянное перекрытие; *в* – границы грабительской ямы); *2* – наконечник копья; *3* – вток копья; *4* – наконечник дротика; *5* – вток дротика; *6* – лезвие ножа (*2–6* – железо)

Под насыпью, на погребенной почве, между внутренней частью выкида и краем могилы прослежены остатки темно-коричневого древесного тлена от бревен или жердей толщиной 6–7 см. Всего выявлено 4 бревна, которые веером располагались вокруг могильной ямы.

В центре кургана, под насыпью, вскрыта могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами, ориентированная по оси северо-восток – юго-запад. Погребение сильно пострадало от деятельности грабителей. Размеры гробницы по дну ямы составляют 4,78 × 4,22 м; глубина от Ro – 3,28 м (2,2 м от уровня погребенной почвы). В заполнении могилы встречены обломки истлевшего дерева, вероятно, от перекрытия; фрагменты костей взрослого человека (мужчина 30–35 лет, по определению М.В. Козловской); кости овцы-козы и лошади; четыре железных ворворки; железный наконечник трехлопастной втульчатой стрелы (в 2-х фрагментах) и обломок железного предмета неизвестного назначения.

На дне могилы прорыт вдоль стен узкий желобок шириной от 6 до 18 см и глубиной до 15 см. На внутренних стенках желобка частично сохранились отпечатки вертикально стоящих досок шириной до 10 см. Перекрытие и досчатая облицовка стен держались на 9 опорных столбах.

При зачистке дна гробницы удалось найти обломок трубчатой кости человека и два ребра лошади.

Погребение, несомненно, относится к среднедонскому варианту скифской культуры и может быть датировано не позднее конца IV в. до н.э.

Курган № 12. Насыпь в плане овальная, уплощенно-полусферическая, сильно расплывшаяся и распаханная. Размеры кургана: диаметр – 22 м, высота – до 20 см (рис. 4, *1*).

По всему периметру кургана в погребенную почву был впущен кольцевидный погребальный ровик с незамкнутыми с северо-востока закругленными концами. Диаметр ровика – 19 м, ширина – 0,9 м, глубина – от 1,21 м до 1,32 м.

Центральную часть кургана на уровне погребенной почвы обрамляет вал из желтого суглинка (выкид из могильной ямы), диаметром до 8,5 м, при ширине до 2,1 м и высоте до 10 см. В северо-восточной части в обваловке оставлен коридор-проход к могильной яме (в створе с проходом кольцевого ровика) шириной до 2,5 м.

Могильная яма ориентирована длинной осью по линии юго-запад – северо-восток и имеет размеры у дна 3,6 × 3,2 м и глубину до 2,1 м от Ro.

Рис. 5. Скульптурная реконструкция по черепу из погребения № 1 кургана № 12 могильника "Терновое I" (автор Балуева Т.С.)

В заполнении могилы встречены истлевшие куски дерева от разрушенного перекрытия и мелкие фрагменты костей животных (лошади и козы-овцы).

Вдоль стен гробницы по ее дну прорыт узкий желобок с отпечатками вертикально поставленных досок шириной 8–10 см. Перекрытие и облицовка держались на 7 опорных столбах, но центральный столб отсутствует.

На дне могильной ямы, в ее северном углу обнаружена груда человеческих костей – почти полный скелет мужчины 30–35 лет (по определению М.В. Козловской). Здесь же находился и череп с сохранившейся нижней челюстью, который в дальнейшем послужил для скульптурной реконструкции (рис. 5). Видимо, проникнув в могилу, грабители просто сдвинули весь костяк в северный угол.

Среди находок следует отметить железный наконечник копья листовидной формы и вток от него (судя по расположению наконечника и втока, общая длина копья с древком составляла 3,32 м (рис. 4, *2–3*)). Рядом лежал наконечник дротика (типа римского "пилума"), а в другом углу могилы – вток от него (общая длина дротика составляла, таким образом, 2,04 м) (рис. 4, *4–5*). Здесь же обнаружены ребра – часть грудной клетки лошади – видимо, заупокойная пища – и лезвие железного ножа в обломках (рис. 4, *6*).

По обряду захоронения и уцелевшему инвентарю погребение в кургане № 12 принадлежит к среднедонской скифской культуре и может быть датировано в пределах IV в. до н.э.

В той части могильника, который обозначен как "Колбинский I", в 1996 г. был раскопан один курган – № 22.

Курган № 22. В плане овальный, насыпь уплощенно-сегментовидной формы,

сильно расплывшаяся и вытянутая по направлению север – юг. Средний диаметр кургана 29 м, высота до 0,65 м.

На уровне погребенной почвы центральную часть кургана опоясывал светло-желтый материковый кольцевой выкид. В ходе раскопок внутри этого кольца была обнаружена могильная яма со входом-дромосом с южной стороны. Могила имела почти квадратную форму и была ориентирована своими сторонами по сторонам света. Размеры ямы: длина восточной стенки – 2,8 м, южной – 3,3 м, западной – 3,6 м, северной – 3,3 м. По дну гробницы шел желобок для крепления вертикально стоящих досок – облицовки стен. Выявлено также 9 столбовых ямок. Над могилой лежало 7 широких (до 40 см) и крепких деревянных плах (толщиной до 10 см и более). Они лежали по направлению З–В. Удалось проследить и поперечный слой перекрытия гробницы в виде четырех деревянных брусьев.

Дромос был, видимо, накрыт досками по всей своей длине, но хорошо сохранились лишь три прилегающие к могиле доски.

Изложенная выше картина позволяет реконструировать весь ход строительства перекрытия. После оборудования погребальной камеры и дромоса первыми были положены доски над дромосом, северная балка на выкиде и самая южная из перекрывающих могилу балок. Они послужили опорами поперечным балкам. Крайние из этой четверки опирались, вероятно, и на столбы. Далее укладывались две пары очень толстых досок или брусьев над столбами с северного края и по центру в направлении З–В. Одновременно с ними была положена и самая крупная из прослеженных балок. Она лежала в южной части могилы, опираясь своим западным краем на материковый выкид. В центре и с востока ее поддерживали столбы. Могила целиком опустошена грабителями в то время, когда перекрытие еще не рухнуло. В заполнении грабительской ямы обнаружены две железные обоймицы, фрагмент железного трехлопастного втульчатого наконечника стрелы, кости козы-овцы.

Кроме того, на дне гробницы и в ее заполнении были выявлены остатки двух человеческих скелетов: лобные и теменные кости, фрагменты двух бедренных и берцовых костей, обломки таза, ребра, пяточная кость, локтевая и плечевая кости. По определению М.В. Козловской, в кургане № 22 были погребены двое мужчин – 30–39 и 25–29 лет. Возраст погребения – в пределах IV в. до н.э.

Полевой сезон 1997 г.

В этом году работы велись в той части курганного могильника, который получил название ""Колбинский I". Всего раскопкам подверглись четыре насыпи. Три из них располагались по линии север – юг: № 18 – самый северный, № 19 – южнее, у самой кромки распаханного поля и № 20 – на целине, но абсолютно пустой, без признаков могилы или впускного погребения. Еще один курган, № 12, был исследован на северо-западе могильника "Колбинский I".

Курган № 20 оказался абсолютно пустым: кроме насыпи в нем не было ничего – ни могилы, ни единой кости, ни черепка. Кенотаф? Ничего определенного сказать нельзя. Высота насыпи 0,9 м, диаметр – 40 м.

Курган № 19. Находился примерно в 50 м к северу от кургана № 20, на краю распахиваемого поля. Высота 1,3 м, диаметр – 40 м. Насыпь сильно деформирована многолетней пахотой.

Под насыпью, на уровне погребенной почвы, в центре кургана был устроен деревянный помост, размером: север – юг – 7,2 м, запад – восток – 5,2 м, лежащий на 23 вертикальных столбах (рис. 6, *1*), которые стояли в четыре ряда по 5–6 столбов в ряду почти на равном расстоянии друг от друга, направленность рядов – запад – восток. Погребение было ограблено еще в древности, но несмотря на это, нам удалось найти разбросанные по всей площади помоста фрагменты греческой амфоры (включая ручки, горло и донце), пучок спекшихся от коррозии железных втульчатых трехлопастных наконечников стрел (рис. 6, *5*), отдельные чешуйки-пластины от железного панциря (рис. 6, *2*), кольца от железных удил (рис. 6, *4*), две железные ворворки (рис. 6, *3*) и несколько обломков костей руки и ноги взрослого человека.

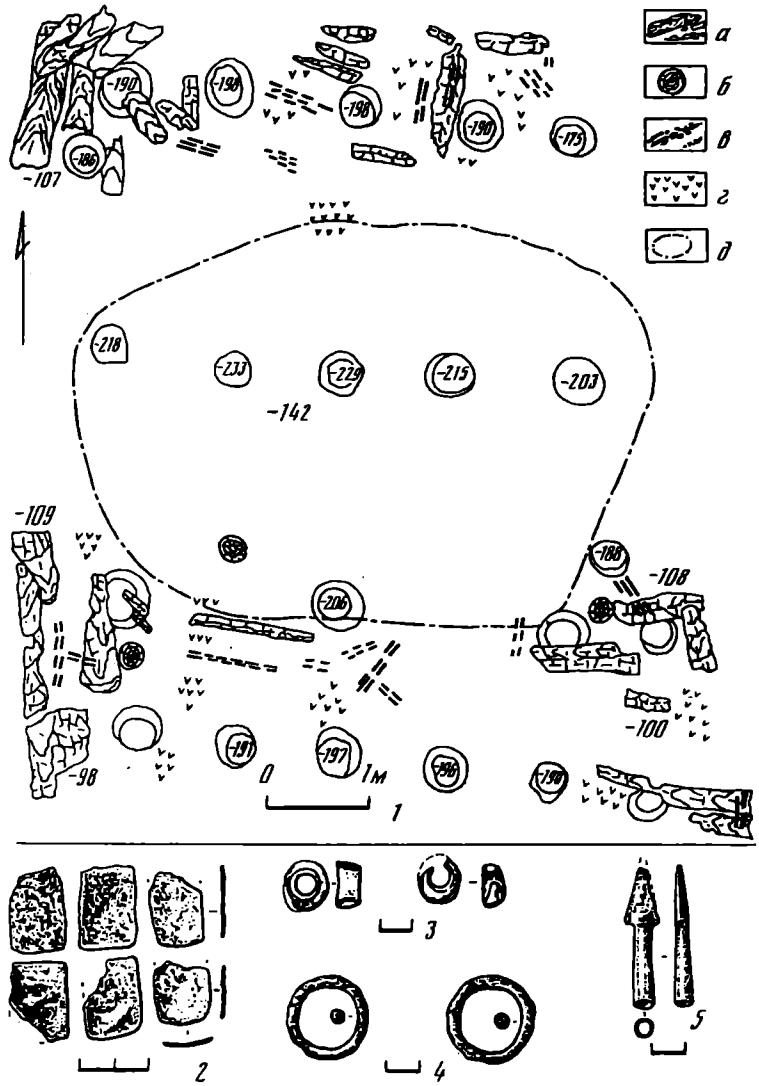

Рис. 6. Могильник "Колбинский I", курган № 19.
1 – деталь центральной части плана кургана – погребение № 1 (*а* – деревянный настил – плахи; *б* – остатки столбов; *в* – горелые плахи; *г* – угольки; *д* – границы грабительской ямы); *2* – пластины панциря; *3* – ворворки; *4* – кольца удил; *5* – наконечник стрелы (*2–5* – железо)

Курган относится к среднедонской культуре скифского времени и может быть датирован IV в. до н.э.

Курган № 18. Расположен к северо-северо-западу от кург. № 19, на расстоянии 350 м от него. В плане овальной формы, насыпь куполовидная, сильно распаханная, вытянута в направлении запад–восток. Диаметр кургана до 50 м, высота – 1,64 м.

В ходе раскопок в насыпи (северо-западный и юго-восточный сектора) были найдены фрагменты стенок греческой амфоры и местного лепного сосуда, а также кости животных – лошади и козы-овцы.

На погребенной почве в центре кургана находился кольцевой вал из желтого суглинка – выкид из могильной ямы шириной до 10,25 м и высотой до 0,6 м (рис. 7, *1*). В кургане выявлено два погребения: погребение № 1 – впускное и абсолютно целое, смещено к северу от центра и погребение № 2 – центральное, основное, но сильно потревоженное грабителями.

Погребение № 2, расположенное в центре кургана, представляло собой огромную могильную яму подпрямоугольной формы с сильно закругленными углами и общей

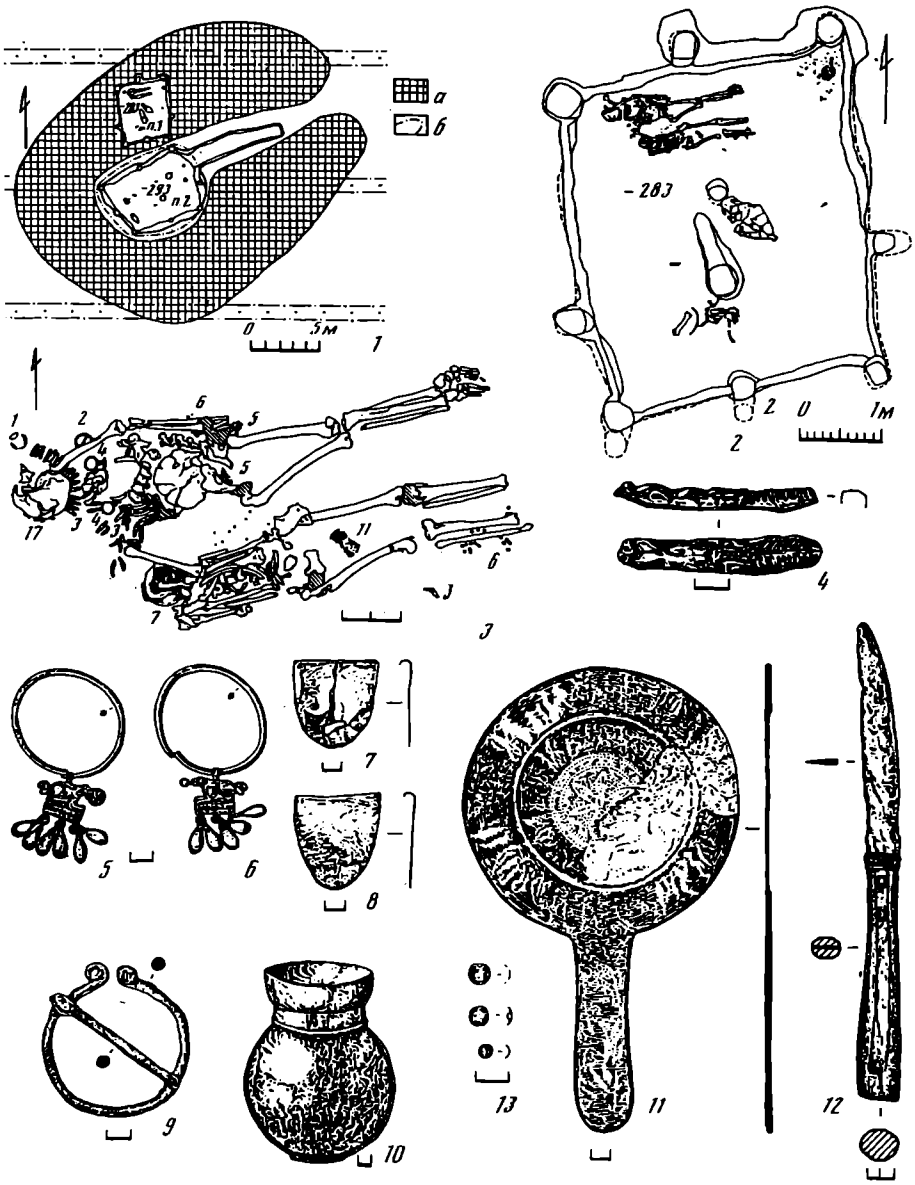

Рис. 7. Могильник "Колбинский I", курган № 18.

1 – деталь плана курган – центральная часть (*а* – выкид из светло-желтого суглинка; *б* – границы грабительской ямы); *2* – план погребения № 1; *3* – деталь плана погребения № 1; инвентарь погребения № 1: *4* – бляшка нагрудника (кабан-вепрь); *5–6* – серьги; *7–8* – оковки деревянного сосуда; *9* – пряжка-сюльгама; *10* – сосуд-кубок; *11* – зеркало; *12* – нож; *13* – нашивные бляшки (*4–8, 13* – золото; *9* – железо; *10, 11* – серебро; *12* – железо, рог)

площадью свыше 50 м^2 (7 × 7,2 м) (рис. 8, *14*). С северо-восточного угла в могилу вел специальный коридор-дромос длиной до 7 м и шириной 1,1 м. Узкий желобок вдоль стен по дну гробницы служил для крепления вертикально стоявших досок облицовки. Последние, как и перекрытие, держались на 20 вертикальных опорных столбах. Могила оказалась полностью опустошенной грабителями. Уцелели лишь: греческая амфора в юго-западном углу гробницы (рис. 8, *21*), пучок железных втульчатых трехлопастных наконечников стрел (рис. 8, *16–20*), остатки заупокойной пищи в виде костей лошади с массивным сточенным железным ножом (рис. 8, *22*) и отдельные кости скелета взрослого мужчины.

Если говорить о датировке погребения, то здесь особых проблем нет: целая амфора (произведена в Пепарете на о-ве Скопелос) относится к третьей четверти

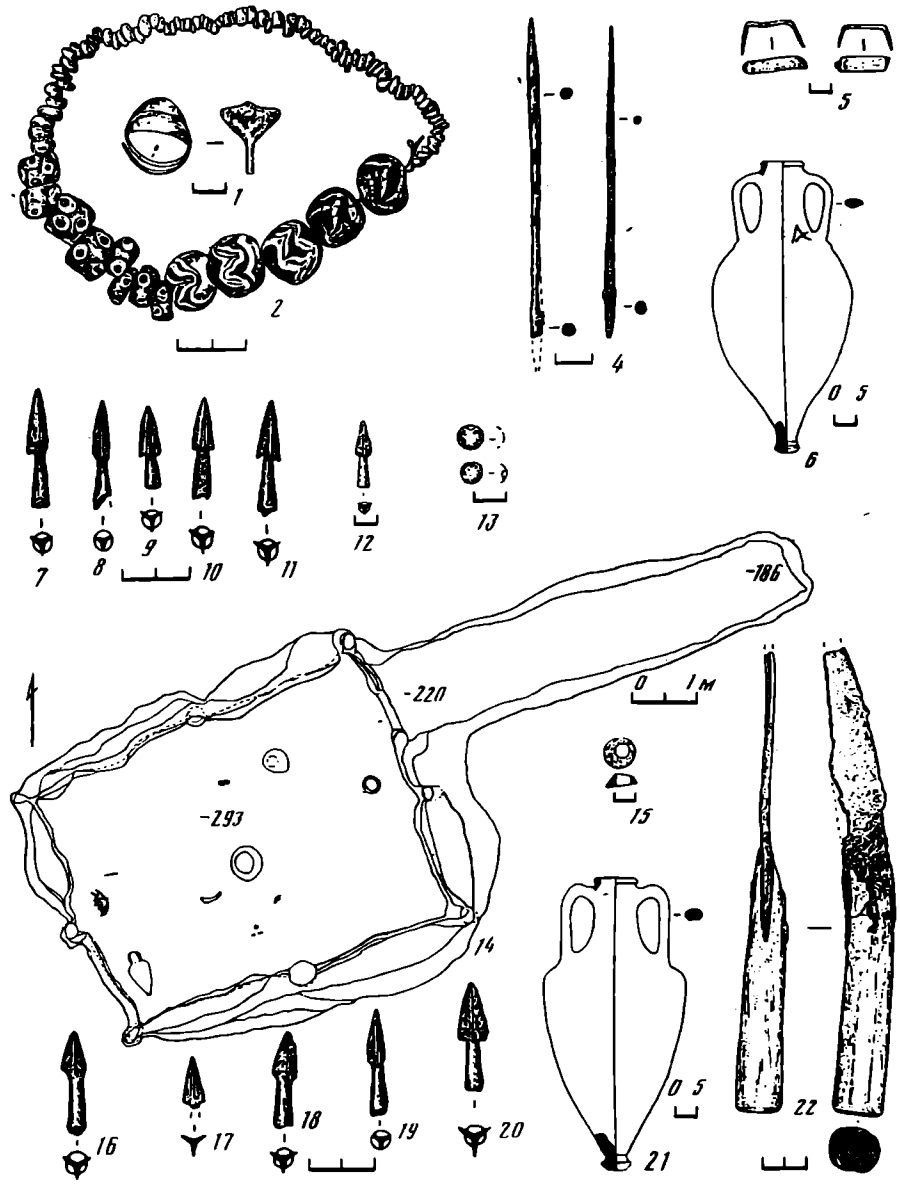

Рис. 8. Могильник "Колбинский I", курган № 18 (продолжение). Погребение № 1 (инвентарь): *1* – перстень; *2* – бусы; *3, 4* – шилья; *5* – скобки; *6* – амфора; *7–12* – наконечники стрел; *13* – нашивные бляшки; *14* – план погребения № 2; *15* – ворворка; *16–20* – наконечники стрел; *21* – амфора; *22* – нож (*1, 13* – золото; *2* – паста, стекло; *3–5, 7–12, 16–20* – железо; *6, 21* – глина; *15* – бронза; *22* – железо, рог)

IV в. до н.э., а фрагменты амфорных стенок из насыпи над погребением произведены в Синопе и датируются второй половиной IV в. до н.э. Таким образом, третья четверть IV в. до н.э. и будет наиболее приемлемой для нас датой (350–325 гг. до н.э.).

Погребение № 1. Находилось в северной половине кургана, примерно в 1 м к северу от северного края погребения № 2 (центрального) и было прослежено нами только с уровня материка – ярко-желтого суглинка (рис. 7, *1–3*). Могильная яма подпрямоугольной формы была вытянута своей длинной осью по линии север – юг. Ее размеры: длина – 4,3 м, ширина – 3,8 м, глубина – 2,83 м от Ro и 1,23 м от уровня погребенной почвы (рис. 7, *2*).

На дне гробницы, по ее периметру, прокопан узкий желобок шириной от 8 до 15 см и глубиной до 22 см, в котором в слегка наклонном положении располагалась вертикальная облицовка стен из досок (кое-где в желобке сохранились следы древесного

тлена). Первоначально могила имела перекрытие из досок или деревянных плах. Вся эта конструкция поддерживалась 10 опорными столбами (8 – по периметру и 2 – в центре гробницы). Дно ровное, прямое, вероятно, выстлано войлочными кошмами красновато-коричневого цвета, от которых сохранились лишь мелкие клочки. В северной части могилы обнаружены два человеческих скелета – женщины 55–60 лет и мужчины 35–40 лет (рис. 7, *2–3*).

Женщина лежала вплотную к северной стенке ямы в вытянутом положении, на спине, головой на запад. Южнее женского костяка, почти вплотную к нему, находился скелет мужчины. Он был помещен в могилу позже, чем женщина, вероятно, подзахоронен. Этим и объясняется нарушенность отдельных частей женского костяка. Мужчина лежал на спине, в вытянутом положении, головой на запад. Череп его скатился в район правого крыла тазовых костей и грудной клетки женского захоронения. Руки плотно прижаты к туловищу и сильно согнуты в локтевых суставах (связаны?).

При женском скелете находился следующий разнообразный инвентарь:

1. Восточнее завалившегося черепа, вплотную к нему, лежало нагрудное украшение, состоящее из какой-то органической основы (возможно, кожи), на которую были нашиты продолговатые штампованные нашивные золотые бляшки (сделанные из тонкой фольги) в виде голов кабанов (рис. 7, *4*). На боковой поверхности "кабанчиков" видны отверстия для пришивания к основе. Полностью in situ сохранился лишь один ряд в количестве 18 экземпляров (14 "кабанчиков" располагались мордами к черепу погребенной, а четыре – в противоположную сторону). Второй, а возможно, и третий ряды "кабанчиков" от нагрудника (а всего их, целых и в обломках, было 74 экз.) оказались смещенными вправо от погребенной, т.е. южнее. Не исключено, что данное смещение связано с деятельностью грызунов, поскольку здесь проходила большая нора сурка.

2. Под левым плечом лежала плашмя железная пряжка – "сюльгама" с незамкнутыми концами-завитками и откинутым язычком-иглой (рис. 7, *9*). Аналогичная пряжка была найдена в кургане № 1 группы "Частых курганов" (Либеров П.Д., 1965, с. 107, табл. 35, *12*).

3. Между северной стенкой могилы и верхней частью левого плеча когда-то стоял небольшой деревянный сосуд, от которого сохранились четыре золотые оковки из фольги полуовальной формы (рис. 7, *7–8*). Основания полуовалов охватывали край сосуда, а сами оковки крепились к дереву миниатюрными золотыми гвоздиками.

4. По обеим сторонам от нижней челюсти погребенной находились золотые серьги в виде большого незамкнутого кольца из золотого прутка ромбовидной формы (0,42 × 0,4 см), к которому крепилась подвижная подвеска в виде фигуры кошачьего хищника (пантеры?), сидящего на прямоугольном пьедестале (рис. 7, *5–6*). У хищника – длинный, волютообразно изогнутый хвост, маленькое круглое ухо, а в носу подвешен тонкий золотой диск (у одной серьги такой диск утрачен). К нижней части пьедестала при помощи колечек крепилось по 6 овальных подвесок в виде "желудей" (у одной серьги такая подвеска утрачена). Единственной аналогией нашим серьгам с пантерами является ушное украшение из золота, правда, несколько иной формы (вместо замкнутого кольца – изогнутая несомкнутая полудуга с острым концом), но зато с той же фигурой крылатой пантеры и с пятью желудеобразными подвесками из Рыжановки (дореволюционные раскопки польских археологов). Опубликовавший этот предмет Эллис Миннз называет животное, изображенное на рыжановской серьге, "крылатым грифоном". Но достаточно посмотреть на хвост и маленькое округлое ухо, чтобы признать в изображенном звере кошачьего хищника (Minns E.H., 1971, p. 178, fig. 73). К тому же и к носу, и к хвосту рыжановской пантеры прикреплены плоские золотые диски (у нас же такие диски – только в носу пантер). По всему набору вещей рыжановский комплекс может быть датирован в пределах IV в.

5. На пальцах левой и правой руки женщины были надеты по три золотых перстня

с незамкнутыми заходящими друг за друга концами (рис. 8, *1*). Щитки ромбовидной формы с продольным подтреугольным ребром посредине.

6. У запястья левой руки и между правой рукой и правым крылом таза обнаружены скопления миниатюрных золотых нашивных бляшек полусферической формы, которые по способу пришива подразделяются на два типа: один – с двумя-тремя отверстиями, пробитыми на краях; другой – с припаянной на обороте петелькой (всего их свыше 100 экз.) (рис. 7, *13*).

7. В северо-восточном углу могильной ямы было помещено большое металлическое зеркало с ручкой (материал – сплав серебра и меди) (рис. 7, *11*). Оно было завернуто в льняную ткань и находилось в кожаном футляре. Вместе с зеркалом внутри футляра располагался крупный комок белил.

8. Здесь же у ног женщины найдено ожерелье, состоящее из крупных пастовых глазчатых и полосатых бусин и мелкого стеклянного бисера (рис. 8, *2*).

9. Справа от женского скелета, южнее его, на том месте, где должен был находиться череп мужчины, лежал шаровидный серебряный сосуд без каких-либо орнаментов и изображений (рис. 7, *10*). Наиболее близкие аналогии нашему гладкому серебряному шаровидному кубку – тип V по В.А. Рябовой (Рябова В.А., 1986, с. 141, рис. 1, *4–7*) – встречаются в наиболее богатых курганных погребениях высшей скифской знати степи и лесостепи – Пятибратный курган № 8 у станицы Елизаветовской на Нижнем Дону (Шилов В.П., 1960, с. 157, 159), в Чмыревой могиле (Рябова В.А., 1986, с. 141, рис. 1, *4*, *5*), Рыжановке (Рябова В.А., 1986, с. 141, рис. 1, *6*). Все исследователи относят такие серебряные шаровидные кубки к числу сугубо ритуальных сосудов и датируют их бытование в пределах IV в. до н.э. (Кузнецова Т.М., 1988, с. 17–23).

10. Справа от черепа, рядом с ним, лежали крупные комки реальгара, вероятно, выполняющие роль румян.

Что касается мужского захоронения, то его инвентарь был намного беднее. Между бедренных костей погребенного был помещен колчан, от которого сохранились до 30 железных втульчатых трехлопастных наконечников стрел (рис. 8, *7–12*). А у правой берцовой кости нами обнаружено до 20 серебряных и золотых полусферических нашивных бляшек с пробитыми отверстиями и с петелькой на обороте, вероятно, служивших для украшения обуви (рис. 8, *13*).

В центральной части могилы, южнее центральной столбовой ямки (ямка № 4) лежала раздавленная греческая амфора (рис. 8, *6*). В 65 см к востоку от амфоры были найдены два железных шила, одно из них в виде буравчика (рис. 8, *3–4*); в 80 см к западу от нее – еще один колчан с железными втульчатыми трехлопастными наконечниками стрел. Ближе к южному краю могилы была помещена заупокойная пища в виде ребер и берцовой кости лошади. На ребрах лежал железный нож с рукояткой из рога (рис. 7, *12*) и две железные П-образные скобки (рис. 8, *5*).

Судя по амфоре, относящейся, по определению А.П. Абрамова, к очень редкому "колхидскому" типу, весь этот археологический комплекс может быть отнесен ко второй половине IV в. до н.э.

Курган № 12. Расположен в северо-западной части могильника, сильно распахан и растащен в направлении запад – восток. Размеры кургана: север – юг – 33 м, запад – восток – 40 м, при средней высоте до 0,76 см.

Сразу же под пахотным слоем, в центральной части кургана, стали прослеживаться контуры громадной грабительской ямы размером 6 × 7 м и пятна светло-желтого материкового суглинка – выкида из могильной ямы (рис. 9, *1*). Выкид лежал на погребенной почве и двумя дугами с запада и востока окружал могильную яму. Размеры выкида: север – юг – 17 м, запад – восток – 18 м, при ширине до 5,2 м и мощности до 0,75 м. Могила имела почти квадратную форму и была ориентирована своими сторонами по странам света. Размеры ямы 3,9 × 3,8 м при глубине до 2,74 м от Ro (1,75 см от уровня погребенной почвы). По дну гробницы шел желобок для крепления

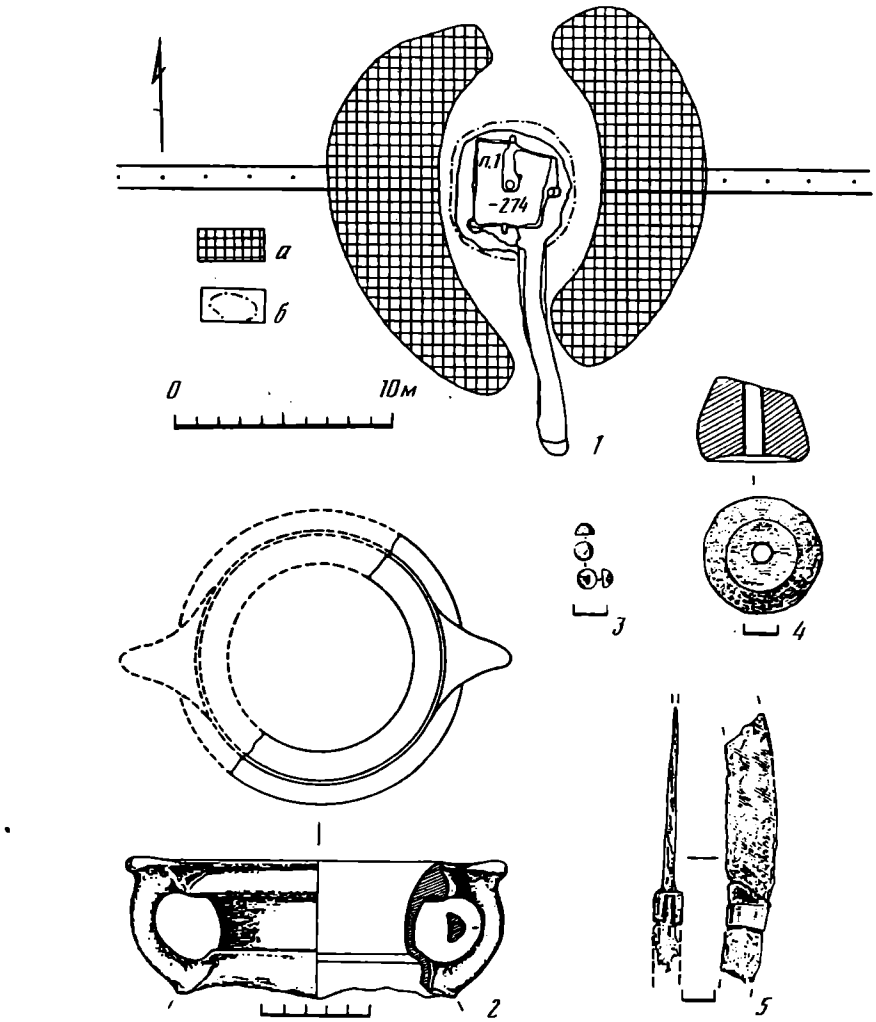

Рис. 9. Могильник "Колбинский I", курган № 12.
1 – деталь плана кургана – центральная часть (*а* – выкид из светло-желтого суглинка; *б* – границы грабительской ямы); *2* – канфар; *3* – бляшка; *4* – пряслице; *5* – фрагмент ножа (*2, 4* – глина; *3* – золото; *5* – железо, дерево)

вертикально стоящих досок – облицовки стен, которая, как и перекрытие, держалась на 9 столбах. С юго-восточной стороны в гробницу вел коридор-дромос длиной до 10,5 м, при ширине 1,1 м. Могила оказалась полностью опустошенной грабителями. В заполнении гробницы обнаружены профильная часть греческого чернолакового канфара (рис. 9, *2*), обломок железного ножа с остатками деревянной рукоятки (рис. 9, *5*), глиняное пряслице (рис. 9, *4*) и кости лошади. На дне могилы в северной части располагалась груда костей взрослого человека (женщина 30–35 лет), а в юго-восточном углу – ребра лошади – заупокойная пища. Из находок можно отметить золотую полусферическую нашивную бляшку (рис. 9, *3*), втулку железного наконечника стрелы.

По чернолаковому канфару погребение датируется серединой IV в. до н.э. и относится к среднедонской культуре скифского времени.

После столь детального изложения фактического материала, перейдем к некоторым общим выводам.

Во-первых, можно теперь с полной уверенностью говорить о том, что курганная группа, расположенная по линии юго-запад – северо-восток на высоком плато между правым коренным берегом реки Потудань и обширной балкой Терновой, между селами Терновое, Ездочное и Колбино на границе Острогожского и Репьевского

районов Воронежской области, является на сегодняшний день крупнейшим из известных нам могильников скифского времени на территории Подонья. Мы выявили и нанесли на план свыше 40 видимых насыпей и до десятка ныне исчезнувших курганов определено по аэрофотосъемке.

Во-вторых, не подлежит сомнению и то, что это – не рядовой могильник, а семейно-родовой некрополь военно-аристократической верхушки общества, где наряду с мужчинами разных возрастов погребены также женщины, подростки и дети.

В-третьих, заслуживает внимания и факт необычайно большого процента погребений женщин с оружием ("амазонок") в исследованных нами могильных комплексах: из 16 раскопанных курганов такие захоронения отмечены, по меньшей мере, в 5-ти случаях (курганы №№ 5, 6, 8, 10 – "Терновое I" и № 12 – "Колбинский I"). Причем, ни по общему ритуалу (форма и размеры погребальных сооружений), ни по богатству сопровождающего инвентаря погребения "амазонок" ни в чем не уступают мужским.

В-четвертых, несмотря на известную локальную специфику среднедонской культуры скифского времени (а это во многом связано с ее географическим положением на крайнем северо-востоке Скифии и влиянием соседних культурно-этнических групп с севера и востока – угро-финнов, савроматов и др.), она по основным своим параметрам полностью соответствует археологическим комплексам скифской степи и лесостепи между Днепром и Доном. Особенно справедлив этот вывод для материалов из таких военно-аристократических могильников Среднего Дона, как "Частые курганы" под Воронежем, группа у с. Мастюгино, группа у с. Русская Тростянка, группа у с. Дуровка и, наконец, наш курганный могильник между селами Терновое – Колбино.

Несмотря на тот огромный ущерб, который нанесли всем упомянутым памятникам древние грабители могил, все они дали в целом великолепный и разнообразный материал V–IV вв. до н.э., ближайшие аналогии которому представлены в курганах скифской знати степи и лесостепи.

В-пятых, погребальные сооружения и черты погребального обряда исследуемого могильника довольно разнообразны (погребения на горизонте в деревянных сооружениях, могильные ямы в материке с дромосами и без них и деревянными конструкциями на опорных столбах и с облицовкой стен досками-плахами, использование в погребальном ритуале огня, наличие кольцевого вала из желтой материковой глины вокруг могилы, наличие в ряде случаев кольцевого ровика вокруг кургана и т.д.). Тем не менее численно преобладают могильные ямы в материке с деревянными конструкциями.

В-шестых, если говорить об основной направленности торговых и культурных связей среднедонского населения в V–IV вв. до н.э., то здесь, прежде всего, речь должна идти о контактах с античным миром, который через свои опорные пункты в Северном Причерноморье и Приазовье активно проникал далеко вглубь скифской территории. Налицо также определенные связи местных племен с Прикубаньем (круговые сероглиняные кувшины меотского типа в курганах № 8 и 10).

И, наконец, последнее заключение, вытекающее из предварительного анализа вещей из первого неограбленного богатого скифского погребения на территории Среднего Дона (погребение № 1 из кургана № 18). Как уже отмечалось, в женском захоронении было найдено много изделий из золота. Правда, это было довольно странное золото. При ближайшем рассмотрении перед нами предстала лишь видимость реального богатства, поскольку все (или, точнее, многие) найденные золотые украшения были сделаны из тонких листиков золотой фольги. Это относится и к "кабанчикам", и к полусферическим нашивным бляшкам, и к оковкам деревянного сосуда и даже к шести перстням. Создается впечатление, что все упомянутые вещи делались в большой спешке, с относительно малыми затратами драгоценных металлов (фольга) и специально для похорон. Это предположение отнюдь не ново. Еще в 1925 г. М.И. Ростовцев в очень осторожной форме высказал гипотезу о том, что значительная часть вещей из погребального инвентаря богатых скифских курганов, и в частности нашивные штампованные бляшки из тонкой золотой фольги,

изготовлялись специально для похорон (Ростовцев М.И., 1925). Теперь эту догадку можно подкрепить рядом новых фактов.

Если взять наши материалы, то здесь хорошо видно, что основную массу украшений при знатной покойнице составляли нашивные бляшки из золотой фольги ("кабанчики" – 74 экз. и полусферические – свыше 100 экз.). Видимо, все эти вещи изготовлялись местными мастерами-ремесленниками по срочному заказу родственников умершей. Но ведь точно такие же украшения (те же "кабанчики и полусферические бляшки) мы находили и в других могилах исследуемой нами скифской курганной группы, правда, уже основательно опустошенных древними грабителями – № 1 и 12 могильника "Колбинский I", №№ 5 и 8 могильника "Терновской I". Отсюда следует, что при наличии определенных ремесленных навыков, соответствующего оборудования (инструментов и штампов-матриц) и исходного сырья (тонкая золотая фольга) такие, предназначенные только для похорон, аксессуары могли быть сделаны довольно быстро и в нужном количестве. Во всяком случае изделия этих "погребальных дел" мастеров мы встречали во многих раскопанных нами курганах, хотя и начисто ограбленных. И предназначалась данная продукция только для умерших, поскольку трудно себе представить знатного скифского вождя или военачальника, который носил бы при жизни одежду, обувь и оружие, сплошь расшитые или покрытые россыпями золотых пластин и бляшек, сделанных из тонкой, мягкой и поэтому очень ломкой золотой фольги.

Другую, хотя и значительную, но меньшую по объему часть погребального инвентаря в могилах среднедонской аристократии скифского времени составляли творения древнегреческих мастеров из причерноморских городов или из самой Эллады.

Не секрет, что воинственные обитатели Европейской Скифии поддерживали с местными эллинами самые тесные и, в основном, дружеские связи (торговый обмен, политические и династические союзы и т.д.). Причем, по мнению современных исследователей, довольно часто (особенно в V–IV вв. до н.э.) греческие ювелиры (преимущественно из Боспорского царства) по заказу скифской знати изготовляли самые разнообразные предметы роскоши из золота, серебра и бронзы (парадное вооружение, посуда, дорогие украшения и пр.). Однако вещи подобного рода нельзя было сделать за короткое время и специально к похоронам, даже если считать, что с момента смерти и до похорон скифского вождя, согласно Геродоту, проходило 40 дней. Видимо, их накапливали в руках знатных скифских семей или родов постепенно и притом широко использовали в повседневной жизни (царапины, следы потертости и даже ремонта на некоторых металлических сосудах и ювелирных украшениях). В кургане № 18, погребение 1 к числу таких эллинских изделий относится серебряный кубок с шаровидным туловом хорошо известного археологам типа. Такие сосуды (с орнаментом и фигурными изображениями или же абсолютно гладкие) встречались в пышных захоронениях скифской знати уже более 30 раз – от Куль-Обы в Крыму до "Частых курганов" под Воронежем (Рябова В.А., 1986).

И, наконец, третью, не менее существенную часть набора вещей, призванных сопровождать знатного покойника в загробный мир, составили предметы, которыми он пользовался (или которые его окружали) при жизни: это, прежде всего предметы вооружения и конской сбруи для мужчин, и личные украшения и предметы туалета для женщин (зеркала, бусы, серьги, пряслица). Серьги из кургана № 18, видимо, довольно долго использовались их владелицей, так как последняя еще при жизни потеряла золотой диск из носа одной из пантер и желудеобразную подвеску.

Таким образом, одним из важнейших научных результатов исследования парного погребения из кургана № 18 у с. Колбино явилось то, что нам впервые удалось убедительно показать на материале неограбленной гробницы Среднедонского региона, что при похоронах своих знатных покойников скифы в значительной степени использовали набор вещей, предназначенных и изготовляемых только для похорон и

связанных с ними ритуалов. Для этой цели у них существовала особая и, вероятно, довольно многочисленная группа ремесленников и ювелиров, способных изготовить все необходимое за короткое время и в нужном количестве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гуляев В.И., 1993–1996. Отчеты Потуданской археологической экспедиции // Архив ИА РАН.

Гуляев В.И., Савченко Е.И., 1998. Роговой гребень скифского времени с территории Среднего Дона // РА. № 3.

Кузнецова Т.М., 1988. Скифские ритуальные сосуды // КСИА. Вып. 194.

Либеров П.Д., 1965. Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ. Д1–31. М.

Ростовцев М.И., 1925. Скифия и Боспор. Пг.

Рябова В.А., 1986. Металлические кубки из скифских курганов // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев.

Шилов В.П., 1960. Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г. // СА. № 1.

Minns E.H., 1971. Scythians and Greeks // Biblo and Tannen. New York.

Институт археологии РАН, Москва

V.I. GULYAEV, E.I. SAVCHENKO

RESULTS OF STUDYING A SCYTHIAN AGE BURIAL GROUND NEAR THE VILLAGE TERNOVOYE-KOLBINO IN THE MIDDLE DON

Summary

The paper analyses the results of the research conducted by the Potudanskaya archaeological expedition over 1996–1997. Through two field seasons it became possible to uncover ten kurgans dating to the Scythian Age. All burials investigated (except for one burial) turned out to have been looted in antiquity. Based on the funeral rite and remains of funeral goods, they are dated to the end of the 5th – the second half of the 4th century BC. Secondary burial # 1 of kurgan # 18 turned out to have been untouched by looters. Two human skeletons were found in the bottom of the funeral construction – a woman of 55–60 years old and a man of 35–40 years. They were lying near the northern wall. The man was placed into the tomb later than the woman (he was re-buried). The dead were lying in an extended supine posture with their head facing the west. The woman had the following offerings: a breast plaque with sewn-on gold stamped badges that had a shape of wild boar heads (74 units), an iron buckle "syulgama", a wooden vessel with four gold bindings, two gold rings with a pendant in the form of a wild cat pray and six caprin-shaped beads, six rings with romb-shaped shields, a silver mirror in a leather case, a necklace made of paste eyed-shaped and striped beads, a silver vessel with a ball-shaped body, gold semi-spherical sewn-on badges (more than 100 units) which decorated the clothes. The goods that accompanied the man are not so abundant: a quiver with 30 iron socketed three-edge arrowheads and 20 silver and gold sewn-on semi-spherical badges that were used to decorate footwear. A destroyed amphora of the "Cholchis" type, two iron awls and another quiver with iron socketed three-edge arrowheads were lying in the central part of the the tomb. After-life food in the form of a horse was placed near the southern wall of the tomb, a massive iron knife with an antler-made handle was lying their too. The whole archaeological complex dates to the second half of the 4th century BC.

И.Н. ХРАПУНОВ, В.В. МАСЯКИН

МОГИЛА С ДВУМЯ ПОДБОЯМИ III в. н.э. ИЗ НЕКРОПОЛЯ ДРУЖНОЕ В КРЫМУ

Могильник позднеримского времени расположен в Центральном Крыму в 20 км к юго-востоку от г. Симферополя, в 1 км от с. Дружное, на склоне горы Шпиль – одного из отрогов Долгоруковской яйлы. В 1984 г. были исследованы один склеп и две подбойные могилы (Айбабин А.И., 1994). Систематическими раскопками 1990–1994 гг. изучена, по-видимому, вся сохранившаяся часть могильника. На площади ~ 5000 м^2 открыто 86 погребальных сооружений: 25 склепов, 29 грунтовых (14 из них содержали захоронения коней) и 32 подбойных могилы (Храпунов И.Н., 1994; 1995; Храпунов И.Н. и др., 1994; Chrapunov I.N., 1995). Среди последних представляет интерес публикуемая ниже могила 67 с двумя подбоями и моногократными погребениями.

Могила 67 расположена на юго-восточном краю могильника вблизи карьера, очевидно, уничтожившего некоторые погребальные сооружения. От основной площади могильника, где на относительно близком расстоянии друг от друга сосредоточены склепы, подбойные и грунтовые могилы, могила 67 отдалена более чем на 30 м. Между могилой 67 и ближайшим к ней склепом 39 расположен участок подбойных и грунтовых могил, характеризующихся отсутствием или крайней бедностью инвентаря. Даже от находящейся ближе других грунтовой могилы 68 ее отделяет ~ 10 м. Таким образом, могила 67 выделяется топографически.

Входная яма, подпрямоугольная в плане, выкопана в плотной материковой глине и ориентирована по направлению склона длинной осью по линии северо-восток – юго-запад. Ее размеры 2,55 × 0,85 м, глубина от поверхности материка – 2,1 м. Подбои, овальные в плане, вырублены в северной и южной стенках входной ямы. Полы подбоев расположены на 0,1 м ниже дна водной ямы. Размеры северного подбоя 2,5 × × 1,5 м, высота его 1,3 м, южного – 2,1 × 0,75 м, высота 1,5 м. Подбои отделены от входной ямы закладами из вертикально стоящих, наклоненных в сторону камер, крупных песчаниковых плит, размером до 1,15 × 0,8 м. Щели между плитами заложены мелкими камнями. Заклад южного подбоя состоял из двух рядов плит. Во внутренний ряд входили большие плиты, поставленные на округлые камни. Последние лежали на краю дна входной ямы и, частично, в камере. Внешний ряд из менее крупных плит стоял на прослойке земли, толщиной до 0,2–0,3 м (рис. 1). Вероятно, сооружение внутреннего ряда заклада связано с первыми погребениями. При подзахоронениях, скорее всего, достаточно было удалить часть верхних крупных плит, не разбирая нижнего ряда камней. После помещения в камеру последнего погребенного, удаленные плиты были вновь установлены и, очевидно, усилены плитами внешнего ряда, поставленными на образовавшуюся на дне входной ямы в процессе подзахоронений прослойку земли. На этой же прослойке на высоте 0,1–0,4 м от дна входной ямы стояли плиты заклада северного подбоя. После совершения последних погребений обе камеры засыпали мягкой темной землей, отличающейся от материковой глины, в которой выкопаны подбои. Такой же землей была засыпана входная яма, а верхняя ее часть – забита камнями.

В каждом подбое обнаружено по три, расположенных друг над другом, погребения.

© И.Н. Храпунов, В.В. Масякин, 1998 г.

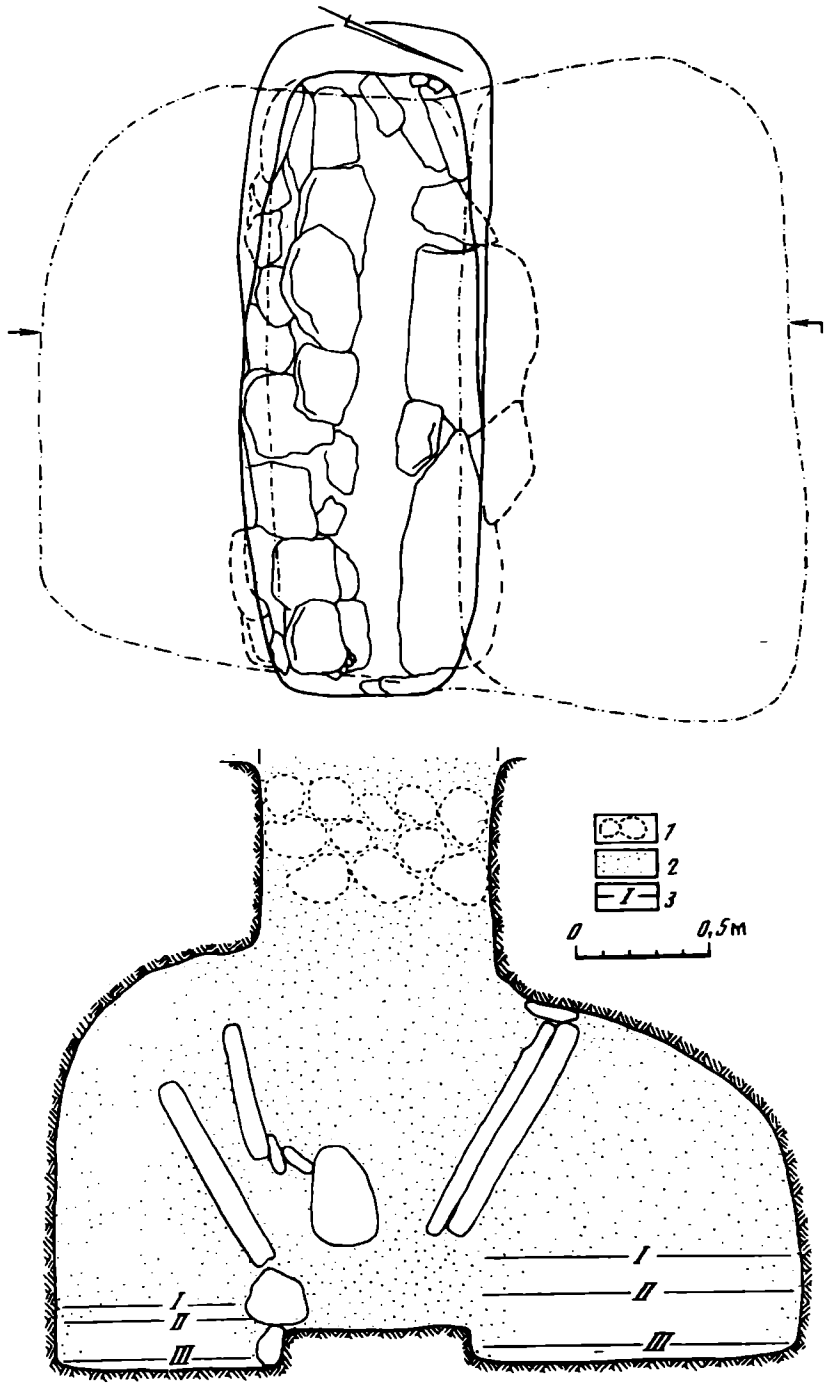

Рис. 1. План и разрез могилы 67. *1* – камни; *2* – просеянная земля; *3* – уровень погребений

Кроме того, на полу южного подбоя зачищены сдвинутые к стенке кости, вероятно, двух погребенных, относящиеся к наиболее ранним захоронениям. Нумерация погребений дана сверху вниз.

Южный подбой

Погребение № 1 (рис. 2). Совершено в вытянутом положении на спине, головой на запад, на высоте 0,25 м от пола камеры. Левая рука вытянута вдоль тела, кисть лежит на тазовых костях. Правая рука согнута в локте. Под костями обнаружено пятно органического тлена, имеющее довольно четкий подпрямоугольный контур размера-

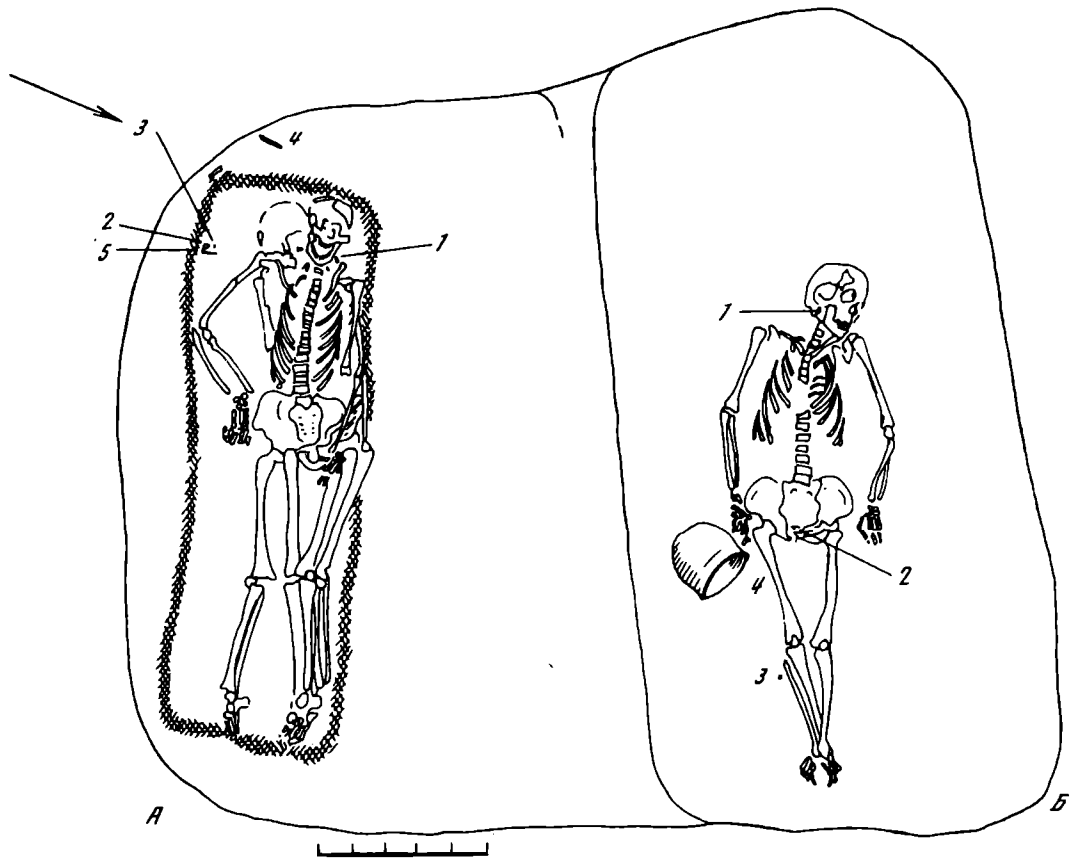

Рис. 2. Погребения верхнего яруса.

Южный подбой, погр. № 1 (*1* – бусы; *2* – серебряный перстень; *3* – серебряная височная подвеска; *4* – железный нож; *5* – железное шило);

северный подбой, погребение № 1 (*1* – серебряная височная подвеска; *2* – бронзовая пряжка; *3* – бронзовая обойма; *4* – лепной сосуд)

ми 1,6 × 0,57 м. На месте шеи погребенного найдены гагатовые бусы (6 экз.) типа 10/94[1] (рис. 2, *1*), справа от черепа – лежавшие рядом серебряный пластинчатый перстень, украшенный синим полусферическим стеклом (рис. 2, *2*; 3, *1*), серебряная височная подвеска из ложновитой проволоки (рис. 2, *3*; 4, *11*), железные нож (рис. 2, *4;* 4, *26*) и шило (рис. 2, *5*; 4, *27*).

Погребение № 2 (рис. 5). Находилось непосредственно под погр. № 1. Совершено в вытянутом положении на спине, головой на запад, на высоте 0,15 м от пола камеры на насыпном слое земли, перекрывавшем погр. № 3. Ноги сдвинуты, руки прижаты к телу, кисть левой руки находилась на тазовых костях. Между бедренными костями возле таза обнаружено глиняное пряслице (рис. 4, *21*; 5, *1*).

Погребение № 3 (рис. 6). Совершено на полу подбоя в вытянутом положении на спине, головой на запад. Перекрыто слоем земли толщиной 0,15 м, на котором был помещен погребенный № 2. На месте шеи находились бусы (15 экз.) типа 57/20 из одноцветного стекла (рис. 3, *3*; 6, *1*). На левой бедренной кости (рис. 4, *18*; 6, *2*) и за черепом (рис. 4, *28*; 6, *9*) обнаружены обломки железных предметов. Вокруг голеней находилось скопление бус (рис. 6, *3*) из одноцветного стекла типов 57/20 (56 экз.) (рис. 3, *5*, 14), 55/19 (3 экз. и фрагменты) (рис. 3, *20*), 2/2 (20 экз. и фрагменты) (рис. 3,

[1] Тип бус указан двумя цифрами. Первая обозначает номер типа по классификации Е.М. Алексеевой (Алексеева Е.М., 1975; 1978; 1982), вторая – по классификации Э.А. Хайрединовой, учитывающей особенности бус из могильника Дружное (Хайринова Э.А., 1995).

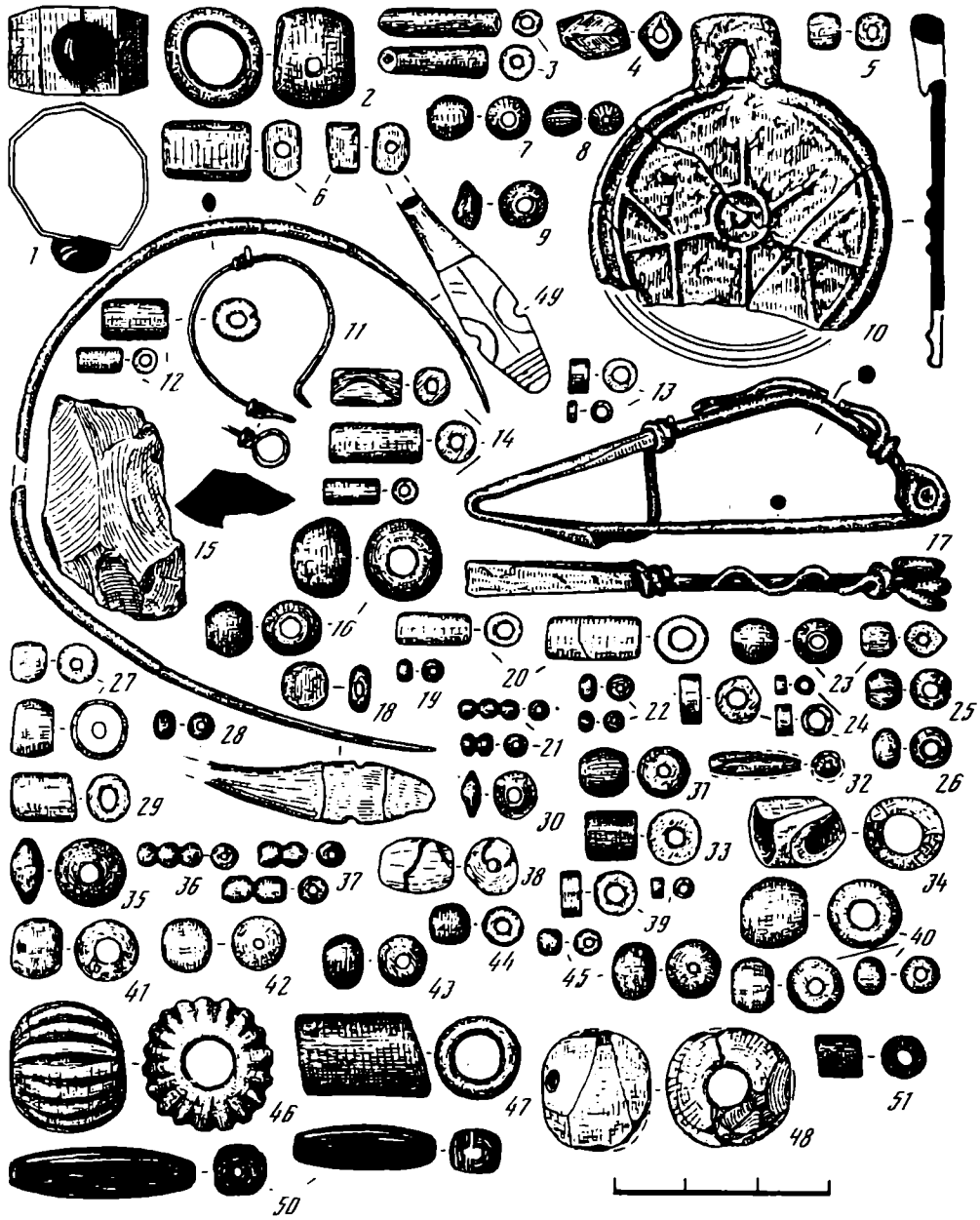

Рис. 3. *1,50* – южный подбой, погр. № 1 (*1* – серебряный перстень с синим стеклом; 50 – гагатовые бусы); *3–9, 13, 14, 16, 20, 27* – южный подбой, погр. № 3 (бусы); *2, 10–12, 15, 17–19, 21–26, 28–49, 51* – южный подбой, погребения № 4,5 (*2* – бронзовая пронизка; *10* – бронзовое зеркало; *11* – бронзовое височное кольцо; *12, 18, 19, 21–26, 28–48, 51* – бусы; *15* – кремневый отщеп; *17* – бронзовая фибула; 49 – бронзовый браслет)

27), 8/6а (1 экз.) (рис. 3, *16*), 94/29 (1 экз.) рис. 3, *9*), 117/43 (2 экз.) (рис. 3, *6*), 137/49 (2 экз.) (рис. 3, *4*), из египетского фаянса типа 9/88 (64 экз.) (рис. 3, *13*).

Погребения № 4,5 (рис. 6). Наиболее ранние. Кости, вероятно, двух погребенных были сдвинуты к южной стенке подбоя при совершении погр. № 3. Возле южной стенки в восточной части камеры обнаружены обломки черепа. Среди человеческих костей встречались кости животных. Между костями найдены крупный фрагмент краснолаковой тарелки, сохранивший полный профиль сосуда (рис. 4, *1*; 6, *6*) и фрагмент стенки краснолакового кувшина (рис. 6, *21*), бронзовые зеркало (рис. 3, *1*; 6, *4*), височное кольцо, продетое сквозь колечко с незамкнутыми концами (рис. 4, *24*; *6,7*), еще одно височное кольцо (рис. 3, *11*; *6,20*), пинцет (рис. 4, *2; 6,10*), пронизка (рис. 3, *2*;

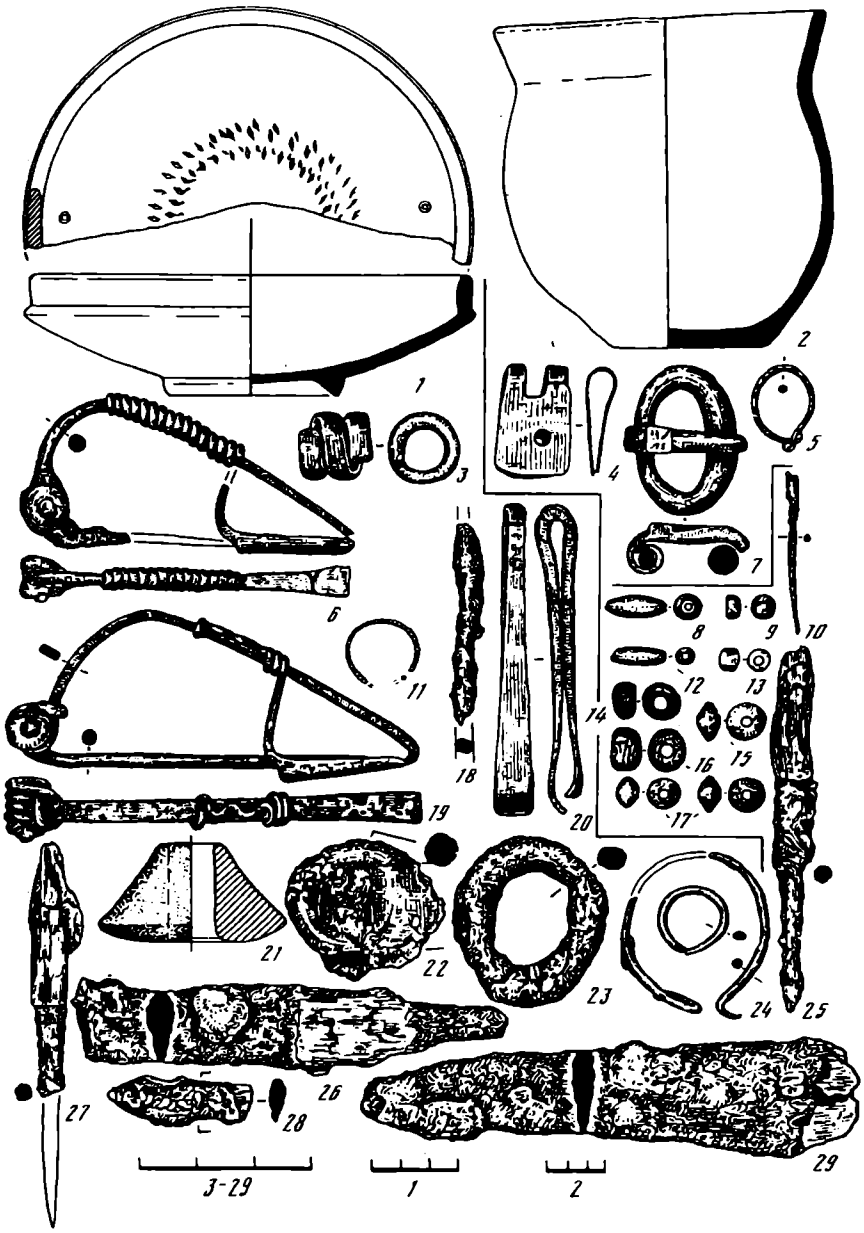

Рис. 4. *2, 4, 5, 7* – северный подбой, погр. № 1 (*2* – лепной сосуд; *4* – бронзовая обойма; *5* – серебряная височная подвеска; *7* – бронзовая пряжка); *8–10, 12–17, 25* – северный подбой, погр. № 2 (*8, 9, 12–17* – бусы; *10* – бронзовая игла; *25* – железное шило); *11, 26, 27* – южный подбой, погр. № 1 (*11* – серебряная височная подвеска; *26* – железный нож; *27* – железное шило); *21* – южный подбой, погр. № 2 (керамическое пряслице); *18, 28* – южный подбой, погр. № 3 (обломки железных предметов); *1, 3, 6, 19, 20, 22–24, 29* – южный подбой, погр. № 4,5 (*1* – фрагмент краснолаковой тарелки; *3* – бронзовое кольцо: *6* – фибула бронзовая с железной иглой и пружиной; *19* – фибула бронзовая; *20* – пинцет бронзовый; *22, 23* – железные кольца с остатками ткани; *24* – бронзовые височное кольцо и колечко, сквозь которое оно было продето; *29* – фрагмент железного ножа)

6,12), браслет (рис. 3, *49*; 6, *18*), кольцо (рис. 4, *3*), две фибулы (рис. 3, *17*; 4, *19*; 6, *14, 15*) и еще одна с железной иглой и пружиной (рис. 4, *6*; 6, *17*), обломок железного предмета и кремневый отщеп (возможно, остатки кресала) (рис. 3, *15*; 6, *8*), два железных кольца с остатками ткани (рис. 4, *22, 23*; 6, *13, 16*), обломок железного ножа (рис. 4, *29*; 6, *19*). Кроме того, обнаружено значительное количество разнообразных бус (рис. 6, *5, 11*) из одноцветного стекла типов 2/2 (40 экз. и фрагменты) (рис. 3, *40, 42*), 3/3 (13 экз.) (рис. 3, *36*), 8/6а (117 экз.) (рис. 3, *21, 22, 31, 43*), 13/9 (1 экз.) (рис. 3,

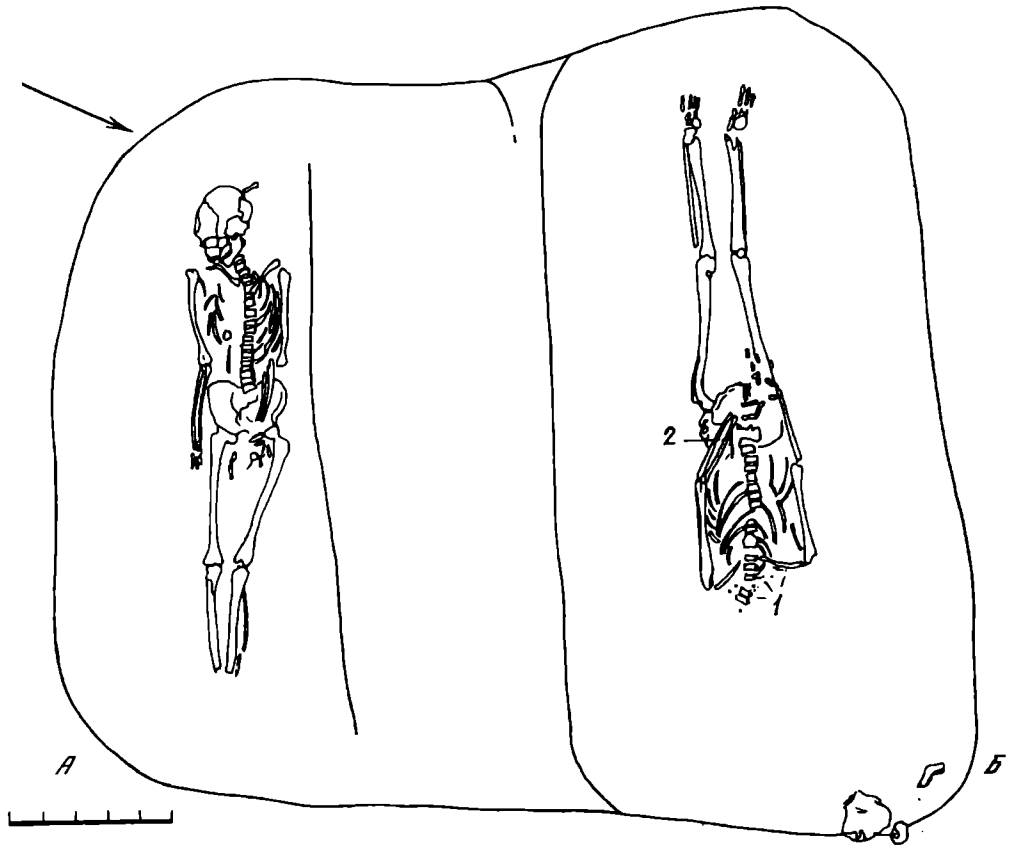

Рис. 5. Погребения второго яруса. Южный подбой, погр. № 2: *1* – керамическое пряслице. Северный подбой, погр. № 2 (*1* – бусы; *2* – железное шило; *3* – бронзовая игла)

45), 16/11 (14 экз.) (рис. 3, *45*), 15/10а (9 экз.) (рис. 3, *19, 41, 44*), 55/19 (фрагмент) (рис. 3, *34*), 57/20а (1 экз.) (рис. 3, *47*), 62/23 (1 экз.) (рис. 3, *33*), 63/24а (2 экз.) (рис. 3, *12*), 71/31 (9 экз.) (рис. 3, *18*), 94/29 (1 экз.) (рис. 3, *35*), сильно ирризированных (95 экз.) (рис. 3, *23, 25, 28*); из бесцветного стекла с внутренней металлической прокладкой типа 1б/84 (6 экз.) (рис. 3, *26, 32, 37*); египетского фаянса типов 9/88 (990 экз.) (рис. 3, *24, 39*), 11/89 (1 экз.) (рис. 3, *30*), 1бг/91 (1 экз.) (рис. 3, *46*); гагата типа 27а/95 (39 экз.) (рис. 3, *51*) и сердолика типа 3б/111 (1 экз.) (рис. 3, *38*). Многие бусы разложились, отчего земля в подбое приобрела белесый оттенок.

Северный подбой

Погребение № 1 (рис. 2). Совершено в вытянутом положении на спине, головой на запад, на слое земли, перекрывавшем погр. № 2, на высоте 0,35 м от пола подбоя. Руки довольно широко раскинуты и чуть согнуты в локтях, ноги скрещены в щиколотках. На черепе с правой стороны найдена серебряная проволочная височная подвеска (рис. 2, *1; 4,5*), возле тазовых костей – бронзовая пряжка (рис. 2, *2;* 4,*7*), у правого колена – бронзовая обойма, разломанная на две части (рис. 2, *3*; 4, *4*). Справа от тазовых костей возле кисти правой руки лежал лепной горшок (рис. 2, *4*; 4, *2*).

Погребение № 2 (рис. 5). Совершено в вытянутом положении на спине, головой на восток, на слое земли, перекрывавшем погр. № 3, на высоте 0,25 м от пола подбоя. Перекрыто сверху слоем земли толщиной 0,1 м, на котором был помещен погребенный № 1. Череп обнаружен у стены в северо-восточном углу подбоя, куда, очевидно, был отброшен при совершении погр. № 1. Кисти рук расположены на тазовых костях. В области шейных позвонков погребенного найдены бусы (рис. 5, *1*) из

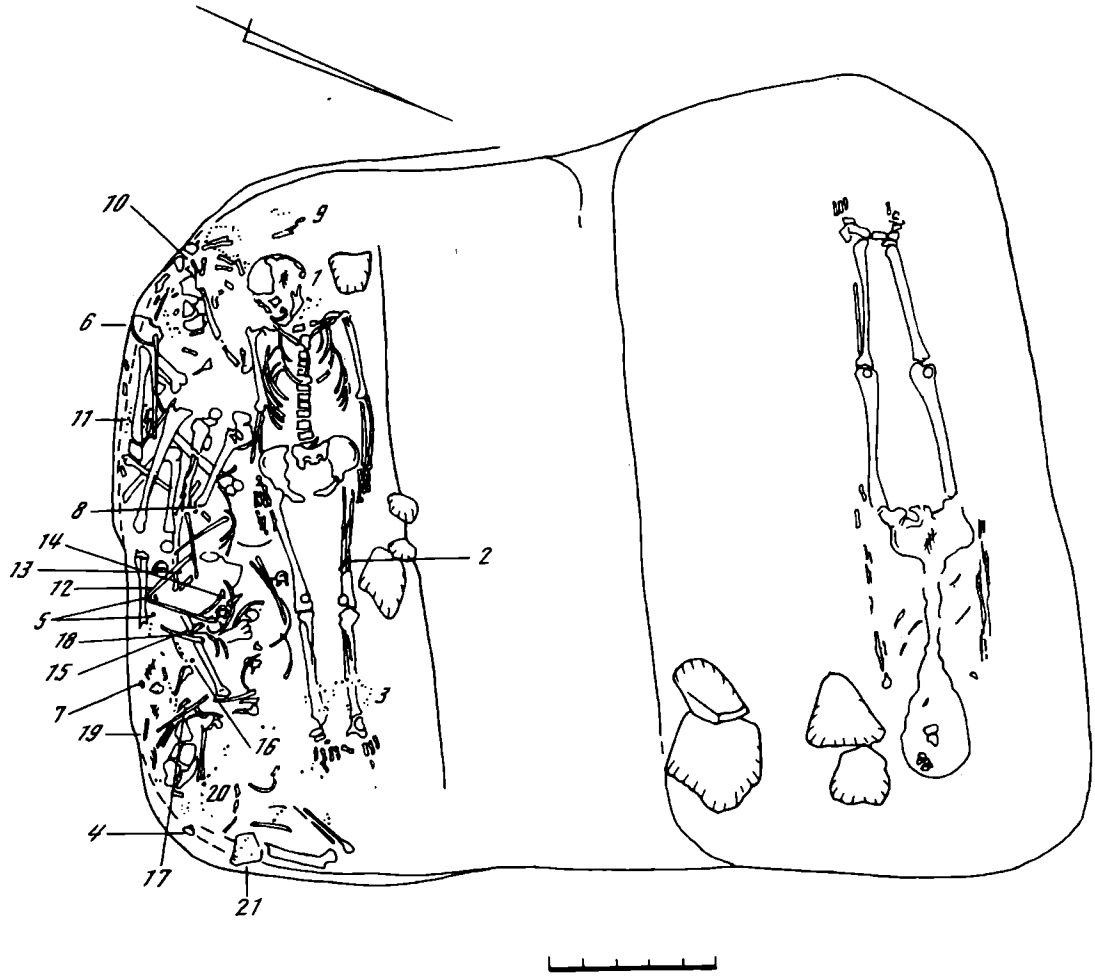

Рис. 6. Погребения нижнего яруса. Южный подбой: *1, 2, 3, 9* – погр. № 3, *4–8, 10–21* – погребения № 4,5 (*1, 3, 5, 11* – бусы; *2,9* – обломки железных предметов; *4* – бронзовое зеркало; *6* – фрагмент краснолаковой тарелки; *7, 20* – бронзовые височные кольца; *8* – кремневый отщеп; *10* – бронзовый пинцет; *12* – бронзовая пронизь; *13, 16* – железные кольца; *14, 15, 17* – бронзовые фибулы; *18* – бронзовый браслет; *19* – железный нож; *21* – обломок краснолакового сосуда)

одноцветного стекла типов 1/1б (3 экз.) (рис. 4, *14*), 99/27 (1 экз.) (рис. 4, *15*), 30/17 (3 экз.) (рис. 4, *8, 12*), стекла с внутренней металлической прокладкой типа 1б/84а (1 экз.) (рис. 4, *13*), сильно ирризированная бусина (рис. 4, *16*), из янтаря типа 7/100а (8 экз.) (рис. 4, *9*). На тазовых костях обнаружены железное шило (рис. 4, *25*; 5, *2*) и бронзовая игла (рис. 4, *1*; 5, *3*).

Погребение № 3 (рис. 6). Сохранилось плохо. Совершено в вытянутом положении на спине, головой на восток, на полу подбоя. Перекрыто слоем земли толщиной 0,24 м, на котором был помещен погребенный № 2. Погребальный инвентарь не обнаружен.

Для определения времени совершения захоронений в подбоях обратимся к анализу инвентаря по комплексам, учитывая стратиграфию погребений. Дата сооружения и начала использования южного подбоя определяется набором вещей из наиболее ранних погребений № 4,5. Найдены три бронзовые лучковые подвязные фибулы.

Фибула 1. Одночленная с нижней тетивой, проволочной круглой в сечении спинкой, плоской, расширенной в нижней части ножкой. Спинка украшена с внешней стороны наложенной проволочной "змейкой", образованной завязкой приемника. Свободный конец проволоки обмотан вокруг шейки фибулы. Длина фибулы 68 мм (рис. 3, *17*).

Фибула 2. Корпус и игла с пружиной изготовлены из двух частей. Пластинчатая, прямоугольная в сечении спинка постепенно расширяется к концу ножки. Верхний узкий конец корпуса, круглый в сечении, загнут вверх, образуя узкое спиральное кольцо в полтора оборота. В кольцо одним концом вставлена ось. На выступающую часть оси навита односторонняя двухвитковая пружина, заканчивающаяся иглой. Свободный конец пружины пропущен под шейкой фибулы и загнут сверху. Спинка декорирована наложенной сверху короткой проволочной "змейкой", образованной завязкой приемника. Верхний конец "змейки" обмотан вокруг спинки. Длина фибулы 73 мм (рис. 4, *19*).

Фибула 3. Корпус и игла с пружиной изготовлены из двух частей. Спинка проволочная, круглая в сечении. Ножка плоская, расширенная в нижней части. Верхний конец корпуса загнут вверх, образуя спиральное кольцо в полтора оборота. В кольцо вставлен конец оси. На выступающую часть оси навита железная пружина с иглой (часть ее утрачена). Железная часть фибулы сильно коррозирована, что затрудняет выяснение особенностей конструкции, но очевидно, что корпус и игла с пружиной соединены тем же способом, что и у фибулы 2. Судя по следам от коррозии, свободный конец железной пружины был намотан вокруг шейки фибулы. Спинка украшена проволочной спиральной обмоткой из 16 витков, образованной завязкой приемника. Длина фибулы 60 мм (рис. 4, *6*).

Фибулы относятся ко II ("инкерманской") серии лучковых подвязных фибул, по классификации А.К. Амброза (1966, с. 52). При изучении конструкции фибул из погребений № 4,5 и особенностей бытования однотипных изделий в целом, выяснилось, что классификация и хронология, предложенные А.К. Амброзом, нуждаются в некоторых уточнениях. Во II серию А.К. Амброз включил крупные одночленные фибулы с нижней тетивой, отметив, что, часто, игла и пружина изготовлены из отдельного куска проволоки, обмотанного вокруг шейки застежки. Объяснялось это тем, что мастера неточно рассчитывали необходимое на фибулу количество проволоки и в случае, если проволоки оказывалось не достаточно, делали подобную надставку (Амброз А.К., 1966, с. 52). Поэтому, способ изготовления иглы с пружиной не учитывался в классификации. Анализ конструкции фибул 2 и 3 и приведенные ниже аналогии позволяют предположить, что мы имеем дело не со случайностью, а со специфическим способом изготовления двучленных фибул, характерным для локальной, крымской, группы памятников, близких в хронологическом отношении. Об этом свидетельствует однообразие конструктивных приемов соединения корпуса с иглой и пружиной: узкое спиральное кольцо для удержания оси, образованное загнутым вверх верхним концом дужки, односторонняя пружина, свободный конец которой обмотан вокруг шейки фибулы, встречающаяся биметалличность. Судя по немногочисленным опубликованным рисункам, фибулы, изготовленные подобным образом, известны в могильниках Скалистое III (Богданова Н.А. и др., 1976, рис. 8, *99*; 10, *23*), Чернореченском (Бабенчиков В.П., 1963, табл. IX, *8*), в Херсонесе (Амброз А.К., 1966, табл. 9, *17*). Фибула с пластинчатым корпусом, украшенным "змейкой", из могилы 86 Чернореченского могильника аналогична фибуле 2, но имеет железную иглу с пружиной подобно фибуле 3. Рассматриваемые фибулы отличаются от лучковых двучленных III серии, по А.К. Амброзу. Последние обычно меньших размеров, корпус изготовлен из массивного стержня, но основное отличие в способе соединения корпуса с иглой и пружиной следующее: ось вставлялась или в широкое кольцо, образованное загнутым вверх концом корпуса (вариант 1), или в отверстие, пробитое в верхней части спинки (вариант 3), пружина всегда двусторонняя (Амброз А.К., 1966, с. 52–54). Очевидно, что дальнейшем, при классификации фибул II серии необходимо учитывать способ изготовления иглы с пружиной.

А.К. Амброз разделил фибулы II серии на четыре варианта. Причем варианты 1, 2, 4 выделены по форме корпуса, а вариант 3 – по длине пружины, не отличаясь по форме корпуса от варианта 1 (Амброз А.К., 1966, с. 52). Представляется, что в основе классификакационного деления должен лежать общий признак. Но в данном случае,

нас интересуют варианты 1 и 2. К варианту 1 отнесены фибулы с проволочной спинкой, к варианту 2 – с узкой пластинчатой спинкой. Декор в классификации не учитывался (Амброз А.К., 1966, с. 52). Поэтому, фибулы 1 и 3 должны относиться к варианту 1, фибула 2 – к варианту 2. Но очевидно, что в вариант 1 объединены три разновидности фибул, различающихся по характеру декора спинки и, как мы попытаемся показать, по особенностям бытования: фибулы без декора; с орнаментом в виде "змейки"; с длинной спиральной обмоткой. Последние аналогичны фибулам варианта 3, отличаясь от них лишь длиной пружины (Амброз А.К., 1966, с. 52, табл. 9, *15*). Кроме того, имеются основания предполагать наличие генетической связи между проволочными (вариант 1) и пластинчатыми (вариант 2) фибулами с орнаментом в виде "змейки" на спинке.

А.К. Амброз датировал фибулы вариантов 1 и 2 второй половиной II – III в.н.э. Рассмотрим хронологию проволочных и пластинчатых фибул с орнаментом в виде "змейки" на спинке и проволочных фибул со спиральной обмоткой спинки.

По поводу происхождения фибул интересующих нас типов нет ясности (Амброз А.К., 1966, с. 52). Возможно, фибулы с орнаментом в виде "змейки" возникли в позднескифской среде. Наиболее ранние экземпляры происходят из погребений некрополей Неаполя скифского и Усть-Альминского городища, относящихся к позднему горизонту могильников (Сымонович Э.А., 1983, рис. 19; Высотская Т.Н., 1994, с. 102, рис. 40). Нельзя не отметить сходство фибулы с проволочной спинкой, украшенной "змейкой", из могилы 3 некрополя Неаполя с группой лучковых подвязных с верхней тетивой и фигурной обмоткой спинки (Сымонович Э.А., 1983, табл. XXVIII, *7, 13, 20*). Возможно, "змейка" имитирует именно фигурную обмотку. В подбое могилы 3 обнаружены два погребения младенцев; среди датирующих вещей – зеркала IX типа, по А.М. Хазанову, кранослаковый двуручный кубок (Сымонович Э.А., 1983, табл. VII, *1*; XLII, *17, 21*). Аналогичные последнему известны в коллекции Трирского музея и датируются III в.н.э. (Мосберг Г.И., 1946, с. 115). Кроме того, найдена лучковая подвязная фибула с фигурной обмоткой спинки варианта 5, по А.К. Амброзу, датирующаяся первой половиной III в.н.э. (Сымонович Э.А., 1983, табл. XXVIII, *27*).

Очевидно, в дальнейшем развитие орнамента в виде "змейки", накладываемой с внешней стороны, привело к уплощению спинки фибулы. Это отвечает, наблюдаемой в производстве варварских фибул, тенденции усиления декоративизма за счет расширения плоскости (Амброз А.К., 1966, с. 80). Переход от проволочной спинки к пластинчатой отражают, на наш взгляд, две фибулы из подбойных могил 83 и 84 некрополя Неаполя. Их спинки еще проволочные, но средняя часть уже раскована в виде пластин для размещения декора в виде "змейки" (Сымонович Э.А., 1983, табл. XXVIII, *3,8*). В могиле 83 найдены лучковая подвязная фибула I серии варианта 4, по А.К. Амброзу, второй половины II – начала III вв. н.э. и зеркало IX типа, по А.М. Хазанову (Сымонович Э.А., 1983, табл. XXVIII, *9*; XLII, *15*). Примечательно, что эти могилы расположены рядом (Сымонович Э.А., 1983, рис. 1). Время появления фибул с полностью пластинчатой спинкой помогает установить находка подобных застежек в верхнем ярусе погребений склепа 125 Усть-Альминского некрополя вместе с лучковой подвязной фибулой I серии варианта 5, первой половины III в. н.э. (Высотская Т.Н., 1994, табл. 41, рис. 17, 24, 25). В ярусе погребений, расположенном ниже, найдены серебряные денарии Веспасиана и Фаустины Младшей (ум. в 175 г.) (Высотская Т.Н., 1994, с. 138).

Фибулы с пластинчатой спинкой найдены в четырех погребениях некрополя Неаполя (могилы 9, 20, 26, раскопки Э.А. Сымоновича; могила 22, раскопки В.П. Бабенчикова) (Сымонович Э.А., 1983, табл. XXVIII, *10, 16, 19*; Бабенчиков В.П., 1957, табл. II, *7*). Но сравнительно "узко" датируются два из них: в подбойных могилах 9 (погр. 2) и 26 (погр. 2). В погр. 2 могилы 9 обнаружен краснолаковый кувшин, чаще всего встречающийся в захоронениях первой половины III в. (Сымонович Э.А., 1983,

табл. VI, *8*; Гущина И.И., 1974, рис. VI, *1, 8*; VII, *1, 23*). В погр. 1 этой же могилы, аналогичном погр. 2 по составу инвентаря и погребальному обряду, найдены лучковая подвязная фибула I серии варианта 5 первой половины III в. и пряжка с фигурной рамкой (Сымонович Э.А., 1983, табл. XXVIII, *7*; XXXIX, *7*). Сломанная пряжка этого же типа обнаружена и в упомянутом погр. 2 могилы 26 (Сымонович Э.А., 1983, табл. XXXIX, *8*). Примечательно, что подобное сочетание однотипной пряжки с пластинчатой фибулой, украшенной "змейкой", встречено еще в одном комплексе – могиле 77 Чернореченского могильника (Амбзор А.К., 1966, с. 52; Бабенчиков В.П., 1963, табл. XV, *12*). Пряжки с фигурной рамкой, выполненные в строгом стиле, употреблялись в первой половине III в. (Гущина И.И., 1974, рис. IV, *17*; Максименко В.Е., Безуглов С.И., 1987, рис. 2, *16, 17*) и, по мнению А.К. Амброза, в середине III в. вышли из употребления (Амброз А.К., 1971). В комплексах второй половины III в. подобные пряжки встречаются крайне редко (Гороховський Е.Л. и др., 1985, с. 34, 35). Очевидно, фибулы с пластинчатой спинкой наиболее широко бытовали в последний период существования позднескифской культуры. Об этом свидетельствуют находки таких фибул в верхних слоях позднескифских поселений, связанных с разрушениями.

Две бронзовые пластинчатые фибулы (одна из них украшена "змейкой") происходят из слоя позднейшего горизонта А, выделяемого Ю.П. Зайцевым в стратиграфии Неаполя, причем они найдены в разных раскопах (Зайцев Ю.П., 1995, рис. 7, *54, 56*). Фибула с пластинчатой спинкой, украшенной проволочной "змейкой", найдена в воинском погребении, совершенном в верхнем слое Усть-Альминского городища, связанном со временем прекращения жизни на поселении (Высотская Т.Н., 1994, рис. 42). Таким образом, бесспорно, что фибулы интересующего типа были в употреблении в период, близкий ко времени разрушения позднескифских поселений. Не исключено, что последнее событие относится к концу первой четверти III в. н.э. В связи с усть-альминским погребением воина следует отметить, что однотипные фибулы найдены в могиле 28-Л некрополя Скалистое III и упоминавшейся могиле 77 Чернореченского могильника. Последние, так же, как и погребение на Усть-Альминском городище, содержали захоронения воинов с длинными мечами с рукоятью-штырем (Богданова Н.А. и др., 1976, рис. 8, *52*; Бабенчиков В.П., 1963, с. 118). Кроме того, в состав их инвентаря входили уздечные наборы и "смычковые" фибулы. Захоронения в подбойной могиле 28-Л некрополя Скалистое III сопровождалось парой бронзовых шпор, украшенных красной эмалью (Богданова Н.А. и др., 1976, рис. 8, *48, 49*). Аналогичные шпоры без эмали встречаются в погребениях пшеворской культуры ступеней B2 – C1 (160/180 – 260 гг.). В Скандинавии они известны в погребениях с оружием ступени C1 b (230–260 гг.) (Kazanski M., 1994, p. 431). К этому же времени относятся находки в западнобалтской культуре (Godlowski K., 1970, pl. X, *15*). В состав инвентаря входили, также, бронзовые наконечники ремней и пряжки с овальными, слабо утолщенными в передней части рамками, прогнутыми язычками и овальными щитками, характерные, главным образом, для первой половины III в. (Богданова Н.А. и др., 1976, рис. 8, *44–47*). Подобная пряжка, но с прямоугольным щитком, найдена в верхнем слое Неаполя (Зайцев Ю.П., 1995, рис. 7, *55*). Вероятно, воинские погребения с однотипными фибулами отражают период военной активности населения, связанный со временем гибели позднескифских поселений.

Фибула с пластинчатой спинкой найдена в Херсонесе вместе с рубчатым светильником (Амброз А.К., 1966, с. 52). Подобные датируются временем не ранее III в.н.э. (Сорочан С.Б., 1982, с. 43–49). Таким образом, фибулы с проволочной и пластинчатой спинкой, украшенной накладной "змейкой", появились, очевидно, на рубеже II–III вв. н.э. и употреблялись в первой половине III в.н.э. Наиболее широко данные фибулы бытовали, вероятно, в период, непосредственно предшествовавший времени прекращения жизни на позднескифских поселениях, и несколько позднее. Возможно, фибулы с пластинчатой спинкой, изготовленные из двух частей (типа фибулы 2), относятся к наиболее поздним.

Фибулы с проволочной спинкой, длинной спиральной обмоткой и нижней тетивой встречаются в погребениях могильников Скалистое III, Танковое, Ай-Тодор и особенно многочисленны в некрополях Бельбек III, Черноречeнский, Совхоз 10. Следует отметить, что они отсутствуют в погребениях могильников Неаполя и Усть-Альминского городища. В трупосожжении 34 Ай-Тодорского могильника фибула рассматриваемого типа найдена с монетой 211–217 гг. (Орлов К.К., 1987, с. 114, рис. 4, *9*). В могиле 18 некрополя Бельбек III аналогичная фибула встречена с лучковой подвязной фибулой I серии варианта 5 первой половины III в. и монетой начала III в. (Гущина И.И., 1974, с. 54, рис. VII, *2, 4*), а в могиле 5 – с металлическим шарнирным предметом с кольцами (Гущина И.И., 1974, рис. IV, *20, 23*). Подобные последнему обнаружены в могиле 10 с монетой 240–250 гг. и в могиле 24 в Дружном – с монетой Деция Траяна (249–251 гг.) (Гущина И.И., 1974, с. 53, рис. V; Храпунов И.Н., 1994, с. 531, 535–536, рис. 3, *3*). В могиле 13 могильника Бельбек III фибула интересующего типа сопровождалась краснолаковой чашкой редкой формы (Гущина И.И., 1974, рис. VI, *2, 4*). Аналогичная чашка найдена в "закрытом" комплексе в слое разрушения поселения Альма-Кермен, относящемся ко времени не ранее середины III в.н.э. (Высотская Т.Н., 1972, рис. 29, *6*). Фибула со спиральной обмоткой дужки найдена в могиле 35 Черноречeнского могильника с монетами Гордиана III (238–242 гг.) и вещами второй половины III в.н.э. (Амброз А.К., 1989, рис. 2, *25–28*; Айбабин А.И., 1990, рис. 2).

Вероятно, фибулы данного типа наиболее широко употреблялись во второй четверти – середине III в.н.э., причем, они не известны в некрополях Неаполя и Усть-Альминского городища. Особенностями нашей фибулы 3 являются ее двучастность и биметалличность. По способу соединения корпуса с иглой и пружиной фибула 3 аналогична фибуле 2, что, возможно, свидетельствует об изготовлении их в одной мастерской.

Зеркало (рис. 3, *10*) относится к IX типу по классификации А.М. Хазанова, датировавшего подобные изделия II–III вв. н.э. (Хазанов А.М., 1963, с. 66). А.С. Скрипкин, основываясь на хронологии сарматских погребений Поволжья, полагает, что зеркала данного типа бытовали, в основном, во второй половине II – первой половине III в.н.э. (Скрипкин А.С., 1984, с. 47). Отнесение верхней хронологической границы к середине III в. А.С. Скрипкин аргументирует тем, что зеркала с боковым ушком не встречаются в погребениях с двучленными лучковыми подвязными фибулами. Вероятно, этот вывод правомерен для Нижнего Поволжья. Но на более западных территориях известны совместные находки зеркал IX типа и двучленных лучковых фибул (Савовський І.П., 1977, с. 65–67; Субботин Л.В., Дзиговский А.Н., 1990, рис. 3, *30*). Подобное сочетание зафиксировано в могиле 24 в Дружном (Храпунов И.Н., 1994, с. 534). В южном подбое могилы 20 Инкерманского могильника зеркало с боковым выступом найдено с краснолаковым блюдом IV в.н.э., в северном подбое этой же могилы обнаружена пряжка IV в.н.э. (Веймарн Е.В., 1963, рис. 9, *2*; 10, *6*; 13, *13*).

Зеркала с боковым ушком изредка встречаются в погребениях гуннского времен, когда их ареал далеко расширился в западном направлении: находки в могильнике Крефельд-Геллеп (Германия) и в Реймсе (Франция) (Kazanski M., 1986, p. 35, 36, fig. 2; 1995a, p. 42, fig. 7, *2, 10*).

Краснолаковые тарелки, подобные публикуемой (рис. 4, *1*), Т.Н. Книпович датировала II–III вв. н.э. и относила к продукции северомалоазийских центров (Книпович Т.Н., 1952, с. 301, 302, 314).

Отметим близость наборов бус из погребений № 3 и 4, 5, что, вероятно, свидетельствует о незначительном хронологическом разрыве между ними. В то же время, сдвинутые при совершении погр. № 3 кости погребенных № 4,5 не сохранили анатомического порядка – мягкие ткани уже успели истлеть.

Погр. № 2 содержало лишь глиняное пряслице, поэтому определить его дату сложно.

В области шейных позвонков погребенного № 1 найдены шесть гагатовых бочко-

видных, вытянутых продольно бусин типа 10/94 (рис. 3, *50*). Набор из пяти подобных бусин обнаружен в могиле 75 некрополя Совхоз 10 (Алексеева Е.М., 1978, с. 12). В этой же могиле найдены биллоновые антониниане Гордиана III (238–246 гг.) и Филиппа Араба (244–249 гг.) (Анохин В.А., 1962).

Серебряный пластинчатый многогранный перстень украшен синим полусферическим стеклом (рис. 3, *1*) (Chrapunov I.N., 1995, p. 184). Под вставкой заметен шов между соединенными концами пластины, из которой изготовлен перстень. Пластинчатое кольцо аналогичной формы, но без вставки, обнаружено в могиле 11 некрополя Неаполя (раскопки В.П. Бабенчикова) вместе с пластинчатым наконечником ремня и лучковой подвязной фибулой I серии варианта 5 первой половины III в.н.э. (Бабенчиков В.П., 1957, табл. II, *4*; IV, *2, 19*). Пластинчатые кольца с незамкнутыми концами найдены в нескольких сарматских погребениях III в.н.э. (Храпунов И.Н., 1994, с. 531).

Перстень, изготовленный из золота, со вставкой камня с геммой происходит из Пантикапея (Древности..., 1854, табл. XVIII, *4*). Еще два перстня (золотой и серебряный), подобные нашему, были найдены Ю.А. Кулаковским в 1894 г. при раскопках группы из 24 гробниц некрополя Пантикапея. К сожалению, в публикации не указаны номера погребений, из которых происходят найденные вещи (ОАК за 1894 г., рис. 151). Имеется лишь рисунок серебряного перстня, причем в одной из граней видна круглая неглубокая выемка от утраченной вставки Ю.А. Кулаковский датировал все могилы второй половиной III в.н.э. (ОАК за 1894 г., с. 90). В гробницах были найдены боспорские монеты второй половины III в. и римская – Траяна Деция (249–251 гг.). Кроме того, из могил происходят две лучковые подвязные двучленные фибулы второй половины III–IV вв. и две черняховские прогнутые подвязные фибулы варианта 3 IV в. (ОАК за 1894 г., рис. 152–154; Амброз А.К., 1966, с. 53, 64). А.К. Амброз установил, что изображенная в публикации фибула типа "Ауцисса" I в.н.э. найдена в слое вне гробниц (Амброз А.К., 1966, с. 64). Найдены также пара серег с плоскими щитками с каменными вставками III–IV вв. (ОАК за 1894 г., рис. 150; Храпунов И.Н., 1994, рис. 4, *16*), пряжка, подобная которой происходит из комплекса второй половины III–IV вв. у ст-цы Тимошевской (ОАК за 1894 г., рис. 155). Таким образом, очевидно, что исследованный Ю.А. Кулаковским участок некрополя относится ко второй половине III–IV вв.

Более надежную дату дает находка в подбойной могиле 13а некрополя Заморское. Серебряный перстень, совершенно аналогичный нашему, также украшен синим полусферическим стеклом. Погребение датируется черняховской двучленной прогнутой подвязной фибулой подгруппы 2 серии I варианта 3 – IV в.н.э. (Корпусова В.М., 1973, рис. 4, *10*; 12, *15*; Амброз А.К., 1966, с. 64).

Таким образом, погр. № 1 (а следовательно, и погр. № 2) не имеет узкой даты и может быть отнесено к середине III–IV в.н.э.

Погр. № 3, совершенное на полу северного подбоя, не содержало инвентаря, что затрудняет определение времени сооружения камеры.

При погребенном № 1 обнаружена бронзовая пряжка с круглой в сечении, утолщенной в передней части, овальной рамкой. Рамка кованая, в тыльной части сохранились следы от инструментов, которыми соединяли ее концы. Размеры (см): 2,7 × 1,8, наибольшая толщина 0,5. Язычок изготовлен из четырехгранного, прямоугольного в сечении бруска. Его тыльная часть ступенчато срезана, верхние грани сточены так, что язычок имеет полукруглое сечение, у основания оставлена прямоугольная площадка, орнаментированная плохо сохранившимися насечками. Передний конец язычка, плавно загнутого за край рамки, утрачен в древности. Сохранившаяся длина 2,2 см, наибольшая ширина 0,5 см (рис. 4, *7*).

По мнению А.К. Амброза, такие признаки, как массивность рамки в передней части, ступенчатый срез и прямоугольная площадка у основания язычка, появляются в III в., но являются доминирующими в IV в. (Амброз А.К., 1971, с. 100; 1989, с. 27). А.И. Айбабин, сравнивая крымские комплексы позднеримского времени, подобные пряжки

не выделяет в отдельный вариант, рассматривая их наряду с имеющими гладкий язычок, ступенчато срезанный в тыльной части и изготовленный, как правило, из полукруглого в сечении бруска. Он относит эти изделия к вещам черняховского круга (Айбабин А.И., 1990, с. 27, 28, рис. 22, *5–7*). На наш взгляд, пряжки интересующего типа по технике и стилю оформления язычков ближе к другой группе пряжек, характеризующихся овальными, часто граненными, утолщенными в передней части рамками, граненными или фасетированными язычками, имеющими ступенчатый срез и прямоугольную площадку у основания. Последние часто бывают украшены гравированным орнаментом. Как правило, эти пряжки снабжены щитками характерной формы (Rostovtceff M.I., 1923, Fig. 6, a, Pl. IV; Амброз А.К., 1989, рис. 2, *1, 3, 4*; Kazanski M., 1995b, fig. 5, *1, 3, 5, 10*; Дзиговский А.Н., Субботин Л.В., 1986, рис. 2, *2, 5*). Необходимо лишь учитывать, как справедливо отметил А.И. Айбабин, что наличие или отсутствие щитков не может служить типообразующим признаком, так как они не всегда сохраняются (Айбабин А.И., 1990, с. 27).

М. Казанский, рассмотревший кочевнические погребения с подобными пряжками, полагает, что они относятся к провинциальноримским формам или являются их имитацией и датируются IV в. (Kazanski M., 1995b, p. 189–193). Некоторые из них имеют щитки, инкрустированные в "догуннском" полиохромном стиле (Амброз А.К., 1989, рис. 2, *1*; Безуглов С.И., Копылов В.П., 1989, рис. 2, *2*; Засецкая И.П., 1975, с. 54, № 37, 40).

По мнению М.Б. Щукина и Т.А. Щербаковой, язычки однотипных пряжек черняховской культуры и прогнутые подвязные двучленные фибулы варианта 3, по классификации А.К. Амброза, оформлены в одном стиле и отражают один и тот же ювелирный прием: срезание граней с оставлением прямоугольных площадок, часто украшенных гравированными крестами (Щербакова Т.А., Щукин М.Б., 1991, с. 51). По классификации пряжек черняховской культуры Е.Л. Гороховского, рассматриваемая относится к варианту В 1б (Гороховский Е.Л., 1988, с. 42). Автор полагает, что пряжки серии В аналогичны или подражают провинциальноримским формам конца правления Константина I и времени его династии. К этой же серии отнесены пряжки, аналогичные нашей, но имеющие зооморфное оформление конца язычка и овальные щитки (тип Варпелев) (Гороховский Е.Л., 1988, с. 44, рис. 44). Пряжки варианта В 1б датированы III фазой (ок. 330–380 гг.) черняховской культуры по хронологической схеме автора (Гороховский Е.Л., 1988, с. 44).

В Крыму пряжки рассматриваемого типа встречаются значительно реже, чем пряжки с гладкими, ступенчато срезанными в тыльной части язычками, изготовленными, главным образом, из полукруглых в сечении брусков. Две бронзовые пряжки найдены в могиле 35 некрополя Ай-Тодор (Харакс). Слабая утолщенность рамок и сильный прогиб язычков в средней части, вероятно, свидетельствуют об относительно ранней дате (в пределах III в.). Не противоречат этой дате форма язычка третьей пряжки и стеклянный стакан (Орлов К.К., 1987, с. 110, рис. 6). Пряжка, близкая нашей, найдена и в могиле 17 (трупоположении под каменным закладом) этого же некрополя, не содержащей других вещей (Айбабин А.И., 1990, рис. 22, *7*). Еще один экземпляр происходит из могилы 209 некрополя Совхоз 10 (Айбабин А.И., 1990, рис. 22, *6*). В воинском погребении склепа 2 могильника Озерное III найдена портупейная пряжка близкого типа, с узким прогнутым в центре и выступающим далеко за край рамки язычком с широкой прямоугольной площадкой в тыльной части (Лобода И.И., 1977, рис. 6, *18*). При погребенном обнаружены два меча, два кинжала, пряжка с утолщенной в передней части рамкой и плоским язычком, портупейное кольцо с щитком, имеющим гофрированный захват, бусы, умбон и рукоять щита, характерные, главным образом, для фаз С2 – С3 (260–375 гг.), бронзовая монета императора Лициния (308–327 гг.) (Лобода И.И., 1977, с. 245, 246, рис. 6; Kazanski M., 1994, p. 439). При детском костяке, расположенном рядом, найдены вещи IV в. (Лобода И.И., 1977, с. 246, рис. 6, *2, 3, 11*; Айбабин А.И., 1990, рис. 2).

Для определения "узкой" даты пряжек интересующего типа в настоящее время недостаточно оснований. Требуется детальная классификация пряжек с учетом всех признаков и особенностей их распространения и бытования на различных территориях. Возможно, в дальнейшем удастся проследить изменение сочетаний этих признаков во времени и сузить дату. Пряжки описанного варианта можно пока датировать второй половиной III–IV в.н.э. и отметить тенденцию к увеличению их количества в IV в.

* * *

Первые погребения в могиле 67, судя по сочетанию трех фибул, найденных на полу южного подбоя, были совершены во второй четверти III в.н.э. и, таким образом, являются самыми ранними из раскопанных в Дружном. Дата наиболее поздних захоронений устанавливается менее уверенно. По-видимому, их произвели во второй половине III в.н.э., несмотря на то, что пряжка из последнего погребения северного подбоя и кольцо из последнего погребения южного подбоя, по формальным признакам, с равной степенью вероятности могут быть датированы и IV в.н.э.

Могила 67, как уже говорилось, расположена на краю карьера и в отдалении от остальных погребальных сооружений могильника. Любопытно, что другая ранняя могила, раскопанная А.И. Айбабиным (Айбабин А.И., 1994, с. 92, 93, рис. 1), также располагалась на краю карьера. Это обстоятельство позволяет предположить, что современными земляными работами был уничтожен наиболее ранний участок могильника.

Определенные выводы можно сделать об этнокультурной принадлежности погребенных. Подбойные могилы, в том числе и с двумя подбоями, были широчайшим образом распространены в Крыму, начиная с I в.н.э. В них хоронили чаще по одному, но иногда, как в нашем случае, по несколько человек. Появление в Крыму таких погребальных сооружений все исследователи связывают с сарматским влиянием. Из особенностей публикуемой могилы отметим две. Во-первых, это заполнение верхней части входной ямы камнями. Обычай забивать входную яму камнями – характерный признак позднескифской археологической культуры. Однако при этом камни заполняли входную яму целиком, а не только ее верхнюю часть. Во-вторых, напомним о специальной земляной подсыпке, которая разделяла некоторые костяки. В многократных позднескифских захоронениях костяки обычно лежат непосредственно друг на друге. Для позднеримского времени многоярусные погребения вообще не характерны. Насколько нам известно, разделенные земляной подсыпкой захоронения зафиксированы только в Дружном (помимо публикуемой могилы, двухярусные погребения исследованы в подбойной могиле 73 и склепе 84). Все заполнение могилы, включая подсыпки, состояло из мягкой земли, возможно, просеянной или, во всяком случае, специально подготовленной для этой цели.

По хронологии, составу инвентаря, погребальному обряду могила 67 в Дружном близка погребальным сооружениям могильников, расположенных в Юго-Западном Крыму: Скалистое III, Бельбек I, II, III, Танковое. К этой же группе памятников относится обширный участок некрополя Нейзац, раскопанный нами в 1996 г. Могильники Юго-Западного Крыма именуют, обычно, позднескифскими. Однако от позднескифских их отличает ряд характерных черт. Во-первых, они не связаны с поселениями. Во-вторых, обсуждаемые некрополи состоят, в основном, из подбойных могил. Известны и даже распространены другие типы погребальных сооружений (простые грунтовые ямы, могилы с заплечиками, плитовые могилы), но традиционные для поздних скифов склепы отсутствуют. Очень редки, но зафиксированы в Скалистом III, Танковом, Бельбеке I погребения, совершенные по обряду кремации. В-третьих, в могилах появляются вещи, не характерные для поздних скифов: кольчуги (Скалистое III, могилы 37, 44; Черная речка, могила 68) (Богданова Н.А. и др., 1976, с. 146; Бабенчиков В.П., 1963, с. 108), золотые серьги, выполненные в полихромном стиле (Бельбек III, могила 1) (Гущина И.И., 1974, рис. IV, *4*), серебряные ритуальные

флаконы-подвески (Бельбек III, могила 10; Скалистое III, могила 12) (Гущина И.И., 1974, рис. V, *14*; Богданова Н.А. и др., 1976, с. 144), вещи, связанные происхождением с Центральной и Северной Европой: умбоны щитов (Бельбек I) (Печенкин Н.М., 1905, с. 34), шпоры, украшенные эмалью (Скалистое III, могила 28-Л) (Богданова Н.А. и др., 1976, рис. 8, *48, 49*), золотая ведерковидная подвеска, орнаментированная зернью в "закшувском" стиле (Бельбек III, могила 10) (Гущина И.И., 1974, рис. V, *20*), фибула с высоким приемником (Бельбек III, могила 6) (Гущина И.И., 1974, рис. V, *6*). В настоящее время можно лишь констатировать сарматское происхождение населения, оставившего данную культурно-хронологическую группу погребений. Существует проблема определения нижней хронологической границы этих могильников, не разрешимая до проведения специального исследования. Возможно, они появились еще в то время, когда существовали позднескифские поселения. Но не исключено совпадение датировки наиболее ранних погребений из обсуждаемой группы памятников и верхней хронологической границы позднескифской археологической культуры. Напомним, в этой связи, что фибулы из могилы 67 в Дружном аналогичны найденным в слоях разрушения Неаполя и в погребении воина, похороненного в самом верхнем слое Усть-Альминского городища. Вероятно, во второй четверти III в.н.э. происходили частые перемещения активного в военном отношении населения.

Во второй половине III в.н.э. отмечается приток новой большой группы людей, что хорошо прослежено в Дружном не только хронологически и культурно, но и топографически. Вероятно, это были аланы, пришедшие с Северного Кавказа, о чем свидетельствуют конструктивные особенности склепов и многие типы лепных керамических сосудов. В то же время, для могильников Центрального Предкавказья (Подкумский, Нижнеджулатский, Чегемский курган-кладбище и др.) не характерно использование подбойных могил (Абрамова М.П., 1993, с. 22, 28, 114, 119, 129, 131). Следовательно, приходится предполагать участие в формировании населения предгорного Крыма не только выходцев с Кавказа, но и местных этнических элементов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова М.П., 1993. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в.н.э.). М.

Айбабин А.И., 1990. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Вып. I. Симферополь.

Айбабин А.И., 1994. Раскопки могильника близ села Дружное в 1984 г. // МАИЭТ. Вып. IV. Симферополь.

Алексеева Е.М., 1975. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. 1–12. М.

Алексеева Е.М., 1978. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. 1–12. М.

Алексеева Е.М., 1982. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. 1–12. М.

Амброз А.К., 1966. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н.э. – IV в.н.э. // САИ. Вып. Д 1–30. М.

Амброз А.К., 1971. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. Ч. 1. // СА. № 2.

Амброз А.К., 1989. Хронология древностей Северного Кавказа. М.

Анохин В.А., 1962. Монетные находки в могильнике у совхоза № 10 Крымской области // НЭ. Вып. 3.

Бабенчиков В.П., 1957. Некрополь Неаполя скифского // История и археология древнего Крыма. Киев.

Бабенчиков В.П., 1963. Чорноріченський могильник // АП. Т. XIII.

Безуглов С.И., Копылов В.П., 1989. Катакомбные погребения III–IV вв. н.э. на Нижнем Дону // СА. № 3.

Богданова Н.А., Гущина И.И., Лобода И.И., 1976. Могильник Скалистое III в Юго-Западном Крыму // СА. № 4.

Веймарн Е.В., 1963. Археологічні работи в районі Інкерману // АП. Т. XIII.

Высотская Т.Н., 1972. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев.

Высотская Т.Н., 1994. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев.
Гороховский Е.Л., 1988. Хронология черняховских могильников лесостепной Украины // Тр. V междунар. конгр. археологов-славистов. Т. 4. Киев.
Гороховський Е.Л., Зубар В.М., Гаврилюк Н.О., 1985. Про пізню дату деяких античних городищ Ольвійськоі хори // Археологія. Вип. 49.
Гущина И.И., 1974. Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М.
Дзиговский А.Н., Субботин Л.В., 1986. О верхней дате сарматских памятников понизовья Дуная // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев.
Древности Боспора Кимерийского. Атлас., 1854. СПб.
Зайцев Ю.П., 1995. Хронология Неаполя скифского // Древности степного Причерноморья и Крыма. Т. V. Запорожье.
Засецкая И.П., 1975. Золотые украшения гуннской эпохи. Л.
Книпович Т.Н., 1952. Краснолаковая керамика первых веков нашей эры из раскопок Боспорской экспедиции 1935–1940 гг. // МИА. № 25.
Корпусова В.М., 1973. Сільське населення пізньоантичного Боспору // Археологія. Вип. 8.
Лобода И.И., 1976. Раскопки могильника Озерное III в 1963–1965 гг. // СА. № 4.
Максименко В.Е., Безуглов С.И., 1987. Позднесарматские погребения на реке Быстрой // СА. № 1.
Мосберг Г.И., 1946. К изучению могильников римского времени из Юго-Западного Крыма // СА. VIII.
Орлов К.К., 1987. Ай-Тодорский некрополь // Материалы к этнической истории Крыма VII в. до н.э. – VII в.н.э. Киев.
ОАК за 1894 г., 1896. СПб.
Печенкин Н.М., 1905. Раскопки в окрестностях г. Севастополя // ИТУАК. № 38.
Савовський І.П., 1977. Нові сарматські поховання на Запоріжжі // Археологія. Вип. 23.
Скрипкин А.С., 1984. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов.
Сорочан С.Б., 1982. Про так звані рубчасті світильники з Херсонеса // Археологія. Вип. 38.
Субботин Л.В., Дзиговский А.Н., 1990. Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья. II. Курганные могильники Дивизийский и Белолесский. Препринт. Киев.
Сымонович Э.А., 1983. Население столицы позднескифского царства. Киев.
Хазанов А.М., 1963. Генезис сарматских бронзовых зеркал // СА. № 4.
Хайрединова Э.А., 1995. Бусы из могильника Дружное // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь.
Храпунов И.Н., 1994. Погребение середины III в.н.э. из могильника Дружное // МАИЭТ. Вып. IV. Симферополь.
Храпунов И.Н., 1995. Очерки этнической истории Крыма в раннем железном веке. Тавры. Скифы. Сарматы. Симферополь.
Храпунов И.Н., Мульд С.А., Хайрединова Э.А., 1994. Исследование позднеримского могильника Дружное // Археологические исследования в Крыму. 1993 год. Симферополь.
Щербакова Т.А., Щукин М.Б., 1991. О двух стилях в ювелирном искусстве черняховской культуры // Древности Юго-Запада СССР. Кишинев.
Chrapunov I.N., 1995. Necropoli di Druznoe distretto di Simferopol // Dal mille al mille. Tesori e popoli dal Mar Nero. Milano.
Godlowski K., 1970. The Chronology of the Late Roman and Early Migration periods in Central Europe. Krakow.
Kazanski M., 1986. Un temoignage de la presence des Alano-Sarmates en Gaule: la sepulture de la Fasse Jean-Fat a Reims // Archeologie Medievale. 16.
Kazanski M., 1994. Les eperons, les umbo, les manipules de boucliers et les haches de l'epoque romaine tardive dans la region pontique: origine et diffusion // Beitrage zu romischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Marburger Kolloquium 1994. Lublin, Marburg.
Kazanski M., 1995a. L'equipement et le materiel militaires au Bas-Empire en Caule du Nord et de l'Est // Rev. Nord-Archeol. (T. LXXVII). N. 313.
Kazanski M., 1995b. Les tombes des chefs alano-sarmates au IVe siecle dans les steppes pontiques // La noblesse romaine et les chefs Barbares du III au VII siecle. Rouen.

Rostovtceff M.I., 1923. Une trouvaille de L'epoque greco-sarmate de Kertch au Louvre et au musee de Saint-Germain // Monuments et Memoires publies par l'Academie des inscriptions et belles-lettres. T. 26.

Крымский гос. университет,
Симферополь

I.N. KHRAPUNOV, V.V. MASYAKIN

A TOMB WITH TWO CUT NICHES DATING TO THE THIRD CENTURY BC FROM THE NECROPOLIS DRUZHNOYE

Summary

The burial qround Druzhnoye is located in the Central Crimea. The tomb described in the paper is located at the edge of the burial ground and is noted for its topography. Eight burials have been uncovered in two chambers cut out in long walls of the entrance pit. Judqing by the combination of fibulas, the first burials date to the second quarter of the 3d century and are the earliest in the burial ground. The latest burials were made in the second half of the 3d-4th centuries BC. Chronology and specific features of the burial rite make the complexes presented in the paper close to a group of burial grounds found in Central and South-West Crimea (Balbek I, II, III, Skalistoye, Tankovoye, etc.). Their appearance is linked with the arrival of Sarmatians in the first half of the 3d century. An influx of new tribes identified with Aland is recorded in the second half of the 3d century.

И.В. СЕРГАЦКОВ

САРМАТСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ С РИМСКИМ ИМПОРТОМ В НИЗОВЬЯХ ИЛОВЛИ

Бассейн Иловли (левый приток Дона) чрезвычайно богат археологическими памятниками. Их исследования начались еще в конце прошлого века (Спицын А.А., 1896, с. 141–144). В 1937 г. И.В. Синицын произвел небольшие по объему раскопки в низовьях Иловли. Им было исследовано восемь курганов во II Авиловском могильнике (Синицын И.В., 1954, с. 218–253). Материалы этих раскопок получили широкую известность и неоднократно анализировались исследователями (Мошкова М.Г., 1984, с. 18–29). В 1991 г. экспедиция Волгоградского государственного университета приступила к доследованию памятника. В результате было открыто несколько ярких сарматских комплексов первых веков н.э., среди которых выделяется кург. № 11. Настоящая статья посвящена публикации его материалов.

Высота кургана 0,59 м, диаметр 18 м. Под современным дерном всю насыпь покрывал панцирь из суглинка белесого цвета. В древности поверхность кургана имела светлый, почти белый цвет. Курган содержал одно погребение, находившееся в его центральной части (рис. 1, *1*). Могила имела квадратную форму, углами ориентирована по сторонам света. Размеры ямы 1,85×2 м, глубина 2 м. В заполнении могилы встречались куски перегнивших деревянных плах от перекрытия, ее дно было выстлано корой и войлоком, посыпано углями. На дне расчищен скелет женщины 40–45 лет[1], лежащей вытянуто на спине, по диагонали ямы, головой на юг (рис. 1, *2*).

В северном углу могилы найдены гончарная серолощеная миска с желобчатым бортиком диаметром 28 см (рис. 2, *1*). Рядом стоял гончарный сероглиняный сосудик с биконическим туловом (рис. 2, *2*). Тут же находился бронзовый ажурный колокольчик (рис. 2, *5*). Около миски, возле северо-восточной стенки могилы вверх дном был положен бронзовый ковш с плоским дном, расширяющимся кверху туловом и пластинчатой ручкой, увенчанной шайбой с отверстием в центре; последнее окружено валиком с радиальными насечками. Верхняя часть тулова опоясана тремя круговыми линиями. На дне, внутри ковша помещена циркулярная окружность, а снаружи, в центре имеется небольшой выступ, окруженный пятью концентрическими окружностями из рельефных валиков. По краям дна припаяны три фигурные подставки в виде стилизованных цветов лотоса. Ковш литой, после отливки доработан на токарном станке. Его высота 11,6 см, наибольший диаметр 17,2, длина ручки 15,4 см (рис. 3, *2*). У северо-восточной стенки лежал обломок массивного бронзового зеркала. Оно было несколько раз сломано в древности, края сломов заглажены, после чего зеркало какое-то время еще использовалось (рис. 2, *4*). Рядом находился гипсовый округлый сосудик, на боках которого имеются две вертикальные ручки в виде стилизованных фигурок лежащих кошачьих хищников (рис. 2, *7*). В нем находилась пудра розового цвета. В районе шеи и за черепом были собраны бусы, составлявшие ожерелье.

Состав ожерелья: 16 агатовых бочковидных бус (рис. 2, *20*) – тип 2а (Алексеева Е.М., 1982, с. 20); 5 коралловых бусин цилиндрической формы (рис. 2, *30–34*) – тип 9 (Алексеева Е.М., 1982, с. 30); 1 сердоликовая округлая поперечно сжатая бусина

[1] Антропологические определения сделаны М.А. Балабановой.

© И.В. Сергацков, 1998 г.

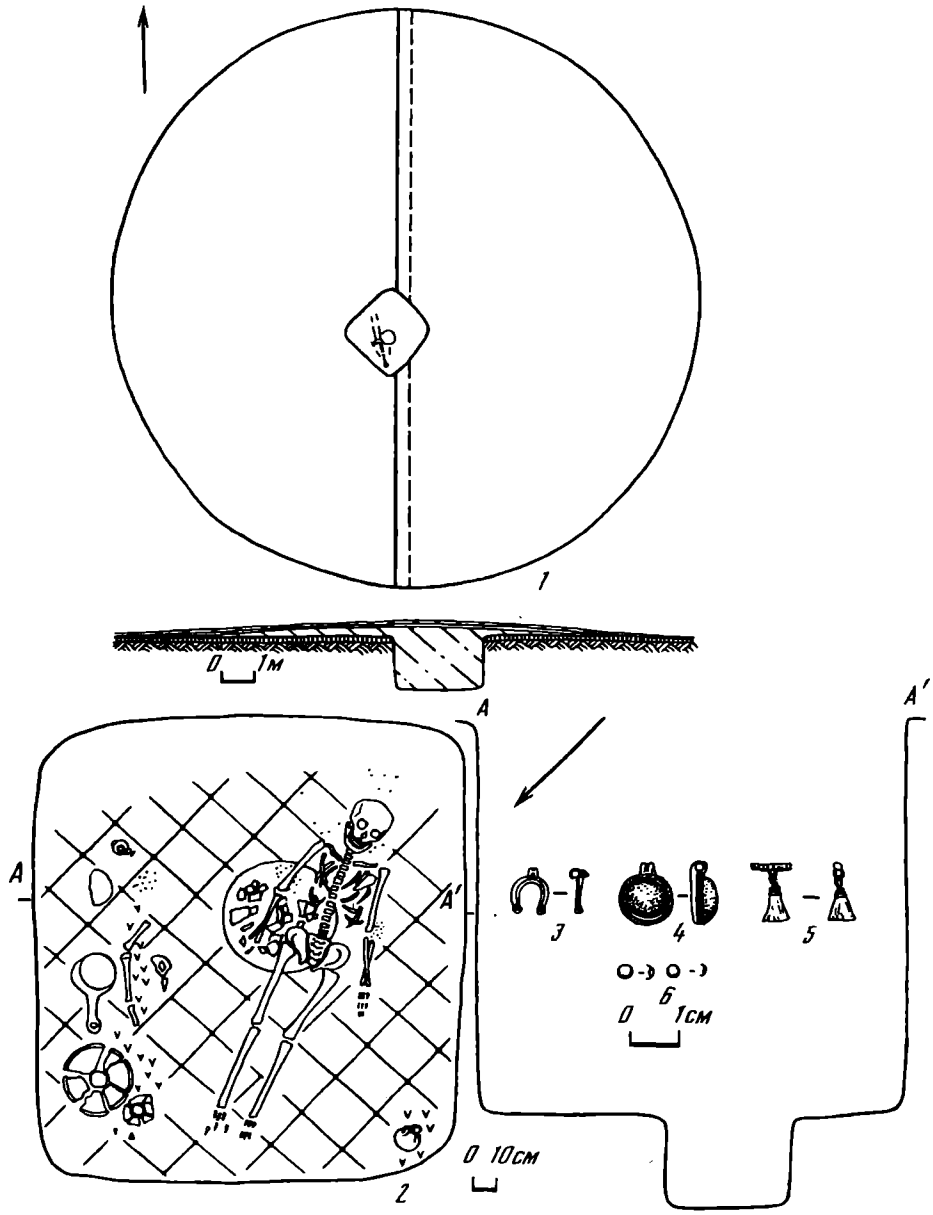

Рис. 1. *1* – план и профиль кург. № 11; *2* – план погребения в кург. № 11; *3–5* – золотые подвески; *6* – золотые бляшки

(рис. 2, *27*) – тип 2а (Алексеева Е.М., 1982, с. 15); 12 гагатовых округлых поперечно сжатых бусин (рис. 2, *21–24*) – тип 2а (Алексеева Е.М., 1978, с. 10); 50 гагатовых короткоцилиндрических бусин (рис. 2, *25*) – тип 27а (Алексеева Е.М., 1978, с. 14); 1 округлая поперечно сжатая бусина из глухого светло-синего стекла с бело-синими глазками (рис. 2, *26*) – сопоставима с типом 78а (Алексеева Е.М., с. 68); фрагмент округлой бусины из глухого белого стекла (рис. 2, *29*), сопоставима с типом 2 (Алексеева Е.М., 1978, с. 63); 1 округлая бусина из глухого желтого стекла (рис. 2, *35*) – тип 5 (Алексеева Е.М., с. 63); 1 округлая поперечно сжатая бусина из глухого коричневого стекла (рис. 2, *36*) – тип 14 (Алексеева Е.М., 1978, с. 64); 1 дисковидная пронизь из бесцветного стекла (рис. 2, *28*) – тип 76 (Алексеева Е.М., 1978, с. 68); 1 подвеска в виде миниатюрного кувшинчика из прозрачного голубого стекла (рис. 2, *40*) – сопоставима с типом 194 (Алексеева Е.М., 1978, с. 74); 3 янтарные бочковидные поперечно сжатые бусины (рис. 2, *37–39*) относятся к типу 5 (Алексеева Е.М., 1978, с. 24).

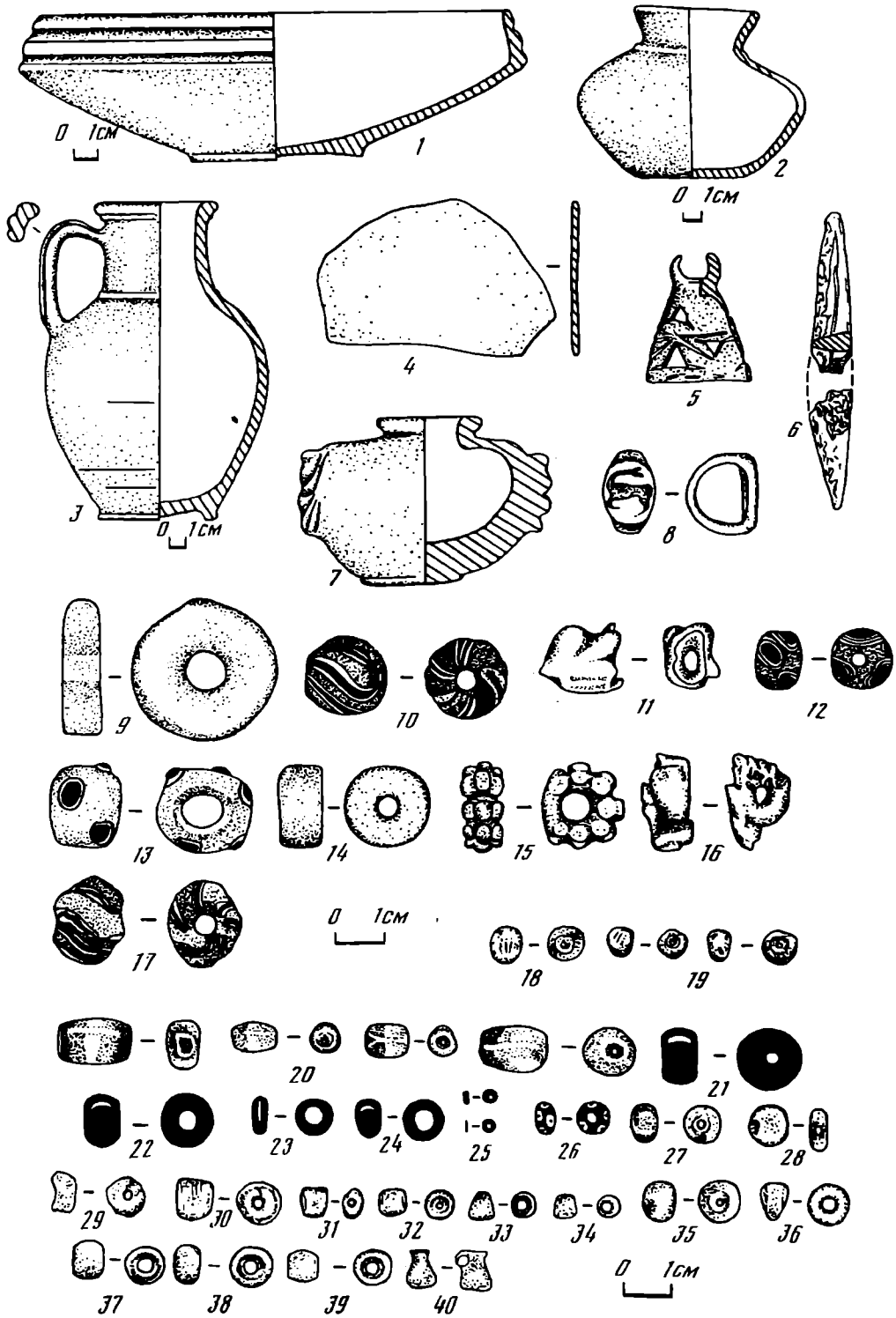

Рис. 2. Находки из кург. № 11

В состав ожерелья входили три золотые подвески. Одна из них имеет подковообразную форму, сверху к ней припаяна петелька для подвешивания. На концах подвески и в ее средней части напаяны грозди зерни (рис. 1, *3*). Вторая подвеска представляет собой круглый медальон со вставкой из голубого стекла и петелькой для подвешивания. Медальон обрамлен филигранью (рис. 1, *4*). Третья подвеска – гофрированная пронизка, к которой на петельке подвешен конусовидный колокольчик, свернутый из тонкого золотого листка (рис. 1, *5*). Возле локтей погребенной собраны

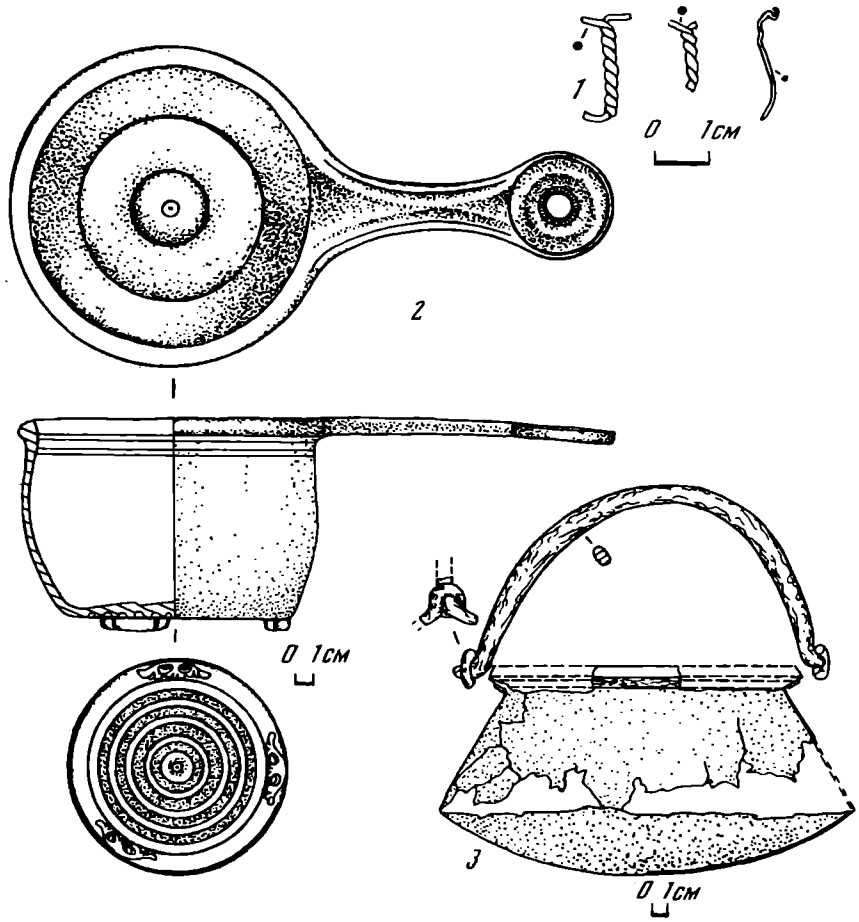

Рис. 3. Находки из кург. № 11

золотые тисненые бляшки полусферической формы с петелькой на обороте, которыми были расшиты рукава одежды (рис. 1, *6*).

У локтя правой руки расчищено скопление бус, видимо, лежавших в сумочке. Состав набора: 1 короткоцилиндрическая бусина, выточенная из стенки сероглиняного сосуда (рис. 2, *9*), – не идентифицирована, видимо, местное производство; 2 подвески из кремневых конкреций (рис. 2, *11, 16*) – местное производство; 1 бронзовая поперечно уплощенная подцилиндрическая пронизь с продольными рядами бугорков (рис. 2, *15*) – тип 17 (Алексеева Е.М., 1982, с. 24); 1 янтарная короткоцилиндрическая бусина (рис. 2, *14*) – тип 7 (Алексеева Е.М., 1978, с. 24); 2 округлые бусины из глухого зеленого стекла с чередующимися полосами белого, желтого, коричневого и красного цветов (рис. 2, *10, 17*) – тип 241 (Алексеева Е.М., 1978, с. 46); 1 округлая бусина из глухого желтого стекла с выпуклыми бело-синими глазками (рис. 2, *13*) – тип 61в (Алексеева Е.М., 1975, с. 66); 1 округлая бусина из глухого зеленого стекла с бело-синими глазками (рис. 2, *12*) – не идентифицирована.

Вместе с бусами найден бронзовый перстень с плоским, овальным в плане щитком, на котором в глубоком рельефе помещено изображение быка (?) без головы, с подогнутыми ногами и заброшенным за спину хвостом с кисточкой на конце (рис. 2, *8*).

В заполнении могилы подобраны обломки двух бронзовых "скрепок" (рис. 3, *1*). В западном углу ямы стоял сероглиняный гончарный кувшин высотой 19,2 см (рис. 2, *3*). Возле миски найдены фрагменты железного ножа (рис. 2, *6*). Здесь же лежали кости ноги и таза овцы.

Возле гипсового сосудика найдены створка раковины grifea. Тут же расчищено

скопление сердоликовых округлых поперечно сжатых бус (рис. 2, *18, 19*), – тип 2а (Алексеева Е.М., 1982, с. 15). Ими, вероятно, был расшит чехол или туалетная сумочка. У локтя правой руки обнаружена бронзовая, полностью окислившаяся бляшка, сохранить которую не удалось.

В центре могилы вырыт тайник круглой формы диаметром 0,5 и глубиной 0,4 м (рис. 1, *2*). В нем вверх дном был поставлен бронзовый кованый котел с округлым дном, сужающимся кверху туловом и отогнутым наружу краем. Под ним котел опоясан пластинчатым железным ободком, к которому крепилась дужка. Диаметр сосуда 30,6 см, высота 15,6 см (рис. 3, 3).

В погребальном обряде примечательны две детали: облицовка насыпи светлым суглинком и расположение тайника и котла в нем. Усложненная архитектура насыпи и ее монументальность – отличительные признаки погребений знати скифо-сарматской эпохи. Аналогичный авиловскому тайник был устроен в кург. № 30 Ютаевскоо могильника (Скрипкин А.С., 1973, с. 102, рис. 2, *8*). Так же располагался тайник с набором бронзовой посуды в известном погр. 8 кург. 55 Калиновского могильника (Шилов В.П., 1959а, с. 404, рис. 34, *5*). Аналогичный случай отмечен в погр. 4 кург. № 1 могильника Килякова (Мыськов Е.П., 1992, с. 126, рис. 6, *1*). В такой же ситуации был найден котел в одном из курганов у с. Новолуганское в Донецкой обл. (Шаповалов Т.А., Байдебура Ю.П., 1968, с. 127–131). В перечисленных случаях нашла отражение единая традиция устройства тайников в центре могилы, практиковавшаяся сарматами в первых веках н.э.

Вещевой материал погребения весьма выразителен и позволяет установить точную дату комплекса. Ведущую роль в этом отношении играют керамика, металлическая посуда, золотые украшения и бусы.

Кувшины, подобные авиловскому, в сарматских памятниках Волго-Донского междуречья известны в Чиковском могильнике (Скрипкин А.С., 1990, рис. 15, *7*), в Сидорах (Шилов В.П., 1959б, рис. XL, *3*). Сосуды этого вида включены А.С. Скрипкиным в список вещевого комплекса I в. н.э. его хронологической схемы (Скрипкин А.С., 1990, рис. 49). Происхождением такая посуда связана с керамическими центрами Нижнего Дона, где своими прототипами она имеет античные образцы, известные в Танаисе (Шелов Д.Б., 1961, табл. XX. *6*).

Миски с желобчатым бортиком часто встречаются в памятниках I–II вв. н.э. в Прикубанье (Анфимов Н.В., 1951, рис. 15, *11*; Гущина И.И., Засецкая И.П., 1989, табл. VIII. *76*; 1992, рис. 3, *14*; 1994, табл. 9, *89*; табл. 18, *168)*, на Северном Кавказе (Абрамова М.П., 1993, рис. 55, *8*; Керефов Б.М., 1988, с. 30, рис. 9, *1–4*), на нижнем Дону (Ильюков Л.С., Власкин М.В., 1992, рис. 28, *24*; рис. 33, *1*; Каменецкий И.С., 1974, табл. IV, *6*), включая и Танаис (Шелов Д.Б., 1961, табл. XVIII, *1*; Кругликова И.Т., 1974, табл. IV, *6*). Такие миски в сарматских памятниках Волго-Донских степей А.С. Скрипкин датировал в пределах I–II вв. н.э. (Скрипкин А.С., 1984, с. 49; 1990, рис. 45). При этом следует учитывать то обстоятельство, что на Подазовском городище – одном из основных центров производства такой посуды – пик их изготовления приходится на вторую половину I в. н.э. (Каменецкий И.С., 1974, с. 217, 218).

Миниатюрные сосудики с биконическим туловом, подобные авиловскому, широко представлены в среднесарматских погребениях Нижнего Поволжья (Синицын И.В., 1932, табл. III, *36*; 1959, рис. 1, *11*; 1960, рис. 11, *5*; рис. 21, *4*; рис. 29, *5*; рис. 39, *2*). Они известны в Танаисе (Шелов Д.Б., 1961, табл. XVI, *3*; табл. XVIII, *2*, табл. XXV, *2*), на поселениях Нижнего Дона (Косяненко В.М., 1989, рис. 4, *1*), в Прикубанье (Анфимов Н.В., 1951, рис. 17, *1*), и на Северном Кавказе (Абрамова М.П., 1993, рис. 51, *10*), где датируются I – первой половины II в. н.э. Бронзовый ковш и котел принадлежат к числу импортных изделий. Ковш, по классификации Х. Эггерса, относится к типу 140 и датируется в пределах периода B1, т.е. первой половины I в. н.э. (Eggers H.J., 1951. Taf. 12/140, S. 172). Сводка таких ковшей в Восточной Европе приведена в работе В.В. Кропоткина (Кропоткин В.В., 1970, с. 25). Помимо них в Волго-Донских степях

известно еще несколько находок ковшей типа 140: в кург. 16 у с. Третьяки (Medvedev A.P., Yefimov K.Yu., 1989, p. 76, *1*), в кург. 11 могильника Нагавский II (Мыськов Е.П., Сергацков И.В., 1994, рис. 2, *8*), в катакомбе в Ростове-на-Дону (Volkov I.V., Guguev Yu.K., 1986, p. 54, *2*). Два последних погребения датируются позднесарматским временем (второй половиной II – началом III в. н.э.) и свидетельствуют, что время бытования ковшей типа Eggers-140 в сарматских степях значительно превышает период их производства в Западной Европе.

У авиловского ковша ко дну припаяны три фигурные подставки в виде стилизованных цветов лотоса. Такие подставки обнаружены в разграбленном кург. № 4 у ст-цы Скосырская (Безуглов С.И., Захаров А.В., 1992, рис. 2, *5*). Аналогичные изделия были найдены в Усть-Каменском могильнике, хотя автором публикации они названы амулетами (Костенко В.И., 1993, с. 63, рис. 21, *2, 3*). Такие же подставки помещены на ковше типа "Siscia" из могильника Новый. Аналогичные подставки украшают дно ковша из кург. 2 у хутора Глинище (Демиденко Ю.В., 1994, с. 140, рис. 2, *9, 10*). Следы от подставок такой же формы, утраченных еще в древности, имеются на уже упоминавшемся ковше из Нагавской. Такие подставки есть и у некоторых ковшей из Западной Европы с клеймами италийских мастеров (Petrovszky R., 1993, Taf. 11, 28). Наличие таких одинаковых деталей может синхронизировать некоторые типы ковшей и свидетельствовать о единой художественной традиции их изготовления, возможно, в одном центре. Что же касается вопроса о месте производства авиловского ковша, то он довольно сложен: такие сосуды изготавливались как в собственно италийских мастерских, так и в провинциальных центрах. Все же, несмотря на имеющиеся сомнения, думается, что публикуемый ковш имеет италийское происхождение.

Кованый котел из тайника относится к типу Debelt, выделенному Б.А. Раевым (Raev B.A., 1986, p. 24). Время существования этого типа котлов в восточноевропейских степях охватывает I – начало III в. н.э. Исходными формами для таких сосудов послужили южноиталийские котлы, в большом количестве обнаруженные в Помпеях. Если котлы I в. н.э. италийского происхождения, то более поздние экземпляры, видимо, провинциальные, в частности фракийского производства (Raev B.A., 1986, p. 24).

Наиболее точными аналогиями авиловскому котлу в сарматских памятниках Восточной Европы являются сосуды из Бердии (Мордвинцева В.И., Сергацков И.В., 1995, рис. 5, *3*), из ст-цы Тифлисская (Гущина И.И., Засецкая И.П., 1994, табл. 28, *273*). Ново-Подкряжского могильника (Костенко В.И., 1977, рис. 3, *11*), могильника Центральный на Нижнем Дону (Раев Б.А., Науменко С.А., 1993, рис. 4) и из кург. 75 Жутовского могильника[2]. Все перечисленные памятники датируются I – началом II в. н.э.

Подвески в виде медальонов со вставками из стекла или камня с обрамлением из зерни или филиграни, подобные авиловскому, – украшения, хорошо известные в погребениях сарматской знати "Золотого кладбища" в Прикубанье (Гущина И.И., Засецкая И.П., 1994, табл. 2, *29*; табл. 27, *263*), Нижнего Дона (Беспалый Е.И., 1990, рис. 5, *19*)[3], Поволжья (Rau P., 1927, Ab. 57, E; Сергацков И.В., 1993, рис. 5, *3*), Южного Приуралья (Степи европейской части..., 1989, цветная вклейка; Багриков Г.И., Сенигова Т.Н., 1968, рис. 3, *5*), в памятниках Северного Причерноморья, откуда они и поступали к кочевникам Волго-Донских степей (Пятышева Н.В., 1956, табл. VIII, *7–9*).

Исходя из перечисленных аналогий, иловлинские подвески датируются в пределах I–III вв. н.э. Позже такие украшения встречаются лишь единолично. Одной из наиболее поздних находок этого рода являются медальоны из Большой Дмитриевки (Ма-

---

[2] Раскопки В.И. Мамонтова 1974 г. Материалы не опубликованы.

[3] Такие же подвески найдены в курганах 9 и 33 могильника Валовый I. Раскопки Е.И. Беспалого 1987 г. Материалы не опубликованы.

тюхин А.Д., Ляхов С.В., 1991, рис. 2, *1–14*), относящиеся ко второй половине III – началу IV в. н.э.

Подвеска с колокольчиком находит точные аналогии в некрополе Херсонеса (Пятышева Н.В., 1956, табл. XII, *9, 10, 20*). Украшения с подвесками в виде колокольчиков известны среди находок из некрополя Тилля-Тепе в Северном Афганистане (Sarianidi V.J., 1985, S. 240). Их дата – I в. н.э.

Аналогии подковообразной подвеске имеются в Косике (Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1993, с. 176, рис. 20, *11*) и в погребении у хутора Элитный на Кубани (Анфимов И.Н., 1986, рис. 1, *6*). Авиловская подвеска отличается от перечисленных наличием гроздей зерни. Погребение в Косике датируется около середины I в. н.э. (Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1993, с. 178), а комплекс из Элитного И.Н. Анфимов счел возможным отнести ко времени не позже последней четверти II в. до н.э. (Анфимов И.Н., 1986, с. 197). На необоснованность такой датировки комплекса указывал И.И. Марченко, определивший его время в рамках I в. до н.э. (Марченко И.И., 1987, с. 49, 50). Таким образом, хронологические позиции авиловской подвески можно ограничить в пределах I в. до н.э.– I в. н.э. Интересно, что довольно много близких по форме украшений происходит из сарматских памятников II–III вв. н.э. в Венгрии (Pazdusz M., 1941, Taf. XXII, *22*; XXVIII, *9*; XXIX, *29*; XXX, *57, 61*).

Благоприятную возможность для установления точной даты комплекса дают обнаруженные в нем бусы. Наборы ожерелья и сумочки были проанализированы отдельно с помощью метода "узких" датировок (Щукин М.Б., 1978, с. 28–32). В таблицах 1 и 2 сплошной вертикальной линией показано время существования того или иного типа бус, а сгущения горизонтальных линий обозначают периоды их наибольшей популярности.

Судя по распределению хронологических позиций бус, самой оптимальной датой ожерелья может считаться I в. н.э. (табл. 1). При этом подвеска в виде кувшинчика (тип 194) выглядит довольно архаично, впрочем, в своде Е.М. Алексеевой фигурирует только одна бусина, не составляющая к тому же полной аналогии авиловской. Таким образом, достаточных оснований для приведенной даты подвески не имеется.

Распределение хронологических позиций бус (табл. 2) свидетельствует, что набор из сумочки синхронен ожерелью. Остальные находки из погребения (гипсовый сосудик, бронзовый колокольчик и пр.) характерны для среднесарматской культуры. Среди них выделяется бронзовый перстень. Он принадлежит к так называемому птолемеевскому типу, наиболее популярному в эллинистическое время (Трейстер М.Ю., 1982, с. 70). Большинство таких перстней, найденных на Боспоре, являются импортами из птолемеевского Египта, хотя имеются и местные подражания им (Трейстер М.Ю., 1982, с. 76). Кроме авиловского, мне известен еще один случай находки перстня такого типа в сарматском погребении, в могильнике Веселая Роща III (Мирошина Т.В., Державин В.Л., 1988, с. 154, рис. 5, *32*). Помимо морфологической близости авиловскому следует отметить, что ставропольский перстень обнаружен в аналогичных условиях – в сумочке, вместе с бусами и амулетами (Мирошина Т.В., Державин В.Л., 1988, с. 155).

Судя по результатам анализа вещевого материала, дата кург. № 11 II Авиловского могильника не выходит за рамки I в. н.э. В хронологическом отношении он является одним из эталонных памятников среднесарматской культуры.

Публикуемый комплекс представляет интерес не только в хронологическом аспекте, но и для реконструкции социальной структуры сарматского общества первых веков н.э. Среди диагональных погребений среднесарматской эпохи выделяются богатые женские захоронения с едва ли не стандартным набором инвентаря, включающего импортную глиняную, металлическую и стеклянную посуду, бронзовые литые котлы, туалетные наборы, зеркала, наборы бус и амулетов, золотые украшения. К их числу относятся курган у с. Третьяки на Среднем Дону (Medvedev A.P., Yefimov K.Yu., 1986, p. 83, 84), несколько комплексов в Поволжье (Сергацков И.В., 1993, с. 71–79) и

Таблица 1

Хронологические позиции бус ожерелья

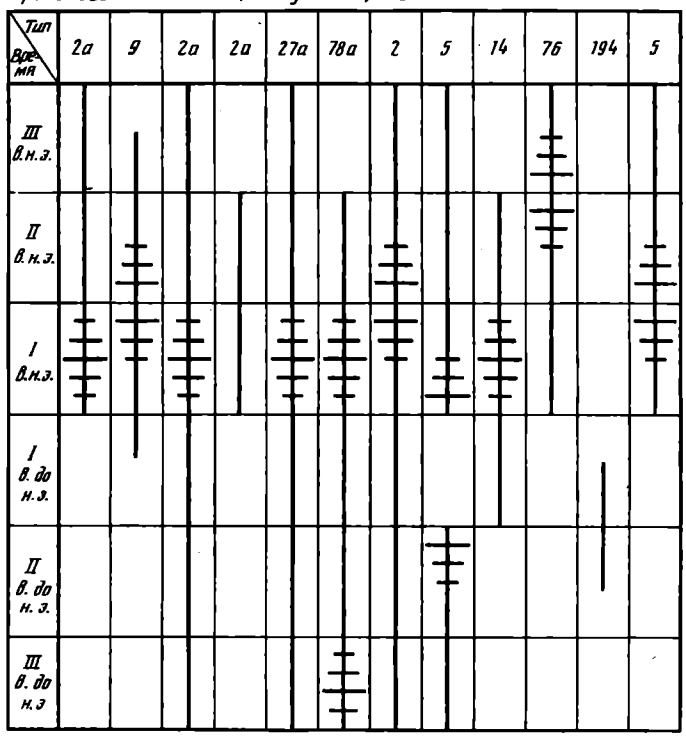
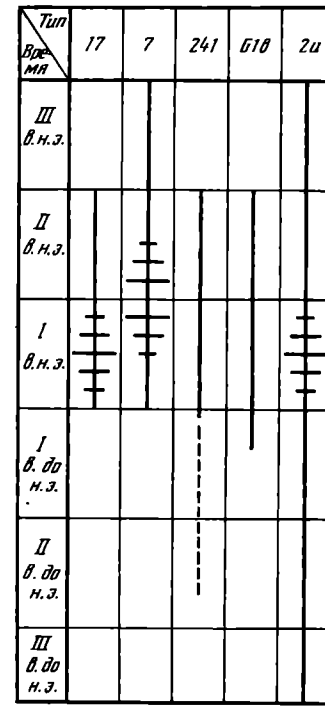

Таблица 2

Хронологические позиции бус ожерелья

целая серия погребений на Нижнем Дону (Безуглов С.И., Захаров А.В., 1992, с. 155; Ильюков Л.С., Власкин М.В., 1992, с. 30–168). Это довольно богатые захоронения, но их нельзя отнести к числу погребений сарматской знати высшего ранга. Открытие нескольких уцелевших от разграбления "царских" погребений I – начала II в. н.э. показало, что они не были диагональными. К диагональным погребениям примыкают и захоронения в прямоугольных ямах с близким составом инвентаря. Все это заставляет видеть в погребенных женщин, обладавших одинаковым прижизненным статусом. Судя по всему, этот социальный статус был довольно высок. Важным обстоятельством является тот факт, что это были взрослые женщины. Интересно, что в осетинском обществе женщина почтенного возраста (40–50 лет) в иерархии семьи занимала место хозяйки, госпожи (осетинское и аланское "ахсин" – стять, властвовать), которая являлась главным распорядителем и имела неограниченную власть надо всеми женщинами семьи (Абаев В.И., 1949, с. 64). Присутствие в рассматриваемых погребениях предметов, используемых в ритуальной практике (курильницы, амулеты, каменные сосудики, зеркала, котлы, каменные плитки), наводит на мысль, что эти женщины были наделены при жизни жреческими функциями. Сопоставляя археологические свидетельства с данными осетинского эпоса, З.Х. Албегова пришла к интересным выводам о выполнении женщиной функций домашней жрицы в обществе раннесредневековых аланов. Причастность женщин к искусству магии подтверждают данные нартовских сказаний, где один из самых ярких образов – хозяйка нартов Шатана – наделен неземной мудростью и великим колдовским даром. К ней обращаются за помощью, она часто выручает мужчин своей семьи. В эпосе нередко фигурируют женщины-ведуньи. В осетинской этнографии женщина была хранительницей культового центра большой семьи – очага (Албегова З.Х., 1995, с. 16).

С определенной долей вероятности авиловское и ему подобные погребения можно считать захоронениями домашних жриц, хозяек. Погребения типа "Хохлача", 10-го Кобяковского кургана и другие, видимо, имели более высокий статус.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абаев В.И., 1949. Осетинский язык и фольклор. Т. 1. М.; Л.

Абрамова М.П., 1993. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. – IV в. н.э.). М.

Албегова З.Х., 1995. К вопросу о религии алан (по амулетам салтово-маяцкой культуры) // Базы данных в археологии. М.

Алексеева Е.М., 1975. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1–12.

Алексеева Е.М., 1978. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1–12.

Алексеева Е.М., 1982. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1–12.

Анфимов Н.В., 1951. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской // МИА. № 23.

Анфимов И.Н., 1986. Погребальный комплекс II в. до н.э. у хут. Эиитный (Краснодарский край) // Новое в археологии Северного Кавказа. М.

Багриков Г.И., Сенигова Т.Н., 1968. Открытие гробниц в Западном Казахстане (II–IV и XIV в.) // Изв. АН КазССР. Сер. обществ. наук. № 2.

Безуглов С.И., Захаров А.В., 1992. Новые данные к хронологии среднесарматских погребений Донского Правобережья // Проблемы хронологии сарматской культуры. Саратов.

Беспалый Е.И., 1990. Погребения позднесарматского времени у г. Азова // СА. № 1.

Гущина И.И., Засецкая И.П., 1989. Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н.И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н.э. – начало II в. н.э.) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Тр. ГИМ. Вып. 70. М.

Гущина И.И., Засецкая И.П., 1992. К вопросу о хронологии и происхождении "Золотого кладбища" в Прикубанье (по материалам раскопок Н.И. Веселовского) // Проблемы хронологии сарматской культуры. Саратов.

Гущина И.И., Засецкая И.П., 1994. "Золотое кладбище" Римской эпохи в Прикубанье. СПб.

Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А., 1993. Сарматское погребение скептуха I в. н.э. у с. Косика Астраханской области // ВДИ. № 3.

Демиденко Ю.В., 1994. Сарматские погребения из могильника у хутора Глинище // Древности Волго-Донских степей. Вып. 4. Волгоград.

Ильюков Л.С., Власкин М.В., 1992. Сарматы междуречья Сала и Маныча. Ростов-на-Дону.

Каменецкий И.С., 1974. Итоги исследования Подазовского городища // СА. № 4.

Керефов Б.М., 1988. Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии. Нальчик.

Костенко В.И., 1977. Сарматские памятники в материалах археологической экспедиции ДГУ // Курганные древности степного Поднепровья (II–I тыс. до н.э.). Днепропетровск.

Костенко В.И., 1993. Сарматы в Нижнем Поднепровье (по материалам Усть-Каменского могильника). Днепропетровск.

Косяненко В.М., 1989. Хронология сероглиняной керамики некрополя Кобякова городища (Раскопки 1956–1962 гг.) // Изв. Ростовского областного музея краеведения. Вып. 5. Ростов-на-Дону.

Кропоткин В.В., 1970. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. – V в. н.э.) // САИ. Вып. Д1–27.

Кругликова И.Т., 1974. Работы Сухо-Чалтырского отряда Нижне-Донской экспедиции // Археологические памятники Нижнего Подонья. Т. П. М.

Марченко И.И., 1987. К вопросу о датировке Элитного и Новоджерелиевского комплексов // Древности Кубани (материалы семинара). Краснодар.

Матюхин А.Д., Ляхов С.В., 1991. Новое позднесарматское погребение в лесостепном Саратовском Правобережье // Археология восточно-европейской степи. Вып. 2. Саратов.

Мирошина Т.В., Державин В.Л., 1988. Сарматские погребения из могильника Веселая Роща II // СА. № 4.

Мордвинцева В.И., Сергацков И.В., 1995. Богатое сарматское погребение у станции Бердия // РА. № 4.

Мошкова М.Г., 1984. О дате сарматских погребений Авиловского могильника на Иловле // Памятники кочевников Южного Урала. Уфа.

Мыськов Е.П., 1992. Сарматские погребения из курганов у Волжского и Киляковки // Древности Волго-Донских степей. Вып. 2. Волгоград.

Мыськов Е.П., Сергацков И.В., 1994. Позднесарматские комплексы на нижнем Дону // РА. № 2.

Пятышева Н.В., 1956. Ювелирные изделия Херсонеса. М.

Раев Б.А., Науменко С.А., 1993. Погребение с римскими импортами в Ростовской области // Скифия и Боспор. Новочеркасск.
Сергацков И.В., 1993. Погребения сарматской знати у с. Барановка // Хронология памятников Южного Урала. Уфа.
Синицын И.В., 1932. Сарматские курганные погребения в северных районах Нижнего Поволжья (по раскопкам 1930 г.) // Сборник Нижневолжского краевого музея. Саратов.
Синицын И.В., 1954. Археологические памятники в низовьях р. Иловли // Уч. зап. Сарат. гос. ун-та. Т. XXXIX. Саратов.
Синицын И.В., 1959. Археологические исследования Заволжского отряда (1951–1953 гг.) // МИА. № 60.
Синицын И.В., 1960. Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954–1955 гг.) // МИА. № 78.
Скрипкин А.С., 1973. Раскопки курганов на Иловле // Историко-краеведческие записки. Вып. 1. Волгоград.
Скрипкин А.С., 1984. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов.
Скрипкин А.С., 1930. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов.
Спицын А.А., 1896. Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. Саратовская губерния // ЗРАО. Т. VIII. Вып. 1, 2. СПб.
Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР, 1989. М.
Трейстер М.Ю., 1982. Бронзовые перстни с изображениями на щитках из Горгиппии и окрестностей // ВДИ. № 3.
Шаповалов Т.А., Байдебура Ю.П., 1968. Раскопки курганов у поселка Новолуганское Донецкой области // Археологические исследования на Украине в 1967 г. Киев.
Шелов Д.Б., 1961. Некрополь Танаиса // МИА. № 98.
Шилов В.П., 1959а. Калиновский курганный могильник // МИА. № 60.
Шилов В.П., 1959б. Отчет о раскопках Астраханской экспедиции в 1959 г. Архив ИА РАН. Р–1: № 1976.
Щукин М.Б., 1978. Об "узких" и "широких" датировках // Проблемы археологии. Вып. 2. Л.
Eggers H.J., 1951. Der römische Import im freien Germanien. Hamburg.
Medvedev A.P., Yefimov K.Yu., 1986. A sarmatian barrow with roman and chinese imports in the Middle Don region // Raev B.A. Roman Imports in the Lower Don Basin. BAR. International Series. 278. Oxford.
Pardusz M., 1941. Denkmäler der Sarmatenzeit Ungarns. B. I. // Archäologia Hungarica. XXV. Budapest.
Petrovszky R., 1993. Studien zu römischen Bronzefässen mit Mesterstempeln // Kölner Studien zur Archäologie der Römischen Provinzen. B. 1.
Raev B.A., 1986. Roman Imports in the Lower Don Basin // BAR. International Series. 278. Oxford.
Rau P., 1927. Die Hügelgräber Römischer Zeit an der unteren Wolga. Pokrowsk.
Sarianidi V.J., 1985. Bakrrisches Gold aus den Ausgrabungen der Necropole von Tillja-Tepe in Nordafhanistan. Leningrad.
Volkov I.V., Guguev Yu.K., 1986. A Late Sarmatian burial in Rostov-on-Don // Raev B.A. Roman Imports in the Lower Don Basin. DAR. International Servies. 278. Oxford.

Волгоградский государственный
университет

I.V. SERGATSKOV

A SARMATIAN BURIAL WITH IMPORTED GOODS OF ROMAN ORIGIN FOUND IN THE LOWER ILOVLIA

S u m m a r y

The paper presents artifacts from the excavations of kurgan # 11 found in burial ground Avilovsky II (Ilovlinsky district of the Volgograd region). It is one of the most spectacular diagonal burials of the Middle Sarmatian Age. Based on beads, gold jewelry, ceramics and bronze utensilis of Roman origin, the kurgan dates to the 1st centiry AD. A woman buried in it seems to have administrated the functions of a family priestess, judging by the goods found in the burial.

М.Ю. ТРЕЙСТЕР, А.В. ДМИТРИЕВ, А.А. МАЛЫШЕВ

БРОНЗОВАЯ СТАТУЭТКА ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ПРАВИТЕЛЯ ИЗ РАСКОПОК ПОСЕЛЕНИЯ МЫСХАКО ПОД НОВОРОССИЙСКОМ

В 1996 г. в культурном слое поселения Мысхако была обнаружена бронзовая статуэтка[1]. Фигурка изображает обнаженного стоящего юношу, плечи и спина которого задрапированы накидкой, и на голову наброшена львиная шкура со скальпом. Статуэтка неплохо сохранилась, хотя отдельные части ее утрачены: правая рука обломана у локтя, отсутствует крайняя фаланга указательного пальца левой руки. Нижние части ног также утрачены: правая – от середины голени, левая – от щиколотки. Обломан и кончик плаща внизу. Юноша стоит, опираясь на вертикально поставленную правую ногу. Левая нога, очевидно, стояла на небольшой подставке: бедро ее развернуто вправо, нога согнута в колене (рис. 1–5).

Голова юноши обращена влево – туда, куда протянута его левая рука. Рука обломана возле локтя. Судя по следам изгиба возле излома, она, видимо, была согнута в локте и повернута вправо. Левая рука опущена вниз, согнута в локте и положена на бедро, при этом кисть руки расслаблена и пальцы свешиваются с внутренней стороны бедра. Над округлым безбородым лицом с большим прямым носом, слегка припухлыми сжатыми губами и большими широко раскрытыми миндалевидными глазами нависает выразительный львиный скальп с широким носом, большими глазами с проработанными зрачками, рельефно выступающими полукруглыми ушами. Львиная грива в виде отдельных прядей с моделированными завитками спускается по шее на спину до уровня лопаток. На груди львиная шкура завязана "геракловым узлом" с четырехпалыми львиными лапами. На плечах и спине шкура драпируется широкими складками, образующими треугольные плоскости, подчеркнутые косыми параллельными гравированными насечками. Правая задняя лапа (конец утрачен) свисает ниже ягодиц юноши. Левая задняя лапа и хвост (их концы утрачены) переброшены через левую руку и частично прикрывают левое бедро юноши (рис. 1).

Статуэтка сохранилась на высоту 19 см, следовательно, первоначально ее высота составляла ~ 22 см. Фигурка цельнолитая по восковой модели, с дополнительной проработкой деталей резцом. "Гераклов узел" накладной, припаянный.

В 0,2 м от места находки статуэтки был обнаружен бронзовый фрагментированный постамент прямоугольной формы, который теоретически мог первоначально принадлежать ей. Постамент образован верхней поверхностью и боковыми сторонами. Высота его 4,2 см. Верхняя площадка сохранилась целиком (длина 10,8, ширина 7,73 см). В нижней части постамент несколько шире. Боковые стороны постамента профилированы: вверху – каблучком, внизу – обратным каблучком, в нижней части имеется валик, орнаментированный косыми насечками. Высота валика 0,7 см. Центральная часть боковых сторон вертикальная гладкая, высотой 1,2 см с точечным пуансонным орнаментом по краям. На верхней поверхности имеются нечеткие следы от ног статуэтки (рис. 5).

Постамент отличается от большинства известных постаментов бронзовых статуэток первых веков н.э., достаточно хорошо известных как по находкам из помпей

[1] Раскопки на поселении Мысхако велись А.А. Малышевым и А.В. Дмитриевым, описание статуэтки было выполнено совместно, атрибуция М.Ю. Трейстера, рисунки статуэтки выполнены Н.С. Сафроновой.

© М.Ю. Трейстер, А.В. Дмитриев, А.А. Малышев, 1998 г.

Рис. 1. Бронзовая статуэтка. Вид сбоку

Рис. 2. Бронзовая статуэтка. Вид со спины

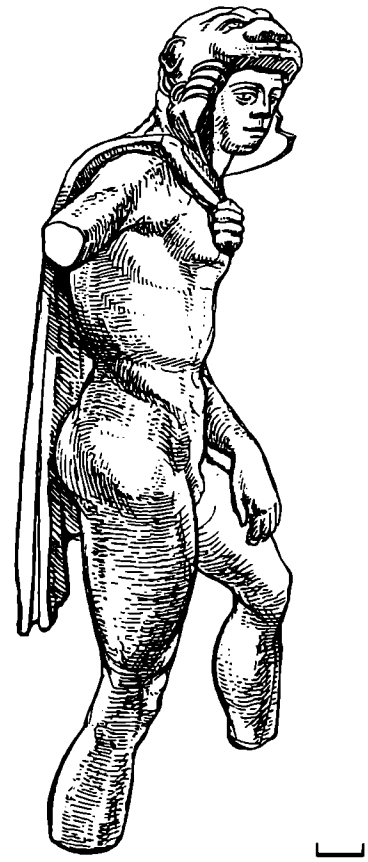

Рис. 3. Бронзовая статуэтка. Вид сбоку

ских и геркуланумских ларариев (Adamo-Muscettola S., 1984, S. 12, fig. 3; S. 14, fig. 5; S. 16, fig. 9; S. 18, fig. 14; S. 19, fig. 15; S. 21, fig. 17; S. 23, fig. 20; S. 24, fig. 21; S. 25, fig. 23; S. 26, fig. 24; S. 27, fig. 25), так и из памятников главным образом западных провинций Римской империи (Boucher S., 1971, № 11, 12, 36; 1976, Pl. 36, № 167; p. 40, № 181, 183; p. 43, № 196; p. 47, № 215; p. 72, № 348, 349; Boucher S., Oggiano-Bitar H., 1993, № 192, 200; Popovic L. et al., 1969, p. 81, 99, 100, 123). Неизвестны такие постаменты и среди редких находок из Северного Причерноморья.

Пожалуй, в наибольшей степени близок публикуемому нами постаменту один из бронзовых постаментов, обнаруженных в кладе из Баве в Галлии, большинство находок из которого датируется I в. н.э. (Boucher S., Oggiano-Bitar H., 1993, № 191). Впрочем, у постамента из Баве отсутствует рельефный валик с косыми насечками. (Аналогичный валик с насечками мы встречаем, например, на известняковом блоке из Центрального раскопа на горе Митридат, происходящем из Бастиона Б – М–80б Центр, пл. 17, 10–11 шт. Благодарим В.П. Толстикова за любезно предоставленную информацию.) То же самое можно сказать и о постаменте статуэтки Изиды в Помпейском ларарии дома VI, XIV, 27 (Adamo-Muscettola S., 1984, p. 23, fig. 20), о постаменте фигурки Минервы из Вальденбурга (Kaufmann-Heinimann A. 1977, № 60) и о бронзовом постаменте из Римско-Германского музея в Кельне (Franken N., 1994, S. 462, № 70, Abb. 160). В мелкой бронзовой пластике постаменты этого типа засвидетельствованы с конца II – начала I в. до н.э.; имеется в виду подобный постамент статуэтки Гермеса из Махдин (Höckmann U., 1994, S. 470–472, Abb. 1–5). Такие сравнительно низкие вытянутые прямоугольные постаменты с профилировкой в верхней и нижней частях

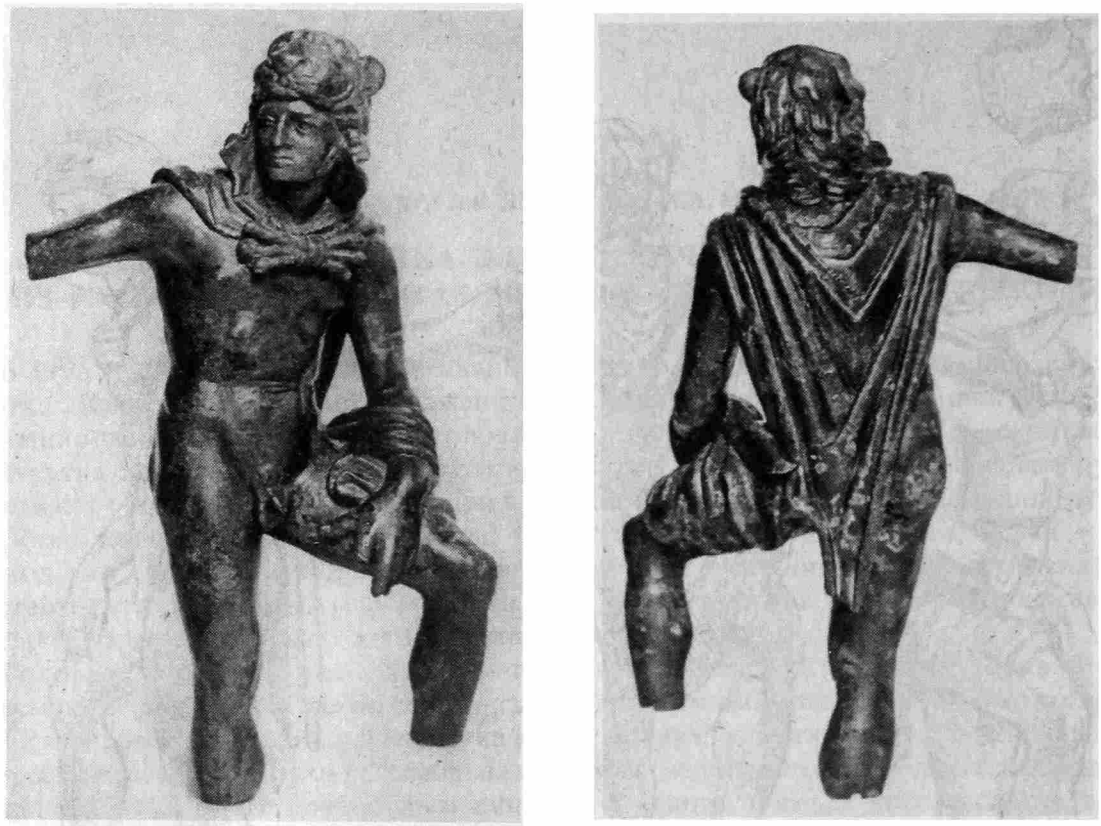

Рис. 4. Бронзовая статуэтка. Фото

находят соответствие в мраморных постаментах бронзовых статуй, например из Линда на Родосе ок. 176 г. до н.э. (Blinkenberg C., 1941, № 293). В первые века н.э. профилировка таких постаментов, как правило, упрощается (см., например, постамент из Бальбуры в Малой Азии 158–161 гг. – Coulton J.J. et al., 1989, p. 47, fig. 10, d; p. 48). Очевидно, что и постамент из Мысхако мог воспроизводить постамент реального статуарного прототипа (ср. Höckmann U., 1994, S. 472). Проблема заключается в том, мог ли данный постамент принадлежать публикуемой статуэтке. Как отмечает У. Хекманн, в мелкой бронзовой пластике первых веков н. э. высота постамента составляла около трети высоты статуэтки (Höckmann U., 1994, S. 472). Судя по находке из Махдин (Höckmann U., 1994, S. 472), эти же пропорции были характерны и для позднего эллинизма. В нашем случае высота постамента 4,2 см, первоначальная высота статуэтки составляла ~ 22 см, т.е. постамент более чем в 5 раз ниже фигурки. Таким образом, если исходить из указанных выше пропорций, принадлежность постамента статуэтке следует считать маловероятной. Вместе с тем следует признать, что указанные выше пропорции, рассчитанные У. Хекманн, далеко не всегда соблюдались. Так, например, у упомянутой выше статуэтки Минервы из Вальденбурга высота постамента 3 см при общей высоте 15,9 см, т.е. соотношение высоты постамента и статуэтки составляет 1 : 4,3. Приведем аналогичные соотношения для случайной выборки других статуэток первых веков н.э., опубликованных А. Кауфманн-Хайниманн: 1:6,85 (Kaufmann-Heinimann A., 1977, № 1); 1:4 (Kaufmann-Heinimann A., 1977, № 6); 1:3,3 (Kaufmann-Heinimann A., 1977, № 8); 1:1,5 (Kaufmann-Heinimann A., 1977, № 18); 1:4 (Kaufmann-Heinimann A., 1977, № 26); 1:2,3 (Kaufmann-Heinimann A., 1977, № 27); 1:3,9 (Kaufmann-Heinimann A., 1977, № 31); 1:4,5 (Kaufmann-Heinimann A., 1977, № 32), свидетельствующие о том, что публикуемые нами постамент и статуэтка вполне могли принадлежать друг другу.

Казалось бы, атрибуция статуэтки не составляет труда, так как львиный скальп, наброшенный на голову героя, – один из атрибутов Геракла, достаточно широко представленный на памятниках, изображающих его, в том числе в мелкой бронзовой

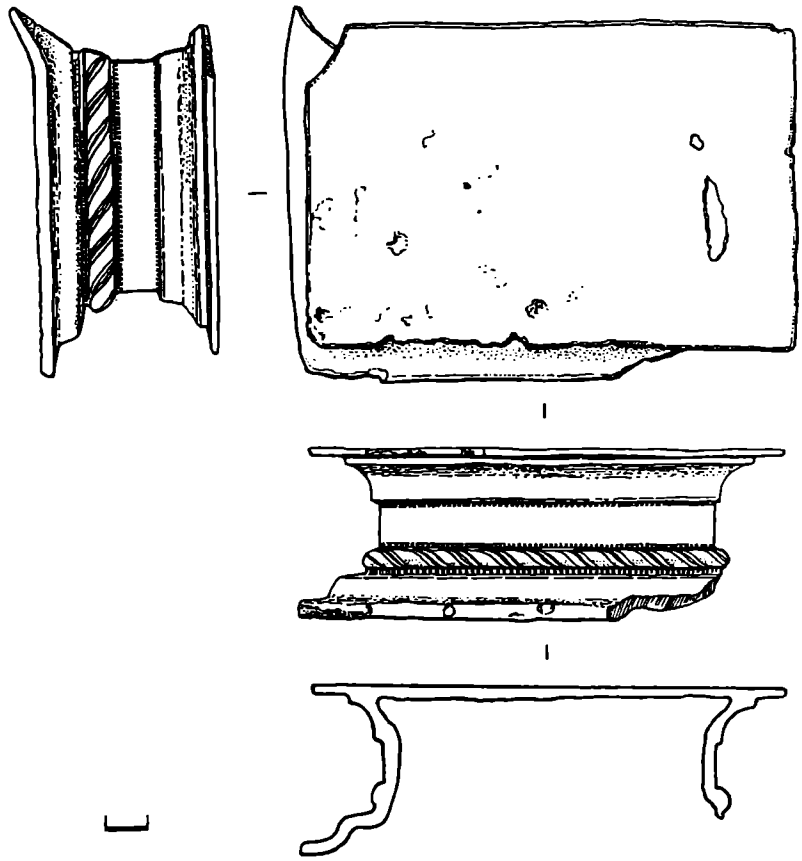

Рис. 5. Бронзовый постамент

пластике (этрусско-италийской эллинистического времени: Adam A.-M., 1984, № 287–296; The Gods Delight, 1988, № 46; Ritter S., 1993, S. 461, № 3; италийской и провинциально-римской первых веков н.э.: Adamo-Muscettola S., 1984, p. 16, 17, fig. 9, 10, 12; Faider-Feytmans G., 1979, № 67; Ognenova-Marinova L; 1975, № 90; Boucher S., 1976, p. 28, 29, pl. 6, fig. 30; Leibundgut A., 1976, № 185; Ritter S., 1993, № 7). Вместе с тем достаточно хорошо разработанная типология изображений Геракла свидетельствует о том, что фигурки, представленные в позе, подобной публикуемой статуэтке (стоящая полуобнаженная фигурка с приподнятой левой ногой и положенной на левое бедро левой рукой), неизвестны. Учитывая тот факт, что мелкая бронзовая пластика, как греческая, так и этрусско-италийская IV–II вв. до н.э. и провинциально-римская первых столетий н.э. насчитывает довольно ограниченное количество типов изображений Геракла, все из которых так или иначе восходили к статуарным типам (см., например, Boardman J., Palagia O., 1988), а публикуемая статуэтка даже близко не соответствует ни одному из этих типов, приходим к выводу, что перед нами не изображение Геракла. Кого же изображала эта фигурка, которая, судя по качеству исполнения, принадлежала к незаурядным произведениям мелкой бронзовой пластики, по крайней мере для Северного Причерноморья – региона, небогатого на подобные находки?

Поза фигурки ближе всего к одному из типов изображений Посейдона. Известно несколько бронзовых статуэток из типов изображений Посейдона, восходящих к типу, представленному мраморной скульптурой из Ватикана, с правой ногой, поставленной на прору корабля (Walde E., 1978, S. 99 f., Taf. 33; Simon E., 1988, № 34; De Puma R.D., 1991, p. 85; Walter-Karydi E., 1991, S. 257–258; Jurriaans-Helle G., 1992, S. 15, Afb. 15; Moreno P. 1994, p. 117, fig. 148) (так называемый латеранский тип). Бронзовые фигурки из Пеллы в Македонии (The Search..., 1980, № 154; Ridgway B.S., 1984, p. 75, pl. 93; Rolley C., 1986, p. 198, 199, fig. 172; Simon E., 1988, № 36; Barr-Sharrar B.,

1990, p. 218, 219, fig. 16; Walter-Karydi E., 1991, S. 258, Taf. 61, *3*; Thomas R., 1992, S. 126, 127, Abb. 123) и хранящаяся в Брунсвике (Mitten D.G., Doeringer S.F., 1967, № 129; Thomas R., 1992, S. 126, Abb. 122) датируются скорее всего III–II вв. до н.э., первая по всяком случае – временем до 168 г. до н.э. или до 90 г. до н.э. (Barr-Sharrar B., 1990, p. 34, note 42; Walter-Karydi E., 1991, S. 258, Anm. 61); статуэтка из Колхапура в Индии (Simon E., 1988, № 37; De Puma R.D., 1991, p. 82–86, 105, note 5, 6 – библиография; figs. 5, *1–3*) – позднеэллинистическим или раннеимператорским временем, тогда как фигурки из Амбелоки (Афины) (Ridgway B.S., 1984, p. 75; Simon E., 1988, № 38) из Вье-Веве в Швейцарии (Leibundgut A., 1980, № 9) и целый ряд других – первыми вв. н.э. (Boucher S., 1976, p. 142, 143, 232; 384, 385; Walde-Psenner E., 1979, Taf. 28; Leibundgut A.,1980, S. 19; Moreno P., 1988, p. 291, 292, fig. 9; 1994, p. 114, fig. 145; Simon E., Bauchhenss G., 1994, № 24–26; Jurriaans-Helle G., 1992, S. 12–16, Abb. 1a–d). Предполагается, что этот тип впервые появляется в серебряной чеканке Деметрия Полиоркета 291–289 гг. до н.э. (Newell E.T., 1937, p. 34, fig. 3; Davis N., Kraay C.M., 1973, ill. 117, 118; Pollitt J.J., 1986, p. 30–31; Simon E., 1988, № 86; Ridgway B.S., 1990, pl. 67; Stewart A., 1990, fig. 623; Morkholm O., 1991, p. 80, pl X, 173)[2] и восходит к кругу Лисиппа в круглой скульптуре IV в. до н.э. (Simon E., 1988, № 34; De Puma R.D., 1991, p. 85) или непосредственно к произведению Лисиппа, выполненному для Коринфа, о котором упоминает Лукиан (Jup. trag. 9) (Walde E., 1978, S. 101, 102; Ridgway B.S., 1984, p. 75; Moreno P., 1987, p. 38, 39; 1988, p. 291), и установленному на моле в гавани Кенхры – изображение скульптуры, которую упоминает Страбон (II. 2–3), скорее всего и представлено на фреске из римской виллы, расположенной у Виллы Фарнезины и датирующейся временем не ранее 20 г. до н.э. (Walde E., 1978, S. 103–105, Taf. 34; Walde-Psenner E., 1979, S. 62f., Taf. 29, Abb. 5; Rolley C. 1986, p. 198). Вместе с тем не исключено, что этот тип статуэток нельзя возводить к одному общему прототипу, а поза могла быть заимствована, например, из вазописи (см. Ridgway B.S., 1990, p. 125, 126, 145, № 39). Для всех перечисленных выше фигурок Посейдона характерная поза – согнутая в колене и поставленная на подставку в виде скалы правая нога, а не левая, как на рассматриваемой нами фигурке из Мысхако. Однако имеется вариант статуарных изображений Посейдона с приподнятой левой ногой – вариант, который, по мнению Э. Зимон (Simon E., 1988, p. 453), является не просто зеркальным отражением латеранского типа, а восходит к самостоятельному типу, распространенному прежде всего в восточногреческом мире. Этот статуарный тип представлен фрагментированными мраморными статуями позднеэллинистического времени из Пергама (Simon E., 1988, № 39b) и антониновского времени из Элевсина и Кносса (Simon E., 1988, № 39–39a). К нему же относится и мраморная статуэтка II в. н.э., хранящаяся в Загребе (Simon E., Bauchhenss G., 1994, № 16). Впрочем, в вазописи подобная поза Посейдона встречается значительно раньше, например в сцене с Афиной на миниатюрной панафинейской амфоре из Галереи Уолтерса в Балтиморе ок. 400 г. до н.э. (Simon E., 1988, № 235). Встречается рассматриваемый тип изображений Посейдона с левой ногой, поставленной на прору корабля или на дельфина, и в глиптике августовского времени (Simon E., 1988, № 237a; Zazoff P., 1983, 293, Taf. 84, *2*; 103, *16*).

Особого внимания заслуживает скульптура так называемого Александра Ронданини в Мюнхене (Ridgway B.S., 1990, p. 108, 113, pl. 61), представленная в типичной лисипповской позе с приподнятой и согнутой в колене правой ногой.

В аналогичной позе, правда, с правой рукой, согнутой в локте и приставленной к бедру, представлен Пан статуэткой из Античного собрания Берлина (Neugebauer K.A., 1951, Taf. 19, 32; Laubscher H.P., 1985, Taf. 66, 67; Thomas R., 1992, S. 127, Abb. 124), которая отождествляется Х.П. Лаубшером (Laubscher H.P., 1985) с Антигоном Гонатом, что, впрочем, небесспорно (Queyrel F., 1990, p. 102, № 20; Ridgway B.S., 1990, p. 124, 125; Marquardt N., 1995, p. 320, 321) и сопоставимая с ней фигурка из Геркула-

[2] Ср. также дидрахмы Этолии конца III–II в. до н.э. (Mildenberg L., Hurter L., 1985, № 1469–1470).

нума в Неапольском музее, вероятно, позднеэллинистическое воспроизведение оригинала начала III в. до н.э. – предположительно изображение Деметрия Полиоркета (Richter G.M.A., 1965, fig. 1743; Lippold G., 1950, Taf. 109, *1*; Laubscher H.P., 1985, S. 336, Taf. 68, *1*; 69, *1*; Pollitt J.J., 1986, p. 32, fig. 21; Rolley C., 1986, fig. 175; Frel J., Paquier A., 1987, p. 84; Himmelmann N., 1989, S. 230, 231, № 17; Queyrel F., 1990, p. 102, № 20; Stewart A., 1990, fig. 625 (римская копия); Smith R.R.R., 1991, p. 19, fig. 4; Thomas R., 1992, p. 127) или Антигона Гоната (Himmelmann N., 1990, S. 81, Anm. 177), хотя и эти атрибуции подвергаются в последнее время сомнению (Ridgway B.S., 1990, p. 108, 125; Marquardt N., 1995, p. 311–313, Taf. 31, *3*).

Львиный скальп на голове – единственный атрибут публикуемый статуэтки – был характерен для образа не только Геракла, но и Александра Македонского, на всех монетах которого особенно после 332 г. до н.э. стал чеканиться его безбородый профиль в львином шлеме (Newell E.T., 1937, p. 16–19; Gebauer K., 1939, S. 2–16, Taf. 1–3; Bellinger A.R., 1963, p. 27 ff, pl. I, *10*, *11*, *14–29*; II, *9–12*; Davis N., Kraay C.M., 1973, ills. 1–3; The Search..., 1980, № 27; Pollitt J.J., 1986, p. 25, fig. 13a; Mørkholm O., 1991, pl. I, *9–11*, *13*, *16*, *17*; II, *18–22*; Troxell I.A., 1997, 86ff., pls. 1–8). Скорее всего создателем образа Александра-Геракла стал придворный скульптор Лисипп (Пичикян И.Р., 1991, с. 185–187). В таком шлеме представлен Александр на саркофаге из Сидона (Gebauer K., 1939, S. 51–53, 91–92, K 43; von Graeve V., 1970, S. 50, Taf. 26, 49; Ridgway B.S., 1990, p. 112, pl. 13; Stewart A., 1990, fig. 594; Moreno P., 1994, p. 92–94, figs. 110, 112; Cohen A., 1997, p. 129, fig. 66), на мраморных портретах из Афин (Bieber M., 1964, p. 52, fig. 37; The Search..., 1980, № 4: начало III в. до н.э.) и Спарты (Bieber M., 1964, p. 52, fig. 39; Неверов О.Я., 1971, с. 87, рис. 2; Comstock M., Vermeule C., 1976, № 127; 1988, p. 110; The Search..., 1980, № 5) и на рукоятке махайры III в. до н.э. из храма Окса в Южном Таджикистане (Пичикян И.Р., 1983; 1991, с. 183–189). Образ Александра-Геракла в львином шлеме стал достаточно распространенным и в искусстве более позднего времени (Bieber M., 1964; Barr-Sharrar B., 1987, № C 181bis: бронзовый накладной бюст II в. н.э. из Античного собрания Берлина), будучи составной частью процесса imitatio Alexandri, своего рода политической идеологии, который получил особое развитие во II в. до н.э., особенно в политике Филиппа V Македонского и Антиоха III и достиг своего апогея в политике Митридата VI Евпатора (Bohm C., 1989, S. 45–51, 199–204). Образ Александра-Геракла в львином шлеме широко использовали в своей чеканке диадохи (см., например, монеты Филиппа III: Morkholm O., 1991, pl. III, 48; IV, *52*, *54*; Лисимаха I; Newell E.T., 1937, p. 21; Селевка I: Newell E.T., 1937, p. 25; The Search..., 1980, № 28; Krug A., 1980, p. 38, fig. 3; Mørkholm O., 1991, pl. V., p. 87, 88; VIII, *141–144*; IX, *149–156*). Так, например, бронзовая статуэтка высотой 57,8 см, хранящаяся в Канзас Сити, отожествляется с правителями Сирии первой трети II в. до н.э. – Селевком IV Филопатором (Vermeule C.C., 1981, p. 143, № 112; Queyrel F.,1990, № 427) или его младшим братом Антиохом IV Эпифаном (Martin H.G., 1987, p. 97, 98, Abb. 24; The Gods Delight..., 1988, № 30 [Vermeule C.C.]) в образе Геракла; хотя высказывается и точка зрения о том, что данная фигурка не имеет ничего общего с портретом одного из Селевкидов (Fleischer R., 1991, S. 103). Бронзовая обнаженная фигурка с переброшенной через левую руку львиной шкурой из Национального археологического музея в Неаполе отождествляется с Птолемеем III (Adamo Muscettola S., 1979, p. 88, Tav. 36, 37).

Заслуживает внимания и фигурка всадника, правда, не в львином шлеме, а в шлеме из скальпа слона, происходящая из Атрибуса в дельте Нила и хранящаяся в музее Метрополитен в Нью-Йорке (Gebauer K., 1939, S. 78, 105, K 78; Kyrieleis H., 1975, S. 22, 166, B. 2, Taf. 10, *1–3*; The Search..., 1980, № 46; Linfert A., 1987, S. 281; Smith R.R., 1988, p. 33, 41, note 82, 153, № 4, Pl. 70, 2; 1991, p. 19, fig. 5; Himmelmann N., 1989, S. 231, 232, 234, № 18; Laubscher H.P., 1991, S. 229 ff., Taf. 49; Thomas R., 1992, S. 125, Abb. 121). С наибольшей вероятностью статуэтка может быть идентифицирована с портретом Птолемея II Филадельфа (283–246 гг. до н.э.) (атрибу-

ция, данная Х. Кюриэляйсом). Как справедливо отмечает Х.П. Лаубшер (Laubscher H.P., 1991, S. 230), мотив нью-йоркской бронзы настолько оригинален, что невозможно предположить, что он был созданием мастера статуэтки. Видимо, последний следовал статуарному прототипу. На основании анализа нумизматического материала исследователь приходит к выводу, что вскоре после создания официальной конной статуи царя она начала воспроизводиться в мелкой бронзовой пластике, примером чего и является данная фигурка (Laubscher H.P., 1991, S. 238).

Публикуемая статуэтка, очевидно, воспроизводящая несохранившийся статуарный прототип, подражающий статуе Лисиппа, могла, таким образом, изображать либо самого Александра, либо кого-то из диадохов и эпигонов, либо царя Понта Митридата VI Евпатора, в иконографии которого в первые десятилетия I в. до н.э., особенно после 88 г. до н.э., юношеский образ Аполлона или Диониса сменяется идеалом Геракла, придававшим образу царя мужественную энергию и героический пафос, а царь все чаще сравнивается с Александром Великим (Неверов О.Я., 1972, с. 112; Adamo Muscettola S., 1979, p. 90; McGing B.C., 1986, p. 99–102; Pollitt J.J., 1986, p. 36, 37; Bohm C., 1989, S. 153–204; Olshausen E., 1990, S. 1883). Высказывалось даже предположение о том, что здесь нашло отражение то обожествление понтийского царя, которым он якобы был обязан жителям греческих городов на северном побережье Черного моря (Kleiner G., 1953, S. 87; Неверов О.Я., 1971, С. 88, 89; 1972, с. 112), если иметь в виду в том числе и предполагаемое изображение Митридата в виде Геракла на посталександровских тетрадрахмах Одессоса и Месембрии, чеканенных между 88/86 и 72 гг. до н.э. (Reinach Th., 1888, p. 447, № 2; Krahmer G., 1925, S. 205, Abb. 16; Price J.M., 1968, p. 6–9, pl. II, *16*, *17*; Неверов О.Я., 1971, с. 89, рис. 6; McGing B.C., 1986, p. 58; Сапрыкин С.Ю., 1996, с. 155; Dorcey P.F., 1987/88, p. 35, pl. 5, 12) или, согласно новейшим исследованиям, чеканенным начиная с рубежа II–I вв. до н.э. до 72 гг. до н.э. и не имеющих никакого отношения к Митридату (de Callatay F., 1991, p. 38, 39, 44; 1994, p. 300–303, 307–309; Karayotov I., 1994, № 65, p. 132, 133).

Не исключено, что в предполагаемом обожествлении Митридата в Северном Причерноморье кроется и объяснение массового изготовления терракотовых статуэток Геракла на Боспоре в позднеэллинистический период (Пругло В.И., 1968, с. 247; ср. Герцигер Д.С., 1981, с. 44).

Imitatio Alexandri Митридата Евпатора, очевидно, следует рассматривать в контексте его антиримской пропаганды в период обострения борьбы с Римом (Bohm C., 1989, p. 153–155, 171).

Хорошо известен хранящийся в Лувре мраморный портрет, атрибутированный Ф. Винтером на основании сравнения портретных черт с образом на монетах Митридата VI Евпатора как изображение Митридата в львином шлеме. Атрибуция Винтера, согласно которой портрет был, вероятно, исполнен в Пергаме, когда город стал резиденцией царя между 88 и 85 гг. до н.э. (Winter F., 1894, p. 245 ff.), поддерживается практически всеми исследователями, так или иначе обращавшимися к этому памятнику (Pfuhl E., 1930, S. 15 f.; Kleiner 1953, S. 86 f., 94; Hafner G., 1954, S. 45–47, NK1a, Taf. 19; Bieber M., 1961, S. 122: 92–90 гг. до н.э., fig. 482–483; Oikonomides A.N., 1962, p. 15; Richter G.M.A, 1965, fig. 1930, 1933, 1984, p. 246–247, fig. 259; Krug A., 1969, S. 194 f.; Buschor E., 1971, p. 43, 45, № 164; Неверов О.Я., 1971, с. 88; 1972, с. 113; McGing B.C., 1986, p. 99, 100; Pollitt J.J. 1986, p. 36, 37, fig. 29; Bohm C., 1989, p. 182, Anm. 9; Himmelmann N., 1989, S. 109, Abb. 43a–b; Stewart A. 1990, fig. 800 (римская копия оригинала ок. 100–75 гг. до н.э.); Smith R.R.R., 1991, p. 24, fig. 19) за исключением специалиста по митридатовской чеканке Ф. де Каллатая, который, впрочем, ничем не аргументирует свою точку зрения (de Callatay F., 1994, p. 301).

Геракл в львином шлеме – небольшая мраморная фигура (высота 72,8 см) с ярко выраженными портретными чертами в группе рельефа освобождения Прометея из святилища Афины в Пергаме, хранящаяся в Берлине (Lippold G., 1950, Taf. 131, *2*; Kleiner G., 1953, S. 88 f., 94; Hafner G., 1954, S. 45–46, NK1b, Taf. 19), еще в 1908 г. сопоставлялся с портретными изображениями Аттала II или III (Winter F., 1908, S. 175

ff. Beibl. 25; см. также Schober A., 1951, S. 137–139, Abb. 133), однако большинством исследователей вслед за Г. Крамером отождествлялся с образом Митридата VI Евпатора (Krahmer G., 1925, S. 183 ff., 185, Abb. 2; S. 200, 201, Abb. 11, 12; S. 204, 205; Hafner G., 1954, S. 46; Bieber M., 1961, p. 122, figs. 486, 487; Richter G.M.A., 1965, p. 275; Неверов О.Я., 1971, с. 89; 1972, С. 112; Герцигер Д.С., 1981, с. 43; Froning H., 1981, S. 61, 108; Rohde E., 1982, 135 f., Abb. 118–120; Pollitt J.J., 1986, C. 36, 37, fig. 30; Martin H.G., 1987, S. 94, Anm. 450, Abb. 22; Schmidt T.-M., 1990, S. 161, 162, Anm. 130)[3]. Однако в последние годы эта атрибуция все чаще подвергается сомнению (de Callatay F., 1994, p. 301, 310, № 19), хотя сомнение в портретных чертах Геракла было высказано лишь однажды (Pinkwart D., 1972, № 30). Большинство новых атрибуций связывает изображение Геракла с правителями Пергама. Так, по мнению Э. Томаса, здесь изображен Эвмен II (Thomas E., 1976, p. 17 f.). Н. Химмельманн в образе Геракла видит пергамского царя Аттала II (159–137 гг. до н.э.) (Himmelmann N., 1989, S. 140, 141, Abb. 57; S. 210–216, N 7a–c). Специальное исследование группы освобождения Прометея, предпринятое Б. Хинцен-Болен (Hintzen-Bohlen B., 1990, S. 145–156, Taf. 22, 23), привело исследовательницу к следующим выводам. Памятник, отдельные фигуры которого обнаруживают стилистическую близость к фризу Телефа Пергамского алтаря, был сооружен в последние годы правления Эвмена II после победы над галатами в 166 г. до н.э., однако имеет портретные черты его отца Аттала I. Так или иначе, но необходимо на мой взгляд, согласиться с Р. Томас в том, что сильно поврежденный нос Геракла вряд ли позволяет безоговорочную портретную идентификацию. Скептически относящаяся к возможности выбора между Атталом I, II и Эвменом II исследовательница поддерживает точку зрения о том, что скульптурную группу следует датировать около 160 г. до н.э. и связывать ее скорее всего с монументом в честь победы над галатами (Thomas R., 1995, S. 373, Abb. 12).

Интересно, что в мелкой бронзовой пластике львиный шлем, пожалуй, наиболее популярен на статуэтках, которые идентифицируются с образом Митридата Евпатора. Это следующие фигурки.

1. Фронтально стоящая фигурка обнаженного юноши в львином шлеме на голове, со шкурой, прикрывающей часть спины. Шкура завязана на груди узлом с львиными лапами. Высота 23,5 см. Происходит из Геркуланума. Хранится в Национальном археологическом музее в Неаполе. Инв. № 5163 (Adamo Muscettola S., 1979, p. 88, 89, Tav. 39, 40, fig. 17–22).

2. Фигурка атакующего юноши с выставленной вперед левой ногой, развернутой и отставленной назад правой. Левая рука протянута вперед, правая отведена назад, согнута в локте и поднята вверх. Вероятно, в правой руке находилось копье. Высота 59 см. Место находки неизвестно. Хранится в Палаццо Реале, Вилла Розбери, Неаполь. Фигурка рассматривается как италийское воспроизведение фигуры из группы Прометея в Пергаме и датируется временем непосредственно после создания прототипа (Curtius L., 1928, S. 61–66, Abb. 1–6, Taf. 5: вторая половина II в. до н.э.; Adamo Muscettola S., 1979, p. 89, 90, 93, note 38 – библиография; Tav. 41, fig. 24, 25: 88–85 гг. до н.э.; упомянута также: Krug A., 1969, S. 195, Anm. 32).

3. Фронтально стоящая статуэтка со слегка отставленной назад правой ногой, левой рукой, опущенной вдоль туловища, и правой, согнутой в локте, и поднятой вверх. На голове юноши львиный шлем; шкура завязана на груди "геракловым узлом" с львиными лапами, ее край обмотан вокруг левой руки. Одет в короткую тунику и подпоясан широким поясом. Высота 19 дюймов. Происходит из Северной Англии. Хранится в Британском музее (Oikonomides A.N., 1962, p. 13–15; упомянута также: Krug A., 1969, S. 195, Anm. 32; Неверов О.Я., 1972, с. 117, прим. 25; Adamo Muscettola S., 1979, p. 90).

Б. МакГинг подвергает сомнению предположение С. Мусцеттолы (Adamo Muscet-

[3] См. полную библиографию работ, поддерживающих данную атрибуцию: Hintzen-Bohlen B., 1990, S. 145, Anm. 3.

tola S., 1979, p. 90) о том, что бронзовая фигурка из Неаполя отражает контакты Митридата с италийскими повстанцами (McGing B.C., 1986, p. 85, note 70). Статуэтка же из Англии, по мнению Д. Тойнби, приведенному и поддержанному Б. МакГингом, является простой фигуркой Геракла. Эта точка зрения основана главным образом на трудности объяснения причин попадания изображения Митридата в район вала Адриана (McGing B.C., 1986, p. 100, note 67). С этими соображениями согласен и Ф. де Каллатай (de Callatay F., 1994, p. 301, 310, note 18). Вкратце касаясь двух последних фигурок, А. Круг (Krug A., 1969, S. 195, Anm. 32) отмечает их провинциальный стиль исполнения.

С учетом их происхождения, отдаленности от Понтийского царства они могут являться критериями при сравнении с другими портретами Митридата. В определенной степени атрибуции рассмотренных выше фигурок, опубликованных в 1960–1970-е годы как изображения Митридата-Геракла, в значительной степени базировавшиеся на сравнении с фигурой Геракла из группы освобождения Прометея, могут быть подвергнуты сомнению в связи с высказанными в последние годы крупными современными авторитетами в области пергамской скульптуры, такими, как Н. Химмельманн или Б. Хинцен-Болен, наблюдениями о датировке композиции около 160 г. до н.э. и атрибуцией Геракла как одного из правителей Пергама. Однако очевидно, что и новейшие атрибуции не бесспорны. В частности, один из крупнейших знатоков античной скульптуры Б. Андреа не согласен с выводами Н. Химмельманна и придерживается традиционной точки зрения о датировке группы освобождения Прометея и атрибуции фигуры Геракла (Andreae B., 1989, p. 242, N 44; 1990, S. 78, 79, Anm. 115). Вместе с тем очевидно, что в образе Геракла в львином шлеме изображен эллинистический правитель. Говорить о чертах портретного сходства произведений мелкой бронзовой пластики, к тому же созданных, вероятно, в отдаленных друг от друга регионах античного мира, вряд ли имеет смысл, тем более для эллинистического периода в отличие, скажем, от римской эпохи, когда портреты императоров рассматривались как официальные символы власти и должны были быть легко узнаваемы (Ridgway B.S., 1990, p. 109). Между тем определенное стилистическое родство всех рассмотренных и публикуемой фигурок, несомненно, имеет место.

С учетом вышеизложенного атрибуция статуэтки, найденной в Мысхако, как изображения Митридата Евпатора в образе Геракла представляется все же наиболее вероятной, особенно если обратиться к контексту находки.

Как уже неоднократно отмечалось выше, статуэтка из Мысхако вероятно имела статуарный прототип. Очевидно неслучайно была выбрана восходящая в Лисиппу схема, которая связывается, однако, не с образом Геракла, а Посейдона. Надо полагать, что позднеэллинистический скульптор из Малой Азии (?) сделал свой выбор не случайно, а создание скульптуры возможно было связано с победой, одержанной Митридатом в морском сражении.

Каким образом, статуэтка Митридата-Геракла, вероятнее всего выполненная при жизни понтийского царя, т.е. до 63 г. до н.э., могла оказаться на юго-восточной окраине Боспорского царства в слое разрушения поселения, датируемом монетами серединой II в. н.э.? Надо полагать, что среди поселенцев боспорских крепостей могли быть бывшие солдаты Митридата и его преемников (Сапрыкин С.Ю., 1985б, с. 75; Saprykin S., 1994, S. 50, 52), которые могли получать здесь земли подобно известным по декрету митридатовского времени из Фанагории наемникам (ср.: Виноградов Ю.Г., 1991; Vinogradov Ju.G., Wörrle M., 1992, S. 159–170; Vinogradov Yu.G., 1994, N 10). О почитании Митридата Евпатора на Боспоре свидетельствует и найденный в Керчи мраморный скульптурный портрет царя (Неверов О.Я., 1971, с. 90–92, рис. 7; 1972, с. 111, рис. 1; Кобылина М.М., 1972, табл. XIX; Sokolow G., 1976, N 88), и постамент бронзовой статуи Митридата из Нимфея, установленной ок. 89–85 гг. до н.э. (Виноградов Ю.Г. и др., 1985, с. 595 сл.; Яйленко В.П., 1985, с. 617–619) и, что особенно важно в контексте нашего исследования, перстни с портретными геммами из могил некрополя Пантикапея конца I в. до н.э. – начала I в. н.э., выполненные,

вероятно, уже после смерти царя и свидетельствующие о длительной популярности его образа на Боспоре (Неверов О.Я., 1968, с. 235–239; 1971, с. 94, прим. 50; 1972, с. 114; 1976, с. 175, 176, табл. IV, с. 1–3), а также фигурный краснолаковый сосуд из пантикапейского погребения 26 раскопок 1905 г. первой половины I в. н.э. (Сорокина Н.П., Трейстер М.Ю., 1983, с. 144, 145) с портретным изображением Митридата в образе безбородого Геракла предположительно изготовленный в Малой Азии в конце I в. до н.э. (Pharmakovsky B., 1907, S. 140–142, Abb. 11, 12; Фармаковский Б.В., 1916, с. 311–327; ср. Герцигер Д.С., 1981, с. 43, 44). Можно также предположить, что именно портрет Митридата Евпатора в львином шлеме представлен на глиняном штампе с отверстием для подвешивания, найденном в 1987 г. в засыпи бассейна дворца на акрополе Пантикапея (см. Толстиков В.П., 1992, с. 89, рис. 21 в центре). О живучести митридатовских традиций на Боспоре вплоть до первого столетия н.э., основываясь на анализе письменных, нарративных и нумизматических источников, писали исследователи начиная с М.И. Ростовцева (Ростовцев М.И., 1916, с. 10 сл.; 1918, с. 109 сл.; Сапрыкин С.Ю., 1983, с. 90–96; 1985а, с. 75–77; 1990, с. 211, 212; 1995, с. 189–191, 198; 1996, с. 293–297, 313–315, 318–319;Saprykin S., 1994, p. 53, 54; Vinogradov Ju.G., 1993, S. 142–144, Anm. 18, 20). Особое значение приобретает место находки – на юго-западной окраине Боспора, где, как известно (Онайко Н.А., Дмитриев А.В., 1982, с. 106–113; Сапрыкин С.Ю., 1985б, с. 73 сл.; 1996, с. 319), были сосредоточены поселения аспургиан, не подвергшихся разгрому в результате экспедиции Полемона, и являвшихся оплотом Митридатидов.

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть относительное богатство данного региона на высококлассные художественные бронзы I в. до н.э. – I в. н.э., происходящие из поселений Широкая Балка и Мысхако (Трейстер М.Ю., 1992, с. 41–53; Treister M.Yu., 1995, p. 339–345), в том числе бронзовый бюст царицы, в котором большинство исследователей вслед за М.И. Ростовцевым (Ростовцев М.И., 1916) видели изображение внучки Митридата VI, боспорской царицы Динамии (Кобылина М.М., 1972, с. 12, табл. XX; Voshchinina A., 1974, p. 194, 195; Sokolow G., 1976, N 93; Rome faces the Barbarian..., 1993, p. 28, N 15.01; Щукин М.Б., 1994, с. 184, рис. 67, *1*), а А. Молчанов и К. Парласка – портрет царицы Гипеперии ок. 37–40 гг. до н.э. (Молчанов А., 1971, с. 101, табл. 3, *2*; Parlaska K., 1979, S. 397, 398). Вне зависимости от того, видеть ли в бюсте из Широкой Балки портрет Динамии или Гипеперии, династическая символика Ахеменидов: звезда и полумесяц (Сапрыкин С.Ю., 1990, с. 212), инкрустированная на бюсте, так или иначе позволяет рассматривать это произведение в контексте митридатовских традиций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Виноградов Ю.Г., 1991. Фанагорийские наемники // ВДИ. № 4.

Виноградов Ю.Г., Молев Е.А., Толстиков В.П., 1985. Новые эпиграфические источники по истории митридатовой эпохи // Причерноморье в эпоху эллинизма. Материалы III Всесоюзного Симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо.

Герцигер Д.С., 1981. Об одном фигурном сосуде из Пантикапея // Сообщения ГЭ. Вып. 46.

Кобылина М.М., 1972. Античная скульптура Северного Причерноморья. М.

Молчанов А.А., 1971. Искусство портрета на античном Боспоре (по нумизматическим данным) // Вестник МГУ. Сер. история. № 4.

Неверов О.Я., 1968. Митридат Евпатор и перстни-печати из Пантикапея // СА. № 1.

Неверов О.Я., 1971. Митридат и Александр. К иконографии Митридата VI // СА. № 2.

Неверов О.Я., 1972. К иконографии Митридата Евпатора // Труды ГЭ. Вып. 13.

Неверов О.Я., 1976. Портретные геммы и перстни из Северного Причерноморья // Тр. ГЭ. Вып. 16.

Онайко Н.А., Дмитриев А.В., 1982. Сторожевые посты в окрестностях Бат и некоторые вопросы социально-экономической и политической истории юго-восточной окраины Боспора на рубеже н.э. // ВДИ. № 2.

Пичикян И.Р., 1983. Александр-Геракл (греко-бактрийский портрет великого полководца) // СА. № 1.

Пичикян И.Р., 1991. Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды. М.

Пругло В.И., 1968. Геракл в коропластике Боспора // В.Ф. Гайдукевич (ред.) Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л.

Ростовцев М.И., 1916. Бронзовый бюст царицы Динамии и история Боспора в эпоху Августа // Древности. Т. 25.

Ростовцев М.И., 1918. Эллинство и иранство на юге России. Пг.

Сапрыкин С.Ю., 1983. Митридатовские традиции в политике Боспора на рубеже нашей эры // Consilium Eirene XVI. V. I. Prague.

Сапрыкин С.Ю., 1985а. Митридатовские традиции в политике Боспора на рубеже нашей эры // Античность и варварский мир. Орджоникидзе.

Сапрыкин С.Ю., 1985б. Аспургиане // СА. № 2.

Сапрыкин С.Ю., 1990. Уникальный статер боспорской царицы Динамии // СА. № 3.

Сапрыкин С.Ю., 1995. Женщины-правительницы понтийского и боспорского царств (Динамия, Пифодорида, Антония Трифена) // Женщина в античном мире. М.

Сапрыкин С.Ю., 1996. Понтийское царство. М.

Сорокина Н.П., Трейстер М.Ю., 1983. Две группы бронзовых зеркал из собрания Государственного исторического музея // СА. № 4.

Толстиков В.П., 1992. Пантикапей – столица Боспора // Очерки археологии и истории Боспора. М.

Трейстер М.Ю., 1992. Бронзовая статуэтка Юпитера Капитолийского из Мысхако // ВДИ. № 2.

Фармаковский Б.В., 1916. Терракотовый сосуд в форме головы Геракла из Пантикапея // Сборник статей в честь графини П.С. Уваровой. М.

Щукин М.Б., 1994. На рубеже эр. СПб.

Яйленко В.П., 1985. Новые эпиграфические данные о Митридате Евпаторе и Фарнаке // Причерноморье в эпоху эллинизма. Материалы III Всесоюзного Симпозиума по древней истории Причерноморья. Цхалтубо.

Adam A.-M., 1984. Bronzes étrusques et italiques. Bibliotheque nationale. Paris.

Adamo-Muscettola S., 1979. Bronzetti raffiguranti dinasti ellenistici al museo archeologico di Napoli // Bronzes hellénistiques et romains, Traditions et renouvaeau. Actes du Ve Colloque sur les bronzes antiques, Lausanne. Lausanne.

Adamo-Muscettola S., 1984. Osservazioni sulla composizione dei larari con statuette in bronzo di Pompei ed Ercolano // Toreutik und figürliche Bronzen römischer Zeit. Akten der 6. Tagung über antike Bronzen. Berlin.

Andreae B., 1989. Fixpunkte hellenistischer Chronologie // Beiträge zur Ikonographie und Hermeneutik, Beihefte der Bonner Jahrbücher. Bd. 47. Mainz.

Andreae B., 1990. Der Asklepios des Phyromachos // Phyromachos-Probleme. RM. 31. Erg.-H. Mainz.

Barr-Sharrar B., 1987. The Hellenistic and Early Imperial Decorative Bust. Mainz.

Barr-Sharrar B., 1990. How Important is Provenance? Archaeological and Stylistic Questions in the Attribution of Ancient Bronzes // Small Bronze Sculpture from the Ancient World. Malibu.

Bellinger A.R., 1963. Essays on the Coinage of Alexander the Great // Numismatic Studies. N 11. New York.

Bieber M., 1961. Sculpture of the Hellenistic Age. New York.

Bieber M., 1964. Alexander the Great in Greek and Roman Art. Chicago.

Blinkenberg C., 1941. Lindos. Fouilles de l'Acropole. 1902–1912. V. II. Inscriptions. Berlin; Copenhague.

Boardman J., Palagia O., 1988. Herakles // LIMC. V. IV.

Bohm C., 1989. Imitatio Alexandri in Helenismus: Untersuchungen zum politischen Nachwirken Alexanders des Grossen in hoch- und späthellenistischen Monarchien. München.

Boucher S., 1971. Vienne. Bronzes antiques // Inventaire des collections publiques françaises. Fasc. 17. Paris.

Boucher S., 1976. Recherches sur les bronzes figurés de Gaule pré-romaine et romaine // BEFAR. Fasc. 228. Rome.

Boucher S., Oggiano-Bitar H., 1993. Le trésor des bronzes de Bavay // Revue du Nord. Hors. ser. Coll. Archéologique. N 3. Lille.
Buschor E., 1971. Das hellenistische Bildnis. München.
de Callatay F., 1991. Le roi thrace Mostis et une surfrappe d'un Alexandre tardif de Mésembria // Revue belge de numismatique. CXXXVII.
de Callatay F., 1994. Les derniers alexandres posthumes frappé a Odessos et Mésembria // Studies on Settlement Life in Ancient Thrace. Proceedings of the IIIrd International Symposium "Cabyle", 17–21 May 1993, Jambol. Jambol.
Cohen A., 1997. The Alexander Mosaic. Stories of Victory and Defeat. Cambridge.
Comstock M., Vermeule C., 1976. Sculpture in Stone in the Museum of Fine Arts. Boston.
Comstock M., Vermeule C., 1988. Sculpture in Stone and Bronze in the Museum of Fine Arts, Boston. Additions to the Collections of Greek, Etruscan and Roman Art 1971–1988. Boston.
Coulton J.J., Milner N.P., Reyes A.T., 1989. Balboura Survey: Onesimos and Meleager. Pt. II // Anatolian Studies. V. 39.
Curtius L., 1928. Bronzestatuette eines Herakles in Neapel // Antike Plastik. W. Amelung zum 60. Geburtstag. Berlin und Leipzig.
Davis N., Kraay C.M., 1973. The Hellenistic Kingdoms, Portait Coins and History. London.
Dorcey P.F., 1987/88. The Posthumous Alexander Tetradrachmes of Odessos // Jarbuch für Numismatik und Geldgeschichte. Bd. 37/38.
Faider-Feytmans G., 1979. Les bronzes romains de Belgique. Mainz.
Fleischer R., 1991. Studien zur Seleukidischen Kunst. I. Herrscherbildnisse. Mainz.
Franken N., 1994. Die antiken Bronzen im Römisch-Germanischen Museum Köln. Die Bronzestatuetten ohne Fundortanlage. Die Statuetten aus dem Fund von La Comelle-sous-Beauvray // Kölner Jahrbuch. Bd. 27.
Frel J., Paquier A., 1987. L'école de Lysippe: a la recherche de Démétrios Poliorcete // Lysippe et son influence. Études de divers savants réunies par J. Chamay et J.-L. Maier. Hellas et Roma. V. Geneve.
Froning H., 1981. Marmor-Schmuckreliefs mit griechischen Mythen im 1. Jh. v. Chr. Mainz.
Galestin M., 1987. Etruscan and Italic Bronze Statuettes. Warfhuizen.
Gebauer K., 1939. Alexanderbildnis und Alexandertypus // AM. Bd. 63/64.
von Graeve V., 1970. Der Alexandersarkophag und seine Werkstatt // Istanbuler Forschungen. Bd. 28. Berlin.
The Gods Deligth. The Human Figure in Classical Bronze, 1988, Cleveland.
Hafner G., 1954. Späthellenistische Bildnisplastik. Berlin.
Himmelmann N., 1989. Herrscher und Athlet. Die Bronzen vom Quirinal. Milano.
Himmelmann N., 1990. Ideale Nacktheit in der grieschischen Kunst // Idl. Ergh. 26. Berlin.
Hintzen-Bohlen B., 1990. Die Prometheus-Gruppe im Athenaheiligtum zu Pergamon. Ein Beitrag zur Kunst und Repräsentation der Attaliden // IstMitt. Bd. 40.
Höckmann U., 1994. Die Hermesstatuette // Das Wrack. Der antike Schiffsfund von Mahdia. Bd. 1. Köln.
Jurriaans-Helle G., 1992. Poseidon an de Prinsengracht // Goden en hun Beestenspul. Bull. of the Friends of the Allard Pierson Museum. N 49. Amsterdam.
Kaufmann-Heinimann A., 1977. Die römischen Bronzen der Schweiz. Bd. I. Augst. Mainz.
Karayotov I., 1994. The Coinage of Mesambria V.I. Silver and Gold Coins of Mesambria // Thracia Pontica Series IV. Sozopol.
Kleiner G., 1953. Bildnis und Gestalt des Mithridates // JdI. Bd. 68.
Krahmer G., 1925. Eine Ehrrung von Mithridates VI. Eupator in Pergamon // JdI. Bd. 40.
Krug A., 1969. Ein Bildnis Mithridates'VI. von Pontos // AA. H. 2.
Krug A., 1980. Two Turquoise Gems from Iran // Muse. V. 14.
Kyrieleis H., 1975. Bildnise der Ptolemäer // Archäologische Forschungen. Bd. 2. Berlin.
Laubscher H.P., 1985. Hellenistische Herrscher und Pan // AM. Bd. 100.
Laubscher H.P., 1991. Ptolemäische Reiterbilder // AM. Bd. 106.
Leibundgut A., 1976. Die römischen Bronzen der Schweiz. Bd. II. Avenches. Mainz.
Leibundgut A., 1980. Die römischen Bronzen der Schweiz. Bd. III. Westschweiz, Bern und Wallis. Mainz.
Linfert A., 1987. Neue Ptolemäer. Ptolemaios II und Arsinoe II // AM. Bd. 102.
Lippold G., 1950. Die griechische Plastik. München.
Marquardt N., 1995. Pan in der hellenistischen und kaiserzeitlichen Plastik // Antiquitas, Reihe 3. Bd. 33. Bonn.

Martin H.G., 1987. Römische Tempelkultbilder: Eine archäologische Untersuchung zur späten Republik. Rom.
McGing B.C., 1986. The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator King of Pontus. Leiden.
Mildenberg L., Hurter S., 1985. The Arthus S. Dewing Collection of Greek Coins. New York.
Mitten D.G., Doeringer S.F., 1967. Master Bronzes from the Classical World. Cambridge.
Moreno P., 1987. Vita e opere di Lisippo // Lysippe et son influence. Hellas et Roma, V. Geneve.
Moreno P., 1988. Bronzi lisipei // Griechische und römische Statuetten und Grossbronzen. Akten der 9. Tagung über antike Bronzen in Wien. Wien.
Moreno P., 1994. Scultura ellenistica. Roma.
Morkholm O., 1991. Early Hellenistic Coinage. Cambridge.
Neugebauer K.A., 1951. Die griechischen Bronzen der klassischen Zeit und des Hellenismus. Berlin.
Newell E.T., 1937. Royal Greek Portrait Coins. New York.
Ognenova-Marinova L., 1975. Statuettes en bronze du Musée national archéologique. Sofia. Sofia.
Oikonomides A.N., 1962. A Statuette of Mithridates the Great // Archaeology. V. XV.
Olshausen E., 1990. Götter, Heroen und ihre Kulte in Pontos. Ein erster Bericht // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt II. 18, 3. Berlin.
Parlaska K., 1979. Das sog. Porträt der Königin Dynamis in der Eremitage // Проблемы античной истории и культуры. Доклады XIV Международной конференции античников социалистических стран "Эйрене". Т. II. Ереван.
Pharmakovsky B., 1907. Archäologische Funde im Jahre 1906. Südrußland // AA.
Pfuhl E., 1930. Ikonographische Beiträge zur Stilgeschichte der hellenistischen Kunst // JdI. Bd. 45.
Pinkwart D., 1972. Pergamon. Austellung in Erinnerung an Erich Boehringer. Ingelheim.
Pollitt J.J., 1986. Art in the Hellenistic Age. Cambridge.
Popovic Lj.B., Mano-Zisi D., Velickovic M., Jelicic B., 1969. Anticka Bronza u Jugoslaviji. Beograd.
Price J.M., 1968. Mithridates VI Eupator, Dionysos and the Coinages of the Black Sea // NC. Ser. 7. V. VIII.
Price M.J., 1993. Sylloge Nummorum Graecorum. V. IX. The British Museum. Pt. 1. The Black Sea. London.
De Puma R.D., 1991. The Roman Bronzes from Kolhapur // De Puma (eds.) Rome and India. The Ancient Sea Trade. Wisconsin.
Queyrel F., 1990. Portraits princiers hellénistiques: chronique bibliographique // RA. Fasc. 1.
Reinach Th., 1888. Essai sur la numismatique des Rois de Pont (dynastie de Mithridate). Revue Numismatique. Ser. VI. N 30.
Richter G.M.A., 1965. The Portraits of the Greeks. III. Oxford.
Richter G.M.A., 1984. The Portraits of the Greeks. Abridged and revised by R.R.R. Smith. Oxford.
Ridgway B.S., 1984. Roman Copies of Greek Sculpture: The Problem of the Originals. Ann Arbor, 1984.
Ridgway B.S., 1990. Hellenistic Sculpture I. The Styles of ca. 331–200 B.C. Madison.
Ritter S., 1993. Die Bronzestatuetten des Hercules im Römisch-Germanischen Museum Köln // Kölner Jahrbuch. Bd. 26.
Rohde E., 1982. Pergamon. Burgberg und Altar. Berlin.
Rolley C., 1986. Greek Bronzes. Fribourg.
Rome faces the Barbarian, 1993. Rome faces the Barbarian. 1000 Years to create an Empire. Abbaye of Daoulas. 19 June – 26 September 1993.
Saprykin S., 1994. Greek Cities and Rural Settlements of Bosporus under the Successors of Mithridates // G. Tsetskhladze (ed.) Colloquenda Pontica. Greek and Roman Settlements on the Black Sea coast. Oxford.
Schmidt T.-M., 1990. Der späte Beginn und der vorzeitige Abbruch der Arbeiten am Pergamonaltar // Phyromachos-Probleme. RM. 31. Erg.-H. Mainz.
Schober A., 1951. Die Kunst von Pergamon. Wien, Innsbruck, Wiesbaden.
The Search, 1980. The Search for Alexander. Washington.
Simon E., 1988. Poseidon // LIMC. V. IV.
Simon E., Bauchhenss G., 1994. Neptunus // LIMC. V. VII.
Smith R.R.R., 1988. Hellenistic Royal Portraits. Oxford.
Smith R.R.R., 1991. Hellenistic Sculpture. London.

Sokolow G., 1976. Antike Schwarzmeerküste. Denkmäler der Architektur, Bildhauerei, Malerei und angewandten Kunst. Leipzig.
Stewart A., 1990. Greek Sculpture. An Exploration. New Haven, London.
Thomas E., 1976. Mythos und Geschichte. Köln.
Thomas R., 1992. Griechische Bronzestatuette. Darmstadt.
Thomas R., 1995. Hellenistische Wurzeln römischer Herrscherikonographie // JdI. Bd. 110.
Treister M.Yu., 1995. A Bronze Statuette of Iupiter Capitolinus from Myskhako // Acta of the 12th Intern. Congress on Ancient Bronzes, Nijmegen 1992. Nederlandse Archeologische Rapporten, 18. Nijmegen.
Troxell I.A., 1997. Studies in the Macedonian Coinage of Alexander the Great // Numismatic Studies. N 21. New York.
Vermeule C.C., 1981. Greek and Roman Sculpture in America. Masterpieces in Public Collections in the United States and Canada. Berkeley, Los Angeles, London.
Vinogradov Ju.G., 1993. Anmerkungen zu Kapitel VI: Staat und Kultur des Bosporanischen Reiches // Rostowzew M. Skythien und der Bosporus, Band II. Wiederentdeckte Kapitel und Verwandtes. Übersetzt und herausgegeben von H. Heinen. Historia Einzelschriften, 83. Stuttgart.
Vinogradov Yu.G., 1994. Greek Epigraphy of the North Black Sea Coast, the Caucasus and Central Asia // Ancient Civilisations from Scythia to Siberia. V. 1.1.
Vinogradov Ju.G., Wörrle M., 1992. Die Söldner von Phanagoreia // Chiron. Bd. 22.
Voshchinina A., 1974. Museé de l'Ermitage. Le portrait romain. Leningrad.
Walde E., 1978. Die Aufstellung des aufgestütztem Poseidon // AM. Bd. 93.
Walde-Psenner E., 1979. Der bronzene Poseidon auf der Hafenmole von Kenchrai // Bronzes hellénistiques et romains, Traditions et renouvaeau. Actes du Ve Colloque sur les bronzes antiques Lausanne.
Walter-Karydi E., 1991. Poseidons Delphin. Der Poseidon Loeb und die Darstellungsweisen des Meergottes im Hellenismus // JdI. Bd. 106.
Winter F., 1894. Mithridates VI. Eupator // JdI. Bd. 9.
Winter F., 1908. Die Skulpturen mit Ausnahme der Altarrelief // Altertümer von Pergamon. Bd. VII. 2. Berlin.
Zazoff P., 1983. Die antiken Gemmen. München.

Комитет по охране, реставрации и эксплуатации
историко-культурных ценностей Краснодарского края
Институт археологии РАН, Москва

M.Y. TREYSTER, A.V. DMITRIEV, A.A. MALYSHEV

A BRONZE STATUETTE OF THE HELLENIC RULER FROM EXCAVATIONS OF THE SETTLEMENT MYSKHAKO NEAR NOVOROSSIYSK

Summary

The paper presents a bronze statuette of a young boy found during the excavations of an Ancient Age settlement Myskhako (I–III centuries). Though a lion scalp on the head indicates that this image is related to Heracles, the statuette type, the posture turned out to be typical for images of Poseidon. The analyses of extensive comparative material allows to arrive at the conclusion that the said statuette is a heroized image of a Hellenic ruler, apparently, that of Mithradates Eupator.

Н.Г. АРТЕМЬЕВА

КУЛЬТОВЫЕ СООРУЖЕНИЯ БОХАЙСКОГО ВРЕМЕНИ НА ТЕРРИТОРИИ ПРИМОРЬЯ

В настоящее время на территории Приморья исследовано шесть культовых сооружений: пять из них – буддийские храмы, одно – прихрамовая постройка[1]. Все они относятся к типу зданий колоннадной конструкции. Копытинский, Абрикосовский, Борисовский и Корсаковский храмы расположены в Уссурийском р-не, где в рассматриваемый период находился центр бохайского округа Шуайбинь (Шавкунов Э.В., 1968, с. 60). Краскинский храм и прихрамовая постройка обнаружены на одноименном городище в Хасанском р-не, где располагался центр профектуры Янь, входивший в состав округа Лунюань (Шавкунов Э.В., 1968, с. 59).

Впервые исследования памятников такого типа были осуществлены Э.В. Шавкуновым в 1958–1959 гг. (Шавкунов Э.В., 1958; 1959; 1960, с. 173–186; 1964, с. 74–80). Был раскопан Копытинский храм, обнаруженный на плоской вершине сопки Копыто, возвышающейся над долиной на правом берегу р. Кроуновка.

Храм представлял собой почти квадратное сооружение площадью 30 м^2 (6 × 5 м), ориентированное стенами по сторонам света (рис. 1, *1*). От фундамента храма сохранился развал камней четырехугольной формы шириной ~ 1,5 и высотой до 0,6 м, который первоначально трактовался как декоративная стенка, опоясывающая храм снаружи (Шавкунов Э.В., 1968, с. 75). Однако при тщательном рассмотрении планов раскопок здания и стратиграфических разрезов нам удалось выяснить, что эту часть сооружения надо интерпретировать несколько по-иному.

Первоначально на скальном материке выкладывался фундамент каменной стены в виде четырехугольника из плотно подогнанных друг к другу базальтовых плит с разрывом в тех местах, где должен был находиться вход. Затем внутреннюю часть этого четырехугольника заполнили красной глиной мощностью ~ 0,4 м. Таким образом, последняя снивелировалась с каменной вымосткой, образуя тем самым так называемую платформу площадью 81 м^2 (9 × 9 м), которая с наружной стороны была укреплена каменной кладкой. Последняя оформлялась керамической облицовкой с прочерченным орнаментом (Шавкунов Э.В., 1968, табл. XVII, *1*). Северо-восточная часть платформы была выравнена благодаря каменной плитняковой выкладке. На платформе были обнаружены плоские камни, служившие базами от основания колонн и расположенные в три ряда по три базы в каждом ряду на расстоянии 1,5–2 м. Вход в здание находился с северной стороны. От него сохранились три плоские плиты длиной 1,2 и шириной 0,45 м. По бокам ступеньки были укреплены базальтовыми валунами.

На всей раскопанной площади вокруг храма была собрана кровельная черепица, которая по функциональному назначению делилась на нижнюю, верхнюю, подгребневую и гребневую (рис. 2).

Нижняя черепица представлена большими серыми и бурыми конусовидными желобами длиной 40–43 см, хорда узкого края 21–23, широкого – 26–28, толщина в среднем 1,5–2,5 см, но встречены фрагменты очень грубо сделанной черепицы, толщина которой достигала 3 см. Узкий торцовый край черепицы обычно сглажен, широкий –

---

[1] Автор выражает огромную признательность исследователям этих памятников Э.В. Шавкунову и В.И. Болдину за предоставленную возможность использования материала.

© Н.Г. Артемьева, 1998 г.

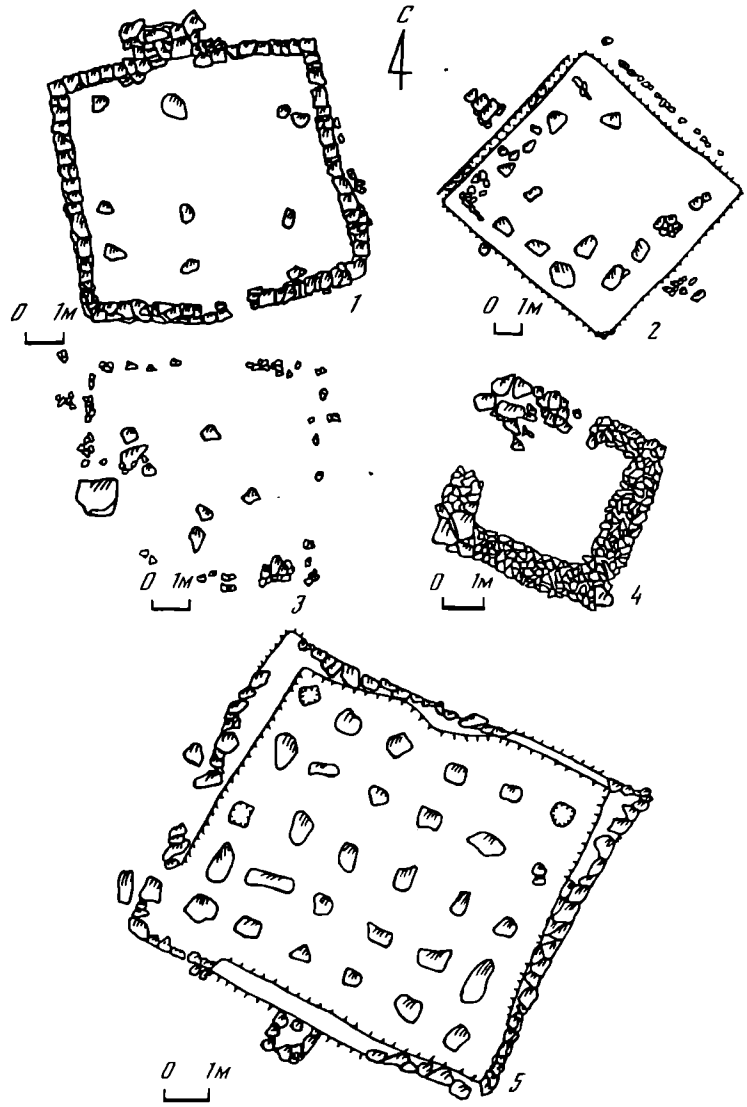

Рис. 1. Планы храмов: *1* – Копытинский; *2* – Абрикосовский; *3* – Корсаковский; *4* – Краскинская прихрамовая постройка; *5* – Краскинский

ровный, за исключением черепицы, которая укладывалась на карниз крыши. Прослежено четыре вида орнамента на нижней черепице (табл. 1, рис. 3).

1. Торцовый край украшался "пальчиковым" орнаментом, т.е. через 1–2 см по сырой глине делали вдавления пальцами, создавая как бы волнообразную линию. Зона распространения орнамента прослежена под небольшим углом по отношению к краю бортика.

2. Торцовый край черепицы украшен кружочково-палочным орнаментом: а) кружочки располагались между вдавленными под углом 45° полосками; б) кружочки располагались между вдавленными полосами, по обе стороны которых под углом 45° находились полоски. Этим орнаментом украшался не только торцовый край черепицы, но и внешний; в) повторяется вариант а) с дополнением – между кружочками вписывались вертикально вдавленные линии.

3. Торцовый край черепицы украшен цепочкой глубоко врезанных Х-образных косых крестов.

4. Торцовый край оформлен в виде "елочки", т.е. цепочкой вдавленных под острым углом линий.

Верхняя черепица представляет собой узкий желоб. Ее длина 40–43 см, хорда переднего края 14–15, заднего, плавно сужающегося, доходит до 7–8, толщина черепицы

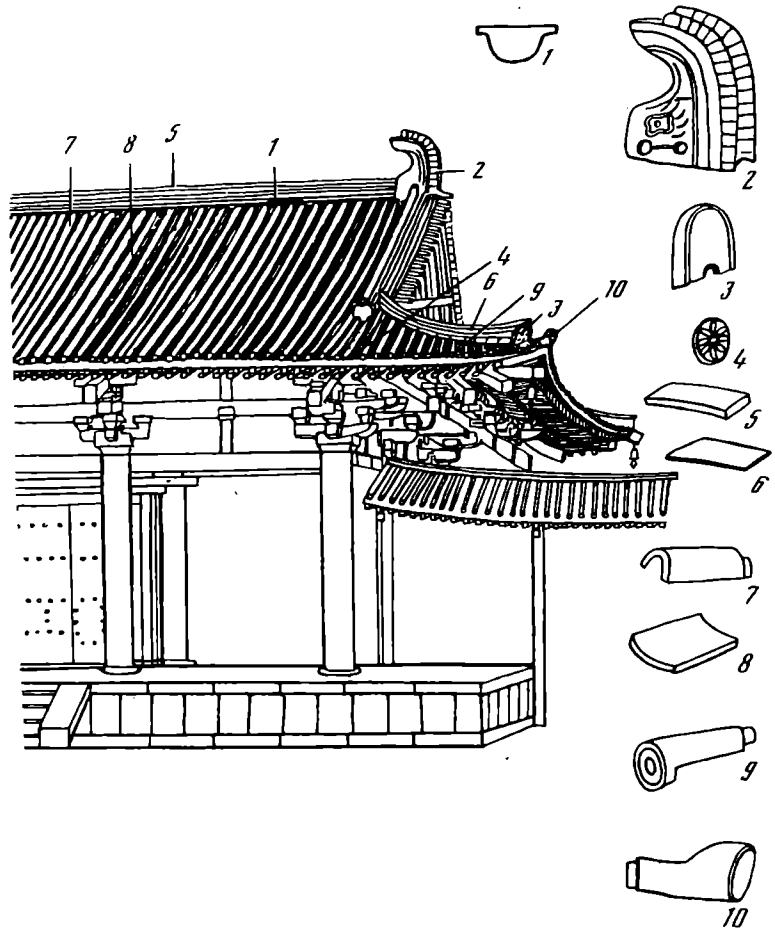

Рис. 2. Месторасположение черепицы на крыше: *1* – подгребневая; *2* – коньковое украшение; *3* – угловая карнизная; *4* – концевой диск; *5* – гребневая; *6* – козырьковая; *7* – верхняя; *8* – нижняя; *9* – верхняя фронтонная (карнизная); *10* – фигурная угловая

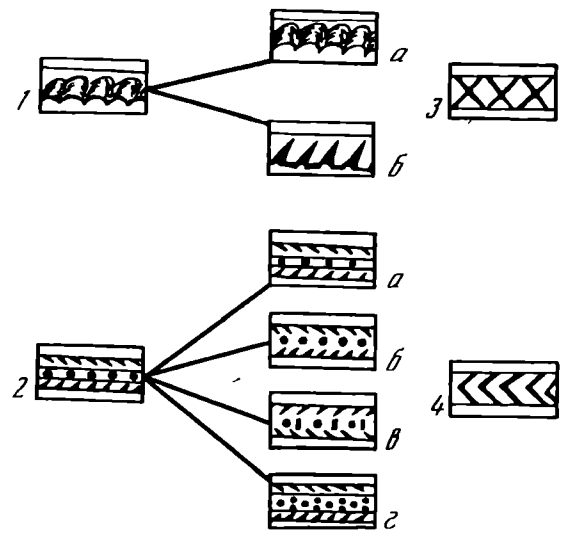

Рис. 3. Виды орнаментов нижней черепицы и их встречаемость на памятниках: *1* – пальчиковый; *2* – кружочково-палочный; *3* – Х-образный; *4* – елочный

Таблица 1

Виды орнамента на нижней черепице

Памятник	Вид орнамента							
	1		2		3		4	
	а	б	а	б	в	г		
Копытинский	+		+	+	+		+	+
Абрикосовский	+	+	+	+	+	+	+	+
Корсаковский	+	+	+					
Краскинский	+	+	+					

Таблица 2

Виды орнамента на верхней черепице

Памятник	Вид орнамента										
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Копытинский	+	+									
Абрикосовский	+		+								
Борисовский				+							
Корсаковский					+	+					
Краскинский							+	+	+	+	+

2–2,5 см. Задний край верхней черепицы иногда гафрировался, т.е. переходил в так называемый хвостовик. Верхняя черепица, размещавшаяся на карнизах крыши, украшалась концевыми дисками. Обнаружено два вида орнамента на концевых дисках (табл. 2, рис. 4): 1) диск (диаметр 14 см, толщина 1,5, ширина бордюра 1–1,5 см) украшен стилизованным цветком лотоса, выполненным при помощи штампа. В центре диска располагалась полусфера диаметром 1 см, заключенная в два рельефных круга, от которых отходят восемь выпуклых лепестков лотоса, заостренной частью направленных из круга. Чередуясь, четыре из них обрамлены выпуклыми, повторяющими их форму линиями. Весь орнамент заключен в двойной рельефный круг, в который вписаны 25 полусфер, или зерен лотоса (рис. 4, *1*); 2) диск (диаметр 10,4 см, толщина 1,5, ширина бордюра 1 см), в центре которого располагалась полусфера диаметром 1,5 см, а вокруг нее находился рельефный круг диаметром 2,6 см. От последнего отходят 10 лучеобразных отростков длиной 1,5 см, на вершине которых, чередуясь, находятся бутоны и сердцеобразные лепестки лотоса, заостренными концами направленные вне круга (рис. 4, *2*).

Подгребневая черепица, по форме напоминающая козырек, вставлялась в промежутки между верхними черепицами, примыкающими к гребню крыши (рис. 2). Изготовлялась она путем фигурного среза верхней черепицы. Ее размеры, см: длина 20–23, ширина 10,5–12,5, высота боковых частей 3–4, толщина 1–1,2.

Гребневая черепица обнаружена также в очень фрагментарном состоянии, восстанавливается лишь ее толщина – 0,5 см.

На памятнике обнаружены небольшие фрагменты от конькового украшения крыши.

Таким образом, Копытинский храм представлял собой возведенное на платформе здание колоннадного типа с черепичной крышей. С северной и восточной сторон на расстоянии 13–18 м храм был защищен каменной оградкой, которая прослеживалась в виде вала. С южной и западной сторон она отсутствует, так как здесь сопка круто

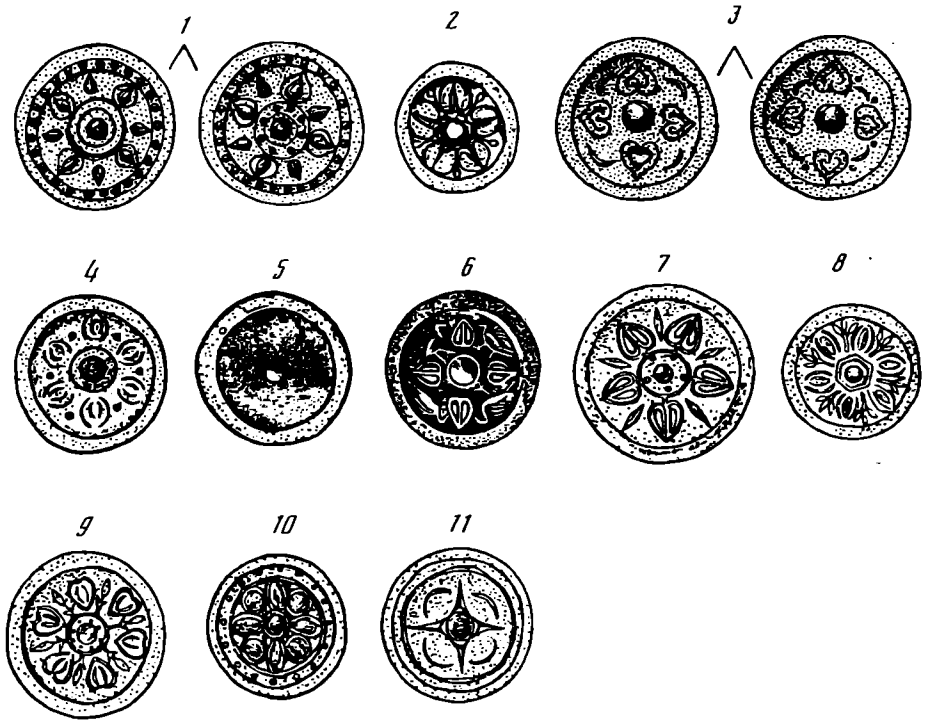

Рис. 4. Виды орнаментов концевой черепицы и их встречаемость на памятниках: *1* – Копытинский, Абрикосовский храмы; *2* – Копытинский храм; *3* – Абрикосовский храм; *4* – Борисовский храм; *5* – Корсаковский храм; *6* – Корсаковский храм; *7–11* – Краскинский храм

обрывается вниз. Храм имел свой двор площадью ~ 0,12 га. Дальнейшие раскопки, проведенные в 1993–1994 гг. в северо-западной части двора храма, позволили выявить платформу, забутованную базальтовым плитняком (Шавкунов Э.В., 1993; 1994). Последняя представляла собой прямоугольник размерами 13 × 10 м с особенно тщательно оформленными северной и восточной стенками, где был прослежен крупный плитняк, уложенный в три-четыре яруса. В центральной части платформы выделялся прямоугольник (5 × 6 м). Скорее всего, это фундамент какого-то здания, расположенного на платформе и отстоящего от входа в храм на расстоянии 10 м.

Юго-восточнее обнаруженной платформы, почти рядом с северо-восточным углом храма была зачищена еще одна платформа, по способу строительства аналогичная предыдущей.

Вход на территорию двора храма находился с северной стороны в виде разрыва, по краям которого на расстоянии 15 м лежали базальтовые плиты, служившие базами для деревянной арки с черепичным навесом. Скопление фрагментов черепицы обнаружено как перед входом, так и вдоль каменной оградки двора храма. Очевидно, на каменной оградке был возведен частокол с черепичным навесом.

В 2 м западнее входа храмового двора обнаружено жилище полуземляночного типа, южная стенка которого вплотную примыкала к внешнему краю оградки двора. Жилище имело площадь 4 м^2 (2 × 2 м). Глубина котлована достигала с южной стороны 0,6 м, с северной – 0,2 м. Стенки его были выложены базальтовыми плитами. В северо-восточном углу жилища находилось небольшое зольное пятно с включениями кусочков древесного угля и жженых косточек. Вполне возможно, что это было помещение охраняющего вход во двор храма.

В 1960 г. недалеко от Копытинского был раскопан Абрикосовский храм, расположенный на противоположном берегу р. Кроуновка на пологом северном склоне небольшой сопки Абрикосовская (Шавкунов Э.В., 1960; 1964, с. 105; 1968, с. 81–91).

Храм представлял собой квадратное сооружение площадью 49 м^2 (7 × 7 м), углами ориентированное по сторонам света (рис. 1, *2*). Он был построен на искусственно

созданной платформе площадью 95 м^2 (10 × 9,5 м), укрепленной со всех сторон кладкой из тесаных базальтовых плит, для основания которых вокруг всей платформы была вырыта канавка шириной 0,6 м. Платформа состояла из утрамбованного суглинка высотой 0,5–0,8 м.

Центральный вход в храм прослежен с северо-западной стороны в виде трех ступенек из тесаных базальтовых плит длиной 0,6–1 и шириной 0,4–0,6 м. Возможно, здесь существовал и второй вход, так как в юго-восточной стороне прослежены камни, выложенные в виде ступеньки.

На платформе выявлены каменные базы – основание деревянных колонн. Их обнаружено 15, но скорее всего их было 25, т.е. 5 рядов по 5 баз в каждом ряду.

Вокруг платформы со всех четырех сторон был зачищен завал черепицы, чего не прослежено на территории самого храма. Это подтверждает тот факт, что крыша была четырехскатной.

На территории храма были зафиксированы куски обожженной обмазки со следами от пучков тростника. Очевидно, это остатки стен. Поверх глиняной обмазки стен наносился тонкий слой тщательно отмученной штукатурки, покрытой с внешней стороны краской цвета слоновой кости и расписанной узором в виде меандра, под которым шла полоса красного цвета (Шавкунов Э.В., 1968, табл. XXVI).

Черепица, обнаруженная на Абрикосовском храме, по месту расположения на крыше подразделяется на нижнюю, верхнюю, гребневую, подгребневую, угловую и фигурную (рис. 2).

Нижняя черепица представлена конусовидными желобами длиной 40–45 см, хорда широкого края 25–32, узкого – 21,5–25, толщина 1,5–2,5 см. Орнаментировался только широкий торцовый край лишь той черепицы, которая шла на украшения карниза крыши. Здесь прослежены почти все орнаменты, обнаруженные на нижней черепице из Копытинского храма: 1. торцовый край украшен "пальчиковым" орнаментом, но здесь, кроме того что орнамент делался вдавлением пальцев, обнаружена и имитация таких вдавлений при помощи палочки (рис. 3, *1*, *а*, *б*); 2. торцовые стороны орнаментировались вдавленными кружками. Первые два варианта (*а* и *б*) аналогичны Копытинским, хотя иногда в варианте *б* вместо вдаленных линий, под которыми проходили кружочки, делали широкое углубление, на которое наносились кружочки. Здесь же прослежен еще один вариант (*г*) этого орнамента – между бороздками кружочки располагались следующим образом: два кружочка друг над другом, затем один в центре, далее элемент орнамента повторялся. По краям черепицы орнамент заполнялся прочерченными под углом 45° полосками (рис. 3, *2*).

3. Торцовый край украшен Х-образными вдавленными линиями (рис. 3, *3*).

4. Торцовый край обрамлен "елочным" орнаментом (рис. 3, *4*).

Верхняя черепица представлена узкими желобами двух видов: первый – длиной 39–41 см, хорда широкого края 13, узкого – 9–9,3, толщина 1,5–2 см – имел плавно заужывающийся узкий край; второй – длиной 37–40 см, хорда широкого края 12–15,5, узкого – 9,5–10,5, толщина 1,5–2 см – на заднем конце оформлен тремя-четырьмя вдавленными полосами (гафрирован) на ширину 7–8 см, благодаря чему следующая черепица лучше удерживалась на крыше. В дальнейшем это место на черепице будет называться хвостовиком. Верхняя черепица, размещавшаяся на карнизе крыши здания, украшалась концевидными дисками. На концевых дисках, найденных при раскопках постройки, встречено два вида орнамента: 1) диск (диаметр 13–14 см, толщина 1,5, ширина бордюра 1–1,5 см) был аналогичен диску, обнаруженному на Копытинском храме (рис. 4, *1*). К этому же виду можно отнести еще один диск с аналогичной композицией, за исключением того, что вокруг центральной полусферы проходит не пустой поясок, заключенный между двумя выпуклыми кругами, а между ними расположено восемь полусфер. В остальном этот орнамент ничем не отличается от предыдущего (рис. 4, *1*); 2) диск (диаметр 12–14 см, толщина 1,5–2, ширина бордюра 1,5–2 см) имеет орнамент в виде стилизованного лотоса. В центре располагается полу-

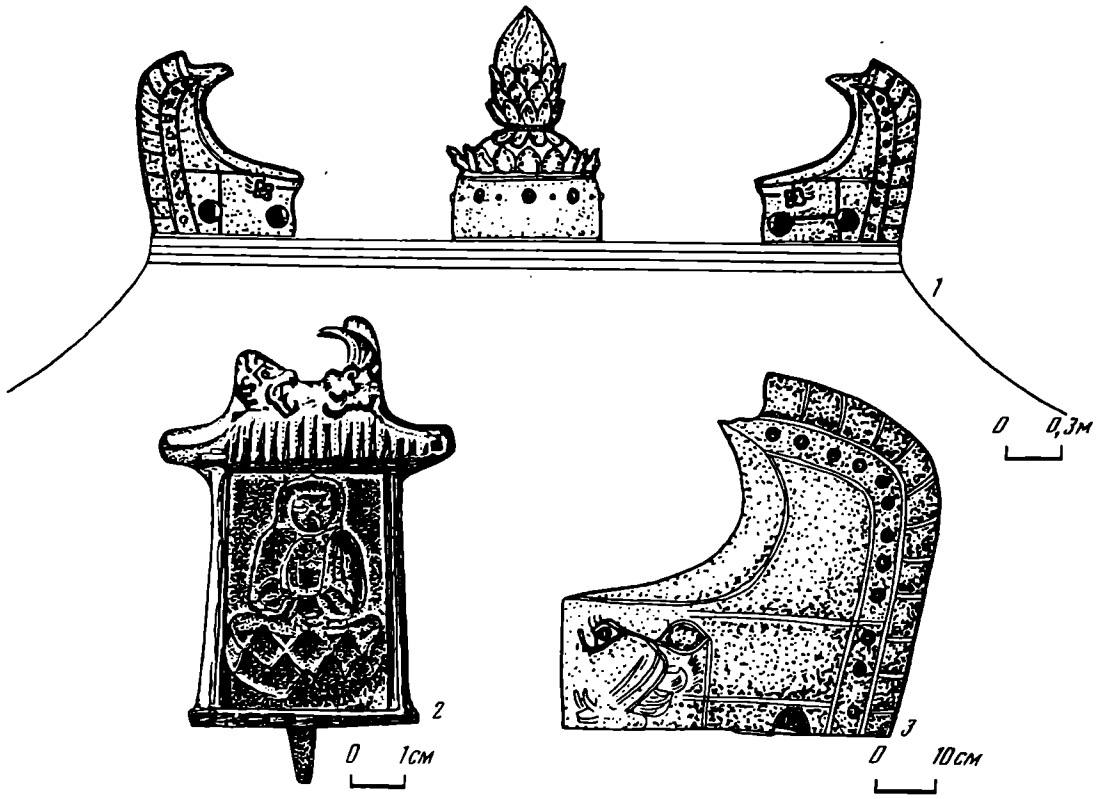

Рис. 5. Коньковые украшения крыши: *1* – прихрамовая постройка Краскинского храма; *2* – плакетка из бухты Витязь; *3* – Абрикосовский храм

сфера с расходящимися от нее четырьмя сердцевидными лепестками, причем острые концы последних повернуты наружу. Лепестки обозначены при помощи рельефных линий. В середине лепестков выпуклой линией повторен изгиб листа. Между лепестками лотоса вписаны выпуклые полуовальные линии (рис. 4, *3*).

Другая разновидность аналогичного орнамента обнаружена там же. Она отличается от предыдущей лишь тем, что с двух сторон от полуовальных линий расположены полусферы – зерна лотоса (рис. 4, *3*).

Подгребневая черепица аналогична по размерам Копытинской. Ее длина 22–23,8 см, ширина 10,5–12,5, высота боковых сторон 3–4, толщина 1,5–2 см.

Гребневая черепица делится на узкую и очень узкую. Первая изготовлялась на таких же шаблонах, что и нижняя, но она в 2 раза уже и за счет этого имеет трапециевидные очертания. Ее длина 38,5–42 см, ширина хорды широкого края 14,5–15, узкого – 12,5–14, толщина 1,5–2 см. Такая черепица использовалась при сооружении центрального гребня крыши. Очень узкая имела длину 38,5–42 см, ширину широкого края 11, узкого – 9, толщину 1,5–2 см, изредка встречается черепица толщиной 0,5–0,7 см. Очень узкая черепица использовалась для строительства боковых гребней скатов крыши.

Угловая черепица применялась в местах соприкосновения скатов и боковых фронтонов. Она представляла собой срезанный под углом желоб нижней черепицы. Ее размеры (см): хорда верхнего края 23, длина боковых граней 16, длина среза 33,5, толщина 1,5–2.

Фигурная черепица размещалась по углам здания. Ими заканчивались боковые коньковые скаты. Они представляли собой желоба, напоминающие верхнюю черепицу с концевыми дисками; разница состояла в том, что верхний край черепицы (1/3 общей длины) плавно поднимался вверх на 7–8 см и заканчивался концевым диском. Ее размер (см): длина 39–41, хорда широкого края, где размещался концевой диск, 13, узкого, где находился хвостовик, – 9.

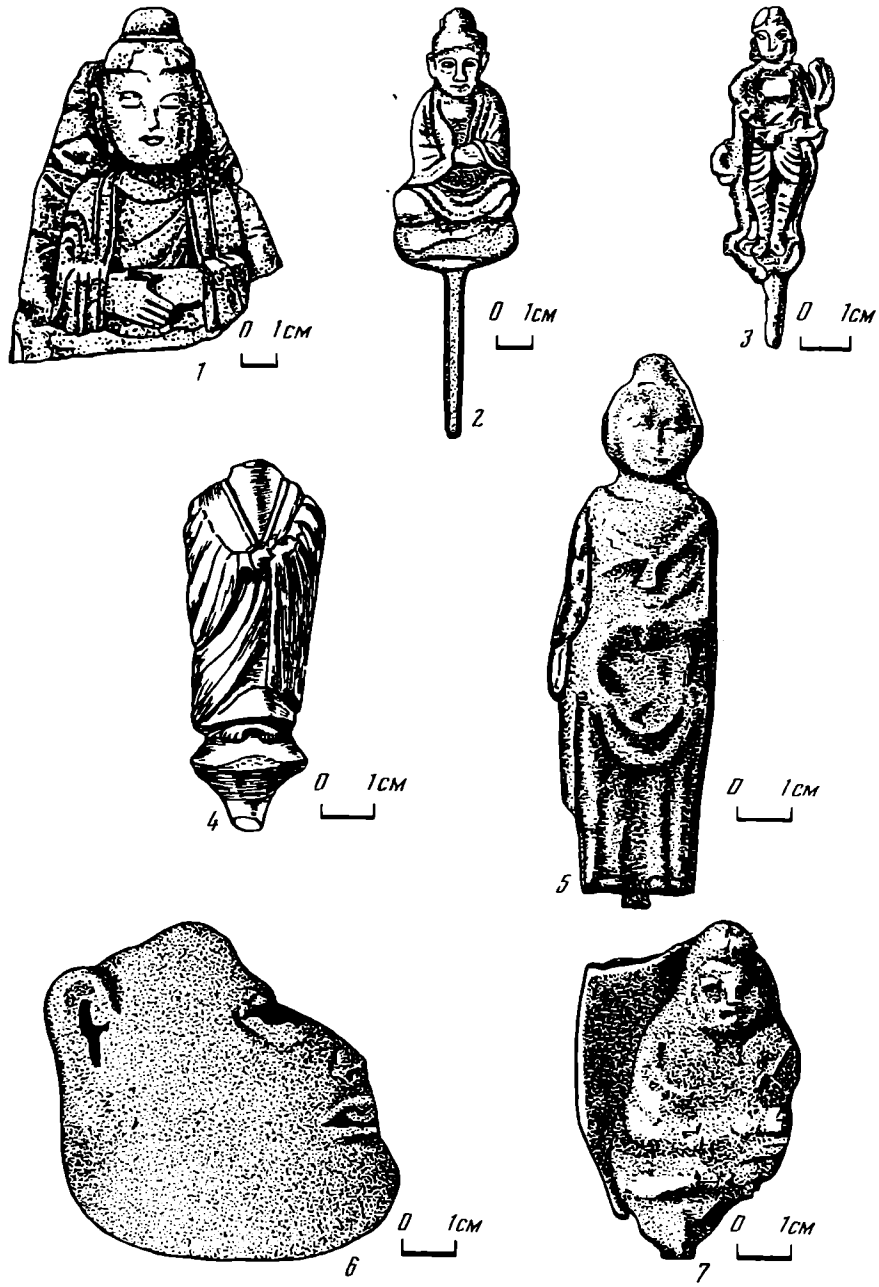

Рис. 6. Изображение будд и боддисатв: *1–3* – Краскинский храм; *4, 5* – Борисовский храм, *6, 7* – Абрикосовский храм (*1* – камень, *2–5* – бронза, *6, 7* – глина)

Крышу Абрикосовского храма украшали керамические лепные изображения в виде двух голов драконов (чивэй) (рис. 5, *3*). Драконы замыкали по краям конек крыши, представляя собой полую керамическую фигуру длиной 70–80 см, шириной 30 и толщиной стенок 2–3 см. Одна сторона фигуры высотой 20 см оформлена в виде морды дракона, причем глаз, ухо, другие детали проработаны при помощи лепных валиков и прочерченных полос. Другая сторона фигуры высотой 80 см плавно закруглялась к середине, заканчиваясь своеобразным гребнем ("хвостом"). Этот край был оформлен налепным рельефным валиком, повторяющим форму гребня. Расстояние между валиками ~ 10 см. Между ними располагались полусферические выпуклины диаметром 3 см. Край гребня украшался перпендикулярными налепными полосками, благодаря чему напоминал плавник. Противоположная сторона зеркально повторяла барельефное изображение дракона.

На территории храма был обнаружен целый пантеон будд (Шавкунов Э.В., 1964, с. 91, 92). Все они изготовлены из обожженной глины. Самая маленькая фигурка глиняного будды (высота 5 см) представляла собой сидящего с подогнутыми ногами будду со сложенными на груди руками. Позади фигурки имеется небольшой щиток, от которого сохранились лишь небольшая часть (рис. 6, *7*). От второй фигурки осталась лишь часть лица (высота 4,5 см) (рис. 6, *6*).

Кроме вышеописанных, были обнаружены фрагменты от двух-трех будд. Это прежде всего два уха (левое и правое с большой вытянутой мочкой), фрагмент подбородка, мизинец правой руки и часть пальца от правой ноги.

Было найдено плоское барельефное изображение лица, напоминающее концевой диск. Его высота 8,5 см, широко раскрыт рот с крупными и редкими, зубами, нос широкий, глаза раскосые. Интересно, что на месте зрачков вставлены камешки темно-бурого цвета, а на лбу – небольшой розовый камешек, от которого на лбу по обеим сторонам расходятся глубокие бороздки морщин.

Абрикосовский храм со всех сторон был обнесен каменной оградой,т.е. имел двор площадью ~ 0,12 га. От оградки по периметру двора остался каменный развал шириной 1 м. Вход во двор не зафиксирован, скорее всего он находился напротив центрального входа в храм, т.е. в северо-западной стороне. Раскопки, продолженные в 1988 г. в юго-западной стороне двора, а также раскопки юго-западной, северо-западной и юго-восточной стен оградки дали возможность зафиксировать, что первоначальные высота и ширина каменной стенки оградки были 0,9 и 2–3 м соответственно. Основание стен сложено из крупных глыб камня, верхняя часть – из мелких камней. В верхней части оградки прослежены следы сгоревших деревянных плах – это остатки деревянного частокола, возведенного поверх каменной оградки, который имел черепичный навес. В северо-западной стороне от входа в храм на вскрытой террасе двора обнаружены восемь камней-баз, очевидно, прихрамового сооружения. Камни располагались в два ряда по четыре базы в каждом ряду. Расстояние между базами по линии восток – запад 5–6 м, а по линии север – восток – до 2 м. Планировку сооружения проследить не удалось.

Рядом с храмом на склонах и вершинах соседних сопок были обнаружены захоронения в виде небольших сильно потревоженных базальтовых насыпей. Раскопки проводились на пяти из них, причем все они оказались разграбленными (Шавкунов Э.В., 1964, с. 100, 101).

Третий буддийский храм, обнаруженный в этом районе, получил название Борисовский. Раскопки на нем были произведены в 1971 г. В.Е. Медведевым (Окладников А.П., 1975, с. 50). Описание храма нигде не опубликовано. Известно только, что он представлял собой здание колоннадного типа с черепичной крышей, которую украшали концевые диски бохайского типа (Окладников А.П., 1975, с. 49, рис. 1). Один из концевых дисков опубликован. Диск (диаметром 11 см, толщина 2,5, ширина бордюра 1 см) имел в центре заостренную полусферу диаметром 1,5 см, которая была заключена в выпуклый круг диаметром 3,5 см. От последнего отходят шесть выпуклых овальных лепестков, центральная часть которых разделена двумя полуовалами. Между лепестками – шесть выпуклых полусфер (рис. 4, *4*).

На территории храма были найдены две бронзовые статуэтки. Первая из них изображает в полный рост человека со скрещенными в районе живота руками (Окладников А.П., Деревянко А.П., 1973, с. 352; Окладников А.П., 1975, с. 51, рис. 2). Ее высота 11,3 см (рис. 6, *5*).

Вторая статуэтка имела высоту 7,8 см (рис. 6, *4*). Голова у нее не сохранилась; оставшаяся часть представлена изображением туловища человека в полный рост, также со скрещенными на животе руками. На ней прекрасно различима одежда типа мантии буддийских лам (Окладников А.П., 1975, с. 52, рис. 3).

Обе статуэтки односторонние, т.е. были предназначены для обзора только спереди, в нижней их части находились палочки-шпеньки для закрепления изображения на алтаре. А.П. Окладников предположил, что статуэтки изображают обожествленных

чиновников-предков, связанных с семейным или родовым культом предков (Окладников А.П., 1975, с. 52), но скорее всего это изображение боддисатв.

Четвертый буддийский храм, раскопанный в этом же районе, – Корсаковский – расположен на левом берегу р. Кроуновка, на высокой береговой террасе (Шавкунов Э.В., 1993). Памятник плохой сохранности из-за поздних перекопов. Храм был построен на небольшой земляной платформе. Удалось установить, что площадь храма была 30 м^2 (5 × 6 м), стены ориентированы по сторонам света (рис. 1, *3*). Было обнаружено несколько баз от колонн, но точное их количество определить не удалось. Вокруг стен храма с четырех сторон хорошо сохранились остатки кровельной черепицы, по которой установлены практически все типы черепицы, использованные при строительстве крыши: нижняя, верхняя, фигурная, угловая, гребневая, подгребневая и украшения конька крыши (чивэй) (рис. 2).

Нижняя черепица представлена большими конусовидными вогнутыми желобами длиной 33–36,5 см, хорда узкого края 22–24, широкого – 33–36, толщина 1,8–2,8 см. Торцовый узкий край черепицы обычно сглажен, широкий орнаментировался. По оформлению последнего черепицу можно разделить на неорнаментированную и орнаментированную, причем украшались те черепицы, которые укладывались на карниз крыши. Зафиксировано два вида орнамента: 1) торцовая сторона черепицы с вогнутой, но чаще с выпуклой стороны украшалась "пальчиковым" орнаментом, т.е. через 1–2 см делались вдавления пальцами, создавая как бы волнообразную линию. Реже встречается имитация вдавлений пальцами при помощи палочки (рис. 3, *1*); 2) торцовый край черепицы разделялся двумя вдавленными полосками на три выпуклые части. Крайние части рассечены вдавленными полосками под углом 45°, а внутренняя – вдавленными кружочками диаметром 0,7 см, расстояние между которыми 2 см (рис. 3, *2*).

Верхняя черепица – это узкий желоб длиной 31–32 см, шириной по хорде с двух сторон 13–14, толщиной 1,5–2 см. Один из краев желоба обычно переходит в так называемый хвостовик. Он представляет собой продолжение желоба, только меньших размеров. Длина его от 4,5–6 см. В данной коллекции он ребристый, благодаря чему следующая за ним черепица хорошо поддерживалась на крыше. Изредка в середине хвостовика встречается отверстие для гвоздя.

Верхняя черепица, которая размещалась на карнизе крыши здания, украшалась концевыми дисками. Встречено два вида орнамента на концевых дисках: 1) на диске (диаметр 14 см, толщина 2, ширина бордюра 1,5 см) оттиснут штамп, благодаря которому орнаментированная композиция была углублена в диск на 0,5–0,7 см. В центре диска расположен полусферический выступ диаметром 1 см, который окаймлен рельефным кругом. Сама орнаментальная композиция состоит из четырех лепестков лотоса, между которыми изображены четыре феникса (Шавкунов Э.В., 1991, с. 269–271) (рис. 4, *6*); 2) диск (диаметр 13 см, толщина 1,4–1, ширина бордюра 1 см) представляет собой пустое поле, лишь в центре находится полусфера диаметром 1 см (рис. 4, *5*). Следует отметить, что диски с орнаментом первого вида сделаны из хорошо отмученного глиняного теста, они серого цвета. Диски со вторым орнаментом худшего качества, бурого цвета, на многих местах видны следы трещин, причины образования которых – скорее всего в нехватке отощителя в тесте. По диаметру последние меньше на 1 см, по количеству даже во фрагментарном состоянии их в 7 раз меньше, чем концевых дисков с изображением феникса и лотоса. Вполне возможно, что черепицей с этими дисками украшались узкие стороны крыши здания.

Угловая черепица применялась на крыше в местах соприкосновения скатов крыши с боковых фронтонов. Она представляла собой срезанный под углом желоб нижней черепицы. Ее наибольшая длина 15–20 см, а наименьшая – 7–10 см, ширина по хорде – 22–24 см.

Гребневая черепица изготовлялась на таких же шаблонах, что и нижняя, но она в 2 раза уже ее. Ее длина 33–36 см, ширина по хорде 12–11, толщина 1,5–2 см. Гребневая черепица применялась при сооружении центрального гребня крыши. Здесь же

обнаружены очень узкие черепицы. Их длина 33–36, ширина 7 см. Скорее всего очень узкая гребневая черепица крепилась на гребнях скатов крыши, создавая иллюзию "взлета" последних.

Подгребневая черепица по форме напоминает собой корызек. Она вставлялась в промежутке между верхними черепицами, примыкающими к карнизу крыши. Изготовлялись они путем фигурного среза верхней черепицы. Судя по размерам подгребневой черепицы, из одной верхней черепицы можно было изготовить две подгребневых. Размеры подгребневой частицы (см): длина 13,5, высота 14–15, высота боковых частей 3–4, толщина 1,8–2.

Фигурные угловые черепицы размещались по углам здания. Ими заканчивались коньковые скаты. Они представляли собой желоб длиной 27–30 см, задний край которого переходил в рифленый хвостовик длиной 5–5,5 см. От хвостовика по верхней части черепицы через 8 см начинается плавный подъем, переходящий в круглый раструб. Заканчивались фигурные угловые черепицы концевыми дисками диаметром 13–14 см с изображением лепестков лотоса и фениксов. Диски располагались на черепице под углом 20–25°. Возможно, что именно под таким углом были приподняты края крыши. Черепицы этого типа найдены по углам описанной выше постройки.

Лепные украшения конька крыши (чивэй) обнаружены лишь в виде отдельных фрагментов. Реконструировать их не удалось, хотя, судя по остаткам керамической плиты, украшенной налепными полосками, керамическому глазу дракона, треугольному фрагменту верхней части гребня, они аналогичны коньковому украшению, обнаруженному на Абрикосовском храме.

Черепица на крыше крепилась при помощи глины (в нескольких случаях ее удалось проследить на фрагментах черепицы). Кроме черепицы, вокруг здания были обнаружены куски обмазки, найдены фрагменты белой извести, возможно, от облицовки стен.

Пятый буддийский храм был раскопан на Краскинском городище в 1981 г. В.И. Болдиным (Болдин В.И., 1980; 1981; 1987, с. 189, 190; 1993, с. 49–56). Храм был возведен на платформе высотой 1 м площадью 132 м^2 (12 × 11 м) (рис. 1, *4*). Платформа была сделана из утрамбованной серой глины с супесью. По периметру она обложена в два ряда базальтовыми плитами размерами 0,65 × 0,6 м при ширине 0,35 м. С внешней стороны плиты обмазывались глиной мощностью 0,1 м. Сверху большая площадь платформы была утрамбована галькой, в центре – мелкими камнями и прослойкой песка. Каменная вымостка являлась основанием пола храма.

От самого храма на платформе были прослежены 25 баз от основания деревянных колонн и 5 ям, в которые укладывались базы. Таким образом, крыша храма держалась на 30 колоннах: пять рядов по шесть колонн в каждом ряду. Расстояние между колоннами ~ 1 м. Площадь храма 72 м^2 (9 × 8 м), углами он ориентирован по сторонам света. Вход в храм находился с юго-западной стороны, так как именно в этом месте на платформе прослеживалась ступенька размером 1,3 × 1,3 м, которая с трех сторон укреплялась сложенными в два ряда камнями.

За пределами платформы вдоль ее периметра прослеживался завал битой черепицы, среди которой встречались железные гвозди. Наибольшее количество черепицы зафиксировано в юго-восточной и северо-западной сторонах от платформы.

Судя по расположению черепицы, крыша храма была четырехскатной, а сами скаты крыши доходили до края платформы, т.е. отходили от стен храма на 1 м. Конек крыши проходил по середине здания по направлению северо-запад – юго-восток. Среди черепицы перед входом на платформу были обнаружены куски лепной терракоты, которая являлась остатками украшения, оформлявшего конек крыши (чивэй).

Напротив входа между третьими и четвертыми базами колонн второго и третьего рядов было прослежено возвышение над полом высотой 0,1–0,2 м и площадью около 1,5 м^2. В этом же месте была найдена бронзовая статуэтка будды (рис. 6, *1, 2*). Возможно, что именно здесь находился алтарь, на котором располагались статуэтки божеств.

Крыша храма была покрыта черепицей, которая по функциональному назначению делится на нижнюю, верхнюю, угловую (рис. 2).

Нижняя черепица представлена большими конусовидными желобами, которые по размерам делятся на два вида: желоб длиной 41,5–46 см и желоб длиной 36–38 см, хорда широкого края 15,2–24, узкого 14,6–18, толщина 1,6–1,8 см. Черепица, которая укладывалась на козырек крыши, орнаментировалась. Орнамент представлен двумя видами: 1) "пальчиковый" орнамент – по сырой глине были сделаны вдавления пальцами или имитация таких вдавлений при помощи палочки (рис. 3, *1*); 2) торцовый край при помощи вдавленных горизонтальных линий разделялся на три части. Средняя украшалась цепочкой оттиснутых колечек или полукружочков, а крайние – вдавленными штрихообразными косыми насечками (рис. 3, *2*).

Верхняя черепица представлена двумя типами: 1) узкий желоб (длина 32–34,6 см, хорда узкого края 9–9,5, хорда широкого края 15,5–16,5, толщина 2,3–1,5) с плавно зауживающимся задним краем; 2) желоб (длина 37–38 см, хорда узкого края 9,6, широкого – 17, толщина 2 см); его узкий край имеет хвостовик, т.е. за 6 см до края желоб переходит в уступ, оформленный рельефными полосами. Верхняя черепица, размещавшаяся на карнизах крыши, оформлялась концевыми дисками, украшенными стилизованными цветами лотоса. На них обнаружено два вида орнамента: 1) диск (диаметр 15,4–16,2 см, толщина 1,5, ширина бордюра 1,5 см), в центре которой располагалась полусфера диаметром 1–1,3 см; вокруг нее по кругу находятся пять полусфер диаметром 0,3 см. Все это обрамлено выпуклым кольцом диаметром 4,4 см. От него отходят пять лепестков в виде сердечек, разделенных на две части, в центре каждой находятся выпуклые лепестки. Между лепестками лотоса располагаются пять выпуклых бутонов (рис. 4, *7*); 2) диск (диаметр 14 см, толщина 1,5, ширина бордюра 1 см), в центре которого располагалась полусфера диаметром 0,8 см, обрамленная рельефным шестиугольником, от каждого угла которого отходят шесть выпуклых лепестков лотоса. Последние заключены в рельефный бордюр, повторяющий их форму. Между лепестками находились "трилистники", также выполненные в виде рельефных линий (рис. 4, *8*).

Угловая черепица, применяющаяся на крыше в месте соприкосновения скатов крыши и боковых фронтонов, представлена срезанными под углом желобами нижней черепицы. Ее ширина по хорде 24–28 см, наименьшая высота 7–10, наибольшая – 14–20, толщина 1,8 см.

Кроме фрагментов черепицы, на территории храма найдены предметы, связанные с деревянными конструкциями храма: 16 гвоздей длиной 10–14 см, квадратных, но чаще прямоугольных в сечении, а также 4 прямоугольных в сечении стержня.

В центральной части пола, где находился алтарь, были найдены изображения будд. Одно из них сделано из позолоченной бронзы. Статуэтка представляла собой сидящего на пьедестале будду со скрещенными на животе руками (рис. 6, *2*). Основание пьедестала имеет стерженек длиной 4,5 см, при помощи которого статуэтка крепилась к алтарю.

Здесь же обнаружено горельефное изображение будды, выточенное из серо-желтого мелкозернистого песчаника. Оно представляет собой изображение сидящего будды на фоне нимба и окружающих его божеств. Руки будды скрещены в районе живота (рис. 6, *1*). Высота сохранившейся части 9,5 см. Рядом с горельефным изображением будды найдено несколько фрагментов каменного горельефа.

Здесь же были найдены четыре чугунных колокольца, по форме напоминающих цветок лотоса. Один из них был шестигранным, с высотой 14,5 и диаметром 9,5 см. На трех его гранях прослежены отверстия в виде полумесяца. Сверху колокольца находилось отверстие, через которое продергивался шнур для подвешивания. Три других колокольца шестигранные. Они также имели сверху отверстие. Высота одного из них 12,3, диаметр 11,9 см, высота двух других 13, диаметр 11,5 см.

В странах Дальнего Востока углы храмов украшались колокольцами (Всемирная история..., 1971, с. 354, рис. 16).

Во время раскопок 1994 г. на Краскинском городище рядом с храмом была обнаружена прихрамовая постройка, которая располагалась в 3 м от юго-восточного угла храма (Болдин В.И., 1994). Фундамент платформы пагоды представлял собой четырехугольник размерами 4,4 × 4,4 м, углами ориентированный по сторонам света (рис. 1, *4*). По его периметру находились каменная кладка шириной 0,8 м, представляющая собой стенку. Камни лежали как бы рядами. Для выравнивания стенок платформы в некоторых местах камни накладывались друг на друга в два-три яруса. По углам фундамента на одном нивелировочном уровне и на одинаковом расстоянии друг от друга (4 м) находились большие плоские камни, которые являлись базами для колонн, поддерживающих крышу. Внутренняя часть пагоды довольно ровная. Она имела размеры 2,8 × 2,6 м. В северо-восточной и северо-западной стенках пагоды прослежены разрывы размерами 0,6 м, но похоже, что именно разрыв в северо-восточной стене являлся входом. Крыша пагоды, судя по отсутствию внутри здания следов от баз колонн, была одноярусной и скорее всего четырехскатной. Судя по остаткам расчищенной черепицы возле восточной и юго-западной стен, она выступала за пределы фундамента кумирни на расстояние ~ 1 м.

При расчистке пагоды было собрано 6892 фрагмента черепицы, которая по функциональному назначению делится на шесть типов.

Нижняя черепица представлена большими конусовидными вогнутыми желобами длиной 32–36,5 см, хорда узкого края 14–18, широкого 15–24, толщина 1,5–2,4 см. Торцовый широкий край черепицы, который укладывался на карниз крыши, украшался орнаментом двух типов: 1) наиболее распространенный из них – "пальчиковый". Вдавления по сырой глине делали пальцами, создавая волнообразную линию. Но чаще всего встречается имитация вдавлений пальцами при помощи палочки (рис. 3, *1*); 2) торцовый край черепицы разделялся двумя вдавленными полосками, полученные крайние части украшались вдавленными под углом 45° линиями, а внутренняя – вдавленными кружочками (рис. 3, *2*). Здесь был впервые обнаружен новый вид орнамента – торцовый край черепицы с выпуклой стороны оформлен волнистыми фестонами, расстояние по хорде которых составляло от 2 до 4 см. Фестоны украшались ромбической сеткой, сделанной при помощи лощеных линий.

Верхняя черепица представлена двумя типами: 1) узкий желоб (длина 37–39 см, хорда широкого края 16, толщина 1,5–2, хорда узкого края 10–12 см), внешняя сторона которого ребристая – "хвостовик"; 2) узкий желоб (длина 34–36 см) с плавно заужывающимся задним краем. Радиус края 15–16 см, узкой части – 8–12, толщина 1,2–1,5 см. Верхняя черепица, размещавшаяся на карнизе здания, украшалась концевыми дисками. На них встречено четыре вида орнамента: 1) диск (диаметр 16 см, толщина 1,5, ширина бордюра 1,5 см), в центре которого располагалась полусфера диаметром 1,3 см. Вокруг нее на расстоянии 0,3 см по кругу проходит пять полусфер диаметром 0,4 см. Все это обрамлено выпуклым кольцом диаметром 4,4 см. От последнего отходят пять лепестков лотоса в виде сердечек на ножках высотой 3,4 см, узкой частью повернутых вверх, а затем разделенных на две части, в середине которых располагаются пять выпуклых бутонов. Диски с таким орнаментом в большом количестве были найдены при раскопках Краскинского храма (рис. 4, *7*); 2) диск (диаметр 14 см, толщина 1,5, толщина бордюра 1 см), в центре которого расположена полусфера диаметром 1,5 см. Вокруг нее по кругу размещены восемь мелких "зерен лотоса" диаметром 0,2 см. Последние вписаны в выпуклое кольцо диаметром 3,4 и шириной 0,2 см. От кольца радиально расходятся шесть лепестков лотоса в виде сердечка, узкой частью подвернутых в середину. Внутри лепестков проходят две полуовальные линии, которые напоминают бутоны. Между лепестками вписано шесть бутонов на ножке. От середины ножки бутона отходят в две стороны по два тонких листочка. Такой орнамент сделан низким рельефом, встречен впервые (рис. 4, *9*); 3) диск (диаметр 13 см, толщина 2, толщина бордюра 1,5 см), в центре которого находится полусфера диаметром 0,8 см. Вокруг нее проходит кольцо диаметром 3 см. На нем расположены четыре полусферы диаметром 0,4 см. Они являются как бы

центром четырех слегка выпуклых окружностей диаметром 2,5 см, внутри которых находятся полусферы диаметром 1,2 см. В эти окружности вписаны четыре лепестка высотой 2,8 см – удлиненные овалы, в центре которых находятся полувыпуклые лепестки, высотой 2,2 см. Вся эта композиция обрамлена кругом (диаметр 8,5 см). Между кругом и бордюром концевого диска образуется полоса шириной 0,8 см, в которую вписано 1, полусфер (диаметр 0,3 см). Орнамент выполнен высоким рельефом (рис. 4, *10*); 4) диск (диаметр 14 см, толщина 1,5, толщина бордюра 0,8 см), в центре которого расположена полусфера диаметром 1 см. От нее отходят, как бы создавая окружность (диаметр 3 см), четыре удлиненных треугольника высотой 2,5 см. Нижняя часть последних полукруглая. Между треугольниками вписаны полудуги (диаметр 3 см), напоминающие лепестки. Вся композиция обрамлена кругом диаметром 10 см. Между кругом и бордюром края диска расстояние 1 см. Орнамент сделан низким рельефом, встречен впервые (рис. 4, *11*).

Подгребневая черепица, по форме напоминающая козырек, вставлялась в промежутки между верхними черепицами, примыкающими к гребню крыши. Изготовлялись они путем фигурного среза верхней черепицы. Целые экземпляры подгребневой черепицы не встречены. Приблизительные ее размеры (см): длина 13, высота 14–15, высота боковых частей 3–4, толщина 1,5–2.

Гребневую черепицу можно разделить на узкую и очень узкую. Первая изготовлялась на таких же шаблонах, что и нижняя, но она в 2 раза уже ее. Ее длина 33–36 см, ширина по хорде 10–12, толщина 1,5–2 см. Вторая, очень узкая черепица имела длину 33–36 см, ширину по хорде 7, толщину 0,7–1 см. Узкая гребневая черепица применялась при сооружении центрального гребня крыши, очень узкая – для гребней скатов крыши.

Угловая черепица применялась на крыше в месте соприкосновения скатов крыши и боковых фронтонов. Она представляла собой срезанный под углом 45° желоб нижней черепицы. Ее наибольшая длина 15–2% см, наименьшая – 7–10, толщина 1,5–2 см. Такая черепица обнаружена лишь во фрагментарном состоянии.

Фигурная угловая черепица размещалась по углам здания, ею заканчивали боковые коньковые скаты. В нашей коллекции угловая черепица обнаружена в 1 экз. Задняя часть черепицы отбита. От нее по верхней части черепицы через 7 см начинается плавный подъем, переходящий в круглый раструб. Обычно последний заканчивался концевыми дисками.

Помимо перечисленных типов черепицы крыши прихрамовую постройку украшали керамические лепные изображения в виде двух голов драконов (чивэй), аналогичные которым были найдены на Абрикосовском храме. Драконы замыкали по краям конек крыши, представляя собой полую керамическую фигуру длиной 60–70 см, шириной ~ 30, высотой 70 см (рис. 5, *1*).

Одна из интереснейших деталей украшения конька крыши – встреченная впервые керамическая скульптура в виде бутона лотоса, нижняя часть которого опирается на глиняный постамент, украшенный лепными полусферами, обрамленными жемчужником (рис. 5, *1*). Высота лотоса с постаментом ~ 1 м. Бутон лотоса скорее всего размещался в середине конька крыши между головами дракона, создавая тем самым уникальный ансамбль буддийской культовой архитектуры.

Судя по месту расположения прихрамовой постройки, можно предположить, что с северо-западной стороны от входа в храм должно находиться аналогичное сооружение.

Весь храмовый комплекс, таким образом, состоял из центрального храма, по сторонам которого располагались прихрамовые постройки. Причем сам храм находился на более возвышенной, чем кумирня, платформе. Такая планировка хорошо известна в буддийской культовой архитектуре, но в Приморье встречена впервые.

Храм вместе с прихрамовой постройкой был обнесен стеной, основание которой было каменным. В верхней части каменной кладки на расстоянии 1,2 м прослежены ямки от столбов – следы деревянной стены, которая была украшена черепицей. Вход

Таблица 3

Характеристика храмовых построек

Памятник	Площадь платформы	Площадь храма	Количество баз	Ориентация по сторонам света	Ориентация входа
	$м^2$				
Копытинский	81 (9 × 9)	30 (5 × 6)	9 (3 по 3)	Стенами	Север
Абрикосовский	95 (10 × 9,5)	49 (7 × 7)	25 (5 по 5)	Углами	Северо-запад – юго-восток
Краскинский	132 (12 × 11)	72 (9 × 8)	30 (5 по 6)	То же	Юго-запад
Краскинская прихрамовая постройка	19,36 (4,4 × 4,4)	–	4 (2 по 2)	"	Северо-запад
Корсаковский	–	30 (5 × 6)	–	Стенами	–

на территорию храма располагался напротив входа в основной храм на расстоянии 9 м. Кроме того, весь храмовый комплекс дополнительно был защищен крепостными стенами городища.

Рядом с прихрамовой постройкой была найдена фигурка боддисатвы, сделанная из бронзы с позолотой (высота 5,5 см). Она закреплялась на алтаре при помощи шпынька длиной 1,2 см (рис. 6, *3*).

Рассматривая материалы пяти полностью раскопанных буддийских храмов (табл. 3), датируемых бохайским временем, можно сделать их реконструкцию. Все они возведены на искусственно созданных платформах, которые по периметру укреплялись каменными кладками. Выход из храмов осуществлялся при помощи ступенек, которые обычно располагаются в середине платформы с длинной стороны здания (Исторические памятники..., 1980, рис. 33, 35, 43). На платформе возводилось само здание колоннадной конструкции. Колонны были деревянными. Основаниями для них служили каменные базы. В некоторых случаях последние большей частью вкапывались в землю или просто выкладывались рядами. Расстояние между базами ~ 1 м. В плане здания были прямоугольными. Конек крыши проходил по длинной стене здания и украшался скульптурными изображениями – чивэй. Крыши такого типа зданий могли быть двухъярусными в том случае, если, как это принято в дальневосточной архитектуре, они колоннами делились на три нефа, из которых средний перекрывался верхним ярусом кровли. Судя по планировке приморских храмов, двухъярусную крышу могли иметь Абрикосовский и Краскинский храмы. Крыши были четырехскатными, крытыми черепицей, по углам у некоторых из них были подвешены колоколы.

Японские исследователи, пытаясь восстановить Абрикосовский храм по материалам раскопок Э.В. Шавкунова, выделили несколько спорных моментов: 1) здание было квадратным; 2) скульптурное украшение помещалось не на самом верху здания, а на спускающемся коньке (Кан, Эдани, 1966, с. 128, 132). Действительно, по площади храм был квадратным (7 × 7 м), но здесь вполне допустима ошибка, так как базы от колонн были сильно смещены. Что же касается скульптурного изображения чивэй, то оно могло располагаться только на горизонтальном коньке крыши (Ащепков Е.А., 1956, рис. 57).

Напротив входа в храм находился алтарь с пантеоном буддийских божеств (Ионо-

ва Ю.В., 1969, с. 160). Выше были описаны изображения буддийских божеств, обнаруженных на бохайских храмах, Чжу Ен Хен, пытаясь доказать, что Бохай – наследник Когурё, приводит сравнительную характеристику материальной культуры Бохая и Когурё. Автор дает описание всех обнаруженных бохайских будд. Изготовлялись они из золота, сплава золота с бронзой, латуни, а также камня и глины. Фигуры будд известны сидячими, стоячими, различаются размерами, на лице изображена чуть заметная улыбка, подчеркнуты морщины, телосложение пропорциональное, одежда яркая. Задняя часть фигуры плоская, а передняя имеет выпуклую форму (Чжу Ен Хён, 1967, с. 26). Все эти черты присущи практически всем изображениям будд этого времени, так как существовали определенные каноны буддийской мелкой скульптуры.

Все храмы были обнесены валами. Таким образом, они были защищены со всех сторон от любой опасности.

Особый интерес для реконструкции буддийских храмов может иметь найденная в Приморском крае в бухте Витязь бронзовая плакетка, выполненная в виде буддийской кумирни (Шавкунов В.В., Ивлиев А.Л., 1991, с. 245–248) (рис. 5, *2*). Крыша кумирни показана с сильно вытянутыми боковыми карнизами и приподнятыми углами и явно покрыта черепицей. Наверху крыши изображены два дракона, раскрытые пасти которых как бы держат горизонтальный конек крыши. В центре кумирни изображен сидящий на лотосе будда со скрещенными в районе живота руками. Исследователи, датирующие эту плакетку IX–X вв., обратили внимание на крышу кумирни, где хорошо видны головы дракона, с двух сторон замыкающие конек крыши. Подобные скульптуры найдены на Абрикосовском, Корсаковском и Краскинском храмах. Аналогичные изображения встречены в Танском Китае (VII–X вв.). Гу Циньи, разбирая эволюцию подобных скульптурных изображений, выделяет в них три типа: 1) в виде губ ушастой совы (чивэнь); 2) передняя часть скульптурного изображения превращается в пасть дракона, захватывающего конек крыши, а хвостовая часть представляет собой плавники-хвост, по форме напоминающий тип 1; 3) передняя часть скульптуры имеет вид дракона, как у типа 2, а задняя превращается в раздвоенный плавник (Гу Циньи, 1961, с. 69). Подобные изображения были найдены при раскопках буддийских храмов Верхней бохайской столицы: "В плавниках чивэй завернуты драгоценные жемчужины, поверхность их покрыта зеленой поливой. На одной из чивэй есть еще орнамент вроде завитков облаков. Форма чивэй полностью одинакова с их изображениями на фресках танского времени в Дуньхуане, в танской могиле в Сиани и на каменной притолоке западных ворот пагоды Даяньта, а также с чивэй японского храма Тоседайдзи, построенного в 759 г." (Вэй Цуньчэн, 1984, с. 41).

Следует подчеркнуть, что Копытинский и Абрикосовский храмы имели свои дворы и находились за пределами поселений. Возможно, что такую же топографию имели Борисовский и Корсаковский храмы. Краскинский же храм был построен уже в городе. Скорее всего и по социальному статусу он был гораздо выше первых. Э.П. Стужина, рассматривая взаимоотношения монастырей и средневековых городов в Китае, подчеркивала, что для монастырей и храмов, находящихся в городе, были характерны более сложные функции, нежели для удаленных от городов. Они являлись не только местом отправления религиозных обрядов, но и рынками, и центрами увеселений, и вечевой площадью (Стужина Э.П., 1974, с. 275).

Буддийские храмы бохайского времени, кроме Приморья, раскапывались на территории Северо-Восточного Китая в Дунцзинчэне – Верхней бохайской столице (Окладников А.П., 1957, с. 208; Tung-ching-cheng, 1939). Их было обнаружено десять. Большей частью храмы располагаются симметрично в дворцовом городе, императорском городе и по сторонам центральной осевой улицы. Кроме того, есть еще два храма, находящихся за двумя северными воротами внешнего города (Вэй Цуньчэн, 1984, с. 39). Храмы, раскопанные в столичном городе, отличаются от обычных храмов. В них внутренние помещения делились на главный и боковые (восточный и западный) залы, соединенные галереей. Все они построены на одной платформе. Перед главным

залом устроены два ступенчатых крыльца, позади него есть еще одно. В центральной части главного зала были убраны два столба, а на их место возведен буддийский алтарь П-образной формы. На последнем были установлены девять постаментов для статуй будд. Очевидно, здесь должны были находиться следующие статуи: одна – Будды, две – братьев, две – боддисатвы, две – небесных ванов, две – боддисатв-хранителей. Храм, раскопанный за воротами западного участка северной стены внешнего города, не имел боковых залов и галерей. Он также был возведен на платформе. В центре храма находился П-образный алтарь с пятью основаниями для статуй: одно – Будды, две – младших братьев, две – боддисатв.

Буддийская культовая архитектура со временем претерпевала изменения, но все же основные каноны соблюдались многие сотни лет. Японские исследователи считали, что по форме бохайские храмы Приморья имеют очень много общего с подобными сооружениями, встречающимися в Индии и Центральной Азии, а культура Бохая в значительной степени наследовала традиции культуры Когурё, но прежде всего центром развития культуры Восточной Азии был Китай (Кан, Эдани, 1966, с. 127, 132). Китайские исследователи также считают, что бохайцы при строительстве своих буддийских храмов подражали китайским, при этом обращая внимание на истоки китайской архитектурной системы (Вэй Цуньчэн, 1984, с. 39). Здесь следует вспомнить, что в китайских летописях говорится о том, что Да-Дзю-юн, основатель династии Бохай, послал принца послом к Танскому двору с просьбой о разрешении ввести буддийский культ в храмах (Tung-ching-cheng, 1939, p. 14).

Все обнаруженные в Приморье буддийские храмы расположены в окружных или префектурных центрах Бохайского государства. Можно полагать, что в Бохае, как и в других средневековых государствах Восточной Азии, административное и культовое районирование совпадало, что в конечном итоге должно было способствовать взаимному укреплению светской и духовной власти на местах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ащепков Е.А., 1956. Архитектура Китая. Очерк. М.

Болдин В.И., 1980. Отчет об археологических исследованиях на Краскинском городище в 1980 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 7775.

Болдин В.И., 1981. Отчет об археологических исследованиях на Краскинском городище в 1981 году // Архив ДВО РАН. Ф–1. Оп. 2. № 171.

Болдин В.И., 1987. Раскопки буддийского храма на Краскинском городище // Исследования памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск.

Болдин В.И., 1989. Отчет о раскопках на Абрикосовском храме и селище в Приморском крае в 1989 г. // Архив ИА РАН. Ф–1. Оп. 2. Д. 356.

Болдин В.И., 1993. Буддийский храм Краскинского городища // Проблемы этнокультурной истории Дальнего Востока и сопредельных территорий. Благовещенск.

Болдин В.И., 1994. О результатах полевых исследований на Краснояровском городище в Приморье в 1994 году // Архив ДВО РАН. Ф–1. Оп. 2. № 385.

Всемирная история архитектуры, 1971. Т. 9. М.; Л.

Вэй Цуньчэн, 1984. Архитектура Бохая // Хэйдунцзян вэньу цункань. № 4 (на кит. яз.) / Пер. А.Л. Ивлиева.

Гу Цинъи, 1961. Отражение облика архитектурных сооружений на наскальных изображениях эпохи Тан в Сычуане // Вэньу. № 11 (на кит. яз.) / Пер. А.Л. Ивлиева.

Ионова Ю.В., 1969. Религиозные воззрения корейцев (по материалам МАЭ) // Культура народов зарубежной Азии и Океании. Т. XXV. Л.

Исторические памятники Кореи, 1980. Пхеньян.

Кан, Эдани, 1966. Абрикосовский храм бохайского времени // Палеология. Т. 13. № 2. Осака (на яп. яз.) / Пер. В.И. Дзюзюры.

Окладников А.П., 1957. Остатки бохайской столицы у г. Дунцзинчэн на р. Муданцзян // РА. № 3.

Окладников А.П., 1975. Две бронзовые статуэтки бохайского времени из Приморья // Сибирь,

Центральная и Восточная Азия и средние века. История и культура Восточной Азии. Т. III. Новосибирск.

Окладников А.П., Деревянко А.П., 1973. Далекое прошлое Приморья и Приамурья. Владивосток.

Стужина Э.П., 1974. Городской монастырь и средневековый город в Китае (некоторые аспекты взаимоотношений) // История и культура Китая. Сборник памяти академика В.П. Васильева. М.

Чжу Ен Хёк, 1967. Бохай – наследник Когурё // Кого минсок. № 2. (на кор. яз.) / Пер. Нам Ден Ук.

Шавкунов Э.В., 1958. Отчет об археологических раскопках ДВ филиала СО АН СССР в 1958 году // Архив ИА РАН. Р–1. № 1719.

Шавкунов Э.В., 1959. Отчет о раскопках бохайского памятника в долине р. Чапигоу в 1959 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 1877.

Шавкунов Э.В., 1960. Отчет об археологических исследованиях в долине р. Чапигоу в Приморье в 1960 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 2230.

Шавкунов Э.В., 1964. Бохайские памятники Приморья (по исследованиям 1960 г.) // Археология и этнография Дальнего Востока. Материалы по истории Сибири. Вып. 1. Новосибирск.

Шавкунов Э.В., 1968. Государство Бохай и памятники его культуры в Приморье. Л.

Шавкунов Э.В., 1991. Бохайская кровельная черепица с зооморфными мотивами // РАН. № 1.

Шавкунов Э.В., 1993. Отчет об археологических исследованиях в Уссурийском районе Приморского края в 1993 году // Архив ДВО РАН. Ф–1. Оп. 2. Д. 223.

Шавкунов Э.В., 1994. Отчет о раскопках на сопке Копыто в Приморском крае в 1994 году // Архив ДВО РАН. Ф–1. Оп. 2. Д. 256.

Шавкунов Э.В., Ивлиев А.Л., 1991. Бохайская плакетка из Приморья с изображением буддийской кумирни // РА. № 4.

Tung-ching-chenq, 1939. Report on the Excavation of the Excavation of the site of Capital of P'o-hai // Archaeologia Orientatis. Ser. A. T.V. Tokio.

Институт истории, археологии
и этнографии народов Дальнего
Востока ДВО РАН, Владивосток

N.G. ARTEMYEVA

CULT CONSTRUCTIONS OF THE BOHAI AGE ON THE PRIMORYE TERRITORY

Summary

At the moment six cult constructions that date to the Bohai Age (the 7th–10th centuries) have been studied: Kopytinsky, Abrikosovsky, Borisovsky, Korsakovsky, Kraskinsky constructions. All of them were erected on artificially created platforms which were shored up with stone masonry along the perimeter. The construction type of these buildings is a colonnade. Wooden columns were mounted on stone bases the distance between which was around one meter. The buildings were rectangular in the plan. The roof finial passed along the long side of the building and was decorated with sculptures. Bohai temples of Primorye have a lot in common with similar constructions that are found in India and Central Asia. The Bohai culture inherited traditions of the Kogure, it was under the influence of China that was a center of Eastern Asia at that time.

Buddha temples found in Primorye are located in county or prefect centers of the Bohai state. Based on this, it is possible to make a preliminary conclusion that in Bohai as well as in other medieval states of Eastern Asia administrative and church zoning coincided, in the long run, it had to contribute to the expansion and strengthening of state power in provinces.

А.Б. ВАРЕНОВ

КАРЕЛЬСКИЕ ДРЕВНОСТИ В НОВГОРОДЕ

Древняя Корела Новгородской Первой летописи, впервые упоминающаяся под 1143 г. в связи с неудачным походом на Емь, давно привлекает внимание историков, лингвистов и археологов (НПЛ, 1950, с. 27). Историками высказано две различных точки зрения на вопрос о начале контактов и возникновении политической зависимости карел от Новгорода. Первая заключается во мнении, что карелы органически и изначально входили в состав Новгородского государства и именно поэтому не упоминаются в летописном списке "иных языков, иже дань дают Руси" (Гадзяцкий С.С., 1941; Шаскольский И.П., 1951, с. 6; Буров В.А., 1994, с. 127). По другому мнению, взаимоотношения карел и Новгорода развивались по пути постепенного формирования союзнических отношений, которые позднее трансформировались в политическую зависимость карел от Новгорода (Бубрих Д.В., 1947, с. 31, 32; Линевский А.М., 1947; Куза А.В., 1975, с. 188). Аналогичных взглядов придерживается финский историк Х. Киркинен в своей работе "Карелы в сфере культуры Востока" (Kirkinen H., 1963).

Однако при решении подобных вопросов невозможно обойтись без археологических данных. Ежегодные и многолетние археологические исследования в Новгороде приносят все новые данные как письменного характера (берестяные грамоты), так и предметы материальной культуры карельского происхожения. Событием в археологии Новгорода явилось открытие серии "карельских" берестяных грамот, введенных в научный оборот А.В. Арциховским и В.Л. Яниным (Янин В.Л., 1975, с. 57–65). Последняя подборка свидетельств письменных источников о карелах сделана в корпусе "Письменные известия о карелах", изданном Карельским филиалом ИЯЛИ АН СССР, где дается, в частности, комментированная подборка карельских берестяных грамот (Кочкуркина С.И. и др., 1990, с. 75–96). В этой работе приводятся рисунки предметов карельской материальной культуры из Новгорода, но лишь в качестве иллюстраций, без соответствующего вещеведческого анализа. Карельские предметы из Новгорода явились объектом изучения автора статьи (Варенов А.Б., 1975). Микротопографирование находок Неревского раскопа позволило заметить, что "карельские" берестяные грамоты и финно-угорские украшения устойчиво взаимовстречаются на территории усадьбы Е, усадьбы "карельского данника", по В.Л. Янину[1] (Голубева Л.А., Варенов А.Б., 1978, с. 229–230). Аналогичные наблюдения сделала М.В. Седова, опубликовавшая часть известных ей карельских предметов из Новгорода[2] (Седова М.В., 1981, с. 181, 182). Русскоязычные публикации материалов Кексгольмских могильников и других памятников Карельского перешейка, малодоступные раньше из-за языкового барьера, а также новые исследования отечественных археологов на территории летописной Корелы (Кирпичников А.Н., Кочкуркина С.И., Сакса А.И. и др.) позволяют по новому подойти к собственно новгородским материалам (Кочкурина С.И., 1981; 1982; Седов В.В., 1987). Это особенно актуально, если принять во внимание то обстоятельство, что со времени

[1] Одноименный настоящей статье доклад был сделан автором в 1977 г. на секторе славяно-русской археологии ИА АН (руководитель С.А. Плетнева). Автором учтены замечания, сделанные в выступлениях по докладу.

[2] Автор благодарен М.В. Седовой за советы и консультации, которыми он пользовался при подготовке работы.

© А.Б. Варенов, 1998 г.

публикации свода новгородских древностей М.В. Седовой прошло 15 лет и за это время коллекция карельских древностей из Новгорода значительно пополнилась[3].

Наиболее отчетливо предметная материальная культура карел выявляется лишь с XII в. В своих фундаментальных работах С.И. Кочкуркина и В.В. Седов выделяют основные этноопределяющие категории карельских вещей (Кочкуркина С.И., 1982, с. 80–125; Седов В.В., 1987, с. 44–52). Это преимущественно ювелирные украшения, характерные для женского этнографического костюма: орнаментированные подковообразные фибулы, орнаментированные овально-выпуклые фибулы определенных типов, спиралевидные и крестообразные цепедержатели, бронзовые копоушки, бронзовые рукояти женских ножей с "романским" орнаментом, бронзовые орнаментированные оковки ножен женских ножей, Ф-видные пронизки определенных типов и некоторые другие предметы. В новгородских материалах представлены практически все названные категории предметов[4].

Подковообразная бронзовая с орнаментированной пластинчатой дужкой и квадратными головками фибула найдена в 1982 г. на Троицком VI раскопе (Тр. VI 12–13–373). Абсолютная дата ее по спилам мостовой Черницыной улицы – середина 40-х гг. – рубеж 60–70-х гг. XIII в.[5] Форма характерна только для памятников Карельского перешейка (погр. Ховинсари I (1888 г.), 6,7; Кулхамяки 3; Кокомяки 3б, 5а, 5б, 6). Фибулы применялись для застегивания головного платка или наплечной накидки (Кочкуркина С.И., 1982, с. 101, рис. 11). Дендродата не противоречит датировке аналогий из могильников (рис. 1,*1*).

Овальновыпуклые фибулы найдены в Новгороде в количестве 5 экз. Три из них относятся к типу Н с ракообразным орнаментом, по классификации Ю. Айлио (Ailio J., 1922). Одна из них найдена на Неревском раскопе на территории усадьбы Е (13–21–1394), опубликована М.В. Седовой (Седова М.В., 1981, с. 84, рис. 30,*3*). Дендродата – 1268–1281 гг. (рис. 1,*2*). Относится к подгруппе четырехглазых, по Ю. Айлио. Еще одна аналогичная фибула найдена на Троицком раскопе (Тр. VI 10/12–10–366) и опубликована А.М. Спиридоновым по материалам Л.В. Покровской в качестве иллюстрации к "карельским" берестяным грамотам (Кочуркина С.И. и др., 1990, рис. 7,*1*). Дендродата ее – 70-е гг. XIII – начало XIV в. (рис. 1,*3*). Последняя, третья фибула типа Н происходит с Рюрикова городища, находящегося в непосредственной близости от города, к югу от него. Она опубликована Е.Н. Носовым, который не оговорил особо стратиграфическую дату находки (Nosov E.N., 1990, fig. 2,*1*). Всего известно 94 фибулы типа Н на территории Финляндии и Северо-Западного Приладожья, 83 из которых обнаружены "в пределах этнической древнекарельской территории" (Кочуркина С.И., 1982, с. 108).

Фибулы типа Н – предмет монографического исследования П.-Л. Лехтосало, разработавшей их детальную классификацию на основании пропорций и опубликовавшей полную сводку находок фибул этого типа. Новгородские экземпляры и находка с Рюрикова городища относятся к группе П (широкие) и подгруппе В (слабозаостренные). Они входят в число вариантов серий А и В, включенных в указанную подгруппу. Центры их производства находились на Карельском перешейке и в Восточной Финляндии (район Миккели) и функционировали, по мнению финской исследовательницы, на протяжении всего XIII в., что подтверждает дендродата новгородских находок (Lehtosalo P.-L., 1966, S. 35).

Четвертая овально-выпуклая фибула обнаружена на Неревском раскопе в 1960 г. на территории усадьбы И (13–13–1916) и относится к редкой разновидности фибул

---

[3] Автор выражает свою признательность сотрудникам НАЭ МГУ В.Л. Янину, Е.А. Рыбиной, А.С. Хорошеву и А.Н. Сорокину за предоставленную возможность работать с описями НАЭ.

[4] Сводка карельских древностей из Новгорода дается по состоянию коллекций на 1991 г. При описании вещей указывается шифр, принятый в НАЭ: раскоп, ярус, пласт, квадрат. Наименование раскопа не упоминается только перед шифром предметов с Неревского раскопа.

[5] Дендрохронологическая шкала Троицких раскопов не устоялась, возможны ее последующие коррекция и уточнение.

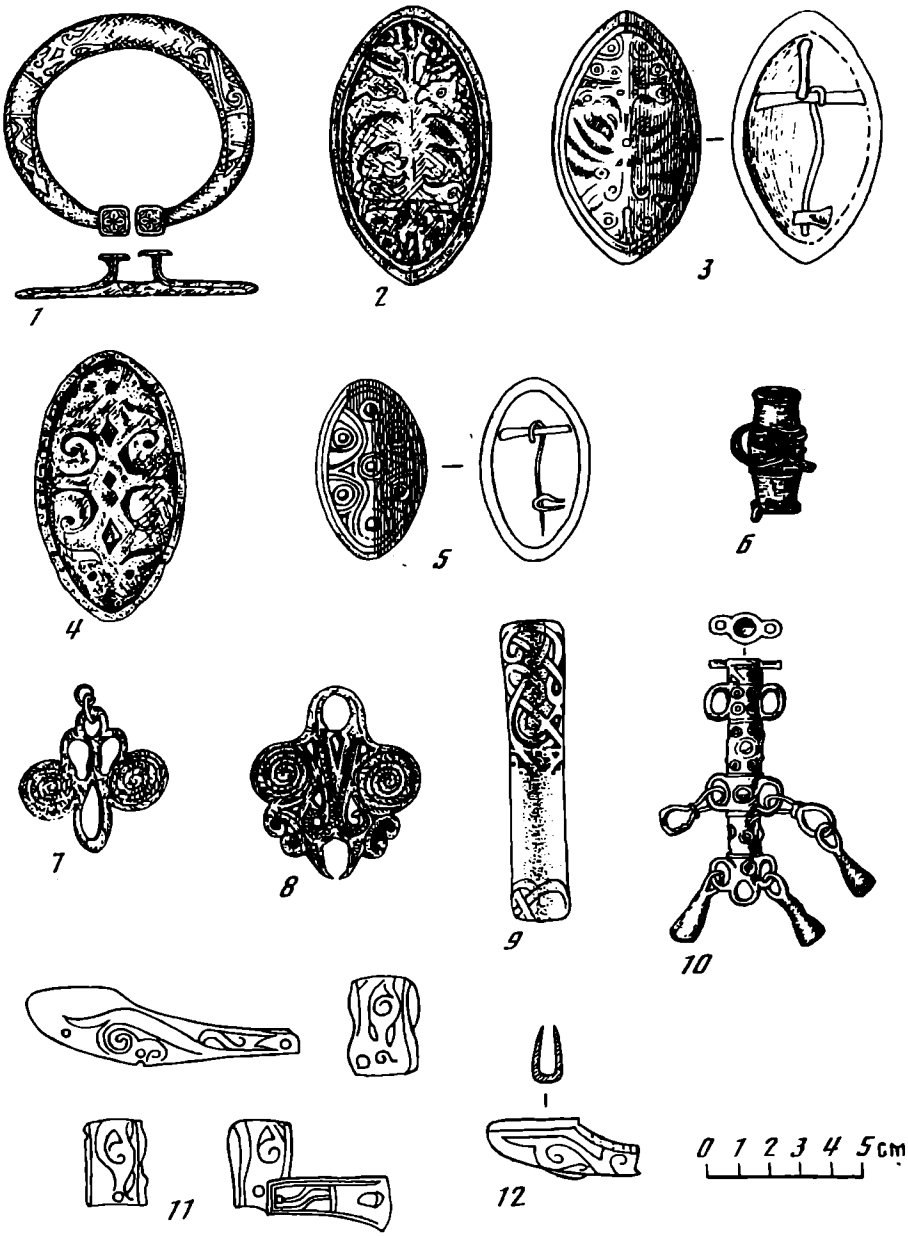

Рис. 1. Карельские вещи из Новгорода. *1* – фибула бронзовая подковообразная (Тр. VI 12/13–13–373); *2,3* – фибулы овально-выпуклые типа H (13–21–1394, Тр. VI 10/12–10–366); *4* – фибула овально-выпуклая типа G (13–13–1916); *5* – фибула овально-выпуклая типа B (Нут. 15–21–54); *6,10* – пронизки Ф-видные (К22–28; Тр. VI 10/11–12–378); *7, 8* – цепедержатели биспиральные бронзовые (Тр. 10-10–36; Тр. 5–831); *9* – рукоять ножа бронзовая с "романским" орнаментом (13/14–16–1809); *11, 12* – обоймицы ножен ножа бронзовые орнаментированные (11–13–1927; 13/14–21–1332)

типа G (по Ю. Айлио) с лилиевидным орнаментом (Седова М.В., 1981, рис. 30,*1*). Таких фибул насчитывается не более 7 экз. Основная их часть найдена в земле Саво и, по мнению большинства исследователей, характерна для населения Восточной Финляндии (Седов В.В., 1987, с. 48). Единичные экземпляры их известны в карельских памятниках (Тиверск). По мнению О. Халстрема, наиболее ранние из них могут относиться к XI в. (Hällström O., 1947–1948, S. 45). Однако С.И. Кочкуркина считает наиболее приемлемой дату XII–XIII вв. (Кочкуркина С.И., 1982, с. 108). Дендродата новгородской находки 1268–1281 гг., и она синхронна фибуле типа H с усадьбы Е (рис. 1,*4*).

Пятая фибула происходит с Нутного раскопа на Славенском конце Новгорода (рас-

копки 1980 г.) и принадлежит к типу В – орнамент в виде концентрических кругов, по Ю. Айлио (Нутный 15–21–54). Дендродата – 1257–1276 гг. (Кочкуркина С.И. и др., 1990, с. 88, рис. 68,*8*; Гайдуков П.Г., 1992, с. 96) (рис. 1,*5*). Таких фибул насчитывается всего 2 экз., и оба они происходят с Карельского перешейка (Туукала 3,12), где датируются XII в. (Кочкуркина С.И., 1982, с. 103, 104).

Карельские овально-выпуклые фибулы связаны с определенным этнографическим типом женского костюма, вероятно, аналогичного костюму скандинавских женщин эпохи викингов, и так же, как их прототипы – скандинавские скорлупообразные фибулы, не могли быть предметом импорта (Седова М.В., 1981, с. 84). Они появлялись в Новгороде вместе с носительницами этого типа костюма. Контакты с карелами были, по всей видимости, настолько длительными, что приводили к ассимиляции карел на русском северо-западе, о чем свидетельствуют вещи-гибриды. Такая фибула-гибрид найдена, правда, не в Новгороде, а во Пскове при раскопках Крома В.Д. Белецким в 1960 г.: фибула овально-выпуклая бронзовая, узкая с острыми концами, вместо орнамента напаяно продольно проволочное ребро и точно такая же окантовка по краям (РШ-38, кв. 30, пл. VIII)[6]. Дата ее, вероятно, XIII–XIV вв. Следует ожидать подобных находок и в Новгороде. Одна серебряная карельская фибула типа Н найдена В.В. Седовым в Изборске.

В состав металлического убранства женского карельского костюма входили цепедержатели: биспиральные и крестообразные – типы I и II, по классификации С.И. Кочкуркинов (1982, рис. 24). Не все цепедержатели биспиральные признаются типично карельскими, "поскольку в эпоху викингов они были в употреблении и в Финляндии и Эстонии... встречены на Ижорском плато... и в Костромских курганах". В.В. Седов считает характерно карельскими только крестообразные ажурные цепедержатели – тип II, по С.И. Кочкуркиной (Седов В.В., 1987, с. 48). В Новгороде обнаружены цепедержатели обоих типов (5 экз.). Два из них: тип I, вариант 1 и тип I, вариант 2, по С.И. Кочкуркиной, происходящие с Троицкого раскопа (Тр. 10 – 10–36; Тр. 3 – 4–83), опубликованы М.В. Седовой (1981, с. 35, рис. 10, *3, 4*). По данным автора, они датируются 40-ми гг. XIII в. и 90-ми гг. XIV в. соответственно (рис. 1, *7, 8*). Еще 1 экз. биспирального цепедержателя типа I вариант 1 найден в 1984 г. на Троицком VII раскопе (Тр. VII 8–11–586). Его дендродата весьма условна – 1248–1268 гг. Фрагмент аналогичного цепедержателя найден в 1988 г. на Троицком IX раскопе (Тр. IX 6–7–937). Его дата – 1290–1361 гг.

Подобные цепедержатели известны в количестве 50 экз. на территории Карелии и Финляндии, где самые ранние из них датируются XI в. и восходят типологически к цепедержателям эпохи Викингов (Kivikoski E., 1951, S. 10, Abb. 712, 713, 1044, 1045). Они найдены в Кекскольмских могильниках, по материалам которых ясно, что на них крепились бронзовые цепочки, спускавшиеся вниз от фибул (Schvindt T., 1893, S. 31, Abb. 275, 276, 277). Помимо Новгорода они найдены на о. Готланд – 1 экз., о. Саарема – 2 экз., Костромских курганах (Пьяньково) – 1 экз., курганах С.-Петербургской губ. – 2 экз. (Ново-Сиверская, Калихновщина) (Kivikoski E., 1951, S. 10; Tallgren A.M., 1928, S. 12). Это только единичные находки, и факт их существования не может помешать интерпретировать новгородские находки как карельские, принимая во внимание их сравнительно позднюю стратиграфическую датировку и устойчивую взаимовстречаемость с другими карельскими вещами.

По данным Л.В. Покровской, на Троицком раскопе найден "чисто карельский" экземпляр крестообразного ажурного цепедержателя – тип II, вариант 1, по С.И. Кочкуркиной (Кочкуркина С.И. и др., 1990, рис. 8,*3*). Его дата – последняя четверть XIII – начало XIV в. (Тр. VI 8/6–7–365). Форма характерна для памятников Карельского перешейка, где они датируются XII–XIV вв. (Кочкуркина С.И., 1982, с. 118).

---

[6] Автор выражает свою благодарность В.Д. и С.В. Белецким за любезное ознакомление с Псковским археологическим цветным металлом.

Характерным элементом карельского женского костюма был нож, который крепился на цепочках к овально-выпуклым фибулам и спускался до уровня чуть ниже пояса (Кочкуркина С.И., 1982, с. 118). К комплексу карельского ножа археологически относятся бронзовые рукояти ножей с "романским" орнаментом, по Х. Аппельгрен-Кивало, и бронзовые, орнаментированные аканфом, обкладки составных кожаных ножен (Appelgren-Kivalo H., 1910). Автору известно 6 экз. находок бронзовых орнаментированных карельских рукояток ножей из Новгорода. Они, как правило, заужаются к лезвию и имеют на обоих концах пояски характерного плетеного орнамента, именуемого финскими археологами "романским". Такой орнамент является результатом синтеза византийского, проникавшего через Новгород в Финляндию и Карельский перешеек орнаментального стиля и местной скандинавской орнаментальной традиции (Appelgren-Kivalo H., 1910). Подобный орнамент известен также на фибулах типа F (по Ю. Айлио), характерных для Финляндии. С.И. Кочкуркиной известна помимо бронзовых рукоятей костяная рукоять ножа из Новгорода, украшенная этим орнаментом и найденная в слое конца XIII в. Паспортных данных исследователь не приводит (Кочкуркина С.И., 1982, с. 119, 120).

Три бронзовые рукояти были найдены на Неревском раскопе в 1957–1959 гг.: I/13/14–16–1809 1238–1281 гг.; 2/11–18–1281 – рубеж XIII–XIV вв.; 3/9–17–6231 – середина XIV в. (рис. 1,9). Один экземпляр с кольцом привешивания на конце рукояти происходит с Тихвинского раскопа 1969 г., где датируется, согласно В.Л. Янину, 1224–1238 гг. (Янин В.Л., 1978, с. 120). Пятый экземпляр происходит из материалов Кировского раскопа 1973 г., где датируется 60-ми гг. XIII в. (Кир. 10/12–30–60). Шестой – случайная находка[7]. Еще одна бронзовая рукоять ножа найдена на Дмитровском раскопе в 1976 г. (пл. 18, кв. 36). Она как бы согнута из бронзового листа в трубочку. Предмет сильно деформирован и оплавлен, т.е. характеризовать его трудно. Дендродата отсутствует. Все новгородские находки относятся к XIII–XIV вв.

Кроме Новгорода, на территории Руси аналогичные рукояти известны в Костромском Поволжье (Печерино) и курганах С.-Петербургской губ. (Волковицы XVI, Рабитицы XXXV) (Спицын А.А., 1896, табл. XI, рис. 12; табл. XIX, рис. 26; Третьяков П.Н., 1931, табл. II, рис. 28). На Карельском перешейке бронзовые рукояти ножей с "романским" орнаментом известны как на поселениях, так и в могильниках – всего 25 экз. Крупный центр их производства находился, в частности, в Восточной Финляндии, в районе Миккельских озер (Кочкуркина С.И., 1982, с. 119, рис. 26).

Характерно, что бытование карельских бронзовых рукоятей приводило к появлению подражательских гибридных изделий в Новгороде. Такая гибридная рукоять найдена на Неревском раскопе в 1957 г. (4–6–1575). Она характерно заужена к лезвию и имеет три рельефных пояска на концах и в центре рукояти. Ее дата – начало XV в. Аналогия ей, по сведениям А.А. Александрова, происходит из одного погребения в Дневском р-не Псковской обл. (Голубов-3)[8]. Две гибридные медные рукояти найдены на Ильинском раскопе в 1969 г. (Ил. 27–30, 35), что соответствует началу XII в. (Колчин Б.А., 1982, с. 157, рис. 1). Орнамент на концах рукоятей не имеет ничего общего с "романским" орнаментом и изображает арочные фигуры, заключенные в точечные горизонтальные пояски, нанесенные, очевидно, зубчатым штампом.

Основную часть комплекта бронзовых деталей женского карельского ножа составляют орнаментированные обоймицы кожаных ножен. Ножи крепились как за кольцо на рукояти, так и за отверстие на обоймицах ножен. Бронзовые детали ножен, как правило, украшены характерным аканфовым орнаментом. Из новгородского слоя нам известны детали трех наборов таких ножен. Два происходят с Неревского раскопа: наконечник ножен (31/14–21–1332) и полный набор обоймиц – наконечник, две горизонтальные обоймицы и устье ножен с язычком для крепления (11–13–1927).

---

[7] Предмет хранится в Новгородском государственном музее-заповеднике. Инв. № 18194.

[8] Автор благодарен научному сотруднику ПГМЗ А.А. Александрову за информацию.

Наборы датируются соответственно 1238–1268 гг. и 1299 г. Полный набор конца XIII в. найден в срубе 28 и вполне аналогичен и синхронен набору из Лапинлахти (Кочкуркина С.И., 1982, с. 120–122, рис. 27,*8*). Наконечник от третьего набора найден на Троицком IX раскопе (Тр. IX 6/7–+2–844) и датируется, вероятно, концом XIII в. (рис. 1,*11,12*).

В северных и северо-западных финно-угорских провинциях Новгорода ножевые наборы, кроме чисто функционального назначения, носили еще и магическо-апотропейную нагрузку. Об этом со всей очевидностью свидетельствуют их многочисленные костяные и бронзовые изображения-амулеты (Спицын А.А., 1896, табл. X, *4,6*; табл. *XI*,13).

К числу этноопределяющих вещей относятся Ф-видные пронизки. Против сугубо карельской их принадлежности возражает В.В. Седов на том основании, что они известны среди древностей и других финно-угорских народов: в земле Веси, памятниках Прикамья и восточной Финляндии (Седов В.В., 1987, с. 48). Мы вынуждены учитывать все новгородские находки, чтобы по взаимовстречаемости выявить карельские варианты этой категории находок. Собственно карельско-финская коллекция весьма представительна (57 экз.), что позволило С.И. Кочкуркиной разработать классификацию Ф-видных пронизок и выделить три типа таких пронизок (Кочкуркина С.И., 1982, с. 110–112, рис. 23). Могильные комплексы показывают, что пронизки располагались между фибулой и цепедержателями.

Из новгородского слоя происходят шесть пронизок. Четыре из них опубликованы М.В. Седовой (13–12–1992; 10/9–6–1706; 9/8–14–1174Б; Кир. 10–22–28), которая датировала их последней четвертью XIII – серединой XIV в. (Седова М.В., 1981, с. 34, рис. 10,*5*). Три из них – два с Неревского и находка с Кировского раскопа – стандартные со спиралью в центральной части соответствуют типу I варианту 2, по С.И. Кочкуркиной (рис. 1,*6*). На территории Карельского перешейка и Финляндии их насчитывается 10 экз., в том числе из культурного слоя Тиверска (Кочкуркина С.И., 1982, с. 110, рис. 23,*2*). Новгородские экземпляры отличаются от собственно карельских видом привесок к ним: у новгородских – бубенчики, у карельских – лапчатые привески. Пронизка 9/8–14–1174Б имеет индивидуальную форму: под Ф-видными отходящими кольцами – пояски ложной зерни, концы выпуклые рельефные, происходит с территории ус. И Неревского раскопа. Оба ближе всего пронизкам типа I вариант 3, по С.И. Кочкуркиной (экз. из Кокемяки 5а). Этот вариант представлен в карельских материалах 17 экз. (Кочкуркина С.И., 1982, рис. 23,*3*). Характерная карельская форма у тройной пронизки с Троицкого раскопа VI с орнаментом в виде концентрических кругов (рис. 1,*10*). Опубликована А.М. Спиридоновым в качестве иллюстрации характерно "карельских" вещей в Новгороде по материалам Л.В. Покровской, без указания паспортных данных (Кочкуркина С.И. и др., 1990, рис. 8,*4*). По нашим данным, она датируется 80-ми гг. XIII – первым десятилетием XIV в. и соответствует типу II, по С.И. Кочкуркиной, который представлен на основной территории карел 16 экз. (Кочкуркина С.И., 1982, рис. 23,*8*). К теме обзора относятся еще две находки с Троицкого IX раскопа: пронизка (Тр. IX 10/11–2–842) и привеска пронизки с характерными для карел лапчатыми привесками (Тр. IX 10/10а–2–872). Их дата – конец 40-х – начало 60-х гг. XIII в. Этническое соотнесение новгородских находок проблематично, но важно то, что они корреспондируются другими финноугорскими категориями вещей (Седова М.В., 1981, с. 181, 182).

Помимо всех перечисленных выше категорий к финно-угорскому и этнографическому костюму следует относить и металлические орнаментированные бусы. А.А. Спицын в описании Гдовских курганов и памятников Ижорского плато отметил, что таковые встречены в "различных местностях" северо-запада (без указания точного количества). Исследователь пишет, что они известны в памятниках эстляндских и владимирских, "но нигде они не найдены в таком количестве, как в

Хронология Карельских древностей в Новгороде*

Находка	XI в.		XII в.				XIII в.				XIV в.				XV в.	Итого
	Четверти века															
	3	4	1	2	3	4	1	2	3	4	1	2	3	4	1–2	
Карельские грамоты**	1			1					1		1	3	4	1	3	15
Фибулы подковообразные									1							1
Фибулы овально-выпуклые									3	1						4
Цепедержатели								1	1	2	1					5
Ф-видные пронизки								1	2	1	1			1		6
Рукояти ножей								1	1		1		1			4
Ножны составные									1	1	1					3
Ножны цельнометаллические									1							1
Бусы бронзовые			2		1	2		3	4	3	1	1	1	2		20
Итого	1		2	2	1	2		6	15	8	6	4	6	4	3	59

* В таблице учтены только находки, имеющие точную дендрохронологическую дату.

** Учтены грамоты № 590, 292, 286, 278, 275, 266, 130, 403, 248, 249, 243, 159, 279, 281, 589.

курганах петербургских". По его мнению, они представляют собой "подражание филигранным киевским золотым и серебряным бусам". Их дата в целом XII–XIV вв. (Спицын А.А., 1896, с. 14).

А.А. Спицыну не были известны во всей полноте материалы памятников Карельского перешейка. Здесь их находят на поселениях, в могильниках (22 экз.) и особенно кладах (всего 89 экз.). Найдены золотые, серебряные, бронзовые с позолотой и просто бронзовые образцы. Только в одном могильнике Туккала (Саво) их число достигает 44 экз. С.И. Кочкуркина разработала их классификацию, состоящую из шести типов с вариантами (Кочкуркина С.И., 1892, с. 87–89, рис. 15). По данным карельских могильников, такие бусы "находились между цепедержателем и Ф-образной пронизкой или овально-выпуклой фибулой, либо окреплялись кожаным шнурком с овально-выпуклой фибулой" (Кочкуркина С.И., 1982, с. 89).

Бронзовые образцы бус из Новгорода опубликовала М.В. Седова, указав, что их число составляют 20 экз. второй половины XII – рубежа XIV–XV вв. (Седова М.В., 1981, с. 155, рис. 15,*4*; 61, *1, 2, 8, 9, 13*). Ю.М. Лесман приводит паспортные данные 20 экз. бусин и трех литейных форм, свидетельствующих о производстве бус в городе (Лесман Ю.М., 1990, с. 81). Основная их масса (17 экз.) происходит с Неревского раскопа, в том числе и литейные формы. Один экземпляр, по моим данным, происходит с Рюрикова городища (Носов Е.Н., 1982, рис. 23,*8*). Он относится к типу IV варианту 2, по С.И. Кочкуркиной – бусы со сканными кругами на тулове – и аналогичен образцу (16–640) с Неревского раскопа (Седова М.В., 1981, рис. 61,*1*). Такие бусины известны на Карельском перешейке в количестве 26 экз. Точное количество случайных находок не известно (Кочкуркина С.И., 1982, с. 89).

В качестве постановки вопроса хочется заметить, что "романский" орнамент, известный на рукоятях карельских ножей, овально-выпуклых фибулах типа F и собственно берестяных изделиях из погребений Кокогольмских могильников, встречается также на берестяных и лубяных фрагментах новгородских туясов и коробей (Kivikoski E., 1951, S. 44, Abb. 1186, 1252). Таковы фрагменты 13–19–1142; 12–10509; 17–19–1179 (Колчин Б.А., 1971, табл. 43,*3*; 44,*4*; рис. 25,*2*). Все перечисленные фрагменты не выходят за рамки второй половины XII–XIII в., основного времени бытования карельских древностей в Новгороде. Вопрос требует специального рассмотрения[9].

Все выявленные нами категории карельских древностей в Новгороде: карельские берестяные грамоты, подковообразные фибулы с орнаментированной дужкой, овально-выпуклые фибулы, цепедержатели биспиральные и крестообразные, Ф-видные пронизки, бронзовые бусы, бронзовые рукояти ножей с "романским" орнаментом, ножны женских ножей составные и цельнометаллические – синхронны своим аналогам на Карельском перешейке. По характеру залегания в слое они подчиняются общей закономерности Гауссова распределения. Появляясь со второй половины XI в. и встречаясь в одиночных экземплярах, они достигают своего максимума во второй половине XIII в. (22 экз.). Затем, к первой половине XV в. они постепенно сходят на нет (таблица). Согласно хронологии карельских древностей из Новгорода, Карелия попадает в сферу новгородских интересов не позднее второй половины XI в., как свидетельствует грамота № 590 с Нутного раскопа (Янин В.Л., 1994, с. 26). Этот интерес поддерживается до момента присоединения Новгорода к Москве в 1478 г. Берестяная грамота 1 159, адресованная "Цюдину и жене от Клиша", найденная на усадьбе Е Неревского раскопа, объясняет встречаемость карельских женских украшений в новгородском слое – карелы появлялись в городе с семьями. Настоящая публикация должна восстановить доверие к вещам из слоя, как источнику по этни-

[9] После того, как настоящая статья была написана, выяснилось, что в 1968 г. Н.П. Пахомовым при сборе подъемного материала на Рюриковом городище была найдена бронзовая копоушка с ажурным щитком, соответствующая типу I варианту 2, по С.И. Кочкуркиной (Кочкуркина С.И., 1982, рис. 25). Таким образом, набор бронзовых аксессуаров карельского женского костюма в Новгороде представлен полностью.

ческой истории населения древнего Новгорода (Янин В.Л., Алешковский М.Х., 1971; Янин В.Л., 1973; 1976, с. 213–229; Носов Е.Н., 1990, с. 47–57). Особой темой исследования является топография карельских древностей из Новгорода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бубрих Д.В., 1947. Происхожение карельского народа. Петрозаводск.

Буров В.А., 1994. Очерки истории археологии средневекового Новгорода. М.

Варенов А.Б., 1975. Этнические основы возникновения Новгорода. Дипломная работа. М.

Варенов А.Б., 1995. Шумящие браслеты древней Руси // РА. № 1.

Гадзяцкий С.С., 1941. Карелия и карелы в Новгородское время. Петрозаводск.

Гайдуков П.Г., 1992. Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М.

Голубева Л.А., Варенов А.Б., 1978. Полые коньки – подвески Древней Руси // СА. № 2.

Колчин Б.А., 1971. Новгородские древности. Резное дерево // САИ. Вып. Е1–55. М.

Колчин Б.А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.

Кочкуркина С.И., 1981. Археологические памятники Корелы V–XV вв. Л.

Кочкуркина С.И., 1982. Древняя Корела. Л.

Кочкуркина С.И., Спиридонов А.М., Джаксон Т.Н., 1990. Письменные известия о карелах. Петрозаводск.

Куза А.В., 1975. Новгородская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М.

Лесман Ю.М., 1990. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода 1988. М.

Линевский А.М., 1947. К вопросу о взаимоотношениях карел и Новгорода в XII–XV вв. // Науч. конф. по вопросам финно-угорской филологии. Тез. докл. Петрозаводск.

НПЛ: Новгородская первая летопись, 1950. М.; Л.

Носов Е.Н., 1982. Отчет о работе Новгородского археологического отряда ЛОИА АН СССР 1981 г. // Архив ИА РАН: Р-1. № 8806, 8806а.

Носов Е.Н., 1990. Финно-угры и Новгород // Финны в Европе VI–XV вв. Прибалтийско-финнские народы. Историко-археологические исследования. Вып. 2. Русь, финны, саамы, верования. М.

Седов В.В., 1987. Корела // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М.

Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.

Спицын А.А., 1896. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л.К. Ивановского // МАР. № 20. СПб.

Третьяков П.Н., 1931. Костромские курганы // Известия ГАИМК. Т. X. Вып. 6–7.

Шаскольский И.П., 1951. Борьба Новгорода и карел против шведской экспансии в XII в. // Известия карело-финского филиала АН. № 2.

Шаскольский И.П., 1962. Политические отношения Новгорода и карел XII–XV вв. // Новгородский исторический сборник. Вып. 10. Новгород.

Янин В.Л., 1973. Возможности археологии в изучении древнего Новгорода // Вестн. АН СССР. № 8. М.

Янин В.Л., 1975. Я послал тебе бересту. М.

Янин В.Л., 1976. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М.

Янин В.Л., 1978. Тихвинский раскоп // Археологическое изучение Новгорода. М.

Янин В.Л., 1994. Берестяная грамота № 590 // Litauen – Sverige: Historiskf dokument i Litauens arhiv. Cotlands Forenade Tryckerier AB. Visby.

Ailio J., 1922. Karjalaiset soikeat kupurasoljet // SMYA. XXXVII. Helsinki.

Appelgren-Kivalo H., 1910. Romanusk ornamentik // SM. Helsinki.

Hällström O., 1947–1948. Lisiä suomalaisten soikeiden kupurasolkien syntyhistoriaan // SM. LIV–LV. Helsinki.

Kirkinen H., 1963. Karjala idän Kulttuuripiirissa: Bysantin ja Venajan yhteyksista keskiajan Karjalaan // Historiallisiaq tutkimiksia LXVII. Helsinki.

Kivikoski E., 1951. Die Eisenzeit Finlands. Helsinki.

Lehtosalo P.-L., 1966. Rapukoristen solkien Ajoitukswesta // SM. Helsinki.

Nosov E.N., 1990. Traces Finno-Ugrian Cultur in Novgorod // Suomen Muinaismuistoyhdistys. ISKOS 9. Helsinki.
Schvindt T., 1893. Tietoja karjalan rautakaudesta // SMYA. XIII. Helsinki.
Tallgren A.M., 1928. Les provinces culturlles finnoises de l'age recent de fer dans la Russie du nord // ESA. III. Helsinki.

A.B. VARENOV

KARELIA ARTEFACTS IN NOVGOROD

Summary

Karelia artefacts (Figure 1, Table) appear in Novgorod starting from the second quarter of the 13th century and are used till the first half of the 15th century, the third quarter of the 13th century being the peak timeframe in their usage. The mapping of the finds indicates their specific links with mansion E of the Nerevsk excavation area where they combine with "Karel" birch bark letters, a known concentration of them is noted in mansion I, though no birch bark letters have been found there. The same interrelations between "Karel" jewellery and letters are established in the Nutny excavation area (the Trade side, the Slaven end) where the earliest mention of Korela has been found – letter # 590 (1065-1085) and the Troitsky excavation area (the Luda end). Karel artefacts have also been found in the Rurik hill-fort which is a prince's residence located in the outskirts of the city. All Karel odjects from Novgorod could not be imported as they are linked with a certain type of the Karel ethnographic costume. The present paper must hepl surpass distrust as regards the goods found in the city as they present a source of information related to ethnic history of its population that still exists in Russian archaeological science.

История науки

МИХАИЛ ИЛЛАРИОНОВИЧ АРТАМОНОВ

(к 100-летию со дня рождения)

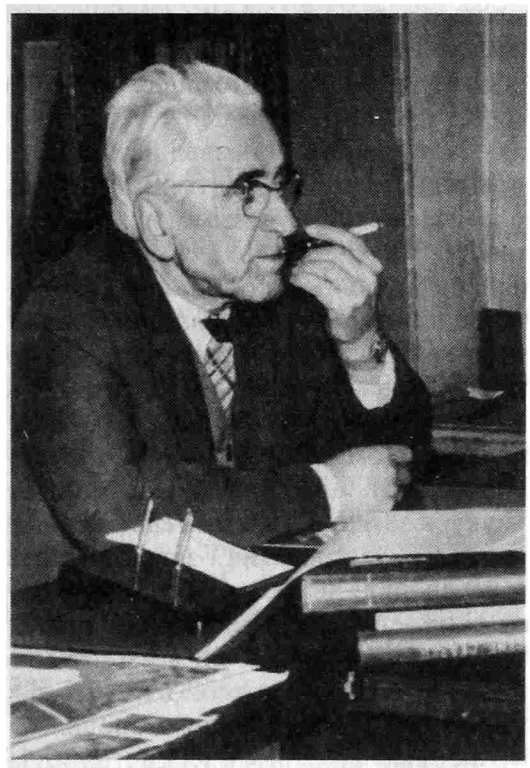
В этом году мы отмечаем 100-летие Михаила Илларионовича Артамонова. Он родился 5 декабря 1898 г., а умер в июле 1972 г., на 74-м году жизни.

О жизненном пути и громадном вкладе Михаила Илларионовича в археологию написано много (см. список работ о нем в конце данной статьи). Он прочно вошел в число основоположников российской археологии XX в. Проходящий век мало подходил для развития нашей науки, далекой от событий этого тяжкого для России периода. Стоять на переднем крае археологии было и трудно и опасно. Для многих ученых это кончилось трагически. М.И. Артамонов избежал самого страшного конца, хотя неоднократно очень близко подходил к рубежам, от которых редко возвращались коснувшиеся их. Он выстоял, не потеряв при этом человеческого достоинства, чести и разума. Никогда он не опускался до конъюнктуры в науке, до вертлявого соглашательства в жизни. И если первое грозило только карьере ученого, то отсутствие "гибкости" нередко приводило людей к крушению жизни. Хотя и ему неоднократно приходилось отступать или, если это было возможно, отмалчиваться, сохраняя внешнее спокойствие. М.И. Артамонов всегда был очень сдержанным, строгим, холодноватым и закрытым – этому его научили обстоятельства той эпохи, в которой он жил и работал. Он очень редко рассказывал о себе (иногда только мелкие эпизоды). Скорее всего ему претило упиваться своими успехами и, наоборот, перебирать на людях неприятности и поражения, предательства друзей и злобу врагов. Всегда казалось, что он неизмеримо выше этого. Эти качества не способствовали установлению тесных контактов с ним; особенно невозможно это было для младших коллег и учеников, в том числе и для меня. Поэтому написать о Михаиле Илларионовиче очерк, который дал бы представление о нем как о человеке со всеми его увлечениями, достижениями, ошибками, вряд ли кто-либо сможет.

Однако же образ большого ученого, несомненно порядочного человека, основные этапы его научной деятельности, а значит, и жизни прослеживаются по его трудам, все еще живым и "злободневным", полным интереснейших находок, открытий и гипотез. Многие из них подтверждаются и развиваются работами его учеников и последователей, некоторые горячо дискутируются. А это очевидное свидетельство того, что книги М.И. Артамонова по-прежнему не стоят без дела на полках, а работают, являясь "настольным чтением" и руководством для специалистов.

Круг этих специалистов очень широк, поскольку необычайно обширен был диапазон интересов и знаний самого М.И. Артамонова. Прав был Л.С. Клейн, который писал, что серьезно, пожалуй, Михаил Илларионович не занимался только изучением палеолита (1968, с. 153). Все остальные вопросы, встающие перед археологом, – от методики полевых работ до происхождения и расселения индоевропейцев – становились предметами его исследования. Однако особенно пристальное внимание он уделял трем проблемам: истории и искусству скифов, происхождению славян и истории средневековых кочевников. К этим трем направлениям относится подавляющее большинство его работ (книг, статей, докладов, лекций). Именно в этих исследовательских направлениях работали и работают сейчас его ученики и ученики его учеников, но никто из нас не смог подняться до энциклопедического уровня учителя.

© С.А. Плетнева, 1998 г.

М.И. АРТАМОНОВ

А начал он свой путь в науку сравнительно поздно. Как и многие его сверстники, в 1916 г. М.И. Артамонов был мобилизован и отправлен на фронт, а в следующем году началась революция, в которой он на первых порах принял активное участие: в феврале был избран в Совет солдатских депутатов, в октябре назначен секретарем дивизионного комитета Северного фронта, а позже переведен руководителем бывшего Международного банка в Петрограде. В 1918 г. после тяжелого тифа М.И. Артамонов уехал в г. Красный Холм Тверской губернии, где работал заведующим отдела дошкольного образования, заведующим школой, учителем. Только в 1921 г. он вернулся в Петроград и поступил в Археологический институт, который в 1922 г. присоединили к университету.

Студенту Артамонову очень повезло – его учителями были профессора А.А. Спицин, Н.П. Сычев, А.А. Миллер, Д.В. Айналов. Семинары и лекции этих замечательных ученых формировали взгляды, целеустремленную направленность, художественные вкусы будущего археолога. В 1924 г. он окончил факультет общественных наук Ленинградского университета (Отделение археологии и истории искусств) и был оставлен ассистентом ЛГУ, а затем переведен в ГАИМК.

Через два года М.И. Артамонов поступил в аспирантуру ГАИМК, и тогда же вышла его первая статья "Постройки Краснохолмского района". Казалось бы, начала определяться научная направленность молодого ученого. Это находит подтверждение в том, что в 1929 г. – в год окончания аспирантуры – была опубликована еще одна его статья, посвященная древнерусскому искусству, а еще позже (в 1931 г.) – небольшая книжечка "Миниатюры Кенигсбергского списка летописи". Однако эти первые, хотя и очень серьезные, исследовательские историко-искусствоведческие работы, очевидно, не увлекли археолога. Отлично понимая, что он отстал от коллег своего поколения, М.И. Артамонов с головой погрузился в науку, которой решил посвятить свою жизнь. Именно в эти аспирантские годы он прочел все, что было тогда написано европейскими и русскими археологами, объездил с котомкой за плечами музеи почти

всех южных городов, полностью зарисовав интересующие его коллекции (а интересы охватывали несколько тысячелетий). Об этих путешествиях и первых одиноких пеших экспедициях он иногда рассказывал, вспоминая обычно комические ситуации, в которые не раз попадал.

Первую самостоятельную экспедицию – разведки на Нижнем Дону – М.И. Артамонов провел в 1929 г. С тех пор степи и их обитатели (от бронзы до средневековья), этническая история, проблемы сложения и взаимодействия степных культур стали предметами его исследований.

Предельно загруженный работой – накоплением знаний и профессиональных навыков, в те годы ученый, видимо, мало обращал внимания на волнения и борьбу за выживание в науке (нередко и в жизни), которые кипели вокруг. Он просто "пренебрег" появлением в ГАИМК новых малоподготовленных к любой науке руководителей и их перестроечными, гибельными, если им следовать, руководящими указаниями. Конечно, аресты коллег, в том числе и близких ему по научной проблематике (М.П. Грязнова, С.А. Теплоухова), он пережил тяжело; это привело его к еще большему погружению в науку, к замкнутости и внешней холодной отстраненности.

Наконец, период "первичного накопления" завершился выходом в свет "краеугольной", как называют ее специалисты, статьи М.И. Артамонова "Совместные погребения в курганах со скорченными и окрашенными костяками" (1934). Она долгие годы имела самый широкий резонанс во всем археологическом мире, сразу выдвинув М.И. Артамонова в ряд ведущих археологов страны. За эту работу ему без защиты диссертации была присвоена кандидатская степень.

Несмотря на то что его первые археологические работы были направлены на исследование и обобщение материалов ранних эпох, в разведках и музейных коллекциях он столкнулся и начал параллельно изучать не менее сложные вопросы, связанные со слабоизвестными памятниками средневековых степных народов, в частности хазар.

Проведенные на Нижнем Дону разведки убедили ученого в необходимости раскопок почти уже стертого с лица земли многочисленными казачьими грабительскими карьерами Левобережного Цимлянского городища. В год присуждения ему высокой в то время степени кандидата наук М.И. Артамонов начал раскопки остатков этого исключительно интересного памятника хазарской и древнерусской культуры – Саркела–Белой Вежи (сезоны 1934–1936 гг.).

Начался период стремительного подъема, фундаментом которого были результаты самозабвенного труда прошедшего десятилетия. В 1935 г. опубликована книга М.И. Артамонова "Средневековые поселения на Нижнем Дону", не устаревшая до настоящего времени. В ней представлены материалы с ряда обследованных автором памятников, их интерпретация и исторические выводы, опирающиеся на строго выверенные археологические факты. Это классика археологии. Именно такие работы краеугольными камнями легли в фундамент нашей науки. Уже и этой книге, посвященной памятникам Хазарского каганата, Михаил Илларионович с абсолютной убедительностью доказал тождество Левобережного городища с неоднократно упоминавшимися в письменных источниках Саркелом–Белой Вежей. До этого исследования важный для истории обоих государств вопрос казался нерешаемым и бесконечно спорным.

Едва успели высохнуть от типографской краски страницы "Средневековых поселений...", как появилась еще одна книга – "Очерки древнейшей истории хазар". Это солидное исследование написано в основном по письменным источникам. Во введении автор признает, что не считает себя достаточно подготовленным для исследования лингвистических и литературных источников, но, занимаясь вопросами археологии хазарской эпохи, столкнулся с необходимостью привлечь комплекс источников о хазарах и обратиться к переводам этих источников, многие из которых до него историками почти не использовались. В результате М.И. Артамонов написал книгу, в которой впервые была дана история кочевников европейских степей, объединившихся

под властью хазар. Археологические материалы не вошли в эту небольшую по объему книгу. При необходимости их привлечения он ссылался на свою предшествующую работу. Только через четверть столетия вновь появился его труд о хазарах, значительно более полный и фундаментальный, но об этом ниже.

А в это время в ГАИМК произошли изменения. Она была преобразована в ИИМК, который стал одним из Институтов АН СССР. В 1938 г. директором этого института был назначен крепко вставший на ноги и занявший выбранную им нишу профессор М.И. Артамонов (это звание он получил в 1935 г., читая в ЛГУ лекции еще во времена своего ассистентства).

Обязанности директора института, естественно, отнимали массу времени, тем более что М.И. Артамонов получил вместе с головным институтом его Московское отделение, немногочисленные сотрудники которого были постоянно недовольны своим полусамостоятельным статусом. Вот в этом сложном положении весьма пригодились врожденные и выработанные им качества характера: спокойствие и слегка равнодушная (индифферентная) доброжелательность, которая равно распространялась на всех сотрудников института вне зависимости от места их проживания.

Но, конечно, не установление нормальной рабочей обстановки было главным административным достижением М.И. Артамонова. Он понимал сугубую необходимость для ученого видеть свою работу опубликованной, т.е. читаемой и обсуждаемой хотя бы узким кругом специалистов. Это непременное условие для развития любой науки – без обмена информацией она гибнет. Поэтому, оглядевшись на новом посту, он основал серию сборников "Краткие сообщения ИИМК", в которых археологи могли публиковать результаты своих полевых исследований. Этот бесценный ручеек информации просуществовал более полустолетия – в 1991 г. вышел его последний номер. Основанные в 1936 г. Музеем антропологии и этнографии сборники "Советская археология" также перешли в ведение ИИМК, и их редактором стал М.И. Артамонов. "Советскую археологию" значительно разгрузили от мелких заметок о результатах небольших сезонных раскопок, которые начали печататься в "Кратких сообщениях". Наряду с обязательной публикацией материалов в "СА" стали помещать серьезные обобщающие историко-археологические исследования, что сразу выдвинуло этот сборник на уровень лучших европейских журналов. Редакторами сборника после М.И. Артамонова были последующие директора ИИМК, но главная направленность журнала уже не изменялась. Именно это, а также, естественно, возросшая популярность издания позволили впоследствии Б.А. Рыбакову добиться для него статуса журнала, выходящего четыре раза в год. Этот журнал не изменился, а потому жив и поныне.

В 1940 г. была основана еще одна серия "сборников" – "Материалы и исследования по археологии СССР". В ней археологи получили возможность печатать монографические исследования, публиковать результаты больших полевых работ и открытий. Вышло более полутора сотен этого поистине бесценного издания. В начале 1970-х годов его прикрыли, заменив надуманно засушенными, регламентированными "Сводами археологических источников", погубившими самой формой издания много хороших книг.

Все это было много лет спустя, а в 1939 г. полный энергии молодой директор ИИМК организовал и возглавил великолепный коллектив российских археологов для написания и подготовки к изданию двух томов планировавшегося в Академии наук многотомного издания "Истории СССР". Первые тома "Истории СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства" просто не были бы написаны без археологов, поскольку письменных источников для освещения ранней истории нашей страны не было или было недостаточно. Сроки для выполнения этого громадного труда были даны минимальные, и М.И. Артамонов рассказывал, что работу по редактированию томов он, как правило, выполнял ночами. Им самим было написано восемь больших разделов (в основном о славянах и хазарах), и в десяти он принимал участие в качестве соавтора Б.Б. Пиотровского, С.А. Жебелева, Б.Е. Деген-Кова-

левского и др. Время поджимало, но работа была полностью закончена в срок, и небольшое количество экземпляров макета было отпечатано и разослано для широкого обсуждения по крупным библиотекам и научно-исследовательским институтам. Приходится пожалеть, что война прервала работу над "Историей СССР" и два практически готовых тома остались макетами. Впрочем, вышедшие во второй половине 1950-х годов под редакцией Б.А. Рыбакова два аналогичных тома во многом полностью повторили макет, который, несмотря на своего богато изданного "двойника", продолжал пользоваться спросом как у специалистов, так и у читающего студенчества.

В 1940 г. в "Советской археологии" вышла одна из самых значительных статей М.И. Артамонова, в которой он поставил вопрос о принадлежности салтово-маяцких памятников и материалов культуре Хазарского каганата. Высказанные в ней гипотезы долгое время после ее опубликования вызывали раздраженные возражения ряда ученых (даже у его ученика И.И. Ляпушкина), но исследователи этой культуры все более склоняются к тому, что М.И. Артамонов был прав, а гипотезы, высказанные им, примерно на четверть столетия определили свое время.

Огромный накопленный багаж знаний часто приводил ученого к критическим оценкам существовавших в нашей науке как будто бы доказанных положений. Причем стремление к дискуссиям вызывали у него обычно наиболее сложные проблемы этнической истории Восточной Европы.

В качестве руководителя единственного археологического института страны М.И. Артамонов был обязан и считал своим долгом направлять развитие и подводить некоторые итоги в отдельных отраслях науки, начиная с первобытности. Преследуя, очевидно, эту цель, он написал тогда несколько обзорно-проблемных полемических статей. Особенное внимание было уделено славянскому этногенезу, в те годы еще мало привлекавшему исследователей. Необходимо было развернуть это направление и попытаться не дать ему стать "квазипатриотическим выхлопом". Сделать это М.И. Артамонову не удалось: помешали, видимо, война и естественная волна патриотизма, залившая Россию. В результате вместо накопления и работы над материалом российские ученые разных специальностей (и в первую очередь археологи) до сих пор решают вопросы этногенеза славян и редко соглашаются друг с другом. Думается, что эта проблема, как диккенсовская "тяжба Джарднисса", бесконечна.

В настоящее время можно только удивляться тому, что М.И. Артамонов, предельно загруженный обязанностями директора, к 1941 г. успел подготовить докторскую диссертацию на тему, которой он занимался, судя по отсутствию больших работ по данной тематике, эпизодически. Казалось, что его научные интересы сосредоточены на исследовании раннесредневековых памятников и источников по истории Восточной и Южной Европы. Однако они вовсе не ограничивались средневековьем. Кочевники, проблемы их оседания, образование степных государств изучались им на значительно более информативном материале, в основном археологическом, но с привлечением хорошо известных письменных источников. Диссертация ученого называлась "Скифы". Так полновесно заявила о себе третья проблема, которую разрабатывал исследователь. Скифами и их искусством М.И. Артамонов занимался до конца своей жизни.

Началась война. Ленинград опустел, многие и многие ученые погибли на фронтах и в блокаде, часть была в ссылке. Уцелевшие частью переехали в Москву и в эвакуацию (в Поволжье, на Урал, в Среднюю Азию). Жизнь в ИИМКе замерла, переместившись в Московское отделение, которое в 1943 г. официально стало центральным. В Ленинграде осталось отделение (ЛОИИМК). Вернувшись из эвакуации в 1945 г., М.И. Артамонов подал заявление об отставке. Это событие не помешало научной работе. В войну М.И. Артамонов, как и другие ученые, публиковался мало. Это, конечно, не означало, что он не работал, т.е. не думал и не писал. Об этом свидетельствовали прежде всего около 20 его статей, вышедших в первые послевоенные годы (1945–1948 гг.). Среди них заметное место занимали работы, посвящен-

ные славянскому этногенезу, а также целый "куст" статей и рефератов по скифской тематике. Читать их и сейчас интересно и поучительно. Следует признать, что многие поставленные в них проблемы и варианты решений этих проблем или отдельных вопросов в настоящее время находят подтверждение в открываемых археологами в последующие полстолетия материалах. Наиболее ярким примером, по моему мнению мидиевиста, является его гипотеза о появлении славян в Восточной Европе не ранее середины I тысячелетия н.э., блестяще подтвержденная разведками и раскопками И.П. Русановой и некоторых украинских археологов, обнаруживших на территории первичного проникновения славян в Приднепровье славянские памятники, самая ранняя дата которых V–VI вв.

Что касается "скифских" статей, то бóльшая часть их, судя по сноскам в трудах современных скифологов (Д.С. Раевского, Е.В. Черненко и др.), не устарела и в наше время.

В эти же послевоенные годы, освободившись от административной нагрузки, М.И. Артамонов начал большие для того времени стационарные работы в Южной Подолии на скифском Немировском и раннеславянском Григоровском городищах. В то время он совсем отошел от хазарской тематики. Только в одной статье – "Древний Дербент" – он мимоходом касается савир и хазар, от походов которых Дербент защищал Албанию и другие государства Закавказья.

Вновь резко изменилась направленность научных интересов Михаила Илларионовича в сторону Хазарского каганата в 1949 г., когда именно ему было поручено проведение одной из первых новостроечных экспедиций – Волго-Донской (по территориальному, хронологическому и финансовому размаху она, несомненно, была первой). Экспедиция должна была исследовать возможно большее количество памятников, находившихся на землях, которые предназначались под затопление будущим так называемым Цимлянским морем. Средства на раскопки экспедиция получила от стройки, практическими руководителями которой, как на Беломорканале, были сотрудники НКВД. Стройка снабжала археологов техникой и, главное, рабочей силой, состоявшей из 100 женщин-заключенных и нескольких бандитов-скреперистов, один из которых, как говорили, имел судимостей в целом на 125 лет. Все они жили в специально выделенной для них зоне, огороженной от нас колючей проволокой с вышками и охраняемой молоденькими солдатами-узбеками под командованием лейтенанта. Я останавливаюсь здесь на этих подробностях для того чтобы было понятно, с какой сложной ситуацией пришлось столкнуться в этой экспедиции М.И. Артамонову. Помимо "исправительно-лагерного контингента" в экспедиции ежегодно работали примерно 100 сотрудников. В основном это была весьма буйная студенческая компания. Надо сказать, что работали студенты самоотверженно. Тон в работе задавал сам М.И. Артамонов, его помощники и старшие сотрудники, которых было совсем немного, поскольку они были рассредоточены по отрядам.

Главные усилия были сконцентрированы на продолжении начатых еще в середине 1930-х годов раскопках Саркела–Белой Вежи, который оказался почти в центре затопляемой территории. Там же располагались "штаб" экспедиции и основной состав рабочих и сотрудников. Саркел был единственным достоверно хазарским памятником, который, хотя бы поэтому, необходимо было исследовать по возможности полно. Экспедиция работала до ноября 1951 г., а весной 1952 г. новое море стало заполняться водой.

Размах раскопок был громадным, а условия жизни и работы – очень тяжелыми. Однако в экспедиции постоянно чувствовался творческий подъем, без которого там невозможно было существовать. Это настроение (своеобразный допинг) создавалось, естественно, руководством экспедиции, и в первую очередь самим М.И. Артамоновым, уделявшим экспедиции много душевных и физических сил. Каждый день он обходил раскопки, замечая успехи и промахи начальников участков (обычно студентов) и раскопов старших сотрудников – А.Л. Якобсона, И.Г. Спасского, В.П. Левенка, Е.Г. Кастанаян и др. По воскресеньям проводились обходы-экскурсии по раскопам.

Докладывали, как правило, начальники участков, что было особенно важно и интересно для начинающих археологов. В конце обхода М.И. Артамонов кратко и четко подводил итоги сделанному за неделю. Неоднократно за сезон он читал популярные лекции женщинам-зекам, которые в конце сезона начинали прекрасно разбираться в работе археологов. В целом в те годы начальники экспедиций обычно проводили аналогичную педагогическую и популяризаторскую работу, но перегрузка М.И. Артамонова была необычной не только из-за "своеобразия" экспедиции и ее контингента, за которым бдительно наблюдали штатные и нештатные сотрудники НКВД, но и оттого, что в последний, самый напряженный год работы экспедиции (1951) он был "высочайшим повелением" назначен директором Эрмитажа. В связи с этим он исчезал из Саркела надолго, и вся тяжесть руководства пала на его заместителей – О.А. Артамонову, А.Д. Столяра и др.

Начался длительный – 13-летний – многотрудный период его эрмитажного директорства. Интересен, как мне кажется, отзыв об Артамонове-директоре ученого его поколения и масштаба – Б.Б. Пиотровского: "Он имел административный опыт, был доброжелательным. В музее закончились скандалы. Но часто он был безразличен. Занимался скифами и старался предпринять все, чтобы административная деятельность не мешала его научной работе" (Пиотровский Б.Б., 1995, с. 269). Добавлю, что скандалы кончились не сами собой. При прежнем директоре многие сотрудники Эрмитажа привыкли приходить к нему в кабинет и делиться своими наблюдениями, т.е. по существу сплетничать и наговаривать на коллег. Начали они посещать и М.И. Артамонова, который вполне доброжелательно и самокритично отвечал на их сетования, что память у него плохая и он убедительно просит написать обо всем сказанном в краткой "справке" с обязательной подписью. Посещения прекратились, а скандалы и интриги без "живительной атмосферы" заглохли.

Что же касается администрирования, то он, действительно относился к нему внешне прохладно, хотя сам Б.Б. Пиотровский писал далее, несколько противореча себе, что М.И. Артамонов большое внимание уделял издательству Эрмитажа, связям с иностранными фирмами, развитию реставрационных работ и, конечно, укреплению наиболее близкого ему ОИПК, во главе которого поставил совсем еще молодую, но деятельную, дисциплинированную, обладающую свойством абсолютной ответственности за порученное дело Г.И. Смирнову.

Надо сказать, что Эрмитаж заметно пополнился при М.И. Артамонове молодежью – в основном выпускниками ЛГУ и других высших учебных заведений Ленинграда. Кроме того, тогда же начали появляться возвращавшиеся из ссылок и лагерей ученые. Им – людям старшего поколения – нужно было помочь быстрее опубликовать и защитить неоконченные до ареста диссертации, молодежи также были необходимы публикации для вхождения в большую науку. Поэтому, как в свое время в ИИМКе, М.И. Артамонов начал с организации эрмитажного издательства и учреждения нового издания – "Археологического сборника" под своей редакцией.

Таким образом, создается впечатление, что М.И. Артамонов обращал особое внимание на те проблемы, которые нуждались в его активном вмешательстве. Многочисленные менее существенные и текущие дела он препоручал своим очень сильным заместителям – Б.Б. Пиотровскому и В.Ф. Левинсон-Лессингу. Он считал нецелесообразным всем троим ученым заниматься решением ежедневно встающих перед дирекцией Эрмитажа вопросов. "Когда я заходил к Михаилу Илларионовичу в кабинет, то часто заставал его за научной работой. Даже в суетливой обстановке дирекции Эрмитажа он умел выкраивать время и писать свои научные труды. Это была удивительная способность, мне недоступная", – не без досады писал в своих воспоминаниях Б.Б. Пиотровский (1995, с. 279).

Работал тогда М.И. Артамонов невероятно много. Он вставал в 6 часов, писал (кончал книгу о хазарах) до 8.30, с 9.30 до 17.30 – Эрмитаж и все связанные с ним дела, которые часто затягивались до позднего вечера. Вечерами дома, если удавалось приехать в 18–19 часов, примерно до полуночи он читал выходящую новую периодику

и монографии, оппонируемые диссертации и работы своих учеников, принимал некоторых из них, давая четкие и понятные конкретные замечания и советы, а чаще просто беседуя с учеником по теме, над которой тот работал. Такие беседы не только давали новые знания, но и формировали сознание (научную и жизненную позицию) молодого ученого.

Как уже говорилось, М.И. Артамонов в те годы в силу сложившихся обстоятельств (организация экспедиции) обратился к хазарским проблемам. Главным было, конечно, его стремление закончить начатый еще в 1930-е годы труд о Хазарском каганате. Результаты экспедиции нашли отражение в ряде его больших статей (более 10), вышедших у нас и за рубежом. Под его редакцией были подготовлены к печати и опубликованы три тома "Трудов Волго-Донской экспедиции" (в серии МИА) и запланированы еще два, не вышедшие в свет из-за ликвидации самого издания. Зато в эрмитажном издательстве в 1962 г. вышла, наконец, фундаментальная книга "История хазар" (30 п.л.). Этот поистине энциклопедический труд не был "трудом всей его жизни", как принято говорить, подчеркивая значительность сделанной работы. Однако, по собственным словам автора, "Не менее 25 лет этот труд лежал на моем рабочем столе. Время от времени я возвращался к нему, исправлял, дополнял, перестраивал..." и далее: "Очень сожалею, что в изложении мне приходится иногда уклоняться к полемике по некоторым вопросам. Я не имел возможности представить свои объяснения и возражения по этим вопросам в каком-либо ином месте и вынужден поэтому включить их в текст настоящего труда (Артамонов М.И., 1962, с. 39).

Почему же возникла необходимость полемики? Следует сказать, что подхватившая М.И. Артамонова волна успеха – повторное назначение главным редактором "Советской археологии", назначение начальником Волго-Донской экспедиции, проректорство ЛГУ и заведование только что образованной (1949 г.) кафедрой археологии, а также (самое важное) приказ, о назначении его директором Эрмитажа, подписанный Сталиным, привела к ответному всплеску эмоций и действий со стороны многих его недоброжелателей среди коллег и ровесников. В 1951 г. в "Правде" появилась маленькая, по существу анонимная (подписана никому неизвестным товарищем Ивановым) заметочка о завышении роли иудейского государства – Хазарского каганата, явно направленная против М.И. Артамонова. Этого краткого "ату его", напечатанного в руководящей газете в разгар борьбы с "врачами-отравителями", было достаточно для начала травли. Выступили многие, доказывая предвзятость и несостоятельность высказываемых ученым положений о существовании Хазарского каганата и его культуры. Это мощное степное государство надолго "выпало" из истории нашей страны. Странно, но до сих пор во многих изданиях, на географических картах каганат по-прежнему изображается "паразитарным кочевым ханством", расположенным на территории современной Калмыкии.

М.И. Артамонов мужественно перенес эту тяжелую и неожиданную напасть. Его соратники совсем отошли от хазарской тематики, даже вообще перестали упоминать хазар. Он не ждал и, вероятно, не хотел "поддержки", так как не без основания опасался за судьбу своих учеников и коллег. Ученики получили далекие от опальной проблематики темы диссертаций. Все вместе взятое, несомненно, задержало публикацию Волго-Донских томов и на долгие годы оттянуло окончание его собственной книги по истории хазар. Он вынужден был переработать целые разделы, чтобы обезопасить ее от цензурных капризов и запретов публикации. Впрочем, все, что он хотел сказать, в том числе и ответы своим противникам, М.И. Артамонов сказал, только местами смягчил или изменил акценты. Это далось ему с трудом – он не привык к конъюнктуре. Редактором книги он просил быть Л.Н. Гумилева, только что (в 1956 г.) вернувшегося из ссылки и почти сразу же защитившего докторскую диссертацию. Видимо, М.И. Артамонов, все-таки не захотел привлекать к работе над ней тех, кто в начале этой "антихазарской", а вернее "антиартамоновской", кампании не встал рядом и побоялся поддержать его.

Напомню, что в начале 1950-х годов предметом нападок на М.И. Артамонова были еще и его якобы глубокие "марристские заблуждения", О перипетиях, связанных с ними, написал Б.Б. Пиотровский, которого вместе с М.И. Артамоновым весьма настойчиво пытались "перевоспитывать" партийные и беспартийные институтские лидеры (1995, с. 261–165, 275). К счастью, в горкоме эта акция не была поддержана. Но каяться в ошибках, конечно, пришлось за марровские фантазии всем ученым независимо от рангов, поскольку все обязаны были ссылаться на Н.Я. Марра, истолковывать и как-то использовать его "марксистское передовое учение" наравне с трудами Маркса, Энгельса и остальных корифеев. В 1951 г. М.И. Артамонов написал соответствующую статью, опубликованную тогда же в "Советской археологии" (XV); редактором которой он был. Статья называлась "Труды товарища Сталина по вопросам языкознания и советская археология". Это был самый крупный, если не единственный, шаг по пути конъюнктурного соглашательства, сделанный ученым под давлением обстоятельств, которые могли привести к легко предсказуемому концу. Он был обязан написать ее не только как ученый, упоминавший и использовавший в нескольких своих работах туманные марристские теории, но и как главный редактор сборника (почти журнала), читаемого всеми советскими и многими зарубежными археологами. Статья, видимо, удовлетворила наших идейных руководителей, а значит, заставила умолкнуть недоброжелателей. Вот тогда и появилась заметочка в "Правде" еще об одной "ошибке" М.И. Артамонова, будто бы прославлявшем несуществовавшее иудейское государство.

Работая по истории и культуре степных народов эпохи средневековья, М.И. Артамонов не оставил и скифскую проблематику. Выходят его большие статьи, наполненные, как всегда, тонкими наблюдениями и смелыми гипотезами, связанными между собой железной артамоновской логикой. Они были посвящены кардинальным вопросам скифской истории: происхождению скифов и их искусства, этногеографии Скифии, некоторым аспектам их религиозных представлений и т.д. После окончания Волго-Донской экспедиции М.И. Артамонов решил продолжать работы в Южной Подолии на скифских и раннеславянских памятниках. К сожалению, громадная загруженность не позволила ему вести полевые исследования – пришлось отказаться от самого нового и эффективного источника познания, получаемого археологами-полевиками. Правда, в 1954 г. он еще раз попытался вернуться к полевым исследованиям, приняв предложение Института археологии Болгарской АН возглавить первую международную экспедицию – Болгаро-Советскую. Раскопки проводились на славяно-праболгарском поселении у с. Попина. По отзывам болгарских коллег, экспедиция благодаря участию М.И. Артамонова сразу же приобрела характер полевого рабочего симпозиума, заседания которого проходили вечерами прямо на раскопках (так же, как в воскресные дни в Саркеле). Это способствовало устранению ряда ошибок болгарских археологов, занимавшихся сложнейшей для Болгарии проблемой взаимоотношения и слияния двух разноязычных и разнокультурных этносов. Несмотря на прекрасные результаты экспедиции, участвовать и тем более руководить ею М.И. Артамонов не мог: невозможно было отрываться от Эрмитажа на целый месяц.

Проблемы, связанные с этногенезом, постоянно находились в сфере его пристального внимания. Это прослеживается во всех его "скифских" статьях, а также в работах, посвященных славянам, написанным и опубликованным в послевоенное десятилетие.

Кажется весьма вероятным, что последняя экспедиция сыграла известную роль в обращении ученого к вопросам тесных контактов и возможного слияния славян с иными этносами. Он писал об этом в предисловии к книге Ж. Выжаровой о раскопках в Попино и далее не раз возвращался к этой теме в докладах о связях хазар и Руси по археологическим данным, о сложении славяно-русского этноса, о славянах и праболгарах, а также в серии статей и докладов о пеньковской (пастырской) культуре, в которых он считал возможным относить эту культуру к кутригурам, смешавшимся на

позднем этапе существования культуры со славянами. Дискуссионность многих положений этих работ очевидна, но не исключено, что многие высказанные им гипотезы будут подтверждены новыми открытиями последующих поколений археологов, как случилось это с открытиями, доказавшими существование Хазарского каганата и высокой культуры этого степного государства.

Подчеркну, что во всех своих теоретических или обобщающих статьях Михаил Илларионович, как правило, опирался на археологические материалы. Это было характерно как для первой его серьезной работы о совместных погребениях, так и для работ, написанных в период творческого расцвета (в 1950–1960-е годы). Он был настоящий археолог, пользующийся в первую очередь именно археологическими материалами и источниками и их возможностями при доказательствах тех или иных теоретических обобщений. Этому наряду с требованием широкого историографического охвата исследуемой проблемы он учил и своих учеников.

Я уже не раз касалась в этой статье педагогической деятельности М.И. Артамонова. Ежегодно читая лекции в ЛГУ, он внимательно следил за студентами и выбирал среди них способных и, главное, работоспособных ребят. До войны аспирантов у него было немного, из уцелевших от войны осталось только двое: славист Ляпушкин и скифолог Рыбалова. Зато по окончании ее количество аспирантов ежегодно пополнялось как российскими, так и зарубежными молодыми археологами. К ним следует прибавить ученых, официальными научными руководителями которых были другие, но выбирали они, согласно своим научным интересам, Михаила Илларионовича. Таковыми были, в частности, Гумилев и Плетнева, Щукин и Мачинский и др. Уже по ученикам первого "набора" видна научная направленность их учителя. В последующие десятилетия ее размах проявился особенно выразительно. Наибольшее количество учеников занималось ранним средневековьем Восточной Европы, включая раннеславянскую тематику – около 40%, а археологией раннего железного века, в том числе скифо-сарматской, – 30%. Довольно значительная группа специализировалась по древнерусской археологии (примерно 12–13%) и отдаленной от этой тематики тысячелетиями археологии эпохи бронзы (10%). Итак, от бронзы до позднего средневековья, от дунайских равнин до поволжских и калмыцких степей, от верховий Волги и Днепра до Северного Кавказа – таков хронологический и географический диапазон его знаний. По всем этим неохватным, нередко еще почти нетронутым проблемам с учителем можно было проконсультироваться, получить совет и библиографическую справку. Привлекал всех нас и самый облик этого красивого внешне и внутренне человека, спокойно и сосредоточенно тянущего громадный "воз" забот и дел, много и плодотворно работающего в различных областях науки и находящего время с заинтересованностью поговорить с еще только начинающим и не слишком эрудированным ученым. Это никогда не забудется.

Интерес М.И. Артамонова к древнему и современному искусству, классике и современной литературе и его знания по этим вопросам всегда влекли к нему молодых и не очень молодых единомышленников. Он много читал, любил стихи (в молодости сам писал и печатался), всегда имел свое мнение о прочитанном и довольно откровенно делился им с собеседниками. Причем существенно, что читал он далеко не только то, что печаталось в наших процензуренных журналах, но и рукописный "Архипелаг ГУЛАГ", и "Реквием", и вышедшего за рубежом "Доктора Живаго", и многое другое. Увлечение импрессионистами и современной живописью привело директора Эрмитажа к очевидному и полному разрыву с министром культуры Фурцевой, которая в конце концов, воспользовавшись некоторыми резкими высказываниями М.И. Артамонова в весьма широкой аудитории, открытием в Эрмитаже сначала выставки Пикассо, а затем молодого "рабочего" музея Шемякина, добилась снятия Михаила Илларионовича с должности директора. Это произошло в 1964 г.

Сложившееся, ставшее привычным течение жизни было сломлено. М.И. Артамонов часто говорил, что Эрмитаж – тяжкий камень на его шее. Но за долгие годы он

стал не только привычен, но любим и необходим, так как в него были вложены силы и нервы Михаила Илларионовича, его стремление завершить многие начатые в музее дела. Эрмитаж попал в не менее любящие и заботливые руки Б.Б. Пиотровского, и это несколько смягчило удар, полученный от капризной невежественной женщины, ведающей культурой в нашей многострадальной стране. Впрочем, М.И. Артамонов никому не давал повода думать, что эта потеря для него болезненна и оскорбительна, поэтому сочувствие ему со стороны многих эрмитажников, друзей и учеников высказывалось сдержанно и предельно деликатно.

Беда не приходит одна: почти одновременно с "отставкой" ученого тяжело заболела жена Михаила Илларионовича О.А. Артамонова – верный товарищ и помощник во всех его научных и домашних делах. Это, естественно, также привело к значительным изменениям в жизни – многие заботы легли на его плечи.

Однако опальный директор по-прежнему оставался заведующим кафедрой археологии ЛГУ, профессором, постоянно читающим несколько спецкурсов. В его лекциях, как это было всегда, присутствовали элементы молодой творческой дискуссионности, что придавало им особенную привлекательность для студентов.

Большая университетская нагрузка, конечно, не отнимала у М.И. Артамонова столько времени, сколько он тратил на Эрмитаж, тем более что работу в музее он совмещал с университетской, не прерывавшейся ни на год. У него появилась возможность почти без помех заниматься исследовательской научной деятельностью. Характерно, что за оставшиеся ему семь лет жизни он написал 40% всех своих научных трудов: несколько монографий, роскошно издававшихся в Москве и Ленинграде, Праге, Париже и Лондоне, статей по самым злободневным проблемам. Многие из них выходили сначала в виде тезисов докладов, прочитанных им на конгрессах, конференциях, симпозиумах и семинарах у нас и за рубежом (в Москве, Тбилиси, Кишиневе, Одессе, Софии, Варшаве, Берлине).

Этот период его деятельности можно назвать "скифским", так как все книги и ряд наиболее значительных статей были посвящены скифскому искусству – публикации произведений скифской эпохи, происхождению скифского искусства, этнической истории скифов, возникновению у них городов и государств, киммерийской проблеме и соотношению киммерийцев и скифов.

Так сложилось, что на конференциях в нашей стране, за редкими исключениями, доклады ученого были посвящены скифской тематике, а на международных конгрессах – вопросам раннесредневековой истории славян, русов и степняков, так как сами конгрессы посвящались славянской археологии и, следовательно, проблемы этнических контактов особенно интересовали участников этих конгрессов.

Таким образом, средневековье не осталось вне сферы его внимания. Практически все статьи и доклады по этой тематике дискуссионны, высказанные в них гипотезы новы и оригинальны, совсем "не обкатаны" предшественниками, "решающими" славянскую проблему. В частности, это вышеупомянутые статьи о пеньковско-пастырской культуре, историографическая статья о расселении восточных славян или напечатанная в нашем журнале спустя 18 лет после смерти автора статья "Первые страницы русской истории в археологическом освещении" (1990, № 3).

В 1971 г. умерли И.И. Ляпушкин – его самый старый ученик и друг, к которому М.И. Артамонов был искренне привязан, и после мучительной болезни жена. Эти смерти потрясли его. Но и в этой тяжкой ситуации он не позволил себе распуститься и весной 1972 г. поехал на очередную археологическую конференцию в Одессу с намерением сделать доклад на скифскую тему и вновь (какой уж раз в жизни!) на время переключиться на средневековье. Он планировал поездку в Дагестан, предлагая мне на следующий год организовать большую экспедицию для стационарных раскопок одного из памятников, которые можно связать с хазарами.

Все кончилось неожиданно. Он умер утром жаркого душного июльского дня, напечатав несколько строк страницы 33 редактируемой им статьи "Первые страницы...". У него всегда было не очень здоровое сердце, и постоянные болезненные удары в

сочетании с внешним спокойствием и сдержанностью М.И. Артамонова надорвали и буквально разорвали его. Смерть была мгновенной.

М.И. Артамонов, как и многие его современники, прошел трудный путь, наполненный смертельными опасностями, оскорбительным произволом и надзором за собой, но всегда оставался честным человеком, большим ученым, истинным русским интеллигентом. Таким он остался в памяти всех, кто его знал, и хотелось бы, конечно, чтобы нам удалось в своих воспоминаниях оставить след о нем в душах молодого поколения, идущего нам на смену.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Артамонов Михаил Илларионович // БСЭ. 2-е изд. Т. 3. М., 1950.

Артамонов Михаил Илларионович // СИЭ. Т. 1. М., 1961.

Артамонов Михаил Илларионович // БСЭ. 3-е изд. Т. 2. М., 1971.

Артамонов Михайло Іларіонович // Радяньска энциклопедія історіі Украіни. Т. 1. Київ, 1969.

Артамонов Михаил Илларионович (Некролог) // СА. 1973. № 2. С. 322, 323.

Въжарова Ж. Михаил Артамонов (Некролог) // Археология. 1972. Год. XIV. Кн. 4. С. 78–80.

Клейн Л.С. К семидесятилетию М.И. Артамонова // СА. 1968. № 4. С. 151–156.

Клейн Л.С. Из поколения зачинателей. Памяти М.И. Артамонова // Ленинградский университет. 1972. 20 сентября. С. 3.

Клейн Л.С., Шилов В.П. Выдающийся исследователь скифской культуры (к 70-летию проф. М.И. Артамонова) // ВДИ. 1968. № 4. С. 190, 191.

Милчев А. Михаил Илларионович Артамонов // Музеи и памятници на културата. 1973. Кн. 3. С. 76, 77.

Михаил Илларионович Артамонов (Некролог) // ВИ. 1972. № 10. С. 219.

Научная деятельность М.И. Артамонова. Список печатных работ М.И. Артамонова / Сост. Г.Ф. Корзухина, Л.С. Клейн // Исследования по археологии СССР. Сб. статей в честь профессора М.И. Артамонова. Л., 1961. С. 5–11.

Пиотровский Б.Б. Страницы моей жизни. СПб., 1995.

Пиотровский Б.Б., Мавродин В.В., Столяр А.Д. Михаил Илларионович Артамонов (1898–1972 гг.). Список печатных трудов М.И. Артамонова / Сост. Л.М. Всевиов, Р.Ш. Левина // Проблемы археологии. 1978. Вып. 2.

Пиотровский Б.Б., Смирнова Г.И., Доманский Я.В. М.И. Артамонов. 1898–1972 // СГЭ. 1973. № 37. С. 112, 113.

Плетнева С.А. Михаил Илларионович Артамонов. Предисловие; Основные даты жизни и деятельности М.И. Артамонова; Список учеников М.И. Артамонова; Вспоминая М.И. Артамонова // МАИЭТ. Сборник памяти М.И. Артамонова. VI. Симферополь, 1998.

Список печатных работ М.И. Артамонова; Литература о М.И. Артамонове / Сост. Л.М. Всевиовым и Р.Ш. Левиной и дополнены С.А. Плетневой // МАИЭТ. Сборник памяти М.И. Артамонова. VI. Симферополь, 1998.

Столяр А.Д. Воспоминания об учителе // МАИЭТ. Сборник памяти М.И. Артамонова. VI. Симферополь, 1998.

Artamonov Michail Illarionivic // Enzyklopädisches Handbuch zur Ur- und Frühgeschichte Europas (Hrsg. von Jan Filip). Bd. 1. Prag, 1966. S. 51. 52.

Tichanova M.A. Pamieci Michaila Illarionowicza Artamonova // Acta Archaeol. Carpathica, 1974. T. 14. S. 172–176.

Институт археологии РАН,
Москва

Критика и библиография

Н.А. МАКАРОВ. КОЛОНИЗАЦИЯ СЕВЕРНЫХ ОКРАИН ДРЕВНЕЙ РУСИ В XI–XIII вв. По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М.: Скрипторий, 1997. 368 с.

Книга является результатом многолетних полевых и кабинетных исследований автора. В ней практически учтены все имеющиеся по данной проблеме материалы, значительная часть которых была добыта Н.А. Макаровым в процессе раскопок. Помимо пяти глав, введения и заключения книга включает Приложение 1 «Археологические памятники эпохи средневековья в районе Мошинского волока. Каталог» и Приложение 2 «Могильник Нефедьево. Описание погребений, исследованных в 1986–89 гг.». Кроме того, имеются библиография, список архивных материалов, указатели географических названий и археологических памятников и резюме на английском языке. Особо надо отметить, что книга хорошо иллюстрирована: помимо карт и чертежей в тексте она включает 156 таблиц иллюстраций, которые в полной мере знакомят читателя с материалом.

Глава I посвящена анализу историографии, источников и постановке проблемы. Автор подробно и кратко излагает историю изучения процесса колонизации Севера на основании письменных источников, языкознания и антропологического изучения современного населения и критически оценивает концепции своих предшественников. Далее он кратко характеризует процесс накопления и осмысления археологического материала от первых находок до сегодняшнего дня. В заключение автор формулирует три основных направления исследований: 1) маршрутные разведки в различных районах Севера, целью которых является обнаружение средневековых памятников; 2) детальные разведки и рекогносцировочные раскопки памятников в районе шести волоков в Белозерье и Поонежье, главной целью которых является реконструкция заселения этих территорий; 3) подробное исследование Нефедьевского могильника на волоке Славенском, в котором содержится богатейший археологический, антропологический и палеоботанический материал.

Глава II «География древнерусской колонизации на Севере» начинается с анализа письменных источников. Автор пытается определить, какая зона в X–XIII вв. была объектом русской колонизации, и отделить ее от земель, составляющих древнее ядро Новгородской и Ростово-Суздальской территории, а также установить границу, за которую в то время русское влияние еще не распространялось. Огромная сложность этой задачи связана, с одной стороны, с недостатком информации о северных территориях в письменных источниках, с другой – со сложностью сопоставления топонимов того времени с более поздними названиями и нанесения их на современные карты. Критически проанализировав письменные источники, включая берестяные грамоты и концепции исследователей, изучавших их, автор делает вывод о широком влиянии Новгорода и Ростово-Суздальской Руси на Севере (карта 4).

Естественно, основные выводы автор сделал на основании анализа археологического материала, для чего он рассматривает погребальные памятники, поселения, а также группы находок: керамику, топоры, монеты, бусы, стеклянные браслеты, замки и ключи, украшения. Это позволило Н.А. Макарову сделать вывод, что начиная с конца X–XI в. в отдаленные районы Севера начинают проникать вещи типов, характерных для центральной части Восточной Европы и Прибалтики. При этом нельзя не отметить, что основная часть находок обнаружена в долинах больших рек и тяготеет к важнейшим водно-волоковым магистралям, по которым эти вещи распространялись на север. По мнению автора, система опорных пунктов, необходимых для контроля над территорией и организации торговли, сформировалась относительно рано, в XII–XIII вв., а колониальный процесс «меньше всего напоминал постепенное перемещение условного фронта древнерусской культуры все далее на северо-восток». По

© К.А. Смирнов, 1998 г.

мнению автора, мы сталкиваемся скорее с почти одновременным формированием на огромных пространствах географического каркаса той территориально-политической системы, которая обеспечивала контроль над осваиваемыми землями, их культурную и экономическую интеграцию с центральными районами Руси (с. 47).

Все рассмотренные материалы автором картографированы, и это делает его выводы весьма убедительными. Вместе с тем нельзя не высказать некоторых соображений. В разделе, посвященном погребальным памятникам (с. 27, карты 6 и 7), автор отмечает, что в некоторых районах они единичны, хотя их поиски велись весьма активно. В качестве возможного объяснения автор высказывает две версии: могильники разрушены более поздними и современными кладбищами; участки берегов, где они находились, разрушены рекой. Конечно, это верно и в значительной мере малое количество некрополей связано с этим. Однако нельзя не учитывать и того, что аборигенное население могло придерживаться погребальных обрядов, которые пока археологическими методами неуловимы. Малочисленных пришельцев в ряде случаев могли хоронить по этому обряду. Неслучайно малое количество могильников наблюдается в наиболее глухих районах.

Глава III «Волоки: становление системы коммуникаций на Севере» посвящена анализу археологических раскопок и письменных источников, связанных с конкретными объектами. Автор четко сформулировал три основные проблемы, к решению которых он стремится: 1) характеристика волоков в археологическом отношении и определение комплекса памятников, которые соответствуют этому понятию; 2) определение динамики использования водно-волоколовых путей по археологическим данным; 3) характеристика культуры населения, продвигающегося по водным путям.

Археологическое изучение волоков, естественно, предполагает проведение разведок на водораздельных участках Севера и в ряде мест раскопки. Однако огромные размеры территории, ее слабая изученность и труднодоступность большинства водоразделов делают решение такой задачи проблематичным. Поэтому автор наметил для исследования шесть волоков. Три из них – Славенский, Ухтомский и Бадожский – находятся в Белозерье и три – Кенский, Емецкий и Мошинский – в Поонежье. Выбор этих объектов был обусловлен тем, что они находились на главных путях колонизационного движения русских переселенцев, которое началось относительно рано. Нельзя не отметить интересный вывод автора, что оптимальное место для волоков это не истоки рек, а места, где излучина одной реки близко подходит к другой, а перешеек между ними достаточно ровный (с. 48). Далее автор рассматривает материалы, связанные с Ухтомским волоком. Помимо данных письменных источников он анализирует и этнографические материалы. Автором была осмотрена дорога, по которой, согласно рассказам стариков, на катках катали лодки из одного озера в другое. Надо отметить, что она была проложена по ровным сухим участкам без крутых подъемов и спусков, что облегчало транспортировку лодок.

Однако основными источниками для изучения волока являются археологические памятники, в число которых входят пять селищ и один могильник неопределенного времени. По мнению автора, многолетняя вспашка не сильно разрушила археологические памятники и их количество отражает ситуацию эпохи средневековья. Два наиболее крупных селища с насыщенным находками культурным слоем были обнаружены у д. Волок. Одно селище, судя по находкам, возникло в конце XI–XII в. и существовало до середины XIII в. Второе селище возникло несколько раньше – не позднее рубежа X–XI вв. При раскопках были найдены зерна ржи, ячменя и пшеницы. По мнению автора, они позволяют судить о земледелии обитателей волока. По-видимому, оба селища представляли собой стабильные поселения, жители которых помимо обслуживания волока занимались земледелием, скотоводством, охотой и рыбной ловлей (с. 55). В заключение, анализируя материалы, связанные с Ухтомским волоком, автор с недоумением отмечает, что, несмотря на стабильное обитание этого района и использование волока вплоть до конца XVI в., поселение на волоковой дороге, являвшееся одним из старейших в округе, не стало ни волостным центром, ни торговым посадом (с. 57).

Другой объект исследования – памятники, связанные со Славенским волоком, расположенным на пути из Белозерья к Кубенскому озеру и далее к Вологде и верховьям Сухоны. Успешному изучению волока способствовали документы их архива Кирилло-Белозерского монастыря, который владел в этом районе обширными землями. Анализ материалов автор начинает с рассмотрения письменных источников. Жители деревень, расположенных вдоль волока, после 1825 г. стали обслуживать Северодвинскую речную систему, что, по мнению автора, почти полностью оборвало этнографическую традицию, связанную с волоком (с. 61). Однако, по моему мнению, отсутствие этнографических материалов вполне компенсируется большим количеством письменных источников, из которых автор извлек максимум информации.

После анализа письменных источников Н.А. Макаров переходит к рассмотрению археологических памятников, связанных со Славенским волоком. В их число входят как поселения, так и могильники. Было открыто четыре могильника, в том числе Нефедьево, исследованный автором почти полностью и подробно описанный ниже. Благодаря интенсивным целенаправленным разведкам были получены материалы для составления подробной археологической карты Волокославской волости. По мнению автора, ценность этого района в археологическом отношении обусловлена тем, что средневековая сеть расселения здесь может быть восстановлена гораздо полнее и достовернее, чем в других районах Севера, в силу того что она не пострадала от создания водохранилищ и здесь нет крупных рек, которые при паводках смывают культурный слой. Очень важно, что могильники имеют хорошую сохранность. Они сравнительно мало повреждены хозяйственной деятельностью и ранее не раскапывались.

Материалы X–XIII вв. найдены на 26 памятка́х, в их числе 5 могильников и 21 поселение. Могильники расположены на коренных берегах рек и озер на возвышенных участках. Селища расположены на берегах наиболее крупных рек и озер, как правило, при впадении небольшой реки или ручья. Интересно отметить, что часть селищ располагается гнездами (с. 70). Однако пока трудно ответить на вопрос, существовали ли они одновременно или последовательно.

Особый раздел работы посвящен описанию Бадожского волока, который, соединяя реки Вытегру и Ковшу, обеспечивал сообщение между Онежским и Белым озерами (с. 72). Ландшафт в этом месте сильно изменен при строительстве Мариинской водной системы и позднее при прокладке Волго-Балтийской системы. Поэтому полевые исследования в данном случае не дают таких результатов, как при исследовании других волоков. Остается неясным время прокладки древнейшего пути между двумя водоемами.

Мошинский волок (с. 74) соединял речную систему Онеги с системой Ваги и, как отмечает автор, открывал путь новгородцам в Важскую землю и на Северную Двину. Этот волок известен по письменным источникам с XII в. Как отмечает автор, в этом районе сохранилась богатейшая этнографическая традиция. Она неоднократно отмечалась исследователями Севера, и многое наблюдал сам автор во время полевых исследований в 1980-х –1990-х годах. По моему мнению, наибольший интерес из приведенных автором фактов представляют сообщения о принесении в жертву животных, о существовании «чуди», которая якобы жила в шалашах. Вероятно, эти сведения несут информацию о дославянском населении и важны при изучении формирования русского населения этого региона. Нельзя не отметить, что собранные предания и рассказы не позволяют точно локализовать место волока.

Как было установлено при полевых исследованиях, в изучаемом районе встречаются памятники всех эпох начиная с неолита. Основная их часть расположена не на реках, а на берегах озер. Средневековые памятники включают как селища, так и могильники. Многие памятники содержат материал разных эпох, и в ряде случаев слой поселения прорезан могилами эпохи средневековья. Нельзя не отметить, что на поселении Палкино, слой которого содержит материал разных эпох вместе с фрагментами сетчатой керамики, был найден обломок бронзового кельта акозинско-миларского типа (с. 80). Четыре средневековых селища, открытых в районе волока, расположены на берегу Мошинского озера и по количеству находок, включая ювелирные изделия, должны быть датированы второй половиной XII–XIII в. Помимо поселений имеются могильники. Погребения бескурганные, неглубокие. Подавляющая часть погребений ориентирована на запад, однако наряду с ними есть захоронения, ориентированные в направлении север – юг (с. 81). В Мошинском могильнике имеется одна кремация. Касаясь культурной принадлежности изученных памятников, автор отмечает, что они характеризуются смешением древнерусских и финских элементов.

Емецкий волок позволял проникнуть с Онеги на р. Емца, левый приток Северной Двины, и далее в Двину. По мнению автора, о проникновении новгородцев на Емцу в XII в. свидетельствует упоминание погоста в ее устье. Однако сведения письменных источников о волоке относятся только к XVII в. В районе предполагаемого волока обнаружены два средневековых селища. На одном из них слой прорезан более поздним могильником XVII–XVIII вв.

Кенский волок между Кенозером и Водлозером, по свидетельству многих историков, был важнейшим перевалочным пунктом на пути из Новгорода в Поморье. Письменные источники упоминают волок только с XVI в., однако в этом свидетельстве сообщается, что им уже не пользуются. Интересно отметить, что на трассе волока известны только средневековые селища, относящиеся к XIII–XIV вв. Археологических свидетельств более раннего использования волока, по мнению автора, нет. Однако трудно предположить, чтобы волок был проложен только в XIII в., против чего свидетельствуют общие сведения о продвижении новгородцев на север в XII–XIII вв.

Далее автор кратко рассматривает сведения о других волоках: Кемско-Ухоцком, Вохтомско-

Вельском, Вожегско-Кубенском (с. 97), волоках Шекснинско-Сухонского водораздела, волоках Волжско-Сухонского водораздела (с. 98), волоках Сухонско-Важского водораздела, волоках Северодвинского бассейна (с. 99) и Пезско-Цилемский волок.

Особый раздел автор посвятил описанию речных судов, которое он делает на основании ряда косвенных свидетельств, так как остатки судов найдены не были (с. 101). Материалом для реконструкции судов являются детали кораблей, найденные при раскопках в древнерусских городах, свидетельства письменных источников и анализ географической среды: на многих участках рек могли пройти по воде только небольшие лодки. Протяженность сухого пути также ограничивала размеры кораблей.

Подводя итоги изложенному, Н.А. Макаров дает определение средневековому волоку: это дорога через водораздел и связанные с ней поселения. Колонизация данных участков была связана со становлением общей системы путей, соединяющих Север с древнерусской метрополией. В XI–XIII вв. на водоразделах больших рек существовало лишь несколько волоколовых переходов, регулярно использовавшихся. Наряду с этим на водоразделах существовали участки, удобные для устройства волоков, но они не были освоены. Концентрация на волоках памятников разных эпох заставляет сделать вывод, что пути через водоразделы были проложены в глубокой древности и их направления в течение тысячелетий мало менялись. Появление на волоках поселений в X–XI вв. и увеличение их числа в XII–XIII вв. свидетельствуют об интенсивном использовании путей.

Глава IV называется «Материалы могильника Нефедьево как источник для изучения колонизации». Нефедьевский могильник был выбран по следующим причинам: он крупный и функционировал длительное время, почвенные условия способствовали хорошей сохранности костяков, могильник богат находками. При раскопках было найдено 113 погребений эпохи средневековья и 6 погребений эпохи мезолита (с. 106).

Подробно описано все связанное с погребальным обрядом: форма и глубина могильной ямы, наличие остатков гроба, положение костяка, взаимное положение могил. Автор специально отмечает, что многие могилы расположены близко одна от другой, но нет случаев взаимного нарушения. Сделано интересное наблюдение: в мужских и женских погребениях погребальный инвентарь различный, причем в мужских погребениях он богаче (с. 114).

Подводя итоги, автор делает закономерный вывод, что погребальный обряд Нефедьева сформировался в результате взаимовлияния финно-угорской и славянской традиций и эволюционировал в том же направлении, что и обряд других средневековых памятников Северной Руси. Погребальный обряд Нефедьева достаточно однообразен, что, несомненно, свидетельствует о том, что население, оставившее могильник, имело четкие, устоявшиеся представления о погребальном ритуале.

Все находки из могильника подробно описаны и классифицированы.

Датирование памятника автор производил, используя, с одной стороны, современные методы естественных наук (радиоуглеродное датирование), с другой – используя традиционный метод определения времени по вещам, имеющим короткий период бытования. Данные совпали. Удалось выделить пять хронологических этапов: первый – первая половина XI в.; второй – вторая половина XI – первая четверть XII в.; третий этап – первая половина – середина XII в.; четвертый этап – середина, вторая половина XII в.; пятый этап – рубеж XII–XIII вв., самое начало XIII в. Таким образом, автору удалось получить очень дробную хронологию. Вещевые и радиоуглеродные даты оказались близкими. По мнению автора, основной период функционирования могильника продолжался не менее 150 лет и не превышал 200 лет (с. 129).

В главе V «Колонизация Нефедьевского микрорегиона» рассмотрены вопросы палеодемографии региона. По мнению автора, совокупность погребений в могильнике может рассматриваться как палеопопуляция, а сам могильник – как некрополь стабильного населения с постоянными обитателями. Общая численность коллектива, оставившего могильник, определяется в пределах 17–36 чел., наиболее вероятная численность – 19–33 чел. (с. 131). Более достоверными автор считает размеры коллектива, равные 25–40 чел. (с. 132). По мнению автора, за 150–200 лет численность популяции, оставившей могильник, увеличилась в 3 раза (с. 132). Анализ погребального инвентаря позволяет предположить, что основная часть захороненных была в родстве друг с другом. Вместе с тем среди мужских погребений есть, по-видимому, не связанные родственными отношениями с основной массой населения. Как правило, в мужских погребениях были орудия труда и охотничье оружие. Во всех женских погребениях были украшения. Большой интерес представляют восемь парных погребений, содержащих мужской и женский костяки. По мнению Н.А. Макарова, это погребения семейных пар, в которых положение супругов было примерно равным.

Касаясь благосостояния населения, оставившего могильник автор приходит к выводу, что он относится к числу наиболее богатых сельских некрополей XI–XII вв. Северной Руси (с. 146).

Касаясь религиозных воззрений населения, оставившего могильник (раздел «Христиане или язычники»), автор приходит к выводу, что население этого микрорегиона приняло христианство на рубеже XI–XII вв. и при этом сохранило многие языческие элементы, к которым он относит помещение в могилы орудий труда, сосудов с пищей и собак, а также юго- или северо-восточную ориентировку. К элементам христианства он относит помещенные в погребениях кресты и иконки.

В разделе «Нефедьево и колонизация Волокославенского региона» (с. 155) сделана попытка определить исходный район, из которого начались колонизация и процесс формирования Волокославенской волости, а также особенности хозяйства переселенцев. Нельзя не отметить, что при этом использованы данные палеоботаники и антропологии. Н.А. Макаров приходит к обоснованному выводу, что переселенцы остались в привычной им географической среде. Однако эти участки территории подвергались меньшему воздействию человека, что обусловило некоторые особенности экономики. Судя по ряду данных, повысилась роль охоты на пушного зверя, хотя наряду с этим земледелие продолжало играть важную роль.

В заключение автор коснулся некоторых общих проблем освоения севера Восточной Европы в X–XIII вв. По его мнению, процессы, протекавшие на русском Севере, сопоставимы с процессами, которые происходили в раннем средневековье на западе и севере Европы. Они были обусловлены ростом населения, стремившимся расширить сельскохозяйственные угодья и получить дополнительные ресурсы. Вместе с тем географическая среда и особенности размещения населения, хозяйства и социальная организация придали этим процессам на северо-востоке Европы определенное разнообразие.

Избыточное сельское население из Новгородской и Ростово-Суздальской земель двигалось на свободные земли на севере. Находки зерен ржи, пшеницы и ячменя, а также палинологические анализы позволяют сделать вывод, что земледелие было важной составной частью хозяйства переселенцев на новых землях. Вместе с тем важным стимулом колонизации были возможности пушного промысла.

В работу включено Приложение 1 «Археологические памятники эпохи средневековья в районе Мошинского волока. Каталог» и Приложение 2 «Могильник Нефедьево. Описание погребений, исследованных в 1986–89 гг.», список литературы по проблеме и указатель географических названий.

Подводя итоги сказанному, надо отметить, что в рассмотренной работе Н.А. Макаровым проанализирован и обобщен огромный материал, что позволило ему сделать интересные исторические выводы.

По моему мнению, следует особо подчеркнуть, что помимо анализа археологических материалов и письменных источников автор широко использует данные естественных наук: антропологии, палеоботаники, палинологии, карпологии, металлографического и радиокарбонного анализа. Книга, несомненно, займет видное место среди трудов по истории и археологии Древней Руси.

Институт археологии РАН,
Москва

К.А. Смирнов

Л.А. БЕЛЯЕВ. РУССКОЕ СРЕДНЕВЕКОВОЕ НАДГРОБИЕ: БЕЛОКАМЕННЫЕ ПЛИТЫ МОСКВЫ И СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ XIII–XVII вв. М.: МОДУС – ГРАФФИТИ, 1996. 567 с., илл., рез. на англ. яз.

Капитальный труд известного московского археолога, доктора исторических наук Л.А. Беляева является плодом многолетних исследований особого вида отечественных древностей – белокаменных надгробных плит. Намогильные памятники данного типа, сначала анэпиграфные, а затем с надписями, получили с XV в. широкое распространение на северо-востоке Руси и особенно в Москве. По мере того как раздвигались границы Московского

© А.А. Молчанов, 1998 г.

государства, расширялись территориально и зона бытования белокаменных надгробий. В XVI–XVII вв. они бытуют уже в Новгороде, Смоленске, Брянске и даже в Сибири – вплоть до Нерчинска.

Рецензируемая работа состоит из монографического исследования и ряда приложений, включая дополнительные экскурсы-штудии и каталог, в который вошли надгробные плиты, найденные в ходе археологических и архитектурно-реставрационных работ 1970-х – 1980-х годов, главным образом на территории Москвы. Весь же привлеченный автором материал, также происходящий преимущественно из московских и подмосковных монастырских некрополей, достигает внушительного объема – около 800 артефактов, охватывая длительный временной отрезок – с конца XIII до конца XVII в. Это в три с лишним раза больше того количества надгробий, которое было опубликовано В.Б. Гиршбергом в его известном своде эпиграфических памятников Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв. (Гиршберг В.Б., 1960, с. 3–77; 1962, с. 212–287).

Основная масса наличного материала относится к XVI–XVII вв. От трех предшествующих столетий дошло не более четырех десятков надгробий. Но и эти не слишком многочисленные памятники позволяют, по мнению Л.А. Беляева, проследить общую типологию и начальные этапы становления форм намогильных плит в средневековой Руси. Сам этот вид надгробного памятника на нашей территории входит в употребление где-то в середине XIII в. До конца XIV в. плиты имеют очень небольшую толщину. Их прямоугольные очертания поначалу были строго симметричны, а декор, выполняемый в технике трехгранно-выемчатой резьбы, прост и незатейлив.

На протяжении всего XV в. Москве и близлежащих землях господствует уже трапециевидная форма, которая наравне с украшающими поверхность камня орнаментальными композициями устойчиво ассоциируется с очертаниями фигуры человека. Появление тенденции к антропоморфности в декоративной схеме оформления верхней (т.е. лицевой) стороны надгробия Л.А. Беляев склонен объяснять в определенной мере влиянием плит так называемого «тверского типа» с рельефным изображением посоха (или «тау-креста»), бытовавших на Верхней Волге и на севере Руси (отдельные находки в Ферапонтове монастыре и Белоозере), по предположению исследователя, едва ли не с рубежа XIII–XIV вв.

На третьем этапе эволюции, в конце XV – второй трети XVI в., белокаменные надгробия, ставшие заметно массивнее за счет их утолщения, снабжаются надписями. Несущие основную смысловую нагрузку, зачастую каллиграфически выполненные, эпитафии отодвигают на второй план прежде семантически наиболее насыщенные орнаментальные композиции.

В последней трети XVI – первой половине XVII в. с резким увеличением высоты боковых граней надгробия приобретают явственную трехмерность и монументальность. Меняются мотивы, художественно-стилистические тенденции и технические приемы в орнаментации. Тогда же возникает и входит в обиход еще один тип надгробного памятника – настенные памятные доски (кое-где керамические).

Завершающий, пятый этап в развитии русского средневекового надгробия приходится на последнюю треть XVII в. В весьма стесненных условиях переполненных захоронениями старых городских некрополей надгробные памятники превращаются в высокие саркофагообразные параллелепипеды. Надписи теперь делаются на боковых или даже торцовых гранях, туда же перемещаются декоративные детали и символическая атрибутика.

Л.А. Беляев продемонстрировал новый и весьма плодотворный подход к проблеме семантики декоративных композиций на ранних надгробиях. Он подверг справедливой критике утвердившееся в литературе совершенно безосновательное мнение о неких исконно восточнославянских, еще дохристианских прототипах как символических фигур (типа пресловутых «солярных знаков» и т.п.), так и самих простейших элементов орнамента в виде треугольчатых выемок на древнерусских намогильных плитах XIII–XIV вв. На самом же деле техника трехгранно-выемчатой резьбы была распространена во многих странах средневековой Европы и на христианском Востоке как одна из самых удобных и естественных в работе с различными материалами – камнем, костью, деревом.

Чтобы выяснить генезис таких характерных композиций в декоре раннемосковских надгробий, как «ось» (центральная продольная полоса) и «три круга», Л.А. Беляеву пришлось привлечь очень широкий круг памятников западноевропейского, византийского и югославянского происхождения. В конечном итоге ему удалось убедительно обосновать, опираясь на обильный иконографический материал, прежде уже высказывавшееся (скорее в качестве остроумной догадки) мнение (Ермонская В.В. и др., 1978, с. 21, 22) о том, что намогильные плиты появились на Руси в результате трансформации завершений каменных саркофагов (с. 70). Попутно была разгадана и загадка композиций «ось» и «три круга». Как выяснилось, первая из

них воспроизводит на плоскости гребень скатной крышки саркофага (первоначально храмообразного). Вторая же, несомненно, повторяет в стилизованной форме медальоны или венки – ходовые элементы декора, присущие тем же саркофагам начиная с античного времени. Таким образом, ближайшие непосредственные истоки иконографии древнерусских надгробных плит обнаруживаются исключительно в границах христианской ойкумены и в рамках соответствующей художественной традиции.

Уже после того, как плоские надгробия-«доски» полностью и окончательно обособились как новая форма намогильного памятника, стали ощущаться, как полагает Л.А. Беляев, определенные неудобства в их практическом использовании. Например, из-за абсолютной четырехсторонней симметрии плит возможно было затруднительно определять, где находится изголовье. Именно поэтому, думает исследователь, надгробиям со временем (с середины или со второй половины XIV в.) стали сообщать некоторые черты антропоморфности путем придания камням трапециевидной формы и сообразного смещения некоторых элементов орнаментальных композиций (с. 99, 100). Но решить такую несложную проблему, как поиск изголовья в погребении, мог, на наш взгляд, всякий, кто хотя бы элементарно умел ориентироваться по странам света, с помощью очевидных природных примет или глядя на стоящий рядом храм.

Скорее следует думать, что потребность сблизить абрис надгробия с силуэтом тела погребенного под ним человека появилась по какой-то иной, более серьезной причине. Показательно в этом отношении одновременное активное распространение в XIV–XV вв. в Западной Европе, на Балканах и особенно на Руси антропоидных каменных саркофагов, о чем подробно говорит Л.А. Беляев (с. 104–113). И конечно, следует согласиться с итоговым тезисом исследователя, что здесь определяющую роль сыграла общая тенденция эпохи – повышение интереса к внешнему облику человека. Самым ярким проявлением этой тенденции в западноевропейском искусстве стала надгробная портретная скульптура, а на Руси – антропоморфные саркофаги и намогильные плиты.

Рост числа изготовляемых надгробий сопровождался усилением внимания мастеров к вариативности декоративного оформления их изделий внутри общей устоявшейся схемы. Но индивидуальные отличия плит с трудом обеспечивались изменением отдельных деталей в орнаментальных композициях. Чтобы гарантировать абсолютную опознаваемость захоронения, потребовалось снабдить его эпитафией. Самые ранние из таких надписей, имеющие надежную датировку, относятся к 90-м годам XV в.

Сперва нанесение памятного текста на надгробие носило явно вторичный характер. Строки вписывались по возможности в свободные от орнаментики участки поверхности камня по изголовью. Иногда это делалось не слишком умело и аккуратно, но уже очень скоро изготовители плит стали специально оставлять на надгробии место, необходимое для эпитафии. Тщательность исполнения надписей возрастала, и уже в 1520-х – 1530-х годах попадаются мастерски выполненные каллиграфические композиции. В дальнейшем текст становится главным элементом декоративного оформления плиты. От XVI–XVII вв. до нас дошло немало настоящих шедевров лапидарной эпиграфики работы русских резчиков.

В монографии Л.А. Беляева с максимальной достоверностью, на основе проработки различных видов источников выясняется генезис и прослеживается история бытования надгробий на Руси. Этот надежно фундированный и прекрасно иллюстрированный труд закладывает прочную основу для дальнейшего изучения данного вида археологических памятников уже с точки зрения их эпиграфической интерпретации. Автор намечает в дальнейшем продолжать работу в этом направлении, приглашая к сотрудничеству всех заинтересованных специалистов. Планируемый им свод надгробий средневековой Руси мог бы, наконец, на самом современном уровне предоставить в распоряжение исследователей важнейший исторический источник, особенно ценный в просопографическом и генеалогическом аспектах.

Такие его возможности видны даже при беглом знакомстве с включенным в книгу сводным указателем к надписям надгробий XV–XVII вв. А ведь он, по признанию самого Л.А. Беляева, далек от исчерпывающей полноты. В качестве конкретных примеров мы можем привести надгробия, обнаруженные при раскопках Высоцкого монастыря в Серпухове (Колышницын Н.В., Молчанов А.А., 1977, с. 54; 1979, с. 45, 46; 1981, с. 19; Колышницын Н.В. и др., 1979, с. 62). На одном из них помещена следующая эпитафия: «Лета 7156-го (т.е. 1647 г. – *А.М.*) ноября в 1 день на память святых чудотворцев Козмы и Демяна преставися раб божий Дмитрий Федорович Колтовский а во иноцех иносхимник Деонисей». На другом написано: «Лета 7180-го (т.е. 1671 г. – *А.М.*) году декабря в 22 день преставися раба Божия Васильева жена Ивановича Раевскова Евфимия инока схимница Ефросиния». Обе приведенные надписи в сопоставлении со свидетельствами монастырской вкладной книги (Вкладная книга..., 1993, с. 43,

63) дают дополнительную информацию к родословиям двух видных дворянских фамилий – Колтовских и Раевских, оставивших заметный след в отечественной истории. Так что не подлежат сомнению актуальность и перспективность предложенной Л.А. Беляевым программы создания корпуса средневековых русских надгробий и лапидарных надписей.

Институт всеобщей истории РАН,
Москва

А.А. Молчанов

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вкладная книга Серпуховского Высоцкого монастыря, 1993. М.

Гиршберг В.Б., 1960. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв. // Нумизматика и эпиграфика. Т. I. М.

Гиршберг В.Б., 1962. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв. // Нумизматика и эпиграфика. Т. III. М.

Ермонская В.В., Нетунахина Г.Д., Попова Т.Ф., 1978. Русская мемориальная скульптура. М.

Колышницын Н.В., Молчанов А.А., 1977. Раскопки в Серпухове // АО – 1976. М.

Колышницын Н.В., Молчанов А.А., 1979. Раскопки в Высоцком монастыре г. Серпухова 1974 и 1976–1978 гг. // Материалы творческого отчета треста «Мособлстройреставрация». М.

Колышницын Н.В., Молчанов А.А., 1981. Археологические раскопки в Серпухове 1974–1978 гг. // Серпуховскому историко-художественному музею 60 лет. Серпухов.

Колышницын Н.В., Молчанов А.А., Шилов В.В., 1979. Исследования в Серпухове // АО – 1978. М.

Л.В. АЛЕКСЕЕВ, Т.И. МАКАРОВА, Н.П. КУЗЬМИЧ. КРЕСТ – ХРАНИТЕЛЬ ВСЕЯ ВСЕЛЕННЫЯ. Минск, 1996. 128 с.

Книга трех авторов, каждый из которых является высоким профессионалом в своей области знания (о мастере Н.П. Кузьмиче можно добавить – и умения), будет интересна как специалисту (историку-археологу), так и человеку, который впервые подробно знакомится с "жизнью" великой реликвии – драгоценного эмалевого креста, созданного "Лазарем, нареченным Богшей", по наставлению княгини Евфросиньи Полоцкой. В книге всесторонне обрисована древняя и современная история самой реликвии, а также с максимальной полнотой – судьбы двух выдающихся людей XII в.: мастера-ювелира и великой полоцкой игумении.

Начало книги, посвященное жизненному пути Евфросиньи, написано в документально-художественном стиле. Исторические факты обрели под пером Л.В. Алексеева интересную, даже захватывающую форму, не сопряженную тем не менее ни с каким вымыслом. Образ княгини, которая в числе многих своих богоугодных начинаний выносила и мысль о создании креста, ставшего полоцкой святыней, открывает книгу (глава I).

История креста состоит из двух частей: "древнейшей судьбы" (так и назван соответствующий раздел) и более поздних событий, закончившихся, к сожалению, его таинственным исчезновением. Из такого изложения логически вытекает и согласие читателя с желанием воссоздать реликвию. Подробная "биография" святыни является одним из аспектов церковной археологии – дисциплины, которая в 1990-х годах вновь вступает в свои права. Дана характеристика креста как символа христианской религии и охарактеризованы особое звучание и византийское происхождение его шестиконечной формы (глава II).

Скрупулезное описание внешней формы, лицевой и оборотной сторон креста, палеографический, лингвистический, исторический и смысловой анализ надписей – все это в данном случае чисто исследовательские задачи, выполнение которых позволяет более точно представить облик утраченной вещи и ее историю. Фотографии, найденные в 1896 г., также вносят существенные коррективы в представление исследователей, сложившееся на основании цветных иллюстраций 1841 г.

Позднесредневековая и последующая история креста связана с именами русских царей Василия III, Ивана Грозного, городами Смоленском, Минском и Москвой. Поражают собранные в книге факты о сохранении креста во время нашествий Стефана Батория и Наполеона (глава II).

© Н.В. Жилина, 1998 г.

Орнаментика креста анализируется авторами в различных главах.

Характеристика эмалевого убранства подается в контексте всего известного комплекса материала о древнерусском эмальерном деле и его произведениях, среди которых крест Евфросиньи Полоцкой – наиболее яркое явление (глава III).

Отдельная глава посвящена мастеру-эмальеру Лазарю. По мнению Т.И. Макаровой, его руку можно узнать и по другим, неподписанным изделиям из перегородчатой эмали. Он был главой художественного направления в эмальерном деле, это направление связывало Полоцк и Киев, было отлично от новгородского круга. Подробно характеризуются приемы, которыми владел Лазарь Богша, восходящие к византийским истокам, его манера, а также технология изготовления эмалей. К сожалению, мы не располагаем хотя бы минимальными биографическими сведениями о Лазаре. Все, что можно сказать о нем, основывается на сопоставлении фактов эпохи, на изучении диалектных особенностей и стилистики его надписи, анализе имени, а также художественных связей и влияний, которые выявляются при сравнении предполагаемых произведений Лазаря с грузинскими, киевскими и новгородскими произведениями. Из всего этого извлечена та, с трудом нащупывающаяся, но все же конкретная историческая информация, которую мы имеем о мастере (глава IV). Автор считает, что белорус по происхождению, Лазарь продолжительное время работал в Киеве, а учился мастерству, возможно, в Грузии. Это был свободный ремесленник, выполнявший княжеские заказы.

Образ другого мастера – современного преемника Богши Н.П. Кузьмича – присутствует в книге благодаря его авторской главе о практической работе по воссозданию креста (глава V) и "Послесловию от издателя", где опубликована выразительная стенограмма рабочего заседания научно-консультационной группы. Новый мастер – требовательный к себе, искренне верующий и талантливый человек, сочетающий талант с самопожертвенным трудолюбием. Читатель знакомится с технологическими характеристиками уникальной работы по изготовлению эмалей.

Охарактеризованный выше логический замысел книги (все о кресте) и его полноценное воплощение можно считать большой удачей коллектива авторов. Следует также добавить, что каждый раздел книги иллюстрирован как рисунками и фотографиями научного характера, так и художественными заставками.

Книга, несомненно, выиграла бы еще более, если бы в числе иллюстраций были приведены изображения основных аналогий эмалям креста – медальоны из киевского клада 1824 г., а также поручи и саккос митрополита Алексия (с. 48, 62).

Остался неотраженным в книге и металлический декор креста. Судя по фотографии 1896 г., он присутствовал и представлял собой крупную зернь на колечках. Если это так, то мы имеем датированный случай использования данного приема накладной орнаментации (60-е годы XII в.), что позволяет ориентировочно датировать начало эволюционных рядов звездчатых зерненых колтов (наиболее ранние их экземпляры) приблизительно этим временем.

Мы заметили также некоторое противоречие в представлениях авторов книги о Лазаре Богше. В начале книги утверждается, что подобную по значению работу мастер выполнял впервые (с. 30), однако далее высказывается предположение, что столь яркое произведение, как цата из Каменнобродского клада, выполнено в 50–60-е годы этим же мастером (с. 109). Более того, с ним же связывается и диадема с изображением Александра Македонского из Сахновки. Последняя точка зрения правомерна, но представленная аргументация не опровергает и предположения, что Лазарь Богша мог быть и не единственным крупным древнерусским мастером-эмальером.

Нам также представляется, что в книге приведен достаточно убедительный материал (с. 111, 112), для того, чтобы считать вторую часть имени мастера – Богша – не смысловым прозвищем (с. 43) "угодный богу" от слова "Бог", а обычным именем (Богуш, Богша, Богуслав для XII–XIII и XV–XVI в.). Это, вероятно, было имя, данное при рождении: "Нареченному Боъгши". Имя Лазарь могло быть церковным: "Рабу своему Лазарю".

К сожалению, все изображения креста опубликованы без масштаба, что несколько затрудняет их использование в научных целях другими исследователями. Размер креста охарактеризован слишком кратко, указана только длина (с. 40). Можно отметить также и некоторые нежелательные повторы: материал о шестиконечной форме креста лучше было бы сосредоточить в одном разделе (с. 20 и 49). Была бы желательна также отдельная главка об орнаментике креста.

Детали, отмеченные нами, не влияют на общую характеристику книги как чрезвычайно удачной по замыслу и воплощению.

Институт археологии РАН,
Москва

Н.В. Жилина

Н.Л. ЧЛЕНОВА. ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И СКИФЫ. 1. Датировка кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира. М., 1997. 98 с. (+ вкл.)

Проблема происхождения культур "скифского мира" вызывала и вызывает живой интерес в отечественной и зарубежной историографии. Естественно поэтому, что для решения проблемы (или, говоря точнее, для приближения к ее решению) необходимо тщательное изучение памятников, относящихся к переходному от бронзы к железу времени, а также так называемых раннескифских комплексов, открытых и исследованных несколькими поколениями ученых в степных, лесостепных и горно-таежных районах Евразии, от северного Причерноморья на западе до Ордоса на востоке. Естественно также, что проблема эта не может быть решена без фундированного обоснования датировки этих культур, особенно нижнего предела бытования того или иного образования. По существу именно этой проблеме и посвящена рецензируемая книга. По-видимому, это первая часть крупного исследования, посвященная целому блоку проблем "скифо-сибирских" культур, о чем, правда, приходится только догадываться, глядя на заглавие работы, где выделена подзаголовком "1" поставленная в книге проблема. Впрочем, я могу и ошибаться, поскольку о такой стратегической задаче не сказано ни во введении, ни в заключении монографии.

В 70-х годах нашего века выдающимся археологом-сибиреведом проф. М.П. Грязновым был исследован замечательный археологический памятник – курган Аржан, который, несомненно, являлся усыпальницей лица высокого социального ранга культуры раннескифского времени Центральной Азии, вполне вероятно, что правителя или крупного военачальника. Хочу особо подчеркнуть, что памятник был исследован методически безукоризненно, со свойственной М.П. Грязнову тщательностью, поэтому неслучайно, что вышедшая впоследствии монография Михаила Петровича была удостоена Государственной премии, а затем переиздана в Германии (Грязнов М.П., 1980; Grjaznov M.P., 1984).

Открытие этого памятника и предлагаемая М.П. Грязновым с годами все более ранняя его датировка IX–VIII в. до н.э. (Грязнов М.П., 1983, с. 16, 17) привели к тому, что центральноазиатская гипотеза происхождения скифов получила как будто весьма убедительное и значительное количество сторонников, и если сам М.П. Грязнов писал на эту тему весьма осторожно (см., например: Грязнов М.П., 1980, с. 59), то его последователи сегодня говорят на эту тему уже вполне определенно (см., например: Исмагилов Р.Б., 1993, с. 10; Марсадолов Л.С., 1996, с. 62).

Именно по этой причине рецензируемая монография Н.Л. Членовой представляется крайне актуальной и своевременной. Детальная критическая разборка проблем хронологии Аржана необходима еще и потому, что многие молодые исследователи воспринимают его датировку как однозначную, используя материалы Аржана как опорный хронологический комплекс, не утруждая себя процедурой аргументации и доказательства.

Надо сказать, что Н.Л. Членову как исследователя всегда выгодно отличали широта кругозора, великолепное знание источников, стремление как можно более аргументировано, доказывать предлагаемые построения. Все эти сильные стороны в полной мере проявились в рецензируемом сочинении. Н.Л. Членовой самым тщательным образом рассмотрен круг аналогий вещественного комплекса Аржана с памятниками как соседних, так и удаленных территорий. Собственно этой главной целью продиктована структура работы, которая выглядит продуманно и логично.

В рецензируемой монографии в полной мере проявилось методологическое кредо ее автора, заключающееся в скрупулезном исследовании определенных категорий предметов и каждого предмета в отдельности с целью выделения узкодатированных вещей из закрытых комплексов. Обоснование датировки комплекса строится на реалиях, надежно датированных письменными источниками. Прекрасное знание археологических материалов (как опубликованных, так и отчетных), умение работать с вещью (черта, присущая далеко не всем археологам), выгодно отличают исследование Н.Л. Членовой. Пожалуй, в этом отношении с ней могут сравниться немногие – как среди отечественных, так и среди зарубежных специалистов.

Именно такими принципами справедливо руководствовалась Н.Л. Членова, аргументируя датировку кургана Аржан VII–VI вв. до н.э. Принципиально важными в рецензируемой монографии являются разделы, посвященные анализу датировок Аржана естественными методами. К сожалению, в науке (и не только у нас в стране) нередко наблюдается некритичное следование за датировкой, полученной радиоуглеродным методом. Если подобный метод

© В.И. Молодин, 1998 г.

датирования в целом приемлем для плейстоценовых памятников, то для голоценовых комплексов, где погрешность даже в полвека может быть некорректной, подход к этим датировкам должен быть предельно строгим.

Критический анализ, предпринятый Н.Л. Членовой, несомненно, оправдан еще и потому, что даты Аржана, полученные при помощи естественных методов, расходятся. Если Е.И. Захариева дендрохронологическим методом установила дату кургана VII в. до н.э. (Захариева Е.И., 1976, с. 106), то Л.С. Марсадолов этим же методом продатировал Аржан второй-третьей четвертью VII в. до н.э. (Марсадолов Л.С., 1988). В лаборатории ЛОИА получены три даты по C^{14}: 800±50; 850±50 и 820±50 гг. до н.э. (Грязнов М.П., 1980). Затем, после сопоставления дендро- и радиоуглеродных дат группой исследователей получена комплексная дата для Аржана: 820 – 740 гг. до н.э. (Марсадолов Л.С. и др., 1994). Наконец, Л.Д. Сулержицким получены три даты по C^{14}: 690–630 гг. до н.э.: 690–610 гг. до н.э. и 710–630 гг. до н.э. (с. 37 рецензируемой работы). Если же учитывать еще и калибровочные даты, то разброс датировок будет еще бóльшим, а древнейшая отметка уходит в XII в. до н.э. (Марсадолов Л.С. и др., 1994, с. 156, табл. I, разд. 8).

Совершенно очевидно, что приводимые Н.Л. Членовой принципиальные замечания многое проясняют и наглядно демонстрируют, что часть уже вошедших в науку датировок просто неприемлема в силу некорректного подхода при получении образца (с. 5, 6). Отсюда напрашивается вывод о необходимости проведения новых дендрохронологических исследований массива древесины из памятников раннего железного века Тувы и Алтая, для чего в настоящее время сложились весьма благоприятные условия. С одной стороны, это существенный блок информации, полученный в результате новейших раскопок в Южной Сибири. Так, только на плато Укок (юг Горного Алтая) получены десятки лиственничных бревен и несколько погребальных колод пазырыкской культуры, с которых взяты качественные образцы для дендрохронологического анализа. В настоящее время у нас в институте создана специальная дендрохронологическая лаборатория, оснащенная новейшим зарубежным оборудованием. Хочу особо подчеркнуть, что исследования проводятся в тесном контакте со Швейцарской дендрохронологической лабораторией г. Цюриха, а также Институтом леса им. В.Н. Сукачева СО РАН, возглавляемого акад. Е.А. Вагановым. Первые результаты дендрохронологических исследований уже введены в научный оборот (см.: Polosmak N.V., Seifert V., 1996, p. 107).

С другой стороны, постоянно совершенствуется методика получения дат радиоуглеродным методом. В мире существует несколько весьма авторитетных лабораторий, способных получать надежные результаты даже по незначительным по объему пробам.

Поэтому первоочередной задачей после получения "плавающей" дендрохронологической шкалы является ее надежная привязка к абсолютной дате, полученной в высокорейтинговой лаборатории.

Детальное сопоставление предметов аржанского комплекса с памятниками как удаленных от Тувы, так и соседствующих с ней территорий, приведенных в рецензируемой монографии, убедительно свидетельствует, что абсолютные аналогии данным реалиям имеют место прежде всего в материалах тагарской культуры Минусинской котловины и на Горном Алтае (с. 10, 11 и др.) (причем на Алтае в результате исследований последнего десятилетия новосибирскими и барнаульскими археологами накоплены значительные новые источники по раннескифской эпохе) (Тишкин А.А., 1996), отсюда совершенно оправданными выглядят привлекаемые Н.Л. Членовой параллели для его датировки.

Весьма убедительной, на мой взгляд, представляется критика Н.Л. Членовой концепции западных миграций носителями культуры типа Аржана вплоть до Северного Кавказа (Марсадолов Л.С., 1996, с. 61, 62). Справедливости ради следует сказать, что не убеждает меня и предположение Натальи Львовны о том, что наличие сходных типологически предметов на удаленных территориях объясняется тем, что "... это следы походов скифов и родственных им в культурном или даже этническом отношении людей далеко на восток" (с. 39). На мой взгляд, сходство многих категорий предметов, характерных для культур скифского времени юга Евразии, следует объяснять конвергенцией: что касается появления отдельных предметов явно импортного характера, то модель механизма их передачи напоминала скорее "броуновское движение", говоря языком физиков, нежели направленное однозначно с востока на запад или с запада на восток движение.

Чрезвычайно значима и рассматриваемая в заключительном разделе монографии проблема оленных камней и их связи с комплексом Аржана. Этот вопрос важен как с точки зрения возможности датировки комплекса, так и осмысления его семантики.

С открытием и исследованием Н.В. Полосьмак кургана Ак-Алаха-2 на Укоке (Полосьмак Н.В., 1993, с. 21, 22), проблема единства раннескифского погребального комплекса и оленных

камней, входящих в погребальный архитектурный ансамбль, решается однозначно, поэтому попытка датировки комплекса Аржана по рисункам на найденных обломках оленных камней, предпринятая А.А. Ковалевым (1987), а затем уточненная Н.Л. Членовой (1991), представляется вполне оправданной.

Таким образом, главные выводы, которые делает в рецензируемом исследовании Н.Л. Членова о необоснованности датировки Аржана IX в. до н.э. и, как следствие, о несостоятельности центральноазиатской теории происхождения скифов, следует считать правильными. Естественно, что Аржан, как и другие памятники скифского мира, оставило население, входящее в состав культур скифо-сибирского единства. Тем не менее, было бы ошибочным видеть в этом населении самих скифов или же их генетических предков.

Следует сказать несколько слов о нижней датировке Аржана. Точки зрения на нее достаточно вариабельны и не раз претерпевали изменения даже у одних и тех же исследователей (Боковенко Н.А. и др., 1992, с. 151–160). Обоснование датировки памятников типа Аржан VII–VI вв. до н.э., предлагаемое в рецензируемой монографии Н.Л. Членовой, выглядит, как я уже подчеркивал выше, вполне обоснованной. Однако, я бы все-таки расширил этот диапазон до последней трети VIII в. до н.э.

Нельзя игнорировать то обстоятельство, что на конец VIII в. до н.э. указывают отдельные даты Аржана, полученные естественными методами (одна из трех дат Л.Д. Сулержицкого (2620±40 лет до наших дней, т.е. 710–630 г. до н.э. (с. 37), а также дата, полученная в лаборатории Санкт-Петербургского института (2790±80 лет до наших дней, т.е. 720–560 гг. до н.э.) (Зайцева Г.И. и др., 1996, с. 37)).

В заключении хочу еще раз подчеркнуть, что рецензируемая монография Н.Л. Членовой, несомненно, является чрезвычайно важным исследованием, посвященным скифской проблематике. Книга полемична и вызовет широкий отклик научной общественности. В этом ее несомненная привлекательность и достоинство (как и значительной части трудов этого автора), ибо только плодотворные дискуссии и обсуждения способны порождать новые открытия, гипотезы и направления в науке.

Институт археологии и этнографии СО РАН,
Новосибирск *В.И. Молодин*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Боковенко Н.А., Мошкова М.Г., Могильников В.А., 1992. Основные проблемы в изучении памятников древних скотоводов Западной и Южной Сибири и Забайкалья // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.

Грязнов М.П., 1980. Аржан. Л.

Грязнов М.П., 1983. Начальная фаза развития скифо-сибирских культур // Археология Южной Сибири. Кемерово.

Зайцева Г.И., Васильев С.С., Марсадолов Л.С., Семенцов А.А., Дергачев В.А., Лебедева Л.М., 1996. Применение методов математической статистики для корреляции дендрохронологических и радиоуглеродных данных (по материалам Саяно-Алтая) // Радиоуглерод и археология. Вып. 1. СПб.

Захариева Е.И., 1976. Дендрохронологическое исследование кургана Аржан // СА. № 1.

Исмагилов Р.Б., 1993. Ранние скифы и Центральная Азия. Дис. канд. ист. наук в форме научного доклада. СПб.

Ковалев А.А., 1987. О датировке оленного камня из кургана Аржан // Скифо-сибирский мир: искусство и идеология. Новосибирск.

Марсадолов Л.С., 1988. Дендрохронология Больших курганов Саяно-Алтая I тысячелетия до н.э. // АСГЭ. Вып. 29. Л.

Марсадолов Л.С., 1996. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII–VI вв. до н.э. (от истоков до начала 80-х годов XX века). СПб.

Марсадолов Л.С., Зайцева Г.И., Лебедева Г.И., 1994. Корреляция дендрохронологических и радиоуглеродных определений для больших курганов Саяно-Алтая // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб.

Полосьмак Н.В., 1993. Исследование памятников скифского времени на Укоке // Altaica. № 3. Новосибирск.

Тишкин А.А., 1996. Культура населения Центрального и Северо-Западного Алтая в раннескифское время. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул.

Членова Н.Л., 1991. Еще раз о дате оленного камня из Аржана // КСИА. Вып. 204.

Grjaznov M.P., 1984. Der Grosskurgan von Arzan in Tuva, Sudsibirien. München.

Polosmak N.V., Seifert M., 1996. Menschen aus dem Eis Sibiriens // Antike Welt. № 2.

ОБ ИССЛЕДОВАТЕЛЯХ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ СТАРОСЕЛЬЕ В КРЫМУ

(ответ А.А. Формозову)

Недавно в американском журнале "Current Anthropology", было опубликовано письмо А.А. Формозова и ряд комментариев к нему. Речь шла о ситуации, сложившейся вокруг возобновления работ в Староселье. Об этом письме и дискуссии я узнал post factum. Я не знаю, кем формировался состав авторов комментариев. Но тот факт, что я об этом информирован не был – довольно странен, хотя бы потому, что последние 40 лет я проработал в проблематике крымского палеолита. Увидев, опубликованное в журнале "Российская археология" новое открытое письмо А.А. Формозова, я считаю своим долгом, хотя и с опозданием, высказать свое отношение к ситуации и, вместе с тем, ответить на ряд упреков, выдвинутых против меня А.А. Формозовым.

Начну с того, что к раскопкам в Староселье я не имею никакого отношения. Да, действительно, я был одним из руководителей совместной программы по хронологии палеолита Крыма. Но работы в Староселье, на которые дал согласие А.А. Формозов, предполагали зачистку с целью отбора образцов для датировки, а не масштабные раскопки.

Считаю необходимым принести извинения за неэтичное поведение В.П. Чабая. Думаю, что он был обязан не только спросить разрешение на работы в Староселье, но и регулярно информировать А.А. Формозова о ходе работ в 1993–1995 гг. В соблюдении морально-этических норм я, может быть, больше заинтересован, чем А.А. Формозов, так как, если он беспокоится об одном памятнике, то мне в последние годы приходится защищать Заскальненские и Сарыккайские палеолитические стоянки.

Еще до защиты своей кандидатской диссертации "Ранний палеолит Юго-Западного Крыма", когда В.П. Чабай изучал материалы Староселья в Москве, он сообщил мне и сотрудникам Отдела археологии каменного века Института археологии НАН Украины об устной договоренности с А.А. Формозовым относительно исследований на этом памятнике. В.П. Чабай был моим учеником. Это я обратил его в палеолитическую "веру" (его интересовали скифы), и у меня не было никаких оснований ему не доверять, а тем более его проверять.

Я не сделаю никакого открытия, повторив известную всем истину о том, что "власть портит людей". Не явился исключением и В.П. Чабай. Очень быстро сделав карьеру от лаборанта до заведующего отделом Крымского филиала Института археологии НАН Украины, В.П. Чабай, видимо, возомнил себя хозяином всех палеолитических стоянок Крыма. У меня есть тому доказательства, но здесь, чтобы не отклоняться от письма, я не стану вдаваться в подробности, тем более, что их предостаточно.

Остановлюсь только на событиях, связанных, главным образом, со Старосельем. В 1993 г., когда я был в лагере на Кабази, мне передали записку от А.А. Формозова, в которой он просил помочь Ф. Оллсворт-Джонсу взять образцы необожженных костей животных для датировки по методу C^{14} в Оксфордской лаборатории (Англия). Выбрав подходящее время, мы посетили Староселье и Бахчисарайскую стоянку, но на первой образцы не брали, так как плейстоценовая часть разрезов А.А. Формозова была тщательно забутована. Следующий раз я посетил Староселье по приглашению Э.Э. Маркса и В.П. Чабая. Моему взору открылась картина крупномасштабных, для пещерного палеолита, раскопок (20 $м^2$) (Маркс Э.Э. и др., 1994). Она была мало похожа на зачистку для взятия образцов, согласно совместной темы "Хронология и эволюция палеолита Крыма". Об этих работах меня никто не информировал, никто со мной не консультировался, несмотря на то, что по договору, я был одним из руководителей. Такое положение дел меня совершенно не устраивало, поэтому я позднее заявил о своем выходе из программы, на что Э.Э. Маркс ответил, что его не интересуют среднепалеолитические памятники Восточного Крыма.

Однако вернусь к замечаниям, сделанным А.А. Формозовым в мой адрес. В своей первой монографии, посвященной стоянке в Шайтан-Кобе, я критиковал автора письма за ряд недоработок, как во время раскопок в Староселье (стратиграфия), так и при камеральной обработке артефактов. Я и теперь считаю, что с публикацией монографии о Староселье была допущена поспешность. В то время уже был известен типолого-статистический метод Ф. Борда и А.А. Формозову необходимо было воспользоваться им. Это было сделано В.П. Чабаем в диссертации и в своде "Ранний палеолит Крыма", где "достаточно охарактеризованы технико-типологические особенности каменной индустрии Староселья" (Чабай В.П., 1992). За это благодарят, а не считают, как думает исследователь, что ему была устроена

© Ю.Г. Колосов, 1998 г.

проверка (Формозов А.А., 1997, с. 171). Тем не менее, я убежден, что на определенном этапе развития науки о палеолите, работа А.А. Формозова заслуживает позитивной оценки.

В другом месте письма А.А. Формозов пишет, что "в отличие от Ю.Г. Колосова я не делал секрета из своих раскопок" (Формозов А.А., 1997, с. 170). Между тем двумя фразами ниже он сообщает, что я дважды проводил показ коллегам своих раскопок в Заскальной. Так были засекречены мои раскопки или нет?

Об этом судить читателю, а я в связи с выдвинутым обвинением, вынужден информировать тех, кто не знает, о том, что 6–7 сентября 1978 г. в Красной балке на стоянках Заскальная V и VI состоялся советско-французский симпозиум по теме: "Динамика взаимодействия природной среды и доисторического общества", на котором присутствовало около 50 ученых – представителей палеолитоведения, палеогеографии, геологии, палеоботаники, палеозоологии, палеоантропологии и других наук. Добавлю, что "кроме стратиграфии культурных слоев большой интерес вызвала находка остатков костей неандертальского ребенка, обнаруженная накануне приезда делегации во время подготовки планиграфии 3 мустьерского слоя на стоянке Заскальная VI" (Колосов Ю.Г. и др., 1983, с. 18, 19. рис. 4).

Список гостей можно продолжить, но я буду кратким и назову только палеолитоведов бывшего Союза. В разные годы стоянки у скалы Ак-Кая посетили: С.Н. Бибиков, П.И. Борисковский, В.П. Любин, Г.П. Григорьев, О.Н. Бадер, С.В. Смирнов, В.Н. Гладилин, З.А. Абрамова, Е.А. Векилова, А.А. Кротова, Л.В. Кулаковская, Н.О. Бадер, М.Д. Гвоздовер, А.Е. Матюхин, А.А. Щепинский, М.И. Гладких, А.Д. Столяр, В.И. Беляева, Ю.А. Смирнов.

Удивляет необъективность автора письма. Неужели неприязнь ко мне, какая накопилась в груди у А.А. Формозова и вылилась в письме, объясняется тем, что я работал в Институте археологии, коим руководил С.Н. Бибиков, а с последним же, как он пишет, у него не "сложились взаимоотношения" (Формозов А.А., 1997, с. 170)? В связи с этим напомню такой факт: в конце 70-х годов я обратился в дирекцию с предложением подготовить сборник, посвященный выдающемуся событию – 100-летию исследования палеолита в Крыму. В нем приняли участие многие специалисты по антропогену Крыма. Несмотря на мое приглашение (я был ответственным редактором), принять участие в этом престижном сборнике – А.А. Формозов отказался.

Помнит ли А.А. Формозов о том, как во время начала его работ в Крыму я передавал ему подъемный материал из неизвестного ранее предположительно палеолитического местонахождения в одном из гротов на Эски-Кермен? Стоянку ему обнаружить не удалось, но главное здесь не это, а в том, что все крымские сотрудники – те, кого интересовали каменные изделия, старались помочь приезжему специалисту.

Автор письма пишет, что я замалчиваю роль Л.С. Белокрыса и В.Ф. Петруня в открытии памятников палеолита на Кабази и Ак-Кая. Более того "...новые местонахождения в Кабази выявили еще в 1957–59 гг. Л.С. Белокрыс и В.Ф. Петрунь" (Формозов А.А., 1997, с. 169). Но ведь они открыли не стоянки (культурные слои), а зафиксировали местонахождения подъемного материала на склонах горы Кабази, что и отметили на рисунках своей статьи (Петрунь В.Ф., Белокрыс Л.С., 1962). Кстати, следует особо подчеркнуть кардинальную разницу между поиском культурных слоев ориентируясь на подъемный материалу собранный на большой, не имеющей естественных границ, площади и проверкой отложений пещерного памятника на наличие в нем следов обитания человека. Эта разница должна быть понятна всякому специалисту-палеолитоведу, работавшему с такими памятниками. От поверхностных сборов кремневых изделий до выявления стоянок еще очень далеко? Я об этом уже писал в книге "Белая Скала", и А.А. Формозов об этом знает. С помощью указанной публикации В.Ф. Петруня и Л.С. Белокрыса, публикации А.А. Формозова (Формозов А.А., 1954, с. 144–158) и сведений о краткой истории изучения палеолита на горе Кабази (Колосов Ю.Г. и др., 1988), нетрудно разобраться, какова роль каждого исследователя этого района (кстати, А.А. Формозов неверно информирован: в 1985 г. здесь работала экспедиция Ю.Г. Колосова, а не В.П. Чабая, тогдашнего лаборанта).

Напомню также, что в отношении Кабази I А.А. Формозов писал следующее: "Собранная им (А.А. Щепинским. – *Ю.К.*) небольшая коллекция кремневых орудий была осмотрена нами и в том же 1952 г., после чего местонахождение было обследовано совместно с А.А. Щепинским. В сообщении об этом исследовании мы отметили следующее: 1. Это тот же пункт, который был открыт К.С. Мережковским" (Формозов А.А., 1959, с. 144). Кстати, стоянка Кабази II расположена на 23 м ниже по склону и на 60 м западнее Кабази I и отделена от нее довольно глубокой балкой. Я считаю, что за длительное пребывание на Кабази I с 1952 по 1955 гг. А.А. Формозов если бы проводил разведки, обязательно нашел бы Кабази II.

Что касается "замалчивания" роли В.Ф. Петруня "в открытии массива Заскальное", выра-

зившегося в том, что в своде "Ранний палеолит Крыма" приведена лишь одна статья В.Ф. Петруня, а моих "публикаций 23" (среди них и три мои монографии, которые А.А. Формозов относит к публикациям), то совсем неясно: во-первых, почему же заявил об этом сам "пострадавший", во-вторых, я всегда в своих работах и в том же своде ссылался на первооткрывателей, и в дальнейшем, как это будет видно, постараюсь их поддерживать. Скажу еще, что свод "Ранний палеолит Крыма" не является библиографическим указателем, требующим обязательного охвата всех печатных работ исследователей. Кстати, упомянутые 23 мои работы составляют лишь малую часть опубликованных мною работ о палеолите Крыма. Выходит, я в равной мере замалчиваю и свою роль в изучении палеолита Крыма.

Поскольку А.А. Формозовым были затронуты Заскальненские стоянки, чтобы не быть голословным отмечу, что в том же своде на с. 69 сказано, что Заскальную V в 1964 г. открыл В.Ф. Петрунь (?). В этом случае, в знак уважения я отступил от строгого значения слова "открыл", хотя и знал, что в Красной Балке (как и на Кабази) собирался лишь подъемный материал и культурные слои реальных стоянок геологами найдены не были. По этой же причине, в знак уважения, я сохранил название "Заскальненских" за открытыми мною новыми местонахождениями.

Не могу не определить свое отношение к авторскому праву в археологии. Я солидарен с А.П. Деревянко в том, что в первую очередь надо исходить из морально-этических норм. В Крыму авторские права археологи никогда не нарушали, и случай с американо-украинской экспедицией является исключением. Возьмем, например, Волчий Грот. Он вторично исследовался О.Н. Бадером в 1938–1939 гг. Великая Отечественная война прервала эти раскопки. Возобновились они через 30 лет, когда вырос и стал археологом его сын. Это ли не пример уважительного отношения к исследователю?

Меня, как и А.А. Формозова, возмущает сделанное В.П. Чабаем от имени всех украинских археологов заявление о том, что раскоп на Староселье был тщательно законсервирован для того, чтобы скрыть следы фальсификации. Не знаю, в каком состоянии находился тогда В.П. Чабай, но, по-видимому, его явно одолевали черные мысли.

В заключение более подробно остановлюсь на истории исследования мустьерского памятника Староселье.

Я действительно утверждал и утверждаю, что первооткрывателем Староселья являлся Н.П. Кацур. Сразу же отмечу, что вопрос о докладе Н.П. Кацура о Староселье следует снять, ибо этого события я не помню. С ним я был знаком и запомнил его малорослым, худым и застенчивым человеком. Видел его несколько раз, когда жил в Симферополе (1952–1954 гг.) и редкими наездами посещал Бахчисарай. Н.П. Кацур работал лаборантом у старшего научного сотрудника Е.В. Веймарна, возглавлявшего Бахчисарайскую археологическую станцию Крымского филиала АН СССР, размещавшуюся на территории Ханского дворца. Как и Е.В. Веймарн, он был жителем г. Бахчисарая.

В связи с тем, что я не указал, что с Н.П. Кацуром работал в одном учреждении, о чем я якобы не мог знать, что А.А. Формозов ищет новые стоянки, последний спрашивает: "Невольная это ошибка памяти или сознательная дезинформация?". Мой ответ понятен каждому, поскольку никакого отношения мое место работы к открытию не имеет, как и то, что дирекция музея пещерных городов Крыма не сочла нужным передо мною отчитаться.

Думаю, гораздо ближе к истине то обстоятельство, что Н.П. Кацур работал в десяти минутах ходьбы от балки Канлы-дере, в которой находилась стоянка Староселье.

Из письма видно, что А.А. Формозов не отрицает того, что Н.П. Кацур ему говорил об открытии им стоянки. Автора письма только удивляет, что это было в 1953 г. Цитирую: "Н.П. Кацур не говорил мне, что я изучаю стоянку им открытую. Впервые я услышал от него от этом осенью 1953 г., когда в Староселье было найдено погребение, в Бахчисарай приехали ученые из Москвы и Ленинграда, о находке писали в газетах". Зная Н.П. Кацура и его ранимую душу, я предполагаю такое объяснение: вначале Н.П. Кацур терпел. В нем накапливалась горечь обиды и непризнания, а когда популярность пришла к другому, его психика не выдержала и он трагически оборвал свою жизнь.

Думаю, в письме напрасно дважды на одной странице подчеркивается, что "Н.П. Кацур – человек без образования"..., не вел дневников и не имел коллекцию, собранную в пещере" (Формозов А.А., 1997, с. 169). Единственное, что допускает исследователь, это то, что "Н.П. Кацур, житель Бахчисарая, мог бродить по окрестностям, скажем, собирая кизил, и побывать в пещере" (Формозов А.А., 1997, с. 169). Если открыть монографию А.А. Формозова и присланную мне некоторое время назад из США справку Х.И. Крис, то мы обнаружим любопытные сведения, которые противоречат оценке А.А. Формозовым личных качеств и занятий Н.П. Кацура. Вот что в начале своей монографии пишет автор: "В последнее

время стали выявляться в этой системе балок и следы палеолита. На северном склоне балки Осинова Н.П. Кацур нашел в 1952 г. типичный дисковидный нуклеус" (Формозов А.А., 1997, с. 12, рис. 6, *1*), а в справке сказано, что "Н.П. Кацур, по профессии картограф, в течение ряда лет находил (кроме предметов средневековья и поздней бронзы – *Ю.К.*) неопределимые осколки кремня ... вблизи Староселья" (!).

В этой же справке сказано, что А.А. Формозов открыл такие новые местонахождения палеолита, как Алимовский навес, Кабази, Эфендикой, но наиболее значительным открытием была палеолитическая стоянка в Староселье. Но ведь это общеизвестные факты, да и сам А.А. Формозов вновь в своем письме пишет, что в Эфендикое побывал по следам Д.А. Крайнова, в Алимовском навесе – по указанию И.М. Громова, о Кабази I и его первооткрывателе также уже шла речь ранее. Таким образом, можно ли особенно полагаться на достоверность сведений, изложенных в справке Х.И. Крис?

Прочитав этот документ, я вначале предположил, что ее автор, не будучи специалистом в области палеолита, ошибочно приписала А.А. Формозову обнаружение этих месторождений. В своем письме А.А. Формозов пишет следующее: "Уже в 1952 году я нащупал три новых пещерных стоянки" (Формозов А.А., 1997, с. 170). Куда же девались первооткрыватели?

В отношении Староселья и истории его открытия А.А. Формозов пишет: "Назвал бы я и Н.П. Кацура, тем более что в 1952 году особенного значения Староселью не придавал" (Формозов А.А., 1997, с. 169). Однако, на этой же странице письма и в монографии 1958 г. сказано, что в 1952 году он нашел пещеру и начал ее копать, и, в том же 1952 году установил, "что Староселье – интереснейший археологический памятник" (Формозов А.А., 1958, с. 6). Чему же верить?

Автор письма пишет, что "уже в 1952 г. я нащупал три новых пещерных стоянки". По-видимому, "открыта" новая градация в методике разведок пещерных памятников. Если принять ее в качестве эксперимента, и применить по отношению к Староселью, то можно было бы сказать следующее: Н.П. Кацур открыл местонахождение Староселье, а А.А. Формозов сначала, по выражению Х.И. Крис, "наиболее полную" стоянку нащупал, а затем исследовал. Археологи были бы одинаково благодарны и тому, кто открыл Староселье, и тому, кто его нащупал, а затем исследовал.

В заключение скажу, что не совсем понятны способы защиты со стороны А.А. Формозова. Следует опасаться не таких, как Н.П. Кацур, а тех, кто, по словам А.А. Формозова, угрожает "раз и навсегда перечеркнуть его научную репутацию" (Формозов А.А., 1997, с. 173).

Надеюсь, что на этом в ближайшем будущем закончатся обоюдные обвинения в виде вопросов и ответов, принявших далеко не научный характер, не способствующих приближению к познанию истины в палеолитоведении.

Институт археологии НАН Украины, *Ю.Г.Колосов*
Киев

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Колосов Ю.Г., Степанчук В.Н., Чабай В.П., 1983. Ранний палеолит Крыма. Киев.

Колосов Ю.Г., Степанчук В.Н., Чабай В.П., 1988. Нові мустьэрські стоянки Південно-Західного Криму // Археологія. № 64.

Маркс Э.Э., Демиденко Ю.Э., Усик В.Л., 1994. Новые раскопки в Староселье в 1993 году // Археологический альманах. № 3. Донецк.

Петрунь В.Ф., Белокрыс Л.С., 1962. Нові знахідки кам"яного доку в Криму // Археологія. Вип. XIX.

Формозов А.А., 1954. Исследования стоянок каменного века в Крыму // КСИИМК. Вып. 54.

Формозов А.А., 1958. Пещерная стоянка Староселье близ Бахчисарая и ее место в палеолите // МИА. № 71.

Формозов А.А., 1959. Пещерная стоянка Староселье близ Бахчисарая и ее место в палеолите // МИА. № 71.

Формозов А.А., 1997. О старых и новых раскопках пещеры Староселье в Крыму (письмо в редакцию) // РА. № 3.

Чабай В.П., 1992. Ранний палеолит Юго-Западного Крыма. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.

ОТ РЕДСОВЕТА И РЕДКОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА "РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ"

(послесловие к дискуссии о стоянке Староселье в Крыму)

В третьем номере нашего журнала за 1997 год были опубликованы статьи Т.И. Алексеевой и А.А. Формозова, связанные с дискуссией о стоянке Староселье в Крыму. Тогда же на совместном заседании редколлегии и редсовета "Российской археологии" было решено дальнейшую публикацию материалов на старосельскую тему прекратить. Однако, уже после принятия такого решения в редакцию поступило письмо Ю.Г. Колосова – человека, имеющего самое непосредственное отношение к проблеме Староселья и крымского палеолита и, к тому же, до сих пор прямо не участвовавшего в полемике. В результате довольно продолжительного и нелегкого обсуждения было решено – письмо Ю.Г. Колосова следует в виде исключения напечатать в нашем журнале, и на этом всякую дальнейшую публикацию материалов по Староселью (от кого бы они не исходили) на страницах "Российской археологии" прекратить.

Письмо Ю.Г. Колосова воспроизводится здесь в том виде, в каком прислал нам его автор – без стилистической правки. И, вполне естественно, что всю ответственность за содержание письма и приводимые в нем факты несет Ю.Г. Колосов.

Вместе с тем, учитывая, что член редсовета журнала – А.А. Формозов обвиняется в этом письме не только в присвоении чужого открытия (речь идет о первооткрывателе пещерной стоянки в Староселье), но и в том, что довел своим поведением до самоубийства Н.П. Кацура, мы решили предоставить нашему коллеге слово для ответа. Ниже следует текст комментария А.А. Формозова.

"Когда я в 1952 году нашел пещеру, то напечатал об этом заметку в бахчисарайской газете. После того, как в 1953 году в пещере было обнаружено погребение, сообщение о находке было опубликовано мной в симферопольской газете. В том же году я докладывал о раскопках Староселья в Симферополе. И никаких протестов против моих прав как первооткрывателя памятника ни разу ни от кого-либо не было. На заседании в Симферополе присутствовала, кстати, участница раскопок в пещере, Т.И. Алексеева. Именно в 1953 году, когда о Староселье стали много говорить в археологических кругах, Н.П. Кацур сказал мне, что знал эту пещеру еще до меня. Доказательств, правда, никаких не привел. Думаю, что он не лукавил. За пять лет раскопок посмотреть их приходило много людей и, по крайней мере, 5–7 из них сообщали мне, что знали эту пещеру и раньше. И действительно, ее трудно было не знать – ведь она находилась на окраине города Бахчисарая. Словам Н.П. Кацура я значения не придал. Возможно, он говорил это и Ю.Г. Колосову. За период с 1953 по 1993 гг. о Староселье писали многие, в том числе и люди, мне явно не симпатизировавшие. Среди них был и С.Н. Бибиков, стремившийся "выжить" меня из Крыма и сам Ю.Г. Колосов. И нигде в печати ни одного слова о Н.П. Кацуре не появлялось.

В.П. Чабай извлек из архивов все жалобы на меня, написанные С.Н. Бибиковым, и издал их в США, но и там о Н.П. Кацуре нет ничего. Почему же о нем вспомнили в 1993 году? Очень просто: именно тогда начались американо-украинские раскопки Староселья без моего уведомления. И именно тогда понадобился хоть какой-то компромат на меня. Со времени начала раскопок Староселья прошло 47 лет, со дня смерти Н.П. Кацура – 44 года. Свидетелей в живых почти нет. Поди проверь! Более того, теперь я оказался не только вором (украл у истинного первооткрывателя Староселья славу), но и убийцей Н.П. Кацура. Н.П. Кацур покончил с собой, повздорив с Е.В. Веймарном, у которого работал лаборантом. Это было в начале 1954 года, когда меня вообще в Бахчисарае не было. По рассказам очевидцев, после каких-то ссор с Веймарном, Н.П. Кацур рано утром пришел на службу и повесился прямо над письменным столом своего начальника, оставив записку. Записку забрал следователь. Его вердикт: покончил с собой в припадке помешательства. Если клевета на меня будет продолжаться, придется искать эту записку в архивах МВД Украины.

В США опубликовано письмо Х.И. Крис (в 1952 году работавшей в Бахчисарайском музее), где она полностью подтверждает то, что я писал в РА.

Ю.Г. Колосов объясняет, почему он считает первооткрывателем стоянок Кабази II–V себя, а не В.Ф. Петруня и Л.С. Белокрыса, нашедших там кремневые орудия и опубликовавших об этом статью. Первооткрыватель, по Ю.Г. Колосову, не тот, кто нашел, а тот, кто произвел раскопки. В отношении Староселья Ю.Г. Колосов применил какой-то совсем другой принцип (*А. Формозов*, 3.06.98 г.)".

Хроника

XIII КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ ИСТОРИИ, ЭКОНОМИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА СКАНДИНАВСКИХ СТРАН И ФИНЛЯНДИИ

(Петрозаводск, 1997)

Очередная конференция по проблемам скандинавистики, в том числе и вопросам этнокультурного взаимоотношения северноевропейских этносов с племенами и народами Восточной Европы с глубокой древности до современности, состоялась в Петрозаводске 10–14 сентября 1997 г. Его организаторами были Институты всеобщей истории и российской истории РАН и Петрозаводский государственный университет. В работе конференции приняли участие свыше 150 исследователей разных специальностей из Москвы, С.-Петербурга, Петрозаводска, Архангельска, Новгорода, Пскова, Твери и других городов России, а также из Финляндии, Швеции, Норвегии, Исландии, Германии и Украины. Основная работа конференции проходила в 11 секциях: трех исторических ("История эпохи средневековья", "История XVII–XIX вв." и "История XX в."), двух лингвистических ("История скандинавских и прибалтийско-финских языков" и "Современные скандинавские и финские языки"), археологии, этнологии, экономики, права, литературоведения и искусствоведения. В настоящей статье рассказывается только об археологических докладах, которые были прочитаны на секции археологии, а также на совместном заседании с секцией истории средних веков.

В докладе *В.В. Седова* (Москва) "Русь и варяги в IX в." речь шла о Русском каганате – полугосударственном образовании славян, сложившемся на пограничье с Хазарией. В 30-х годах IX в. этот каганат стал соперничать с могучим Хазарским государством, которое вынуждено было обратиться за помощью к Византии. В 833 г. император Феофил направил в Хазарию миссию во главе с Петроной Каматиром для строительства пограничных крепостей. Помимо укреплений Саркела, как показывают новейшие данные археологии, на всем протяжении границы между Хазарией (салтовская культура) и территорией расселения славян, представленных волынцевской и роменско-боршевской культурами, византийскими строителями были воздвигнуты новые крепости или существенно укреплены старые. Хазария в этой связи вынуждена была уступить Византии Херсон с окрестными землями Крыма.

Русский каганат IX в. был известен и в Западной Европе, и на Арабском Востоке. "Баварский географ" – источник первой половины или середины IX в. – знает Русь (Ruzzi) по соседству с Хазарией. Ибн-Хордабех (середина IX в.) сообщает, что русы принадлежат к славянам, Ибн-Русте (начало X в., но на основе источников середины IX в.) пишет, что у русов правитель назывался хаканом. Сопоставление данных "Баварского географа" и археологической карты IX в. дает все основания для локализации Руси в ареале волынцевской культуры. Из "Бертинских анналов" известно, что в 838 г. Русский каганат направлял послов в Византию. Желаемых результатов эта миссия, по-видимому, не дала. В ответ русы (в византийских источниках росы) в 840 г. совершили грабительский набег на византийский город Амастриду, откуда вышли мастера – строители фортификаций Хазарии. В 860 г. росы нападают на Константинополь.

О функционировании Русского каганата в Днепровском левобережье и на среднем Дону свидетельствует концентрация в этом регионе кладов куфических монет первого (до 830 г.) и второго (до конца IX в.) периодов обращения диргемов в Восточной Европе, и особенно подражаний куфическим монетам.

Высказываемая рядом исследователей мысль о происхождении этнонима Русь от варягов-руси не находит подтверждения в археологических материалах. Есть все основания полагать, что Русь – одно из крупных праславянских образований, представленное в VIII–IX вв. волынцевской культурой. Выявляемая в результате анализа летописей Русская земля в узком смысле является территорией бывшего Русского каганата и составлявших основу его населения русов.

Начальной истории Ладоги – ключевого памятника по изучению градообразования на Руси и зарождения варяжско-славянских связей – были посвящены три доклада. С.Л. Кузьмин (С.-Петербург) в выступлении "Начальный этап истории Ладоги" попытался охарактеризовать это поселение в моменты своего становления (750–770-е годы). Это было небольшое селение (не более 0,6–0,7 га) на всхолмлении

© В.В. Седов, 1998 г.

при впадении р. Ладожка в Волхов. Оно имело не более десятка "больших домов" с очагами в центре и кузнечно-ювелирную мастерскую. Основано поселение было переселенцами из Скандинавии. Жизнь этой скандинавской колонии обрывается, по мнению С.Л. Кузьмина, около 780 г. в результате миграции на север славян. Следующий ярус застройки Ладоги характеризуется иной домостроительной традицией, а вещевые находки связываются с синхронными древностями лесной зоны Русской равнины.

А.Н. Кирпичников (С.-Петербург), в течение многих лет ведущий стационарные археологические раскопки в Ладоге, рассказал о результатах изысканий 1997 г. и продемонстрировал интереснейшие вещевые находки, дополняющие представление о славяно-варяжских контактах в ранневикингское время.

В докладе "Средневековая Ладога – научный миф или историческая реальность (по данным саг, летописей и археологии)" *Н.И. Милютенко* (С.-Петербург) подвергла критическому анализу ряд положений, высказанных в последнее время отдельными историками и археологами. В частности, была показана необоснованность существования особого "Ладожского ярлства" – буферной зоны между Русью и Скандинавией, о чем писал О.И. Богуславский, и особого политического статуса Ладоги (Д.А. Мачинский). В докладе подчеркивалось, что восстанавливать историю Ладоги VIII – X вв. по скандинавским сагам неправомерно, поскольку они освещают контакты с этим регионом только с конца X в. Критически отнеслась докладчица и к летописным сообщениям о времени княжения Рюрика.

Обзор скандинавских древностей, собранных археологами на восточнославянских землях, был сделан *Т.А. Пушкиной* (Москва) в докладе "Скандинавские находки с территории Древней Руси". Таковых в настоящее время насчитывается более 1200, происходящих из 70 пунктов. Это украшения и амулеты, оружие и предметы быта, орудия труда и инструментарий. Наиболее ранние скандинавские находки происходят из нижних горизонтов культурного слоя Ладоги (VIII–IX вв.). Находки IX–X вв. встречены уже на широкой территории, но концентрируются в Ладоге, на Новгородском (Рюриковом) городище, в Гнездове под Смоленском, Тимереве под Ярославлем, Шестовице и Киеве на среднем Днепре, во владимирских и приладожских курганах. Находки IX в. докладчица связывает в основном с северным отрезком Волхово-Днепровского водного пути, находки X в., кроме пунктов их концентрации, "распылены" по малым речкам. Скандинавских находок XI в. в памятниках Руси сравнительно немного. Номенклатура скандинавских вещевых находок и их топография – важный источник изучения динамики восточноевропейско-скандинавских связей в период становления Древнерусского государства.

В выступлении *М.В. Седовой* (Москва) "Скандинавские древности Суздаля и его округи" получили освещение находки северноевропейского происхождения из археологических раскопок города и окрестных селищ и курганов (Весь, Васильки, Гнездилово, Новоселки, Сельцо). В Суздале открыты усадьбы XI в., содержащие целый ряд скандинавских находок и принадлежавшие, по всей вероятности, варяжским дружинникам Шимона, имя одного из которых зафиксировано на каменной литейной форме. Села, в которых встречены скандинавские находки, возникли в X и на рубеже X–XI вв. и составляют ядро Суздальской земли. Докладчица полагает, что в них проживала скандинавская дружинная верхушка, получившая от князя земельные участки в вотчинное владение.

С.И. Кочкуркина (Петрозаводск) в докладе "Северо-Западное Приладожье и скандинавы" показала, что археологические материалы свидетельствуют и о влиянии североевропейской культуры на культуру местного населения, в частности, на корельское ювелирное ремесло, и о проникновении отдельных небольших групп норманнов в Приладожье. Отдельные изолированные следы скандинавского проникновения фиксируются археологией в VI и X вв., но интенсивность скандинавско-корельско-новгородских отношений приходится на XII–XIV вв. Произведенное С.И. Кочкуркиной сопоставление археологических данных с материалами топонимики показало, что скандинавские географические наименования сравнительно немногочисленны и относятся преимущественно к небольшим поселениям, малым топообъектам и фамилиям. Скандинавы появились в Северо-Западном Приладожье уже тогда, когда этот край был уже обжит прибалтийско-финским населением.

Три доклада были посвящены Гнездовскому археологическому комплексу. В докладе "О времени кургана 47, исследованному у д. Гнездово в 1950 г." *С.С. Ширинский* (Москва) убедительно показал, что ряд вещевых находок из погребения, открытого в этом кургане (сожжение умершего в ладье), имеет аналогии в Среднедунайском регионе среди древностей конца VIII – первой трети IX в. Комплекс неординарных предметов западноевропейского и византийского происхождения, очевидно, составлял личное имущество нерядового викинга. Исследователь допускает, что погребенный в рассматриваемом кургане был на службе хакана Руси и оказался в составе посольской миссии, направленной византийским императором Феофилом к Людовику Благочестивому в 839 г., сведения о которой зафиксированы Бертинскими анналами. Курган 47 в итоге датируется С.С. Ширинским 839 или 840 гг.

В течение многих лет раскопок в Гнездове собрана обширная коллекция различных орудий ремесленного производства, связанных с обработкой металла. Это наковальня, молоточки, клещи, пинцеты, зубила, пробойники, чеканы, напильники, точильные камни, волочила, пуансоны. Обстоятельный анализ этих орудий был сделан *Н.В. Енисовой* в докладе "Ювелирные инструменты из раскопок в Гнездове". Докладчица показала, что аналогии гнездовским находкам известны широко от Ирландии до

Прикамья, но наибольшую близость они обнаруживают к инструментарию Ладоги. Ряд построек, связанных с ювелирным производством, выделяется на Гнездовском селище. Следы ювелирного ремесла фиксируются и на Центральном городище.

Детальный анализ одной из распространенных категорий предметов вооружения сделан в выступлении *С.Ю. Кашнова* (Москва) "Ланцетовидные наконечники стрел из Гнездова". Их в курганах и на поселениях Гнездова найдено 152 единицы, что составляет не менее 40% общего количества типологизированных стрел. Докладчик полагает, что бóльшая часть ланцетовидных наконечников стрел поступала на территорию Руси при посредничестве скандинавов, но вместе с тем несомненно изготовление их по скандинавским образцам и местными мастерами.

Предметом рассмотрения в докладе *В.В. Мурашевой* (Москва) "Ременные накладки скандинавского происхождения из Михайловского могильника (Ярославское Поволжье)" стал набор украшений узды (наконечники в стиле Борре, бантовидные бляшки и ажурные обоймы в стиле Усеберг) из кург. 1. В описание находок вошли анализ орнаментального стиля и технологии изготовления. Время кургана определяется первой половиной X в.

В 1996 г. при исследовании могильника Рапти-Наволок 2 в Лужском р-не Ленинградской обл. в одном из раскопанных курганов открыто камерное трупоположение XI в. Подробная характеристика его была сделана в докладе "Камерное захоронение в могильнике Рапти-Наволок XI в контексте становления древнерусского погребального обряда" *В.Ю. Соболевым* (С.-Петербург). Докладчик показал, что подобные камерные курганы погребения известны еще в семи пунктах Северной Руси (в бассейне Луги и в районе верхней Волги). Если камерные захоронения X в. являются памятниками русско-варяжских дружинников, то курганы XI в. с погребальными камерами следует связывать с формирующейся местной феодальной элитой и княжеской администрацией.

В выступлении *Ю.М. Лесмана* (С.-Петербург) и *О.М. Олейникова* (Тверь), озаглавленном "Квазикамерное погребение в могильнике Струйское на верхней Волге и проблема происхождения древнерусских сидячих погребений", речь шла об одном из совсем недавно открытых захоронений этого типа. Авторы связывают обычай погребать умерших в сидячем положении, как и захоронения в "камерах", со скандинавской традицией. На Руси сидячие погребения первоначально получили распространение в восточной части Новгородчины, а с конца XII в. проникают оттуда в Костромское Поволжье и на Ижорское плато.

Е.Р. Михайлова (С.-Петербург) в докладе "Древности североевропейского круга в псковско-новгородских длинных курганах" рассмотрела находки VI–IX вв., которые свидетельствуют о контактах населения северо-западной части Русской равнины с Северной Европой, получавшем оттуда отдельные изделия из стекла и цветных металлов.

Заключительным был доклад *А.П. Журавлева* (Петрозаводск) «О новой трактовке "Беса" на Онежских петроглифах». Происхождение этого изображения, по мнению докладчика, связано с предполагаемым катастрофическим землетрясением, имевшим место в Пегреме около 4200 лет назад. Жители Пегремы вынуждены были покинуть обжитые земли и на новом месте (восточное побережье Онежского озера) отразили на скале свои представления о катастрофе в виде "Беса" – хозяина злых сил.

Институт археологии РАН,
Москва

В.В. Седов

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ "АРХЕОЛОГИЯ КАВКАЗА: НОВЕЙШИЕ ОТКРЫТИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ"

(Тбилиси, 1997)

В 1970-х годах на территории Грузии были развернуты широкомасштабные новостроечные работы. В связи с этим все усилия грузинских археологов в основном были направлены на спасение археологических памятников в зонах строительства автомобильных и железнодорожных магистралей, гидротехнических сооружений и оросительных систем, жилых массивов и заводов. Эти исследования на новостройках повлекли за собой большие научные археологические открытия (см. сборники: Археологические исследования на новостройках Грузинской ССР. Тбилиси, 1976; 1982).

Для координации археологических исследований на территории Грузии в 1977 г. был основан Центр археологических исследований Института истории, археологии и этнографии им. И.А. Джавахишвили

© В.А. Джорбенадзе, 1998 г.

Академии наук Грузии. С 1991 г. Центр получил статус независимого научно-исследовательского института. За это время разведками и раскопками исследовано свыше 700 разновременных памятников, которые имеют важное значение для составления археологической карты Грузии и для реконструкции демографической ситуации в различные периоды.

В Центре разрабатываются следующие научные направления: первоначальное расселение человека на территории Грузии и Кавказа; экономика и социальная организация первобытного общества; зарождение и развитие производящей экономики; этногенез грузин и этническая атрибутация археологических культур; металлургия бронзы и железа; хронология эпох бронзы и раннего железа; культура, социально-экономические структуры первых грузинских государств (Иберии, Колхиды, Лазики) и их взаимоотношения с цивилизациями Ближнего Востока и Средиземноморья; города, ремесленное производство и торговля средневековья; культурные взаимоотношения с народами Кавказа.

В Центре готовятся многотомник по археологии Грузии, свод археологических памятников, археологический атлас, топографическо-археологические справочники об упоминаемых в древнегрузинских и антично-византийских источниках населенных пунктах, толковый словарь археологической терминологии, многоязычный археологичекий словарь, библиографическо-аналитические справочники. Ведется работа по созданию поисково-информационных систем археологических артефактов. С целью поисков археологических памятников производится дешифрирование аэрофотоснимков. Разносторонние анализы производятся в лаборатории интердисциплинарных исследований.

Экспедиции Центра провели археологические исследования и за пределами республики: на Северном Кавказе – в Дагестане и в Москве – в Донском монастыре.

Центр имеет региональные филиалы в Дманиси, Сигнахи, Кутаиси, Местия и археологические музеи в Тбилиси и Вани. Кроме того, ряд экспедиций располагаются стационарными базами.

Проводятся регулярные еженедельные семинары "Археологические беседы", ежегодные научные сессии об итогах полевых археологических исследований и на тему "Всемирный культурно-исторический процесс и Грузия", периодические международные симпозиумы "Проблемы древней истории и археологии Причерноморья" (в Вани) и "Кавказ в системе культур эпохи ранних металлов Евразии" (в Сигнахи).

Центр сотрудничает (обмен литературой, информацией и специалистами, совместные экспедиции, коллоквиумы и публикации) со странами б. СССР, Европы, США и Канады.

В связи с 20-летием основания Центр археологических исследований Академии наук Грузии провел международную научную сессию "Археология Кавказа: новейшие открытия и перспективы". В работе сессии приняли участие ученые из Тбилиси, Батуми, Москвы, Владикавказа, Махачкалы, Баку, Еревана и Майнца (Германия).

Сессию открыл и с докладом "К двадцатилетию Центра археологических исследований" выступил директор Центра проф. *О.Д. Лордкипанидзе.*

Доклад *Р.М. Мунчаева* (Москва) "Новейшие открытия в Северо-Восточной Сирии в контексте археологии Кавказа (в свете открытий экспедиции ИА РАН в Месопотамии)" был посвящен изучению двух многослойных холмов: Телль Хазна I и Телль Хазна II. На Телль Хазне II при раскопках раннехассунского поселения выявлены образцы расписной посуды, которые позволили отнести этот слой к древнейшей раннеземледельческой культуре Северной Месопотамии. На Телль Хазне I выявлен культовый комплекс конца IV – начала III тыс. до н.э. Планировка и характер оформления вскрытых около 200 помещений позволяют рассматривать их как часть единого культового комплекса. Об этом же свидетельствуют коллекция зооморфной скульптуры и очажные подставки, в том числе типа куро-аракской культуры. Видимо, это было место для отправления различных земледельческих культов.

В докладе *О.Д. Лордкипанидзе* (Тбилиси) "Греческий мир и Кавказ" прослеживаются торгово-экономические связи в VI – первой половине IV в. до н.э. Эти контакты не привели к значительным трансформациям. Воздействие греческой цивилизации выразилось в развитии денежного обращения и в распространении среди местной знати греческой письменности. В целом Колхида сохранила традиционную срубную архитектуру, колхидские формы в керамике и в златокузнечестве. Эти связи заложили основу для включения стран Кавказа в единую мировую торговлю: в эллинистическую эпоху здесь будут проходить мировые пути транзитной торговли с запада на восток и с севера на юг.

Из доклада *А.А. Аббасова, Р.Б. Геюшева* (Баку) "Археологические исследования в Азербайджане" выясняется, что в Азербайджане из-за финансовых затруднений частично были приостановлены археологические раскопки и основное внимание было уделено написанию многотомника "Археология Азербайджана". Ведутся спасательные работы в зонах строительства и в регионах прохождения нефтепроводов. Кроме того, идет паспортизация археологических памятников.

О современном состоянии археологии Армении доложил *А.А. Калантарян* (Ереван).

Грузинские археологи в зоне строительства нефтепровода провели археологические исследования. *В.Г. Садрадзе* (Тбилиси) в информации "Новейшие открытия на строительстве терминала нефтепровода в Супсе" сообщил, что на строительной площадке изучены остатки поселения и могильника VI–IV вв. до н.э., где наряду с местной выявлены обломки импортной керамики. В Гардабанском районе на трассе нефтепро-

вода археологическими разведками выявлено шесть разновременных памятников, о чем сообщил *Г.М. Миндиашвили* (Тбилиси) в докладе "Археологические разведки в Гардабанском районе на трассе нефтепровода".

Одно заседание было посвящено теме "Палеолит Кавказа: первоначальное расселение человека". Уже несколько лет как Центр археологических исследований совместно с Римско-германским центральным музеем г. Майнца на территории средневекового городища Дманиси раскапывает стоянку древнепалеолитического человека. Изучению этого одного из древнейших палеолитических памятников Евразии было посвящено два доклада.

М.Г. Ниорадзе (Тбилиси), *А. Юстус* (Майнц) в докладе "Итоги археологических исследований Дманисского древнепалеолитического памятника" отметили, что над базальтовыми лавами залегают шесть слоев. Из них слои II–V содержат остатки виллафранковой фауны, а также каменные артефакты, среди которых представлены отщепы, зубчато-выемчатые и галечные орудия, чопперы и чопинг-туры и др. В слое V обнаружена нижняя челюсть Homo erectus'a. Изотопный возраст базальтовой лавы получен по калий-аргоновому методу: 1,8 ± 0,1 и 1,9 ± 0,2 млн. лет, что соответствует олдувайскому эпизоду палеомагнитной эпохи Матуяма.

Доклад *Л.К. Габуния, А.К. Векуа, Д.О. Лордкипанидзе* (Тбилиси) "Дманисский ископаемый человек и среда его обитания" был посвящен изучению фауны, флоры и в целом обстановки, определяющих условия для существования ранних гоминид, и в частности дманисского первобытного человека.

М.К. Габуния (Тбилиси) доклад "Стоянка древнекаменного века на Амиранис-гора в Джавахети" посвятила изучению памятника начала раннего плейстоцена, где наряду с разнообразной фауной были обнаружены каменные орудия.

О возобновлении изучения верхнепалеолитического слоя в пещере Дзудзуана сообщил *Т.К. Мешвелиани* (Тбилиси) в докладе "Международная экспедиция в пещере Дзудзуана (Западная Грузия)".

Доклад *М.Р. Абрамишвили* (Тбилиси) "На перекрестке древних культур Евразии (Археологические исследования в Тбилиси и некоторые вопросы археологии Закавказья эпохи энеолита – раннего железа)" был прочитан в выставочном зале Тбилисского археологического музея Центра археологических исследований.

Несколько заседаний было посвящено теме "Преисторическая археология Кавказа".

В докладе "Некоторые принципиальные вопросы развития хозяйственной жизни общества Центрального Закавказья в эпоху энеолита – ранней бронзы" *К.Н. Пицхелаури* (Тбилиси) отметил, что в энеолитическую эпоху поливное земледелие не стало ведущим в хозяйстве, что вызвало упадок шулаверо-шомутепинской культуры. Зато большие перемены произошли в материальной культуре Закавказья с середины IV тыс. до н.э. (куро-аракская культура), когда основным направлением в хозяйстве становятся металлургия и металлообработка.

В докладе *В.Л. Ростунова* (Владикавказ) "О роли географической среды в расселении древних обществ на Центральном Кавказе в эпоху энеолита – начала средней бронзы (к постановке вопроса)" подчеркивается, что для решения многих проблем археологии нужно усилить изучение экосистемы, которое имеет важное значение для реконструкции географической среды древнего общества.

М.Г. Гаджиев, Р.Г. Магомедов (Махачкала), *Ф.Л. Кол* (Массачусетс, США) доклад "Исследования международной дагестанско-американской экспедиции на поселении Великент II (1994–1995 гг.)" посвятили изучению материалов Великентского поселения II (вторая половина IV – первая половина III тыс. до н.э.), которые позволяют выделить на Северо-Восточном Кавказе неизвестный ранее пласт культуры, представляющий ранний этап развития дагестанского варианта куро-аракской культуры, преемственно связанного с энеолитической культурой.

Доклад *В. Алиева* (Баку) "Поселения куро-аракской культуры Нахичеванского края" касается изучения поселений эпохи ранней бронзы (IV–III тыс. до н.э.), которые дают возможность проследить хронологическую последовательность куро-аракской культуры, одним из центров зарождения и формирования которого автор считает регион Южного Азербайджана.

В докладе *М.Г. Гаджиева* (Махачкала) "Дагестан на стыке культур эпохи палеометалла Кавказа и Юго-Восточной Европы" отмечено, что из-за своего географического положения Дагестан стал одним из древнейших очагов возникновения производящего хозяйства на Кавказе и юге России в эпохе неолита, на рубеже VII–VI тыс. до н.э. Поступательное социально-экономическое и культурное развитие было прервано в III тыс. до н.э. изменением климатических условий и давлением степного населения на оседло-земледельческие центры.

В докладе *С.Н. Кореневского* (Москва) "Проблема внутренней типологии майкопской культуры в отражении ее керамического контекста" поставлена цель выделения вариантов майкопско-новосвободненской общности внутри ее основного ареала по данным типологии керамики, которая дает около 80 разновидностей форм. Внутренняя типология майкопско-новосвободненской общности дает следующие виды: 1 – Галюгаевско-серегинский майкоп, 2 – Псекупский майкоп, 3 – Долинский майкоп. Кроме того, выделяются Новосвободненская погребальная группа и неопределенно видовые погребальные комплексы. Майкопско-

новосвободненская группа представляется как многокомпонентная общность, которая не была едина по формам ее керамического контекста на всей ее территории в Предкавказье.

В докладе *Р.Г. Магомедова, Ш.М. Гаджиева* (Махачкала) "Великентские катакомбы эпохи ранней бронзы" подчеркивается, что обряд захоронения в катакомбах – одна из особенностей дагестанского варианта куро-аракской культуры (первая половина III тыс. до н.э.). Великентские катакомбы древнее аналогичных памятников Юго-Восточной Европы и Закавказья. Появление этого типа захоронения авторы связывают со строительной традицией и планировкой древнейших жилых сооружений Северо-Восточного Кавказа.

Изучению коллективных погребений бронзового и железного веков (с XXII/XXI по XI/IX вв. до н.э.) у Неркин Геташена (юго-западное побережье оз. Севан) посвящен доклад *А.С. Пилипосяна, Р.А. Мкртчяна* (Ереван) "Историко-антропологический анализ коллективных погребений некрополя Неркин Геташен". В некрополе наблюдаются определенный полиморфизм и динамика в конструкции погребальных сооружений, в инвентаре и в обряде трупоположения. Анализ краниологических серий указывает на степень антропологического сходства захороненных, что дает основание для предположения о родовом характере погребальных сооружений.

Доклад *Р.С. Бадаляна* (Ереван) "Новые материалы по древней культуре Ширака: результаты работ армяно-американской экспедиции в Ороме" посвящен изучению комплекса древностей близ с. Орома, где представлены палеолитическое местонахождение, поселение и погребение раннебронзового века, поселение средней бронзы, крепость, поселение и могильник поздней бронзы – раннего железа, урартская и средневековая крепости. В процессе работ получена серия калиброванных радиоуглеродных дат, на основании чего построена абсолютная хронологическая шкала в диапазоне от середины IV до середины I тыс. до н.э.

В докладе «"Циклопические" поселения Триалети в свете новых археологических открытий» *Г.К. Наримаништвили, Н.Э. Шаништвили* (Тбилиси) циклопические поселения по своей планировке делят на три группы. В результате раскопок лучше всех исследована группа II, где фиксируется цитадель и остатки жилья вне его. Поселения этого типа функционировали во второй половине II тыс. и первой половине I тыс. до н.э.

З.Э. Махарадзе (Тбилиси) в докладе "Новые открытия близ с. Кавтисхеви" сообщил о раскопке кургана, который по конструкции и глиняному сосуду относится к ранней группе курганов Закавказья, возможно, к периоду, предшествующему куро-аракской культуре. Изучены также погребения с каменной насыпью раннего этапа позднебронзового периода.

Г.Г. Пхакадзе (Тбилиси) в докладе "Аргвети – куро-аракское поселение в Западной Грузии" доложила об исследовании поселения первой половины III тыс. до н.э., содержащем два строительных горизонта. Зафиксированы круглые и четырехугольные плетеные помещения с глиняной обмазкой на каменном фундаменте. Обнаружены керамика, круглые очаги, подставки, каменные и костяные изделия, глиняные небольшие фигурки. Аргветское поселение – первый стратифицированный памятник, который проясняет многие вопросы, связанные с распространением куро-аракской культуры в Западной Грузии, ее периодизацией и хронологией.

В докладе "Пичорское поселение и некоторые вопросы археологии Кавказа" *М.В. Барамидзе* (Тбилиси) остановился на изучении центрального холма поселения, раскопанного в с. Пичори Гальского р-на (Абхазия). На холме зафиксировано восемь культурных слоев, относящихся к периоду с III тыс. до н.э. до начала III в. до н.э. Слои V–VIII относятся к так называемой "протоколхидской культуре", где впервые удалось выделить четыре последовательных этапа, относящихся к концу раннебронзового периода и средней бронзе. В этом слое выявлены уникальные материалы по древнейшей металлургии бронзы и земледелия.

Во время выездного заседания в Мцхета, на месте раскопок *А.М. Апакидзе, В.В. Николайшвили, И.Н. Цицишвили* (Тбилиси) прочитали доклад "Новые археологические открытия в царской резиденции Армазцихе". На территории Армазцихе возобновленными раскопками в 1993 и 1995 – 1996 гг. были выявлены вторая баня, языческий храмовый комплекс и греческие надписи на каменных плитах, которые датируются I–IV вв. Заслуживает внимания обнаруженная в храме шестигранная орнаментированная база, капитель и постамент для скульптуры оформленный античным ордером.

При поездке в Арагвское ущелье и в Душети в фондах археологической базы был заслушен доклад *Р.М. Рамишвили, В.А. Джорбенадзе* (Тбилиси) "Археологические исследования в Арагвском ущелье и Хеви", который был посвящен 25-летию основания археологической экспедиции горного региона Восточной Грузии. За этот период на различных новостроечных объектах Душетского и Казбегского районов раскопано свыше 100 разнохарактерных памятников, хронология которых V тыс. до н.э. – позднее средневековье.

В прочитанном в Душети докладе «Подготовка "Свода археологических памятников Азербайджана" – важная задача азербайджанских археологов» *Г. Гошгарлы* (Баку) сообщил, что в республике ведется работа по выявлению и фиксации археологических памятников всех периодов для подготавливаемого к изданию по региональному принципу томов Свода, первый выпуск которого уже напечатан.

Здесь же было заслушано сообщение *В.Х. Тменова* (Владикавказ) о состоянии археологических

исследований в Северной Осетии, где наряду с раскопками разновременных памятников ведется публикация монографий, сборников и собираются материалы к археологической карте, готовятся к изданию "Очерки археологии Северной Осетии".

Выездное заседание в Рустави было посвящено теме "Кавказ в средние века".

В 1996 г., после шестилетнего перерыва, раскопки на Руставском городище были проведены во дворе вновь возведенной церкви. *Ц.Н. Чикоидзе* (Тбилиси) в докладе "Новейшие открытия на Руставском городище", который она прочла на месте раскопок, показала участок городища, где хронологические (V–XIII вв.) чередуются могильник, комплексы различных жилых сооружений и остатки керамической мастерской (печи для обжига черепицы). Дополнением к докладу было посещение Руставского краеведческого музея, где экспонируются разновременные археологические материалы, выявленные на территории этого древнего города-крепости.

В Рустави было прочитано еще два доклада. *Дж.Д. Копалиани* (Тбилиси) в докладе "Новые археологические открытия в Дманиси" отметил, что на Дманисском городище закончены раскопки вышгорода (цитадели), где выделено пять периодов: эпоха поздней бронзы, V–VII, IX–XI, XII–XIV, XVI–XVIII вв. Кроме того, экспедицией в Дманисском районе исследованы поселения куро-аракского периода, курганы разных этапов эпохи бронзы, могильник середины I тыс. до н.э. и другие памятники.

В докладе «Исследования форта Дербентского оборонительного комплекса и идентификация "Крепости Сул"» *М.С. Гаджиев* (Махачкала) проанализировал результаты раскопок форта, ближайшего к цитадели Дербента Нарин-кале, где по конструктивно-архитектурным особенностям и археологическим материалам фиксируются два периода его функционирования VI–VIII и IX–XII вв. Это соответствует сведениям письменных источников, где сохранилось древнее историческое название форта "Сул".

Одно заседание было посвящено теме "Кавказ в эпоху первых государств".

Доклад *К.Н. Пицхелаури, Ю.М. Гагошидзе, В.Г. Майсурадзе, Э.В. Квавадзе* (Тбилиси), *А. Фуртвенглера* (Галле), *Ф. Кнаус* (Мюнстер) "Итоги полевых работ Кахетской объединенной грузино-германской экспедиции в 1996 году" был посвящен изучению многослойного холма Цискараант-гора в Ширакской долине. Верхние два слоя, предварительно относящиеся к ахеменидскому и эллинистическому периодам, были сильно повреждены. Третий слой, со следами пожарища, был выявлен на глубине 1,5–2 м, где обнаружено два капитальных прямоугольных здания, стены и пол которых обмазаны глиняным раствором. Также выявлены мощеная улица и канализационная система. По керамическим материалам комплекс относится к VII–VI вв. до н.э.

Д.А. Хахутайшвили, А.Ю. Кахидзе, Ш.Х. Мамуладзе, Н.А. Инаишвили, М.С. Халваши (Батуми), *В.М. Джапаридзе, Н.И. Апхазава, А.И. Нонешвили* (Тбилиси) доклад "Постоянно действующая археологическая экспедиция Гонио-Апсароса в 1996 году" посвятили итогам раскопок на разных участках крепости Гонио-Апсароса. Выявлены остатки поселения на дюнах VIII–VII вв. до н.э., изучались фортификационная система, бани, система водоснабжения и канализации, остатки зданий, которые по многочисленным керамическим и стеклянным изделиям, монетам и т.д. относятся к позднеантичному периоду и разным этапам средневековья.

Д.В. Ахвледиани (Тбилиси) в докладе "Новые данные о фортификационной системе Вани" коснулся выявленного в 1990–1996 гг. на северо-восточной окраине городища оборонительной стены и восьмиугольной башни. Зафиксированы четыре строительных периода (эллинистическая эпоха) стены.

З.Д. Брагвадзе (Тбилиси) в докладе "Новые открытия в Северо-Восточной Колхиде" коснулся работы экспедиции Государственного музея искусств Грузии на городище Саирхе, где на северо-восточном склоне горы Цкаростави выявлено пять культурных слоев (VIII в. до н.э. – I в. н.э.). Во втором слое (вторая половина III в. до н.э. – середина II в. до н.э.) выявлены остатки здания, возведенного каменными квадрами, с необоженными кирпичами и деревянными конструкциями. На могильнике Ргани раскопано 47 погребений III–IV вв., где выявлены керамические изделия, золотые и серебряные украшения, предметы, связанные с одеждой, железное боевое оружие и т.д.

Доклад *В.Т. Личели* (Тбилиси), *Дж. Фосса, Ж. Морина* (Монреаль) "Отчет о работе совместной грузино-канадской Самцхийской экспедиции в 1993–1996 гг." был посвящен изучению Ацкурского городища, которое, видимо, представляло остатки Сосангети, упоминаемого в историческом источнике "Картлис цховреба" как административный и религиозный центр Южной Грузии в IV в. до н.э. – VIII в. н.э. На городище выявлены остатки круглых (V–IV вв. до н.э.) и прямоугольных (последующие периоды) в плане зданий. Керамика представлена двумя группами: местной и импортной. Среди импортной выделяются ионийские чаши (VI в. до н.э.), аттические килики (V в. до н.э.) и малоазийская чернолаковая керамика (IV–II вв. до н.э.). Раскопано 20 погребений (VII в. до н.э. – I в. н.э.), содержащих золотые, серебряные и бронзовые изделия.

Экспедиции Государственного музея Грузии в 1996 г. пришлось провести охранные работы, о чем рассказал *Ю.М. Гагошидзе* (Тбилиси) в докладе "Археологические раскопки в сел. Тахтидзири (Карельский р-н)". Раскопано 20 погребений середины IV в. до н.э. – середины III в. до н.э., где наряду с местным материалом и восточным импортом представлены древнегреческие и эллинистические изделия. Зафикси-

рованы образцы греческой письменности. В богатых погребениях обнаружены инсигнии представителей местной аристократии. Эти погребения по содержанию инвентаря, обряду захоронения и конструкции погребений проявляют близость с аналогичными памятниками Колхиды.

Последнее заседание сессии было посвящено теме "Грузия и Северный Кавказ: культурные взаимоотношения".

В ознаменование 20-летия Дагестанско-грузинской археологической экспедиции был прочитан доклад *Г.Г. Гамбашидзе* (Тбилиси) "Гора Акаро над Хунзахом (Дагестан) в свете археологических и средневековых арабских письменных источников". При раскопках зальной церкви (X–XIV вв.) были обнаружены остатки глиняных и стеклянных сосудов, фрагменты железных крестов, каменные кресты и изображения крестов на каменных квадрах. На большинстве имеются надписи, исполненные древнегрузинскими шрифтами "асомтаврули" и "нусхури", часть из которых датируется X–XI вв. Итоги археологических исследований дают возможность для предположения о локализации столицы упоминаемого в арабских источниках раннесредневекового (VI–XI вв.) царства ас-Сарир под горой Акаро на месте теперешнего Хунзаха, а царской крепости – на горе Акаро.

Был зачитан доклад *Д.М. Магомедова, Э.Д. Каримовой* (Махачкала) "Миссионерская деятельность грузинской церкви и ее роль в сближении горцев Дагестана с Грузией в X–XIV вв. (по археологическим материалам)", где было отмечено, что археологические изыскания, подтверждаемые письменными источниками, архивными и историко-этнографическими материалами, документируют, что усилиями миссионеров и царей Грузии в крупных средневековых центрах Дагестана были построены церкви. Об этом свидетельствуют остатки многочисленных церквей, часовен, надписи на основе грузинской графики и христианские могильники.

Материалы сессии были изданы в двух книгах на грузино-русском и английском языках: "Археология Кавказа: новейшие открытия и перспективы. Краткие содержания докладов международной научной сессии". Тбилиси, 1997 и "Центр археологических исследований. Библиография. 1977–1996", Тбилиси, 1997.

В Центре была открыта выставка, где представлены археологические находки, иллюстрации археологических и архитектурных памятников, археологическая карта, публикации сотрудников.

Участники сессии отметили актуальность этой первой встречи археологов Кавказа и выразили пожелание сделать его традиционным. Было решено проводить совместные экспедиции и наладить обмен научной литературой.

На сессии было зачитано поздравление Президента Грузии Э.А. Шеварднадзе по случаю 20-летия Центра.

Участников сессии приветствовал заместитель председателя парламента Грузии Э.Н. Шенгелая.

Центр археологических
исследований Академии наук Грузии,
Тбилиси

В.А. Джорбенадзе

КОЛЛОКВИУМ "ПРОТОГОРОДСКИЕ ЦЕНТРЫ РУСИ МЕЖДУ СКАНДИНАВИЕЙ, ВИЗАНТИЕЙ И ВОСТОКОМ (VIII–X вв.)"

(Париж, 1997)

Коллоквиум состоялся в Париже 7–9 октября 1997 г. и был организован на базе Коллеж де Франс при непосредственном участии университета Сорбонны. Участниками работы это международного коллоквиума стали 59 историков и археологов из Франции, Англии, США, Швеции, Украины и России; 25 из них выступили с докладами. Нашу страну на коллоквиуме представляли Е.Н. Носов, В. Булкин, В. Назаренко, А. Седых (С.-Петербург). Из Москвы прибыли А.Е. Леонтьев, В.Я. Петрухин, Т.А. Пушкина, И. Коновалова и автор доклада. Открывая коллоквиум, администратор Коллеж де Франс Ж. Гадрон обозначил его главные цели: выявление современного состояния изучения западноевропейскими коллегами древностей раннего этапа сложения Руси и знакомство их с тем объемом знаний, который накопили по этой проблеме восточноевропейские коллеги. Доклады, прочитанные на коллоквиуме и частично резюмируемые ниже, полностью оправдали цели этой международной встречи. Представляемый обзор охватывает доклады, посвященные проблемам восточноевропейских древностей эпохи раннего средневековья в целом и протогородской археологии в частности.

Доклад *П. Долуханова* (Ньюкасл) "Урбанистическая революция в Северо-Западной Руси: экономические и экологические факторы" обозначил мнение автора о событиях, происшедших в IX в. на северной окраине Северо-Западной Руси, как о явлении подлинно революционного характера, подготовленном всем ходом предшествующего развития истории и культуры многонационального населения северо-запада Восточной Европы. В частности, докладчик считает распространение в означенном регионе курганных захоронений показателем сложения на славянской этнической основе элиты с полиэтническими и поликультурными показателями.

М. Казанский (Париж) в докладе "Славяне лесной зоны Восточной Европы (V–VIII вв.)" выдвинул целый ряд интереснейших гипотез о контактах раннеславянского населения Поднепровья с германцами и аварами Подунавья. Их подтверждения докладчик нашел не только в материалах новейших восточноевропейских раскопок, о которых прекрасно осведомлен, но и в сообщении "Повести временных лет" о древнейшей истории восточного славянства. Относительно V в. остается открытым вопрос: являются ли дунайские новации в материальной культуре Поднепровья свидетельством славянских походов (В.В. Седов) или же результатами диффузии артефактов, использовавших неславянами? Автор доклада, известный своими многочисленными публикациями по проблемам межэтнических контактов эпохи Аттилы и ранних Меровингов, склоняется к точке зрения перемещения по просторам Восточной Европы после завершения гуннских войн отдельных групп воинов-профессионалов, выходцев из различных этнокультурных общностей.

К. Цукерман (Париж) в докладе "Первые этапы формирования Русского государства" поднял тему, вызвавшую на коллоквиуме острую дискуссию. Докладчик, базируясь на собственном анализе "Повести временных лет", Бертинских Анналов и некоторых иных источников, пришел к выводу, что в 830–871 гг. существовал "русский каганат", упоминавшийся арабскими источниками как "остров руссов". Его центром являлась Старая Ладога, откуда и отправились в 838 г. в свое путешествие на юг послы руссов, оказавшиеся в итоге шведами. Значительную, если не решающую, роль в образовании этого "каганата" сыграло политико-коммерческое влияние, которое оказывали на восточных славян хазары (три "салтовских" могильника в Киеве).

В. Петрухин (Москва) в докладе «Города "Гардов" на пути из "варяг в греки"», опираясь на давно известные изыскания Е.А. Мельниковой и Т. Джаксон о соответствии имени "Хольмгард" Новгороду, высказал мнение о соответствии русского "город" и древнеисландского "гард", а также о первичном расположении пунктов с этими корнями по Днепровскому пути из Скандинавии в Византию. Иными словами "Гарды" саг – "обитаемый мост", ведший "из варяг в греки". Немалую роль в его становлении сыграли ближневосточные купцы, на что указывает упомянутый Константином Багрянородным древнееврейский топоним "Самбатас" – "субботняя" окраина диаспоры.

В. Назаренко (С.-Петербург) прочел доклад "Ладога, протогородской центр Северной Руси", в котором остановился преимущественно на планиграфии известнейшего комплекса археологических памятников.

Е. Носов (С.-Петербург) в своем докладе "Рюриково Городище и Новгород: их роль в связях со Скандинавией, Византией и Востоком" представил яркий спектр информации о находках, сделанных в последнее десятилетие на Рюриковом Городище. Докладчик пришел к выводу, что данный памятник в IX–X вв. был в Приильменье местом дислокации варяжской дружины. Одним из важных аргументов, на который опирается подобное мнение Е. Носова, является исключительное даже для Скандинавии обилие элитных украшений и деталей одежды, которые не ценились воинами и по этому легко оказывались в

© В.И. Кулаков, 1998 г.

культурном слое Городища. Правда, сложная стратиграфическая ситуация на Городище не позволяет составить адекватную модель жизни этого уникального памятника.

В. Булкин (С.-Петербург) в докладе "Догородское население Гнездова, предшественника Смоленска и его контакты со Скандинавией, Востоком и Византией" четко показал этапы сложения Гнездовского торгово-ремесленного комплекса, аргументировав их прежде всего данными топографии и планиграфии археологических объектов.

Доклад *Т. Пушкиной* (Москва) "Монетные клады Гнездово как показатель торговых отношений" явился итогом многолетних работ нумизматов и археологов над кладами и отдельными монетными находками, известными по гнездовским материалам. Подробнейшим образом разбирая хронологию монет и места их чеканки, Т. Пушкина пришла к выводам, что их металл отличался от материала, шедшего на изготовление украшений, а основной поток монет в X в. поступал в Гнездово с севера.

В. Седых (С.-Петербург) в своем докладе "Тимерево и его место в торговле между Скандинавией, Византией и Востоком" показал сложение во второй пол. X в. в верховьях Волги и Оки торговой элиты локальной части Руси, переместившейся впоследствии в Ярославль.

Г. Ивакин (Киев) прочитал доклад "Урбанистическое становление Киева VIII–IX вв. на скрещивании влияний Византии, Востока и Скандинавии", в котором ознакомил собравшихся с итогом десятилетних раскопок на киевском Подоле. Правда, выяснилось, что здесь культурные слои IX в. (за исключением раскопок в зоне строительства Киевского метрополитена) остались недоступными ввиду нарушения уровня грунтовых вод. Обнаружение в районе Киева византийского и арабского монетного серебра позволило сделать автору вывод о возникновении в Среднем Поднепровье уже на заре эпохи викингов протогосударственной структуры с условным наименованием "земля Русь". Завоевание Киева в 882 г. Олегом ускорило темпы сложения в регионе славянского государства. Лишь указанные выше объективные особенности культурных слоев раннего Киева не позволяют подтвердить это мнение докладчика при помощи археологических материалов.

А. Леонтьев (Москва) в докладе "Сарское городище, Ростов и Переяславль: пункты торговли между Скандинавией, Византией и Востоком" суммировал свои многолетние исследования древнерусских памятников округи Ростова Великого, ставшие свидетельством русской колонизации Верхнего Поволжья после 862 г.

В. Коваленко (Чернигов) посвятил свой доклад "Чернигов и его место в торговле между Скандинавией, Византией и Востоком" результатам раскопок Черниговского детинца (преимущественно 1986 г.), давших возможность создания планиграфической модели развития важнейшего для ранней Руси городского комплекса.

А. Моця (Киев) раскрыл в своем докладе тему "Конструкция воинских погребений и роль военной элиты в формировании протоурбанистических центров Киевской Руси", предложив среднеднепровскую версию происхождения камерных погребений эпохи викингов. К сожалению, докладчик не учел реалий эпохи переселения народов, которые привели уже в начале VI в. к возникновению прототипов этого вида погребальных сооружений в Южной Скандинавии.

Й. Каллмер (Лунд-Берлин) в докладе "Проникновение скандинавов в Восточную Европу" познакомил собравшихся с разрабатываемой им более десятилетия концепцией диффузии жителей севера Европы на восточные берега Балтики. Новым для этой концепции стал тезис о руководящей роли Старой Ладоги в этом процессе.

Дж. Говард-Джонсон (Оксфорд) прочитал доклад «Формирование текста "Dé administrando"», где не только обратил внимание на историческую значимость текстуальных лакун фундаментального труда Константина Багрянородного, но предложил датировать окончательное создание текста о Среднем Поднепровье 950 г.

Автор данного обзора выступил с докладом "Земля пруссов на пути из Скандинавии в Восточную Европу", где на основании новейших данных археологии Юго-Восточной Балтии (в том числе сезона раскопок 1997 г.) выделил следующие этапы развития контактов западных балтов и скандинавов с римской эпохи до начала XII в.: 1) II–V вв. н.э. – включение части скандинавов, создавших в низовьях р. Висла вельбарскую культуру, в родовые коллективы Самбии и Курземе; 2) конец V – начало VI в. – участие северных европейцев в составе дружин видиваріев в формировании прусской культуры; 3) VI в. – пребывание скандинавских вождей во главе некоторых дружин Самбии и эстонского побережья, этническая диффузия на островах Борнхольм и Готланд, приведшая к итоге к 4) возникновению торговых пунктов Трусо и Кауп, ставших для скандинавов воротами в Восточную Европу; 5) консервация в Янтарном крае традиций викингов вплоть до середины XI в., в приемах декоративного искусства – до начала XIV в.

С. Лебек (Лилль) прочитал вызвавший горячий интерес доклад на тему «Порты "вики" Северного моря и их восточная направленность (VI–VIII вв.)». В докладе речь шла преимущественно о "виках" Дорестад (на территории Голландии), Рибе (Дания) и Квентовик, материалы раскопок которых не всегда доступны восточноевропейским археологам. Квентовик, располагающийся на северо-восточной оконечности Франции, до сих пор досконально не идентифицирован и, разумеется, не раскопан. Были доложены

особенности регулярной планиграфии ранних "виков", причем до сих пор неясно, было ли это результатом указаний королей из династии Меровингов или же такая упорядоченность была проявлением естественной аккуратности раннесредневековых купцов побережья Немецкого моря. Множество вопросов (прежде всего у украинских коллег) вызвала конструкция циклопических для VI в. н.э. пристаней Дорестада. Главным выводом доклада стала декларация главного продукта торговли ранних "виков" (янтарь) в их обмене с племенами Южной Скандинавии.

Т. Нунан (Миннеаполис) в своем обширном докладе "Урбанизация Руси и импорт исламских диргемов" представил собравшимся промежуточный итог своей многолетней работы по составлению свода всех находок диргемов в Балтийском регионе. Среди множества интереснейших выводов прозвучал один – о до сих пор не получившем должной оценке феномене, сложившемся в Южной и Юго-Восточной Балтии. Диргемы составляют треть (причем самую раннюю по времени чекана и попаданию в землю) от находок арабского монетного серебра во всем регионе Балтики. Констатация этого положения показывает необходимость пересмотра устоявшегося к настоящему времени мнения о преимущественной северной ориентации "Восточного пути" с самого начала эпохи викингов. Докладчик на основе собранных им нумизматических материалов пришел к выводу, что уже около 870 г. торговый центр в Старой Ладоге был регулятором потоков арабского монетного серебра в Балтийском регионе.

И. Коновалова (Москва) прочитала доклад "Восточные сообщения о протогородских центрах и торговых путях Восточной Европы", вызвавшем, пожалуй, самую обширную дискуссию на коллоквиуме. Был представлен максимальный объем письменных источников по заявленной теме, включая информацию об "острове русов" и трех их группах. Докладчица выдвинула глубоко аргументированного мнение о необоснованности некоторых интерпретаций данных источников, которые возникают в научном мире Западной Европы, и призвала к сбалансированному и крайне осторожному подходу к таким сложным, противоречивым и порой неадекватным источникам, как арабо-персидская информация IX–X вв. о Восточной Европе.

Доклад *И. Соплин* (Париж) был посвящен проблемам, связанным с термином "Рос" текста Константина Багрянородного; доклад *Я. Малингуди* (Фессалоники) рассматривал аспекты дипломатических связей Руси и Византии в контексте "Повести временных лет"; *Э. де Ла Вэссьер* (Париж) сообщил о вариантах торговых и военных путей, ведших в VII–VIII вв. из Центральной Азии в хазарский каганат; *М. Эспероньe* (Париж) представила обзор торговых центров Восточной Европы по арабским и персидским письменным источникам.

Дискуссия, завершившая третий день работы коллоквиума, сконцентрировалась вокруг докладов Т. Нунана и И. Коноваловой. В ходе ее неожиданно выступил В. Коваленко, предложив всем присутствующим западноевропейским коллегам создать международную экспедицию для раскопок курганного могильника Шестовицы, материал из которого, кстати, был слабо отражен в докладах украинских коллег.

10 октября в замке Сен-Жермен-он-Лайе (Национальный Музей древностей) состоялась итоговая дискуссия, проходившая по нескольким секциям. Всеобщее признание получило утверждение об основополагающей роли Старой Ладоги, Рюрикова Городища и Гнездова для изучения протогородских процессов эпохи викингов в Восточной Европе. К сожалению, как всегда на подобного рода конференциях, не принимался в расчет и полностью остался за пределами внимания коллег вопрос об актуальности речных путей Юго-Восточной Балтии (Неман – Швянтойи – Даугава – верховья Волги) для раннего этапа контактов между Скандинавией и Востоком. Проблемы археологии Балтии по-прежнему остаются закрытыми для большинства исследователей движения викингов, как и в целом для археологов Северной и Восточной Европы. В значительной мере это является результатом практически полной недоступности (языковой барьер) материалов новейших археологических исследований в Балтии, которые реально требуют пересмотра давно устоявшихся мнений об участии в восточном варианте "движения викингов" лишь скандинавов и автохтонов Восточной Европы.

Институт археологии РАН,
Москва

В.И. Кулаков

ПАМЯТИ МАРИИ ВАСИЛЬЕВНЫ ФЕХНЕР

(1909–1996)

Умерла М.В. Фехнер – старейший сотрудник Государственного Исторического музея, с которым она была связана всю свою жизнь. Она пришла в музей в 1932 г. и проработала в нем более 50 лет, после чего была вынуждена уйти на пенсию по состоянию здоровья. Ее жизнерадостность, энергия, необыкновенная доброжелательность собирали вокруг нее самых разных людей; она умела прийти на помощь любому в самый трудный период его жизни.

М.В. Фехнер родилась 25 июня 1909 г. в старой московской семье врача, пронизанной традициями подлинной высокой культуры. Окончив в 1928 г. среднюю школу, она поступила на музейно-краеведческое отделение Исторического факультета 1 МГУ, которое окончила в 1931 г. Уже со следующего года М.В. Фехнер была зачислена в массовый отдел Государственного Исторического музея, в котором проработала экскурсоводом до 1939 г. С 1940 г. она научный сотрудник, а с 1952 г. – заведующая одного из археологических отделов ГИМ (так называемый III отдел). Под руководством М.Н. Тихомирова М.В. Фехнер написала и защитила кандидатскую диссертацию на тему "Торговля русского государства со странами Востока в XVI в.", которая была опубликована отдельной книгой в 1952 г.

Однако затем М.В. Фехнер отошла от поздней тематики, и основным направлением ее интересов становится изучение славянских памятников раннего средневековья, а также экономических связей Древней Руси со странами Востока и Средиземноморья.

В 1950-х годах отдел археологии был занят изучением древнерусской деревни, в связи с чем музеем был организован ряд экспедиций (1953–1958 гг.) в Угличский р-н Ярославской обл. с целью исследования древнерусских сельских поселений. Руководителем этих работ стала М.В. Фехнер, умевшая собрать вокруг себя дружный и работоспособный коллектив. На крохотные средства, выделяемые музеем на полевые работы, экспедиции, возглавляемые М.В. Фехнер, добивались больших успехов. С той же целью проводила она работы в Калининской и Рязанской областях (1965–1973 гг.). Результатом многолетних работ отдела в этом направлении стали три выпуска "Очерков по истории русской деревни", не устаревшие и поныне. Главная заслуга в появлении этих книг принадлежит М.В. Фехнер.

Однако наибольший резонанс в научном мире получили ее исследования в Ярославском Поволжье (1959–1963, 1974–1977 гг.). Раскопанные под ее руководством Тимеревский и Петровский могильники конца IX – начала XI в. под Ярославлем дали богатейший материал, ставший эталонным в решении многих кардинальных вопросов ранней истории Руси. Блестящее знание немецкого языка, огромная эрудиция позволили М.В. Фехнер по-новому осмыслить этот материал, связав его с общими для Руси, и Скандинавских стран этнокультурными процессами.

В последние годы М.В. Фехнер обратилась к изучению шелковых тканей, небольшие фрагменты которых встречаются повсеместно в погребальных памятниках Древней Руси. Небольшие кусочки шелка, на которые до нее никто не обращал должного внимания, позволили исследовательнице сделать ряд интереснейших выводов о торговых связях Древней Руси со странами Востока и Средиземноморья.

Всего в различных изданиях ею опубликовано около 70 статей. М.В. Фехнер была подлинно музейным работником. Под ее руководством разрабатывались тематико-экспозиционные планы и обновлялись экспозиции VIII–XIII залов, создавались многочисленные выставки. В соавторстве с Н.М. Узуновой и А.Б. Закс она участвовала в написании путеводителей по ГИМу. За время работы в ГИМе М.В. Фехнер провела огромное количество экскурсий и занятий со специалистами разных профилей, прочитала бесчисленное количество лекций. Особенно сложной была эта работа в годы Великой Отечественной войны, когда М.В. Фехнер, остававшаяся в голодной и холодной Москве, читала лекции о героическом прошлом Руси для воинов Красной армии.

В отделе вокруг М.В. Фехнер всегда было огромное количество посетителей – студентов, аспирантов, научных и музейных работников разных городов и стран. Она постоянно оказывала им помощь в работе.

В М.В. Фехнер удивительным образом сочетались качества серьезного исследователя и милой обаятельной женщины. Она любила сшить себе новое платье, обсудить семейные проблемы сотрудников отдела, испечь вкусный пирог, что создавало удивительно уютную и доброжелательную атмосферу в отделе.

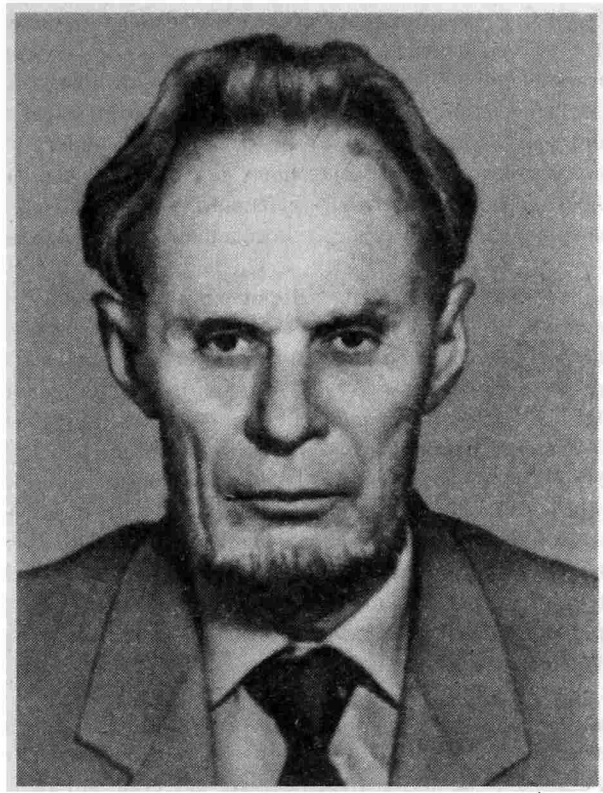
Память о Марии Васильевне Фехнер долго будет жить в сердцах людей, живших и работавших рядом с ней в стенах любимого ею Исторического музея.

Коллеги

СПИСОК ОСНОВНЫХ РАБОТ М.В. ФЕХНЕР

1. Глиняные игрушки московских гончаров (по материалам раскопок ГИМ 1948 г.) // МИА. 1949. № 12.
2. Москва и ее ближайшие окрестности в XV и начале XVI в. // МИА. 1949. № 12.
3. Исторический музей. Путеводитель по залу "Образование русского государства в XIV – п.п. XVI в.". М., 1951.
4. Торговля русского государства со странами Востока в XVI в. М., 1952.
5. Раскопки в Костроме (К вопросу о времени возникновения Костромы и ее первоначальном местоположении) // КСИИМК. 1952. Вып. 47.
6. Материалы к археологической карте Белозерского и Кириловского районов Вологодской обл. // Тр. ГИМ. 1953. Вып. 22.
7. Химическое исследование русских стекол XI–XIII вв. // Докл. АН СССР. 1954. Т. 95. № 5 (в соавт. с М.А. Безбородовым).
8. Исторический музей. Путеводитель. М., 1954. (в соавт. с Н.М. Узуновой).
9. Государственный исторический музей. Русь IX – начала XVI в. Путеводитель по залам VIII–XIII. М., 1955.
10. Торговля Русского государства со странами Востока (2-е изд., исправленное и дополненное). М., 1956.
11. Поселения древней Руси // Очерки по истории русской деревни. X–XIII вв. Тр. ГИМ. Вып. 32. М., 1956 (в соавт. с А.В. Успенской).
12. Указатель к карте "Поселения и курганные могильники северо-западной и северо-восточной Руси X–XIII вв." // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Тр. ГИМ. Вып. 32. М., 1956.
13. Раскопки стеклозавода близ деревни Большое Буньково // КСИИМК. 1957. Вып. 68. (в соавт. с В.А. Мальм).
14. Селища Ярославского Поволжья XI–XIII вв. Краеведческие записки (Ярославский областной краеведческий музей). Вып. 2. Ярославль, 1957.
15. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Тр. ГИМ. Вып. 33. М., 1959.
16. Шихинская курганная группа // СА. 1959. № 4.
17. Раскопки селища близ Грехова ручья // Археологический сборник. Тр. ГИМ. Вып. 37. М., 1960.
18. Некоторые сведения археологии по истории русско-восточных экономических связей до середины XIII в. // Международные связи России до XV в. М., 1961.
19. Глиняные лапы из Тимеревского курганного могильника // СА. 1962. № 3.
20. Реэкспозиция зала "Образование русского централизованного государства" // ГИМ. Ежегодник 1961 г. М., 1962.
21. Разделы: 1) Тимеревский могильник; 2) Петровский могильник; 3) Изделия костерезного производства; 4) Внешнеэкономические связи по материалам Ярославских могильников; 5) Предметы языческого культа // Ярославское Поволжье X–XI вв. М., 1963.
22. Государственный Исторический музей. Путеводитель по экспозиции. М., 1964.

23. О происхождении и датировке железных гривен // Археологический сборник. Тр. ГИМ. Вып. 40. М., 1966.
24. Шейные гривны // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Тр. ГИМ. Вып. 43. М., 1967.
25. Привески-бубенчики // Тр. ГИМ. Вып. 43. М., 1967 (в соавт. с В.А. Мальм).
26. Деревня северо-западной и северо-восточной Руси X–XIII вв. по археологическим данным // Тр. ГИМ. Вып. 43. М., 1967.
27. Некоторые данные археологии по торговле Руси со странами северной Европы в X–XI вв. // Новое о прошлом нашей родины. М., 1967.
28. Раскопки в Калининской обл. // АО-1967. М., 1968.
29. Крестовидные привески "скандинавского" типа // Славяне и Русь. М., 1968.
30. Исследования курганных могильников в Калининской обл. // АО-1968. М., 1969.
31. Одна из маленьких загадок археологии // МИА. 1969. № 169.
32. Об этническом составе населения Верхнего Поволжья во 2-ой пол. I тыс. н.э. // Экспедиции ГИМ. М., 1969 (в соавт. с В.А. Мальм).
33. Исследования средневековых памятников в долине р. Прони // АО-1969. М., 1970. (в соавт. с А.Е. Леонтьевым, В.А. Мальм, Н.Г. Недошивиной, Г.Ф. Поляковой).
34. Раскопки в долине р. Прони // АО-1970. М., 1971. (в соавт. с В.А. Мальм, Н.Г. Недошивиной, Г.Ф. Поляковой).
35. Памятник дьяковского времени в Верхнем Поволжье // СА. 1971. № 1. (в соавт. с Н.В. Трубниковой).
36. Шелковые ткани как источник для изучения экономических связей Древней Руси // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971.
37. Исследование средневековых памятников в долине р. Прони // Тез. докл., посвящ. итогам полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР (Археологические секции). Тбилиси, 1971.
38. Работы Пронской экспедиции // АО-1971. М., 1972 (в соавт. с Н.Г. Недошивиной, Г.Ф. Поляковой).
39. Ткань с изображением львов и птиц из великокняжеской гробницы во Владимире // Новое в археологии. М., 1972.
40. Игра в мельницу в Древней Руси // Slovenska archeologia. 1973. № XXI, 2 (в соавт. с Г.Ф. Поляковой).
41. Археологические исследования древнего Пронска и городища на горе Гневне // Археология Рязанской земли. М., 1974. (в соавт. с В.А. Мальм).
42. Некоторые данные о внешних связях Киева в XII в. // Культура средневековой Руси. М., 1974.
43. Золотное шитье Владимиро-Суздальской Руси // Средневековая Русь. М., 1976.
44. Изделия шелкоткацких мастерских Византии в Древней Руси // СА. 1977. № 3.
45. Золотное шитье Древней Руси. Памятники культуры. Новые открытия 1978 г. М., 1979.
46. Раскопки Тимеревского могильника близ Ярославля // АО-1978. М., 1979.
47. Испанско-русская торговля XII в. // История и культура Евразии по археологическим данным. Тр. ГИМ. М., 1980. Вып. 51.
48. К истории торговых связей Руси со странами Востока в домонгольское время (по материалам шелковых тканей) // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981.
49. Древнерусское золотное шитье в коллекции ГИМ // Научные чтения 1980–1981 гг. Тез. докл. и сообщ. ГИМ. М., 1981.
50. Шелковые ткани в средневековой Восточной Европе // СА. 1982. № 2.
51. Наконечник ножен меча из кургана близ Коростеня // СА. 1982. № 4.
52. Погребальный обряд Тимеревского могильника // СА. 1985. № 2. (в соавт. с Н.Г. Недошивиной).
53. Этнокультурная характеристика Тимеревского могильника по материалам погребального инвентаря // СА. 1987. № 2 (в соавт. с Н.Г. Недошивиной).
54. Находки на Куликовом поле // Куликово поле. Тр. ГИМ. Вып. 73. М., 1990.
55. Древнерусское золотное шитье X–XIII вв. в собрании ГИМ. Каталог. "Золотная вышивка" // Тр. ГИМ. Вып. 82. М., 1993.

ПАМЯТИ АСКОЛЬДА АЛЕКСАНДРОВИЧА ЩЕПИНСКОГО

(1926–1997)

21 мая 1997 г. в Симферополе скончался известный исследователь древностей Крыма Аскольд Александрович Щепинский. Имя его хорошо известно археологам, работающим в Причерноморье. В ходе своих многолетних разведок он открыл около 800 памятников прошлого, в числе которых – исключительно важные для науки. Он выделил кеми-обинскую культуру и ряд других неизвестных до того типов древностей. Но мало кто знает, какой нелегкий путь прошел этот человек, прежде чем смог занять свое место в науке.

А.А. Щепинский родился 16 октября 1926 г. в семье служащих. Родители – из "бывших": мать – дворянка, отец – сын потомственного почетного гражданина. Они не сумели найти себя в советском обществе, и семья жила на грани нищеты. Фашистская оккупация прервала учебу подростка, а когда Крым был освобожден, юношу призвали в армию. Демобилизовавшись, он оказался в очень уязвимом положении: человек с пятиклассным образованием, к тому же побывавший в оккупации. Семья голодала, жила в землянке. В 1946–1947 гг. Аскольд Александрович работал пчеловодом и заведующим красным уголком в колхозе, в 1948–1949 – сборщиком коллекций в Крымском пункте Московской фабрики "Природа и школа".

Он чувствовал себя обездоленным и находил утешение только в общении с природой. Целые дни, от зари до зари, питаясь хлебом и водой, бродил он по долинам Булганака, Бодрака, Альмы, Качи во второй гряде Крымских гор между Симферополем и Бахчисараем. Здесь Аскольд Александрович знал каждую балку, каждый скальный навес. Тогда им и были сделаны первые археологические находки.

А.А. Щепинский принес свои сборы в Крымский филиал АН СССР П.Н. Шульцу. Тот поддержал молодого краеведа и привлек его к работе Тавро-Скифской экспедиции. С 1946 по 1977 г. Аскольд Александрович принимал участие во всех полевых сезонах экспедиции – сперва безвозмездно, потом по договорам. Он всегда с благодарностью говорил о П.Н. Шульце как о своем учителе. Работал он в поле и с другими археологами (А.В. Добровольским, Л.Н. Соловьевым, А.Д. Столяром, А.А. Формозовым, О.Г. Шапошниковой), а также с ботаниками, географами, карстоведами.

В штат Крымского филиала АН СССР А.А. Щепинский был зачислен в 1954 г. В 1956 г. филиал перешел в Академию наук УССР, где Аскольд Александрович прослужил до 1991 г.

За 1950-е – 1980-е годы А.А. Щепинский провел много охранных раскопок. Среди них назовем курганные группы Симферопольского водохранилища, у сел Марьино, Зольное, Дружное, в урочище Кеми-

© А.Д. Столяр, А.А. Формозов, 1998 г.

оба. В 1954 г. археологу поручили предварительное обследование зоны строительства Северо-Крымского канала, а с 1967 по 1981 г. он возглавлял масштабную Северо-Крымскую экспедицию. Ею были исследованы десятки курганов эпохи бронзы и раннего железного века, открыт первый в Крыму неолитический могильник, найдено сарматское захоронение со множеством ювелирных изделий.

Работал А.А. Щепинский и на Тарханкутском п-ове, и на южном берегу Крыма, и на востоке полуострова, в районе Карадага. Участвовал он и в экспедициях на Правобережье Украины (1951, 1957 гг.), где открыл известное Михайловское поселение; в Прикубанье (1959, 1960 гг.), где нашел многослойную стоянку в Каменномостской пещере и энеолитическое поселение Скала; в Абхазии, в долине Кодора (1961 г.).

Будучи уже автором целого ряда статей, А.А. Щепинский только в 1964 г. по настоянию друзей завершил среднее образование. В 1971 г. он закончил Исторический факультет Крымского пединститута, а в 1975 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему "Энеолит Крыма". Им была подготовлена и докторская диссертация на тему "Кеми-обинская культура", но защитить ее не удалось.

До 1961 г. опытный археолог числился препаратором, до 1967 г. – лаборантом, до 1991 г. – младшим научным сотрудником. Это влекло за собой (особенно после отъезда П.Н. Шульца из Крыма) тяжелые психологические последствия. Нередко Аскольд Александрович сталкивался с неуважительным отношением к себе со стороны окружающих, взявших для себя от науки много больше, чем он, а принесших ей куда меньше реальной пользы. Это его очень травмировало, он замыкался в себе, занимал отчужденную, настороженную позицию. Он не был создан для городской обстановки, но в поле преображался и проявлял лучшие черты своей натуры. Не все это понимали, и мало кто помогал ему уйти в любимое дело. Очень жаль, что украинские археологи не сумели удержать в своем коллективе такого бескорыстного, преданного науке, не знавшего усталости и границ рабочего дня сотрудника, как А.А. Щепинский.

В 1991 г. он был выведен на пенсию и с тех пор все свое время отдавал экскурсиям и систематизации накопленных коллекций.

Число памятников, изученных А.А. Щепинским путем раскопок, велико, но прежде всего он был археологом-разведчиком. В Крыму разведки возможны круглый год, и редкий день Аскольд Александрович не отправлялся на поиски. Авторы этих строк ходили в разведочные маршруты со Щепинским и в 1952, и в 1992 гг. За полвека он не изменился: тот же полнейший аскетизм в еде и одежде, те же одержимость, целеустремленность, наблюдательность.

А.А. Щепинским выявлены древнейшие памятники каменного века в Крыму: местонахождения с ашельскими орудиями, а возможно, и более ранние – с галечными орудиями. Открыты новые мустьерские пещерные стоянки – Кабази и Навес в Холодной балке. Обнаружено много стоянок эпохи мезолита – неолита. На одной из них – Кая-арасы – проведены раскопки. На южном берегу изучались раковинные кучи. Исследовано много памятников эпохи энеолита, в том числе выделенной А.А. Щепинским кеми-обинской культуры. Он связывал с ней древнейшие антропоморфные стелы и каменные ящики с росписью, редкие образцы которых разыскал сам. Не обошел вниманием Аскольд Александрович и кизил-кобинскую культуру, поставив под сомнение ее прямую связь с таврами. Выявил он и десятки скифских и средневековых памятников, а в последние годы разыскивал разрушенные кладбища татар, захоронения времен второй мировой войны.

С 1973 г. Аскольд Александрович перестал сдавать свои находки в музеи, решив создать особый Народный музей археологии Крыма. Городские власти выделили для него подвал в одной из новостроек. Все, кто побывал в этом музее, поражались богатству собрания. Некоторые экспонаты могли бы украсить столичные музеи.

Много сил отдавал А.А. Щепинский и общественной деятельности как председатель Крымского отделения ВООПИК. В 1993 г. он был избран депутатом Верховного совета Автономной республики Крым.

У А.А. Щепинского около ста публикаций. Среди них – книги "Там, где пройдет Северо-Крымский..." (1966), "Северное Присивашье в V–I тысячелетиях до н.э." (1969) (обе в соавторстве с Е.Н. Черепановой), "Красные пещеры" (1987), "Кизил-коба" (1993) и статьи в "Советской археологии" и киевской "Археологии". Но главное его наследие – это коллекции Народного музея археологии Крыма и богатейший архив; полевые дневники, бесчисленные зарисовки, чертежи, фотографии. Археологи должны сохранить этот итог полувекового самоотверженного труда.

Аскольд Александрович Щепинский был человек, сделавший себя сам. Благодаря его неутомимой деятельности для следующих поколений открыт не один заповедный уголок, казалось бы, исхоженной вдоль и поперек Крымской земли.

Санкт-Петербургский государственный университет
Институт археологии РАН,
Москва

А.Д. Столяр, А.А. Формозов

ПАМЯТИ ИВАНА ГАВРИЛОВИЧА ШОВКОПЛЯСА

(1921–1997)

13 июля 1997 г. в Киеве на 77-м году жизни, после тяжелой продолжительной болезни скончался выдающийся исследователь палеолита Украины, а также других памятников археологии этой республики, крупный специалист в области библиографии украинской археологии, заслуженный деятель науки и техники Украины, доктор исторических наук Иван Гаврилович Шовкопляс.

Сын полтавского крестьянина, И. Шовкопляс, окончив сельскую среднюю школу, становится студентом Киевского государственного университета.

В года Великой Отечественной войны он служит в Красной армии и одновременно преподает историю и географию в Сибири, а затем с 1944 г. заведует отделом в Государственном Историческом музее Украины в Киеве. С 1945 г. М.Г. Шовкопляс принимает участие в экспедициях Института археологии Академии наук Украины в Приднепровье и Приднестровье.

В 1948 г. И.Г. Шовкопляс заканчивает аспирантуру Института археологии Академии наук Украины под руководством П.П. Ефименко и защищает кандидатскую диссертацию о Супоневской палеолитической стоянке. Он становится ученым секретарем этого института, в 1950-х – 1960-х годах занимает должность заместителя директора по научной работе, некоторое время исполняет обязанности директора Института археологии.

В первой половине 1950-х годов широко разворачивается работа И.Г. Шовкопляса по исследованию палеолита на Украине (стоянки у с. Добраничивка Киевской обл., около г. Радомышля Житомирской обл., широкомасштабные исследования всемирно известной Мезинской позднепалеолитической стоянки на Черниговщине). Основным трудом этих лет была книга И.Г. Шовкопляса "Мезинская стоянка на Десне" (1965), вскоре защищенная им в качестве докторской диссертации.

Труды И.Г. Шовкопляса по упомянутым выше палеолитическим стоянкам, а также совместная работа с видным палеозоологом, акад. АН Украины И.Г. Подопличко по исследованию стоянки в Межиричах заложили прочную основу широкого и глубокого изучения древнекаменного века на территории Украины. Благодаря исследованиям И.Г. Шовкопляса неопровержимо установлено существование местных локальных особенностей в развитии родовых коллективов уже в позднем палеолите в зависимости от характера природно-климатических условий регионов их расселения. Ученым был выявлен характер позднепалеолитических жилищ – округлых в плане наземных построек, подобных чумам северных народностей,

© В.В. Шлеев, 1998 г.

причем для укрепления стен таких сооружений использовались большие кости животных. Были созданы их графические и натурные реконструкции. На Добраничевской стоянке сооружена реальная реконструкция такого жилища, существующая и в наше время как музейный комплекс. При самом активном участии И.Г. Шовкопляса в Киеве в 1967–1973 гг. был создан и специальный археологический музей как составная часть Центрального научно-природного музея АН УССР.

Работы И.Г. Шовкопляса высоко оценивали такие видные специалисты, как А.П. Окладников, И.Г. Пидопличко, П.П. Ефименко, П.И. Борисковский, З.А. Абрамова и др. С некоторыми из них его связывала многолетняя творческая и жизненная дружба.

Еще в конце 1969 г. фундаментальный обзор ученого "Развитие советской археологии на Украине (1917–1966 гг.): Библиография" подвергся несправедливым нападкам, повлекшим за собой соответствующие административные санкции в отношении автора труда. Но и с переходом на библиотекарскую работу И.Г. Шовкопляс продолжал заниматься библиографией и книговедческой деятельностью. В эти годы из-под его пера выходят такие труды, как "Советская литература по археологии Украины: 1967–1975 гг." (1978, на укр.яз.), а позднее – большой (625 с.) обобщающий библиографический труд "Археология Украинской ССР. Библиографический указатель 1918–1980 (1989)". Работа над этим указателем, над его совершенствованием и дополнением за последующие годы продолжалась ученым до самых последних лет его жизни. В конце 1970-х годов им был подготовлен к печати фундаментальный историографический очерк "Развитие археологии в Украинской ССР".

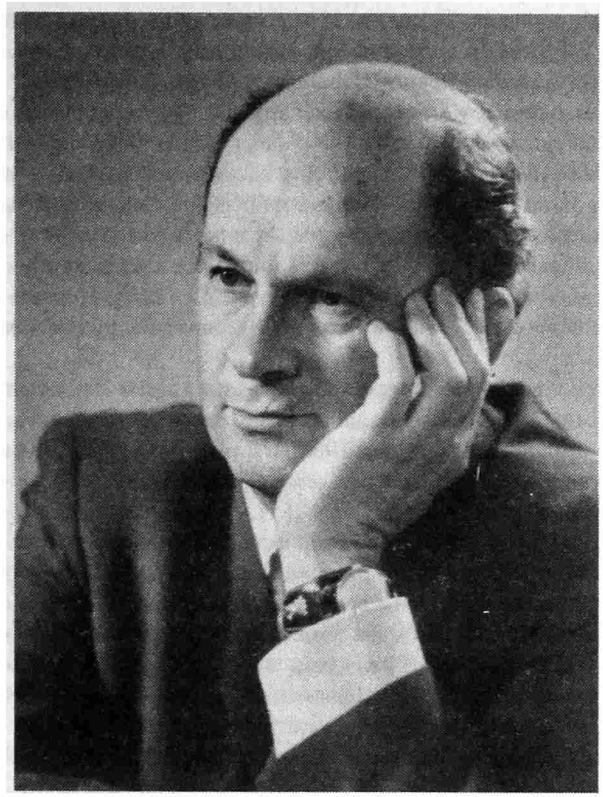
Совместно с автором данных строк он начал работу над библиографическим словарем археологов Советского Союза. Активно работал И.Г. Шовкопляс и для различных энциклопедических изданий Киева и Москвы.

Человек обширных знаний и интересов, он широко и охотно делился своим опытом с младшими коллегами, редактируя и рецензируя многочисленные труды. В последние годы И.Г. Шовкопляс выступал как член Экспертного совета Высшей аттестационной комиссии Украины. Кроме того, он являлся заместителем председателя Специализированного ученого совета Национальной библиотеки Украины по защите диссертаций по проблемам книговедения, библиотековедения, библиографоведения, системы информации и оснащения архивов, библиотек и музеев.

Работая с И.Г. Шовкоплясом на протяжении ряда лет, автор этих строк знал его как ученого, требовательного не только к трудам своих сотоварищей, но и, в первую очередь, к себе лично, как человека высоких душевных качеств, готового служить делу науки и оказать посильную помощь тем, кто в ней нуждался.

Светлая память об Иване Гавриловиче Шовкоплясе надолго сохранится не только в его многочисленных ценных научных трудах, но и в памяти многих знавших его и тесно общавшихся с ним людей.

Москва *В.В. Шлеев*

ПАМЯТИ ЛАЗАРЯ ИЗРАИЛЕВИЧА АЛЬБАУМА

(1921–1997)

21 августа 1997 г. скончался известный археолог, первооткрыватель многих замечательных памятников старины Республики Узбекистан Лазарь Израилевич Альбаум.

Л.И. Альбаум родился 9 марта 1921 г. в Каттакургане Самаркандской обл., но уже в 1922 г. семья переехала в Ташкент, где и прошла вся жизнь ученого, кроме двух лет, проведенных на войне. В 1940 г. он поступил на только что созданную проф. М.Е. Массоном кафедру археологии Средней Азии на Историческом факультете Среднеазиатского государственного университета (САГУ). Уже на студенческой скамье проявились его пытливость и интерес к научной исследовательской работе. 19 марта 1941 г. Л.И. Альбаум выступал на заседании кафедры с сообщением «Ташкентский клад медных монет XV–XVI вв.». С 14 по 24 июня 1941 г. в качестве лаборанта он участвовал во вскрытии погребений Тимура, его сыновей Шахруха и Мираншаха и внуков Мухаммад-Султана и Улугбека в мавзолее Гури-Мир в Самарканде. Раскопки там проводила в связи с подготовкой к 500-летнему юбилею Алишера Навои Правительственная экспедиция УзССР, в состав которой входили наряду с ташкентскими исследователями также специально приглашенные ученые из Москвы и Ленинграда. (В результате этих работ известный антрополог и скульптор М.М. Герасимов, в частности, восстановил облик Тимура и Улугбека.)

Вернувшись после тяжелого ранения, полученного при обороне Сталинграда, и демобилизовавшись, Лазарь Израилевич в 1943 г. вновь оказался на Гури-Мире; в этот год кафедра археологии в полном составе (включая Л.И. Альбаума и еще пятерых студентов) изучала мавзолей в связи с крупными ремонтно-реставрационными работами на этом памятнике. Л.И. Альбаум написал небольшое исследование «Панель Гуримира», ставшее его первой научной работой, увидевшей свет (правда, лишь через 10 лет) (Панель Гуримира, 1953). Но ни мусульманская нумизматика, ни архитектура тимуридского Самарканда не стали основной областью научных интересов ученого после окончания им САГУ в 1946 г.

Прийдя в 1948 г. на работу в Институт истории и археологии АНУзССР, Л.И. Альбаум сразу же зарекомендовал себя как талантливый полевой работник, обладающий удивительной археологической интуицией удачливый разведчик. Уже в этот год, обследовав долину р. Санзар, по которой проходила караванная дорога из Самарканда в Ташкент, он по расспросным данным узнал, что в 1933 г. крестьяне случайно снесли там постройку, которая могла быть буддийским храмом, первой (и пока единственной) постройкой такого рода (см. заметку «Буддийский храм в долине р. Саназар» [опечатка, надо Санзар. –

© Б.Я. Ставиский, 1998 г.

Б.Я.], 1955) в Согде, где о буддийских сооружениях известно лишь со слов китайских паломников и раннемусульманских авторов. Позднее он эпизодически работал на городище столицы Согда Самарканда – Афрасиабе и, в частности, издал монографию «Живопись Афрасиаба» (1975).

В 1948 г. Л.И. Альбаум начинает многолетние археологические разведки и раскопки в Сурхандарьинской, самой южной, области Узбекистана. За 45 лет изысканий на землях Сурхандарьи ему посчастливилось открыть там археологические памятники, каждый из которых, взятый отдельно, мог бы прославить любого ученого. Им обнаружены, например, поселения эпохи бронзы и раннего железа Кучуктепе (см.: Поселение Кучуктепе, 1979) и Сапалли-тепе (позднее их исследовал А.А. Аскаров), равно как и городища кушанской эпохи Дальверзин-тепе (его затем много лет с успехом изучали Г.А. Пугаченкова и ее ученики); Хайрабад-тепе, где, в частности, найдена монета императора Нерона, и Зар-тепе, давшее много находок терракот, художественной керамики и около 300 монет предкушанского, кушанского и кушано-сасанидского времени.

Широкую известность приобрели также раскапывавшиеся Лазарем Израилевичем раннесредневековые (V–VIII вв.) укрепленные усадьбы («замки») Балалык-тепе, ставшие знаменитым благодаря стенным росписям со сценами пиршеств (см.: Балалык-тепе..., 1960), и Занг-тепе, где в ходе раскопок были найдены индийские, письмом брахми рукописи (см.: Новые раскопки в Занг-тепе..., 1964).

Но более всего времени, труда и внимания Л.И. Альбаум уделил буддийскому монастырю, раскопанному им на бугре Фаяз-тепе. Этот загородный монастырь кушанского Термеза Лазарь Израилевич раскапывал с 1968 по 1976 г., а изучал практически до конца жизни. О ходе раскопок этого замечательнейшего из всех исследованных им археологических памятников и сделанных там отдельных уникальных находках ученый сообщал в докладах, заметках и статьях (см., например: Раскопки буддийского комплекса Фаяз-тепе, 1974; Исследование Фаяз-тепе в 1973 г..., 1976; Грифон из Фаяз-тепе, 1978; О толковании каратепинских комплексов, 1982; Живопись святилища Фаязтепа, 1990). Постоянная нехватка ассигнований и то, что Л.И. Альбаум обычно вынужден был заниматься полевой консервацией и камеральной обработкой стенных росписей, скульптуры и других находок в одиночку, тормозили работу. И хотя монументальная живопись из святилища, каменный рельеф с Буддой и предстоящими, голова буддийской лессово-ганчевой статуи, часть каменного рельефа с крылатым грифоном, львиная голова – слив каменного резервуара и черепки с индийскими надписями (изданы М.И. Воробьевой-Десятовской) из Фаяз-тепе постепенно вошли в отечественную и зарубежную научную литературу, обобщающая публикация об этом памятнике, которую много лет готовил к печати Л.И. Альбаум, не увидела свет.

Будучи человеком добросовестным и скромным, Лазарь Израилевич не пожелал защищать докторскую диссертацию по совокупности изданных работ (да и кандидатскую диссертацию он защитил в 1959 г. только под нажимом своего непосредственного начальника – заведующего сектором археологии В.А. Шишкина и директора института Я.Г. Гулямова). А между тем его перу принадлежат более полусотни научных работ, в том числе помимо названных ранее две книги, написанные в соавторстве с проф. Б. Брентъесом: «Wachter des goldes. (Zur Geschichte und Kultur mittelasiatischer Volker vor dem Islam)». Berlin, 1972; «Herren der Steppe. (Zur Geschichte und Kultur mittelasiatischer Volker in islamischer Zeit)». Berlin, 1976. Обе эти книги были переизданы в Японии в 1980 г. и в Польше в 1982 г. В Японии в 1980 г. увидела свет также переведенная на японский язык книга «Живопись Афрасиаба».

Ученые, исследующие прошлое Средней Азии, знали Л.И. Альбаума как одного из выдающихся ее исследователей, и когда Гарвардский университет подготовил биографический справочник специалистов по истории и культуре этого региона, имя Л.И. Альбаума закономерно заняло там свое место (см.: John S. Schoeberlein-Engel. Guide to Scholars of the History and Culture of Central Asia. Harvard University. Cambridge, 1955, p. 26). Но в этом справочнике не отмечен такой важный для нас момент, как участие Л.И. Альбаума в Великой Отечественной войне, за что он был награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны, медалями «За оборону Сталинграда» и «За победу над Германией». Не сказано там (в силу специфики справочного издания) и о том, что Лазарь Израилевич был приветливым и доброжелательным человеком, что он охотно приходил на помощь своим коллегам. Так, например, только благодаря его поддержке при одобрении акад. Я.Г. Гулямова в конце 1950-х годов в Сурхандарьинской обл., на землях Бактрии-Тохаристана стали работать сотрудники Государственного Эрмитажа, а с 1961 г. – совместная археологическая экспедиция учреждений министерств культуры СССР, России, Узбекистана и АНУзССР. Участие российских ученых в изучении археологии и истории Средней Азии сыграло положительную роль в подготовке местных научных кадров, в укреплении дружественных связей среднеазиатских и российских исследователей (и тем самым – народов России и Средней Азии). Лазарь Израилевич Альбаум как раз и был живым воплощением этих связей.

Б.Я. Ставиский

СПИСОК ОСНОВНЫХ ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ Л.И. АЛЬБАУМА

1. Панель Гуримира // Тр. Среднеазиатского гос. ун-та. Новая серия. Вып. 49. Гуманитарные науки. Кн. 6. Ташкент, 1953. С. 131–141.
2. Буддийский храм в долине р. Саназар // Докл. АН УзССР. 1955. № 8. С. 57–60.
3. Некоторые данные по изучению анхорской группы археологических памятников (1948–1949 гг.) // Тр. Ин-та истории и археологии АН УзССР. 1955. Вып. 7. С. 115–137.
4. Некоторые результаты изучения ангорской группы археологических памятников за 1953–1954 гг. // Изв. АН УзССР. 1955. № 7. С. 69–76.
5. Раскопки в Сурхан-Дарьинской области // Тр. АН ТаджССР. 1956. Т. 37. С. 117, 118.
6. Балалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства правобережного Тохаристана // АКД. Ташкент, 1958. 16 с.
7. Некоторые культовые предметы из раскопок Балалык-тепе // КСИЭ АН СССР. 1958. Вып. 30. С. 73–80.
8. Раскопки Балалык-тепе в 1955 г. // КСИИМК АН СССР. 1959. Вып. 73. С. 86–91.
9. Балалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства Правобережного Тохаристана. Ташкент, 1960. 228 с.
10. Об этнической принадлежности некоторых «балбалов» // КСИИМК. 1960. Вып. 80. С. 95–100.
11. Археологические работы на территории Южно-Сурханского водохранилища // Общественные науки в Узбекистане. 1962. № 2. С. 57–60.
12. Находка документов письмом брахми в Узбекистане // Эпиграфика Востока. Вып. 16. Л., 1963. С. 134.
13. Письменность из замка Занг-тепе // Общественные науки в Узбекистане. 1963. № 2. С. 58–61.
14. Раскопки замка Занг-тепе // История материальной культуры Узбекистана. 1963. Вып. 4. С. 73–83.
15. Новые раскопки в Занг-тепе и индийские документы // Индия в древности. М., 1964. С. 199–209.
16. Занг-тепе (раскопки 1962 г.) // История материальной культуры Узбекистана. 1964. Вып. 6. С. 87–108.
17. Поселение Кучук-тепе в Узбекистане // Матер. сессии, посвящ. итогам археол. и этнограф. исследований 1964 г. в СССР. Тез. докл. Баку, 1965. С. 59, 60.
18. Городище Дальверзин-тепе // История материальной культуры Узбекистана. 1966. Вып. 7. С. 47–65.
19. К стратиграфии кушанских поселений Ангорского района Сурхандарьинской области // Тез. докл. советских ученых (междунар. конф. по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху). М., 1968. С. 3, 4.
20. Памятники Южного Узбекистана // Культура и искусство Средней Азии в кушанскую эпоху. Каталог выставки. Л., 1968. С. 26.
21. Позднекушанское погребальное сооружение под Термезом // Общественные науки в Узбекистане. 1968. № 8. С. 56–58 (совм. с Т. Агзамходжаевым).
22. К датировке верхнего слоя поселения Кучук-тепе // История материальной культуры Узбекистана, 1969. Вып. 8. С. 69–79.
23. О гончарном производстве на Афрасиабе в X–XI вв. // Афрасиаб. Вып. 1. Ташкент, 1969. С. 256, 267.
24. Памятник эпохи бронзы на территории Сурхандарьи // Общественные науки в Узбекистане. 1969. № 8. С. 69–79.
25. Религия, культура, искусство (раздел в главе: Самарканд в эпоху раннего феодализма) // История Самарканда. Т. 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Ташкент, 1969. С. 125–142.
26. Новые росписи Афрасиаба // Страны и народы Востока. Вып. 10. Л., 1971. С. 83–89.
27. Буддийский храм Фаяз-тепе // Тез. докл. сессии, посвящ. итогам полевых археол. исследований 1971 г. М., 1972. С. 270, 271.
28. Wachter des goldes (Zur Geschichte und Kultur mittelasiatischer Volker vor dem Islam). Berlin, 1972 (совм. с Б. Брентьесом).
29. Буддийский храмовомонастырский комплекс Фаяз-тепе // Тез. докл. сессии, посвящ. итогам полевых археол. исследований 1972 г. Ташкент, 1973. С. 126–128.
30. Раскопки буддийского комплекса Фаяз-тепе (по материалам 1968–1972 гг.) // Древняя Бактрия. Л., 1974. С. 53–58.
31. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975. 112 с.
32. Стратиграфия кушанских поселений Ангорского района Сурхандарьинской области // Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 2. М., 1975. С. 241–245.
33. Исследование Фаяз-тепе в 1973 г. // Бактрийские древности. Л., 1976. С. 43–46.
34. Herren der Steppe (Zur Geschichte und Kultur mittelasiatischer Volker in islamischer Zeit). Berlin, 1976 (совм. с Б. Брентьесом).
35. Из опыта консервации стенных росписей на лессовой основе // Художественное наследие. Вып. 2. М., 1977. С. 114–116.

36. Грифон из Фаяз-тепе // История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978. С. 60–67.
37. Поселение Кучуктепе. Ташкент, 1979. 112 с. (совм. с А.А. Аскаровым).
38. Фаязтепа и вопросы кушанской хронологии // Античная культура Средней Азии и Казахстана. Тез. докл. Всесоюз. науч. совещ. Ташкент, 1979. С. 19–22.
39. Фаяз-тепе как часть буддийского центра Термеза и его история // Культурные взаимосвязи Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье. Тез. докл. конф. М., 1981. С. 9, 10.
40. О толковании каратепинских комплексов (в свете раскопок Фаяз-тепе) // Буддийские памятники Каратепе в Старом Термезе. М., 1982. С. 56–63.
41. К вопросу об исторической топографии городища Старого Термеза // Творческое наследие народов Средней Азии в памятниках искусства, архитектуры и археологии. Тез. докл. Ташкент, 1985. С. 11, 12.
42. Фаяз-тепе // Городская среда и культура Бактрии-Тохаристана и Согда (IV в. до н.э. – VIII в. н.э.). Тез. докл. Ташкент. 1986. С. 14, 15.
43. Старый Термез – один из исторических центров на трассе Великого шелкового пути // Формирование и развитие трасс Великого шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. Тез. докл. Ташкент, 1990. С. 81–83.
44. Живопись святилища Фаяз-тепе // Культура Среднего Востока. Изобразительное и прикладное искусство. Ташкент, 1990. С. 18–27.
45. Буддийская вихара – Фаяз-тепе // Средняя Азия и мировая цивилизация. Тез. докл. Ташкент, 1992. С. 11–13.
46. Христианский храм в Старом Термезе // Из истории древних культов Средней Азии. Христианство. Ташкент, 1995. С. 34–41.

Составитель *Т.Н. Заднепровская*

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ "РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ", ЗА 1998 ГОД

Статьи, публикации, дискуссии, история науки, заметки, естественнонаучные методы в археологии

Абрамзон М.Г. Из истории римско-фракийских отношений (по данным нумизматики) ... 2 170
Абрамзон М.Г., Горлов Ю.В. Два "синдских" диабола, найденные в Фанагории ... 3 141
Аксенов В.С., Бабенко Л.И. Погребение VI–VII вв. н.э. у села Мохнач ... 3 111
Алексеев Л.В. "Менские дреговичи" и полоцкие князья ... 2 100
Алексеев Л.В. Археология средневекового периода в Белоруссии (1950–1990 гг.) ... 3 176
Артемьев А.Р. Каменное надгробие 1696 г. из Нерчинска ... 3 170
Артемьева Н.Г. Культовые сооружения бохайского времени на территории Приморья ... 4 174
Арутюнов С.А. К юбилею Татьяны Ивановны Алексеевой ... 4 5
Беглова Е.А., Эрлих В.Р. Деталь римского меча из могильника у станицы Тенгинской ... 2 173
Буйских А.В. Еще раз о херсонесском гекаторюге ... 1 65
Вайнберг Б.И., Глушко Е.В., Цвецинская Е.А. Ландшафтно-археологические исследования эволюции Присаракамышской дельты Амударьи с использованием дистанционных методов ... 1 29
Варенов А.Б. Карельские древности в Новгороде ... 4 192
Векслер А.Г., Коваль В.Ю. Византийская амфора с дипинто из раскопок на Манежной площади в Москве ... 3 163
Винокуров Н.И., Никонов А.А. О следах землетрясений античного времени на западе Европейского Боспора ... 4 98
Голованова Л.В., Хоффекер Д.Ф., Харитонов В.М., Романова Г.П. Мезмайская пещера (результаты предварительного изучения 1987–1995 гг.) ... 3 85
Головачева Н.В., Марченко К.К., Рогов Е.Я. Уникальные сооружения северного района Ольвийской хоры ... 3 99
Гуляев В.И., Савченко Е.И. Роговой гребень скифского времени с территории Среднего Дона ... 3 145
Гуляев В.И., Савченко Е.И. Новый могильник скифского времени на Среднем Дону (итоги исследований 1996–1997 гг.) ... 4 115
Гусев С.А. К вопросу о транспортных средствах трипольской культуры ... 1 15
Гутнов Ф.Х. Социальная история скифов Северного Кавказа ... 1 54
Деревянко А.П., Маркин С.В. Палеолит северо-запада Алтая-Саян ... 4 17
Джумабекова Г.С. Бронзовая курильница из Семиречья ... 2 123
Жилина Н.В. Стили и технология древнерусской зерни и скани ... 3 75
Заднепровский Ю.А., Бушков В.И. Предметы кочевников эпохи раннего железа в Эйлатанском районе Ферганы ... 3 136
Захарук Ю.Н. Наука – ученый – научное сообщество ... 2 197
Заднепровский Ю.А. Городище Мады (некоторые итоги историко-археологического изучения) ... 1 162
Закурина Т.Ю. Железообрабатывающий комплекс в Среднем городе Пскова ... 3 123
Итина М.А. Комплекс с янтарными бусами из Приаралья ... 2 164
Легранд С. Загадочный золотой предмет из кургана Передериева Могила ... 4 89
Канаш А.Д., Пугаченкова Г.А. Унгурликанский клад ... 2 149
Канторович А.Р. Изображения на скифских навершиях из кургана Слоновская Близница (стилистика и семантика) ... 4 78
Красовский И.С. О плане Десятинной церкви в Киеве ... 3 149
Коваль В.Ю. Предметы восточного импорта из Ростиславля Рязанского ... 2 177
Колызин А.М. Игрушки и игры XI–XVII вв. (по данным археологических исследований Московского Кремля) ... 2 113
Кореняко В.А. К проблеме происхождения скифо-сибирского звериного стиля ... 4 64
Кызласов И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. II. Древнейшие свидетельства о письменности ... 1 71
Кызласов И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. III. Древнейшие свидетельства о письменности ... 2 68

Лагутин А.Б. Погребение средневекового кочевника у села Прибрежное в Северо-Западном Крыму ... 3 156
Лихтер Ю.А. Стекло черняховской культуры ... 2 41
Мазуров А.Б. Основные итоги археологического изучения Коломны ... 1 91
Макаров Н.А., Захаров С.Д., Кирьянова Н.А. Палеоботанические материалы из Белозерья: к истории становления земледелия на северных окраинах Древней Руси ... 1 175
Макарова Т.Н. К 90-летию академика Бориса Александровича Рыбакова ... 2 3
Максимов Е.К. Николай Константинович Арзютов ... 2 194
Матвеев Ю.П. Антропоморфное изображение на сосуде срубной культуры ... 3 135
Медведев А.П. К вопросу о происхождении среднедонской культуры скифского времени (по материалам городищ) ... 2 22
Мерперт Н.Я. К семидесятилетию Рауфа Магомедовича Мунчаева ... 3 5
Мошеева О.Н. Гагатовые бусы в сарматских погребениях Нижнего Поволжья III–I вв. до н.э. ... 1 156
Никитенко Н.И. Начало освоения железа в белозерской культуре ... 3 36
Никонов А.А. Затопленные остатки античных сооружений по берегам Боспора Киммерийского (в связи с проблемой изменения уровня моря) ... 3 57
Отрощенко В.В. О культурно-хронологических группах погребений Потаповского могильника ... 1 43
Палагута И.В. К проблеме связей Триполья-Кукутени с культурами энеолита степной зоны Северного Причерноморья ... 1 5
Панова Т.Д. О некоторых керамических находках в культурном слое московского Кремля ... 3 167
Полин С.В. О хронологии раннескифской культуры (по И.Н. Медведской) ... 4 50
Патрик Сен-Рок . Современная христианская археология на Западе ... 2 202
Плетнева С.А. Михаил Илларионович Артамонов (к 100-летию со дня рождения) ... 4 202
Пряхин А.Д., Беседин В.И. Конская узда периода средней бронзы в восточноевропейской лесостепи и степи ... 3 22
Седов В.В. Белорусское Подвинье и Смоленское Поднепровье в период великого переселения народов ... 2 54
Сергацков И.В. Сарматское погребение с римским импортом в низовьях Иловли ... 4 150
Сериков Ю.Б. Геометрические микролиты Среднего Зауралья ... 1 117
Сидоров В.В., Энговатова А.В. Знаки и орнаменты на изделиях со стоянок Заболотского озера ... 1 126
Смирнов К.А. Верховая езда у племен дьяковской, городецкой и ананьинской культур ... 3 48
Соловьев С.Л., Бутягин А.М. Землянки на хоре Нимфея ... 2 138
Сыроватко А.С. Зооморфная фигурка с Протопоповского городища 2 ... 2 169
Трейстер М.Ю., Дмитриев А.В., Малышев А.А. Бронзовая статуэтка эллинистического правителя из раскопок поселения Мысхако под Новороссийском ... 4 160
Уткин А.В., Костылева Е.Л. К вопросу о культурной принадлежности погребений на стоянке Берендеево I ... 2 160
Флерова В.Е. Орнаментированные костяные изделия Саркела – Белой Вежи: проблема специализации ремесла ... 2 86
Формозов А.А. Русские археологи и политические репрессии 1920–1940-х гг ... 3 191
Фролова Н.А., Савостина Е.А. Находки под стенами боспорской усадьбы: клад или строительная жертва? ... 1 140
Храпунов И.Н., Масякин В.В. Могила с двумя подбоями III в. н.э. из некрополя Дружное в Крыму ... 4 133
Хрушкова Л.Г. О Международных конгрессах по христианской археологии ... 2 207
Цоль-Адамикова Х. Наземные погребения с трупосожжением у славян в свете письменных и археологических источников ... 1 84
Чубур А.А. Верхнепалеолитическая стоянка Быки на Сейме (предварительное сообщение) ... 1 107
Щавелев С.П. Становление археологического интереса в России XVII века (ранние находки древностей в районе Курска в отражении приказного делопроизводства) ... 2 188
Энговатова А.В., Жилин М.Г., Спиридонова Е.А. Хронология верхневолжской ранненеолитической культуры (по материалам многослойных памятников Волго-Окского междуречья ... 2 11
Яблонский Л.Т. Модель раннего этногенеза в скифо-сакской контактной зоне ... 4 35
Яценко С.А. Сарматские погребальные ритуалы и осетинская этнография ... 3 67

Критика и библиография

Горбунов В.С. *Пряхин А.Д.* Мосоловское поселение эпохи поздней бронзы. Кн. первая. Воронеж, 1993; Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы. Кн. вторая. Воронеж, 1996 ... 2 225

Даркевич В.П. *Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. Смоленск, М., 1995 ... 1 212

Даркевич В.П. *Беляев Л.А.* Древние монастыри Москвы по данным археологии. М., 1994 ... 2 243

Жилин М.Г. *Козловская М.В.* Экология древних племен лесной полосы Восточной Европы, М., 1996 ... 1 199

Жилина Н.В. *Алексеев Л.В., Макарова Т.И., Кузьмич Н.П.* Крест – хранитель всея вселенныя. Минск, 1996 ... 4 221

Зайцева О.Е. Ганецкая И.В. Маеліка на Беларусі у XI–XVIII стст. Минск, 1995 ... 3 228

Клейн Л.С. Археологическая культура: теоретический анализ практики (вместо рецензии) ... 1 187

Кольцов Л.В. Тверской археологический сборник. Выпуск 1. Тверь, 1994; Выпуск 2. Тверь, 1996 ... 3 207

Колосов Ю.Г. Об исследователях палеолитической стоянки Староселье в Крыму ... 4 226

Кошеленко Г.А. *Bopearachchi O., Aman ur Rachman.* Pre-Kuschana Coins in Pakistan. Karachi, 1995 ... 3 214

Малышев А.А. Madrider Mitteilungen. N 32, 1991, Mainz; Madrider Mitteilungen. N 33, 1992, Mainz ... 1 203

Молчанов А.А. *Беляев Л.А.* Русское средневековое надгробие. белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М. 1996 ... 4 218

Молодин В.И. *Членова Н.Л.* Центральная Азия и скифы. 1. Датировка кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира. М. 1997 ... 4 223

Пятых Г.Г. *Пряхин А.Д.* Мосоловское поселение эпохи поздней бронзы. Кн. первая. Воронеж, 1993; Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы. Кн. вторая. Воронеж, 1996 ... 2 229

Русанова И.П., Тимощук Б.А. Еще раз о славянском языческом центре на реке Збруч ... 2 234

Седов В.В. *Леонтьев А.Е.* Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. М., 1996 ... 1 220

Седов В.В. *Adolfas Tautavicius.* Vidurinis gelezies amzius Lietuvoje (V–IX a.). Vilnius, 1996 ... 3 220

Сидоров В.В. *Цетлин Ю.Б.* Периодизация неолита Верхнего Поволжья. М., 1991 ... 1 194

Смирнов К.А. Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Межвузовский сборник научных трудов. Ижевск. 1995 ... 1 201

Смирнов К.А. *Агафонова Н.Н., Белавин А.М., Крыласова Н.Б.* Страницы истории земли Пермской. Прикамье с древнейших времен до начала XVIII века. Учебное пособие. Пермь. 1996 ... 3 211

Смирнов К.А. *Макаров Н.А.* Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М., 1997 ... 4 214

Уткин А.В. *Vasks A.* Brikulu nocietinata apmetne: Lubana zemiene velaja bronzas un dzelzs laikmeta (1000. g. pr. Kr. – 1000. g. pec. Kr.). Riga. 1994 ... 1 209

Хрушкова Л.Г. Correspondance de Giovanni Battista de Rossi et de Louis Dushesne (1873–1894). Etablie et annotee par Patrick Saint-Roch. Collection de l'Ecole Française de Rome, 205. Roma. 1995 ... 3 223

Шнирельман В.А. Наследие советской археологии. (Антология советской археологии. Т. 1–3. М., 1995–1996) ... 2 215

Хроника

Александров А.А., Белецкий С.В., Кирпичников А.Н., Лебедев Г.С., Лесман Ю.М., Овсянников О.В., Плетнева С.А., Плоткин К.М. Памяти Василия Дмитриевича Белецкого (1919–1997) ... 1 247

Белецкий С.В., Кирпичников А.Н., Лебедев Г.С. Ладога и Северная Европа. Вторые чтения памяти А.Д. Мачинской в Староладожском музее-заповеднике ... 1 227

Беляев Л.А., Чернецов А.В. Первая Всероссийская конференция "Церковная археология" (Псков, 1995) ... 2 252

Джорбенадзе В.А. Международная научная сессия "Археология Кавказа: новейшие открытия и перспективы" (Тбилиси, 1997) ... 4 233

Дычек П., Раев Б.А. Международная конференция "Нове и римляне на Рейне, Дунае, в Причерноморье и за границами империи" ... 2 248
Забела Г. Археология в Литве в 1991–1996 гг.: достижения и проблемы ... 3 237
Зиливинская Э.Д. Первый англо-российский археологический семинар "Проблемы фиксации в археологии" (Борнмут, 1997) ... 1 239
Исланова И.В., Кольцов Л.В. Четвертый семинар "Тверская земля и сопредельные территории в древности" (Тверь, 1997) ... 3 252
Крадин Н.Н. Бохайский симпозиум в Приморье (Владивосток, 1996) ... 3 247
Кулаков В.И. Коллоквиум "Протогородские центры Руси между Скандинавией, Византией и Востоком (VIII–X вв.)"(Париж, 1997) ... 4 239
Марковин В.И., Цетлин Ю.Б. Памяти Юрия Николаевича Захарука (1914–1997) ... 3 254
Моця А.П., Чернецов А.В. К 60-летию Петра Петровича Толочко ... 1 225
Памяти Марии Васильевны Фехнер (1909–1996) ... 4 242
Потемкина Т.М., Косарев М.Ф., Юревич В.А. Археоастрономия: проблемы становления (Международная конференция. Москва, 1996) ... 1 230
Сташенков Д.А. Международная археологическая конференция "Культура степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э." (Самара, 1995) ... 3 244
Столяр А.Д., Формозов А.А. Памяти Аскольда Александровича Щепинского (1926–1997) ... 4 245
Федоров-Давыдов Г.А. Памяти Светланы Алексеевны Яниной (1924–1997) ... 1 242
Седов В.В. Памяти Эльвиры Давыдовны Шноре (1905–1996) ... 1 245
Седов В.В. XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии (Петрозаводск, 1997) ... 4 231
Ставиский Б.Я. Памяти Лазаря Израилевича Альбаума (1921–1997) ... 4 249
Татауров С.Ф., Тихонов С.С. IV Всероссийский семинар "Интеграция археологических и этнографических исследований" (Новосибирск, 1996) ... 3 249
Шлеев В.В. Памяти Ивана Гавриловича Шовкопляса (1921–1997) ... 4 247

Указатель составлен *А.А. Малышевым*

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 124-34-42

Заведующая редакции *Е.В. Бубнова*

Технический редактор *Л.И. Глинкина*

Сдано в набор 08.07.98 Подписано к печати 02.09.98 Формат бумаги 70×100 1/16
Офсетная печать. Усл.печ.л. 20,8 Усл.-кр.отт. 24,0 тыс. Уч.-изд.л. 25,8 Бум.л. 8,0
Тираж 1139 экз. Зак. 4071

Отпечатано в типографии "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6